РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА АЗИАТСКОЙ РОССИИ

HISTORY OF THE COSSACKS OF THE ASIAN RUSSIA

ЕКАТЕРИНБУРГ — 1995

ИСТОРИЯ
КАЗАЧЕСТВА
АЗИАТСКОЙ РОССИИ

В трех томах

Главный редактор:
член-корреспондент РАН *В.В.Алексеев*

Главная редакционная коллегия:
д.и.н. *Н.А.Миненко* — зам. главного редактора
к.и.н. *И.В.Побережников* — ученый секретарь
к.и.н. *А.Р.Ивонин*, д.и.н. *В.Ф.Мамонов*,
к.и.н. *Н.И.Никитин*, к.и.н. *О.И.Сергеев*,
д.и.н. *А.Т.Топчий*

ЕКАТЕРИНБУРГ — 1995

ИСТОРИЯ
КАЗАЧЕСТВА
АЗИАТСКОЙ РОССИИ

Том первый

XVI — первая половина XIX века

Редакционная коллегия тома:

д.и.н. *Н.А.Миненко* — ответственный редактор
к.и.н. *И.В.Побережников* — зам. ответств. редактора
к.и.н. *М.Ю.Нечаева* — ответственный секретарь
к.и.н. *А.Р.Ивонин*, к.и.н. *Н.И.Никитин*

ЕКАТЕРИНБУРГ — 1995

История казачества Азиатской России. Т.1. XVI — первая половина XIX века. Екатеринбург: УрО РАН, 1995.

ISBN 5-7691-0540-2
ISBN 5-7691-0558-5 (т. 1)

Данная книга открывает трехтомное издание по истории казачества восточных регионов России: Урала, Сибири и Дальнего Востока. Первый том серии посвящен образованию восточно-российского казачества, его военной организации, взаимоотношениям казачества и государства; участию казаков в первоначальном освоении новых земель на Востоке России; роли казаков в военно-политическом и хозяйственно-экономическом освоении и развитии восточно-российских регионов. Существенное внимание в книге уделяется роли казачества в защите российских рубежей, участию во внешних войнах России XVII — первой половины XIX вв. Книга расскажет также о материальной и духовной культуре казачества.

Второй том посвящен истории казачества Азиатской России во второй половине XIX — начале XX века. Третий том повествует о судьбах казачества, начиная с периода революций и гражданской войны первых десятилетий XX века и кончая современностью.

Трехтомник адресован научным сотрудникам, преподавателям и студентам вузов, а также широкому кругу читателей.

Рецензенты:

доктор исторических наук *В.В.Рабцевич*,
кандидат исторических наук *В.И.Байдин*

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда национально-культурного возрождения народов России.

ISBN 5-7691-0540-2
ISBN 5-7691-0558-5 (т. 1)

И $\frac{10604—76(95)}{8П6(03)\ 1993}$ ПВ-1995

© Институт истории
и археологии УрО РАН, 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

В современной России наблюдаются тенденции возрождения естественных для нее государственных, социально-экономических, социокультурных структур, складывавшихся веками. Этот процесс затрагивает и казачество. Целый ряд факторов: изменение геополитического положения России, обострение межнациональных конфликтов и криминогенной обстановки в стране, трудности, которые переживают вооруженные силы, — превращают процесс возрождения казачества в государственно необходимое мероприятие.

На протяжении столетий важнейшей функцией казачества являлась государственная военная служба. Казаки были важной воинской силой и составляли в конце XIX в. 6,6% от численности российской регулярной армии (а на Дальнем Востоке эта цифра достигала даже 11%). Казаки — прирожденные воины — с детства усваивали азы воинского искусства, наследовали исторический опыт предшествующих поколений в военной области. Ратные подвиги казаков вплетали лавры в венок российской славы. Казачество сыграло выдающуюся роль практически во всех событиях военной истории страны XVI — XX вв. Покорение Сибири, освобождение в начале XVII в. Москвы от интервентов и избрание на царство Михаила Федоровича, Азовское сидение, борьба с кочевниками, войны с Турцией, Ираном, завоевание Кавказа, Туркестана, русско-шведские войны, Семилетняя война, Отечественная война 1812 г., Крымская, русско-японская, первая мировая война — все это не обошлось без участия казаков.

Примечательно, что у наших неприятелей ни об одном подразделении русской армии не было столь устрашающих представлений, как о казачестве. Одно слово "казак" наводило панику на врага. Прусский офицер и военный историк Карл фон Плото, описывая военные действия в начале 1813 г., отмечал, что лишь известие о приближении казаков вынудило войска Наполеона освободить правый берег Вислы. В известном смысле для Западной и

Центральной Европы в XVIII — XIX вв. казаки являлись символом русской армии, России.

Казачество обладало невиданным для других слоев населения мобилизационным потенциалом, превышавшим третью часть всего мужского населения, что превосходит даже мобилизационные мероприятия СССР в страшные 1941—1942 гг. В тяжкие дни жизни России казаки отдавали на ее защиту все свои силы. Яркие тому примеры — поголовное участие в Отечественной войне 1812 г. Донского войска, выставившего свыше 50 000 воинов, из которых погибло около 20 тыс.; в Крымской войне участвовало до 82 000 донцов, а в первой мировой — до 300 000 сабель и штыков (при том, что все население войска составляло около 1,5 млн. человек с женщинами и детьми).

Высокий воинский профессионализм, эффективность казачьих формирований России вызывали зависть соседей и даже попытки копировать у себя подобные подразделения. Персидский шах Наср-эд-дин шах Каджар, посетив Россию, был настолько восхищен казачьей джигитовкой на царском смотру, что просил императора Александра II прислать ему инструкторов для обучения иранских солдат этому искусству. Император дал согласие и командировал в Персию полковника Генерального штаба Домантовича с несколькими казачьими урядниками. В результате в 1879 г. была создана "Персидская казачья Его Величества шаха бригада", позже переформированная в дивизию, которая на протяжении многих лет являлась элитной частью иранской армии.

Велика была роль казачества в присоединении и освоении новых территорий на Востоке России, в защите рубежей Отечества; "живой изгородью" стояли они на границах России. История казачества есть история расширения Российского государства, его укрепления и строительства. Непрерывным поступательным потоком оно широко раздвигало границы и, как игла тянет нить, влекло за собой длинные вереницы русских людей — крестьян, промышленников, ремесленников. Дружина Ермака положила начало освоению "Азиатской России". В течение XVII в. казаки "подвели под высокую руку Русского царя" всю Сибирь. Десятки тысяч казаков надежно обороняли восточные рубежи Отечества, осваивали плодородные нивы и богатые недра, несли в таежную глухомань и суровую тундру православную веру и русскую культуру. Эффективность использования казачества в освоении восточных регионов государства объяснялась оптимальным сочетанием боевого и хозяйственного потенциала в военно-поселенных казачьих формированиях.

Постепенное присоединение Туркестана осуществлялось при активном участии уральских, оренбургских, сибирских казаков. Казаки — забайкальцы, амурцы, уссурийцы — составили первый эшелон переселенческого движения россиян на Дальний Восток во второй половине XIX — начале XX в.

Однако те же казаки на протяжении двух столетий — XVII и XVIII — шли в авангарде мощных антиправительственных выступлений ("Смута", Разинщина, Пугачевщина и др.), потрясавших основы государственного и социального порядка России.

Известная противоречивость, двойственность в истории казачества довольно рано привела к формированию в историографии полярных мнений по поводу роли и места казачества в российской истории. Для одних историков казаки стали авангардом революционного народа, для других — грабителями-кондотьерами. Одни исследователи писали о преданности казаков

престолу, другие — о демократических традициях самоуправления. Так, под пером А.И.Герцена, казаки превращались в "витязей-мужиков, странствующих рыцарей черного народа". А крупнейший историк XIX в. С.М.Соловьев характеризовал казаков как носителей антигосударственного начала, стремившихся жить за счет общества.

С возрождением казачества открывается возможность использования его созидательной силы и патриотической устремленности в современных условиях, что очень важно в образовавшемся политическом, экономическом, демографическом, да и стратегическом вакууме на востоке страны.

Необходимо при этом помнить, что в прошлом казачество являлось неотъемлемой составной частью государственного организма, и государство, по крайней мере в XVIII — начале XX в., играло исключительно важную роль в строительстве казачества. Оно формировало новые казачьи войска в "горячих точках" по мере возникновения государственной необходимости, неуклонно поддерживало и регулировало численный состав казачества, включало нередко в его состав представителей других сословий. Так, потребность усиления границы привела в 1748 г. к созданию по инициативе правительства Оренбургского казачьего войска; в 1851 г. было образовано Забайкальское войско, в состав которого помимо местных казаков вошли русские крестьяне, а также буряты и эвенки. В 1867 г. было сформировано Семиреченское войско, в 1858 г. — Амурское, в 1889 г. — Уссурийское. Правительство организовало массовые переселения на восток страны для укрепления восточно-российского казачества; при этом казакам-переселенцам предоставлялись разнообразные льготы: освобождение на ряд лет от земских и станичных повинностей; довольствие; ссуда на домообзаведение.

Если в целом по стране казачество составляло лишь 2-3% от общей численности населения, то в пограничных, неспокойных, крайне рискованных в военно-политическом отношении регионах удельный вес казачьего населения был значительно выше. Так, в середине XIX в. казачество составляло около 30% населения Забайкалья, более 50% населения юга Дальнего Востока (в Амурской области даже 85%). В конце XIX столетия на долю казаков приходилась почти четверть жителей Приамурского края.

Сегодня, когда границы России вновь проходят по казачьим регионам, а российская армия находится в сложной стадии реформирования, катастрофически теряет свою престижность служба офицеров, восстановление государственной воинской службы казачества позволило бы решить целый ряд проблем при создании профессиональной армии (казаки — готовые профессионалы), надежной пограничной стражи. Всяческого внимания заслуживает исторический опыт формирования правительством дополнительных казачьих войск, переселенческая политика и практика. Опыт ряда других стран показывает, что и сегодня сохраняются военизированные структуры, напоминающие российское казачество — национальные гвардии, территориальные войска гражданской обороны, военные поселения, охрана границ местным населением. Реальное воссоздание казачества и его структур при постоянном внимании со стороны государства может послужить фактором стабильности и порядка в стране.

В историческом прошлом казачество сформировалось из вольных, свободолюбивых элементов русского народа, не мирившихся с административным, помещичьим произволом, религиозными гонениями, нередко принимавших участие в стихийных антиправительственных бунтах и мяте-

жах. Однако со временем казачество из буйной вольницы превратилось в неотъемлемую часть Российского государства, стало верным рыцарем России, исполненным здоровым национально-патриотическим чувством, глубочайшей преданностью Отечеству. Воинские достоинства казаков усиливались наследственностью, и готовность жертвовать во имя Родины была доведена до высшей степени. Да и в наши дни казачество является, пожалуй, единственной многочисленной общностью, способной сплотить все патриотические, государственно мыслящие силы страны, поставив их на службу не отдельным партиям или личностям, а делу возрождения России.

Эффективным инструментом демократизации страны может стать организация действенного, представительного местного самоуправления. И в этом плане исторический опыт казачьего самоуправления представляет немалую ценность. Казаки не знали крепостного рабства. Органическими чертами их психологии были чувство внутренней свободы и любовь к порядку, дисциплине, сформированная суровой действительностью, необходимостью быть постоянно в боевой готовности. Если равенство и братство не были реальностью в казачьей общине, то, по крайней мере, они являлись идеалом, к которому казаки стремились. Это позволило им выработать своеобразные формы народоправства, осуществляемого через войсковые и станичные круги, выборных атаманов, ответственных перед своими избирателями.

Весомый вклад внесло казачество в развитие культуры и науки. Выходцами из донского казачества были Д.И.Иловайский — историк, автор многочисленных исследований и учебников дореволюционной России; П.Н.Краснов — генерал от кавалерии, донской атаман, известный писатель; кубанский казак Ф.А.Щербина — талантливый экономист, статистик, историк, писатель. Уральское казачество дало стране Н.А.Бородина, ихтиолога, исследователя Уральского края, экономиста и историка; И.И.Железнова — писателя, фольклориста, историка. Выходцами из оренбургского казачества были писатель С.И.Гусев-Оренбургский; экономист, автор программы муниципализации земли П.Маслов. Сибирские казаки: Г.Н.Потанин — известный путешественник, этнограф, фольклорист, общественный деятель; Г.Е.Катанаев — генерал-лейтенант, географ, историк Сибирского казачьего войска, почетный член Сибирского отделения Российского географического общества и многие другие.

Историческое, духовное, культурное возрождение казачества, восстановление этнической самобытности казачества, корневой связи с землей, историей, культурой немыслимо без опоры на исторический опыт, знания традиций и особенностей исторического развития казачества, его самосознания. Это обусловливает потребность в исследованиях исторического прошлого.

Огромную роль в истории России сыграли казаки восточных регионов Урала, Сибири, Дальнего Востока, в начале XX в. включавшие более четверти всего казачества России и ныне составляющие его значительную часть. Данная книга является первым томом трехтомного обобщающего исследования по истории казачества Азиатской России, подготовленного в Институте истории и археологии УрО РАН. В работе представлена широкая панорама жизни и быта вольных казачьих общин, служилого казачества Уральского, Оренбургского, Сибирского, Забайкальского, Амурского, Уссурийского войска от зарождения казачества до современности, в том числе

и история казачества в эмиграции. Она не только обобщает исследования по истории казачества восточных регионов России, но и по новому, на широкой источниковой базе решает многие исторические проблемы.

Структура исследования отражает главные этапы отечественной истории и истории собственно казачества: первый том охватывает период становления и развития казачества с XVI до середины XIX в.; второй том — от реформ 1860-х—1870-х гг. до Октябрьской революции; третий том посвящен истории казачества в XX столетии — от революции до современности.

В первом томе освещается история казачества Урала, Сибири, Дальнего Востока феодального периода. Почти трехсотлетний период истории разбит на два этапа, гранью между которыми является начало XVIII в. — время перехода государства к политике активного подчинения вольного казачества и превращения его в нерегулярный компонент вооруженных сил империи. История материальной и духовной культуры излагается для всего периода в целом.

В монографии рассказывается об образовании восточно-российского казачества, его военной организации, взаимоотношениях казачества и государства. В нем освещен огромный вклад казаков в первоначальное освоение новых земель на востоке России, показан процесс заселения территории, ее военно-политического и хозяйственно-экономического освоения. Существенное внимание уделяется роли казачества в защите российских рубежей, участию казаков Урала и Сибири во внешних войнах России XVII — первой половины XIX в.

Широко освещаются вопросы материальной и духовной культуры, общественно-политического сознания урало-сибирского казачества. Проанализированы грамотность и письменность казаков, производственная и бытовая культура, семейная обрядность, взаимоотношения казачества и церкви.

Во втором томе исследуются история казачества восточных регионов в пореформенной России и в период начала XX в. — накануне глобальных потрясений. Проанализирован процесс образования новых казачьих областей на Востоке страны. Исследованы проекты реформ и их реализация в казачьих областях в 60—70-х гг. XIX в. — изменение в связи с этим военной организации казачества, системы управления и землепользования. Дается комплексная количественная и качественная характеристика казачества, его численность и размещение, демографический и этнический состав, сословно-социальная структура, экономическое положение и хозяйственные занятия. Интересны страницы, посвященные участию казачества в войнах России второй половины XIX — начала XX в.: русско-турецкой, русско-японской, первой мировой войне. Освещены культура и быт казачества, влияние революций начала XX в. на общественное сознание и мировоззрение казаков.

В третьем томе исследуется история казачества в советский и постсоветский периоды. В первой части монографии центральное внимание уделяется положению и настроениям казачества накануне и в период Октябрьской революции, процессу установления советской власти в казачьих областях на востоке России; политике советской власти по отношению к казакам. В книге рассмотрена трагедия гражданской войны: раскол казачества и начало братоубийственной бойни; формирование белых казачьих армий, красного казачества; взаимоотношения казачества с белыми

правительствами Востока России; поражение белоказачьего движения. Показаны положение казачества на советской территории после гражданской войны, ликвидация казачьего сословия. Существенное внимание уделено судьбам казачьей эмиграции и проблемам современного движения за возрождение казачества.

Авторский коллектив и редколлегия многотомника надеются, что он найдет заинтересованного читателя, будет способствовать возрождению величия России, а ее общественность получит новое, современное издание об одной из самых существенных и ярких страниц нашей великой и трагической истории.

Член-корреспондент РАН
В.В.Алексеев

ВВЕДЕНИЕ

Появление на Руси казачества относится к древним временам. Н.М.Карамзин полагал, что это, вероятно, произошло еще до "Батыева нашествия"; "сие имя, — писал он о казаках, — означало вольницу, наездников, удальцов"[1]. Происхождение казачества и самого слова "казак" интересовало многих исследователей. По мнению В.И.Даля, "казак" скорее всего надо производить от среднеазиатского *казмак* — "скитаться, бродить"[2]. Несколько иное объяснение давал В.Н.Татищев: "Казак, татарское кайсак — отпадший, ушлец"[3]. "Как обыкновенно бывает в странах колонизующихся, — замечал С.М.Соловьев, — усевшаяся часть народонаселения, предавшаяся постоянному труду земледельческому, выделяет из себя людей, которых характер и разные другие обстоятельства... заставляют выходить из общества и стремиться в новые, незанятые страны"[4]. Из этих людей, по утверждению историка, и формировалось главным образом казачество.

Ряд отечественных историков усматривает прообраз казаков в бродниках — славяно-русском населении причерноморских степей. В XI—XIII вв. бродники, организованные в общины-"вольницы", обживали Великую Степь. В русских летописях они впервые упоминаются под 1146 г. Военно-промысловые вольницы имели внутреннее самоуправление, возглавлялись "старыми" и воеводами. Жили бродники и оседло, и полуоседло, занимались земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством, возможно, также торговлей и ремеслами, разбойничали на воде и на суше. Население причерноморских степей издавна находилось в тесном контакте, свидетельством чему является общность их культуры. И вероятно, бродники были связаны с такими племенами Кавказа, как касоги, ясы, зихи. Средневековый византийский автор Константин Багрянородный называл касогов "казаками", в арабских рукописях они именуются "кашаками". Касоги, как и бродники, совершали набеги, пиратствовали на Черном море, служили наемниками у русских князей и византийских императоров, поэтому неудивительно, что их часто смешивали. К тому же в тюркских языках *каз* означает "бродить", и слово "бродник" звучало как "казак".

Монголо-татарское нашествие заставило бежать с насиженных мест многие народы. Бродники ушли, по всей видимости, на Северный Кавказ, который монголы покорить так и не сумели. Когда Золотая Орда пришла в упадок, потомки бродников — казаки, сохранившие свой язык и православ-

ную веру, вернулись на Дон и Днепр. В дальнейшем их вольные станицы пополнялись "изгоями" из самых разных мест[5].

Некоторые исследователи, однако, полагают, что первоначально "казаки" — это выходцы из разных орд, из самых низов татарского общества, едва ли не единственной привилегией которых была личная свобода. Именно их имел в виду Московский летописный свод конца XV в.: "Того же лета (1492 г. — Авт.) июня в 10-й день приходили татаровя ординские казаки... во Алексин на волость на Вошан и, пограбив, поидоша назад"[6]. Бежавшие в южно-русские степи из России и Украины холопы и крестьяне, собираясь в отряды, по примеру татар тоже стали называть себя казаками. "Создавались ли славянские казацкие отряды по образцу татарских, вытеснял ли славянский элемент татарский в вольных степных отрядах, или, может быть, происходило и то и другое — обо всем этом источники сообщают скупо", — пишет историк А.Л.Станиславский. Он приводит, в частности, характеристику донского казачества, которую дал в свое время подъячий Посольского приказа Григорий Котошихин: "А люди они породою москвичи и иных городов, и новокрещеные татаровя, и запорожские казаки, и поляки, и ляхи, и многие из них, московских бояр, и торговые люди, и крестьяне, которые приговорены были к казни в розбойных и в татиных и в иных делех, и, покрадчи и пограбя бояр своих, уходят на Дон..."[7].

Первые страницы истории казачества читаются с большим трудом. История эта — неотъемлемая часть истории нашей Родины; она драматична, сложна, противоречива, соткана из героического и трагического. Изучена она довольно слабо — немного можно назвать книг, вышедших в свет после 1917 г. и специально посвященных казачеству. Свою роль сыграли некоторые ложные идеологические посылки, в частности, концепция казачества как реакционной в целом силы, как своеобразного опричного войска — опоры царизма; в подавляющей массе казачество было отнесено к лагерю "врагов народа", "эксплуататоров": секретная директива ЦК РКП (большевиков) от 25 января 1919 г. требовала провести по отношению к казакам "беспощадный массовый террор".

Начавшееся в последние годы освобождение нашего сознания и духа открывает возможность взглянуть на прошлое без идеологических шор, отказаться от стереотипов гражданской войны. По-новому должна быть осмыслена и история российского казачества. Необходимость в этом, помимо прочего, обусловлена развернувшимся движением за духовное, культурное и хозяйственное возрождение казачества. Последнее возможно только на основе знания фактов истории российских казаков, понимания их роли и места в структуре общества, культурных традиций.

Известно, что казачество никогда не было однородной массой. В старые времена выделялись казаки вольные и служилые; служилые, в свою очередь, делились на несколько групп — в зависимости от происхождения, условий службы и материального обеспечения (сторожевые, полковые, верстанные, беломестные и т.д.). В дальнейшем происходит формирование отдельных казачьих войск. Академик П.В.Волобуев указал на необходимость изучать "историю казачества не вообще, а всех одиннадцати казачьих войск, насчитывавшихся в начале XX в., объединенных общностью судьбы и, вместе с тем, отличающихся известным своеобразием"[8]. Свою специфику и черты общности имело казачество отдельных регионов и провинций. Са-

мостоятельным предметом исследования, безусловно, является, в частности, казачество Урала и Сибири (включая Дальний Восток).

В XVI в. происходила консолидация мелких групп казаков в более крупные; на базе этнообразований русских между Доном и Волгой складывается собственно русское казачество. Этот процесс совпал по времени с началом активной колонизации русскими восточных пространств. К 80-м гг. XVI в. уральские владения России ограничивались обширным Камско-Печорским краем, издавна известным под названием Перми Великой ("Бяху же ту древеса велики и многоветвенны", — писал составитель "Жития" Трифона Вятского; земледельцу приходится "лес сещи, сеяния ради хлебного" и "подсеку... огнем... попаляти"). Сибирь только с началом похода Ермака готовится перейти под руку московского "белого царя". Проводниками русской колонизации восточных регионов стали казаки. Поход Ермака заложил основу Сибирского казачества. По словам автора XIX в. Г.Е.Катанаева, к востоку от Урала казакам "выпала трудная и почетная (хотя и не всегда видная) роль пионеров всяких начинаний и мероприятий правительства по расследованию, занятию, покорению, умиротворению и устройству необъятной Сибири с ее многоязычным населением"[9].

В росписи, составленной скорее всего в Москве со слов одного из сподвижников Ермака Черкаса Александрова, утверждалось, что в Сибирь ермаковцы пришли с Яика: "А приход ермаков с товарыщи в Сибирскую землю с Еика..."[10]. Атаманы Иван Кольцо и Богдан Барбоша вместе воевали на Волге с ногайцами, "шарпали" купеческие суда; вскоре Кольцо вместе с Ермаком двинулся на Сибирское ханство, а Барбоша принял активное участие в строительстве Яицкого казачьего войска. У родоначальников сибирского и уральского казачества была общая родословная. В дальнейшем пути их разошлись: яицкие казаки остались вольными, а сибирские оказались зачисленными на государеву службу. Тем более интересно параллельно рассмотреть историю этих двух групп казачества.

Урало-сибирское казачество составляло довольно представительный по численности отряд в составе российских нерегулярных войск. Например, по ведомости Военной коллегии в 1724 г. в сибирских городовых командах служило 8728 чел., в крепостях по Иртышу — 777 чел., в Яицком войске — 3195 чел.; в то же время донских казаков насчитывалось 14266, гребенских и терских — 500. В 1853 г. во всех казачьих войсках было 81476 чел., в том числе в Оренбургском войске 4849, в Уральском 4912, в Сибирском линейном 12155, в Забайкальском 1492, в сибирских городовых полках 1288. Общая численность казаков Урала и Сибири составляла, таким образом, 24596, то есть едва ли не треть от всего количества[11]. Определяя долю казачества в составе населения Урала и Сибири, надо учитывать и членов казачьих семей. В 1858 г. возникло Амурское казачье войско, в 1889 г. — Уссурийское. К 1911 г. только в Сибири проживало 675 тыс. чел., относимых к казачьему сословию[12].

Многие историки, российские и зарубежные, в той или иной степени затрагивали различные проблемы истории казаков Урала и Сибири XVI — середины XIX в. Уже в XVII в. зарождается историография "сибирского взятия"; авторами работ (среди них выделялась по своему уровню "История Сибирская" тобольского сына боярского С.У.Ремезова) были подробно рассмотрены обстоятельства похода дружины Ермака, участия казаков в строительстве первых русских сибирских городов и острогов, налаживания ими

мирных отношений с коренным населением Сибири[13]. Эта тема нашла свое продолжение в сочинениях историков XVIII в. и прежде всего Г.Ф.Миллера, И.Э.Фишера[14]. Г.Ф.Миллер, перу которого принадлежала первая капитальная работа по истории Сибири, изучал многие вопросы жизни и деятельности казачества: его происхождение (он, например, считал, что яицкие и сибирские казаки имели свои корни на Дону), роль в присоединении и освоении Сибири, ее "географическом открытии" и пр. Им был собран и отчасти введен в научный оборот огромный документальный материал по ранней истории сибирских казаков. С миллеровскими материалами был хорошо знаком И.Э.Фишер, использовавший их при написании своей "Сибирской истории". И.Э.Фишер специально останавливался на проблеме взаимоотношений Ермака и его сподвижников с московским государем. Ермак, по его мнению, стал героем российской истории прежде всего потому, что передал завоеванную страну царю. Только тем этот "вор" вернул себе утраченную честь, и его смерть была оплакана как смерть героя, отдавшего свою жизнь за Отечество.

Интересны наблюдения И.Э.Фишера относительно содержания термина "казак" (для него это слово обозначало не просто этническую общность, а определенный тип образа жизни), состава восточно-российского казачества и его функций.

Большое значение имели труды краеведов и таких ученых путешественников XVIII — начала XIX в., как Д.Г.Мессершмидт, И.Г.Гмелин, С.П.Крашенинников, И.П.Фальк, П.С.Паллас, И.И.Лепехин[15]. Путешественникам во время их поездок по Уралу и Сибири удалось собрать интересные фактические сведения, в том числе о культуре и быте яицких, оренбургских и сибирских казаков. Из краеведческих сочинений особо стоит отметить работы первого члена-корреспондента Российской академии наук П.И.Рычкова, свидетеля и активного участника событий, связаных со строительством Оренбурга и крепостей Оренбургской оборонительной линии. Он использовал не только личные впечатления, но и архивные документы, изучал местные предания. Появление первых казаков на Яике, расселение оренбургских и яицких казаков, их хозяйственные занятия, военная служба — все это получило отражение на страницах "Истории Оренбургской" и "Топографии Оренбургской" П.И.Рычкова.

Некоторых сторон истории казачества Урала и Сибири коснулись в своих трудах такие маститые историки, как Н.М.Карамзин, С.М.Соловьев, Н.И.Костомаров, В.О.Ключевский. Более всего их занимала при этом "сибирская эпопея" Ермака. Однако уделили они внимание и другим сюжетам: формированию Яицкого войска, складыванию взаимоотношений казаков с властями, событиям на Яике, связанным с восстанием С.Т.Разина и пр. В специальном очерке "Сибирские землеискатели XVII века" Н.И.Костомаров охарактеризовал участие казачества в географическом обследовании Сибири[16].

Об участии казаков в "приобретении" Сибири писали также П.А.Словцов, П.И.Небольсин, С.С.Шашков, Н.М.Ядринцев, С.А.Адрианов и др.[17] Одним из первых П.А.Словцов проанализировал участие казачества в первоначальном заселении и хозяйственном освоении зауральских пространств. Он поставил вопрос о служилом землевладении, отметив свободное распоряжение казаками надельными землями. Много ценных конкретно-исторических сведений о численности, положении и деятельности сибир-

ских служилых людей в первой половине XVII в. привел в своих работах П.Н.Буцинский[18]. Н.Н.Оглоблин на основе архивных материалов XVII в. описал выступления служилых людей против воеводской администрации[19]. Н.А.Абрамов и П.М.Головачев попытались выяснить социальный статус таких категорий служилых людей, как сибирские дворяне и дети боярские. Они пришли к выводу, что последние не относились к так называемым служилым людям "по отечеству" и не отличались принципиально от рядовой служилой массы[20].

Во второй половине XIX — начале XX в. появляются труды и публикации ценных материалов, подготовленные представителями "казачьей историографии". В частности, выходят в свет работы Г.Н.Потанина, выпускника Омского кадетского корпуса, довольно рано, правда, поменявшего казачье седло на университетскую скамью (вышел в отставку в чине хорунжего)[21]. Г.Н.Потанин приобрел широкую известность как ученый-путешественник и общественный деятель, писатель-публицист. П.П.Семенов-Тянь-Шанский, познакомившись с молодым Г.Н.Потаниным, писал: "Один из них, родом казак, поразил меня не только своей любознательностью и трудолюбием, но и необыкновенной, совершенно идеальной душевной чистотой и честностью своих убеждений"[22].

Г.Н.Потанин описал хозяйственную деятельность, материальную культуру, семейный быт казачьего населения бассейна Иртыша и Алтая. Им же был собран и опубликован богатый материал, характеризующий верования казаков, праздники и развлечения, устное творчество. Исследования Г.Н.Потанина в основном относились к материалам середины XIX в. История сибирского казачества более раннего времени нашла отражение в документах, выявленных им в Омском областном архиве и штабном архиве Западно-сибирских войск. Сборник этих документов вышел в свет в 1867 г.

В 1862 г. Г.Н.Потанин побывал у уральских казаков (путешествовал по Уралу до Гурьева-городка), изучал уральскую казачью общину, которая стала предметом нескольких его статей.

Большой статистический материал о службе сибирских линейных казаков, их хозяйстве, быте, войсковых капиталах, грамотности был введен в научный оборот Ф.Н.Усовым, войсковым старшиной, выполнявшим задание Главного Управления казачьих войск[23]. Ценные данные о сибирских казаках опубликовал П.Золотов[24]. Н.Г.Путинцев подготовил к печати своеобразную летопись Сибирского казачьего войска[25]. Как правило, казачьи историки мало занимались анализом приводимых фактов, избегали теоретических обобщений. В этом плане положительно выделяются труды Г.Е.Катанаева и А.П.Васильева, хотя и в них преобладает описательность[26].

Общая слабость "казачьей" историографии заключается в недостатке профессионализма, зачастую некритическом отношении к источникам. Целый цикл работ был подготовлен офицерами и чиновниками Оренбургского и Уральского казачьих войск[27]. Значительная часть их носила характер статистических описаний, производившихся по заданию центральных военных и хозяйственных ведомств. Ранней истории уральского казачества более всего внимания уделялось в книге А.Б.Карпова "Уральцы" Он писал эту книгу по заданию местного войскового начальства; она предназначалась для семейного чтения и изучения в войсковых школах. Вместе с помощниками за счет средств войскового хозяйственного правления А.Б.Карпов работал в

столичных архивах, мобилизовал значительный круг архивных источников. Исследование А.Б.Карпова было доведено до 1725 г.

Работы другого казака-историка И.И.Железнова, тоже посвященные Уральскому войску, явились результатом его собственной инициативы и основывались главным образом на личных наблюдениях. Эти работы заметил и положительно оценил Н.А.Добролюбов. И.И.Железнов в 1840-х гг. служил в различных районах Уральской области. Он внимательно изучал быт, обычаи, верования казаков; записывал казачьи песни, предания, легенды. Немало, в частности, песен и преданий о Пугачевщине услышано им из уст ближайших родственников участников пугачевского восстания — сыновей, племянников. В числе информаторов И.И.Железнова были и живые свидетели Пугачевщины (он, например, называет М.М.Бакирова, которому "во время Пугачевского бунта было 18 лет от роду"). В 1853—1862 гг. Железнов служил в Москве, в Московском сводном казачьем полку, но в 1858 г. совершает поездку на Урал — специально с целью сбора казачьего фольклора. На основе материалов этой поездки, а также прежде собранных И.И.Железнов издает "Предания и песни уральских казаков" и "Сказания уральских казаков".

И.И.Железнов работал также в архивах Москвы и Уральска. В комментариях к преданиям, легендам и песням он нередко приводит исторические справки, основанные на архивных документах. Использовал он и труды предшественников. Так, в одном из писем к историку М.П.Погодину И.И.Железнов просил достать для него книгу А.И.Левшина "Историческое и статистическое обозрение уральских казаков" (1823 г.), без которой, как он пишет, "при трудах моих обойтись решительно невозможно"

Архив И.И.Железнова, оставшийся после его самоубийства в июне 1863 г., содержал свыше 1500 листов исторических документов, дневников, писем, а также полевых записей, путевых этнографических заметок, фольклорных текстов. Часть этих материалов была позднее опубликована в 38 номерах газеты "Уральские войсковые ведомости" Бумаги Железнова использовал В.Н.Витевский, автор книги "И.И.Неплюев" (Казань, 1891), правда, без ссылок на них[28].

И.И.Железнова как историка особенно интересовали происхождение уральских казаков, история старообрядчества в войске, Пугачевский "бунт" и его предпосылки, прошлое уральской казачьей общины, борьба казачества за сохранение своих исконных вольностей. Общавшиеся с ним писатели, ученые (А.Н.Островский, С.В.Максимов, М.И.Семевский и др.) отмечали "светло-русский ум" казака, его горячую любовь к родным местам и людям, честность, огромное трудолюбие. И.И.Железнов был бескомпромиссным защитником старины, самобытности казачества, противником тех нововведений, которые отстаивала прогрессивная офицерская молодежь, и это наложило отпечаток на концептуальную основу его сочинений. Современное ему "блестящее казацкое офицерство" И.И.Железнов тенденциозно называл "отравой или ртутью", идеализировал прежние порядки на Яике (Урале). Он не мог приветствовать новшества, которые вводил в войске наказной атаман А.Д.Столыпин (который, по словам Г.Н.Потанина, был "либерал и сочувствовал реформам Александра II"). Когда А.Д.Столыпин предложил И.И.Железнову написать "Историю уральского казачьего войска", тот отказался, чтобы "не жертвовать своими взглядами и убеждениями". Однако нет оснований сомневаться в справедливости слов

В.Г.Короленко, изучившего и работы, и архив казака-краеведа, который назвал И.И.Железнова "выдающимся уральским исследователем и знатоком старины"[29]. И.И.Железнову посвятили свои биографические работы два других казачьих историка — Н.Ф.Савичев и Н.А.Бородин[30].

Из трудов оренбургских войсковых офицеров следует выделить "Историческую записку об Оренбургском казачьем войске", составленную советником войскового хозяйственного правления полковником П.И. Авдеевым — первую работу, последовательно и довольно подробно излагавшую историю Оренбургского войска с 30-х гг. XVIII в. до 1870 г. Особое внимание автор уделил линейной службе казаков, походам в Туркестан. П.И.Авдеев использовал личные воспоминания, предания и "сказания" очевидцев, документы войскового архива, сочинения Рычкова, Карамзина, "Историю пугачевского бунта" А.С.Пушкина и др.

Четыре работы подготовил к изданию войсковой старшина Ф.М.Стариков, который выполнял в данном случае поручения войскового штаба. Ф.М.Стариков также пользовался трудами предшественников, личными наблюдениями, архивными источниками из фондов Оренбургской войсковой канцелярии, штаба Оренбургского отдельного корпуса, Военной коллегии, Московского отделения архива Главного штаба. Он коснулся проблемы происхождения оренбургского казачества, военных походов и боевых отличий казаков, "средств народного благосостояния", медицинского дела, образования и пр. Останавливаясь на событиях Пугачевщины, Стариков заключал, что "оренбургские казаки все время мятежа оставались верными царю и отечеству".

В конце XIX в. оренбургскими офицерами была начата большая работа по выявлению в местных архивах и публикации документальных материалов по истории Оренбургского казачьего войска. Вышло, в частности, 12 выпусков "Материалов по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска" (Оренбург, 1903—1915 гг.). В них содержались не только собственно материалы, но и оригинальные исторические сочинения. Архивные документы и статьи казачьих историков публиковались также в "Трудах" учрежденной в 1887 г. Оренбургской ученой архивной комиссии.

В 1902 г. вышел в свет многотомный труд "Столетие военного министерства", XI том которого был посвящен истории казачьих войск России. Книга эта явилась своеобразным итогом разработки проблем истории казачества, в том числе восточных регионов страны, в дореволюционный период[31]. К сожалению, в работе отсутствует единая концепция. Авторы тома — офицеры Главного Управления казачьих войск — в хронологической последовательности изложили историю казачества, при этом почти не затрагивая ни общественных, ни экономических вопросов.

В целом дореволюционная историография казаков Урала и Сибири сохраняла любительский характер — профессиональные историки занимались изучением их прошлого очень мало, фрагментарно. После октября 1917 г. тема истории казачества восточных регионов Российского государства в качестве специальной надолго практически перестает изучаться. Показательно, что в обобщающих трудах по истории Сибири и Урала[32] казачеству не нашлось места. Вышли в свет коллективные монографии по истории крестьянства и рабочего класса Сибири, но нет подобных работ о служилом населении региона. Советские сибиреведы и ураловеды касались истории казачества, как правило, попутно, в связи с разработкой других тем.

Большое внимание, в частности новейшая историография, уделила проблемам присоединения уральских земель и Сибири к Российскому государству, их первоначального заселения русскими, хозяйственного развития. Поскольку в этих процессах активное участие приняли служилые люди конца XVI—XVII в., они попадают на страницы работ С.В.Бахрушина, В.И.Шункова, З.Я.Бояршиновой, В.Н.Шерстобоева, В.А.Александрова, А.Н.Копылова, А.А.Преображенского, О.Н.Вилкова, Ф.Г.Сафронова, П.Н.Павлова, Г.А.Леонтьевой, В.Н.Курилова, А.А.Люцидарской, Н.Ф.Емельянова и других специалистов, исследовавших демографические, социальные и экономические аспекты русской колонизации Зауралья и Сибири на первом ее этапе: в конце XVI—начале XVIII вв.[33] Важным событием стал выход монографии Н.И.Никитина "Служилые люди в Западной Сибири XVII века" (Новосибирск, 1988), в которой на большом архивном материале рассматривается динамика их численности в XVII в., изучаются вопросы комплектования и государственного обеспечения служилого люда, его функции и хозяйственные занятия. Автор пришел к выводу о необходимости признать служилого человека самой заметной фигурой в Сибири XVII в.

Исследователи выяснили, что после присоединения Сибири к России, в котором казачество сыграло решающую роль, сибирские служилые люди стали по своей численности важнейшей социальной категорией населения. Во многих районах Сибири вплоть до начала XVIII в. они доминировали над остальными социальными группами, в том числе крестьянами. В значительной своей части служилые люди существовали за счет собственного труда, занимаясь ремеслами, торговлей и земледелием.

Более углубленному пониманию политической и социальной сущности сибирского служилого "войска" XVII в., его отношения к центральной и местной власти способствовало появление монографий Н.Н.Покровского "Томск 1648—1649 гг. Воеводская власть и земские миры" (Новосибирск, 1989) и В.А.Александрова и Н.Н.Покровского "Власть и общество. Сибирь в XVII в." (Новосибирск, 1991). Авторы охарактеризовали служилую общину, "войсковую" организацию, проанализировали политическое общественное сознание служилых людей, их борьбу за свои права. "Важнейшая роль, которую играли сибирские служилые по прибору не только в военно-административной, но и в экономической жизни региона, — заключили историки, — обеспечила им доминирующее место в мирской, земской деятельности".

В работах Л.С.Берга, Д.М.Лебедева, В.Ю.Визе, В.Н.Скалона, М.И.Белова, А.В.Ефимова, В.А.Самойлова[34] было раскрыто участие служилых людей в обследовании новых земель на северо-востоке Азии. Авторы обобщили биографический материал о некоторых землепроходцах, полярных мореходах из казаков.

Только в 60-х гг. появляются публикации, специально посвященные сибирскому казачеству XVIII — первой половины XIX в. В 1963 г. В.И.Петров защитил в Москве кандидатскую диссертацию на тему "Социально-экономическое положение сибирского казачества в XVIII — первой половине XIX в.". Главное внимание он уделил линейным казакам. В статьях Н.В.Алексеенко[35] было показано участие линейных и городовых казаков, командируемых на южные оборонительные линии, в сельскохозяйственной колонизации Рудного Алтая, развитии торговых связей с казахами в XVIII — первой половине XIX в. Важной вехой в развитии

исторического сибиреведения стала публикация монографии М.М.Громыко "Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение" (Новосибирск, 1965). Хотя объектом исследования автора явилось преимущественно крестьянство, в книге приводились разнообразные сведения и о служилых людях: их численности, размещении, хозяйственной деятельности. М.М. Гро- мыко сумела зафиксировать тенденцию постепенного перехода значительной части военно-служилого элемента в число хлебопашцев и ремесленников. В дальнейшем она выступила со статьей о социальном статусе сибирского дворянства, впервые поставив вопрос о переходном характере этой группы служилых людей[36].

С 70-х гг. число публикаций о сибирском казачестве XVIII — первой половины XIX в. существенно увеличивается. Выходят в свет работы, посвященные казачеству северо-востока Азии, Среднего и Нижего Приобья, Прииртышья, Дальнего Востока, Приенисейского края, Забайкалья, городов Западной Сибири (Ф.Г.Сафронова, Н.Ф.Емельянова, Н.А.Миненко, Н.Г.Аполловой, Г.Ф.Быкони, О.И.Сергеева, А.Р.Ивонина, А.С.Зуева и др.).

О яицком (уральском) казачестве и Оренбургском войске историки писали главным образом в связи с изучением классовой борьбы в России и, в частности, крестьянских войн под предводительством Разина и Пугачева[37]. Появлялись, правда, популярные издания о прошлом "родного края", которые практически не обогащали историографию темы. Выделялись лишь по своему уровню работы Е.Н.Кушевой, В.Н.Дариенко[38]. В частности, чрезвычайно интересна статья В.Н.Дариенко о яицкой казацкой общине XVII — первой четверти XVIII в. Согласно выводу автора, эта община являлась своеобразным социальным коллективом, характеризующимся "многими специфическими чертами и в первую очередь развивавшейся уже к концу XVII в. сословно-кастовой структурой"

Высокой оценки заслуживают статьи Н.М.Щербанова, посвященные анализу фольклорно-этнографического наследия казаков-краеведов XIX в. И.И.Железнова и Н.Ф.Савичева[39].

Однако заметные позитивные сдвиги в изучении истории казачества Урала конца XVI в. наблюдаются лишь с начала 1990-х гг. Выходят в свет труды В.Ф.Мамонова, Г.В.Форстмана, В.С.Кобзова, учебное пособие для казачьих воскресных школ "История казачества Урала" (под ред. В.Ф.Мамонова), материалы научных конференций[40]. В работу активно включился организованый в 1988 г. Институт истории и археологии УрО РАН. По его инициативе с 1991 г. ведется подготовка трехтомной коллективной монографии по истории казачества Урала, Сибири и Дальнего Востока со времени зарождения и до современности.

Предварительные итоги работы над монографией, объединившей ученых из разных городов России, Украины, Казахстана и даже ФРГ, обсуждались на трех специальных конференциях: "Роль казачества в присоединении и освоении восточных районов Российского государства" (май 1991 г.), "Урало-сибирское казачество в панораме веков" (май 1992 г.), "Казачество на государевой службе" (май 1993 г.). Участие в обсуждении принимали представители казачьих войск и землячеств Москвы, Санкт-Петербурга, Дона, Кубани, Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Настоящий первый том охватывает период от зарождения казачества на востоке страны до середины XIX в. Верхняя хронологическая грань обосновывается тем, что в ходе реформ 60—70-х гг. XIX в. в жизни казачества

произошли существенные перемены (в землеустройстве и землепользовании, управлении, социальной структуре и пр.). Далеко идущие последствия имели законы 1868—1869 гг., разрешавшие, с одной стороны, всем желающим селиться на казачьих войсковых территориях и вступать в казачье сословие, а с другой — выписываться из казаков[41]. Сказалось, конечно, на казачестве и общее изменение ситуации в стране, связанной прежде всего с отменой крепостного права.

Территориальные рамки труда охватывают Сибирь в границах, обозначенных в пятитомной академической "Истории Сибири", то есть с включением русского Дальнего Востока, Урал в границах, указанных в "Истории Урала с древнейших времен до 1861 г.", с учетом того, что часть его восточных земель традиционно в историографии относится к Сибири[42] и некоторые районы Казахстана, входившие в свое время в войсковые территории Уральского и Сибирского казачьих войск. За Уральским войском, как известно, была закреплена та территория, которую казаки заняли сами и которая до их прихода оставалась незаселенной. Некоторые ученые из Казахстана утверждают, что российское правительство когда-то отняло у казахов-кочевников лучшие угодья в бассейне Урала и отдало их уральскому войску в награду за осуществленные им (в том числе у казахов) "колониальные захваты"[43]. Кстати, территория Уральского казачьего войска по съемке начала 1870-х гг. составляла 6458791 десятин, из них только 2011437 — удобных к хозяйствованию[44].

Между тем в капитальной монографии С.Е.Толыбекова[45], основанной на документах, содержится вывод: "До принятия подданства казахи не были обитателями долин рек Урала, Тобола, Иртыша. Впервые в 1785 г. хан Младшего джуза Нурали получил письменное разрешение (открытый лист) от оренбургского губернатора на зимовку на левом берегу Урала против Калмыковской крепости. Через год, в 1786 г., 17 старшинам с народом в количестве около 45 тыс. хозяйств позволили расположиться в зимнее время кочевьем на внутренней стороне Урала"

После революции все земли уральских казаков, как и часть прилинейной полосы Сибирского войска, были отданы советским правительством Казахстану.

Основным этническим компонентом казаков Урала и Сибири были русские. Казачьи формирования, правда, регулярно пополнялись представителями других народов, но они, как правило, быстро ассимилировались. Интересные тому примеры приводятся в книге Д.Я.Резуна "Родословная сибирских фамилий" (Новосибирск, 1993), многих других работах. Имелись, однако, в восточных регионах страны особые иноэтнические служилые подразделения: татарский, тунгусский, бурятские полки, Ставропольское калмыцкое войско, Башкиро-мещерякское войско. Состоящие в них "казаки" сохраняли свой язык, веру, культуру. Многих из этих служилых людей к казакам можно относить лишь условно. Не случайно во второй четверти XIX в. Башкиро-мещерякское войско, например, официально даже не входило в состав российских казачьих войск, а числилось в так называемых "инородческих" частях (как и Закавказский конно-мусульманский, Дагестанский конно-иррегулярный, Кавказский сводно-иррегулярный, Терский конно-иррегулярный полки, Крымский татарский эскадрон, команды лезгин и пр.). И казачьи и "инородческие" части относились к разряду иррегулярных войск[46]. Авторы "Истории казачества Урала" верно

подметили, что башкиры и мещеряки составили "военное сословие по образцу казачьего"[47]. Схожесть не означала тождества. А если присмотреться поближе к тем же четырем бурятским конным полкам, сформированным в 1764 г., то в организации их жизни и службы можно заметить больше сходства с Башкиро-мещерякским войском, чем с русскими казаками.

Поскольку авторы настоящего труда поставили своей целью не только проследить развитие организационной структуры восточно-российских казачьих формирований, охарактеризовать их служебные функции, социальный статус, экономическое обеспечение, участие в хозяйственном освоении новых земель и социально-политических конфликтах эпохи, но и реконструировать тот особый культурный тип россиян, который являло собой урало-сибирское казачество, установить определяющие черты его традиционного мировоззрения, основное внимание в книге уделено русским казакам. Вместе с тем там, где это требовалось для полноты картины, привлекались материалы и по нерусским "казачьим" подразделениям.

В томе обобщены многочисленные разработки конкретных тем по истории казачества Урала и Сибири XVI — середины XIX в. Источниковую базу исследования составили разнообразные опубликованные и архивные (из фондов центральных и местных хранилищ) материалы и документы, в том числе законодательные акты, статистические данные, судебно-следственные дела, деловая и частная переписка, мемуары, путевые дневники, историко-этнографические описания, записи фольклора, летописи и пр.

• • •

Разделы тома написаны следующими авторами:

Предисловие — В.В.Алексеевым.

Введение — Н.А.Миненко, Б.Б.Овчинниковой, У.Германном (ФРГ).

Глава 1. 1 — Н.И.Никитиным, В.Н.Дариенко; 2 — Н.И.Никитиным (использован материал, представленный В.Н.Дариенко); 3 — А.С.Зуевым, И.В.Побережниковым; 4 — Н.И.Никитиным, А.Р.Ивониным, И.В.Побережниковым, У.Германном (ФРГ); *5* — В.А.Ляпиным, В.Н.Земцовым.

Глава 2. 1 — А.Р.Ивониным; 2 — А.Р.Ивониным (использован материал, представленный В.Н.Дариенко); 3 — И.В.Побережниковым, А.С.Зуевым; 4 — А.С.Зусвым, А.Р.Ивониным (использован материал, представленный И.В.Побережниковым); *5* — И.В.Побережниковым (использован материал, представленный В.Н.Дариенко).

Глава 3. 1 — А.Р.Ивониным; 2 — А.Р.Ивониным (использован материал, представленный Н.И.Никитиным и В.Н.Дариенко); 3 — Н.А.Миненко; 4 — А.С.Зуевым, И.В.Побережниковым; *5* — А.С.Зуевым, В.И.Петровым (использован материал, представленный И.В.Побережниковым).

Глава 4. 1 — Н.А.Миненко; 2 — Н.А.Миненко; 3 — Н.А.Миненко; 4 — И.В.Побережниковым; *5* — М.Ю.Нечаевой.

Заключение — И.В.Побережниковым.

Иллюстративный материал подобран И.В.Побережниковым и М.Ю.Нечаевой.

В выявлении архивного материала приняли участие Ю.Г.Цапко и С.В.Шевченко.

ГЛАВА 1

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ КАЗАЧЕСТВА

1. Вольные казачьи общины на Яике. Служилые люди на Урале и в Сибири (конец XVI—начало XVIII в.)

Казачество на Яике начало формироваться в первой половине XVI в. Согласно преданию, первый отряд поселенцев под командованием Василия Гугни пришел на Яик между 1520 и 1550 гг. и насчитывал около 30 чел. Отряд В.Гугни появился в низовьях реки в поисках промысловых мест, удаленных от царских наместников и воевод, от набегов татарских войск, а также от опасностей большой волжской дороги, которая становилась все более оживленной и все более контролируемой. Отряд Гугни положил начало казачьей колонизации Яика, почти еще не освоенного в хозяйственном отношении.

Первые казаки пришли на Яик с Дона (сам Василий Гугня, по преданию, был донским казаком), "из иных городов" Руси, но большей частью — из великороссийских областей, лежащих по Волге. Казачья колонизация Яика происходила в условиях напряженной борьбы русского государства с татарами. После падения Казани и Астрахани главная опасность исходила от Крыма и ногайцев. Хотя Ногайская орда в XVI в. признала вассальную зависимость от Москвы, ногайские ханы, нарушая свои обязательства, совершали беспрерывные нападения на русские поселения. В 1571 г. ногайцы приняли участие в походе на Русь крымских татар; многие селения подверглись разгрому, была сожжена Москва. Через год крымцы и ногайцы предприняли новый совместный опустошительный набег на русские земли. На татарские погромы волжские казаки отвечали энергичными нападениями на ногайские улусы. В 1571—1572 гг. в отместку за сожжение Москвы казаки совершили налет на столицу Ногайской орды город Сарайчик. "Вольные" казачьи станицы, не являясь формально частью правительственной армии, фактически выполняли сторожевую службу на дальних рубежах русского государства, нанося болезненные уколы его противникам. Не без оснований, очевидно, ногайские мурзы признавались: "Только государь велит де

казакам у нас Волгу и Самару и Яик отняти, и нам де на сем от казаков пропасти: улусы наши и жен и детей поемлют"[1].

Московское правительство охотно опиралось на помощь вольного казачества в реализации своих внешнеполитических задач. Во время Ливонской войны казаки не только оберегали южные и восточные рубежи страны, но и участвовали в военных действиях (в штурме Полоцка, например, в 1563 г. участвовало до 6 тыс. служилых и вольных казаков), несли службу в Подмосковье, в прибалтийских землях. Но при этом "вольные" станицы ревниво оберегали казацкие обычаи и самоуправление; далеко не все действия казаков находили одобрение в Москве.

Жалуя казаков "добрых", московская власть вместе с тем беспощадно преследовала тех, кого считала "воровскими казаками" — кто грабил на Волге "государевы" и купеческие суда, послов, кто вопреки указам совершал набеги на сопредельные народы и страны, путая карты царской дипломатии и т.д. С массовым уходом тяглого (прежде всего крестьянского) населения "в казаки" правительство могло мириться лишь до времени — пока была велика угроза южным и юго-восточным рубежам страны от различных "орд". По приказу из Москвы снаряжаются экспедиции против "воровских казаков". С целью утверждения центральной власти на Волге здесь сооружается целая сеть русских крепостей: на Самаре и Уфе, на Царицином острове и Переволоки, Саратове острове и др.

Обстоятельства вынудили значительную часть вольных казаков прокладывать себе путь с Волги для нового места жительства — на Яик, где они могли бы создать свою общину по примеру тех, которые уже имелись в это время на Днепре и на Дону. Первоначальное движение казаков на Яик шло по трем дорогам: по Волге и Каспийскому морю, по р.Самаре и по р.Иргизу. При этом следует подчеркнуть, что дорога по Волге — Каспию была важнейшей и самой ранней. Что касается рек Самары и Иргиза, то на них еще с 1556 г. выставлялись заслоны из правительственных войск. В этих условиях для казаков исключительное значение приобретало устье Яика, куда можно было заходить с моря, и затем сравнительно безопасно двигаться вверх по реке. Однако его запирал находившийся там г. Сарайчик. Уничтожение Сарайчика, по мнению казаков, помимо прочего, содействовало бы развитию в низовьях Яика рыболовства. Земледелием казаки не занимались, полностью порвав с крестьянскими традициями своих предков[2]. В 1578 г. несколько казачьих отрядов объединили свои силы и, овладев городом, сожгли его. Некоторое время спустя волжские казаки нанесли еще несколько чувствительных ударов ногайскому князю Урусу. В одной из таких операций участвовал будущий "покоритель Сибири" атаман Ермак Тимофеевич. Москва, потерпев поражение в ходе Ливонской войны, не хотела расширения военного конфликта на южных границах. Действовавших в нижнем Поволжье атаманов объявили "врагами", поставленными вне закона. Высланные из Казани регулярные войска разбили на Волге тех казаков, которые после разгрома Сарайчика не остались на Яике. Казаки лишний раз убедились, что оставаться на Волге им небезопасно. Покинув ее берега, 540 человек во главе с атаманом Ермаком ушли к Строгановым, а затем в Сибирь. Другие перебрались на Яик и Эмбу. В эти годы на Яике и Эмбе появляются, по данным ногайских и турецких дел, "многие" казачьи городки[3]. Видимо, в большинстве своем эти городки первоначально не были постоянными поселениями.

Князь Урус в письмах к Ивану Грозному неоднократно требовал снести крупный город (600-700 человек населения), основанный яицкими казаками и доставлявший много беспокойства ногайцам. К сожалению, источники не позволяют точно определить его местонахождение. Этот город не мог быть построен казаками в среднем течении Яика, поскольку там находилось постоянное укрепление с царским гарнизоном. "Вольные" казаки прекрасно понимали опасность столь близкого соседства. Всего вероятнее искать первое крупное укрепление казаков в низовьях реки, где, кстати, до 40-х гг. XVII в. действительно существовала крупная казачья крепость на несколько сотен человек. В 1637 г. тайша Дайчин с несколькими тысячами калмыков и алтыульских татар пытался овладеть казачьим городам в устье Яика, но несмотря на энергичные усилия не смог этого сделать. Понеся большие потери, калмыки вынуждены были отступить[4].

Сохранились сведения и о других яицких казачьих поселениях. В 1630 г. в Самару пришли 11 казаков. В расспросах показали, что они зимовали в Белом городке, "а иные казаки по иным городкам". А.Б.Карпов считал, что Белый городок — это нынешний Уральск[5]. Однако из первых документальных сведений об Уральске видно, что казаки в то время называли его просто "Острог", "Яик-город" и "Городок на урочище Чаган" Белый городок был, видимо, одним из многих других казачьих поселений.

Те же казаки упоминали еще об одном городке — Соленом, который, судя по косвенным данным, скорее всего находился значительно южнее современного Уральска, где-то у Индерского озера. И именно это озеро с самых давних времен служило источником соли для казаков всего Яика.

В районе Индерского озера, в нескольких километрах от современного поселка Кулагино, у казаков имелось также поселение на Медвежьем острове, образованном Яиком и его притоками. Существовало еще поселение Богатое, недалеко от современного районного центра Гурьевской области — Ново-Богатинска.

Когда появились первые казачьи городки в среднем течении Яика, сказать трудно. Об их существовании говорится лишь в старинных преданиях, записанных П.И.Рычковым и И.И.Железновым. У впадения р.Илека в Яик когда-то находилось поселение, так называемый Голубой городок.

Время возникновения Уральска также устанавливается лишь приблизительно. В 1720 г. казаки говорили в Военной коллегии: "Между реки Яик и другой же — Чагана сделан у них деревянный острог. Звание тому острогу — Острог. А то их жилище началось, как они от старинных людей слыхали, тому ныне назад лет со ста". На основе этого заявления А.Б.Карпов заключил, что Уральск мог быть построен около 1620 г. Известный оренбургский краевед XVIII в. П.И.Рычков относил, однако, его возникновение к 1600 г. Из документальных источников следует, что к 1614 г. имелось казачье поселение на Чагане. Так, в отписке астраханских воевод самарским воеводам, датируемой 1614 г., говорится: отряд казаков в 50 человек во главе с Никитою Усом, уходя от преследований царских войск, "пошел вверх по Яику на Чаган, на Чагане де им зимовати"[6]. Речь идет о городке, за которым впоследствии закрепилось название "Яицкий". Вообще, уже в первые десятилетия XVII в. у яицких казаков насчитывалось около десятка более или менее постоянных поселений, разбросанных на значительном пространстве от устья его притока Илека. Наиболее ранние и крупные из них прятались по островам разветвленного устья, в густых лесах яицкого понизовья, на морских островах, в

бассейне р.Эмбы. Центром своих поселений казаки считали именно яицкое понизовье. Там находились богатейшие рыболовные и звероловные угодья. К их освоению они и приступили, возводя постоянные "городки", заводя надежное оседлое хозяйство.

Яицкие первопоселенцы не теряли связей с родиной, поддерживали регулярные родственные и экономические контакты с жителями прежних мест. Считая себя людьми вольными, казаки говорили, что они стоят на пограничной заставе, защищая Русь от внешней опасности.

* * *

Казачество Западной Сибири вело свое происхождение от дружины Ермака, сформировавшейся из вольницы, казаковавшей в 1570-х гг. в основном по берегам Волги и Яика. И свой исторический поход "ермаковы казаки" начали как бы с обеих этих рек, перейдя с Яика по Иргизу на Волгу, по которой и поднялись до Камы, до владений купцов и солепромышленников Строгановых, пригласивших "Ермака с товарищи" для защиты от разорительных набегов сибирцев.

В борьбе с ханом Кучумом казаки избрали наступательную тактику и, разгромив его войска на подступах к сибирской столице, заняли ее 26 октября 1582 г. Эта победа была закреплена 5 декабря того же года в длительной и ожесточенной Абалацкой битве, а также успешными походами в 1583—1584 гг. на север — вниз по Иртышу и Оби до Белогорья, и на запад — по Тавде до Пелыма.

Ермак отправил в 1583 г. специальную станицу (отряд) в Москву с вестью о победе и просьбой о помощи. Узнав о "сибирском взятии", Иван Грозный простил "воровских казаков", бывших в походе с Ермаком, приказал наградить казачью дружину, признав тем самым ее "служилый" статус, и отправил ей на подмогу 300 ратных людей, которые прибыли на место лишь поздней осенью 1584 г. Хотя ермаково войско было принято на "государеву службу" и даже усилено "государевыми" стрельцами, оно не смогло удержаться в Сибири, и большая часть его погибла в боях, от голода, болезней. 540 казаков отправились с Ермаком в сибирский поход, а после рокового боя в устье Вагая ночью 5 августа 1585 г. в казачьем войске осталось только 90 человек, и они тут же ушли "на Русь"

Посланный на помощь Ермаку в самом конце лета 1585 г. в Сибирь отряд "государевых служилых людей" под предводительством Ивана Мансурова уже не застал никого из его казаков и остановился на зимовку в устье Иртыша, где быстро построил "городок", названный впоследствии Обским. Отпор, данный пытавшимся захватить его остяцким "князцам", произвел столь сильное впечатление на окрестные племена, что часть их вскоре принесла ясак Мансурову, а часть обратилась в Москву с просьбой о подданстве. Мансуров весной тоже отправился "на Русь", и хотя он, возможно, оставил какой-то гарнизон в Обском городке, "покорение Сибири" приходилось по сути дела начинать заново.

Впрочем, от удара, нанесенного Ермаком "Сибирскому царству", оно так и не успело оправиться. Кучума покинули многие из бывших подданных и союзников, а столицу ханства, где обосновался сын Кучума Алей, захватил представитель соперничавшей в ним местной татарской династии — Сейдяк. Царским воеводам после Ермака приходилось иметь дело с ослабленным, раздробленным и деморализованным противником. Тем не менее

тактику борьбы Москва изменила. Было решено закрепляться в Сибири поэтапно, небольшими шажками продвигаться вперед, опираясь на сооружаемые по мере необходимости "городки", остроги и прочие опорные пункты.

В 1586 г. в Сибирь прибыли 300 ратных людей во главе с воеводами Василием Сукиным и Иваном Мысным. Именно в составе этого отряда за Урал вернулись и ермаковы казаки. Участники новой зауральской экспедиции быстро срубили острог на р.Туре, основав тем самым старейший из ныне существующих сибирских городов — Тюмень, и составили первый его гарнизон. На следующий год к ним прибыло подкрепление — несколько сот стрельцов с "головой" Данилой Чулковым. Он был направлен с отрядом в 500 чел. дальше на восток и на Иртыше напротив устья Тобола поставил в 1687 г. еще одну русскую крепость — будущий Тобольск. Вскоре Чулкову при участии все тех же ермаковых казаков удалось захватить в плен обосновавшегося в "Старой Сибири" нового претендента на ханский престол — Сейдяка, после чего столица "Сибирского царства" окончательно опустела, а функции главного города Сибири с 1590 г. перешли к Тобольску, сформировавшему по этой причине и самый крупный за Уралом гарнизон.

Укрепление русских позиций в сердце Сибирского ханства еще не означало окончания борьбы за его наследие. Лишенный трона и поддержки большинства подданных, хан Кучум жестоко мстил им за переход на сторону "белого царя", совершая набеги на новые русские владения вплоть до Тобольска. В 1591 г. отряд, состоящий из тобольских служилых людей и местных татар, принявших российское подданство, во главе с воеводой Владимиром Кольцовым-Мосальским настиг войско Кучума на Ишиме и разгромил его у оз.Чиликула, что значительно уменьшило военную активность бывшего сибирского хана.

В 1593 г. специально сформированный в северорусских уездах и Приуралье экспедиционный корпус был послан против союзного Кучуму Пелымского княжества, в результате чего на берегу Тавды появился русский город Пелым с сильным гарнизоном, вскоре, правда, сократившимся из-за быстрого и прочного "замирения" края. Близ Оби, в нижнем течении Северной Сосьвы, отряд ратных людей под предводительством чердынского воеводы Никифора Траханиотова основал еще один русский опорный пункт — город Березов. Посланный из Березова отряд служилых, соединившись в Обском городке с союзными кодскими хантами и русскими ратными людьми, построил на землях одного из "князцов", добровольно присягнувших на верность "великому государю", новый город — Сургут, куда и перевели гарнизон из ликвидированного по приказу Москвы Обского городка. Затем с помощью кодских хантов "государевыми служилыми людьми" были присоединены к России земли в низовьях Оби, где с 1595 г. гарнизон Обдорского городка стал собирать ясак с окрестных "остяков" и "самоедов".

В 1600 г. московское правительство решило взять под свой контроль еще один северный район Сибири — земли по реке Таз, уже давно освоенные русскими и коми-зырянскими промышленниками. Отряд тобольских и березовских служилых во главе с воеводами Мироном Шаховским и Данилой Хрипуновым с большим трудом и с большими потерями (из-за кораблекрушений и нападения "самояди") добрался до р.Таз, занял и укрепил там один из построенных промышленниками возле полярного круга "городков" На следующий год туда же прибыло новое и более представительное войско — две сотни служилых Тобольска, Березова и Сургута под предводительством

князя Василия Мосальского и "головы" Савлука Пушкина, которые завершили работу по основанию города, названного Мангазеей. Город этот просуществовал всего 70 лет, но ему и его гарнизону было суждено сыграть огромную роль в присоединении к России сибирских земель, особенно к востоку от Енисея.

На юге Западной Сибири тем временем завершалась борьба с Кучумом. Для дальнейшего "истеснения" непокорного хана еще в 1594 г. на среднем Иртыше был построен город Тара, и уже на следующий год тарские служилые люди под предводительством "письменного головы" Бориса Доможирова нанесли очередное поражение кучумлянам.

В 1596 г. произошло присоединение к России территории "Пегой орды" — политического объединения селькупов во главе с воинственным и, видимо, союзным Кучуму "князцом" Воней. В центре "Пегой орды" ратные люди воздвигли свою крепость — Нарымский острог. Затем последовал и окончательный разгром Кучума. В августе 1598 г. объединенный русско-татарский отряд в 400 чел. под предводительством воеводы Андрея Воейкова вышел из Тары и после долгих поисков и мелких стычек с противником в Барабинской степи обнаружил на Оби недалеко от устья Ирмени главные силы Кучума (500 чел.), готовые к очередному набегу на русские владения. В ходе длительного и ожесточенного сражения войско Кучума было наголову разбито, большинство членов ханской семьи попало в плен, и хотя сам Кучум опять ускользнул от победителей, он уже перестал представлять для них опасность и вскоре погиб при не вполне ясных обстоятельствах.

Эта победа произвела огромное впечатление на местных жителей: они увидели в России силу, способную защитить их не только от кучумлян, но и от притеснений степных феодалов юга Сибири. С просьбой "дать оборонь" от воинственных соседей к русским властям стали обращаться "князцы" различных тюркских родов, изъявляя готовность стать подданными "белого царя". Глава эуштинских (томских) татар Тоян "бил челом" об этом в самой Москве и предложил построить на его землях русский город, "чтоб от киргизских людей их оборонить".

В 1604 г. отряд, сформированный в Сургуте из служилых людей разных гарнизонов, кодских хантов и сибирских татар, поднялся вверх по Оби и основал в нижнем течении Томи город, ставший вскоре главной опорной базой для освоения и обороны Среднего Приобья. Нападения на Томский уезд "киргизских и иных орд многих людей", противившихся сокращению сферы своего влияния и укреплению русских позиций на юге Западной Сибири, побудили московское правительство построить на Томи в 1618 г. еще один опорный пункт — Кузнецкий острог. Его гарнизон вплоть до начала XVIII в. первым в этом регионе принимал на себя удары враждебных России кочевников, прикрывая от их набегов русское и аборигенное население Верхнего Приобья так же, как выдвинутый к югу тарский гарнизон защищал от вражеских вторжений земли по Иртышу.

С включением в состав России западно-сибирских земель завершился начальный этап формирования сибирского казачества. К этому времени за Уралом сложилось как особый социальный организм "войско" со всеми его основными компонентами. Бывшие вольные казаки были представлены прежде всего соратниками Ермака, которых "государева служба" разметала по Сибири, но больше всего их, по-видимому, оказалось в Тобольске, в составе различных военных подразделений. Некоторые из сподвижников Ермака к

тому времени имели высокие для "Сибирской украйны" чины "голов" и "атаманов", были вполне обеспеченными людьми. Однако большинство уцелевших после 1585 г. соратников Ермака, конечно же, не попало в "служилую аристократию" Сибири. Некоторые из них кончили свои дни немощными стариками либо в монастырях, либо в тобольской казенной богадельне[7].

Вернувшись в 1586 г. в Сибирь, ермаковы казаки построили там вместе с другими ратными людьми и "государевыми" воеводами города-крепости Тюмень, Тобольск, Пелым, Тару, Томск. Участвовали они в последних боях с ханом Кучумом; кое-кому из ермаковцев (например Грозе Иванову) пришлось даже повоевать "на Руси": во время событий "Смутного времени" они сражались против интервентов и "русских воров".

Сложившееся в конце XVI—начале XVII в. ядро казачества Сибири представляло собой довольно сложный сплав. Численно в нем преобладали "государевы служилые люди" — либо переведенные за Урал "по государеву указу", в том числе в качестве ссыльных, либо набранные на месте из "вольных гулящих людей", а иногда (в случае острой нехватки служилых) и из тяглого населения — крестьян, посадских. Абсолютное большинство представителей этой основной части сибирских гарнизонов составляли выходцы с Русского Севера и городов Среднего Поволжья. Видную роль в формировании российских вооруженных сил за Уралом в конце XVI—начале XVII в. сыграли и вольные казаки — выходцы с Волги, Яика, Дона, Терека, а также "литва" и "черкасы", среди которых было много запорожцев. Оказавшись волей или неволей на "государевой службе" в Сибири, они, разумеется, утрачивали прежний социальный статус и в правах и обязанностях практически ничем не отличались от основной массы служилого населения региона. Несколько процентов к общей численности ратных людей Сибири дал набор среди коренных народов края. Все эти источники и принципы комплектования сибирских войск сохранились до конца XVII в., не претерпели принципиальных изменений и в более поздние времена, хотя каждый исторический этап и каждый регион, конечно, привносил в способы формирования казачества Сибири свою специфику.

Силами казачества в значительной степени осуществлялось на протяжении XVII—начала XVIII в. присоединение новых земель. Русское продвижение на восток шло двумя, порой пересекающимися, путями: северным — через Мангазею, и южным — по притокам средней Оби и, в первую очередь, по Кети. В ее верховьях для охраны волока на Енисей в 1618 г. экспедицией под началом пелымского сына боярского Петра Албычева и тобольского сотника Черкаса Рукина был поставлен, несмотря на сильное противодействие эвенков, Маковский острожек. В 1619 г. к востоку от него — с противоположной стороны волока — был сооружен еще один острог, который вначале называли Тунгусским, а затем — Енисейским. Благодаря выгодному географическому положению он вскоре стал крупнейшим административным центром Восточной Сибири, надолго определившим основные пути ее освоения.

Вскоре на новые русские владения начались нападения "воинских людей" с верховьев Енисея. В этом районе русские воеводы встретили сильное противодействие прежде всего со стороны воинственных киргизских и бурятских "князцов", которые сами претендовали на взимание дани с местных племен и не хотели их уступать далекому "белому царю" Для противо-

действия этим набегам и присоединения Качинской и Аринской "землиц" в Тобольске и Томске по указу из Москвы был сформирован отряд в 300 казаков, который во главе с Андреем Дубенским направился в верховья Енисея и основал там в 1628 г. Красноярский острог — главный оплот России в этом районе вплоть до начала XVIII в.

Экспедиция Дубенского проходила в крайне трудных условиях. Из-за постоянного давления со стороны враждебных кочевников нелегко было обеспечить сохранность столь отдаленного форпоста и в дальнейшем. Но в стратегическом отношении место для крепости было выбрано удачно. "Красным острогом" дорожили и возвели его в ранг уездного центра. Он до конца XVII в. не только принимал на себя основные удары из степи, надежно прикрывая Енисейский уезд, но и сковывал силы киргизских и бурятских "князцов", вклиниваясь между их владениями[8].

В 1620-е гг. началось активное проникновение русских в бассейн Лены. Смутные сведения об этой "великой реке" были получены еще в 1621 г. в Мангазее, но начало присоединению ленских земель положил только в 1629 г. отряд тобольских, березовских и мангазейских служилых людей под предводительством тобольского же сына боярского Самсона Навацкого, отправленного на Нижнюю Тунгуску с заданием защитить там русских промышленников от нападений "иноземцев", энергично отстаивавших от притязаний чужаков свои охотничьи угодья. От этого отряда были направлены дальше на восток 30 человек во главе с Антоном Добрынским и Мартыном Васильевым. Они перешли с Нижней Тунгуски на Чону, по ней — на Вилюй и далее на Лену и Алдан. Не будучи подготовленными к столь дальнему и долгому походу, служилые люди, судя по их челобитным, претерпевали тяжкие испытания: голодали, приобретая продовольствие "дорогою ценою" и в долг у встречавшихся им торговых и промышленных людей, страдали от великой "стужи", зимой перетаскивали на себе тяжело груженные нарты, на боях с "иноземцами" многие были "побиты и поранены.., а иные головы свои положили". Крайне трудно пришлось Добрынскому и Васильеву осенью и зимой 1630—31 гг., когда их наскоро срубленный острожек подвергся осаде "якутские орды многих людей" и голодавшим служилым приходилось полгода выдерживать "жестокие приступы" объединенных сил пяти "улусов". В итоге Добрынский и Васильев потеряли половину своего отряда, но вернулись в 1632 г. в Тобольск с богатым ясаком от тунгусских и якутских родов и живо заинтересовали своими рассказами о новых землях местную и московскую администрацию.

В 1633 г. на те же реки, но уже другим маршрутом — с Нижней Тунгуски на Вилюй, минуя Чону, оправилась новая тобольская экспедиция из 38 человек во главе с Воином Шаховым. Разделившись на несколько мелких групп, этот отряд поначалу весьма успешно укреплял власть "великого государя" в Вилюйском крае: строил зимовья, взимал ясак с "иноземцев" и "десятую пошлину" с торговцев и промышленников, хлынувших в эти земли после похода Добрынского и Васильева. Экспедиция Шахова снаряжалась всего на два года, но затянулась надолго. Израсходовав продовольствие, подарки "иноземцам" (непременное в ту пору условие уплаты ясака), порох и свинец, служилые попали в сложное положение. Изредка покупаемую у торговых и промышленных людей муку они тратили на "аманатов" (заложников из подчинившихся родов), а сами питались лишь рыбой и дикорастущей травой-"борщем" и отправляли в Тобольск слезные челобитные о

замене. К 1639 г. из отряда Воина Шахова уцелело лишь 15 чел., а в 1642 г. и они были перебиты вместе с еще несколькими русскими отрядами, собиравшими ясак в различных районах Ленского края.

Служилыми людьми, продвигавшимися к Лене южными путями через Енисейск, были к тому времени достигнуты гораздо большие успехи. Еще в 1627 г. 40 казаков во главе с Максимом Перфильевым добрались по Ангаре до Илима, взяли ясак с местных бурят и эвенков и через год вернулись степью в Енисейск, дав толчок новым походам в "проведанные" ими земли. В следующем году туда отправились 10 казаков во главе с Василием Бугром. По Лене они доплыли до Чаи, после чего Бугор в 1630 г. вернулся в Енисейск, оставив для сбора ясака на верхней Лене 6 человек в зимовьях у устьев Куты и Киренги.

В 1630 г. у волока на Лену был поставлен Илимский острог, ставший важным опорным пунктом для дальнейшего продвижения в бассейн этой реки, а впоследствии и новым уездным центром Сибири. В том же году из Енисейска на Лену "для государева ясашного сбору и острожные поставки" был направлен хорошо оснащенный, хотя и немногочисленный, отряд атамана Ивана Галкина, потомка одного из ермаковых казаков. Он проплыл по Лене гораздо дальше Василия Бугра — до "Якутской земли", где сразу же встретил решительное противодействие пяти объединившихся "князцов" Галкин, однако, довольно скоро разгромил и подчинил "непослушников", после чего предпринял походы по Алдану и вверх по Лене, взимая "с боем и без боя" ясак и отражая нападения "немирных князцов".

Летом 1631 г. на смену Галкину из Енисейска прибыл с дополнительным отрядом в 30 чел. сотник Петр Бекетов, организовавший ряд походов вверх и вниз по Лене. Используя как силу оружия, так и дипломатический талант, Бекетов привел в российское подданство еще ряд якутских, тунгусских, а также бурятских родов и для закрепления достигнутого в соответствии с царским указом в 1632 г. поставил, наконец, острог в центре "Якутской земли".

В 1634 г. на Лену с прежними полномочиями вернулся И.Галкин. Он приказал перенести основанную Бекетовым крепость (будущий Якутск) в другое, менее затопляемое место, собрал все имевшиеся в наличии силы из служилых и промышленных людей (150 чел.) и предпринял энергичные действия по упрочению в "Якутской земле" власти "великого государя", опираясь на лояльно настроенных к нему "князцов" Судя по дошедшим до нас челобитным и донесениям — "отпискам", казакам на Лене на этот раз пришлось особенно тяжело. Они совершали конные походы, покупая лошадей "на последние свои товаренка", брали в ходе двух- и трехдневных "приступов" якутские "городки", сами месяцами сидели в осаде, отбивая яростные атаки неприятеля, "помирали голодною смертью", "перецинжили" Но в конце концов служилым людям удалось склонить якутскую знать к соглашению, и "Ленская земля" окончательно вошла в состав Российского государства[9].

Слухи о богатствах привлекали на северо-восток Азии служилых людей даже из столь удаленных от Лены мест, как Томск. Оттуда в 1636 г. были отряжены на некую "реку Сивирюю", якобы расположенную в пяти неделях ходу по Лене от устья Вилюя, 50 казаков во главе с атаманом Дмитрием Копыловым. Добравшись до Лены, они, однако, быстро отказались от поисков несуществующей реки, а пошли на Алдан и добрались по нему до

"Бутальской земли", где поставили небольшой острог и взяли ясак с местных тунгусов. Далее на восток "для приписку неясачных землиц" Д.Копылов отправил 30 казаков во главе с Иваном Москвитиным. Они спустились по Алдану до устья Маи, за два месяца поднялись по ее течению до горного перевала хребта Джугджур, перешли по нему к верховьям Ульи и по ней через две недели в 1639 г. первыми из русских достигли Тихого океана. Таким образом, менее чем за 60 лет казаки прошли с запада на восток всю территорию Северной Азии.

В построенном на Улье "зимовье с острожком" москвитинцы провели два года и выдержали два "жестоких приступа" тунгусов, объединившихся для противодействия пришельцам, требовавшим ясак для неведомого "великого государя". Сделав морские суда ("кочи"), казаки разделились на две группы и обследовали тихоокеанское побережье до Тауя на севере и Уды на юге. Экспедиция Москвитина закончилась вполне благополучно для ее участников. Помимо богатой "соболиной казны", власти получили ценные сведения географического характера, в частности, о реке Амур и населяющих ее народах.

На Алдане Д.Копылов был втянут в межплеменной конфликт, который затем вылился в вооруженное столкновение с действовавшими по соседству енисейскими служилыми людьми. Это не было случайностью. Хотя ленские земли формально подчинялись Енисейску, фактически там хозяйничали представители самых различных сибирских городов, оспаривая друг у друга право собирать ясак с "иноземцев" и подати с торговцев и промышленников. В распри между отдельными группами казаков вовлекались и местные жители, нередко дело доходило до настоящих сражений. В Москве скоро узнали, что "меж себя у тех тобольских и у енисейских и у мангазейских служилых людей... бывают бои, друг друга и промышленных людей, которые на той реке Лене промышляют, побивают до смерти, а новым ясачным людям чинят сумление, тесноту и смуту и от государя их прочь отгоняют"[10].

Подобная ситуация была в той или иной мере характерна еще для некоторых районов Сибири (например Бурятии). В данном случае она сильно встревожила московское правительство, и оно решило создать в "Якутской земле" самостоятельное воеводство, запретив несанкционированные походы на Лену из других уездных центров. Произошло это в 1641 г. В результате Якутский острог стал не только центром самого обширного в Российском государстве уезда, который, непрерывно расширяясь, к концу XVII в. охватывал практически весь северо-восток Азии.

С первым ленским воеводой Петром Головиным прибыло 400 чел. Это был сборный отряд от разных сибирских городов, и в "именных книзах" якутского гарнизона служилые люди еще долго подразделялись на "енисейских", "березовских", "тобольских" и др. Большинство их считалось находящимися на Лене временно (на "годовой службе"), и власти должны были "переменять" их, когда из соответствующих городов приходила замена. Однако постепенно Якутск обзаводился все большим числом собственных казаков и прежде всего из состава обжившихся на новом месте "годовальщиков" и ссыльных.

Важным этапом освоения Сибири было достижение русскими ее естественных пределов на севере и северо-востоке. Оно стало возможным лишь благодаря развитию полярного судоходства, в которое внесли весомый вклад и сибирские казаки.

Главной целью арктических плаваний в Сибири XVII в. был проход морем к устьям рек, имевших выше по течению богатые соболем таежные участки. Внимание арктических мореходов привлекали и "корги" — лежбища моржей, богатые "рыбьим зубом". Плавания эти обычно осуществлялись на специальных морских судах — кочах, самые крупные из которых могли поднимать до 40 тонн груза при 50 чел. экипажа, достигая в длину до 19, а в ширину до 6 метров, могли длительное время находиться во льдах, даже вмерзая в них (сжатие не ломало такие суда, а выталкивало вверх) и плыть по узкой прибрежной полосе свободной ото льда воды уже в самый ранний период навигации.

Наибольший размах сибирское судоходство получило после присоединения ленских земель. В 1632 г. за полярным кругом на Лене возникло Жиганское зимовье. Оно стало важным опорным пунктом для плаваний на "дальние заморские реки". В 1633 г. оттуда на реку Яну был отпущен "по челобитью" мангазейский служилый человек Иван Ребров, снарядивший за свой счет ватагу служилых и промышленных людей. Вскоре к ним присоединился енисеец Илья Перфильев, и они, выплыв по Лене в море, дошли по нему до Яны, где построили "зимовье с острожком" Перфильев с добытым ясаком отправился к себе в Енисейск, а Ребров в течение семи лет "проведывал" новые земли. Он совершил морской поход на Индигирку ("Собачью реку") и поставил там два острожка. В 1641 г. этот первооткрыватель "Юкагирской земли" доставил богатый ясак в Якутск, а в следующем году достиг морем реки Оленек, где срубил зимовье и прослужил до 1647 г.

В 1636 г. отряд енисейского десятника Елисея Бузы, состоящий из 6 служилых и 40 промышленных людей, дошел морем от ленского устья до Оленека, перезимовал там, а затем "сухим путем" перебрался опять на Лену, построил два коча, вновь спустился в море, пытаясь дойти до Яны, но потерпел крушение у Омолоя. Оттуда Буза перебрался через горный хребет на нартах до верховьев Яны, где после ряда ожесточенных стычек с "иноземцами" взял с них ясак, спустился в низовья реки и "прослужил" там еще два года. Примерно в то же время на северные "заморские реки" казаки проложили сухопутные маршруты, не избавлявшие, однако, землепроходцев от необходимости морских плаваний. В 1635—1636 гг. "зимним путем на конях" до верховьев Яны добрался Селиван Харитонов, а в 1638 г. — Посник Иванов. На Яне Иванов построил зимовье (основав тем самым Верхоянск), а на следующий год добрался до Индигирки, где казакам пришлось спешно укрепляться и выдержать "крепкий бой" с юкагирами на месте будущего Зашиверска. Прибывший на смену Поснику Иванову Дмитрий Ерило построил ниже по течению Индигирки еще одно — Олюбенское — зимовье, откуда весной 1642 г. с отрядом всего в 15 чел. выплыл в море и добрался до Алазеи. Там казаки в тяжелом бою разгромили объединенные силы юкагиров и чукчей, поставили "зимовье с острожком" и "положили в ясак" местное население.

Вслед за Алазеей в состав Российского государства вошла Колыма. В 1641 г. якутский казак Михаил Стадухин возглавил небольшой (15 чел.) отряд служилых и промышленных людей, направленный в верхний приток Индигирки — Оймякон. Оттуда они проплыли до устья Индигирки, а далее морем до Колымы и укрепились там острожком. Возвращаясь в Якутск, Стадухин оставил на Колыме 13 человек, которым сразу же пришлось выдержать яростный приступ полутысячного юкагирского войска. Вскоре, однако,

последовало "замирение" Колымского края — к русским прибыло подкрепление, главным образом из числа торговых и промышленных людей. Благодаря им же один из стадухинских казаков — Семен Дежнев — принял участие в событиях, обессмертивших его имя.

В качестве представителя государственной власти Дежнев летом 1648 г. отправился морем на восток с экспедицией, организованной приказчиком одного из устюжских купцов Федотом Алексеевым Поповым. Около ста человек (в основном промышленные люди) на семи кочах двинулись из устья Колымы на обход Чукотского полуострова. Суда не раз попадали в бурю и бились о камни. До "Большого Каменного носа" (так Дежнев называл северо-восточный выступ Азии) дошли лишь три коча, а проливом, носящим ныне имя Беринга, удалось пройти только двум судам — Дежнева и Алексеева. Таким образом, было сделано одно из самых значительных географических открытий: доказана возможность прохода из Северного Ледовитого океана в Тихий.

В новой буре мореходы потеряли друг друга. Федот Алексеев со своими спутниками погиб, видимо, на Камчатке, а коч Дежнева, в котором находились 24 чел., выбросило на пустынный берег далеко к югу от Анадыря. Десять недель дежневцы шли на лыжах и нартах вдоль побережья к устью реки и провели там страшную голодную зиму, во время которой отряд уменьшился вдвое. Выжившие поднялись весной на лодках в верховья Анадыря, построили зимовье (будущий Анадырский острог) и даже взяли ясак с местных юкагиров. А со следующего года туда стали прибывать один за другим отряды служилых и промышленных людей, открывших с Колымы на Анадырь более короткий и безопасный путь — по горам вдоль Анюя. Главным богатством новооткрытых земель стал, однако, не соболь, а "рыбий зуб". Большие залежи клыков моржа были обнаружены Дежневым на отмели у устья Анадыря. Сменяющие друг друга ватаги служилых и промышленных людей добывали "рыбью кость" как "на себя", так и на "великого государя"

Постепенно главным управителем ("приказным") на Анадыре стал С.Дежнев. Под его началом собрались главным образом промышленники, которые в качестве "охочих казаков" выполняли в Анадырском крае все функции "государевых служилых людей": совершали походы на "немирных иноземцев" и "непослушников", собирали ясак, а главное — добывали "рыбий зуб" В 1659 г. Дежнева сменил специально присланный из Якутска приказчик — сын боярский Курбат Иванов. В Москве за свои "службы" Дежнев был "пожалован" чином якутского атамана[11]. Его открытия имели важные последствия для дальнейшего освоения Сибири. Достигнув ее естественных пределов на северо-востоке, казаки повернули к югу, что позволило в кратчайшие сроки освоить богатые пушниной земли на охотском побережье и затем перейти на Камчатку.

Однако по мере "испромышления" соболя и "рыбьего зуба" в северных районах Восточной Сибири активность казачьего мореходства неуклонно снижалась, и гораздо большую значимость стали получать южные, сухопутные маршруты. Их освоение казачьими отрядами было связано прежде всего с укреплением русских позиций в Прибайкалье с последующим выходом в Забайкалье и Приамурье (Даурию).

Байкала русские достигли в 1643 г. Первооткрывателем этого озера-"моря" стал уже упоминавшийся якутский служилый (тогда еще пятиде-

сятник) Курбат Иванов. В 1647 г. отряд енисейского сына боярского Ивана Похабова совершил переход по льду на южный берег Байкала, а в 1648 г. неизменно энергичный и предприимчивый атаман Иван Галкин обогнул Байкал с севера и основал Баргузинский острог. В 1649 г. казаки Галкина добрались до Шилки. В 1653 г. основатель Якутска Петр Бекетов предпринял с енисейскими служилыми людьми поход вверх по Селенге, а затем повернул к востоку по р.Хилок, основал Иргенский острог (у оз.Иргень) и Шилкинский (на месте будущего Нерчинска).

Быстрота присоединения к России прилегающих к Байкалу земель отчасти объяснялась стремлением коренного населения края опереться на русских в борьбе с набегами монгольских феодалов. Сооруженная вскоре дополнительная цепь крепостей с временными и постоянными гарнизонами (Балаганский, Иркутский, Телембинский, Удинский, Селенгинский и др.) долгое время обеспечивала защиту местных жителей и русских переселенцев от вражеских вторжений.

Сложные и драматические события происходили в те же годы на Амуре. Первые подробные и достоверные сведения об этой реке удалось получить лишь в 1646 г. в результате тяжелого и в целом неудачного похода якутского "головы" из кашинских дворян Василия Пояркова. Его отряд из 132 чел. (в основном "новоприборных" казаков) в 1643 г. отплыл из Якутска вниз по Лене, поднялся по Алдану, Учуру и Гонаму, перебрался через Становой хребет на Зею, проплыл от ее устья по Амуру до моря и прошел вдоль его побережья до устья Ульи. Оттуда уже известным после похода И.Москвитина путем Поярков в 1646 г. вернулся в Якутск, потеряв от голода, болезней и стрел "иноземцев" почти две трети своего войска. Из сообщений Пояркова стали доподлинно известны не только плодородие и богатства Амурской земли, но и общая политическая обстановка в регионе. Часть местного населения верхнего и среднего течения Амура (дауры и дючеры) платила дань маньчжурам, часть отказывалась им подчиняться, за что подвергалась нападениям. Народы нижнего Амура дани никому не платили.

Слухи об открытиях Поярковым богатейших и фактически не имевших над собой никакого "державства" землях быстро распространились по Сибири и всколыхнули сотни людей. Обосновавшийся в верховьях Лены устюжский крестьянин Ерофей Хабаров, получив поддержку якутского воеводы Дмитрия Францбекова, в 1649 г. для прохода на Амур собрал (главным образом из промышленных людей) отряд в 70 "охочих казаков" В отличие от Пояркова, они пошли "в Дауры" более коротким путем: вверх по Лене, Олекме и Тугиру и далее волоком в Урку, впадающую в Амур. Выяснив общую обстановку в земле дауров, Хабаров оставил в одном из покинутых местными жителями "городков" основную часть своего отряда, а сам отправился за подмогой. Новые красочные рассказы о Приамурье привлекли к Хабарову больше "охочих людей", чем в первый раз, а воевода Францбеков придал им 20 служилых с тремя пушками.

Второй отряд прибыл на Амур в 1651 г. Всего под началом Хабарова, таким образом, собралось около 200 чел. До поздней осени 1652 г. они плавали вниз и вверх по реке, "призывая в ясак" местное население и громя "непослушников". Когда хабаровское войско остановилось на зимовку в построенном "своими руками" Ачанском "городе", в борьбу за Амур включилась еще одна сила — маньчжурский Китай. Стремясь не допустить закрепления русских близ своих границ, маньчжуры ("богдойские люди")

направили для уничтожения хабаровской крепости большое войско (вместе с вспомогательными силами — более 2 тыс. чел.) с пушками и пищалями. 24 марта 1652 г. на рассвете оно внезапно обрушилось на Ачанский "город" Растерявшиеся поначалу казаки защищались отчаянно и к вечеру наголову разгромили маньчжуров и их союзников. Только убитыми враги потеряли 676 чел., тогда как казаки — не более десятка.

Вскоре к Хабарову прибыло новое подкрепление, и русское войско на Амуре увеличилось до 348 чел. Одна из разведывательных групп, посланная на помощь Хабарову — 27 служилых людей во главе с Иваном Нагибой и Иваном Уваровым — разминулась с ним и невольно совершила первое сквозное плавание по всему течению Амура. Поход этот был примечателен тем, что, буквально прорвавшись к устью реки с непрерывными боями, потерпев крушение на море, после многих дней пешего пути по бездорожью казаки Уварова и Нагибы добрались до Якутского уезда, не потеряв ни одного человека.

Между тем маньчжуры, всерьез обеспокоенные успехами русских, стали менять тактику и стратегию борьбы. Усиливая военный нажим на Приамурье, "богдойские люди" начали насильно переселять дауров и дючеров с Амура на Сунгари для того, чтобы лишить казаков надежной продовольственной базы. В результате действий хабаровской вольницы и "богдойских людей" некогда процветавший край прямо на глазах превращался в безлюдную пустыню. "Разорение земли" и сокращение числа плательщиков ясака вызывало недовольство центральных властей. Хабарова в 1653 г. отстранили от "приказных" дел и увезли на дознание в Москву. Там он был оправдан и даже официально поверстан в служилые люди с высоким чином сына боярского, но "в Дауры" его больше не отпустили.

Командовать оставшимся на Амуре и выросшим до пяти с лишним сотен русским войском был назначен есаул Онуфрий Степанов. Помимо 250 хабаровских казаков, в его распоряжении оказались "годовальщики" из Тобольска, Тюмени, Верхотурья, Сургута, Туринска, Верхоленского острога, Енисейска (в числе которых был и знаменитый землепроходец Петр Бекетов), красноярские и другие как "служилые", так и "охочие" казаки. Всем им в марте 1655 г. в спешно (но прочно и умело) построенном остроге в устье р.Кумары пришлось выдержать трехнедельную осаду десятитысячного маньчжурского войска, имевшего на вооружении 15 пушек (против трех у казаков), множество пищалей и всевозможного "приступного" оборудования. Кумарский острог днем и ночью подвергался интенсивным обстрелам, чередовавшимся с "навальными" приступами. Но пятьсот "разных сибирских городов и охочих амурских казаков" оказались сильнее десяти тысяч "набранных из пяти землиц" маньчжурских воинов. Сильно поредевшее "богдоево" войско спешно отступило, "пометав в воду" неиспользованные боеприпасы.

До 1658 г. отряд Онуфрия Степанова собирал ясак в Приамурье. Казаки к тому времени сильно "оголодали и оскудали", израсходовали почти весь запас пороха и свинца. На подмогу им уже двигался воевода Афанасий Пашков с 460 ратными людьми, набранными специально для "даурской службы" в разных сибирских городах. Но помощь запоздала. Когда Степанов с большой частью своего измученного войска отправился вверх по Амуру "для проведывания Афанасия Пашкова", то близ устья Сунгари попал в засаду. Маньчжурская флотилия из 47 больших судов с пушками и прочим "огнен-

ным боем" уничтожила казачий отряд. Вместе с Онуфрием Степановым погибли 270 человек, около сотни спаслись и позднее соединились с оставшимися для сбора ясака 180 казаками. Собравшись в "Гиляцкой земле", они выбрали своим атаманом Артемия Петриловского — племянника Ерофея Хабарова.

Зима прошла в сборах ясака с гиляков и дючеров, а весной 1659 г. часть казачьего войска отправилась в Якутск вдоль охотского побережья, а остальные 227 человек двинулись в верховье Амура. Там они опять разделились: один отряд пошел к Якутску маршрутом Пояркова — по Зее, а другой решил вернуться хабаровским путем — через Тугирский волок и Олекму. Приамурье же с той поры стало контролироваться служилыми людьми из учрежденного еще в 1655 г. Нерчинского воеводства.

Был в истории этого края эпизод, который при благоприятных условиях вполне мог привести к возникновению не только "служилого", но и "вольного" амурского казачества. В 1665 г. на Амур ушли восставшие против воеводского произвола жители Илимского уезда во главе со ссыльным "литвином" Никифором Черниговским. Они укрепились в Албазине, активно занялись хлебопашеством, основав множество деревень, и долгое время жили "самовластно", не подчиняясь царским воеводам, в соответствии с нормами казачьего ("мирского") самоуправления. Правда, к полному государственному обособлению албазинцы не стремились и аккуратно отправляли в Нерчинск собранный с местного населения ясак. Правительство вначале приговорило Н.Черниговского и его ближайших соратников к смертной казни, но в 1672 г. отпустило им "вины". Полностью же подчинить их воеводской администрации удалось лишь после начала войны с Китаем в связи с резким обострением военно-политической обстановки во всем Приамурье.

Захватившие к тому времени Китай маньчжуры никак не хотели мириться с утверждением русских на Амуре и развернули против России широкомасштабные военные действия, поставив своей целью захват всего Забайкалья и выдвигая притязания чуть ли не на всю Восточную Сибирь. Малочисленные казачьи отряды при поддержке некоторых групп коренного населения края не раз наносили поражения маньчжурам и союзным им монгольским феодалам. С особой ожесточенностью шла борьба за Албазин. В июле 1686 г. началась исключительная по героизму и воинской доблести пятимесячная оборона этого города, осажденного вначале пяти-, а затем и десятитысячной маньчжурской армией при 40 пушках и множестве "приступных мудростей". В крепости собрались чуть более 800 защитников под началом воеводы Алексея Толбузина. На пятый день боев он был смертельно ранен вражеским ядром, и командование гарнизоном принял Афанасий Бейтон — смелый и распорядительный военачальник из числа принявших российское подданство и православие немцев. Положение осажденных было крайне тяжелым: не хватало воды, топлива и противоцинговых средств. К концу осады от цинги скончались более 500 человек, а держать оружие в руках могли не более 150. Тем не менее неприятелю не удалось ни взять Албазин штурмом, ни разрушить его артиллерией, ни выморить гарнизон болезнями и голодом. Понеся огромные потери (особенно во время казачьих вылазок) "богдойские люди" сняли осаду.

Поражение под Албазином спутало все карты китайским стратегам, но исход войны решался не под стенами этой крепости. Силы сторон были

слишком неравны, и по условиям Нерчинского мирного договора 1689 г. русские, отстояв Забайкалье, вынуждены были покинуть часть уже освоенной территории. Владения России в этом регионе надолго ограничились лишь верхними притоками Амура[12].

Территориальный рост Российского государства на севере Азии, однако, неуклонно продолжался и по-прежнему — при самом активном участии казаков. Так, на исходе XVII в. они положили начало присоединению и освоению новых обширных и богатых земель в северных районах дальнего Востока.

Зимой 1696—1697 г. из Анадырского острога "для прииску новых неясачных людей" оправились на оленях под предводительством пятидесятника Владимира Атласова 60 русских (казаков и промышленников) и 60 ясачных юкагиров. Целью экспедиции была Камчатка. Поход продолжался три года. Атласов прошел тысячи верст по самым заселенным районам полуострова, "повоевал" одни родоплеменные объединения и взял дань "ласкою и приветом" — с других. Его казаки основали Верхне-Камчатский острог, в котором остались нести службу (и на обратном пути погибли) 16 человек. Сам Атласов явился в Анадырский острог в июле 1699 г. в сопровождении всего 15 казаков и 4 юкагиров, но с богатой ясачной "казной". В Якутске, а позднее и в Москве, он сообщил подробные сведения об открытых землях и содействовал организации на Камчатку новых экспедиций.

Этот полуостров сыграл знаменательно-роковую роль в судьбе Атласова. Назначенный туда приказчиком, он в 1711 г. был убит взбунтовавшимися казаками, но и сама его смерть дала невольно толчок к проведыванию новых "землиц" и дальнейшему увеличению владений России на дальнем Востоке... Участвовавшие в убийстве Атласова служилые (75 чел.) самоорганизовались по типу вольной казацкой станицы, избрали себе атамана (Данилу Анциферова) и есаула (Ивана Козыревского), а чтобы загладить "вины" перед "государем", предприняли в 1711—1713 гг. несколько походов на Курильские острова, обследовали их (сделав в том числе "чертеж") и присоединили к Российскому государству[13].

Можно видеть, что главные особенности освоения Восточной Сибири (в сравнении с западной) выражались в очень быстрых темпах "проведывания" и присоединения новых "землиц" и гораздо менее управляемом из Москвы, подчас просто стихийном, характере этого процесса. Если при "покорении" Западной Сибири московское правительство тщательно разрабатывало план похода в ту или иную "землицу" и для его осуществления нередко присылались войска из Европейской России, то в Восточной Сибири действовать такими методами становилось трудно, а затем и вовсе невозможно. По мере продвижения русских вглубь Северной Азии сибирская администрация все чаще получала предписания поступать "смотря по тамошнему делу". Управление на местах становилось более гибким и оперативным, правда, при этом нередко терялась согласованность действий представителей разных гарнизонов. Еще одной важной особенностью присоединения Восточной Сибири было активное участие в нем "промышленных людей" — охотников на соболя из неслужилого, главным образом северорусского крестьянского и посадского населения. "Промышленники" часто опережали служилых людей в "проведывании" новых земель, вместе со служилыми приводили "иноземцев" под "высокую государеву руку", собирали ясак, выполняли множество других обязанностей, являвшихся в обыч-

ных условиях сферой деятельности "государевых ратных людей". С другой стороны, казаки нередко сами выступали в качестве "промышленников" и торговцев, и это дало основание некоторым исследователям заключить, что между "государевыми служилыми" и "промышленными" людьми в Восточной Сибири XVII в. трудно провести четкую грань.

Характерно, что и отправившиеся на "проведывание" и присоединение новых "землиц" отряды в Восточной Сибири чаще всего представляли собой объединения (в разном соотношении) служилых и промышленных людей, причем последних в таком случае могли, в отличие от лиц, официально числившихся "в штате" какого-либо гарнизона, называть "охочими служилыми людьми" или "охочими казаками". Эти, как правило очень небольшие, ватаги преодолевали за короткий срок огромные расстояния, проникали на "от века не слыханные земли", наскоро укреплялись там зимовьями и острожками, торговали с "мирными" и вступали в ожесточенные схватки с "немирными" "иноземцами", выменивали или получали в ясак ценнейшие меха, сами промышляли соболя, а весной по вскрытии рек отправлялись далее "встречь солнца", руководствуясь при определении маршрута не столько воеводскими инструкциями, сколько собственными соображениями, основанными порой лишь на смутных слухах да плохо понятых рассказах местных жителей. За этими "служилыми" и "охочими" казаками в литературе закрепилось название "землепроходцы". В своих походах они нередко проводили многие годы, а вернувшись в уже обжитые города и остроги, будоражили всех сообщениями о невероятных богатствах новооткрытых рек или же "землиц", пока не "проведанных." Дух предпринимательства разгорался с новой силой. По следам первопроходцев отправлялись новые экспедиции и, в свою очередь, находили неясачные и богатые соболем, а то и драгоценной "рыбьей костью" (клыками моржа) земли. Местная и центральная администрация внимательно следила за "проведыванием" новых народов и "землиц" (свидетельством чего явилось множество скрупулезно записанных "расспросных речей" сибирских землепроходцев) и спешила закрепить перспективные, с точки зрения "государевой прибыли" и своей служебной карьеры, регионы постройкой "крепких острогов" или даже городов — новых административных центров. Туда "по указу" переводились служилые люди, и туда же — под защиту крепостных стен, к стихийно возникавшим "торгам", а где-то и к благодатным "пашенным местам" — быстро стекалось неслужилое (прежде всего промысловое, крестьянское) население. Власти организовывали ясачный (с коренных жителей), таможенный (с торговых и промышленных людей) и прочий налоговый сбор, а если позволяли условия — заводили казенную запашку. Окрестности нового города или острога еще не были как следует освоены, но его постоянные и временные жители, служилые и промышленные люди, отправлялись дальше — на "проведывание новых богатых землиц", и когда находили такие, повторялась с большими или меньшими вариациями та же картина, что ранее наблюдалась в местах, уже обжитых.

Приведенный фактический материал убеждает в несостоятельности утверждений некоторых историков и публицистов о "легкости покорения Сибири" русскими людьми. И красноречивее всех известных и малоизвестных описаний путей за Урал и за Уралом в XVI—XVII вв.[14] — скупые цифры людских потерь в ходе наиболее значимых для освоения Сибири казачьих экспедиций.

От дружины Ермака, открывшей для России дорогу на сибирский простор, после "сибирского взятья" уцелело менее пятой части. Отряд А.Добрынского и М.Васильева, положивший начало присоединению к России Ленского края, потерял половину своего состава. Возглавленная В.Поярковым первая русская экспедиция на Амур стоила жизни почти двум третям ее участников. Историческое плавание Дежнева и Алексеева, определившее северо-восточные рубежи Азии, закончилось гибелью почти девяти десятых участников похода. У М.Стадухина погибло почти три четверти отряда. Казачье войско Атласова во время камчатского похода потеряло убитыми более трети своего состава и т.д.

Суть процесса колонизации Сибири заключалась в тесном переплетении государственного и вольнонародного начал в освоении гигантских просторов Северной Азии. Интересы вольных переселенцев и представителей государственной власти — служилых людей — далеко не всегда совпадали, но те и другие делали за Уралом общее дело и были в конечном счете кровно заинтересованы друг в друге. В одних районах Сибири в какой-то отрезок времени преобладала правительственная, в других — вольнонародная колонизация, но обе они, осуществляясь главным образом силами простого народа, в чистом виде встречались в Сибири крайне редко и чаще всего тесно взаимодействовали, сливаясь друг с другом. Именно на начальном — самом трудном — этапе колонизации Сибири деятельность казачества была не просто важной, а исключительной по своей значимости.

2. Военная организация казачества в XVII—начале XVIII в.

Военной, политической и социальной формой объединения вольных казаков было "войско". Волжские казаки не смогли создать единой организации; оказавшись в зоне действия сильных гарнизонов поставленных русским правительством в 1586—1590 гг. городов, они сравнительно быстро сошли с исторической арены[15]. На Яике к началу XVII столетия существовало до десятка укрепленных городков, принадлежавших независимым друг от друга казачьим общинам. Численность отдельных общин составляла от нескольких десятков до 600-700 человек. Управлялась каждая община выборным атаманом с дьяком-писарем, иногда двумя есаулами. В походы и на промысел осетровых рыб отправлялись, имея во главе походных и плавенных атаманов. Низшими организационными ячейками являлись десятки и сотни. Главным органом власти в общине было собрание вооруженных казаков-воинов[16].

С 30—40-х гг. XVII в. наблюдался процесс слияния разрозненных общин в одну — общеяицкую. К этому времени на Яике насчитывалось более двух тысяч казаков. Объединение общин завершается к 1680-м годам; центром сложившегося войска стал Яицкий городок, расположенный у впадения р.Чагана в Яик.

Жизнь войска определял круг — собрание полноправных казаков-воинов "всей реки". По словам С.В.Максимова, казачий круг, "который всегда выручал и в опасностях при набегах и где всякому предоставлялось право свободного мнения и решительного голоса", "удачно приладился" на яицком приволье. "Круг, — со знанием дела пишет Максимов, — это столь известная всем душа казачьего самоуправления, общественный суд грез-

ный, справедливый и неподкупный, с зорким наблюдательным оком за личными и общественными правами"[17].

Кругом избирался войсковой атаман, который им же мог быть смещен в любое время. Перед походом выбирали походного атамана. Помощниками войскового командира являлись выборные наказные атаманы (два или три) и есаулы. Все эти должностные лица оказывались лишь "исполнителями коренных обычаев и временных постановлений круга", были "у войска приказчиками"[18].

Постановления круга считались для казаков обязательными. Отказ выполнить его решения влек за собой изгнание из общины или казаков. На круге решались все сколько-нибудь серьезные вопросы, касавшиеся войска. Яицкие старики в начале XIX в. на основе преданий так представляли дело: «Коль скоро, бывало, получится какой-нибудь Указ, или случится какое-нибудь общее войсковое дело, то на колокольне соборной церкви бьют сполох или повестку, дабы все казаки сходились на сборное место к Войсковой избе или приказу (что ныне Канцелярия войсковая), где ожидает их войсковой атаман. Когда соберется довольно много народа, то атаман выходит к овому из избы на крыльцо с серебряною позолоченную булавою, за ним с жезлами в руках есаулы, которые тотчас идут в середину собрания, кладут жезлы и шапки на землю, читают молитву и кланяются сперва атаману, а потом на все стороны окружающим их казакам. После того берут они жезлы и шапки опять в руки, подходят к атаману, принимая от него приказания, возвращаются к народу и громко приветствуют оный сими словами: помолчите, атаманы-молодцы и все великое войско яицкое! А на конец объявив дело, для которого созвано собрание, вопрошают: любо ли, атаманы-молодцы? Тогда со всех сторон или кричат "любо", или поднимаются ропот и крики "нелюбо". В последнем случае сам атаман начинал увещевать несогласных, объясняя дело и исчисляя пользы оного. Если казаки были им довольны, то убеждения его часто действовали; в противном случае никто не внимал ему, и воля народа исполнялась»[19].

В начале XVIII в. в организации Яицкого войска происходят существенные перемены. Петр I решил покончить с казачьими вольностями. В 1721 г. яицкие казаки были подчинены Военной коллегии (прежде центральная власть сносилась с ними через Казанский и Посольский приказы), что означало конец прежней автономии войска. На Яике вспыхнул мятеж; высказывалось предложение покинуть Яицкий городок, бежать всем войском в степь. Однако правительство сумело быстро подавить сопротивление казаков. Главных зачинщиков мятежа казнили, других подвергли жестокому наказанию кнутом и затем отправили в ссылку.

Все способные к военной службе казаки отныне разделялись на 32 сотни. Сотни, в свою очередь, разбивались на десятки. При этом связь названий с реальной численностью прослеживалась не всегда — некоторые сотни, например, включали до 150 человек, в других не насчитывалось и восьмидесяти. Атаманы стали назначаться "высочайшей" волей[20].

Сибирское казачество, как уже отмечалось, никогда не было "вольным", а всегда — исключительно "служилым". Самый же обычный способ локализации служилых людей в XVII в. — по тому городу, в гарнизоны которого они входили. Численность городовых команд бывала самой различной — от нескольких десятков до двух с лишним тысяч (в Тобольске) человек.

Внутри гарнизонов служилые люди могли объединяться в специальные подразделения: "списки", "сотни", "пятидесятни", "полусотни", "десятки", "станицы", "приказы", а иногда на "иноземный" лад — "роты". Точного соответствия десятичной системе, положенной в основу управления войсками, не наблюдалось ни на высшем, ни на низшем уровне. В сотне, как и в обычно соответствующей ей (по крайней мере у пеших казаков) станице, в реальности редко бывало ровно 100 чел. "Пятидесятни" и "десятки" также далеко не всегда состояли из 50 и 10 служилых, "полный приказ" редко насчитывал положенные 500 чел.

Гарнизоны находились под ведомством местных воевод, которые действовали через "начальных людей": голов, атаманов, сотников, ротмистров. Термин "голова" был довольно многозначным. Прежде всего так называли лиц, стоявших во главе казачьих приказов. В крупных гарнизонах имелись также письменные головы — чиновники для особых поручений. Кроме того, в документах встречается выражение "сотенные головы" — для обозначения следующего командного звена: сотников, атаманов, ротмистров.

У голов имелись свои канцелярии ("приказы") с собственными ("войсковыми") подьячими и дежурившими там денщиками. Низший и средний командный состав гарнизонов был представлен пятидесятниками (которые у казаков могли называться "есаулами") и десятниками.

Судя по сохранившимся "наказным памятям" (инструкциям), головы имели право судить подчиненных в небольших исках, контролировали выдачу жалованья, обязаны были "наряжать" служилых людей своего приказа на "всякие службы", а "за огурничества и за караульное оплошество и по челобитниковым делам и унимая от всякого дурна... чинить наказанье".

Система дисциплинарных наказаний в XVII в. не была четко разработана и, случалось, открывала простор самому необузданному произволу воевод и "начальных людей". Но и в обычной практике управления гарнизонами Сибири преобладали типично феодальные методы дисциплинарного воздействия: заключение на короткий срок в тюрьму, кнут, батоги и просто рукоприкладство.

Строгой разграниченности в правах и обязанностях высших должностных лиц в гарнизонах Сибири (как и других регионов Российского государства в XVII в.) не существовало. Статьи инструкций казачьим и стрелецким головам входили в основной своей части в "наказные памяти" воеводам тех же городов (а в небольших гарнизонах воеводы исполняли все функции голов). Эти документы, в частности, предусматривали, чтобы "прибор" казаков на "убылые места" производился головами с ведома воевод, фактически же роль головы здесь обычно сводилась к представлению в "съезжую избу" "сказок" о необходимости заполнения тех или иных вакансий и к подбору на них кандидатов, что могли самостоятельно делать (и делали) не только воеводы, но и дьяки и даже подьячие.

Официально брать на "государеву службу" разрешалось с 15 лет, и хотя на практике бывали случаи верстания с более раннего возраста, чаще всего, как показывают "разборные книги", казаками становились в 18-25 лет. Правила верстания требовали зачислять на службу лишь тех, "которые были бы не воры, сами были б молоды и с пищалей стрелять горазди"; новоприборных казаков следовало "приводить по чиновной книге к вере" (присяге). Необходимым условием верстания являлось поручительство. Казаки обязывались "не изменяти", "не сбежати", "никаким воровством не

воровати", не проигрывать жалованья и оружия, "над государевою казной порухи никоторой не учинить" и т.д., а поручители отвечали за благонадежность новоприборного служилого своим имуществом. Во вновь образованных станицах и сотнях обычной была круговая порука казаков одного десятка, претенденты же на "выбылые места" находили себе поручителей сами — как правило, среди самых различных "чинов"[21].

"Государева служба" в Сибири конца XVI—начала XVIII вв. была, конечно, нелегка, опасна, но проблемы с пополнением гарнизонов у воеводской администрации возникали лишь в отдаленных и, как правило, "новых" городах, мало привлекательных для вольных переселенцев из-за хозяйственной неустроенности, суровых климатических условий или военной опасности.

В большей части сибирских городов к концу XVII в. уже имелся большой резерв для пополнения гарнизонов — из неверстанных казачьих детей вполне "служилого" возраста. Их число иногда даже превышало численность самого гарнизона (в таких, например, городах, как Туринск или Пелым). О ситуации с заполнением вакансий в сибирской столице, где в 1670-е гг. при общей численности казаков и стрельцов примерно в 1300 чел. насчитывалось свыше 600 из неверстанных "детей, братьев и племянников", можно судить по следующему высказыванию одного из местных дьяков: "А прямым выбылым местам в Тобольску... и малое время порожжим быть нельзя, потому что у служивых людей детей не в службе много, а все в службу ради, и которого числа выбылое место учинится, и на то место бывают вскоре многие челобитчики"[22]. Временами, правда, обстановка вокруг вакансий разряжалась — когда производились массовые наборы во вновь создаваемые воинские подразделения или на какую-нибудь "дальнюю службу" Так, в 1684 г. в связи с начавшейся русско-китайской войной для отправки в "Дауры" было набрано в одних только городах Тобольского разряда сразу 500 чел. — главным образом из казачьих "детей, братьев и племянников"[23].

В XVI—XVII вв. военная служба не ограничивалась ни количеством отданных ей лет, ни возрастом. В сибирских гарнизонах встречались казаки старше 70 и даже 80 лет. Отставка следовала в случае потери трудоспособности из-за старости, болезни, увечий, но иногда казаки бывали "со службы выметаны" и "за пьянство", не говоря уже о более серьезных проступках. "Вины и прослуги" могли повлечь за собой и понижение в чине. Одной из причин перевода в "меньшие статьи" (например из конных казаков в пешие) и даже полной отставки порой становилась "скудость" (бедность) служилого человека. Однако движение по служебной лестнице в сибирских гарнизонах чаще все-таки происходило снизу вверх. За заслуги перед государем казаков не только переводили в десятники и пятидесятники, но верстали и в атаманы, и даже в дети боярские. При этом последовательность (очередность) прохождения командных должностей от низшей к высшей была не обязательной, так что рядовой казак мог попасть в "служилую аристократию" гарнизона, минуя все "промежуточные" чины. И хотя высшие должности в казачьем войске со временем вообще становились по сути дела наследственными, состав гарнизонной верхушки за Уралом был, пожалуй, наиболее "демократичным" в Российском государстве. А в Восточной Сибири и в начале XVIII в. большинство детей боярских происходило из простых казаков[24].

Заслуги служилого человека могли быть отмечены и более простым способом — установлением повышенного оклада жалованья при неизменности "чина". Казаки Сибири считались находящимися на государственном обеспечении, и большинству их полагалось за службу три вида жалованья — деньги, хлеб и соль. Оклады варьировались в зависимости от гарнизона (в дальних и "непашенных" городах жалованье было выше), вида службы (конной или пешей), должности и даже семейного положения (женатые получали прибавку к хлебным и соляным окладам). Но у рядового и низшего командного состава различия эти были несущественны.

У большинства конных казаков денежное жалованье колебалось в пределах 7-8 руб. в год, у большинства пеших казаков — от 4 руб. 25 коп. до 5 руб. 25 коп. Хлебные оклады конных и пеших казаков Сибири в XVII в. различались уже не так сильно, как денежные (более значимым здесь было различие между "пашенными" и "непашенными" городами), и у большинства составляли от 30 до 50 пудов муки в год.

В XVII в. хлебопашество было возможно далеко не во всех сибирских уездах, но и там, где казаки брались за соху, государство пыталось извлечь из этого максимальную выгоду для себя: с конца первой четверти XVII в. за каждую десятину пашни из жалованья служилого человека стали вычитать определенную (в разных уездах разную) часть хлебного оклада, вследствие чего часть казаков вообще потеряла право на казенный хлеб[25].

По сравнению с денежным и хлебным жалованьем, градация соляных окладов была минимальной — в пределах от 1 с четвертью до 2 с четвертью пудов — и уже совсем не зависела от принадлежности к конным или пешим казакам.

Если десятники и даже пятидесятники в жалованье мало чем отличались от рядовых служилых (а бывало, и не отличались), то головы, сотники, атаманы существенно выделялись на общем фоне размерами своих окладов (например, денежное жалованье у них, обычно составляя от 10 до 20 руб., доходило и до 30 руб.). Однако в результате "придач" за "службы" отдельные казаки могли иметь годовые оклады на уровне "середних статей" представителей "служилой аристократии" (до 9-13 руб.).

У подавляющего большинства казаков Сибири жалованья едва хватало на пропитание двух человек при условии бесперебойной выдачи окладов[26].

Но выплата жалованья сибирским служилым людям в конце XVI—начале XVIII вв. не была регулярной. Перебои с государственным обеспечением сибирских гарнизонов оказывались обычным явлением — особенно для дальних городов и особенно с конца 60—начала 70-х гг. XVII в. Даже в ближайшем "к Руси" Тобольском разряде с этого времени в казне для расчетов со служилыми людьми не хватало "наличности", и деньги там часто заменяли тканями, иногда — мехами или какими-то другими "товарами" и "припасами" Но несмотря на такую замену казна оставалась должна все большему числу служилых не только за текущие, но и за "прошлые" годы. Менее гарантированным становилось в последней трети XVII в. при несомненных успехах сибирского земледелия и продовольственное снабжение гарнизонов, рост которых, видимо, сильно опережал возможности их материального обеспечения. Какую-то часть положенных служилым окладов присваивали себе различными путями представители воеводской администрации — вымогая взятки, обсчитывая и т.д.

Из-за перебоев с государственным обеспечением и недостаточности его размеров казаки, снаряжаясь во всякого рода "дальние посылки", вынуждены были влезать в "неокупные долги". Понятна поэтому заинтересованность сибирских служилых людей в "торгах и промыслах", хлебопашестве, в поисках "новых неясачных землиц", в экспедициях, напоминавших казачьи походы "за зипунами".

Материальное положение казаков Сибири в известной мере облегчалось системой льгот, полагавшихся служилым людям, а также некоторыми единовременными выплатами сверх окладов. Сибирские служилые могли, например, торговать "от полтины и от рубля" и провозить "на Русь" и обратно товары на сумму до 50 руб. "бестаможенно и беспошлинно". При обустройстве на новом месте казакам могли выдать "подмогу на дворы"; за успешные боевые действия полагалось "наградное жалованье" ("за явственный бой" — по полтине человеку, "за побитых и взятых мужиков" — по рублю и т.д.); "для посылок" казаки могли получать "прогонные деньги" на подводы и гребцов. По прибытии "со всякими великого государя делы" в Москву сибирским служилым людям выдавали деньги на "поденный корм" (из расчета 3-4 коп. на день человеку), определенную сумму "за выход" (в зависимости от города и "чина" 2-6 руб.) и "по сукну по доброму"[27].

Следует, однако, иметь в виду, что сверхокладные "пожалования" часто имели не столько материальное, сколько моральное значение. Они нередко едва возмещали те затраты, которые сибирские казаки должны были нести в ходе выполнения разного рода заданий. В Сибири XVII в. служилые люди бывали вынуждены не только приобретать на свои деньги фураж, лошадей, нарты и прочие транспортные средства, но и оплачивать временное жилье или нанимать "работных людей" для выполнения тех или иных поручений.

* * *

В целом, если сравнивать военную организацию казаков в европейской и азиатской частях страны, можно отметить целый ряд схожих черт, роднящих "вольное" казачество Яика и "служилое" сибирское.

Хорошо известно, что в сибирских гарнизонах XVII в. широко практиковалась выборность "начальных людей" (окончательно утверждаемых на своих должностях местной или центральной администрацией). Служилые люди имели собственную ("войсковую") казну, которой пользовались с общего согласия и ведома. В каждом гарнизоне казаки сами осуществляли разверстку и контроль за очередностью выполнения особо обременительных поручений. Обычными в сибирской служилой среде были общие сходы для обсуждения текущих дел, проводившиеся под "войсковым" знаменем. Поскольку при всем вовлечении служилых в земледелие, "торги и промыслы" главный источник существования сибирскому "войску" давало жалованье, важнейшей заботой казаков стал контроль за его доставкой и выдачей, сводивший к минимуму воеводские злоупотребления в этой сфере.

Жизнь служилых людей в Сибири отчасти регламентировалась властями. Казаки должны были время от времени являться на смотры, стрельбы, отпрашивались у своего начальства при отъездах на промыслы, в деревни и т.д. Однако жесткая регламентация казачьего быта за Уралом была невозможна: ее затруднял прежде всего характер расселения служилых. Хотя в

сибирских городах и предпринимались попытки учреждать слободы, отдельные для каждой категории населения, тенденция эта не получила повсеместного и широкого развития. Дворы представителей служилого и неслужилого населения перемешивались как за городскими стенами, так и вне их, что создавало помехи властям даже при сборе войск в "сполошное" время.

Когда же казаки оказывались предоставленными самим себе — например, находясь в длительной экспедиции — их неофициальная воинская организация выходила на первый план, оттесняя, а порой и вовсе исключая организацию официальную. Сибирские казаки имели обыкновение отстаивать собственное мнение о таких вопросах, как выбор места для сооружения крепости или будущего города, целесообразность, сроки и маршруты военных походов. Глава экспедиции в затруднительных ситуациях обычно "держал совет" со всем "войском". В Сибири были нередки случаи, когда казаки во время походов собирались для решения возникших проблем "на круг" сами — либо помимо воли "начальных людей", либо даже вопреки ей. "Войско" могло открыто "отказать" своему предводителю в подчинении, и не только местная, но и центральная администрация бывала вынуждена мириться с подобным "самоуправством". В случае смерти своего предводителя казаки в походе выбирали себе ("до указу") нового военачальника. Добыча — военная и промысловая — поступала в общий "кошт" и делилась затем между всеми "полчанами" на паи, исходя из ее стоимости.

Историки уже давно обратили внимание на "неофициальную" сторону военной организации сибирского войска[28]. Она обычно рассматривается как проявление в приборной служилой среде "традиций казачьего самоуправления", занесенных за Урал представителями вольного казачества, но правомернее ставить неофициальную организацию служилых в один ряд с бытовавшими в Сибири XVII в. традициями мирского, общинного самоуправления. Сильные позиции за Уралом долго сохраняли не только служилые, но посадские, и крестьянские "миры", в свою очередь генетически связанные с нормами общинного самоуправления на Русском Севере. Казачьи вольные сообщества представляли собой по сути дела те же хорошо знакомые русскому человеку общины, вынужденные, правда, отстаивать свое существование в особых, экстремальных условиях.

В Сибири конца XVI—начала XVIII вв. были все условия для постоянного воспроизводства этих порядков. Казачьи нормы взаимоотношений и друг с другом, и с государственной властью оказывались привлекательными для сибирского служилого люда прежде всего потому, что помогали ему в суровом, слабо обжитом крае исполнять нелегкие обязанности, в том числе достойно нести тяготы ратной службы. Корпоративная сплоченность сибирского служилого "мира", как и "мира" всеуездного, несомненно, восходила к древним общерусским традициям[29]. Она могла превращать его в могучую силу и перед лицом внешнего врага, и перед воеводским произволом. Успешные выступления сибирского казачества против неугодных правителей известны не менее его успехов в ратном деле, необъяснимых одним лишь "превосходством ружья над луком" На начальном этапе колонизации Сибири позиции государственной власти там были еще слабы, и именно поэтому, несмотря на отсутствие за Уралом вольных казачьих общин, дух вольного казачества, кажется, просто витал над этим краем, воплощаясь в самые различные действия и формы.

3. Формирование казачьих войск в XVIII—первой половине XIX в.

Дальнейшим укреплением и организационным формированием казачества на востоке России ознаменовался XVIII век. Причины указанных процессов были связаны в первую очередь с международным положением и внешней политикой России на восточных рубежах. От Волги до Дальнего Востока протянулись границы России с кочевыми народами, с Джунгарией и Китаем. Беспокойная обстановка на этих границах (набеги кочевников — башкир, казахов, джунгар, монголов — и аннексия Цинской империей к середине XVIII в. всей Монголии), с другой стороны, медленное, но неуклонное распространение русских владений на юг привели к созданию в XVIII в. нескольких линий пограничных укреплений и явились фактором, непосредственно вдохновившим правительство на создание новых казачьих воск и укрепление прежних в восточных регионах России. Начатая Петром I "модернизация" России (выборочное заимствование технологических, главным образом военно-промышленных достижений более развитых стран; ужесточение эксплуатации собственного народа архаическими методами; растущая централизация и бюрократизация управления) придала процессам развития казачества своеобразные, подчас противоречивые особенности: с одной стороны, регуляризация старых казачьих войск (Яицкое), с другой, формирование новых воинских организаций на иррегулярной основе.

Пожалуй, наиболее опасная военно-политическая ситуация в начале XVIII в. сложилась в Степном Заволжье, на Урале и в Зауралье. Потерпев ряд поражений от джунгар, казахи откочевали на север, к Яику, Тоболу, Ишиму и начали совершать набеги на русских земледельцев Урала и Сибири. Делалось это абсолютно безнаказанно. Русские поселения на Урале были совершенно не защищены на пространстве между средним течением Яика и реками Исетью и Миасом, где еще во второй половине XVII в. исетские казаки построили укрепленные городки и острожки. Еще большая опасность исходила от башкир, в середине XVI в. принявших русское подданство на условиях выплаты ясака. Успехи русской земледельческой и промышленной колонизации в Заволжье и на Урале, связанные с изъятием и перераспределением башкирских земель, а также ростом фискального, политического, религиозного угнетения башкирского населения спровоцировали целый ряд мощных мятежей: 1661—1667, 1675—1682, 1704—1711 гг., в ходе которых нередко совершались нападения на земледельческое население и заводы.

В целях стабилизации военно-политической ситуации правительство прибегло к созданию новых укрепленных линий. В 1724 г. бывший начальник Сибирского обер-бергамта В.Н.Татищев предлагал соорудить в Башкирии и по ее границам "городки" по примеру "царя Ивана Васильевича, как он заключил казанских татар построением нескольких городков по Каме и Вятке рекам, которые и доднесь пребывают"[30].

В 1732 г. началось сооружение новой Закамской линии, которая протянулась от пригорода Алексеевска (в 26 верстах от Самары) через Сергиевск к границе Казанской губернии; на р.Кичуй линия соединялась со старой Закамской. В состав новой Закамской линии вошли крепости Кон-

дурчинская, Черемшанская, Красный Яр, Шешминская, Кичуйская. Старая и новая Закамские линии охватили Башкирию с севера и северо-запада.

В феврале 1731 г. в ответ на обращение хана Младшего Жуза Абулхаира императрица Анна Иоановна подписала жалованную грамоту о принятии казахов Младшего Жуза в российское подданство. В конце 1731 г. российское подданство приняли и казахи Среднего Жуза. Эти события привели к созданию Оренбургской экспедиции, в задачи которой входило политическое и хозяйственное освоение Южного Урала, заселение края русскими крестьянами и купечеством, налаживание торговых связей со среднеазиатскими ханствами и через них с Индией. Опорным пунктом для деятельности Оренбургской экспедиции должен был стать город при устье р.Ори — Оренбург. Руководство экспедицией было возложено на автора проекта (проект утвержден 1 мая 1734 г.) обер-секретаря Сената И.К.Кирилова.

В августе 1735 г. экспедиция прибыла к устью р.Ори и тогда же заложила крепость (в 1740 г. город Оренбург был перенесен к Красной горе, а старый город назван Орском; в 1742 г. Оренбург был перенесен во второй раз — на нынешнее место, а прежний город получил наименование Красногорской крепости). Активизация русской политики в Башкирии привела к новым башкирским восстаниям: 1735—1737, 1738—1739, 1740 гг., что, в свою очередь, стимулировало фортификационное строительство Оренбургской экспедиции.

В течение 1730—1740-х гг. были сооружены следующие укрепленные линии:

1) Самарская, соединявшая Яик с Волгой и включавшая город Самару и Алексеевск, а также 8 крепостей: Красно-Самарская, Борская, Елшанская, Бузулукская, Тоцкая, Сорочинская, Ново-Сергиевская, Переволоцкая;

2) Сакмарская, включавшая две крепости — Пречистенскую и Воздвиженскую, и два редута — Никитский и Желтый;

3) Оренбургская (Яицкая), протянувшаяся на 1780 верст от Каспийского моря до р.Тобола, в свою очередь, делилась на ряд линий:

— Нижне-Яицкую (около 800 верст от крепости Чернореченской до Каспийского моря), включавшую Гурьев, Кулагин, Калмыков, Яицкий, Рассупную и Чернореченскую;

— Верхне-Яицкую (около 670 верст от крепости Чернореченской до Верхне-Яицкой), включавшую слободу Бердскую, г. Оренбург, Красногорскую, Озерную, Ильинскую, Губерлинскую, Орскую, Таналыкскую, Уртазымскую, Кизильскую, Янгельскую, Магнитную, Верхне-Яицкую;

— Верхне-Уйскую, в состав которой входили крепости Верхне-Яицкая, Карагайская, Петропавловская, Уйская;

— Нижне-Уйскую, включавшую крепости Петропавловскую, Степную, Троицкую;

4) Исетская, протянувшаяся от Верхне-Миасской через Чумлякскую, Средне-Миасскую, Усть-Миасскую до Исетского острога, где соединялась с одной стороны посредством р.Тобола с Царево-Городищем и Звериноголовской, а с другой — по р.Исети через Шадринск, Далматов, Катайский и Колчеданский остроги имела связь с Екатеринбургом.

От Екатеринбурга тянулась линия, отделявшая Башкирию от Западной Сибири посредством крепостей Грабовской, Кленовской, Ачитской, Бисертской. Возле Бисертской крепости линия разветвлялась и через Красно-

уфимск и Елдяцкую шла на Уфу, а через крепости Осинскую, Елабугу, Мензелинск — на старую Закамскую линию. В итоге была создана сеть укреплений, опоясавшая Башкирию кольцом со всех сторон.

Глава Оренбургской экспедиции И.К.Кирилов считал, что нет надобности переводить на новые укрепленные линии регулярные войска из внутренних провинций России, предпочтительнее создавать местные боевые силы по образцу казачьих. И.К.Кирилов начал заселять пограничные крепости и форпосты преимущественно "нерегулярными людьми". Одновременно происходила кристаллизация будущей организационной структуры Оренбургского казачьего войска.

На новой Закамской линии были поселены ландмилицкие полки: Алексеевский, Сергиевский, Шешминский, Билярский (названия определены по месту дислокации). В 1742 г. в связи с потерей Закамской линией прежнего стратегического значения, эти полки были переселены на Самарскую и Оренбургскую линии.

В 1734 г. было дано штатное расписание самарским казакам (общее количество определялось в 487 чел.). Они делились на 5 рот, в том числе одну дворянскую ротмистра Максимовского и три казачьих, во главе которых был поставлен атаманов сотник И.Чернов.

В 1736 г. получает организационное оформление Исетское казачье войско — потомки дружины Ермака, которые с середины XVII в. осваивали районы по течению Исети и Миаса и их притокам; до 1730-х гг. исетские казаки жили отдельными общинами со своими атаманами и не имели общего командования, подчинялись тобольским воеводам, а со времени учреждения губерний — губернаторам. По высочайшему указу 11 февраля 1736 г. В.Н.Татищев образовал из исетских казаков особое войско и дал ему временный штат, который предусматривал наличие войскового атамана, есаула, писаря, войскового старшины и войсковой избы (канцелярии). В 1743 г. правитель Оренбургского края И.И.Неплюев проехал по Исетской линии и распределил по крепостям 1360 казаков, назначив местом пребывания войсковой администрации Челябинскую крепость.

В конце 1730-х гг. формируется Ставропольское калмыцкое войско, впоследствии — в 1842 г. — вошедшее в состав Оренбургского казачьего войска. В 1739 г. была построена крепость Ставрополь для главы крещеных калмыков княгини Анны Тайшиной. Поселенные в окрестностях крепости калмыки составили особое войско. В 1745 г. были утверждены правила управления Калмыцким войском, в соответствии с которыми последнее делилось на 5 рот.

Со времени основания Оренбурга в 1735 г. город стали активно заселять уфимскими, самарскими, алексеевскими, сергиевскими городовыми казаками, которые и составили ядро будущего Оренбургского казачьего войска. Кроме того, на Оренбургскую линию селили охотников из яицкого казачества, неверстанных и не положенных в подушный оклад казачьих и дворянских детей из "сибирских ближних городов", служилых уфимских мещеряков, "охотников" из крестьян сибирских слобод, отставных драгун, солдат, матросов. Указом от 11 февраля 1736 г. было велено для умножения населения в Оренбургском крае ссыльных отправлять не в Сибирь, а к главе Оренбургской экспедиции. Последний же получил разрешение годных ссыльных также определять в нерегулярную службу.

До конца 1730-х гг. самарские, уфимские, алексеевские, сергиевские, исетские казаки не имели общего названия (лишь исетские получили свое войсковое управление) и подчинялись провинциальным канцеляриям, командирам ландмилицких полков, Оренбургской комиссии. С учреждением в 1744 г. Оренбургской губернии все казаки на территории края были подчинены в военном и гражданском отношении губернатору и губернской канцелярии, но до 1748 г. они не имели собственного войскового управления. В 1744 г. жители Оренбурга и Бердской слободы образовали Оренбургский нерегулярный корпус.

Указом Военной коллегии 24 мая 1748 г. все казачьи части Оренбургской губернии были объединены в Оренбургское нерегулярное войско под началом одного атамана (первым войсковым атаманом стал сотник Василий Могутов, занимавший этот пост до 1778 г. в течение 30 лет). Многие историки именно 1748 г. считают началом истории Оренбургского казачьего войска, формирование которого завершил штат "Нерегулярным людям Оренбургской губернии", высочайше утвержденный 15 мая 1755 г. Штат определял численность войска в 5877 служилых казаков. Все оренбургское казачество делилось на жалованных, маложалованных и безжалованных. К первым относились лишь чины Оренбургского нерегулярного корпуса, половина из которых должна была постоянно находиться на службе в составе Оренбургского казачьего тысячного полка. Он делился на 10 рот, из которых одна была дворянская, а одна калмыцкая. Маложалованные должны были выставлять на службу одну третью часть чинов; последние получали жалование единственно на их "воинскую справу". Безжалованные жили за счет своего собственного хозяйства и выставляли на службу не более одной четвертой своего состава. Определенный комплект предполагалось пополнять казачьими детьми, годными, но не записанными в службу. К войску было причислено, кроме того, 59 кибиток крещеных калмыков, вышедших с Волги в 1745 г. вследствие междоусобий и голода. В 1758 г. оренбургские казаки были уравнены по положению и довольствию с донскими казаками и регулярными солдатами[31].

После ликвидации в 1720-е гг. центральной властью политической автономии Яицкого казачьего войска в нем развернулась острая борьба между так называемыми "старшинской" и "народной" партиями. Оренбургский губернатор И.И.Неплюев, считая, что причиной раздоров является отсутствие штата, правильно организованных административных учреждений, определения компетенции должностных лиц, разработал детальный проект преобразования Яицкого казачьего войска (1748 г.). Проектом предусматривались должности войскового атамана, двух войсковых старшин, войскового писаря, двух есаулов. Казачий корпус должен был делиться на 7 полков или станиц по 500 казаков в каждой. Проектировался переход от службы по найму к очередной службе. Но проект этот так и не был утвержден[32].

Формирование казачьих войск Сибири в XVIII—первой половине XIX в. отмечено складыванием ряда конструкционных элементов, которые позволяют фиксировать процесс появления войсковой организации у сибирских казаков. К этим элементам относятся: 1) поселение казаков на землю (казачьи войска — это войска поселенные); 2) наличие единого массива земель, занятых войском (казаки проживают в своем большинстве не мелкими группами, рассеянными среди прочего населения, а компактно); 3) административно-территориальное деление вычленено из общегражданско-

го, оно (как и управление казаками) автономно от местных гражданских властей и полностью военизировано — каждая административно-территориальная единица являлась одновременно войсковым подразделением (станицы выставляли сотни, полковые округа — полки, бригадные — бригады и т.д.), а все управление находилось в руках военных — казачьих офицеров; 4) регуляризация службы, сближение казачества по организационной структуре, экипировке, срокам службы и пр. с регулярной армией; 5) сохранение существенных черт иррегулярности и прежде всего сопряжение казаком службы с хозяйственными занятиями (земледелием, промыслами, торговлей); 6) наличие войсковой казны ("экономии").

В первой четверти XVIII в. на юге Западной Сибири, в верховьях Иртыша, было построено 5 крепостей: Омская (1716 г.), Железинская (1717 г.), Семипалатная (1718 г.), Ямышевская (1715—1718 гг.) и Усть-Каменогорская (1720 г.), которые образовали так называемую Иртышскую линию. Для несения службы в эти пять крепостей, наряду с регулярными частями, были передислоцированы казаки из городовых команд Западной Сибири. Находившиеся в верхнеиртышских крепостях городовые казаки были выключены из списков своих прежних команд. Они составили постоянные гарнизоны на Иртышской пограничной линии: в Ямышевской, Омской и Семипалатной крепостях по 200 чел., в Усть-Каменогорской — 100, Железинской — 50. Эти казаки получили наименование крепостных. В исторической литературе бесспорно признается, что крепостные казаки явились "ближайшими прародителями" будущего Сибирского линейного казачьего войска[33].

К середине XVIII в. на юге Западной Сибири существовали Новая Сибирская, или Ишимская (в составе Новой, Тобольской, Ишимской и Тарской), Иртышская, Колыванская и Кузнецкая укрепленная линии. К маю 1755 г. на этих линиях имелось 133 опорных пункта, среднее расстояние между которыми составляло 12-30 верст. Общая длина линий в 1765 г. насчитывала 2135 верст. В этом году началось строительство еще одной — Колывано-Кузнецкой линии. Крепостные казаки, однако, продолжали дислоцироваться только на Иртышской линии. Они составляли всего около 9% местных вооруженных сил. В основном южносибирские линии охраняли регулярные части и командированные на время представители городовых казачьих команд.

Организационно крепостных казаков связывала лишь общность руководства — они подчинялись армейскому командованию в лице начальника западно-сибирских укрепленных линий. В 1760 г. вводится должность атамана всех крепостных казаков Западной Сибири. Тем самым было положено начало формированию у крепостных казаков собственной войсковой организации. Первым атаманом стал сотник Федор Анциферов, о котором сообщалось, что он "грамоте читать и писать достаточно умеет и состояния доброго".

В 1767 г. Анциферов принял участие в работе Уложенной Комиссии Екатерины II в качестве депутата от казаков верхнеиртышских пограничных крепостей. Комиссия разработала специальный "Проект законов о правах войск казачьих" Документ предусматривал введение в некоторых казачьих войсках (в том числе у крепостных казаков) войсковых канцелярий, возглавляемых президентами. Половина членов канцелярии назначалась "высшим правительством", другая — выбиралась казаками. "В

казацких полках, живущих при крепостях", предполагалось учреждение полковых канцелярий (в составе полкового командира и четырех "чиновных людей"). И войсковая, и полковая канцелярии, по проекту, подразделялись на две экспедиции: военную и гражданскую. Решалась задача повышения статуса казачьих старшин. В проекте говорилось, что хотя они "рангов против регулярных войск" не имеют, но " могут иметь свободный вход ко Двору и во все такие общественные собрания, куда и обер-офицеры входят"

Военная коллегия, однако, ознакомившись с проектом, заметила, что в условиях начавшейся русско-турецкой войны (1768—1774 гг.) "не настоит уже комиссии удобности и возможности рассматривать о тех нерегулярных войсках, а меньше того делать им перемены вновь и штаты"[34].

Параллельно с процессом формирования нового казачьего войска на южных границах Западной Сибири шел другой — складывалось Забайкальское войско, хотя последний и отличался более медленными темпами. После того, как в 1727 г. в Забайкалье была установлена официальная граница с Китайской империей, встал вопрос о ее охране. Опорными пунктами с русской стороны стали Троицко-Савская крепость, Аргунский и Тункинский остроги, Цурухайтцевский и Кяхтинский форпосты и 18 редутов (караулов).

Службу на пограничной линии несли регулярные (первоначально два капральства Якутского полка) и иррегулярные команды, численность которых постоянно возрастала. С начала 1760-х гг. предпринимаются усилия по фортификационному укреплению русско-китайской границы. К 1774 г. в Забайкалье имелось уже 8 крепостей: Горбиченская, Цурухайтцевская, Чиндантурукцевская, Акшинская, Кударинская, Троицко-Савская, Харацайская и Тункинская. В соответствии с этим забайкальский участок границы был разделен на 8 дистанций. Между крепостями вдоль границы располагались 6 форпостов, около 60 редутов и пикетов и несколько так называемых "расколодок"[35]. Численность пограничной стражи по указанию начальника находившейся в Селенгинске Канцелярии правления пограничных дел В.В.Якоби стали усиленно наращивать за счет казаков внутренних гарнизонов. Было предписано несших службу на пограничных редутах русских казаков в "их домы не отпускать" К 1772 г. больше половины забайкальских казаков служили не по месту своей "прописки" в городах и острогах, а на пограничной линии. По инициативе иркутского губернатора А.И.Бриля эти казаки, усиленные за счет пополнения из поверстанных в службу местных посадских людей и находившихся в Нерчинском ведомстве во временном "откомандировании" иркутских казаков, были зачислены в особое "казачье пограничное войско на китайской границе" Штатными расписаниями 1772—1775 гг. в этом "войске" вводились чины сотников, урядников, капралов и рядовых. Поскольку собственного войскового правления пограничные казачьи части не имели, "войском" на деле они не являлись, хотя и именовались им в официальных документах[36].

Примерно в это же время, в 1770—1780-х гг., поселенные на западносибирских линиях крепостные и городовые казаки теряют прежние частные названия ("тобольских", "тарских", "верхнеиртышских" и т.п.) и переименовываются в линейных — "сибирских линий казаков" В 1787 г. вместо старого деления на крепостные гарнизонные команды вводится разделение линейных казаков на 24 сотни[37]. К концу XVIII в. линейные казаки были рассредоточены по 17 крепостям, 17 форпостам, 16 редутам и 46 более

мелким укрепленным пунктам на Новой Сибирской, Иртышской и Колывано-Кузнецкой линиях.

С 1770-х гг. происходят существенные перемены в номенклатуре казачьих чинов Юго-Западной Сибири и Забайкалья. У линейных казаков закрепляются чины поручиков и прапорщиков (их носили армейские офицеры в составе линейного "войска"). В забайкальском пограничном и линейном "войсках" вводятся чины урядников и капралов. Внедрение в казачью среду элементов армейской чиновной номенклатуры говорит о стремлении правительства к регуляризации казачьей службы. С начала следующего, XIX столетия, у сибирских казаков появляются также чины, принятые в казачьих войсках Европейской России. Так, у забайкальских пограничных казаков командирам дистанций начинают присваивать чин хорунжего. В Забайкалье же на пограничную казачью старшину отчасти распространяют общепринятую в России систему классных рангов. Дистанционным начальникам (хорунжим) и командирам пограничных сотен стали присваивать 14-й класс-ранг. Получивший его считался за обер-офицера и в служилой иерархии оказывался выше сотника, хотя никакого чина, соответствующего рангу (прапорщика или коллежского регистратора), не получал[38].

В последней четверти XVIII в. завершается заселение казаками приграничной полосы, протянувшейся от Урала до Амура; начинается формирование в Сибири войсковых территорий. Решающую роль в этом сыграли правительственные меры по наделению линейных и забайкальских пограничных казаков земельными участками. В итоге в общих чертах обозначилась область, ставшая ядром земельных владений будущих Сибирского и Забайкальского казачьих войск. Территория расселения линейных казаков к концу XVIII столетия включала земли вдоль укрепленных линий в долинах рек Ишима, Иртыша, Чарыша, Катуни и Бии — от Уральских гор через Петропавловскую, Омскую, Ямышевскую, Семипалатную, Усть-Каменогорскую, Бийскую крепости к Кузнецку. Пограничное казачье "войско" занимало пространство от Саянских гор вдоль границы до Амура — через Тункинскую крепость по рекам Джиде, Чикою, Онону и Аргуни.

События 1770-х гг. (уход калмыков из Поволжья в Центральную Азию в 1771 г.; Пугачевщина) продемонстрировали определенные недостатки организации пограничной службы на Южном Урале: малоподвижность гарнизонных батальонов, ненадежность башкир и калмыков, разбросанность казаков по крепостям, форпостам, редутам, отсутствие полевой артиллерии. Эти недостатки не были устранены до конца XVIII в. На рубеже столетий правительство решило реформировать Оренбургское и Уральское казачьи войска с целью повышения эффективности оборонительной системы Оренбуржья.

10 апреля 1798 г. в ответ на доношение Оренбургского военного губернатора барона О.А.Игельстрома последовал высочайший указ, который повелевал точно исчислить оренбургских казаков от 20 до 50 лет, способных нести строевую службу, и разделить их на 5 кантонов. В состав 1-го, Исетского, кантона вошли 6 станиц (атаманом назначен поручик Ханжин); 2-го, Чебаркульского, — 5 станиц (прапорщик Осинцев); 3-го, Уфимского, — 3 станицы (поручик Ветошников); 4-го, Оренбургского, — 14 станиц (полковник Углецкий; он же войсковой атаман); 5-го, Самарского, — 10 станиц (поручик Углецкий). В состав кантонов не вошел только один нерегулярный корпус из 1090 казаков и чиновников, который находился на особом от

прочих казаков войска положении. На кантонных начальников возлагалась военная и хозяйственная власть. Оренбургская линия была разделена на пять дистанций: 1-я — от крепости Звериноголовской до г. Верхнеуральска; 2-я — от Верхнеуральска до ст.Орской; 3-я — от Орской до г. Оренбурга; 4-я — от Оренбурга до Нижнеуральска; 5-я — от Нижнеуральска до г. Гурьева. Первые три дистанции и еще одна — от Оренбурга до станицы Рассыпной) располагались в пределах Оренбургского казачьего войска, четвертая и пятая — в пределах Уральского войска. Кантонные начальники обязаны были следить, чтобы казаки отправлялись служить в ближайшие к ним по линии дистанции. Кантонным же начальникам полагалось наблюдать, чтобы хозяйства служащих казаков не приходили в упадок, и по мере необходимости оказывать им помощь (особенно во время жатвы и сенокоса)[39].

Существенные новшества в положение оренбургских казаков внесло Положение по управлению войском 8 июня 1803 г. Положение сохраняло кантонную организацию Оренбургского казачества (5 кантонов и Оренбургский казачий тысячный полк). Войско по-прежнему ставилось в зависимость от войсковой канцелярии с подчинением по военным делам инспектору Оренбургской инспекции, а по гражданским — губернскому начальству. Войсковая канцелярия учреждалась по образцу Черноморского и Уральского казачьих войск.

Принципиальным унифицирующим шагом явилось сравнение чинов войсковых офицеров с чинами регулярных войск: полковника с чином армейского майора; есаула — с чином ротмистра; сотника — с чином поручика; хорунжего — с чином корнета. Всех офицеров было повелено зачислять в войско высочайшим приказом только на имеющиеся вакансии. Офицеров, имеющих армейские чины, повелевалось увольнять в отставку распоряжением царя по прошениям только из-за неспособности к службе; нижних чинов — исключительно по старости и дряхлости или же по болезням и увечьям[40].

В то же время проводится реформа Уральского казачьего войска. Еще в 1799 г. офицеров войска уравняли в чинах с армейскими. 26 декабря 1803 г. было утверждено Положение о войске в составе одной лейб-уральской сотни и десяти конных казачьих полков. Положение касалось военного устройства войска, способа отбывания воинской повинности, гражданского управления.

Учреждалась новая войсковая канцелярия, где председательствовал войсковой атаман, а членами были два непременных советника из чиновников войска, два асессора неказачьего звания, сменяемые каждые три года, и "нужное число канцелярских чинов". Войсковая канцелярия подразделялась на две экспедиции: воинскую и гражданскую. По делам военным канцелярия подчинялась оренбургскому инспектору, по гражданским — в качестве уездного суда — зависела от оренбургского губернского начальства.

Положением определялся штат полка: один полковник, пять есаулов, пять сотников, пять хорунжих, десять урядников, один квартирмейстер, один писарь и 550 казаков. Всего в одном полку состояло 578 чел.[41]

В 1835 г. было осуществлено серьезное изменение конфигурации укрепленной линии на участке Оренбургского казачьего войска. Прежняя пограничная линия шла от Орска на север за Верхне-Уральск, затем сворачивала под прямым углом на восток и тянулась до станицы Березовской. Таким образом, линия шла большим изгибом, имела протяженность около 700 верст и требовала значительных сил для охраны. Решено было

спрямить пограничную линию, протянув ее от Орска до Березовской. В 1835 г. начались работы по возведению Новой линии, на которую были переселены казаки со старой линии, внутренних кантонов и чины поселенных линейных батальонов[42].

19 августа 1808 г. утверждаются Положение и штаты Сибирского линейного казачьего войска. Отныне все казаки по линиям, как служащие, так и отставные, а также их дети, составляли единое войско, на которое возлагались охрана границы и полицейские обязанности в приграничных районах. Войско должно было выставлять 10 конных пятисотенных полков, четыре резервные сотни и две конно-артиллерийские роты. Учреждалась войсковая канцелярия во главе с войсковым атаманом. Атаман назначался из армейских штаб-офицеров. Войско подчинялось командующему 24-й Сибирской дивизией. Наряду с прежними чинами, вводились новые: есаул, хорунжий, сотенный атаман, младший урядник. Чиновная иерархия выстраивалась отныне в следующем виде: рядовой — урядники (младший и старший) — сотенный атаман — хорунжий — сотник — есаул — войсковой атаман. Войсковые чины (не из армейских офицеров) не уравнивались в правах и рангах с армейскими чинами, как, например, в Донском войске.

Выход из казачьего сословия запрещался, зато поступать в казаки разрешалось всем желающим " из вольных людей", за исключением офицеров армии. Получить отставку казак мог "не иначе, как единственно по старости, дряхлости или же болезням и увечьям"[43].

Таким образом, Положение 1808 г. завершило почти вековой процесс формирования казачьего войска на юге Западной Сибири.

Первая половина XIX в. вообще была периодом активного формирования существующих и создания новых казачьих войск. Правда, изданные в правление Александра I постановления о казачьих войсках (Черноморском — 1802 г., Уральском — 1803 г., Оренбургском — 1803 г., Бутском — 1808 г., Сибирском — 1808 г., Астраханском — 1818 г.) не затрагивали всего российского казачества и к тому же имели между собой мало общего. В царствование Николая I осуществляется коренная реорганизация всех казачьих войск, имевшая целью придание им единообразных форм организационного, хозяйственного и правового устройства. Изданные в 1830—1850-е гг. положения и отдельные постановления определяли права и обязанности казаков, их сословный статус, порядок землевладения, войсковые финансы, медицинскую и учебную часть и пр. В итоге отдельные территориальные группы российского казачества окончательно слились в единое сословие.

Что касается восточных регионов страны, то положениями 1840 г. об Оренбургском казачьем войске, 1846 г. о Сибирском линейном казачьем войске, 1849 г. о тобольском пешем батальоне и Тобольском конном полку, 1851 г. о Забайкальском казачьем войске, Иркутском и Енисейском полках[44] здесь внедрялась стройная система управления и организационного построения войск. В Забайкалье было создано особое войско. В Оренбургском войске вводились три уровня войсковых тактических единиц: сотня — полк — войско; в Сибирском и Забайкальском — четыре уровня: сотня (конная) или рота (пешая) — полк (конный) или батальон (пеший) — бригада — войско. Оренбургское войско включало 10 конных полков шестисотенного состава, одну конно-артиллерийскую бригаду из трех действующих батарей, войсковую сотню мастеровых. Сибирское войско составляли девять

конных шестисотенных полков (которые сводились в четыре бригады), одна конно-артиллерийская бригада из трех батарей, девять резервных полковых команд и команда войсковых мастеровых. Забайкальское войско должно было выставлять три конные и три пешие бригады (в 1857 г. в Забайкальском войске создается конно-артиллерийская бригада). В конную бригаду входили два шестисотенных полка, в пешую — четыре батальона, каждый из пяти рот.

Казаки зачислялись в сотни, батальоны, полки и бригады по территориальному признаку. Соответственно каждое войсковое подразделение составляло одновременно административно-территориальную единицу: станицу, батальонный или полковой округ.

Положение об Оренбургском казачьем войске подтвердило главные права и преимущества войскового населения. Особо подчеркивалось его равенство в чинах с армейскими офицерами.

В полное соответствие с чиновной иерархией остальных казачьих войск (по образцу Донского) были приведены чины сибирских казаков. Они теперь выстраивались следующим образом: нижние чины — рядовые, приказные, урядники младшие и старшие; сотенные и батальонные командиры — хорунжие, сотники, есаулы (для конных сотен); полк возглавлял у линейных казаков полковник, у забайкальских — войсковой старшина в чине штабили обер-офицера; батарею — подполковник; бригаду — полковник; во главе всей пирамиды стоял наказной атаман в чине генерала. Кроме того, в составе подразделений имелись барабанщики, горнисты, трубачи, а также нестроевые чины — писари, коновалы, фельдшера, лекари, мастеровые (ложники, слесари, плотники). В артиллерийских батареях офицерские чины были армейскими: штабс-капитан, поручик, подпоручик и прапорщик.

Положения 1846 и 1851 гг. не уравнивали сибирских войсковых офицеров — выходцев из казачьего сословия — в правах и чинах с армейскими офицерами (зачисляемые в казачьи войска офицеры регулярной армии сохраняли за собой все прежние права и преимущества). Однако офицерам Сибирского линейного войска уже в 1849 г. "за верную и усердную службу" всем были пожалованы "права и преимущества, чинам армии предоставленные"[45].

Положения о казачьих войсках предусматривали возможность записи в них любых лиц "свободного состояния" Вместе с тем подтверждалось правило: "Лица, однажды поступившие в войсковое сословие, и их потомство остаются в войске навсегда". Исключение делалось лишь для офицеров из потомственных дворян. Но если того требовал государственный интерес, закон мог нарушаться. Так, в 1848 г. большая часть казаков на упраздненной Колывано-Кузнецкой линии была перечислена в крестьянство[46].

Положения 1840, 1846 и 1851 гг. касались и многих других важных сторон жизнеустройства казачьих войск: повинностей казаков, их землевладения, чинопроизводства, деятельности сословных учебных заведений и т.д. Предусматривалось, в частности, что все земли, на которых проживают казаки, "предоставляются войску в общественное владение и разделяются между его населением" Это окончательно завершило процесс формирования войсковых казачьих территорий. Оренбургскому казачьему войску были определены земли для поселения вдоль Оренбургской пограничной линии от границы Сибири до пределов Уральского казачьего войска, в глубину — не менее 15 верст. Для устройства переселенцев из внутренних кантонов

отводились земли Новолинейного (между Старой и Новой линиями) и Илецкого районов.

Сибирское линейное войско получало в свое владение земли вдоль укрепленной линии, а также те, которые занимали казачьи станицы, возникшие к 1840-м гг. в казахской степи. Забайкальскому войску предоставлялись земли, расположенные компактным массивом вдоль границы и отдельными участками в местах, прежде принадлежащих городовым, станичным и "инородческим" казакам, а также горнозаводским крестьянам, зачисленным в войско.

Кроме войск, в Сибири сохранялись формирования городовых казаков, которые Уставом о сибирских городовых казаках 1822 г. были переведены на полковую организацию (создавалось 7 полков). Тем же Уставом чины городовых казачьих офицеров приводились в соответствие с классами Табели о рангах и уравнивались с чинами гражданскими[47]. Положением 1849 г. один из городовых полков — Тобольский русский полк — был преобразован в пеший казачий батальон. После зачисления в 1851 г. Забайкальского городового полка в Забайкальское войско число городовых полков в Сибири сокращается до 5 (Тобольский конный, Томский, Иркутский, Енисейский и Якутский).

4. Военные и административные функции казачества

История казачества неразрывно связана с колонизацией сопредельных территорий Московского государства и Российской империи, с этим, по определению С.М.Соловьева и В.О.Ключевского, коренным фактом российской истории. Поскольку любое продвижение на другие земли неизбежно сопровождается борьбой (в той или иной форме) "с прежним варварским населением" (С.М.Соловьев), постольку казаки, представлявшие передовые отряды колонистов, неизбежно должны были выступить на историческом поприще главным образом как вооруженная сила. Военная организация помогала отстоять свое право на существование, противостоять "диким кочевым ордам", а военное искусство долгое время являлось своеобразным "промыслом". Казаки не могли бы прожить без походов "за зипунами", без "шарпанья" караванов, а по прошествии времени и без найма на государеву службу. Не говоря уже о том, что отгон ногайских табунов был известен еще и героям повести Л.Н.Толстого, правда, к этому времени он превратился уже в обыкновенное молодечество.

Московское государство, немало натерпевшись от своеволия казаков, довольно быстро, как отмечалось, оценило функциональную пользу от вооруженного населения, скопившегося на окраинах, и уже во второй половине XVI в. стало принимать станичников на правительственную службу.

Для яицких казаков вплоть до конца XVII в. правительственная служба была делом если не вполне добровольным (Москва хорошо знала, как заставить казаков служить), то не носила и характера государственного тягла. Существовала возможность выбора между правительственным наймом и военными экспедициями, предпринимаемыми на свой страх и риск.

Согласно преданию, в 1605 г. атаман Нечай с полутысячей казаков отправился в Хиву, не без оснований рассчитывая на богатую добычу. Первая часть операции прошла успешно, казакам в отсутствие хана удалось взять город, но "загостившись" в нем дольше, чем требовала обычная предосто-

рожность, они слишком поздно двинулись в обратный путь и были наголову разбиты на берегу Сыр-Дарьи. Через несколько лет по проторенному следу на покорение Хивы отправился атаман Шамай, но вскоре попал в плен к калмыкам, а его отряд, заблудившись, вышел к Аральскому морю и стал на зимовку. Многих свалили голод и внутренние распри, а оставшиеся в живых предали себя в руки хана и были обращены в рабов. Самого Шамая калмыки привезли через несколько лет для обмена.

Эти печальные обстоятельства не могли не подтолкнуть казаков к мысли о том, что служба "государю" не в пример прибыльнее и несколько менее опасна. Уже начиная с Михаила Федоровича казаки Яика время от времени посылают свои станицы в походы совместно с правительственными войсками. По свидетельству А.И.Левшина, в 1655 г. они участвовали в боевых действиях против поляков и шведов, в 1681—1682 гг. три сотни их служили под Чигирином, в 1683 г. 500 чел. посылали к Мензелинску "для усмирения бунтовавших башкирцев". Но все-таки по-настоящему "послужной список" Яицкого войска начинается лишь с Петра Великого. В 1696 г. яицкие казаки принимали участие во взятии Азова, в 1701, 1703, 1704, 1707 гг. они выступали в поход против шведов. В 1708 г. 1225 чел. вновь были посланы на усмирение башкирского восстания; в 1711 г., во время Прутского похода Петра, полуторатысячный отряд выступил на Кубань для поддержки основных сил армии, а в 1717 г. 1500 чел. во главе с кн.Бековичем-Черкасским двинулись на Хиву[48].

Общепризнанной особенностью казачьих войск была их универсальность. Недифференцированность, широчайший спектр служебных обязанностей делали казачье дело незаменимым в Сибири, где в течение нескольких столетий властям приходилось в ходе решений сложнейших задач по колонизации края широко маневрировать его более чем скудными людскими ресурсами.

В XVI—XVII вв. круг обязанностей служилых людей вообще не регламентировался, ограничиваясь лишь традицией да физическими возможностями исполнителей. Вместе с тем в различных гарнизонах в разные хронологические периоды на первый план могли выдвигаться разные "службы". Сибирь с ее региональной спецификой и в этом плане не была исключением. Например, сбор ясака стал важнейшей функцией казачьего войска далеко не во всех сибирских уездах, и гарнизоны таких городов, как Верхотурье, Туринск или Тюмень, если и занимались сбором ясака, то в неизмеримо меньшей степени, чем гарнизоны Березова, Сургута, Мангазеи и тем более Якутска. В Верхотурском и Илимском уездах, имевших крупные верфи, служилым людям приходилось выполнять множество поручений, связанных с организацией судового дела, а также с отправкой "хлебных запасов" в другие города. Последний род деятельности был важнейшим и для небольшого гарнизона Туринска; с верхотурским его сближала также необходимость контроля за "заповедными" дорогами.

Будучи в XVII в. главными "воротами" в Сибирь, Верхотурье требовало от своего гарнизона много сил и для обеспечения "таможенного дела" (служилых прикрепляли к таможням "для розсылок и выимки", "для ослушников" и т.д.). В тех городах, где не было посадских людей (например в Березове, Сургуте, Таре) казакам приходилось нести и специфически посадские "службы", в том числе в качестве "верных целовальников".

На гарнизонах южной полосы Сибири — тюменском, тарском, томском, кузнецком, красноярском и др. — лежала постоянная забота о "сторожевой и станичной службе", то есть о системе разъездов и караулов, обеспечивавших своевременное оповещение о набегах кочевников. Главным образом силами тех же южносибирских гарнизонов предпринимались и походы в степь, в то время как экспедиции "для поиску новых неясачных землиц" в северном и восточном направлениях осуществлялись прежде всего служилыми людьми из Мангазеи, Енисейска и Якутска. Из казаков Тобольского разряда формировались ежегодные караваны вверх по Иртышу за самосадочной солью на "Ямыш-озеро".

Гарнизон сибирской столицы был, пожалуй, знаком со всеми видами осуществляемых за Уралом "служб". Тобольск рассылал своих служилых по всей Сибири, и им приходилось выполнять самые различные поручения "в ряд" с представителями местных гарнизонов. "Во все страны летячая стрела — тоболян езда", — так охарактеризовал жизнь служилых людей сибирской столицы сын боярский Семен Ремезов, знаменитый впоследствии летописец и картограф[49]. Но у гарнизона главного города Сибири были и специфические обязанности. Тоболянам, например, чаще, чем представителям других городов, поручались почетные и ответственные "службы" и прежде всего — "посольская" Главным образом силами тобольского гарнизона осуществлялась транспортировка в Мангазею "морским путем" (по Обской губе) всякого рода "припасов"

В целом же сходства в характере служебной деятельности в различных сибирских гарнизонах было гораздо больше, чем отличий. Во всех городах казаки стояли на караулах (на крепостных башнях, у ворот, "зелейного погреба" и прочих административных зданий), сопровождали казенные грузы и партии ссыльных, выполняли полицейские функции. Кроме того, казаки всюду использовались как рабочая сила, хотя, разумеется, и здесь каждый регион мог иметь свою специфику. Служилым людям приходилось ловить рыбу "на государя", разгружать суда, "возить лес" для "городового дела", строить суда, крепостные сооружения и административные здания, делать прочие "государевы изделья", не оставляя вместе с тем сугубо ратные дела. Отсюда и заинтересованность местной администрации именно в иррегулярных казачьих войсках. Примечательно замечание одного из сибирских губернаторов XVIII в.: "Без казаков никак обойтиться неможно, как оные употребляются в такие службы, в каковые никакие чины способны быть не могут"[50].

Наиболее обременительными были "дальние посылки", а из них — "годовая служба". Она организовывалась для укрепления малочисленных (а по "опасным вестям" и крупных) гарнизонов или для несения службы там, где своих ратных людей вообще не было — либо во вновь построенных городах и острогах, либо в мелких крепостях, прикрывавших южную границу Сибири от кочевников. По году такая служба длилась, как правило, лишь в близко расположенных от своего гарнизона местах, а при "дальних посылках" служилые люди оставались в "годовальщиках" обычно по нескольку (до 6-8 лет и более), иные и вовсе не возвращались.

Конные казаки прежде всего, естественно, выполняли поручения, связанные с конной службой: использовались в качестве гонцов, направлялись в военные походы в степь, несли на южных рубежах Сибири караульно-сторожевую службу, охраняли "по переменам" некоторые острожки в лесо-

степной полосе. В Южной Сибири ратных людей конной службы вообще часто использовали в том случае, когда трудно или попросту невозможно обойтись без лошади: они оповещали уездных жителей о военной опасности, сопровождали хлебные обозы, искали беглых "колодников" Из конных казаков составлялись посольства для переговоров со степными феодалами, а также охрана для дипломатических миссий в Китай.

Обязанности, выполнение которых не требовало быстрого передвижения на лошадях, возлагались, соответственно, на пеших служилых людей. Именно они несли на себе основную тяжесть всякого рода "дальних посылок" Именно пешие казаки главным образом и посылались на дальнюю "годовую службу" в чужие города и остроги, перевозили на судах казенные грузы, собирали ясак в таежных волостях. Вследствие этого ратные люди пешей службы проводили вдали от дома гораздо больше времени, чем конные казаки; у последних лишь "посольская служба" часто требовала длительного — до нескольких лет — отсутствия в своем гарнизоне.

Во главе посольств и других отрядов, рассылавшихся по Сибири с различными целями, обычно ставили служилую "аристократию", "начальных людей" — "голов", сотников, атаманов, ротмистров. Представителей "служилой аристократии" Сибири определяли "приказчиками" в слободы или небольшие остроги, где они оказывались как бы "воеводами в миниатюре", а иногда назначали прямо исполняющими воеводские должности — на освобождавшиеся "до сроку" (из-за смерти и других непредвиденных обстоятельств) места. Вместе с тем в некоторых гарнизонах "малолюдство" вынуждало администрацию возлагать весьма ответственные "службы" и на низшие "чины", вследствие чего даже рядовые казаки, случалось, становились "приказными" в отдаленных зимовьях, "дозирали" земли и устраивали слободы, "прибирали" в них крестьян[51].

Поручения, не соответствовавшие официально обозначенному в "чине" характеру службы, были вообще довольно обыденным явлением в гарнизонах Сибири. Например, там, где не было конных казаков, в случае особой необходимости (для организации разъездов и т.п.) на коней, взятых на время у местных жителей, могли посадить пеших служилых. В Якутском уезде особая категория конных казаков не прижилась, но тем не менее многие "службы" там требовали лошадей. Поэтому, отправляясь, например, в дальние походы на "захребетные" реки, казаки вынуждены были приобретать вьючных и верховых лошадей за свой счет (если требовалось, и оленей, собак, нарты, лыжи), затрачивая в итоге на снаряжение в "дальние посылки" по 150 руб. и более. Такими суммами в гарнизоне, конечно, мало кто располагал, и чтобы "подняться" в поход, казакам приходилось "должиться у торговых людей... в дорогую цену и кабалы на себя давать вдвое и втрое" Это в немалой степени объясняет большую продолжительность "отъезжих служб" в Восточной Сибири: бывало так, что казаки затягивали возвращение до тех пор, пока не набирали нужного количества мехов и "рыбьего зуба" для расчетов с кредиторами и "государевой казной" (в случаях, когда направлению на небезвыгодную службу сопутствовало обязательство внести по возвращении в казну определенное число соболей).

Если пеших казаков на "конных службах" в Сибири использовали довольно часто, то конных к "пешим службам" хотя и привлекали, но гораздо реже. Исключением здесь, видимо, было время правления тобольского воеводы Петра Годунова (1667—1670 гг.), при котором, по словам ратных лю-

дей конной службы, их "посылали... в понизовые городы вместо стрельцов и пеших казаков.., а они де по 176-й год с стрельцы и с пешими казаки пеших служб не служивали"[52]. Эта практика была в Москве осуждена, но полностью, конечно же, никогда не изживалась, ибо порождалась все той же нехваткой людей.

Военно-административный аппарат Сибири работал в конце XVI—начале XVIII в. с большим напряжением. Загруженность гарнизонов "отъезжими службами" и, как следствие, опасное снижение в период "пиковых нагрузок" обороноспособности подведомственных городов и уездов вызывали постоянную обеспокоенность сибирской администрации и неизменные сетования на то, что "за службами" ратных людей остается малое число и даже "на караулы не доставает". В небольших гарнизонах были нередки случаи, когда "за розсылками" в распоряжении воеводы оставалось всего 5-6 служилых, а то и вовсе ни одного, и "на караулы" ставили крестьян, посадских, ямщиков и даже гулящих людей. Тяжелое положение из-за "великого малолюдства" складывалось также в дальних острожках и зимовьях Якутского уезда, где и к концу XVII в. число казаков порой не превышало числа находившихся под их охраной аманатов — заложников из числа ясачных людей. В воеводских "отписках" сообщалось, что вследствие этого "служилым людем в тех острожках и зимовьях чинитца от иноземцев утеснение великое, и жить страшно, и аманатов оберегать некем".

В сибиреведческой литературе можно найти немало свидетельств того, как закинута "на несколько лет в безлюдную пустыню северной тайги или тундры, в жалкое зимовье... кучка смельчаков голодала... с трудом отсиживалась за полуразрушенным острогом от нападений «немирных иноземцев»". Как полагал С.В.Бахрушин, "особенно тяжелы были условия службы на крайнем северо-востоке и на Тихоокеанском побережье, где местные племена продолжали оказывать сопротивление и при малолюдстве ясачных сборщиков нередко ставили под угрозу их жизнь"[53]. Загруженность сибирских казаков всякого рода "службами" увеличивалась также из-за своекорыстия и своеволия воеводской администрации. Задержка с верстанием на освободившиеся в гарнизоне места была крайне невыгодной для служилого "мира", так как увеличивала объем поручений, приходившихся на отдельного человека. Между тем воеводы, случалось, "по году и по два" никого не верстали взамен выбывших — либо дожидаясь взяток от желающих занять вакансии, либо утаивая от Москвы смерть служилого, дабы "корыстоваться" положенными ему окладами. Отмечались в Сибири и случаи освобождения некоторых казаков от "служб" за взятки, что тоже не могло не увеличивать нагрузку на основной состав гарнизона. Сибирских служилых не обходили стороной и такие административные злоупотребления, как принуждение к работе в личных хозяйствах воевод.

При всем том протесты в гарнизоне чаще всего вызывали такие "обиды", как нарушение начальством очередности в выполнении "служб" Казаки жаловались на внеочередные "посылки" с "отписками" и "казной", "за хлебными запасами", на назначения "не в очередь" в "денщики" и "целовальники", на "годовую службу", в военные походы. Однако расследование этих жалоб, как правило, показывало, что нарушения сложившейся в гарнизонах практики поочередного несения службы менее всего было связано со злой волей воевод и приказных, а объяснялось главным образом все тем же "малолюдством". Установившийся порядок был удобен для казаков, поз-

воляя им не только чередовать трудные "службы" с легкими, но и вовсе освобождаться на время от каких бы то ни было поручений. Тем не менее он легко нарушался какой-нибудь "государевой грамотой" или "тобольской отпиской", предписывавшей, например, карательный поход на кочевников или отправку "годовальщиков" в новый острог.

Некоторые казаки несли дополнительные нагрузки постоянно (причем далеко не всегда за повышенное жалованье) всего лишь потому, что обладали специфическими навыками: одним была "за обычай" степная служба, и их чаще отправляли в походы на кочевников; другие имели опыт "морской службы", и их "без счету" посылали "в провожатых и вожах" на "заморские реки"; третьи знали татарский язык, и на них вне всякой очереди возлагалась "посольская служба".

Поскольку с отъездом части казаков объем традиционных "служб" у оставшегося войска не уменьшался, то и массовые экстраординарные, и отдельные внеочередные "посылки" прямо или косвенно затрагивали весь гарнизон. Единственным законным способом избежать в таких условиях "разорения" часто оказывался наем посторонних лиц. Официально он допускался лишь в отношении больных, но и им предписывалось выставлять вместо себя "стрельцов же и казаков" или в крайнем случае их ближайших родственников, но не гулящих людей и тех, кому "служба не за обычай". Однако администрация была вынуждена мириться с широким вовлечением в наемничество самых различных слоев населения. Среди "наемщиков", конечно, встречались и служилые люди, но преобладали, как правило, неверстанные казачьи "дети, братья и племянники". Вопреки запретам там было много гулящих людей; для некоторых из них подмена казаков на "службах" превращалась в своего рода промысел. В "наемщиках" нередко оказывались представители разных слоев сибирского населения — крестьян, посадских, ямских охотников.

С помощью найма казаки стремились избежать прежде всего "дальних отъезжих служб" и поручений, носящих характер трудовой повинности. Вместе с тем сохранилось немало сведений о найме и на отдельные виды службы "о городе" (на караулы, в денщики и т.п.). Отмечались случаи двойного и тройного найма (когда он передавался как бы по эстафете), ибо заменивший казака в его "посылке" мог легально оставить службу, лишь получив отпускную от начальника с условием замены себя другим наемщиком.

Наиболее часто к найму прибегали "прожиточные" казаки, особенно те, кто активно включился в местные "торги и промыслы". Но тяжелых служб таким способом приходилось избегать и действительно больным, и малолеткам, и тем, для кого "дальняя посылка" была неприемлема в данный момент в силу различных житейских обстоятельств (страда, семейные проблемы). В результате число наемщиков на "отъезжих службах" могло превышать разумные пределы. Например, из 15 пелымских стрельцов, которым надлежало в 1655 г. отправиться "в Дауры", наемщиков выставили 8 чел. Все 10 отправленных в 1647 г. на Лену березовских казаков "в свои места в Тобольску... наняли гулящих людей"; из 76 чел. тобольской конной сотни Яна Мишковского, участвовавшей в 1642 г. в походе на киргизов, наемщиками оказались 35 чел.[54].

Наибольшей военной опасности за Уралом длительное время подвергались самые благоприятные для освоения районы Сибири — те, что располагались вдоль ее южной полосы. Здесь русскому "белому царю"

противостояли сильные объединения кочевых феодалов, претендовавших на единоличное господство над племенами лесостепи. Население Южной Сибири издревле подвергалось нападениям различных кочевников. С начала XVII в. постоянную угрозу российским владениям за Уралом создавали калмыцкие тайши, продвинувшиеся далеко к северу от занимаемых ранее кочевий и часто объединявшиеся для набегов с "кучумовичами" — непокорившимися потомками последнего сибирского "царя" Нередки были вторжения ногайских, башкирских, а к концу XVII в. казахских и кара-калпакских "воинских людей". В Восточной Сибири серьезные помехи русской колонизации до середины XVII в. чинили своими набегами бурятский князец Оилан и его родственники. Наибольший же урон " сибирской украйне" вплоть до начала XVIII в. наносили енисейские киргизы, опиравшиеся в своей антирусской борьбе сначала на монгольских алтын-ханов, а затем на джунгар (наибольшую активность в организации набегов проявлял князец Ереняк).

Из года в год гибли и захватывались в "полон" русские люди и принявшие российское подданство "иноземцы", застигнутые на пашнях, сенокосах и рыбных ловлях, отгонялся и уничтожался скот, вытаптывались и выжигались посевы, сжигались деревни; кочевники "приступали накрепко" к укрепленным поселениям — городам, острогам, слободам и монастырям. В этом изнурительном противоборстве особенно тяжело приходилось красноярскому, кузнецкому, тарскому и тюменскому гарнизонам, однако к оборонительным мероприятиям энергично привлекались войска из расположенных севернее городов, а также местное неслужилое население — крестьяне, посадские люди. Составлялись осадные списки, в соответствии с которыми каждый боеспособный мужчина в городе или остроге должен был занять свое место на крепостной стене в случае вражеского нападения в подкрепление к годовальщикам, направляемым главным образом на летний (весенне-осенний) период в южносибирские острожки как из ближайших, так и отдаленных городов. Близ опасных мест по распоряжениям правительства спешно расселялась особая категория ратных людей — слободские и беломестные казаки, которые служили "с пашни" (т.е. с сильно урезанным жалованьем, а то и без него), но зато имели более ограниченный круг обязанностей и были освобождены ("обелены") от главных налогов и повинностей. Численность беломестных казаков сильно различалась в разных слободах и острогах. Так, в Яндинском остроге (Илимский уезд) в начале XVIII в. числилось 12 чел.; в Енисейскои уезде возле Бельского острога в 1650-х гг. было поселено 40, а возле Кемского — 50 чел.; в Верхотурском уезде в 1685 г. числилось 88 беломестных казаков, которые распределялись по слободам следующим образом: в Невьянской слободе было 10 чел., в Армашевской — 36, в Ницинской — 30, в Усть-Ирбитской — 7, в Белослудской — 5 и т.д.

"Для обережи" слобод и острогов таких сил, может быть, и хватало, но оказалось явно недостаточно, чтобы "воинским людям приход перенять". В этой связи большие надежды сибирская администрация некоторое время возлагала на войска "нового строя" — солдатские (пешие) и рейтарские (конные), которые стали активно формироваться за Уралом с 1660-х гг. (было набрано 696 рейтар и 844 солдата) и размещаться по деревням и слободам Тобольского, Тюменского и Тарского уездов. Надежды эти, однако, не оправдались. Содержание регулярной пехоты и конницы обходилось казне

очень дорого, а нужной отдачи от новых войск не получалось. И не только потому, что сибиряков "новому строю" плохо учили. Учиться им, как оказалось, было некогда ("потому что бывают в слободах рейтарам станицы многие и рейтарам и солдатам караулы без престани") да в общем-то и незачем. Для сражений с кочевниками (к "татарскому бою") более подходил бой "по-казачки", ибо, по словам сибирских служилых, "рейтар татарина догнать в поле строем не поспеет" Вместо рейтар и солдат в 1667 г. было набрано 720 чел. в "полк драгунского строя"; их решили устроить "домами" все в той же южносибирской полосе. Драгуны, конечно, представляли собой более универсальное войско, так как одновременно владели навыками и конного, и пешего боя ("драгун в походе — конный, а пеш драгун — солдат же"). Мнение служилых людей здесь было однозначным: "К осаде и в посылках драгуны рейтар и солдат к татарскому бою прибыльнее"

Но и о драгунах вскоре в Сибири не стало слышно. Зато в приказной документации появились "книги имянные беломестным казакам, которые вместо драгун". В списке 1695—1696 гг. перечислено 993 чел. (с теми, которые пришли из даурских острогов); по слободам и острогам они были распределены весьма неравномерно. За одним селением закреплялись целые "сотни" численностью от 72 до 121 чел. (за Исетским, Катайским, Колчеданским острогами, Мехонской, Ялуторовской, Суерской, Царева Городища, Масленской, Шадринской слободами), за другими — несколько десятков (в Арамильской слободе — 46 чел.), а то лишь по нескольку человек (в Мурзинской слободе — 2 чел., в Калиновской — 3, в Чумляцкой — 5)[55].

Цепь крепостей вдоль южной границы Сибири и "живой щит" из постоянно находившихся при них профессиональных воинов сыграли важную роль в обеспечении безопасности южных уездов и волостей, однако для прекращения вражеских набегов этого было недостаточно: коренным образом переломить ситуацию могла только активная оборона. Она предусматривала не только отражение или преследование отступавшего противника, но и карательные походы в степь, а также нанесение превентивных ударов. Они обычно осуществлялись по предписаниям из центра объединенными силами нескольких гарнизонов, затем инициатива и здесь переходила к местным властям. Наиболее подходящей порой для нанесения ударов по степнякам считались зима и весна, когда маневренность их войска была минимальной либо из-за глубоких снегов, либо из-за ослабленных зимовкой лошадей. Поэтому казаки нередко отправлялись в походы на лыжах, обрушиваясь на вражеские кочевья буквально как снег на голову.

Высокая результативность наступательной тактики особенно наглядно проявилась в борьбе с киргизскими князцами. Успешным был поход под предводительством Василия Многогрешного из Красноярска на р.Кан в 1692 г., совершенный с участием добровольцев из ясачного, крестьянского и посадского населения. В начале XVIII в. успех был развит и закреплен строительством на юге Сибири новых опорных пунктов, прежде всего Абаканского (1707 г.), Саянского (1709 г.) острогов. В первой четверти XVIII в., преодолевая ожесточенное сопротивление джунгар, Россия также прочно закрепилась в верховьях Оби и Иртыша[56].

Причины побед российского оружия нередко трактовались весьма упрощенно, и даже крупные, талантливые историки позволяли себе заменять анализ конкретно-исторического материала по этому вопросу чисто умозрительными построениями. "Покорение Сибири" порой изображалось как

истребление "дикарей", из-за страха перед ружейной пальбой державшихся в бою далеко от казаков и потому не способных причинить им серьезный вред. Такие представления решительно расходятся с фактами. Противник русских в Сибири не был в основной массе ни беззащитен, ни малодушен. Большинство народов Северной Азии в XVI—XVII вв. находилось как раз на той стадии общественного развития, которая характеризуется повышенной воинственностью и боевой активностью (период так называемой "военной демократии"). "Люди воисты, боем жестоки", "стрельцы скоры и горазды" — так отзывались казаки о тех "иноземцах", с которыми им приходилось сталкиваться в походах.

Огнестрельное оружие, конечно, давало важное преимущество (и не столько дальностью стрельбы, сколько большей убойной силой), однако из-за конструктивных недостатков этого оружия в XVI—XVII вв. и "малолюдства" русских за Уралом "огненный бой" чаще всего лишь позволял поддерживать определенный паритет сторон. Во всяком случае военный перевес казаков в Сибири в то время редко где был благодаря "огненной стрельбе" постоянным и решающим. К тому же кочевые народы Южной Сибири, в частности енисейские киргизы, сами широко и успешно применяли огнестрельное оружие и обстреливали русских из пищалей, мушкетов, винтовок. А в холодном и защитном вооружении сибирские "иноземцы" часто не только не уступали служилым людям, но и превосходили их. По крайней мере у якутов, бурят, енисейских киргизов, калмыков имелись прекрасные доспехи (в том числе и для коней), о которых большинству казаков приходилось только мечтать[57].

Что же могли противопоставить "немирным иноземцам" в Сибири русские ратные люди?

Наиболее грозное оружие той поры — артиллерия — была представлена за Уралом в весьма ограниченном количестве. Так, главный сибирский город Тобольск в 1684—1685 гг. имел всего 20 орудий, Тара — 18, Березов — 10, Сургут — 6 и т.д.; аналогично обстояло дело и в 1698—1699 гг. Использовать эти пушки приходилось в основном для обороны города, а также для салютов; в походы с собой казаки брали одно-три орудия, но, во-первых, редко (из-за трудностей с их перевозкой по сибирским дебрям) и, во-вторых, малого калибра. Русский "огненный бой" в Сибири долгое время олицетворяли главным образом казачьи пищали.

Это, как правило, были тяжелые фитильные однозарядные ружья, эффективно действовавшие на расстоянии не более 100-120 м, заряженные шомполом с дула и требовавшие для обращения с ними немалого опыта и сноровки. В дождь из них стрелять было практически невозможно, да и при сухой погоде скорострельность пищалей была невелика: обычной нормой расхода боеприпасов в то время считались 12-16 выстрелов на день сражения. Во второй половине XVII в. русскую пищаль потеснил мушкет, но преимущества его сводились лишь к большему калибру при меньшем весе.

Вооружение сибирского служилого человека нередко так и ограничивалось одной пищалью, тем более, что в ближнем бою ее, принимая во внимание массивность ствола, можно было использовать как оружие "ударного действия". Но у казаков в ходу было, разумеется, и холодное оружие. Самым распространенным его видом в Сибири являлись копья и всевозможные их разновидности — пики, пальмы, аткасы и др. Поскольку каждый ратник поднимался на службу "собою", вооружены казаки бывали в целом доволь-

но пестро. Помимо пищалей (или "самопалов", мушкетов, карабинов и копий) в документах упоминаются бердыши, сабли, палаши, шпаги, ножи, топоры, чеканы, пистоли, а нередко и луки со стрелами ("саадаки"). В качестве наиболее распространенного вида защитного вооружения обычно употребляется куяк — кожаная или полотняная рубаха с нашитыми на нее металлическими пластинками. Доспехи у сибирских казаков были как свои собственные, так и получаемые на время похода из "казны". В числе последних порой оказывалась и весьма экзотическая "воинская збруя" — латы и шишаки, которые полагались рейтарам, но выдавались для службы ратным людям самых различных чинов[58].

И все же определяющее значение для военных побед в Сибири имело не столько вооружение, сколько выработка верных тактических приемов борьбы. Изучая их, дореволюционный историк (и казачий офицер) А.П.Васильев совершенно верно заметил, что у сибирских казаков XVII в. основой тактики была неожиданность, а общим принципом — действия сообразно обстоятельствам[59].

С самого начала освоения Сибири русские прибегали к весьма выигрышному для них способу ведения боевых действий — "судовой войне". Поскольку развитого речного флота за Уралом не было ни у степных кочевников, ни у таежных охотников, казаки в своих "плавающих крепостях" были вездесущи и непобедимы (только на Амуре они столкнулись с сильным вражеским флотом, что сразу же крайне осложнило их положение). В лесостепных и степных районах Сибири практиковались, кроме того, комбинированные походы, когда пехота со всеми припасами плыла по реке на судах, а конница шла налегке "горою" (берегом). Этим достигалась взаимодополняемость всех родов войск и наивысшая эффективность их действий.

Двигалось казачье войско выверенным многовековой практикой порядком, обязательно предполагавшим передовой дозорный отряд (на реке — струг) — "ертуал". Если войско в ходе боевых действий делилось на несколько частей, связь между ними поддерживалась не только посредством обычных, отправляемых с нарочными донесений и распоряжений, но и довольно специфическим способом (примененном, в частности, на Амуре): в "приметных местах" — на речных островах, мысах — возле затесей или специально срубленных деревьев оставлялись записки с необходимой информацией. При сходе казачьих отрядов было принято во избежание недоразумений производить предварительное извещение стрельбой ("яса из пищалей").

Звуковые сигналы в то время вообще очень широко использовались для управления войсками в бою и походе. Как следствие этого — присутствие среди казаков трубачей, литаврщиков и барабанщиков. Последние особенно часто упоминаются в списках пеших подразделений (по 1-2 на сотню) в конце XVII в., в том числе и у беломестных казаков ("которые вместо драгун"). Наряду с барабанщиками обычно фигурируют и знаменщики — по одному на подразделение. Все это свидетельствует о том, что казаки в Сибири во время боя держали какой-то строй, во всяком случае не сражались в беспорядке.

Без определенной согласованности действий в бою казаки, собственно, не могли бы одержать за Уралом ни одной крупной победы, ибо такой серьезный противник, как кочевники юга Сибири, сражался тоже отнюдь не

хаотично. Тактика кочевников по обе стороны Урала была традиционной: массированный обстрел из луков в ходе следовавших друг за другом "напусков" — конных атак с быстрым в случае сильного отпора отступлением — и завершающий удар "в копья" по расстроенным рядам деморализованного, измотанного непрерывными атаками врага.

Русские обычно противопоставляли этой тактике, во-первых, интенсивную встречную стрельбу с последующей контратакой, позволявшей навязать в подходящий момент столь нелюбимый степняками ближний бой, и, во-вторых, быстрое сооружение укрытий от вражеских стрел. И если, например, казаки успевали занять в степи круговую оборону, "укреплять табором" (т.е. оградившись телегами или воткнутыми в снег лыжами и нартами), то даже многократно превосходящий по численности противник не мог их ни "копьем смешать", ни "давом задавить", а нес во время атак большие потери.

Вообще же без прочного тыла, без опоры в случае осложнения обстановки на какое-либо защитное сооружение — будь то стены острога, борта струга или всего лишь поставленные вкруг телеги — русские ратники в XVI—XVII вв. чувствовали себя неуверенно, особенно когда численное соотношение было явно не в их пользу, а в Сибири почти всегда было именно так. Отсюда стремление сибирских служилых на каждой более или менее длительной стоянке "срубить" себе какую-нибудь "крепь" Удачно выразился в этой связи первый историк забайкальского казачества А.П.Васильев: "Тактика и стратегия казаков может быть формулирована словами: стратегически наступать, тактически обороняться"

В защите крепостей казаки Сибири явили миру, пожалуй, наивысшие образцы ратного мастерства. Свою роль здесь сыграло как умение быстро строить вполне надежные оборонительные сооружения, так и умение эффективно отражать вражеские "приступы". Казаки обычно вели из-за своих укреплений интенсивный и меткий огонь, нанося врагу большой урон. Но разгром осаждавшего их противника чаще всего решала не стрельба со стен и башен, а неожиданная вылазка, навязывание противнику ближнего боя. Именно такие вылазки и ожесточенные "съемные" бои обращали в бегство и маньчжуров, штурмовавших с пушками и всякими "приступными хитростями" русские крепости на Амуре, и киргизов, осаждавших Красноярск и другие русские остроги на юге Сибири, и воинов различных племен сибирской таежной зоны, "приступавших накрепко" к казачьим зимовьям.

Умение русских вести рукопашный бой отмечалось давно; теперь, однако, стали все более четко проясняться глубоко народные истоки этого умения, а именно: его тесная связь с широко бытовавшими в России вплоть до XX в. традициями кулачного боя, особенно такой его разновидности, как бой "стенка на стенку", приучавший чувствовать строй и действовать в любой ситуации согласованно. Последние исследования практически забытого ныне русского боевого стиля показывают длительное существование на Руси специфической боевой культуры, уходящей корнями еще в языческую древность, да и позднее носившей во многом характер религиозного (языческого) обряда и,несомненно, способствовавшей выработке у основной массы мужского населения России высоких бойцовских качеств.

Отметим, однако, что сибирские казаки зарекомендовали себя не только как мастера рукопашного боя и стойкие "градодержцы". Приемами штурма крепостей они также владели в совершенстве, будучи таким образом и

умелыми "градоимцами". Самый распространенный из таких приемов был экономичен, прост, но вместе с тем и надежен. Казаки подступали к стенам вражеской крепости "за щитами", т.е. укрываясь от летевших навстречу стрел, камней, бревен-катков за специально изготовленными для "приступа" (как правило, на месте же) подвижными редутами — стенками из толстых досок, плах и т.п. Иногда же "иноземческие городки" были так хорошо укреплены, что казакам приходилось их брать по всем правилам военного искусства того времени — в том числе сооружая на подступах к вражеской крепости особые осадные острожки и башни, откуда можно было обстреливать ее внутреннее пространство[60].

Но, разумеется, не одни лишь "приступные хитрости", "огненный бой", умелые тактические приемы или навыки рукопашного боя были той основой, что в конечном итоге обеспечила русским военное преимущество на территории Северной Азии. Главная причина большинства казачьих побед — отчаянная храбрость самих казаков. Именно она в сочетании с ратным мастерством, предприимчивостью, упорством, неприхотливостью и удивительной выносливостью позволяла им выходить с минимальными потерями из любых злоключений и одерживать верх даже над намного превосходящим по численности и не уступающим в вооружении врагом. Отчаянная храбрость этих закаленных невзгодами и тяжелыми испытаниями людей удесятеряла их силы в бою и сразу же бросалась в глаза противнику, парализуя его волю, сковывая его действия. "Храбрые как тигры и искусные в стрельбе..," — такие отзывы русские казаки получали в XVII в. в Китае, и слова эти вполне раскрывают причины казачьих побед в столкновениях как с маньчжурами, так и с другими народами Северной Азии.

В XVIII—XIX вв. на территории Сибири и Дальнего Востока, как уже отмечалось, в казаки записывали не только потомков первопроходцев, но и тех, кто никакого отношения к ним не имел и через суровый "естественный отбор" в ходе освоения Сибири не проходил. Но подобно тому, как в свое время "ермаковы казаки" стали, по выражению Г.Е.Катанаева, "тем цементом, который связал между собою традициями первых покорителей вновь образованные казачьи станицы"[61], служилые люди сибирских гарнизонов XVII в., будучи ядром образованных за Уралом казачьих войск, оказались тем "ферментом", который очень быстро позволил и в Сибири сложиться полноценному казачьему сословию, отличавшемуся как крепкой хозяйственной хваткой и предприимчивостью, так и истинно казачьей воинской доблестью.

По мере того, как усилия по созданию регулярной армии начинают приносить свои плоды, сибирское казачество переходит на положение второстепенных воинских формирований, посылаемых "на береговую службу в пограничные слободы в прибавок к драгунскому полку". Во второй четверти XVIII в. военная служба сибирских казаков, за исключением гарнизонов Северо-Западной Сибири, в задачу которых входило между прочим удержание местных "иноземцев" от "шатости", сосредоточивается на южных оборонительных линиях.

С установлением в 1727 г. в Забайкалье русско-китайской границы ее охрана частично возлагается на русских казаков, равно как и на регулярные части и "иноземные" (бурятские и эвенкийские) формирования. Казаки должны были пресекать незаконные переходы границы и задерживать нарушителей, главным образом контрабандистов и угонщиков скота. В период

напряженных отношений с Китаем в 1730—1760-х гг. казаков посылали для "выгону" монгольских перебежчиков и отражения набегов "воровских мунгал" Они собирали разведданные, возводили крепостные оборонительные сооружения[62].

На оборонительных линиях Западной Сибири к середине XVIII в. городовые казаки выступали в качестве вспомогательной силы, а первый начальник Колывано-Воскресенских заводов А.В.Беэр даже пришел к выводу, что они "хуже тамошних крестьян и из них годных и доброконных не наберется и половины", да и те "храбрости ненадежной" и к "отпору от неприятеля негодные", так что, "ежели послать против неприятеля однех, то истинно де их разве отдать на погибель, от чего государству будет бесславие, а неприятелю авантаж". Однако назначенный в 1763 г. командующим линиями генерал-поручик И.И.Шпрингер придерживался иного мнения, подчеркивая, что ни донцы, ни башкиро-мещерятские команды, присылаемые на границу, "не приносят такой пользы, которою сопровождается служба издавна выведенных на границу сибирских городовых казаков, потому что употребляясь только в разъезды и конвой, эти команды не назначаются для исполнения каких-либо крепостных работ и надобностей"[63]. В 1756 г. в караулах, разъездах, конвоях и при артиллерии было занято 248 солдат, 291 драгун и 255 казаков. Из числа казаков на Колывано-Кузнецкой линии формировались кадры артиллеристов[64].

В задачу возникшего к середине XVIII в. Оренбургского казачьего войска входила охрана пограничной линии протяженностью (в конце XVIII в.) 1780 верст (от Гурьева до Усть-Уйской крепости). В 1763 г. было утверждено расписание нарядам на линию от Гурьева до сибирских границ. Полагалось постоянно держать на ней 1229 русских казаков и по 5-6 сотен башкир и калмыков. Служба казаков на линиях была сопряжена со значительными трудностями, надолго отрывала казаков от ведения хозяйства, поскольку начиналась с 16 мая и продолжалась по 16 ноября.

Оренбургские казаки должны были также содержать городовые внутренние и внешние караулы, ходить в конвоях, совершать походы в степь для отражения набегов "хищных соседственных народов". Калмыки из Ставропольского войска принимали участие в Семилетней войне и в войне со Швецией (1788—1790 гг.).

К 1743 г. сложилась Яицкая низовая линия, где яицкие казаки на свой счет содержали посредством "наемки" гарнизоны по 500 чел. в каждом. Уральские казаки (кроме полков, располагавшихся в Илецкой и Сакмарской станицах и несших исключительно линейную службу) едва ли не ежегодно обязаны были поставлять известное количество (обычно несколько сотен) человек по наряду в помощь регулярной армии; при необходимости они должны были сопровождать посольства в Бухарию. В 1771 г. когда калмыки в числе 33 тыс. кибиток переправлялись через Яик с целью возвращения на свою историческую родину — в Джунгарию, разгромленную Китаем в 1758 г., Яицкому войску приказано было выступать в погоню. Но в это время в войске уже назревал мятеж, и казаки, за небольшим исключением отказались повиноваться распоряжениям[65]. Стабилизация и даже некоторое улучшение к концу XVIII в. русско-китайских отношений привели к почти полной утрате забайкальскими казаками чисто военных функций. Аналогичным образом обстояло дело с городовыми казачьими командами. Исключение составляли казаки Березова и Сургута. Сенатский

указ от 9 июня 1777 г. обосновывал необходимость сохранения березовской и сургутской команд тем, что в противном случае "остроги останутся пусты, а ясачные, по легкомыслию своему, из подданства отложатся и в дальнейшем пустыя места разбрестись могут"[66].

С конца XVIII в. постепенно возрастает значение казачества Урала как военной силы во внешних войнах России. В 1790 г. оренбургские казаки (165 человек при 2 офицерах) впервые были использованы на европейском театре военных действий (русско-шведская война 1788—1790 гг.). По окончании войны эти казаки содержали кордоны на р. Западной Двине, на границе Курляндии и Польши и лишь в 1793 г. вернулись домой в войско.

С конца XVIII в. Россия принимает активное участие в антинаполеоновских коалициях. В состав действующих армий постоянно включаются и казаки Урала. В 1798 г. из Уральского войска были командированы два полка — Бородина и Лицинова, которые приняли участие в Итальянском и Швейцарском походах А.В.Суворова (1799—1800 гг.). В 1799 г. команда Лейб-Уральской сотни (60 человек) участвовала в секретной Голландской экспедиции; впоследствии (в 1805 г.) уральские лейб-казаки принимали участие в военных действиях против французов в Ганновере.

В 1806 г. началась русско-прусско-французская война. Оренбургское войско командировало в Пруссию два полка 600-го состава (№ 1 и № 2) под командой майора Лысова и поручика Мельникова. По высочайшему повелению начальником над бригадой оренбургских казаков был назначен полковник В.А.Углецкой. Оренбуржцы прибыли в действующую армию генерала от кавалерии Л.Л.Беннигсена к концу кампании и содержали сторожевые посты против правого фланга французской армии (корпуса маршала Массены) в окрестностях Бартенштейна на реке Алле.

Во время русско-шведской войны 1808—1809 гг. 6 сотен уральских казаков участвовали в сражении при взятии Аландских островов. Затем 7-8 марта 1809 г. уральцы в составе отряда майора Я.П.Кульнева (знаменитого впоследствии русского кавалерийского генерала) за 8 часов перешли по льду Ботнического залива и достигли шведского берега, который защищали шведские стрелки. Кульнев велел казакам спешиться. Уральцы, вооруженные длинными ружьями, вступили в перестрелку с противником и в конце концов овладели возвышенностями берега. Появление русских в непосредственной близости от шведской столицы, а также ряд новых побед русской армии заставили шведскую сторону приступить к мирным переговорам, которые завершились подписанием Фридрихсгамского мирного договора 5 сентября 1809 г.[67]

С 1806 г. Россия вела войну с Турцией. Оренбургские казачьи полки № 1 и № 2 по заключении Тильзитского мира с Францией были переведены в Молдавию и несли кордонную службу по р. Днестр под начальством командира полтавской милиции генерал-майора Белухи-Коханского. В 1809 г. оренбуржцы были присоединены к отряду атамана Донского войска генерала М.И.Платова и вошли в состав действующей армии. Находясь в ее авангарде, казаки участвовали в многочисленных военных действиях 1809—1811 гг.: при осаде и взятии Силистрии, Браилова, Исакчи, Тульчи, Бабадага, Мачина, Гирсово, Кюстенджи, Черновод, Базарджика, в боях при Рассевате, Батине, Систове, Никополе, Рущуке-Слободзее. Многие казаки получили награды за русско-турецкую войну. По окончании войны командующий русской армией князь М.И.Кутузов, отправляясь в Петербург, взял

с собой конвой именно из оренбургских казаков. С заключением Бухарестского мира (1812 г.) оренбуржцы были оставлены на турецкой границе и несли кордонную службу по реке Прут до 1819 г. (т.е. находились в бессменной командировке с 1807 г. почти 12 лет). В русско-турецкой войне участвовали также полки уральских казаков: № 1, № 2, № 3 и № 4[68].

Массовым было участие нерегулярных частей Урала в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813—1814 гг. К началу Отечественной войны Оренбургский № 1 и Уральские № 3 и № 4 казачьи полки находились в составе Дунайской армии адмирала П.В.Чичагова. В августе 1812 г. Дунайская армия выступила на Волынь на соединение с 3-ей Резервной армией генерала А.П.Тормасова. Соединенные армии под общим командованием П.В.Чичагова должны были отбросить на территорию герцогства Варшавского находившийся в Гродненской губернии 7-й (Саксонский) корпус Ж.-Ф. Шварценберга. Оренбургский казачий полк принял участие в перестрелках с саксонцами и австрийцами 17-18 сентября у местечка Любомль. 7-й и 12-й корпуса наполеоновской армии, уклоняясь от решительных действий, отошли за р. Буг к Дрогичину. Таким образом, для армии Чичагова был открыт путь к Минску, одному из главных коммуникационных центров наполеоновских войск. 29 сентября Чичагов занял Брест-Литовск, затем через Пружаны, Слоним двинулся к Минску, который также был освобожден от французских войск.

Оренбургский полк № 1 принимал участие в составе армии адмирала П.В.Чичагова в операции на реке Березине. В ходе операции предполагалось соединенными силами Чичагова и 1-го Отдельного корпуса генерала П.Х.Витгенштейна, который двигался к Березине со стороны Полоцка, преградить путь основным силам отступавшей армии Наполеона. План этот не вполне удался. Французский маршал Удино ввел в заблуждение адмирала Чичагова о месте переправы французской армии через Березину и сохранил для Наполеона возможность отступить на Вильно. Тем не менее, в ходе Березинской операции "Великой армии" было нанесено окончательное поражение; после сражения отступление французов превратилось в беспорядочное бегство. Оренбургские казаки участвовали во время операции в жарких схватках при Борисове, деревне Стаховой, местечке Молодечно (10-12, 15, 22 и 23 ноября 1812 г.). Вскоре после Березинского сражения оренбуржцы были снова переведены на Днестр для несения там сторожевой службы.

В декабре 1812 г. русская армия, преследуя остатки войск Наполеона, перешла р. Неман и вступила на территорию Восточной Пруссии. Казачество — донское, уральское, оренбургское, черноморское, украинское, иррегулярные полки башкир, калмыков, татар — составляло до половины общего состава кавалерии российской армии. Казачьи полки были распределены по различным корпусам и отрядам русской армии. Так, Уральский № 3 казачий полк входил в состав корпуса генерал-адъютанта Ф.К.Корфа, Уральский № 4 полк был придан для усиления пехотному корпусу генерала Д.С.Дохтурова. Современник и военный историк Карл фон Плото писал о военных действиях казачества в начале 1813 г.: " казаки быстро очистили правый берег реки Вислы, поскольку одно упоминание о них испугало неприятеля". 20 февраля сравнительно малочисленные летучие отряды А.И.Чернышева и Ф.-К. Теттенборна, состоявшие в основном из казаков, внезапно ворвались в Берлин. Французский гарнизон Берлина значительно

превосходил по численности авангард Российской армии, но тем не менее не рискнул оказать сопротивление русским. Как отмечал тот же Плото, "французы испугались не малочисленных казаков, но населения Берлина, которое их приветствовало" Население Германии в целом очень доброжелательно встречало русских казаков, хотя и удивлялось их внешнему виду и поведению, серьезно отличавшему казаков от регулярных войск Западной Европы[69].

Во время освободительной войны 1813 г. в Германии казаки главным образом были предназначены для ведения так называемой "малой войны" в составе авангардов и летучих отрядов российской армии. "Малая война" включала разведку, обеспечение безопасности российской армии, поддержание коммуникаций, разрушение и затруднение связи и транспортных коммуникаций противника, надзор за пленными. Разумеется, при этом казаки постоянно находились в контакте с неприятелем, что нередко приводило к сражениям. При выполнении указанных задач "казакам не нужны были, — как отмечал Август Гакстхаузен, — какие-то точно разработанные планы или положения службы для установки полевого пикета или караула. Казаки окружали корпус, который они защищали, и благодаря свойственной им хитрости обеспечивали российской армии чувство большей безопасности, чем любая западно-европейская армия, снабженная высококвалифицированными офицерами и унтер-офицерами"[70].

В начале 1813 г. к действующей армии присоединилось дополнительно два оренбургских казачьих полка под общим начальством войскового атамана полковника В.А.Углецкого: Атаманский тысячный (33 штаб- и обер-офицера и 1141 казак; командир майор Авдеев 1-й), Оренбургский № 3 казачий полк (17 офицеров, 521 казак; командир майор Беляков). Атаманский полк в составе Отдельного корпуса князя П.Х.Витгенштейна весной 1813 г. проследовал через Тауроген и Кенигсберг и 17 апреля прибыл к крепости Данциг, где был включен в блокадный корпус генерала герцога Александра Вюртембергского, ведший осаду крепости. Генерал-губернатор и комендант Данцига Ж.Рапп собрал из остатков "Великой армии" гарнизон, насчитывавший до 40 тыс., и стойко оборонял город. Во время осады французский гарнизон Данцига неоднократно предпринимал вылазки с разведывательными целями и для сбора продовольствия и фуража. Атаманский Оренбургский полк содержал сторожевые посты и нередко принимал участие в отражении атак блокированного гарнизона. Особенно горячими были бои 19 и 28 мая, 16, 17, 21 августа. За участие в этих схватках многие казачьи офицеры и нижние чины получили награды чинами и знаками отличия. В конце августа 1813 г. корпус А.Вюртембергского, усиленный подкреплениями, приступил к правильной осаде Данцига. 16 ноября после сильной бомбардировки французский гарнизон капитулировал. В осаде Данцига, помимо Атаманского полка, принимали участие 2-й Тептярский и 8 башкирских казачьих полков.

Оренбургский № 3 казачий полк в составе Резервной польской армии генерала от кавалерии Л.Л.Беннигсена перешел австрийскую границу в начале 1813 г. В конце августа Беннигсен перешел р. Одер у Бреславля. 5 октября, на второй день знаменитой Лейпцигской "битвы народов", оренбуржцы в составе армии Беннигсена прибыли на поле сражения и участвовали в военных действиях 6-го и 7-го октября, в том числе во взятии Лейпцига. После Лейпцигского сражения Оренбургский казачий полк был включен в состав отдельного

казачьего корпуса атамана графа М.И.Платова и участвовал в боях при взятии городов Веймара, Ганау, Франкфурта-на-Майне. 29 октября М.И.Платов подошел к г. Висбадену (в 5 верстах от р. Рейна), где простоял до середины 1813 г.

В ночь с 19 на 20 декабря 1813 г. Оренбургский № 3 полк в составе казачьего отряда генерал-майора Щербатова (Оренбургский № 3 полк — 277 человек, 1-й Тептярский полк — 213 человек, 4-й Уральский полк — 186 человек, Донской Ягодина полк — 388; всего 1064 человека) перешел на левую сторону р. Рейн возле Мангейма и принимал участие в схватках с французами у Ремиремонта, при местечках Линьи и Мезьер (у г. Бриенна), при г. Ла-Ротьере.

После Ла-Ротьера оренбургские казаки были включены в армейский партизанский отряд генерал-майора А.Н.Сеславина, который был предназначен для наблюдения за французскими войсками, перехвата почт и курьеров противника, уничтожения складов французской армии, поддержания сообщений между различными корпусами союзников. Мобильный отряд Сеславина постоянно передвигался, совершал рейды по тылам французской армии. В конце января 1814 г. партизанский отряд был направлен к р. Луаре для поисков в районе Орлеана и Фонтенебло и пресечения французских коммуникаций между Орлеаном и Парижем. 4 февраля казаки испортили Орлеанский канал, соединявший р. Луару и Сену (по каналу доставлялось продовольствие из южных областей Франции в Париж). Александр I, узнав об этом, велел исправить канал и впредь не ломать шлюзов, чтобы не причинять вреда гражданскому населению.

9 марта во время сражения при Арси-сюр-Об казаки Сеславина находились на левом берегу р. Барбрюйссы и прикрывали левый фланг союзной армии. На следующий день казаки переправились через р. Об и приняли участие в преследовании французских войск после их поражения при Арси. 13 марта летучий отряд участвовал в знаменитом сражении при Фер-Шампенаузе, в ходе которого поражение французским пехотным корпусам маршалов Мармона и Мортье было нанесено преимущественно силами русской кавалерии из авангарда союзных армий. Победа при Фер-Шампенаузе открыла союзникам путь на Париж. Оренбургские и уральские казаки из отряда Сеславина шли в авангарде Главной армии, 17 марта они принимали участие в боях под Парижем. После капитуляции Парижа 18 марта отряд Сеславина был переведен в города Гинь и Монтеро для наблюдения за передвижениями французских войск, концентрировавшихся у г. Фонтенебло.

Казаки из отряда А.Н.Сеславина получили медали за взятие Парижа. Оренбургский № 3 полк принимал участие и в других армейских партизанских отрядах — А.И.Чернышева, П.С.Кайсарова. В ходе заграничных походов полк потерял почти половину своего личного состава. Тем не менее, в 1814 г. служба для него не завершилась. Казаки еще до 1820 г. несли кордонную службу по р. Неману, затем по р. Висле (таким образом, они бессменно находились на театре военных действий почти 8 с половиной лет).

Всего в заграничных походах русской армии в 1813—1814 гг. принимало участие 26 иррегулярных полков из Оренбургской губернии: 2 — оренбургских казаков, 5 — уральских, 2 — ставропольских калмыков, 15 башкирских казачьих полков, 2 тептярских конно-казачьих полка[71].

Казаки Урала приняли участие и в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. Один Уральский казачий полк участвовал в осаде крепости

Силистрия и в военных действиях под Шумлой. В 1828 г. в действующую армию был командирован Оренбургский № 9 полк под командой есаула Падурова, который принимал участие в боях при Эски-Аркаут-Ларе, Козлуджи, Янытепе, Ровно, Козлуджах, Кулевчи, при осаде крепости Варны и в боях под Шумлой. За участие в военных действиях многие казаки получили награды, а полку было вручено знамя "За отличие в Турецкой войне 1829 года". В течение 1830—1831 гг. Оренбургский полк занимал кордоны по границе с Турцией на реках Прут и Дунай и лишь в 1832 г. был отпущен на родину. За время военных действий полк потерял около 150 казаков.

В 1830 г. один уральский и два оренбургских (№ 8 и № 11) полка были командированы для усмирения Польского восстания. Уральские казаки участвовали в осаде мятежной крепости Замостье, а оренбургские — в подавлении движения на Волыни и в Подолии.

Во время Крымской войны 1853—1856 гг. из Уральского казачьего войска были командированы на театр военных действий два полка — в Молдавию, а затем в Крым, где они участвовали в сражениях при Балаклаве (в ходе которого разгрому подверглась английская кавалерия) и при Черной речке[72].

Главной задачей Сибирского линейного казачьего войска в первой четверти XIX в. была охрана внутренних округов Западной Сибири "от вторжения киргизских хищных шаек". На протяжении 1500 верст, по всей длине занимаемой территории, оно содержало караулы, пикеты, заставы, секреты, разъезды между станицами. Случались и степные командировки с набегами на непокорные аулы. В 1806 г., например, сотник Ф.К.Набоков с тремя сотнями казаков разбил мятежных султанов Болы и Агатая. Исполняющий с 1812 г. обязанности войскового атамана Федор Карпович Набоков вообще прославился дерзкими налетами на селения степняков, его имя связано с целым рядом удалых казачьих подвигов, а казахи, по слухам, пугали его именем детей. Но в целом это был относительно мирный период сосуществования с Киргизской степью. Походы чаще всего ограничивались преследованием барантачей или сопровождением купеческих караванов.

Положение изменилось во второй четверти XIX в. с началом активной колонизации русскими степей Казахстана. Здесь стало вводиться русское управление, а казачьи отряды должны были обеспечивать безопасность учреждений и колонистов, поддерживать сообщение между вновь образованными пунктами оседлости посредством устройства коммуникационных пикетов (по 12 строевых и 8 резервных казаков в каждом). По мере увеличения стационарных поселений в степи увеличивалось и количество казачьих отрядов. Если в 1826 г. было два отряда (Кокчетавский и Каркаралинский с 452 строевыми казаками), в 1836 г. семь отрядов (860 казаков), то к 1853 г. они уже были рассредоточены по всей территории степи (1892 строевых и 288 резервных казаков); в 1863 г. в двадцати степных отрядах несли службу 2307 строевых и 270 резервных казаков.

Продвижение в глубь степей было делом нелегким; эпизоды мирного сотрудничества русских с казахами сменялись периодами ожесточенного сопротивления последних. Достаточно вспомнить движение Кенесары Касимова (1837—1847 гг.) и его последователей (сына Джафара, например), долго не желавших слагать оружие. Поэтому во второй четверти XIX в. сибирские казаки прошли основательную военную подготовку, что впоследствии пригодилось им для службы в Туркестанском крае[73].

Пугачевское восстание расстроило на время гражданский и военный быт на Южном Урале. Наполеоновские войны начала XIX в. отвлекали внимание правительства от положения дел на Оренбургской пограничной линии. Действия местной администрации в конце XVIII — начале XIX вв. на Южном Урале были направлены преимущественно на организацию пассивной обороны от кочевников. Но с 1830-х годов активизируется колонизационная политика российского правительства, острие которой было направлено в сторону Киргиз-кайсацкой степи и Средней Азии. Опорным пунктом колонизационного движения был Оренбург, а активной военной силой в осуществлении колонизационных планов правительства выступали уральские, оренбургские, сибирские казаки.

Необходимо отметить, что эти планы не были продуктом чисто абстрактных размышлений политиков и администраторов в Петербурге и Оренбурге. Обстановка в пограничной полосе оставалась неспокойной и в первой половине XIX в. В нападениях на торговые караваны, на крепости и форпосты пограничной линии принимали участие не только хивинцы и кокандцы, но и кочевники-киргизы, которые еще в XVIII в. приняли российское подданство. К началу 1830-х гг. только в Хиве содержалось до 3 тыс. русских пленников, захваченных во время грабительских набегов. Начавшееся с 1837 г. восстание под руководством одного из султанов Среднего Жуза Кенесары Касимова еще более дестабилизировало ситуацию в степном пограничье.

Военный губернатор Оренбурга В.А.Перовский разработал план экспедиции против Хивинского ханства, которая началась осенью 1839 г. В Хивинской экспедиции принимали участие два полка уральских казаков и 720 оренбургских (всего в экспедиционном корпусе насчитывалось около 5 тыс. солдат и казаков). Время для похода было выбрано неудачно. Началась зима с сильными морозами, глубоким снегом. Русские колонны, так и не встретив неприятеля, в феврале 1840 г. вынуждены были повернуть обратно. Около 3 тыс. участников экспедиции умерли от холода и болезней в пути и в госпиталях по возвращении. Тем не менее, даже неудачная экспедиция принесла некоторый положительный результат: хивинский хан освободил более 400 находившихся у него русских пленников и обещал содействие в выкупе остальных.

С середины 1840-х годов начинается строительство в глубине киргизской степи опорных пунктов. 20 июня 1845 г. из Орска выступили в поход два экспедиционных отряда: полковника И.Ф.Бларамберга и капитана Генерального штаба Рыльцова. Первый отряд должен был возвести укрепление в нижнем течении р. Иргиза (Уральское — поскольку строителями его должны были стать уральские казаки, им же доверялось нести гарнизонную службу в крепости), второй — на р. Тургай (Оренбургское; название соответственно обязано оренбургским казакам, которым предстояло возводить укрепление). Экспедиция достигла своих целей: в сжатые сроки казаки и солдаты построили степные форпосты. Руководитель строительства Уральского укрепления оставил воспоминания о ходе этих степных фортификационных работ: "Люди работали, как пчелы. Они были разделены на отделения, каждое из которых занималось своим делом. Одни изготовляли вручную саманные кирпичи из хорошо замешанной глины; другие — большие кирпичи в форме параллелепипеда, используя при этом прессовальную машину, приводимую в движение шестью-восемью людьми; третьи рыли

внутри форта рвы для ледника, порохового склада и фундамент для казармы и госпиталя. С внешней стороны форта, недалеко от фаса, тянувшегося к реке, казаки построили конюшни, причем стены и крыши были сделаны из камыша. ...Таким образом, за четыре-пять недель на высоком берегу Иргиза поднялся форт. Здания с дверьми и окнами, конюшни, крытые камышом, говорили удивленным кочевникам, что здесь брошено зерно цивилизации, которое должно принести новую жизнь в эту глухую и пустынную местность. Благодаря постройке укрепления в Киргизской степи, где в течение многих столетий грабили и убивали, кочевники постепенно теряли интерес к баранте (взаимному угону скота)".

Вскоре было построено еще Ново-Петровское укрепление на полуострове Мангышлак и Раимское при устье реки Сыр-Дарьи.

После создания сети укреплений в центре степи Кенесары, которого не могли поймать российские мобильные отряды, сам ушел на восток к черным киргизам, на озеро Иссык-Куль. Там Кенесары поссорился со своими новыми соседями, был ими пойман и зверски замучен: по легенде, его заживо сварили то ли в котле с кипящей водой, то ли в кипящем бараньем жире.

Постройка русских укреплений, особенно Раимского, вызвала сильное беспокойство хивинцев, которые в мае 1848 г. нападали на русские транспорты недалеко от Уральского укрепления, но были отбиты оренбургскими казаками.

В первой половине 1850-х гг. военное командование Оренбургского края вновь ищет пути для продвижения в Среднюю Азию. В июле 1852 г. экспедиционный отряд полковника И.Ф.Бларамберга (125 пехотинцев, 200 уральских казаков при 3 орудиях) пытается штурмом овладеть кокандской крепостью Ак-Мечеть на Сыр-Дарье. Гарнизон, однако, стойко оборонялся. Штурмовавшим удалось разрушить только некоторые укрепления внешней крепости. Попытка солдат и уральских казаков во главе с есаулом Буреininым сходу взять внутреннюю цитадель не удалась. Бларамберг разрушил две мелкие соседние крепости и вернулся в Орск.

В следующем 1853 г. против Ак-Мечети двинулся уже более многочисленный экспедиционный корпус под начальством самого оренбургского генерал-губернатора В.А.Перовского (около 3 тыс. человек с 25 орудиями). Крепость была взята штурмом и переименована в форт Перовский. Во взятии Ак-Мечети участвовало три сотни уральских и две сотни оренбургских казаков. В том же году оренбургские казаки во главе со своим наказным атаманом Падуровым участвовали в штурме и уничтожении другой кокандской крепости — Джулека. Занятие Ак-Мечети открыло дорогу для широкого продвижения в дальнейшем в глубь Средней Азии (в 1860—70-е годы)[74].

В целом к середине XIX в. организация службы уральских казаков не претерпела существенных изменений. В Оренбургском войске ее порядок в соответствии с положением 1840 г. несколько изменялся. Она делилась на полевую и внутреннюю, а полевая, в свою очередь, включала линейную службу и службу внутри империи и на ее границах. Линейная служба не сводилась только к патрулированию границы, из казаков создавались также двухсотенные отряды, которые прикомандировывались к "султанам Киргизской орды". В этих отрядах и на линии казаки сменялись ежегодно. Тех же, кто нес службу внутри империи, заменяли через три года, как и донских[75].

Вообще обязанности казаков Урала оказывались менее обширными, чем их сибирских собратьев. Положением о Забайкальском войске 1851 г. предусматривались, например, следующие виды служб: охрана китайской границы, пресечение потаенной и незаконной торговли, нахождение на этапах, в городских караулах, на заводах и золотых приисках, а также выполнение любых других поручений начальства. Примерно такой же круг обязанностей включало Положение 1846 г. о Сибирском линейном казачьем войске.

К середине XIX в. на действительной военной службе в Российской империи состояло 79416 казаков, или 21,4% общего казачьего населения мужского пола. В Уральском, Оренбургском, Сибирском линейном и Забайкальском войсках на действительной службе находилось 22855 чел., или 10,6% всего населения. У забайкальских казаков, по данным М.Хорошхина, из 52 тыс. чел. служило в полках 1463 чел. (или 2,8%), в Оренбургском войске на действительной службе состояло 5,2% от общего числа населения, в Уральском — 14,5%, в Сибирском линейном — 30,5%. Стоит привести цифры, характеризующие соотношение служащих казаков со списочным составом войск, куда включались все обязанные служить мужчины. В целом в России доля первых составляла 39,4%, в восточных регионах — 28,8% (в Забайкальском войске — 4,7%, в Оренбургском — 18,4%, в Уральском — 42,2%, в Сибирском линейном — 100%). Можно заключить, что, если в других войсках казак имел время для отдыха от службы, то в Сибирском линейном нет (по Положению 1846 г. отдых ему предоставлялся лишь по истечении 30 лет службы).

Следует отметить, что за первую половину XIX в. списочный состав казачьего населения восточных регионов страны вырос в 2,5 раза (с 31517 до 79477 чел.), число же действительно служащих казаков за это время сократилось на 27,5%[76]. Население казачьих областей росло (и за счет естественного, и за счет механического прироста) быстрее, чем потребность в казаках-военнослужащих.

Все большее число казаков, безусловно осознававших свою принадлежность к "казачьему званию", не связывало свой жизненный путь непременно с военной службой и, отслужив положенные сроки, переходило главным образом к занятию земледелием, ремеслом, торговлей, науками и искусством. По сути дела, происходило перерастание всеобщей вооруженности казачества в своеобразную всеобщую воинскую повинность, хотя процесс этот далеко не закончился в первой половине XIX в. В этом смысле история казачества аналогична истории некоторых народов Европы, например венгров. Последние, появившись на европейском континенте в качестве вооруженных дружин (правда, связанных между собой кровно-родственными связями), обратились в дальнейшем к мирным хозяйственным занятиям, не утрачивая ни национального своеобразия, ни, разумеется, военных функций.

В обязанностях казачества Урала и Сибири немаловажное значение имели административно-хозяйственные и административно-полицейские функции. Казаки участвовали в организации местного управления, исполнении на контролируемых территориях распоряжений центральной власти. Наиболее частыми были поимки беглых, сопровождение колодников и государственных транспортов, помощь администрации в сборе налогов и податей. Особое развитие эта сторона деятельности получила у казаков Сибири. Суровость, отдаленность, малообжитость обширнейшей государевой вос-

точной "украйны" приводили к тому, что центральной и местной власти длительное время просто не на кого было опереться кроме сибирских служилых людей.

Вершиной карьеры служилого человека в Сибири в XVII—начале XVIII в. была должность воеводы. Небольшие городки и остроги почти повсеместно за Уралом возглавляли местные служилые люди. Правительство было не слишком довольно сложившейся ситуацией, а указ Анны Иоановны от 12 января 1739 г. и прямо выражал неодобрение тому, что "во многих городах Сибирской губернии определены воеводами из тамошних обывателей, а именно из купечества и казаков и прочих, тому подобных". Однако традиционная "скудость" в людях приводила к тому, что и во второй половине XVIII в. сибирские служилые люди попадали на должности управителей, городничих и т.д., правда, в виде исключения[77].

Однако гораздо большее распространение получила практика назначения представителей сибирской служилой аристократии на должности приказчиков пашенных крестьян — "смотря по смыслу и разуму, буде с такое дело их станет, и не пьяных".

Приказчик — этот "воевода в миниатюре" — был фактически руководителем и организатором "более или менее крупного хозяйства, ведущегося силами подневольного труда". Он обязан был "над пашенными крестьянами в государеве пашне надзирать почасту, чтоб те крестьяне великого государя пашню впусте не покидали". Для выполнения этой задачи приказчики наделялись значительными полномочиями — от наблюдения за севооборотом и агротехническими мероприятиями и содействия крестьянскому хозяйству в получении ссуды до соблюдения правила, чтобы крестьяне "вина горячего не курили, и табаку, и китайского шару не держали, и не пили, и не продавали". В пределах своего "присудника" приказчик вершил суд по мелким гражданским делам; ему же вменялась в обязанность организация обороны слободы.

Такая широта полномочий в сочетании с трудностью контроля за деятельностью приказчиков создавала простор для разного рода злоупотреблений со стороны последних, тем более, что жалованья им не полагалось, а предписывалось (как во времена Ивана III) "кормиться с крестьян". Хотя правительство и вводило при этом определенные ограничения — "чем им по нужде мочно только быть сытым, а не богатеть". Но они в значительной степени носили морально-этический характер, и мера "кормления" соблюдалась далеко не всегда. Об этом свидетельствуют и многочисленные жалобы сибирских крестьян, и материалы расследований злоупотреблений приказчиков, и содержание "наказных памятей" — инструкций, вручавшихся приказчикам при заступлении на должность.

На территории Колывано-Воскресенских заводов в 1760 г. была введена должность управителя приписных крестьян, которую также нередко занимали представители сибирской служилой верхушки (с непременной обязанностью "употреблять главное внимание на предмет заводских повинностей и на внутреннее поселян устроение, как то: приохачивать и понуждать их к земледелию и прочим, свойственным состоянию оных трудам".

С отменой в 1762 г. в Сибири десятинной казенной пашни отпала необходимость наблюдения за ней, а вместе с этим и главная функция приказчика. Как подчеркивалось в наказах крестьян в Уложенную комиссию 1767 г., "выборные старосты... всякие государственные дела исправляют...

помимо оных приказчиков". Окончательно этот тип администратора исчезает в первой половине 80-х гг. XVIII в. в связи с реформой областного управления[78].

Служилым людям Сибири были хорошо знакомы обязанности землемеров, землеописателей и землеустроителей. В начале XVIII в. они принимали участие в составлении дозорных и переписных книг, в определении границ уездов, слобод и пр. Примером может служить деятельность Алексея Иванова сына Макшеева. В 1720—1724 гг. он изучал геодезию в арифметической школе Тобольска, затем, до 1731 г., находился в Пермской и Соликамской провинциях вместе с геодезистом Ф.Молчановым "для описания и сочинения ландкарт". В 1733—1743 гг. Макшеев прикомандировывается учеником геодезии ко Второй Камчатской экспедиции и за успешное выполнение заданий возводится в 1743 г. в сибирское дворянство. В последующем А.И.Макшеев принимает участие в проектировании Новой линии, в операциях "по отводу от Сибирской губернии к Оренбургской губернии уездов". В 1745 г. он был отправлен для снятия планов иртышских крепостей, в 1747 г. вместе с сыном боярским Ф.Прянишниковым — для описания границ Верхотурского уезда. Вплоть до 80-х гг. XVIII в. межеванием земель в сибирских уездах занимались местные городовые казаки, пока их не сменили (в соответствии с указом 1783 г.) уездные землемеры.

Самостоятельным и чрезвычайно важным направлением в деятельности казачьих команд Сибири оставался сбор ясака и участие в управлении ясачными людьми. Формы сбора ясака в первой половине XVIII в. были различны, но преобладала посылка служилых сборщиков в ясачные волости. Прекрасно понимая, какие возможности для обогащения сборщиков открывает каждая командировка, власти старались оградить ясачных людей от возможных злоупотреблений, предписывая посылать за ясаком "служилых людей добрых, грамотных, а не воров и не пьяниц и не корыстовщиков" Навстречу ясачным сборщикам высылались досмотрщики (опять-таки из числа служилых людей). Виновных в грабеже ожидало суровое наказание — повелевалось их "бити батоги или кнутом нещадно" Важным средством борьбы с поборами считалось строгое соблюдение очередности при посылках казаков за ясаком и выборность сборщиков ясака всей командой, поскольку каждый казак, подписавшись под выбором, становился ответственным за действия своих товарищей.

Все это не могло предотвратить злоупотребления ясачных сборщиков и только в какой-то степени ограничивало их произвол. Изобретательность служилых здесь не знала границ. Активно эксплуатировалось традиционное гостеприимство ясачных, в ход пускались подкуп и угощение и даже взятие атаманов-заложников. Разумеется, сами ясачные люди тоже имели способы противодействия произволу. Ситуация резко меняется в 60-х гг. XVIII в., когда сбор ясака в волостях в основном передается местным князцам и старшинам, которые сами доставляли его в уездные центры.

Служилые люди сопровождали также в поездках к ясачным язычникам христианских миссионеров, выполняя различные поручения по наблюдению за ситуацией в ясачных селениях, выступали организаторами переписи коренных жителей края[79].

При постоянной нехватке младшего административного персонала городовых казаков нередко привлекали для работы в канцеляриях в качестве курьеров, сборщиков денег, переписчиков, счетчиков, оценщиков и

приемщиков пушнины, сдаваемой в счет ясака. Их длительное пребывание на канцелярских должностях приводило подчас к полному отрыву от своей социальной среды. По данным С.М.Троицкого, бывшие служилые люди в 1754 г. составляли около 37% всех канцеляристов Сибири. В начале 90-х гг. XVIII в. из 310 секретарей и канцелярских служителей Тобольского наместничества 58 чел. (или 18,7%) были выходцами из служилых.

В первой четверти XIX в. служба сибирских городовых казаков все чаще связывается с органами управления. По данным комиссии М.М.Сперанского (1820 г.), из 727 казаков городовых команд 154 (или 31,1%) прикомандировывались к земским судам и городничим правлениям.

Практически с начала присоединения Сибири казаков привлекали к таможенной службе, а представители служилой верхушки нередко выполняли обязанности таможенных голов, впоследствии — комиссаров. Даже упразднение внутренних таможен в 1753 г. не привело к отстранению казаков от участия в организации таможенной службы. В 1763 г. последовали два сенатских указа о том, чтобы "в Ямышевской и Семипалатной таможнях служителей отрешить, а определить на их место из тобольских дворян по одному комиссару", к которому прикомандировывались казаки для караулов и разъездов. Эта работа выполнялась главным образом томскими и кузнецкими казаками до середины первого десятилетия XIX в., после чего их сменили линейные казаки[80].

Особое значение в жизни сибирских казаков занимала полицейская служба. Неоднократно их привлекали для усмирения всякого рода бунтов, "нестроений", "скопов" Крупные карательные акции малочисленным сибирским командам чаще всего были не по силам (хотя известно, например, что в сформированном генерал-поручиком И.А.Деколонгом корпусе для подавления восстания Е.И.Пугачева было 500 иртышских крепостных казаков), но в исправлении текущих полицейских надобностей они участвовали постоянно. Посылали казаков для розыска "воровских денег и чеканов", для установки застав и кордонов во время эпидемий и эпизоотий, а в самих городах нередко использовали "по пожарной части", они постоянно несли ночные караулы.

После предоставления помещикам в 60-е гг. XVIII в. права ссылки в Сибирь в зачет рекрутов крепостных крестьян казаки стали сопровождать партии колодников и ссыльно-поселенцев. С течением времени этот вид службы превратился в один из основных. В первой четверти XIX в. гражданские власти стали смотреть на городовых казаков как на преимущественно полицейскую силу, подчеркивая необходимость их присутствия "на случай каких-либо внутренних последствий от народа, наполняющаго Сибирь, который обуздывается немало, видя везде казаков и привыкнув уважать звание сие", а Устав 1822 г. прямо относил сибирских городовых казаков "к составу губернской и окружной полиции". Соответственно и обязанности казаков "по делам полицейским" были расписаны наиболее подробно: осуществлять ночные разъезды в городах, предупреждать и пресекать побеги, наблюдать за казенными поселениями, препровождать ссыльных на этапную дорогу и составлять конную стражу на этапах, наблюдать за "благочинием" на сельских и инородческих ярмарках, выполнять функции квартальных надзирателей в малолюдных городах и пр.

В 40-е гг. XIX в. в связи с развитием золотодобычи частным золотопромышленникам было предоставлено право требовать себе казаков для охраны

порядка на приисках и пресечения утечки на сторону добытого золота. Полицейские обязанности выполняли городовые и оренбургские казаки также на уральских заводах. Таким образом, происходило постепенное превращение значительной части казачества из военной силы в административно-полицейскую. Особенно заметную эволюцию в названном направлении претерпели городовые казачьи команды[81].

5. Обмундирование и вооружение казачьих войск

Обмундирование казачества в общих чертах повторило путь эволюции формы одежды вооруженных сил России. Первоначально отсутствовало всякое единство в воинской одежде и вооружении. Затем появляются цветовые различия. В XIX в. правительство начинает детально регламентировать элементы экипировки. Введение единообразного обмундирования явилось итогом регуляризации казачества, которая шла с начала XVIII в. Мундир отличал казаков разных войсковых организаций, офицеров и рядовых. При этом даже в XIX в. в экипировке казачьих войск допускалось гораздо больше вольности, нежели в регулярной армии.

В течение XVIII в. в казачьих войсках складывалось определенное однообразие одежды, которая к концу столетия состояла из серой смушковой шапки с суконным верхом, чекменя — длинного однобортного кафтана без пуговиц с открытой верхней частью, позволявшей видеть воротник и нагрудную часть нижнего полукафтана; кушака и шаровар, заправленных в мягкие короткие сапоги. Рукава чекменя делались разрезными спереди от плеча до локтя так, что могли быть надеты на руки или откинуты за спину. С середины 70-х гг. XVIII в. у казаков начинает вводиться форменная одежда определенного цвета.

Так, у оренбургских казаков чекмени, полукафтаны и шаровары были светло-синими, воротники, подбой и обшлага красными, верх шапок светло-синий, а кушаки — черные. У тобольских казаков чекмени, полукафтаны и шаровары были голубого цвета, верхи шапок красные, кушаки малиновые с желтыми полосами и бахромой.

Тогда же вводятся " непременные цвета" у яицких казаков: светло-синие кафтаны и шаровары, малиновые кушаки и малиновые верхи шапок. Но вводились эти регламентированные цвета с трудом. Иконографический материал свидетельствует, что и в конце XVIII в. лишь часть яицких (теперь уже уральских) казаков носила платье такой расцветки.

Цвет сапогов у казаков был произвольный, преимущественно черный. Края чекменей и полукафтанов обшивались узкой желтой тесьмой. Офицеры имели обшивку золотую не только на кафтанах, но и на верхах шапок. Они носили цветные сапоги, а кушаки имели с примесью серебряных и золотых нитей или совсем золотые и серебряные[82].

В XVIII в. у казаков на вооружении были гладкоствольные ружья калибра 19,8 мм, сравнительно малокалиберные винтовки (10-12 мм) персидской и турецкой работы ("турки") с дамасковыми стволами. Встречались также винтовки с полигональной сверловкой ствола и треугольным каналом ("троицы").

Казаки не признавали бумажных патронов и носили порох в пороховницах. Были у них и пистолеты, как казенные, так и турецкой, персидской

и кавказской работы. Пистолеты имели длинный ствол небольшого калибра, отличались легкостью, удобством, изящной отделкой. Прицел и мушка, как правило, на пистолетах отсутствовали.

В 1801 г. донским казакам была дана новая форма одежды, ставшая позднее общеказачьей. Она состояла из темно-синей короткой куртки на крючках, голубого кушака, темно-синих шаровар с красными лампасами, черной смушковой шапки с красным суконным свисающим на правую сторону верхом (шлыком). Шапку украшали белый этишкет из шнура и белый перьевой (с 1809 г. волосяной) султан. Но чаще донцы носили фуражки с красным околышем, высокой тульей и черным козырьком. С 1 сентября по 1 мая надевали синий чекмень на крючках[83].

Рядовые казаки-донцы с 1809 г. носили синие погоны с красной выпушкой. Офицеры и генералы — витые серебряные шнуры, а с 1814 г. — серебряные эполеты. На высоком стоячем синем воротнике куртки и обшлагах рядовые казаки имели выпушку красного цвета, а урядники — серебряный галун. У офицеров и генералов на воротнике было серебряное шитье, а с 1815 г. — серебряные петлицы, этишкеты на шапках у офицеров и генералов — серебряные, а у урядников — с примесью черных и оранжевых нитей. На сапогах урядники, офицеры и генералы носили шпоры. Рядовые казаки для управления лошадью использовали ногайки. Вместо кушаков офицеры и генералы имели серебряные шарфы.

В 1803 г. в Оренбургском тысячном атаманском (с 1821 г. — Непременном) казачьем полку был введен мундир по образцу донского, но с воротником, обшлагами, лампасами и шлыком малинового цвета. В 1808 г. как для тысячного полка, так и для всего Оренбургского казачьего войска был введен мундир по образцу донского с красной выпушкой на воротнике и обшлагах и красными лампасами на шароварах. Цвет кушаков не был строго определен. В 1809 г. офицеры получили серебряные шарфы, в 1817 г. — эполеты, а также серебряные петлицы на воротники и обшлага курток и чекменей[84].

В 1821 г. нижним чинам оренбургской казачьей артиллерии назначено обмундирование по образцу донских конно-артиллерийских рот. От обычного казачьего оно отличалось отсутствием выпушки на погонах, темно-зеленым воротником и обшлагами черного цвета, а также черными кожаными леями на шароварах. Артиллеристы-оренбуржцы отличались от донцов кушаками темно-зеленого цвета, двумя красными лампасами с такой же выпушкой на шароварах и отсутствием этишкета на шапках.

Казаки тептярских полков (сформированы в 1790—1798 гг., в 1835 г. причислены к Оренбургскому казачьему войску) до 1819 г. не отличались форменной одеждой от оренбургских казаков. В этом году им было присвоено обмундирование по образцу донцов, но с красными погонами и желто-красными кушаками. Шлык на шапке — синий.

Ставропольские крещеные калмыки (в 1756 г. образовали войско, причисленное к отдельному Оренбургскому корпусу, а в 1803 г. — Ставропольский тысячный полк; в 1842 г. полк был упразднен, а калмыки причислены к Оренбургскому казачьему войску) в 1811 г. получили форму общеказачьего образца. Выпушка, лампасы и кушак у калмыков были желтого цвета. Они отличались головным убором — суконной шапкой уланского типа с четырехугольным верхом, обложенным по тулье черным мехом (у рядовых — бараньим, у офицеров — бобровым). В 1829 г. приборный цвет (то

есть опознавательный цвет выпушек, погон. околышей, лампасов и т.п.) у ставропольских калмыков был заменен на красный, а цвет кушаков — на черный.

Башкиро-мещерякское войско (образовано в 1798 г.) носило белые суконные шапки с черной тесьмой по швам, куртки и шаровары синие с красной выпушкой и лампасами. Кушак — светло-синий.

В 1827 г. на эполетах оренбургских казачьих офицеров появились металлические звездочки для обозначения чина. В 1835 г. цвет мундирного сукна в Оренбургском войске был заменен на темно-зеленый, а цвет прибора стал светло-синим. Султаны на шапках были заменены помпонами — у офицеров серебряными, у рядовых — шерстяными голубого цвета. В 1837 г. офицеры получили шарфы с узкой серебряной тесьмой "о трех полосах оранжевого и черного шелка". С 1840 г. на погонах оренбургских казаков стал указываться номер полка. У Уфимского полка на погонах введены литеры "УК". А в 1844 г. офицерам Оренбургского войска было разрешено носить темно-зеленые фуражки со светло-синим околышем и металлической кокардой, "как установлено в регулярных войсках".

В Уральском казачьем войске с 1801 г. было определено носить суконный малинового цвета зипун, обложенный вокруг воротника и по низу рукавов белой тесьмой; суконные голубые шаровары с белой выкладкой по боковым швам; кожаный пояс, на нем — пороховница, пулечница и пороховая натруска для ружейной полки, а также медная смазница. Поверх пояса повязывался бумажный голубого цвета кушак. Шапка была малинового сукна с черным меховым околышем. На черной кожаной портупее носили железную саблю, через плечо на черном кожаном ремне — ружье. Употреблялась также казачья пика с черным древком. Чепрак и чушки были малинового сукна, с обшивкой из белой тесьмы.

Офицеры имели верхний кафтан из малинового сукна на малиновой шелковой подкладке, обшитый вокруг воротника, по низу рукавов, по швам на спине, — из голубого сукна с пятью серебряными пуговицами на левой стороне, с узким серебряным галуном по верхнему и боковым краям воротника, по борту и по нижнему краю. Шаровары — голубого сукна, с серебряным галуном по боковым швам и нижнему краю. Кушак шелковый, малинового цвета. Шапка малинового сукна с околышем из черной смушки. Портупея красного сафьяна с серебряным шитьем. Сабля с кривым клинком, с серебряной оправой на ножнах и с серебряным темляком.

В 1806 г. Уральскому казачьему войску, согласно его желанию, дозволено было носить обмундирование общеказачьего покроя: синие чекмени и куртки (летом) и шаровары. Выпушка — малинового цвета. Нижние чины стали носить светло-синие кушаки, сабли по образцу регулярной легкой кавалерии без темляков и на черной портупее. Карабины на черном кожаном ремне через левое плечо. Чепрак и чушки — синие с белой обшивкой. Пики остались прежние. Офицеры имели те же цвета, что и нижние чины, но на обоих плечах носили серебряные жгуты. Портупеи были из красного сафьяна с серебряным набором. Сабля и темляк — как у офицеров регулярной легкой кавалерии. Подсумочный ремень обшит серебряным с черными выемками галуном, на нем — серебряные бляхи и цепочки[85].

В 1817 г. офицерам Уральского казачьего войска было разрешено носить серебряные эполеты, серебряные (по одной с каждой стороны) петлицы на воротниках и по две на обшлагах чекменей и курток, а также серебряные

шарфы. На шапках — серебряная подборочная чешуя и черный кожаный козырек с серебряной обкладкой.

В 1827 г. на офицерских эполетах появились кованые звездочки, а с 1829 г. были введены чешуйчатые эполеты. В том же году приборное малиновое сукно на мундирах было заменено на светло-синее. Кушак стал черный, шапка — с верхом по цвету выпушек. На крышке лядунки появился императорский вензель. Древко пик стало зеленым. Ружье начали носить через правое плечо. У урядников на воротнике и обшлагах появился серебряный галун, на шароварах — двойные выкладки, кушак голубой, кисти этишкета белые с примесью черного и оранжеваго, верхушка султана черная с оранжевым. Офицеры имели серебряные галуны, портупейные и лядуночные ремни, голубой кушак.

В 1837 г. офицерам даны шарфы новой формы, как в регулярных войсках. В 1838 г. вместо лядунок появляются патронташи на 20 патронов из черной юфтевой кожи. Введены пистолеты, которые помещались в пистолетных чушках из черной глянцевой кожи, пистолетные шнуры — по цвету кантов на мундире. Вместо сабель появляются шашки в ножнах, обтянутых черной кожей. Ружья носят за спиной через правое плечо. Вальтрапы — в цвет мундира, обложены светло-синей тесьмой.

Офицеры получили патронташи на 20 патронов из черного сафьяна. Пистолетные чушки также из черного сафьяна, пистолетные шнуры — серебряные. Портупея из серебряной тесьмы. Шашки с вызолоченными металлическими частями в черных ножнах.

Металлическая кокарда на офицерских фуражках вводится в 1844 г. В том же году в Уральском войске установлены синие со светло-синим околышем фуражки с выпушкой по верхнему кругу.

С 1845 г. чекмени решили отменить и оставить только куртки, но в том же году было решено только уменьшить длину чекменя. На его воротнике и обшлагах — синий кант, у офицеров еще и серебряные петлицы. Шапка черной смушки без развала, со шлыком светло-синего сукна. Кушак светло-синий.

В 1855 г. вместо шапки прежней формы вводится папаха по типу Кавказского корпуса, верх папахи — суконный, по цвету приборного сукна, обшитый серебряным галуном, спереди на меховой опушке — кокарда. Как и во всей армии, был введен полукафтан, но оставлен и чекмень. Воротник на полукафтане и чекмене носили закругленный. В Уральском войске цвет верха папахи, погон, лампасов, выпушек, кушаков заменен с голубого на малиновый. Вместо поясной появилась портупея через плечо, офицерский шарф заменен кушаком без кистей.

Сибирское линейное казачье войско получило общеказачий мундир в 1802 г. Приборным цветом сибиряков стал красный, кушаки они носили голубые. В 1809 г. офицеры получили серебряное шитье на воротник и серебряные шарфы[86].

В 1812 г. в Сибирском линейном войске введена строевая и походная форма. У строевых шаровары заменены чакчирами уланского типа с красными лампасами и выпушкой. Чакчиры имели кожаные краги до колен. Кушаки — темно-синие с красной обкладкой по краям. В качестве головного убора казаки получили кивер "против существующего в пехоте", но весь из лакированной кожи с белым этишкетом. Для холодного времени года пола-

галась шинель из серого сукна. В качестве обуви — сапоги с железными шпорами.

В походе вместо чакчир применялись темно-серые рейтузы без лампасов с одной выпушкой и черными кожаными леями. На кивер в походе надевался клеенчатый чехол. Урядники получали золотой галун на воротник и обшлага, офицеры — золотые эполеты на красном суконном подбое, офицерские этишкеты — серебряные, чакчиры — без краг.

В 1827 г. у офицеров появились металлические звездочки на эполетах, в 1829 г. вместо золотых эполет введены серебряные. В этом же году кивера были заменены казачьими шапками, отличавшимися тем, что на подбородочном ремне имели белую металлическую чешую.

В 1837 г. офицеры получили шарфы с узкой серебряной тесьмой "о трех полосах оранжевого и черного шелка", а в 1844 г. — темно-зеленые фуражки с красным околышем и выпушкой по тулье.

В 1840 г. цвет мундирного сукна в Сибирском линейном войске был заменен на темно-зеленый. В холодное время полагалась шинель серого сукна с темно-зеленым воротником и красным клапаном. На погонах желтыми цифрами указывался номер полка. Рядовые казаки могли носить темно-зеленые фуражки с красной выпушкой в два ряда, но без козырька. Артиллеристам Сибирского линейного казачьего войска с 1845 г. воротники и обшлага делали из черного сукна с красным кантом.

С 1814 г. иркутский губернатор И.Трескин начал вводить единую форму по образцу Сибирского казачьего войска у пограничных казаков Забайкалья. В 1824 г. по предложению Цейдлера, тоже иркутского губернатора, пограничные команды получили одинаковое с городовыми казаками обмундирование и вооружение: куртку, панталоны, кивер, кушак, портупею, погонную и лядуночную перевязи, лядунку, саблю, карабин и пистолет, пику (основной цвет — темно-синий, приборный — светло-зеленый, воротник, погоны и кушак — светло-синие; на погонах литеры "П.К.В."). Однако на деле достигнуть единообразия в обмундировании было весьма трудно. В.И.Вагин писал, что в первой половине XIX в. пограничные казаки по причине отсутствия у них однообразия в одежде звались в народе "унтовым войском"[87].

По Положению 1851 г. Забайкальскому казачьему войску были даны: шапка, фуражка, галстук, чекмень, пояс, шаровары, шинель, сапоги, погонный ремень, портупея (только конным) единого образца. Основным цветом обмундирования стал темно-зеленый (фуражки, чекмени). Шинель и шаровары были серого цвета, шапка — красного, выпушка на воротнике и обшлагах — красная, красного же цвета — выпушка на шароварах. Погоны — синие, а у офицеров — серебряные эполеты.

В 1808 г. на вооружение принимается однотипное стрелковое оружие калибра 17,78 мм. У каждого рода войск был особый образец ружья. До 200 казаков в полку получили ружья драгунского типа. Каждый казак, кроме того, имел пару кавалерийских пистолетов образца 1809 г.

Первые ружья специально для казачьих войск принимаются на вооружение в 1832 г. Эти ружья были сделаны по образцу пехотных 1828 г., но с более короткими стволами и прикладами так называемого азиатского типа.

В 1844 г. было прекращено производство оружия с кремневыми запалами. На вооружение принимается капсюльное ("ударное") ружье образца 1845 г., на основе которого разрабатывается казачий образец 1846 г. с более

коротким стволом. Заряды к огнестрельному оружию казак хранил в кожаной лядунке на 24 патрона, а с 1838 г. в патронташе на 40 патронов.

Из холодного оружия на вооружении казаков были сабли нерегламентированных образцов. Наряду с отечественными моделями использовались всевозможные азиатские, венгерские, польские и другие типы. Их носили в деревянных ножнах, обтянутых кожей, с медным или железным прибором. Традиционным оружием казаков (кроме кавказских) была также пика[88].

ГЛАВА 2

КАЗАЧЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

1. Сословно-правовой статус казачества

До середины XVII в. упоминания о правовом статусе казаков эпизодически встречаются в нормативных актах общего характера. Соборное уложение 1649 г. впервые подробно регламентирует организацию вооруженных сил по правам и обязанностям ратных людей в военное время (гл.XXIV — О службе всяких ратных людей Московского государства). В него включены специальные главы о стрельцах (гл.XXIII) и казаках (гл.XXIV). Последний факт свидетельствует о повышенном внимании государства к казацко-стрелецкой проблеме в связи с усилением роли и значения военно-служилых в жизни общества и начавшимся процессом интеграции вольных казачьих обществ в структуру московского государства. Отдельные правовые нормы, касающиеся приборного войска и казаков, встречаются и во многих главах Уложения.

Главной обязанностью и юридическим оправданием существования этих социальных групп объявлялась государственная служба, за которую им полагалось определенное материальное вознаграждение в сочетании с некоторыми льготами экономического характера. Согласно гл.XIX (ст.11-я), стрельцы и казаки имели право заниматься мелочной городской торговлей с освобождением от посадского тягла и лавочного оброка при условии уплаты таможенных пошлин, от которых они также могли освободиться по государевым указным грамотам (ст.53, гл.XVIII). Последним правом весьма охотно пользовались сибирские служилые люди во время столичных командировок. В соответствии со ст.50, гл.XVI, казаки могли владеть землями, но законодатель довольно жестко ограничивал их в праве распоряжения последними, предписывая "казакам своих казачьих вотчинных земель никому не продавать и не здавать".

В середине XVII в. стрельцы и казаки оказались довольно близкими по положению категориями населения. Об этом свидетельствует гл.XXIV, распространявшая на казаков и атаманов процессуальные нормы общего судопроизводства по гражданским и уголовным делам и приравнявшая их в отношении уплаты судебных пошлин к стрельцам (в освобождении от пошлин по искам, не превышавшим 12 руб.), устанавливающая компенсацию "за бесчестье" в зависимости от должностных окладов или, если они получали только провиант, ограничивающая ее 5 рублями. Однако процесс сближения этих категорий населения еще не завершился к рассматриваемо-

му времени. И казаки, и стрельцы признавались субъектами гражданского и уголовного права. Они, например, лично отвечали по своим исковым делам, с той, однако, существенной разницей, что стрельцов запрещалось выдавать кредиторам головой, и они должны были погашать свою задолженность из государева жалованья (не свыше 4 руб. в год). Здесь, конечно, свою роль сыграло опасение правительства, что чрезмерный рост задолженников приведет к оголению стрелецких гарнизонов, тогда как казачья служба еще сохраняла черты добровольности.

Для сибирского приборного войска особое значение имело разрешение покупать "татар и татарченков" (ст.117-118, гл.XX) всем, кроме сибирских воевод и приказных людей, что в какой-то мере открывало простор закрепостительным тенденциям за Уралом[1].

Соборное уложение 1649 г. не могло учесть специфику региональных отрядов казачества и приборных служилых людей в достаточно полном объеме. Яицкое казачество, например, до 80-х гг. XVII в. вообще официально не признавалось центральной властью, а возникавшие между яицкой общиной и Москвой отношения подлежали, скорее, ведению международного права. Проблемы сословно-правового статуса сибирских казаков получили более детальную разработку в частных нормативных актах — разного рода государевых грамотах и наказах сибирским воеводам. Проведенный исследователями Сибири их анализ показывает, что до середины XVII в. служилое сословие в этом регионе было в общем и целом "открытым на входе" и "закрытым на выходе". Правда, и тогда время от времени проводились чистки служилых с целью исключения их из среды крестьян (чтобы "государевой пашни не убавити") и посадских (во избежание уменьшения доходов с городов). Но контроль этот был слабым и непоследовательным как в силу сравнительной слабости административного аппарата, так и из-за острой необходимости увеличения служилого контингента. Присутствовал, разумеется, и корыстный интерес воевод, верставших "изо взятков", но это и было в первую очередь предметом пристального внимания ревизоров.

Во второй половине XVII в., особенно после восстания С.Т.Разина, показавшего склонность приборного войска "к шатости и измене", правительство принимает ряд мер, направленных на превращение служилых людей в замкнутую корпорацию. Хотя прием тяглецов в службу не во всех случаях был деянием противозаконным (известное правило "третьего сына" ст.27, гл.XVIII Соборного уложения), но теперь они более последовательно исключаются из числа кандидатов, равно как и "гулящие люди" из-за их политической неблагонадежности. Наконец, последовали запреты на верстание в службу ссыльных "плутов" и "разбойников".

Все это было реальным проявлением тенденции консолидации сословий в общероссийском масштабе[2]. В Сибири, во всяком случае в ее западной части, для этого складывались благоприятные условия. К исходу XVII в. здесь вокруг служилого ядра сформировался довольно плотный слой так называемых "казачьих детей", формально имевших первоочередное право на занятие вакантных мест, поскольку воеводам предписывалось верстать "от отцов — детей, от братьи — братью, от дядь — племянников", но фактически далеко не всегда имевших возможность его реализовать. В ожидании своего часа "казачьи дети" обращались к хлебопашеству, торгово-ремесленным и промышленным занятиям, становившимся со временем основным видом деятельности, что приводило к отдалению от служилой среды.

Социально-правовое положение этой группы не вполне ясно. Часть исследователей включает казачьих детей в разряд служилого сословия, другие предлагают рассматривать их в качестве особой социальной группы, переходной от служилых к тяглым слоям населения. На рубеже XVII—XVIII вв. они составляли главный резерв пополнения служилых гарнизонов.

Сословные перегородки в Сибири к концу XVIII в. оставались достаточно размытыми, неопределенными, хотя и значительно укрепились. Специфика колонизируемой окраины постоянно заставляла прибегать к исключениям из правил. Избыточность служилого населения в одних городах соседствовала с острой нехваткой его в других (особенно в Восточной Сибири), военные потери требовали быстрого замещения, а родственники погибших могли и не достичь к этому времени "указных лет". "Государь" весьма терпимо относился даже к верстанию в дети боярские, входивших в служилую верхушку, представителей низших разрядов служилых людей, особенно если это сулило экономию денежных и других средств. В 1678 г. потребовалось наградить казаков за сопровождение посольства Н.Спафария. Они были поставлены перед выбором: либо согласиться с повышением окладов, "а будет кто похочет из казаков в дети боярские и тех верстать в дети боярские с прежними их казачьими окладами без придач"[3].

Правовой статус детей боярских и (с 1684 г.) сибирских дворян, представлявших местную служилую аристократию, оказался наименее определенным. Формально-юридически они могут быть отнесены к низшим разрядам служилых "по отечеству", но правительственная политика в Сибири, направленная на недопущение развития в этом регионе поместного землевладения, привела к тому, что между ними и служилыми "по прибору" существенной разницы не наблюдалось.

Сословно-правовой статус служилого человека определялся его принадлежностью к одному из разрядов служилых людей. Сформированное в XVI в. приборное войско как дополнение к поместному ополчению получило некоторые права, сближавшие его с представителями низшей прослойки господствующего класса, сохраняя одновременно общие черты с тяглыми слоями — основным источником их комплектования. Будучи по своему характеру переходной социальной группой, служилые люди, в свою очередь, распадались на ряд переходных слоев (сибирские дворяне и дети боярские, казачья старшина, конные казаки всех списков, служилые пешей службы, пушкари, воротники, затинщики, беломестные казаки) в зависимости от "чина" и материального положения (наличие и величина побочных занятий в виде торгово-промышленной и ремесленной деятельности), причем корреляция между этими показателями хотя и существовала, но была довольно слабой.

Одним из следствий преобразований первой четверти XVIII в. был распад во всероссийском масштабе сословия служилых людей "прежних служб". Угроза исчезновения нависла и над сибирскими нерегулярными гарнизонами. "Плакат о сборе подушных денег..." от 24 июня 1724 г. предписывал обратить их личный состав в государственных крестьян. Затея оказалась несвоевременной, и 20 апреля 1725 г. Сенат предписал сибирскому губернатору и переписчику кн. И.Солнцеву-Засекину определить численность необходимых для службы казаков с исключением их из подушного оклада, что в 1727 г. было подтверждено сенатским указом. Юридически, таким образом, сибирские казаки были отнесены к неподатным слоям насе-

ления империи, хотя в действительности процесс освобождения их от уплаты подушной подати завершился в Западной Сибири в общих чертах лишь ко времени проведения 3-й ревизии, а в Иркутской губернии — к концу XVIII в.[4]

При всех нововведениях правовой статус казачества оставался еще более неопределенным, чем это имело место в XVII в. Дело в том, что составители "Табели о рангах", разделив все неподатное служилое население империи на 14 классов, "забыли" включить в "Табель" казачьи чины, рассчитывая на их быстрое исчезновение по мере укрепления регулярного начала. Если для рядовых казаков проблема включенности в чиновную иерархию стояла не особенно остро, то для войсковых старшин Яика и Оренбуржья, сибирских дворян и детей боярских получение классного чина было предметом вожделенных, далеко не всегда достижимых мечтаний. Отдельным представителям сибирской служилой аристократии (Матигоровы, Павлуцкие и др.) удалось проникнуть в ряды российского потомственного дворянства, но основная ее масса, находясь на должностях, соответствующих XVI-IX классам, не смогла добиться получения даже личного дворянства. Сибирская служилая верхушка стала жертвой правительственной политики, в силу которой даже армейские обер-офицеры находились к началу XIX в. на и социальной периферии господствующего класса. Абсолютистское государство хотело иметь здесь прочную опору в лице сибирской бюрократии, но не собиралось создавать полноценный региональный дворянский корпус, который мог бы стать политическим и экономическим конкурентом. При сравнительной слабости экономических связей между регионами страны появление в Сибири значительного слоя поместного дворянства могло бы привести к усилению центробежных тенденций[5].

Служилые люди получали в Сибири землю. Широко распространено мнение об однотипности служилого и крестьянского землевладения[6], но оно представляется односторонним, поскольку игнорирует отличительные особенности первого. Правовой основой служилого землевладения была "дача" за службу (точнее, взамен хлебного жалованья), захват пустошей, условный характер держания и индивидуальный порядок отвода земель. Все это до известной степени сближает в юридическом смысле земли сибирских казаков с землями служилых "по отечеству", но преобладание личного труда в казачьих хозяйствах и отсутствие права собственности на земельные участки указывают на близость к крестьянскому хозяйству. С учетом этих обстоятельств правильнее будет говорить о переходном характере служилого землевладения, схожем с таковым у однодворцев юга Европейской России. При известных условиях оно могло эволюционировать в сторону поместья, но могло и "раствориться" в массе крестьянских земель.

Социально-правовой статус казачества во многом определялся отношением к земле. Там, где она с самого начала находилась в войсковой собственности, как, например, в Уральском войске, представлявшем собой одну гигантскую общину, или там, где казакам при поддержке правительства удавалось вернуть собственность войска на землю впоследствии (Оренбургское, Сибирское линейное, Забайкальское войско), там положение казаков при всей сложности внутривойсковых поземельных отношений было более прочным. Городовые казаки Западной Сибири не смогли получить право корпоративной собственности на землю, и это во многом предопределило их исчезновение во второй половине XIX в.

Для выяснения специфики сословно-правового статуса казачества особую актуальность приобретает вопрос о праве владения зависимыми людьми.

Согласно старинному казачьему обычаю, вопрос о приеме в казачью общину решался "кругом", но уже в конце XVII в. бывало, что яицкие атаманы, прикрываясь требованиями правительства о неприятии беглых, не представляли новых пришельцев "кругу", а обращали их на несколько лет в своих работников, раздавали в услужение родственникам и вообще членам своей "партии". Известны случаи, когда беглецы эксплуатировались в хозяйствах казаков по 10-15 лет, а то и больше. Т.Г.Мясников и И.Чеботарь пришли на Яик после 1695 г. и до 1717 г. работали в хозяйствах частных лиц и только тогда по их челобитной в обход "круга" и за определенную взятку они были поверстаны в казаки[7].

Социальное лицо этих работников не вполне понятно, но несомненно, что речь идет о свободном найме рабочей силы. Укрывательство и от правительства, и от "круга" неизбежно должно было сопровождаться теми или иными формами личной зависимости, разумеется, противоправной.

Атаманы и старшины разрешали иногда лицам неказачьего сословия селиться в Яицком городке и заниматься промыслом. Находясь под покровительством выборных казачьих начальников, эти люди становились их своеобразными "клиентами" (подобно тому как многие римляне, свободные и вольноотпущенники, становились клиентами отдельных могущественных лиц — патронов). За это покровительство приходилось рассчитываться частью доходов, но все равно они находились в более выгодном положении, чем многие рядовые казаки, т.к. "службу государеву не служили и податей... казачьих никаких не несли"[8].

Нижнюю ступень социальной лестницы на Яике занимали неимущие работники (рабы) из числа свободно продававшихся в общинах пленных татар, калмыков, башкир, чувашей, казахов, а также финнов и шведов, точное число которых неизвестно.

Что касается Сибири, то здесь официально разрешалось Соборным уложением "татар и татарченков покупать", но как подчеркивал В.И.Шунков, "закрепостительные тенденции не смущались национальной принадлежностью, крепостили и русских, и ясырей-колмаков" Впрочем, особого развития эти тенденции не получили. Из учтенных переписной книгой 1710 г. 566 дворов служилых людей Тобольска дворовые люди имелись лишь в 103 (18,2%). В 14 дворах тобольских дворян жило 150 работников (по 10,7 чел. в среднем на двор), в 30 дворах конных казаков проживало 79 чел. (по 2,6 чел. на двор). Далее значились дети боярские (на 28 дворов 63 работника) и пешие казаки (на 31 двор 50 дворовых). Всего, следовательно, у тобольчан было 342 работника: 213 у дворян и детей боярских и 129 у казаков. Среди дворовых преобладали лица коренных национальностей — 187 калмыков, 50 остяков. Происхождение 37 чел. неизвестно, 68 чел. русские. Из 342 названных дворовых 273 чел. (80%) были покупными. Большинство дворовых — трудоспособное население от 17 до 60 лет (206 чел., или 60%); значительным оказался также процент детей и подростков до 16 лет (133 чел. или 39%); заметно преобладал женский пол (204 чел., или 60%).

Тобольск не являлся исключением. В той или иной степени дворовые люди имелись и у служилых прочих городов, но их количество, как правило, было незначительным[9].

Крепостнические тенденции в определенной мере поддерживал указ Анны Иоановны от 16 ноября 1737 г.: "Калмык и других наций, которые, как известно, крещены бывают и хозяевам достаются больше малолетние, дозволяется всякому покупать и у себя держать без всякого платежа подушных денег одной запиской в губернских и воеводских канцеляриях". Однако и после его выхода число дворовых у сибирских служилых людей практически не возрастает. В 1742 г. в Тобольске было всего 373 дворовых мужского пола. В Тюмени в 1746 г. у дворянина А.Карамышева работало в его деревне 12 чел.; детям боярским С.Текутьеву принадлежало 14 дворовых, И.Текутьеву — 3, Ф.Молчанову и И.Рескину по 2.

Время проведения 2-й ревизии совпало с резким поворотом в правительственной политике по отношению к недворянам-владельцам дворовых. Указом от 14 марта 1746 г. велено было всех дворовых, находящихся у детей боярских, купцов и казаков, "в нынешнюю перепись за ними не писать, а надлежит записать живущих в городах в разночинцы и в цехи, а в уездах — с государственными крестьянами или передать настоящим помещикам" Процесс ликвидации дворовых в хозяйствах казаков растянулся до конца XVIII в. За тобольскими служилыми по 4-й ревизии еще числились 43 чел., но по 5-й ревизии все они показаны в числе выбывших. Указ от 23 мая 1808 г. разрешал лицам свободных состояний покупать и выменивать киргизских детей при условии их освобождения по достижении 25-летнего возраста[10].

Неурегулированность сословно-правовых отношений в XVIII в. ставила казачью старшину и верхушку иррегулярных войск в сложное и противоречивое положение. Принадлежность к "казачьему званию" и сопричастность казачьим традициям, укладу жизни требовали энергичных действий в их защиту и сохранения нерасчлененности сословно-правового статуса казачества. Но набиравшая силу сословная и имущественная дифференциация казачьей среды, частичная узурпация атаманами и старшиной полномочий казачьего круга, заставляла их искать поддержку у центральной власти, добиваться получения дворянских прав и привилегий. На Яике результатом всего этого стала борьба противостоящих "партий", а выход из создавшегося положения стал усматриваться казаками в поддержке "законного государя" Петра III — Емельяна Пугачева, способного, как казалось, увязать старинные вольности с правами и привилегиями верхушки.

Добиться юридического признания равенства с потомственными дворянами пытались в XVIII в. сибирские дворяне и дети боярские, для сознания которых это отождествление было в высшей степени характерно. В семье Текутьевых, например, хранилось предание о родоначальнике Иване Феофанове сыне по прозвищу Текутей, "от греческих бояр тысяцкого", который будто бы был приближенным великого тверского князя Ивана Михайловича. Тюменский сын боярский Петр Дворянской вел свою родословную от прадеда Самсона — "однодворца, московского штата дворянина", от которого и пошла фамилия "Дворянские"[11]. Но собственных преданий о месте в социальной иерархии обычно было недостаточно для официального признания. Свои притязания верхушка сибирских служилых людей вынесла на суд Уложенной комиссии Екатерины II.

Депутат от Якутска А.Данилов (выходец из служилой среды, участник 2-й Камчатской экспедиции и плавания к берегам Японии), настаивая на "полноценности" сибирского дворянства, заявил, что дворянство приобретается не происхождением, а выслугой. Енисейский депутат дворянин С.Са-

мойлов просил об уравнении прав с российскими дворянами на том основании, что сибирские находились на должностях штаб- и обер-офицеров, а верхотурец Глазунов подал свой голос за лишение звания дворянина всех, кто не желал служить. Депутат Ф.Анциферов (первый казачий атаман Иртышской линии), указывая на заслуги казаков в приобретении и освоении Сибири, просил об уравнении их в деле чинопроизводства "хотя с украинскими слободскими полками Новороссийской губернии".

Всем этим требованиям не суждено было осуществиться. Как показала М.М.Громыко, главная причина, помешавшая сибирским дворянам добиться привилегий, заключалась в отсутствии в Сибири необходимой для этого экономической основы. В 1800 г. на запрос тобольских детей боярских Кобяковых из Герольдмейстерской конторы был получен ответ, что "тобольские и иркутские дворяне и дети боярские признаются дворянами только такие, которые представят доказательства, что предки их жалованы от государей за дворянские службы поместьями и на оные грамотами или же были в чинах, приносящих дворянское достоинство, а чтоб вообще всех их признавать наравне с природными российскими дворянами... Герольдия никакого постановления не имеет". Показательно, что чиновники, собиравшие в начале XIX в. материал для нового законодательства о казаках, отметили в их составе и детей боярских, "не различествующих нимало от прочих казаков ни в правах, ни в обязанностях", а Устав 1822 г. упоминает о них не иначе как с ироничным добавлением "так называемые сибирские дворяне и дети боярские"[12].

В течение XVIII в. шел трудный и болезненный процесс интеграции казачества в систему абсолютистского государства, во многом аналогичный процессу адаптации вошедших в состав России родоплеменных и национальных образований, когда при сохранении известного внутреннего единства на родоплеменную верхушку и представителей господствующего сословия постепенно распространялись права и преимущества российского дворянства. Основная масса общинников сближалась с податными слоями империи, сохраняя свои специфические национальные черты и обладая порой даже некоторыми преимуществами перед российским податным населением.

Процесс этот шел в значительной мере стихийно, через пробы и ошибки, с весьма заметными региональными различиями. Можно вполне согласиться с мнением тех авторов, которые, говоря о положении казаков к началу XIX столетия, указывали на "почти полное отсутствие законодательных постановлений... о существе и пространстве прав этого населения"[13]. Подготовленный в 1767—68 гг. "Проект законов о правах войск казачьих" даже не был утвержден.

На конец XVIII—первую половину XIX в. приходится заключительный этап интеграции казачества в государственную систему Российской империи. Для различных региональных отрядов казачества он имел неоднозначные последствия. Уральское, Оренбургское, Сибирское линейное и Забайкальское войска получили "почти совершенное регулярное устройство" с более или менее определенными правами и обязанностями казачьего населения, отчасти определяемое положениями о войсках, отчасти (в Уральском войске прежде всего) — обычным правом, опиравшимся на старинные казачьи традиции. Городовые казаки, как отмечалось, не смогли

создать свою корпоративную региональную организацию, несмотря на предпринимавшиеся в этом направлении меры.

Нормативные акты первой половины XIX в. исходили из представления о казаках как отдельном сословии "с особенными привилегиями, правами и со своими сословными учреждениями".

Сословно-правовой статус казачества определялся прежде всего принадлежностью к войсковой организации и ее структурным подразделениям и регулировался в первой половине XIX в. положениями о казачьих войсках, которые, имея целью унификацию прав и обязанностей казаков, придание им некоей общей юридической "окраски", вместе с тем учитывали специфику региональных казачьих формирований. Отсутствие единого нормативного акта для казаков империи (по типу, например, Жалованной грамоты дворянству) свидетельствует о различиях в социально-правовом положении их региональных отрядов.

Существовали, однако, некоторые исходные юридические принципы, позволяющие говорить о казачестве как о едином социальном слое. Прежде всего это касается освобождения от основных государственных повинностей. Наличие корпоративной земельной собственности способствовало сохранению и поддержанию статуса казачества не только как сословной группы, но и как специфического субэтнического образования в составе русского народа. В пределах войсковой территории казаки имели право на совместную или индивидуальную эксплуатацию лесов, вод, земли и ее недр (кроме добычи благородных металлов и минералов). Для ведения собственного хозяйства казакам выделяли из станичных юртов по 30 десятин удобной земли на мужскую душу. Все положения подтверждали права казаков на занятия ремеслами, торговлей и промыслами[14].

Если права казаков различных войск имели тенденцию к унификации, то обязанности их существенно варьировались, что накладывало серьезный отпечаток на их сословно-правовой статус. В частности, что касается служебных обязанностей сибирских линейных казаков, то в 1836 г. председатель комитета по устройству сибирских казаков генерал-майор Гурко с полным основанием писал, что "они более почитаться должны поселенными кавалерийскими полками, нежели казаками". Недаром в исторической литературе со времен Г.Н.Потанина существует тенденция рассматривать организацию сибирского казачества в качестве региональной разновидности "военных поселений". Только с 1861 г. начинается постепенное уравнение линейного казачества с казаками других войск[15].

Социальная иерархия у вольных казаков складывалась еще до их подчинения центральной власти, но сословно-правовой статус долгое время оставался социально не расчлененным. Атаманско-старшинская верхушка, обладая практически немалыми привилегиями, юридически никак не выделялась из основной казачьей массы. Служилые казаки Сибири, оставшись в XVIII в. за пределами Табели о рангах, при всем различии в положении сибирских дворян и рядовых казаков, также составляли единое целое в правовом отношении.

Атаманы, сотники и рядовые казаки на сибирских пограничных линиях были "черной костью" в сравнении с армейскими чинами. Об этом, в частности, они писали в 1780 г. Военной коллегии: "А преимущества в рангах против регулярных чинов не только сотники, но и атаман никакого не имеет и от того не только подкомандных своих казаков от обид защитить не в

состоянии, но и сами принуждены как от обер и ундер-офицеров, так и от прочих нижних чинов переносить поносительные оскорбления и находиться у них несумненно под командою и в штрафах". Первый атаман Иртышской линии Федор Анциферов (с 1760 по 1769 г.) выслужил чин поручика, но оставался на казачьем жалованьи в 9 руб.[16]

С конца XVIII в., как говорилось выше, начинается процесс постепенного включения командного состава казачьих войск в состав российского дворянства через уравнение их в правах с армейскими чинами. Одновременно с этим на другом полюсе казачьей жизни шло сближение рядовых казаков с податным населением Российской империи. Рост казачьего населения при сохранении в прежнем объеме служебных обязанностей оставлял казакам все больше времени для занятий собственным хозяйством. К середине XIX в. наиболее предприимчивая часть казачества получила законную возможность откупиться от военной службы, вступив в войсковые торговые общества (в Оренбуржье — с 1840 г., в Сибирском линейном войске — с 1853 г.), уплатив в войсковую казну по 57 руб. 50 коп. с души[17].

Таким образом, с конца XVIII в. наблюдается "расщепление" сословно-правового статуса казачества (традиционный термин "социальная дифференциация" в данном случае меньше подходит, поскольку предполагает по преимуществу имманентные процессы развития, в то время как "одворянивание" казачьей верхушки во многом есть результат внешнего для казаков воздействия государства. Однако этот процесс к исходу первой половины XIX столетия далеко не завершился. И дело не только в том, что казаков наделяли большим количеством земли по сравнению с крестьянами, что военная служба в их жизни играла еще слишком большую роль (при наличии тенденции к ее уменьшению). Дело в том, что происходящие в казачьей среде явления и процессы нельзя рассматривать только (или по преимуществу) с точки зрения социально-экономической. Казачество — это прежде всего некая духовная общность со своими традициями, особенностями хозяйственного уклада и менталитета, некое субэтническое формирование, где и атаман, получивший дворянский патент, и простой казак "чувствует, что он всеми фибрами своего тела сросся с организацией, внутри которой он родился"[18].

На социально-экономические процессы, угрожавшие разрушением казачества (подобно тому как технико-экономический прогресс угрожает сегодня существованию наций в традиционном их понимании), накладывались процессы этносоциальные, сохранявшие казачество в качестве субэтнического образования в составе русского народа.

2. Казачье самоуправление и система управления войсками

Восточные регионы Российского государства явились, как уже было сказано, свидетелями образования двух типов казачества: вольного — на Яике и служилого — в Оренбуржье и Сибири. Соответственно этому становление системы управления и самоуправления шло двумя путями. Первый — путь самобытного творчества, приводивший, как это убедительно показал Н.И.Никитин, к созданию социального устройства, аналогичного "варварским" объединениям периода "военной демократии"[19]; второй — путь государственного

"устроения" казачьих формирований для решения военно-политических задач. В первом случае военно-организационная структура накладывалась на уже существовавший социально-политический и хозяйственный организм, подчиняя и приспосабливая его к государственным нуждам. В казачьих обществах второго типа сама общественная и хозяйственная жизнь выступала в качестве производного элемента, подчиненного решению военно-политических и административно-полицейских задач.

В действительности, конечно, ни один из вариантов не существовал в чистом виде. Вольные казаки не смогли бы выжить без опоры на метрополию, которая неизбежно ставила их в те или иные формы зависимости. Служилые казаки не были только послушным орудием правительственной политики, и центральная власть вовсе не располагала возможностью контролировать каждый их шаг на гигантских просторах отдаленной восточной окраины. В конечном итоге вырабатывался некий "усредненный" тип. Вольные казаки в дальнейшем прошли суровую школу "огосударствления", а сибирские служилые люди, выходцы из различных слоев тогдашнего общества, довольно быстро подверглись "оказачиванию" Полностью различия между ними не исчезли вплоть до начала XX в., но эволюция шла именно в этом направлении.

Отношениями с Яиком в XVI—начале XVIII в. ведал Казанский приказ, осуществлявший также дипломатические связи с сопредельными азиатскими государствами, подобные взаимоотношениям Москвы с Доном через Посольский приказ. В первой четверти XVIII в. яицкими делами недолгое время занималась Иностранная коллегия. В литературе высказано мнение, что на данном этапе связи вольного казачества с Московским государством строились по типу взаимоотношений последнего с различными ордами кочевников. В принципе это верно, но если продолжить поиск типологических сравнений, то не составит труда заметить, что отношения Москвы и Яика имели много общего с отношениями позднего императорского Рима к своим федератам и союзникам — варварам[20]. Разумеется, необходимо сделать поправки на время, место, обстоятельства и результаты. Федераты были пришельцами извне и носителями иной, нежели римляне, культуры. Казачество русских окраин во многом явилось продуктом центробежных тенденций Московского государства; его системообразующими элементами были православная вера и восточнославянская культура (при всех возможных заимствованиях и влияниях тюркских и других народов). В союзе с прочими варварами федератам удалось разрушить Западную Римскую империю. Казачество же со временем интегрировало в систему российской государственности. Однако принципы отношений сторон там и здесь были, в сущности, одинаковы: охрана и защита порубежных территорий в обмен на невмешательство во внутренние дела и известную материальную помощь.

Разумеется, связи Москвы с Яиком никогда не строились на равноправной основе. Центральная власть, не имея возможности прямого вмешательства в дела казаков, располагала все-таки солидным набором экономических, политических и дипломатических средств. Умело играя на противоречиях между отдельными станицами, привлекая на свою сторону "добрых казаков", нейтрализуя колеблющихся, вводя различные санкции против тех, которые великому государю "не прямят", правительство в общем и целом успешно удерживало в сфере своего влияния казачьи области.

Социально-экономической, политической и военной формой объединения яицких казаков, как уже говорилось, являлось "войско" Его нельзя рассматривать как вполне сложившееся государственное образование. Это было протогосударственное объединение, аналогичное племенным союзам эпохи Великого переселения народов или союзам славянских племен накануне образования Киевского государства. Правда, что весьма существенно, станицы и "войско" основывались вовсе не на родоплеменных связях, а близость Московского государства существенно влияла на имевшие на Яике место социально-экономические, политические и культурные процессы.

До сих пор представляется дискуссионным вопрос о происхождении социальных институтов казачества. Утверждение о том, что они генетически восходят к крестьянской соседской общине, не лишено серьезных оснований, как и точка зрения, согласно которой многие черты их социальной организации были позаимствованы у сопредельных народов[21]. Вместе с тем можно предположить, что и крестьянский "мир", и общинно-патриархальные порядки у тюркских и кавказских народов, и казачья организация имели более глубокие общие корни в недифференцированной первобытной общине — этом прообразе всякой социальной организации.

Казачье "войско", безусловно, прежде всего было порождением конкретно-исторических условий русского порубежья, ответом казаков на брошенный им "вызов истории". "Войско" гарантировало социальное равенство, личную свободу, незыблемость принципа всеобщего вооружения и своего рода "демократический централизм" при решении вопросов внутренней и внешней политики. Эта организация как нельзя лучше соответствовала "героическому" или "богатырскому" периоду казачьей истории[22].

Уже отмечалось, что высшая законодательная власть в "войске" принадлежала кругу. Поскольку практически созвать на совет всех казаков-воинов было делом обременительным, подчас опасным, да и далеко не всегда целесообразным, то текущие дела чаще рассматривались на собраниях наличных казаков главного городка; в особо же важных случаях отдаленные станицы посылали на круг своих представителей.

В компетенцию круга входили дележ военной добычи, раздача жалованья, вопросы войны и мира, отправки и приема посольств, устройство новых городков, прием и исключение из войска, судопроизводство.

Избираемые и смещаемые кругом войсковой атаман и есаулы олицетворяли, как отмечалось в гл.1, исполнительную власть. Во избежание возможной узурпации власти в "войске" вводилось жесткое разграничение функций. Атаман мирного времени не располагал достаточной вооруженной силой, с помощью которой он мог бы принудить к повиновению основную казачью массу, имевшую собственное оружие. Для каждого военного похода избирался особый "походный атаман", а чаще всего — два, которые слагали свои полномочия после выполнения поставленной задачи. Отдельно избирались атаманы и для проведения наиболее важных хозяйственных операций (сезонные рыбные путины на Яике, совместная охота и т.п.). Это разделение функций обеспечивало кругу решающую роль в делах войска. Его постановления были обязательны для всех под угрозой изгнания из общины или смертной казни ("в куль — да в воду"). Аналогичным способом строилось управление в городках и станицах, имевших самую широкую автономию во внутренних делах.

Вместе с тем нельзя не отметить ограниченности казачьей демократии. Опираясь на собственную, "атаманскую", станицу и заручившись поддержкой по крайней мере части "домовитых казаков", атаман имел достаточно шансов для проведения угодного ему решения. До начала XVIII в. процесс складывания на Яике социальной иерархии протекал подспудно, но именно он облегчил интеграцию яицких казаков в систему Российской империи и привел к жесткой конфронтации противостоящих группировок, продолжавшейся вплоть до окончания Пугачевщины.

Сибирские служилые люди были более ограничены в своих правах. Центральное управление ими первоначально сосредоточивалось в Сибирском приказе. Последний, осуществляя общее руководство гигантской "государевой вотчиной", определял численность нерегулярных войск, размеры жалованья, порядок комплектования, основные направления деятельности и компетенцию воевод по организации ратной службы. После ликвидации Сибирского приказа эти функции перешли к сибирскому губернатору; с 1730 г. они были возвращены восстановленному Сибирскому приказу. К среднему звену управления можно отнести Тобольскую воеводскую (Сибирскую губернскую) администрацию, поскольку Тобольск длительное время считался "стольным" городом всей Сибири.

Местное (воеводское) управление осуществлялось на основе наказов-инструкций центральной власти. Они носили более предметный характер. С помощью служилых людей воевода обязан был обеспечивать безопасность уезда от набегов "немирных воинских людей". Он осуществлял общий контроль за боевой подготовкой служилых людей, раздачей жалованья и даже состоянием нравственности во вверенном его попечению гарнизоне.

Хотя центральная власть стремилась к возможно большей регламентации управления нерегулярными войсками, она все же оставляла место для проявления местной инициативы, юридическим основанием чего служили предписания действовать "смотря по тамошнему делу", отправлять служилых в поход "сколько будет пригоже".

Непосредственное управление сибирскими служилыми людьми, как уже говорилось, осуществляли головы и атаманы. При вступлении в должность они получали наказные памяти, составленные на основе воеводских наказов. Принимавший командование обязан был провести нечто вроде полкового смотра, убедиться в исправности оружия и боеприпасов, уточнить списки личного состава, при необходимости довести его до полного комплекта, прибирая "от отцов — детей, от братей — братью и от дядей — племянников, людей добрых, которые бы были не воры и служилое бы дело было им за обычай".

Головы и атаманы отвечали за то, чтобы казаки "от службы не бегали и, ездя по дорогам, не воровали и никого не побивали и конских и иных кормов ни у кого даром не имали, а покупали". Одновременно им вменялось в обязанность казаков "от обид беречи и управу меж ими чинити", чтобы "они в городе и нигде ничем не воровали, русских людей и татар не побивали и не грабили, и зернью, и карты не играли... и денежное, и хлебное и соляное жалованье, и казенных пищалей не продавали и не проигрывали и не пропивали" под угрозой жестокого наказания[23].

При всем том, как правильно отмечено В.А.Александровым и Н.Н.Покровским, приборное служилое войско в Сибири XVII в. сплошь и рядом строилось по станичному принципу с выборным командным составом[24]. Семена

казачьей демократии были занесены в Сибирь в первую очередь сподвижниками Ермака, а "старая сотня", в которой еще и в конце первой четверти XVII в. служили участники "ермакова взятия", ревниво отстаивала казачьи традиции, создавая тем самым прецедент в отношениях ратных людей с сибирской администрацией. Немаловажную роль в деле утверждения традиционных казачьих порядков в сибирском приборном войске сыграли состоявшие в нем выходцы из среды волжских, донских и терских казаков. Впрочем, казачьи порядки вполне могли бы зародиться на сибирских окраинах и спонтанно. Как отмечал С.М.Соловьев, "существование казаков как пограничного воинственного народонаселения было естественно и необходимо по географическому положению древней Руси, по открытости границ со всех сторон"[25].

Без государственной поддержки вооружением и жалованьем служилая колонизация Сибири была бы невозможна, но она вряд ли состоялась бы и без предоставления служилым людям известной автономии. Более того, центральная власть была прямо заинтересована в возникновении служилых организаций на окраинах государства, усматривая в них один из противовесов бесконтрольности и самоуправству воевод, сочетая здесь, как пишет Н.Н.Покровский, "административную выгоду с социальной демагогией"[26]. Конечно, государь поддерживал казачью самостоятельность лишь до известной степени, не допуская, например, существования "воровских кругов" (хотя в XVII в. они то тут, то там возникали довольно часто), но все-таки поводок, привязывавший служилых людей к государственной колеснице, был до первой четверти XVIII в. достаточно длинен, и вполне правомерна постановка вопроса об их автономности в системе сословно-представительной монархии XVII в.

Подобно крестьянскому "миру", служилая организация отличалась дуализмом. С одной стороны, в ее существовании (даже независимо от высказанных выше соображений) было заинтересовано государство, поскольку это облегчало решение многих вопросов управления, материального снабжения, поддержания дисциплины. С другой стороны, для самих казаков служилая организация была быть может наилучшим способом социальной самозащиты в тех исторических условиях.

Сила и устойчивость служилой организации основывались на самом факте незаменимости ее в военно-административном аппарате Сибири. Казаки нередко выступали с резкой критикой восводского самоуправства под флагом защиты государственного интереса, а иногда, как это было в 1626 г. в Енисейске, дело доходило и до вооруженного столкновения с воеводскими людьми.

Конечно, воеводская власть имела немало способов воздействия на служилую среду, в том числе путем внедрения в нее своих агентов, "ушников и шишимор". Использовалось ею и отсутствие единства в служилой среде. Сибирским казакам не удалось создать единой общесибирской или менее масштабной региональной организации. Даже внутри отдельного гарнизона они группировались по "спискам", интересы которых далеко не всегда совпадали. Тем не менее в периоды обострения ситуации служилые люди нередко поднимались до уровня осознания общих корпоративных интересов (и даже — общерегиональных и общегосударственных), решительно их отстаивали, недвусмысленно намекая на необходимость социального партнерства

в отношениях с воеводской властью. Сила и слабость служилой организации особенно ярко проявились во время Томского восстания 1648—1649 гг.[27]

Подобно крестьянской общине, служилая организация обладала множеством функций, охватывая все основные стороны жизни казака, но, в отличие от первой, ее системообразующим элементом выступали не поземельные отношения, а государственная служба. Поэтому одним из главных в ее деятельности был вопрос о выборности командного состава. Это право действовало в сибирском приборном войске вплоть до второй четверти XVIII в. Речь шла, правда, лишь о выборе кандидата на должность головы, атамана или ротмистра, подлежащего затем утверждению вышестоящими властями. Однако решение казаков, как правило, принималось последними во внимание; в противном случае у служилых людей было много способов отстранить от командования неугодное лицо. "Начальным людям" приходилось внимательнее относиться к нуждам и запросам подчиненных под угрозой скорой отставки. Механизм избрания или отзыва кандидата у казаков имел значительное сходство с порядками, практикуемыми в крестьянской общине: сход ("круг") вырабатывал текст прошения на Высочайшее имя, передать которое поручалось выборным челобитчикам.

В 1711 г. пешие казаки второго Тобольского полка настоятельно просили "от полку переменить" их командира Степана Нарушевского. Последний, по утверждению казаков, "напився пьян, приезжая в съезжую избу, бранит и ругает нас, рабов твоих, атаманов и пятидесятников и всех пеших казаков и называет ворами и бунтовщиками, и бьет батоги и своими руками безвинно, насмерть, неведомо за что". От побоев скончался казак Ф.Иванов, "а иные пешие казаки... больны, и служить нам с ним, Степаном Нарушевским, невозможно и впредь мы... от него... смертного к себе убивства опасны"[28].

В 1707 г. тарские конные казаки били челом на ротмистра Якова Чередова, "чтоб ему, Якову, у них, казаков, в ротмистрах за недружбою не быть". Во время разбора челобитной 276 человек (из 293 ее подписавших) заявили, "что они на него, Якова, челобитчики и как челобитную писали, и челобитчиков к Москве посылали, про то они ведают, а обид от него, Якова, не было". Причиной "недружбы" послужило "безсоветие" ротмистра "в военном случае" — нежелание его обсуждать и совместно с казаками вырабатывать детали предстоящих операций. Просьба тарских конных казаков была удовлетворена, а в 1708 г. последовало новое прошение, "что без ротмистра им невозможно". В этом качестве они хотели бы видеть Ивана Немчинова, который "вашего великого государя, службе радетелен и человек доброй и смышленой и во всяком служебном деле розвод чинить умеет и конми, и служебною збруею, и ротмистром у них быть им годен, и отец ево, Ивана, Гаврила и брат его, Степан Немчинов, в прошлых годех в ротмистрах у них были многие годы"[29].

Последний документ известен тем, что позволяет определить круг лиц, из которых рекрутировались "начальные люди". После подавления движения под предводительством С.Т.Разина и стрелецких бунтов правительство провело серьезную корректировку курса в отношении приборного войска, стремясь, в частности, к дальнейшему ограничению их самостоятельности. Поэтому от кандидата на командную должность требовалось теперь не только хорошее знание военного дела, но и определенный материальный достаток (своего рода имущественный ценз). Набиравшая силу дифференциация

служилой среды приводила к известному укреплению сословных перегородок, способствовала тому, что атаманство становилось привилегией отдельных служилых фамилий, в соответствии с важнейшим принципом средневековья о наследственном характере сословного статуса. В связи с этим и появилось в тарском прошении указание на заслуги предков и родственников.

В условиях обширной и малозаселенной восточной окраины этот принцип, конечно, не мог воплотиться сколько-нибудь последовательно, но подчас оказывался одним из главных аргументов. Именно так был отстранен от должности тарский ротмистр Г.Денисов (из рядовых казаков). Подчиненные дружно заявили, что "ему, Гаврилу, в ротмистрах быть и ведать нас, холопей Ваших, литовскую сотню, ево, Гаврила, не порода"[30].

В начале XVIII в. служилые люди Сибири еще имели достаточно сил для того, чтобы оказать сопротивление даже центральной власти в тех случаях, когда видели ее неправоту. Без особого энтузиазма встретили, например, томские казаки назначение казачьим головой Александра Линге, посланного сюда для обучения служилых "по артикулу солдацкого строя" в 1701 г. Обвинив нежданного командира в вымогательстве и в том, что он "прибрал из томских ссыльных людей себе плутов и по ночам по улицам ходит з барабанами с великим шумом," казаки в 1703 г., при поддержке воеводы и "по совету Осипа Качанова с ними", решили, что "что ему, Осипу, быть у них по-прежнему головою" и добились-таки отстранения А.Линге от должности. В 1705 г. около 500 служилых людей вместе с прочими жителями Тары не подчинились указу о бритье бороды и усов и решали вопрос о посылке ходатаев в Москву. Неизвестно почему, но в Тобольске это дело было оставлено без последствий[31].

На протяжении первой четверти XVIII в. в положении казачества происходят значительные изменения. Самое важное заключалось в ликвидации политической самостоятельности вольного казачества и автономии служилых организаций. Внутренняя политика Петра I вообще отличалась предельным, а порой и примитивным прагматизмом. Если в церкви усматривали лишь полезное государственное учреждение по контролю над умами и поведением подданных, если купечество надлежало собрать "яко рассыпанную храмину", преследуя при этом прежде всего государственный интерес, то и в казачестве видели не столько своеобразное субнациональное образование (со своими традициями, специфическим хозяйственным и бытовым укладом, особенностями менталитета), но всего лишь один из разрядов вооруженных сил, который к тому же еще следовало протащить через горнило "регулярства".

В 1720 г. яицких казаков, естественно, не спрашивая их согласия, подчинили ведению астраханского губернатора и Военной коллегии. С 1723 г. избранный кругом атаман вступал в должность лишь после утверждения императором. Первым войсковым атаманом, избрание которого было санкционировано Петром I, стал Григорий Меркульев. И с этого момента социально-политическая ситуация на Яике характеризуется вплоть до Пугачевщины противостоянием двух "партий": атаманской, или "Меркульевской" и народной, или "Логиновской" (по имени войскового старшины). Для удобства управления войско, как отмечалось в гл.1, было разделено на сотни.

Впрочем, у правительства еще не было сил для окончательного подчинения яицких казаков. Порой оно даже шло на уступки "народной партии", разумеется, во второстепенных вопросах. В 1740 г. казакам было предоставлено право обжалования действий начальников в Военной коллегии, все делопроизводство приказано вести в письменном виде, при выборах войскового атамана разрешалось представлять на Высочайшее имя трех кандидатов. Военной коллегии было поручено разработать проект управления войском. Этот проект составлялся И.Неплюевым при участии П.Рычкова (в 1748 г.).

После подавления восстания Е.Пугачева изменяется название войска (вместо "Яицкого" — "Уральское"), ликвидируются казачьи круги, назначение войскового атамана становится исключительной прерогативой императора. Управление войском перешло в руки коменданта регулярного уральского гарнизона, правда, на самое непродолжительное время. При передаче центрального управления казаками в руки кн. Г.Потемкина-Таврического комендантское управление ликвидировалось. Непосредственное руководство войском возлагалось на атамана и войсковую канцелярию, в члены которой определялись старшины по представлению оренбургского губернатора. В 1782 г. территория, занимаемая войском, отошла к Астраханской губернии, а по военным и пограничным делам казаки были подчинены уфимскому и симбирскому генерал-губернаторам.

К середине XVIII в. (условная дата 1755 г. — год принятия первых штатов), как было показано выше, закончился в основном период формирования Оренбургского казачьего войска. Для управления казаками учреждалась должность войскового атамана и войсковая канцелярия, состоявшая, кроме самого атамана, из войскового есаула и войскового писаря. Деятельность атамана всецело контролировалась оренбургским военным губернатором, поэтому ни о какой самостоятельности не могло быть и речи. Она сохранялась разве что в технических вопросах: соблюдение очередности при назначении на службу, выдача отпускных билетов казакам в пределах территории войска и т.д.

Восстание Е.Пугачева и набеги кочевников в значительной степени расстроили пограничную службу, поэтому в 1798 г. по предложению оренбургского военного губернатора Игелстрома казачье и инородческое население Оренбургского и Уральского войска было расписано на кантоны с припиской каждого к одной из дистанций на пограничных линиях. Во главе их стояли кантональные начальники. В Уральском войске было образовано два кантона, один возглавил войсковой атаман, другой — атаман Илецкой станицы. Оренбургское войско поделили на пять кантонов, возглавляемых войсковым атаманом, уфимским станичным атаманом, войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска и атаманом сакмарских казаков. Особый кантон во главе с войсковым атаманом составило Ставропольское калмыцкое казачье войско. В 11 башкирских и 5 мещерятских кантонах делами заведовали юртовые старшины и приставленные к ним офицеры. Вне кантонального управления оставался Оренбургский непременный казачий полк. Начальник кантона обладал значительными полномочиями. Он отвечал за правильное прохождение службы, исправность обмундирования, состояние казачьего хозяйства и его поддержание во время командировки хозяина на дистанцию. Разбирал ссоры и определял наказания, которые "между обществом обыкновенно употребляются" за "маловажные преступления", своей волей назначал походных атаманов (2-3 чел.) для сопровождения казаков на дистанции

и руководства ими за время несения службы, направлял деятельность станичных начальников, выдавал отпускные билеты казакам, отправлявшимся по своим делам на расстояние свыше 100 верст или в другой кантон.

Станичные начальники составляли низовое звено управления и в своей деятельности были независимы от рядовых казаков, по крайней мере, юридически[32].

Что касается управления сибирскими казаками в середине-второй половине XVIII в., то составители исторической записки о городовых казаках (начало XIX в.) представляли ход событий следующим образом.

До 1748 г. казаками управлял Сибирский приказ; в 1748-1753 гг. они находились в подчинении Сибирской губернской канцелярии, "завися притом от воевод, по городам тогда бывших". В 1753 г. казаки поступили в ведение обер-комендантов, в 1774 г. — под начало кн.Г.Потемкина-Таврического, "но по-прежнему состояли в управлении обер-комендантов". В 1797 г. состоялась их передача из ведения Военной коллегии гражданским губернаторам, что в последующем было подтверждено "высочайше утвержденным мнением Государственного Совета" от 26 августа 1810 г.

Эта версия неоднократно воспроизводилась в научной литературе, но она нуждается в уточнении. До середины XVIII в. центральной властью для казаков был Сибирский приказ, ступенью ниже — губернатор и губернская канцелярия. Это видно из донесения Военной коллегии в Сенат от 17 января 1751 г., в котором отмечалось, что "Сибирской губернии городовые и крепостные казаки хотя в ведомстве сибирской губернской канцелярии состоят, токмо они безрезонно содержатся и не токмо от той губернской канцелярии, но и от Сибирского приказа". Так продолжалось до ликвидации последнего в 1763 г. Из его доходов казаки получали жалованье, там же разрабатывалось в начале 60-х гг. XVIII в. новое штатное расписание, туда стекалась необходимая информация. Но казаки выполняли также и поручения по военной части, и в этом они зависели от обер- и просто комендантов, т.е. с 1753 г. они фактически находились в двойном подчинении. После ликвидации Сибирского приказа казаки были переданы в ведение Военной коллегии и обер-комендантов, но от двойного подчинения все равно не избавились. В частности, по требованиям гражданских властей военные начальники обязывались откомандировывать потребное число казаков на службу при губернских, уездных и прочих канцеляриях. Ситуация изменилась лишь в 1797 г., когда Военная коллегия приказала тобольскому обер-коменданту кн.И.Мещерскому "предоставить управление городовых казачьих команд гражданскому губернатору"[33].

Казаки сибирских пограничных линий во второй половине 1740-х гг. были подчинены военному командованию линий, и такое положение сохранялось до конца XVIII в. Никакой особой организации крепостные казаки не имели. Старшие по команде непосредственно подчинялись начальникам крепостей, форпостов и пр. Это ставило их в неполноправное положение среди других военнослужащих. Не только офицеры, но и рядовые регулярных войск почитали себя вправе помыкать казаками, а сотники не могли выступить в их защиту, поскольку не были уравнены с офицерами. 6 августа 1760 г. генерал Фрауендорф подал начальнику пограничных линий И.Вейдарну рапорт, в котором указывал, что Покровской крепости хорунжий Линев поручику Пашкевичу "учинил предобижение невежливым образом, равняя себя обер-офицеру и посреди крепости, публично, при всех чинах,

вслух ему, Пашкевичу, сказал: «Ты-де, поручик, а я-де прапорщик, твой брат, офицер такой же»". За такое нарушение субординации, по мнению Фрауендорфа, Линева следовало высечь плетьми при команде[34].

Подобная ситуация, конечно, не могла устраивать казаков, писавших в своем наказе в Уложенную комиссию: "Мы стали казацкого звания чужды, а походим больше на многораздробленных и изнуренных работников". Но она не устраивала также и губернское начальство, и командование линий. Сибирский губернатор Ф.И.Соймонов в 1760 г. просил о назначении над всеми казаками сибирских пограничных линий одного общего атамана. В этом же году, как отмечалось выше, первым атаманом Иртышской линии с общего согласия казачьих старшин стал сотник Железинской крепости Федор Анциферов. Единая организация позволяла казакам более результативно отстаивать свои права, а линейное командование избавлялось от необходимости входить в мелкие подробности казачьей жизни.

Во второй четверти XVIII в. окончательно решилась судьба автономии городовых казачьих команд. Тарский протест 1722 г., в котором приняли активное участие городовые казаки, стал, в сущности, водоразделом между прежней (пусть и весьма относительной) вольностью и новой обязанностью беспрекословного подчинения абсолютистской власти. После этого имели место лишь "арьергардные бои", в которых, правда, казакам иной раз удавалось одержать победу. Так, в 1730 г. тарские служилые люди, возглавляемые представителями известного рода дворян и детей боярских Чередовых, сумели отстранить от должности воеводу Д.Рукина. Тарская команда в это время была одной из самых значительных по численности в Западной Сибири. В 1722 г., после расправы с участниками недавнего "бунта", она понесла тяжелые потери, но традиции казачьей самостоятельности и оппозиционные настроения в среде местного служилого люда не были уничтожены окончательно. Немаловажное значение для исхода схватки с воеводой в 1730 г. имело то, что, разоблачая махинации Рукина, казаки выступили в роли защитников государственного интереса и в этом качестве могли рассчитывать на поддержку тобольской администрации.

Иначе развивались события в Кузнецке. В 1737 г. сюда поступил указ о высылке к смотру в Ялуторовскую слободу казаков для определения их в формируемые драгунский полк и пехотный батальон. Собрался сход, на котором было принято решение добиваться отмены указа, аргументируя это необходимостью обеспечения охраны самого города. Казаков поддержал воевода капитан Бартенев, однако добиться успеха им не удалось[35].

Это один из последних случаев, когда служилая организация попыталась отстоять свою политическую линию, собственное понимание функций казачества. Поражение ее было предопределено тем, что абсолютистское государство нуждалось в солдатах, а не в социальных партнерах. Тщетно взывали к верховной власти енисейские служилые люди, когда в наказе, поданном в Уложенную комиссию 1767 г., просили разрешить им иметь над собой командира "из своей же братьи", а воеводской канцелярии "яко за сущих подчиненных" их не признавать[36]. С автономией городовых было покончено в том смысле, что они перестали быть субъектами внешней и внутренней политики, каковыми являлись (по крайней мере отчасти) в XVII в.

Вместе с тем элементы казачьего самоуправления продолжали сохраняться. На рубеже XVIII—XIX вв. центральная власть требовала от городничих управлять казаками "по одной только наружности"[37]. Прежде всего

это касалось порядка прохождения службы. Городничий вправе был потребовать от команды нужное количество казаков, но персональный состав определялся ими самими.

Городовые казаки несли службу по очереди. При установлении очередности командой обычно учитывалось время последней командировки самого казака и его близких родственников (брата, отца), особенно если они жили нераздельно, наличие или отсутствие "домообзаводства"; следствием служебного проступка или "нетрезвого поведения" могла стать внеочередная посылка со служебным заданием.

Поскольку администрация интересовалась преимущественно количественной стороной, у казаков появлялась известная свобода выбора: служить самому или нанять за себя добровольца из своей среды.

Служебный найм — давняя казачья традиция. В Уральском войске практически вся военная служба длительное время осуществлялась посредством "наемки". "При первом повелении правительства о наряде одного или нескольких полков, — писал побывавший здесь А.С.Пушкин, — делается раскладка: на сколько человек, считающихся в службе, приходится поставить одного вооруженного, и потом каждый таковой участок общими силами нанимает одного казака с тем, чтобы он сам себя и обмундировал, и вооружил"[38]. "Подмога", которая предоставлялась нанявшемуся нанимателями, определялась соглашением сторон — "по торгам". При таком порядке служба была принудительной для всего войска, но не для конкретного казака. Это был отголосок прежней казачьей вольности.

В Сибири найм на службу не был распространен так широко, но он практиковался не только на начальном этапе освоения края, но и впоследствии — особенно, когда речь шла о командировке на пограничные линии. 19 декабря 1760 г. командующий сибирскими линиями генерал-майор И.Вейнмарн, раздраженный наплывом "наемщиков", предложил Тюменской воеводской канцелярии "дабы те их хозяева, действительные городовые казаки, чрез наймы от службы отбывать не могли, а тем их наемщикам в те должности вступать было неповадно, всех тех наемщиков уже с тех линий, где оные в службе находились на прежние их жилища не отпускать, а поселить их вечно в тех местах".

И центральная, и местная власти не сочувствовали идее найма, в частности потому, как говорилось в грамоте енисейскому воеводе 1702 г., что "наемщики" зачастую оружием не владеют и "вскоре, подав тыл, бегают и у своей братьи смелость отнимают". Но поскольку полный запрет найма был невозможен по объективным причинам, администрация довольствовалась лишь ограничением круга кандидатов в "наемщики", то сужая его до ближайших родственников нанимателя, то расширяя до пределов казачьей команды[39].

Сибирские казаки сохраняли право выбора при назначении на конкретную должность, особенно, если она сопрягалась с материальной ответственностью (например, при сборе ясака). Выбор, по сути дела, представлял собой разновидность круговой поруки.

В известных пределах казачья команда защищала экономические интересы казаков. Она добивалась сохранения за ними отведенных им сенных покосов, своевременной выплаты жалованья. С этой целью составлялись коллективные прошения, выбирались челобитчики. Раздача жалованья осуществлялась также выборными от казаков под контролем воеводы. Таким

образом исключалась возможность присвоения воеводой части жалованья. Со своей стороны воевода следил, чтобы жалованье не раздавалось "на неналичных и в службу негодных, и на умерших, и беглых, и впавших в какие прегрешения".

Казачьи команды обладали определенными судебными полномочиями. Казачьему голове вменялось в обязанность ведать казаков "судом и расправою". По свидетельству геодезиста И.Шишкова, между томскими казаками в конце 30-х — начале 40-х гг. XVIII в. "суд производился на словах с долговых денег и в протчем до пяти рублев". Казакам нередко приходилось брать на поруки своих сослуживцев, "впавших в прегрешения". Но это касалось лишь "маловажных преступлений". В остальных случаях казаки судились в общем, установленном законом порядке, во второй половине XVIII в. военным, а с 1801 г. гражданским судом[40].

Таким образом, к началу XIX в. казаки восточных регионов Российского государства сохраняли традиции самоуправления, которые не всегда заметны с первого взгляда, как не заметны горящие угли костра под толстым слоем золы и пепла. 8 июня 1803 г. получает Высочайшее утверждение доклад Военной коллегии (составленный еще до образования министерств) "Об устройстве Оренбургского казачьего войска и о штате оного", 2 ноября 1803 г. — доклад министра военных сухопутных сил "Об устройстве Ставропольского калмыцкого войска". 26 декабря того же года выходит именной указ "О образовании внутреннего управления канцелярии войска Уральского", а 19 августа 1808 г. Высочайше утверждаются штаты и положение о Сибирском линейном казачьем войске. В июле 1822 г. вступил в силу Устав о городовых казаках Сибири. Этими положениями, как уже констатировалось, войскам придавалось более однообразное устройство, унифицировался порядок управления ими. В качестве военнослужащих уральские и оренбургские казаки подчинялись инспектору Оренбургской инспекции, по части гражданской — оренбургскому губернскому начальству (уральские казаки изымались из ведения астраханского губернатора, которому они подчинялись с 1782 г.). Сибирские казаки по военной части подчинялись командиру 24-й пехотной дивизии (образована в 1808 г. из войск Сибирской инспекции), по гражданской — сибирскому генерал-губернатору и губернскому начальству. Непосредственное руководство войсками осуществляли войсковые атаманы и войсковые канцелярии, в состав которых, кроме войскового атамана (председательствующий), входили два непременных члена, два асессора и необходимое число канцелярских служителей.

Названными положениями в какой-то степени укреплялись традиции самоуправления в Уральском и Сибирском линейном казачьих войсках (положение об Оренбургском войске обошло этот вопрос стороной). Войсковые канцелярии, согласно им, представляли собой коллегиальные учреждения, их членов избирали на три года (асессоры) или на срок до отставки или смерти (непременные члены). При избрании непременных членов войсковое общество представляло на утверждение инспектора Оренбургской инспекции двух кандидатов. Выбрав одного из них, он направлял дело на утверждение военных властей. Асессоров утверждали непосредственно инспекторы. Это восстановление выборного начала (пусть в урезанном виде), с одной стороны, соответствовало общему курсу "дней Александровых прекрасного начала", с другой, вытекало из необходимости ограничения произвола казачьей старшины. Правда, положение об Уральском войске

запрещало традиционную "наемку", но это требование осталось без исполнения.

Устав о сибирских городовых казаках 1822 г., оформивший переход их к полковой системе организации, закрепил подчиненность полков гражданским губернаторам. Уставом предусматривался перевод казаков (по их желанию) на станичное положение. Пелымская, томская татарские команды и абаканские казаки согласились на перевод их в станичные. Станицы подчинялись земским исправникам, а внутреннее управление строилось по образцу крестьянской общины. Каждые три года станичники избирали голову и старшину (первый в период пребывания на должности пользовался правами хорунжего, второй — пятидесятника). Эта выборная администрация отвечала за порядок в станице и правильное выполнение казаками служебных обязанностей.

Непосредственное руководство полками возлагалось на полкового атамана. Хотя Устав вводил эту должность для того, "чтобы городовые казаки имели избранного из среды их общего об них попечителя", утверждали атамана в должности не казаки, а губернское начальство[41].

В царствование императора Николая I в целом завершается работа по унификации структуры и управления казачьими войсками России. Формальное единство казачьей организации страны закреплялось тем, что 2 октября 1827 г. впервые Августейшим атаманом всех казачьих войск был назначен наследник престола (эта традиция сохранялась до 1917 г.). Высшей инстанцией для всех казаков (включая сибирских городовых) становится Военное министерство в лице департамента военных поселений. Уральское и Оренбургское казачьи войска входили в состав отдельного Оренбургского, Сибирское линейное — в состав отдельного Сибирского корпуса. Забайкальское казачье войско в военном и гражданском отношении подчинялось военному министру через генерал-губернатора Восточной Сибири.

Уже говорилось, что территория, занимаемая войском, делилась на полковые округа; каждый полк формировался из населения своего округа. Непосредственное управление войсками возлагалось на наказных атаманов, в руках которых сосредоточивалось и военное, и гражданское управление. По военной части войсковые наказные атаманы действовали через войсковое дежурство, комиссии военного суда и окружные дежурства, по гражданской части — через войсковое, полковое и станичные правления. Нижнее, станичное, звено действовало по принципу самоуправления. Станичный начальник и два станичных судьи избирались на три года станичным обществом и приступали к выполнению своих обязанностей после утверждения войсковым наказным атаманом. Кроме того, в штате станичного правления было два писаря: по военной и гражданской части. Все вопросы внутренней жизни решались на сходах станичных обществ (очередность службы, раскладка земских повинностей, благоустройство станиц, наказания за мелкие правонарушения и т.д.), разумеется, под жестким контролем вышестоящего начальства[42]. Лишив казачьи общества былой самостоятельности, правительство столкнулось с бесконтрольностью и вопиющими правонарушениями казачьего чиновничества, с одной стороны, пассивностью и равнодушием к службе рядовых казаков — с другой. Поэтому оно вынуждено было заняться возрождением традиций казачьего самоуправления, однако далеко не в полном объеме. Не получило развития самоуправление у постоянно занятых военной службой сибирских казаков. Только положение

1861 г. предоставило станицам "право заведывания своим общественным хозяйством и своими интересами на началах самоуправления"[43]. Совершенно не затрагивало вопросов самоуправления положение о Забайкальском войске 1851 г.

3. Государственное обеспечение

Государственное обеспечение казачества являлось важным фактором во взаимоотношениях правительства и казачьих войск, позволяло первому в определенной мере регулировать внутреннюю жизнь казачьих сообществ; способствовало установлению зависимости "вольного" казачества от государства на этапе первых контактов метрополии и казачьей периферии. Казенное обеспечение было также одним из источников экономического благосостояния казачества, условием эффективного выполнения им своих служебных, в первую очередь, военных функций. Жалованье из казны, выплачиваемое казакам, выполняло и важную сословно-дифференцирующую функцию, противопоставляя казачество податным сословиям, напротив, обязанным вносить в казну налоги.

Государственное обеспечение казаков имело денежную, натуральную (провиант, вино, вооружение и боеприпасы, сукно и т.д.) или комбинированную (денежно-натуральную) формы, региональную специфику и эволюционировало во времени.

В Яицкой казачьей общине государственное обеспечение сложилось в систему лишь в 1680-е гг. Ранее жалованье выдавалось крайне нерегулярно, преимущественно непосредственно казачьим отрядам, которые несли службу в составе царских войск. Сохранились предания об участии яицких казаков в походах 1586, 1591, 1629 гг. Однако первый документально подтвержденный их призыв был проведен во время так называемой "Смоленской" русско-польской войны. Казаки, ушедшие с Яика в 1632 г., поселились затем в Туле и принимали впоследствии участие в других войнах, которые вела Россия. Имеется свидетельство о получении этими казаками жалованья от казны в 1656 г. — по возвращении с русско-польской войны 1654—1656 гг. Жалованье было выдано сразу за полгода вперед (с марта по сентябрь). В сентябре в ответ на челобитье казаков правительство распорядилось об очередной выдаче жалованья, снова на 6 месяцев вперед. Виленское перемирие (заключенное в 1656 г.) продлилось недолго. В 1658 г. вновь вспыхнули боевые действия. Яицкие казаки (232 человека) выступили из Тулы и присоединились к корпусу князя Ромодановского, который стоял в Белгороде. В августе 1660 г. здесь казакам вновь раздавалось жалованье на 6 месяцев вперед.

Первое указание об отпуске казенного жалованья собственно на Яик в войско относится к концу 1660 г. Жалованье ("сукна анбургские" по 4 аршина на человека; всего на 260 казаков) было отослано на Яик с зимовой станицей. В 1663 г. в раздачу жалованья яицким казакам (на 300 человек) было взято 70 половинок сукон "анбургских". В 1664 и 1665 гг. это же жалованье выдавалось на 330 человек. Сукно отпускал приказ Казанского дворца, в ведении которого тогда находилось Яицкое казачье войско, по прежнему расчету: 4 аршина на человека. В 1667—1668 гг. отпуск казенного сукна на Яик производился уже на 370 человек. Таким образом, первоначально объем жалованья на Яике не был стабильным, оно определялось

лишь части казачества (200-370 человек), хотя в 1660-е гг. на Яике их обитало, вероятно, не менее 2 тыс. Есть основания предполагать, что единовременные пособия от казны в 1660-е гг. выдавались за службу казачьих отрядов на театрах военных действий русско-польской и русско-шведской войн[44].

В 1680 г. с царской грамотой и жалованьем для яицких казаков (3500 руб.) в войско прибыли иноземец М.Д.Вапинский и подьячий И.Лукин, которым поручалось набрать 500 яицких казаков-охотников для службы в "малороссийские города". В особой памяти, данной Вапинскому, определялся порядок выдачи казакам царского жалованья. Царские посланцы должны были по прибытии в казачью общину принять на службу воинов, отобранных казачьим кругом, и взять у атамана именной список выборных. Жалованье должно было выдаваться в соответствии с данным списком на руки по 7 руб. с распиской. В памяти особо подчеркивалось, что жалованье дается не в оклад и не в образец (то есть оно рассматривалось как экстраординарное, единовременное). На высокую норму казенного жалованья польстилось, однако, лишь 200 охотников, которые и отправились в Царицын, а затем на Украину[45].

Регулярно и в стабильном размере казенное жалованье стало поступать на Яик с начала 1680-х гг., после участия отряда яицких казаков (500 человек) в подавлении башкирского бунта 1681—1683 гг. Позднее в ответах на вопросные пункты Коллегии иностранных дел в 1720 г. яицкие казаки показали: "А когда башкирцы бунтовали и отлагались ис под руки царского величества, чему уже минуло лет с сорок, и в то время посланы для унятия их они, яицкие казаки, 500 человек, и их, башкиров, они побили. И за тое их службу ж учинити им его великого государя жалованье повсягодно".

Жалованье выдавалось на 600 человек (что составляло приблизительно четверть всех казаков-общинников на Яике) и включало денежную сумму 953 руб., а также свинец и порох на каждого казака по фунту (на год выдавалось 12 пуд. ручного пороха, 14 пушечного, 12 пуд. свинца и 100 пушечных ядер). Кроме того, в это же время устновились нормативы царских "подарков" казачьим станицам, которые прибывали за жалованьем в Москву. 14 человекам выдавали на приезд: атаману — 7 руб. и сукно, есаулу — 6 руб. и сукно, рядовым — по 4 рубля и по сукну; кормовых: атаману по 2 алтына, есаулу — по 10 денег, рядовым — по 8 денег человеку на день; на отпуск (то есть на обратный путь): атаману — 7 руб. и сукно, есаулу — 6 руб. и сукно, рядовым — по 4 руб. и по сукну.

Запрошенный Коллегией иностранных дел казанский губернатор подтвердил показания яицких казаков и отметил, что с образованием Казанской губернии войско стало получать свое жалованье в Казани: 200 руб. окладного жалованья на 600 человек; сукна на 600 портищ (на сумму 753 руб. 8 алт. 2 деньги). Кроме того, челобитчикам о жалованье (атаман, есаул и 12 казаков) ежегодно выдавалось проездных и кормовых денег, а также сукна на сумму 103 руб. 3 алтына 1 деньга. В итоге правительство ежегодно выплачивало Яицкому казачьему войску по 1057 руб. 12 алт. 3 деньги на всех. Размер этого жалованья практически не менялся до конца царствования Петра I. Конечно, для 2-3 тыс. казачьего войска указанная сумма государственного обеспечения не была велика. Более существенное значение имело снабжение войска порохом и другими боеприпасами. Однако царские пожалования, распределявшиеся крайне неравномерно, содействовали росту

социального неравенства в казачьей общине, выделению привилегированной группы, заинтересованной в поддержке правительства и, в свою очередь, содействовавшей проведению царской политики в вольной казачьей общине. Именно в конце XVII в. впервые остро обнаружились разногласия "домовитого" (старинного, оседлого) казачества и казачества "голутвенного" (недавних выходцев из России)[46].

В жизни служилых людей за Уралом государево жалованье играло гораздо большую роль, причем с самого начала активного освоения Сибири. Ратные люди Сибири находились на государственном обеспечении. На время военных действий их снабжали за казенный счет оружием и боеприпасами. Большинству казаков, за исключением юртовских служилых татар, не получавших хлеба, полагалось три вида жалованья — денежное, хлебное и соляное. Оклады варьировались в зависимости от гарнизона (в дальних и "непашенных" городах они были выше), вида службы (конной или пешей), должности и семейного положения (женатые казаки получали прибавку к хлебным и соляным окладам). Перевод на службу в новый гарнизон обыкновенно сопровождался сохранением прежнего жалованья. Так, до рубежа 1650—1660-х гг. сохранялась разница в окладах тобольских, березовских, енисейских служилых людей, посланных в Якутский острог в конце 1630-х гг. с воеводами П.П.Головиным и М.Б.Глебовым. Лишь в конце 1650-х гг. был введен единый "ленский" оклад.

По размерам денежного жалованья в крупных сибирских гарнизонах XVII в. выделялись высоко-, средне- и низкооплачиваемые группы. В первую категорию входили дети боярские и "начальные люди"; во вторую — "литва", новокрещены и конные казаки; в третью — пешие казаки, стрельцы и пушкари. У большинства конных казаков (включая казаков "литовского списка") денежное жалованье варьировалось в пределах 7-8 руб. в год; у большинства пеших казаков — от 4 руб. 25 коп. до 5 руб. 25 коп. Хлебные оклады конных и пеших казаков Сибири в XVII в. составляли в большинстве от 30 до 50 пудов муки в год. Сохранившиеся в основном со второй четверти XVIIв. окладные книги исчисляли хлебное жалованье сибирских служилых в определенном количестве четвертей ржи и овса, но на практике один вид хлеба мог заменяться другим, и расчеты производились также пшеницей, крупами, ячменем. Градация соляных окладов была минимальной — в пределах от 1 с четвертью и 2 с четвертью пудов — и не зависела от принадлежности к конным или пешим казакам.

Оклады государева жалованья внутри одной категории служилых людей не были абсолютно одинаковыми, напротив, имела место определенная дифференциация, в частности, за счет различного соотношения денег, хлеба и соли. Даже служилые низкооплачиваемых категорий подразделялись на несколько групп. Внутри средне- и высокооплачиваемых категорий дифференциация была более значительной (особенно среди служилых по отечеству, детей боярских). Обычно большему денежному окладу служилого человека соответствовало более высокое хлебное и соляное жалованье. Однако указанное правило имело множество исключений. Правительственная администрация, таким образом, имела возможность гибко дифференцировать жалованье служилого, увеличивая или уменьшая размеры составлявших его компонентов. Повышением жалованья могли отмечаться заслуги служилого человека.

Иногда сибирские служилые люди получали единовременные выплаты сверх окладов: при обустройстве на новом месте казакам могли выдавать "подмогу на дворы". За участие в военных экспедициях и успешных боевых действиях полагалось "наградное жалованье"; прибытие служилого человека в Москву отмечалось выдачей ему денег на " поденный корм" (из расчета 3-4 коп. в день на человека), определенной суммы "за выход" (в зависимости от города и "чина" — 2-6 руб.) и "по сукну по доброму". До конца XVII столетия в сибирских городах полагалось выдавать служилым людям по праздникам "погребное жалованье" — обычно "по 2 чарки" вина.

В первой четверти XVII в. нередки были случаи задержки выплат, местные доходы были еще малы, а регулярный подвоз денег и хлеба из Европейской России еще не налажен. Во второй четверти столетия снабжение служилых людей государевым жалованьем стабилизировалось. Иностранец, видимо немецкий офицер на русской службе, побывавший в Тобольске около 1666 г., отмечал, что служилые люди этого города "ленивы и не хотят работать", поскольку "получают каждый свое годовое жалованье".

С конца 1660-х — начала 1670-х гг., однако, вновь возникли проблемы с государственным обеспечением служилых людей Сибири, особенно ее дальних городов. Обычным явлением стали задержки в получении и замены денежного жалованья "товарами". Часть окладов присваивалась местной администрацией. Все это вызывало недовольство служилых людей, порой приводило к конфликтам с местной администрацией.

Несомненно, государево жалованье даже при нерегулярной и неполной выплате служило важным источником существования сибирского казачества в XVII в. Но оно все же не обеспечивало прожиточного минимума семьи служилого человека. По расчетам Н.И.Никитина, у подавляющего большинства казаков Сибири жалованья едва хватало на пропитание двух человек даже при условии бесперебойной выдачи окладов, вследствие чего служилые люди были заинтересованы в дополнительных источниках существования[47].

В начале XVIII в. бремя воинской повинности существенно возросло для яицких казаков, которые принимали участие в Северной войне, в усмирении башкирского восстания, несли службу на Кавказе. Погибли почти все участники неудачной Хивинской экспедиции князя Бековича-Черкасского в 1717 г. (в экспедицию было отправлено около 1500 яицких казаков). Между тем, правительство по-прежнему выдавало войску жалованье на 600 человек, размер которого был установлен еще в 1680-е гг. Изнурительные мобилизации на войну разоряли войско. В 1720 г. казаки жаловались: "А жалованья твоего, великого государя, нам казакам только по осьми алтын по две деньги в год; и от того казаки оскудели, и многие от скудости разбрелися".

Наконец, в 1725 г. правительство согласилось увеличить размер оплаты. Согласно переписи 1723 г., на денежное довольствие зачислялись 3196 казаков, которым было установлено ежегодно по 1500 руб., 51 пуд пороха и 33 пуда свинца. Сумма жалованья была в два раза меньшей по сравнению с его нормами у донских казаков. На одного яицкого казака по новым нормативам приходилось лишь немногим более 50 коп. По-прежнему главным источником их существования оставалась промысловая деятельность.

Особой привилегией оставалось включение в состав станиц, которые отправлялись в столицу. Согласно постановлению Сената, в 1720-е гг.

яицким казакам разрешалось направлять ежегодно 4 станицы: одну зимовую в 20 человек и 3 легких по 10 человек. На содержание станиц выделялось 2638 руб., из которых приезжие атаманы, есаулы, старшины и казаки получали денежное вознаграждение, ковши и сабли.

Такой порядок государственного обеспечения Яицкого казачьего войска почти без изменений сохранялся и в середине XVIII в. Так, в 1758 г. в войсковой ведомости, отправленной в Оренбургскую губернскую канцелярию, сообщалось, что Яицкому войску ежегодно по указам Военной коллегии отпускается окладного жалованья 1500 руб. (на 3196 человек по переписи полковника Захарова), а также по осьмине хлеба на человека и 150 ведер вина с симбирских казенных заводов в войско (хлеб и вино стали отпускаться с 1734 г.). В 1743 г. отпуск пороха был увеличен до 70 пудов с соответствующим увеличением отпуска свинца). В итоге на одного служащего казака приходилось в год не более 60 коп.

В 1756 г. указом было определено отпускать особое жалованье казакам, командировавшимся для внешней службы: атаману — 200 руб., полковнику — 100, младшим офицерам (есаул, хорунжий, сотник, квартермистр, войсковой писарь) — 18, полковому писарю, казакам — 12 руб. Кроме того, всем, кроме атамана и полковника, должен был выдаваться провиант, а в зимнее время фураж (атаману на 12, полковнику на 8, старшине на 3, казакам на 2 лошадей).

Ежегодно Военная коллегия выделяла вознаграждение одной зимовой станице, в которой участвует войсковой атаман, в сумме около 1217 руб. и трем легким станицам в сумме 2416 руб. (всего казачьей верхушке полагалось около 3363 руб.).

Естественно, такое неравномерное распределение государственного обеспечения среди яицкого казачества, при котором "элита" получала почти в два раза больше суммы, которая доставалась всему войску, вызывало недовольство казаков. Усугублялось оно еще и тем, что с 1720-х гг. войсковое начальство, пользуясь ослаблением общественного контроля в результате бюрократизации системы управления на Яике, стало нередко задерживать и присваивать себе казенное жалованье. Невыплаты стали одной из главных причин постоянной социальной напряженности в Яицкой общине в 1720—1770-х гг.

Наиболее дальновидные администраторы, видя несовершенство системы государственного обеспечения в Яицком войске, пытались ее реформировать. Так, первый оренбургский губернатор И.И.Неплюев предлагал увеличить государственное жалованье Яицкому казачьему войску до 7901 руб. 41,5 коп., чтобы на каждого казака приходилось в год по 1 руб. 50 коп. Таким образом, предполагалось увеличить душевую норму жалованья более чем в 2 раза. Чтобы изыскать необходимые средства, И.И.Неплюев, в частности, предлагал ликвидировать три легкие станицы и сохранить лишь одну зимовую. На последнюю, по мнению оренбургского губернатора, можно было оставить прежнюю сумму денег в 1217 руб. 41,5 коп., с прибавлением 100 руб. на чрезвычайные расходы: приобретение ковшей, сабель и знамен. Вся эта сумма должна была распределяться следующим образом: атаману — 80 руб. (если же приедет войсковой — то 100 руб.), есаулу — 60 руб., старшине — 50 руб., рядовым 17 человекам — по 35 руб. Остальные деньги должны были расходоваться на путевые издержки и чрезвычайные расходы. Однако, здравое предложение И.И.Неплюева так и не было учтено.

Делались слабые попытки упорядочить процедуру распределения государственного обеспечения. В проекте И.И.Неплюева о преобразовании Яицкого казачества (1748 г.) предлагалось: "...жалованье производить по прошествии каждой половины года или по третям по заслужении каждому налицо с росписками, а именно: на войсковой штат в Войсковом приказе, в присутствии атамана или старшин, а на полки отпущать по спискам наличное число суммою в полки и в том от полковых есаулов иметь росписки, и производить то жалованье каждому по рукам, при одном войсковом есауле, который купно с войсковым старшиною должен смотреть, чтобы оное на каждого без вычету и верно доходило; а буде случится командировка, тои при командах онаго жалованья отпущать по разсуждению войскового атамана, також и впредь онаго жалованья при командированиях на одну треть производить позволяется, токмо брать поруки: ежели кто, не заслужа треть, бежит или умрет, то оное жалованье взыскивать с тех их поручателей, а буде кто, не получа заслуженного жалованья, умрет, то заслуженное его жалованье выдавать жене его и детям и другим законным наследникам по разсмотрению и определению войскового суда...". Но как уже отмечалось, проект И.И.Неплюева так и не был претворен в жизнь.

Правительство, обеспокоенное постоянными распрями на Яике, издало 15 декабря 1765 г. указ, в котором обращалось внимание и на систему выдачи жалованья: согласно указу, казаки должны были получать окладное жалованье через сотников под особую расписку; удерживать его ни под каким видом не дозволялось. Однако близорукое и коррумпированное войсковое начальство не обратило внимания на этот указ. Да было, вероятно, уже и поздно. В 1772, 1773—1775 гг. долго копившееся недовольство казачества получило разрядку в мощных народных движениях, в ходе которых не поздоровилось и казачьей верхушке[48].

Учреждая в середине XVIII в. Оренбургское казачье войско, государство установило постоянные оклады лишь части казачества. Согласно штату 15 мая 1755 г., служилый состав войска частично содержался на счет казны, которая ежегодно должна была выдавать определенную сумму на жалованье чинам военной администрации и служилым казакам, на приобретение указной дачи провианта, пороха, свинца; частично же на собственный кошт (счет) казачества. По количеству получаемых сумм казаки делились на жалованных и маложалованных. В первую категорию входили служилые так называемого Оренбургского корпуса (1094 чел.), которые располагались в самом Оренбурге, должны были выставлять половинное число казаков на службу и находились на полном содержании казны. На содержание жалованных казаков ежегодно отпускалось 14174 руб. Были установлены следующие оклады: войсковой атаман — 120 руб. (в ассигнациях), есаул — 50 руб., сотник — 30 руб., войсковой писарь — 24 руб., хорунжий — 24 руб., урядник — 21 руб., ротный писарь — 18 руб., капрал — 18 руб., рядовой — по 15 руб.

Во вторую категорию входили бердские, уфимские и казаки крепостей по р.Яику и Самаре (всего 703 человека), на содержание которых отпускалось казной 2880 руб. (в том числе бердскому и уфимскому атаманам по 12 руб., хорунжим или сотникам — по 8 руб., писарям — по 6 руб., рядовым — по 4 руб.). Маложалованные казаки были обязаны выставлять на службу одну треть своего состава. Безжалованные (3080 человек в крепостях Уфимской и Исетской провинций) обязаны были содержать себя на службе

за свой счет, от своего хозяйства и предоставленных угодий, и выставляли на службу не более 1/4 своего состава. Ежегодно отпускалась определенная сумма на порох и свинец для казаков, получавших жалованье, — 815 руб. 48 коп.

В 1758 г. (указ от 28 октября) оренбургские казаки были сравнены по положению и довольствию с донскими и уральскими и регулярными солдатами на время дальних командировок.

Во второй половине XVIII в. в Оренбургском войске имели место и случайные поступления от государства. Так, в 1756 и 1757 гг. по высочайшему повелению войску были пожертвованы ружья: 500 турок от Сумского слободского полка и 1500 ручниц от Малороссийского полка. Ружья эти, в соответствии с ордером тайного советника и Оренбургского губернатора Путятина, данным войсковой канцелярии в 1766 г., разрешено было продать, а вырученную сумму использовать в пользу войска[49].

На протяжении XVIII в. городовые казаки Сибири продолжали получать денежное и хлебное жалованье. В начале XVIII в. размер денежного оклада служилых людей определялся факторами, которые действовали и ранее — в XVII в.: 1) принадлежность к определенной категории служилых (например, в 1702 г. средний оклад сибирского дворянина составлял 13,06 руб., сына боярского — 8,37 руб., конного казака — 7,41 руб., пешего казака — 4,52 руб.; 2) статус и местоположение города; обычно оклады были выше в городах, имевших военно-стратегическое значение, и крупных административных центрах. Так, в том же 1702 г. средний размер жалованья служилого человека в Кузнецке и Томске, городах, расположенных на южной опасной окраине Сибири, равнялся соответственно 6,52 и 6,05 руб., тогда как в Пелыме и Туринске, внутренних городах, потерявших свое военно-стратегическое значение, — 4,55 и 2,59 руб. соответственно; 3) размер жалованья зависел так же, как и в XVII в., от личных заслуг казака, мог повышаться за успешное выполнение важных поручений, за участие в сражениях. Опять же, как и в XVII в., жалованье сибирских дворян, детей боярских, атаманов было более индивидуальным и дифференцированным в отличие от рядовой казачьей массы.

Хлебные оклады, выдаваемые рожью и овсом, подчинялись тем же закономерностям, что и денежные. В 1702 г. средний годовой оклад сына боярского составлял 5,4 четверти ржи и 5,0 — овса, конного казака — 4,4 четверти ржи и 3,0 — овса, пешего казака — 3,7 четверти ржи и 2,5 — овса. Наибольшее жалованье получали городовые казаки Кузнецка, Томска, наименьшее — Туринска, Пелыма. В первой четверти XVIII в. казакам выплачивали также соляное жалованье — в 2-3 пуда на человека в год.

На протяжении первой половины XVIII в. происходила постепенная нивелировка денежных и хлебных окладов служилых людей в пределах Сибири. По штатам 1725 г. было отменено соляное жалованье и установлен единый оклад ржи и овса рядовым казакам — по 24 пуда ржи и 1,5 пуда крупы. Указом от 18 марта 1754 г. определялся единый денежный оклад: рядовой казак стал получать 5,32 руб. в год независимо от города, в котором он нес службу[50].

Жалованье крепостных казаков (появились в 1725 г. в крепостях по Иртышу) до середины XVIII в. не дифференцировалось в зависимости от чина и должности. С 1725 г. они получали в год по 4 руб., 3 четв. ржи, 2 четв. овса и 1,5 четверика крупы каждый. В 1737—1738 гг. им, как и прочим сибир-

ским служилым людям, уменьшили денежное жалованье до 3 руб 52 1/4 коп. Причем и это урезанное жалованье выдавалось частично деньгами, частично товарами. В 1748 г. Сибирский приказ распорядился выдавать крепостным казакам одну половину жалованья деньгами, а другую "товарами, собранными в пошлину с азиатских купцов, приезжающих для торга в наши пограничные крепости".

В начале 1750-х гг. крепостные казаки попросили об изменении своего положения, в частности, об увеличении жалованья. Просьбу их поддержал командующий сибирскими линиями генерал-майор Х.Х.Киндерман, Военная коллегия, Сибирский приказ, Сибирская губернская канцелярия. В результате по сенатскому указу 9 марта 1754 г. были увеличены нормы довольствия крепостных казаков. Существенно также то, что отныне жалованье стало дифференцироваться в зависимости от чина: рядовой казак или десятник получал 6 руб. 16,5 коп., 4 четв. ржи и 2 четв. овса; пятидесятник — 7 руб. 25 коп., 5 четв. 2 четверика ржи и 4 четв. 2 четверика овса, сотник и атаман — 9 руб., 7 четв. ржи и 5 четв. овса.

В проекте реорганизации сибирского линейного казачества, представленном в апреле 1764 г. в Военную коллегию новым командующим линиями генерал-поручиком И.И.Шпрингером, предусматривалось существенное увеличение жалованья линейным казакам: войсковому атаману — 200 руб., полковнику — 100, есаулу — 50, сотнику — 30, войсковому писарю — 25, пятидесятнику — 20, уряднику и хорунжему — по 15, рядовому — 12 руб. Всем, кроме атамана, полковников и есаулов, планировалось выдавать провиант: по 3 четв. муки и 1,5 четверика крупы на человека. Однако Военная коллегия отвергла проект Шпрингера.

Штатными расписаниями 1772—1775 гг. было определено жалованье в "пограничном войске" Забайкалья. Оно не дифференцировалось в зависимости от чина и почти не отличалось от жалованья рядового крепостного казака Западной Сибири: 6 руб. 16,5 коп., 3 четв. муки, 2,25 четверика крупы и 2 четв. овса. Размеры окладов линейных и пограничных казаков Сибири оставались практически без изменения на протяжении второй половины XVIII—начала XIX вв.[51]

В первой половине XIX в. в Уральском казачьем войске не произошло радикальных изменений в системе государственного обеспечения войска. Отпуск денег из казны был по-прежнему мал. Войско оставалось преимущественно на собственном содержании — "от своих доходов": промысловых занятий, оброчных статей и т.д. Войсковые подразделения ставились на казенное содержание лишь в случае командировки на расстояние более 100 верст от своих жилищ (по Положению 1803 г., в котором за образец были взяты нормы выдачи довольствия Донского казачьего войска).

В Оренбургском казачьем войске государственное обеспечение претерпело определенные изменения. В связи с принятием в 1803г. нового Положения об управлении войском и штата Оренбургского казачьего тысячного полка (1074 человека) были существенно увеличены размеры жалованья войсковому атаману (600 руб.) и офицерам тысячного полка: полковник — 300 руб., есаул — 100 руб., сотник — 80 руб., хорунжий — 60 руб., квартермистр — 80 руб. Но размеры жалованья нижних чинов остались прежними или даже понизились: писарь — 18 руб., урядник — 20 руб., казак — 12 руб. Чтобы компенсировать последним потери, вводился взамен уменьшенного жалованья провиант против "солдатских дач" в течение всего года. При

командировках за 100 и более верст предусматривалась выдача казакам фуража в зимнее время на две лошади, а офицерам — жалованье на денщиков и рационы по штату армейских гусарских чинов. В следующем, 1804 г., указом от 11 февраля были отменены категории жалованных и маложалованных казаков и всем строевым чинам войска было положено производить одинаковое полное денежное содержание.

В первой половине XIX в. в войсковом бюджете появляется ряд новых доходных статей, источником которых являлась казна (особенно с 1830-х гг.): в 1819 г. были сформированы две оренбургские конно-артиллерийские роты, обмундирование, вооружение и лошади для которых отпускались из казны; в 1832 г. начинается отпуск войску из казны денег в размере 3000 руб. в год "для призрения раненых войсковых чинов, их вдов и сирот, а также вдов и сирот лиц, убитых в сражениях и умерших от ран до войны 1826 г." (данный отпуск послужил основой для формирования пенсионного капитала войска); в 1835 г. было высочайше повелено взамен металлов, минералов и драгоценных камней, которые могут быть добываемы в землях Оренбургского казачьего войска, ежегодно отпускать для внутреннего устройства казачества 150 тыс. руб. ассигнациями; с 1 июля 1837 г. начинается отпуск в казну денег, которые прежде назначались в жалованье и провиант нижним чинам четырех поселенных линейных батальонов № 4, 6, 8, 10, обращенных с 1837 г. в состав Оренбургского казачьего войска.

В 1821 г. войску была отпущена денежная сумма из казны для организации подмоги переселенцам на Оренбургскую и Новоилецкую линии из упраздненной Красноуфимской станицы.

В целом пособия от казны создали основу для формирования и успешного развития с конца 1830-х — начала 1840-х гг. войсковых капиталов в Оренбургском войске.

По Положению 1840 г., обеспечение трех полков, назначавшихся на линейную службу, было отнесено на счет войсковых средств. Казна обязывалась обеспечивать полки, командированные на внешнюю службу (при условии удаления их более чем на 100 верст от сборных пунктов), а также батареи и те полки, которые будут отправляться для несения кордонной службы сверх обычно назначавшихся для того трех полков[52].

В начале XIX в. окладное жалованье сибирских городовых казаков оставалось довольно скудным. В некоторых небольших периферийных городах (например, в Березове и Сургуте) штаты городовых команд были невелики. Не все "пришедшия в совершенные лета" казачьи дети имели возможность сразу начать службу: выход находили в зачислении подростков в "сверхкомплектные" казаки без получения окладов. Недостаток штатных старшинских должностей затруднял продвижение по служебной лестнице. В тех же городах Северо-Западной Сибири многие пятидесятники, прапорные находились на окладе рядовых. На казачьих "вакансиях" (с жалованьем рядовых) находились некоторые дворяне и дети боярские.

В конце XVIII—начале XIX вв. сибирские администраторы предлагали меры к улучшению положения сибирских городовых казаков, однако до 1822 г. все ограничивалось лишь проектами. Наконец в 1822 г. был принят "Устав о сибирских городовых казаках", который поднял оклады сибирских городовых казаков до окладов линейного казачества (правда, повышение это было несущественным). По уставу 1822 г. годовое жалованье рядового казака определялось в 6 руб., 3 четверти муки, 2,25 четверика крупы и 3,75

четверти овса для лошади. В то же время значительно выросли оклады командного состава: хорунжему назначалось жалованье в 240 руб., сотникам по 270 руб. и атаманам по 400 руб. В дальнейшем на долгие годы оклады городовых казаков оставались почти без изменений[53].

В 1808 г. были утверждены Положение и штаты Сибирского линейного казачьего войска. Годовое жалованье у рядового состава по новым штатам осталось почти без изменения: 6 руб. 16,5 коп., 3 четв. муки, 7 четв. овса и 2 руб. 10 коп. за заготовку 105 пудов сена на собственную лошадь. Лишь на время военного похода полагалось выдавать повышенное довольствие: 11 руб. 88 коп. (в год), 1,5 гарнца муки в месяц и фураж из расчета на двух лошадей. В то же время у урядников и офицеров размеры жалованья резко выросли (что отражает обнаружившую себя еще в XVIII в. тенденцию обособления старшинского состава от нижних чинов): урядникам — от 14 руб. 70 коп. до 17 руб. 64 коп.; сотенным атаманам — 37 руб. 24 коп.; хорунжему — 238 руб. 29 3/4 коп.; сотнику — 286 руб. 37,5 коп.; есаулу — 406 руб. 10 коп. в год. Атаман получал жалованье в соответствии со своим армейским чином. Правда, офицерам не полагался провиант и фураж; урядники получали натуральное довольствие в том же размере, что и рядовые.

В середине XIX в. в соответствии с Положениями 1846 и 1851 гг. произошло новое повышение казачьего жалованья в Сибирском и Забайкальском казачьих войсках: рядовые казаки теперь должны были получать по 3 руб. 45 коп. в год серебром, младшие урядники — по 4 руб. 80 коп., старшие — по 10 руб. 65 коп., есаулы — по 123 руб. серебром. Командиры батальонов, полков, бригад, атаман и вообще любой другой офицер, зачисленный в войско из регулярной армии, получал денежный оклад в соответствии со своим армейским чином. Фураж на 7 "зимних" месяцев полагался только казакам, урядникам и офицерам из "казачьего сословия" — по 7 четв. (385 пудов) овса и по 105 пудов сена. Провиантское довольствие осталось в прежнем размере[54].

Система государственного обеспечения, складываясь исторически, приобретала различные оттенки. В одном случае (яицкое казачество) она с самого начала имела явно вспомогательный характер; жалованье отпускалось лишь на часть казаков, причем в незначительном количестве. При этом верхушка вольного казачества ставилась в особо привилегированное положение в отношении прав на получение большей части государственного жалованья и постепенно обособлялась правительством от основной массы казаков и превращалась в проводника государственной политики в рамках казачьей общины. Момент самообеспечения играл существенную роль впоследствии в жизнедеятельности общины.

В другом случае (сибирские служилые люди) государственное обеспечение являлось совершенно незаменимым источником существования казака и его семьи, хотя и не единственным. Создавалась разветвленная, дифференцированная сеть жалованных окладов, поддерживавшая градуированное по "чинам" и видам служб казачье сообщество.

Оренбургское казачье войско в момент своего образования, пожалуй, занимало промежуточное положение между первым и вторым типами. С одной стороны, роль государственного обеспечения в нем, конечно, была более велика, нежели в Яицком войске; с другой стороны, не все оренбургские казаки первоначально получили право на получение этого вознаграждения за службу со стороны казны.

Со временем, с развитием экономики казачьих войск, значение государственного жалованья как источника жизнеобеспечения падает во всех казачьих организациях. Одновременно государево жалованье все более выступает в качестве фактора социального расщепления войск, обособления казачьих элит от рядового состава.

4. Налоги и повинности

Оригинальная общинная организация Яицкого войска наложила отпечаток на характер денежных и натуральных сборов с казаков, а также общественных работ, выполняемых ими. Уже в XVII в., как отмечалось ранее, утвердился при снаряжении казаков на службу принцип "наемки", суть которого сводилась к тому, что на службу шли охотники. Остальные собирали средства в качестве подмоги для снаряжения однообщественников. Наиболее важной повинностью казака, конечно, была воинская служба. Во второй половине XVII в. служащий казак получал в качестве подмоги 15-20 руб., в первой половине XVIII в. — не более 15 руб., в XIX в. — 150-1000 руб. Платными стали также различные хозяйственные работы, выполнявшиеся для нужд всего войска: кошение сена, заготовка леса на общественные постройки, возведение и ремонт крепостных сооружений. Постепенно установились довольно стабильные таксы за каждый вид работ. Принципы и характер сборов и отработок в основных чертах сохранялись до середины XIX в., несмотря на то, что правительство дважды (в 1766 и 1803 гг.) пыталось отменить принцип "наемки", заменив его очередной службой. И в первой половине XIX в. основные внутренние службы — подводная, пожарная, охранная почтовая — выполнялись путем найма охотников с выдачей им из сбора с остающихся на льготе казаков определенной подмоги.

В 1828 г. был утвержден квартирный сбор, имевший специальное предназначение — наем помещений для приезжающих лиц, станичных и поселковых атаманов, на квартирное содержание войсковым чиновникам, учителям. Предмет обложения квартирного сбора менялся: "за трубы", "за дым".

Яицкие (уральские) казаки не облагались прямыми государственными налогами, но общегосударственные косвенные налоги с них взимались. Наиболее важным косвенным сбором был сбор за вывозимую из пределов войска соленую рыбу. Первоначально его производила казна (пошлина с соли; соль вывозилась из войска только в рыбе). Размер сбора был установлен в 1/10 соленой рыбы (в натуре). При царице Софье (указ 25 мая 1688 г.) этот сбор был отменен. Затем правительство вновь начало взимать пошлину, но не натурой, а деньгами; при Елизавете Петровне ее брали натурой. В 1758 г. сбор был продан войску на откуп за ежегодную плату в размере 1429 руб. 67 3/4 коп.[55]

Оренбургские казаки в XVIII—начале XIX в. были отягощены разнообразными натуральными повинностями: фортификационное строение, почтовая, подводная, конвоирование колодников, заготовление леса, смолы, дегтя, угля, сопровождение денежной казны. Кроме того, казаки платили деньги на содержание станичных властей и станичного присутствия.

В 1820—1830-е гг. наступило некоторое облегчение. Было запрещено употреблять казаков на казенные работы. Они избавились от оплаты натурой почтовой гоньбы, освободились также от дополнительного сбора для со-

ставления капитала в пособие губерниям, более других отягощенных земскими повинностями. Для уравнения дорожной повинности в 1827 г. был установлен сбор с каждой распаханной и засеянной десятины для всех отставных чинов войска и разночинцев. Размер сбора устанавливался для нижних чинов — 1 руб., чиновников — 1 руб. 50 коп., разночинцев — 2 руб. за десятину.

Положение 12 декабря 1840 г. освободило оренбургских казаков от воинского постоя (за исключением ночлега для проходящих войск, рекрутских партий). Была подтверждена свобода казаков от подушного оклада и рекрутской повинности[56].

Многие службы сибирских казаков своим характером весьма напоминали обыкновенные принудительные повинности в пользу государства. В первую очередь это, конечно, касается различных казенных работ, куда входили, в частности, строительство и ремонт городовых и крепостных сооружений, "струговое дело", добыча соли, перевозка казенных грузов, работа на нерчинских и алтайских заводах в XVIII в., обработка "государевой десятинной пашни в XVII в. и казенных полей в середине XVIII в. Подобного рода трудовые службы сибирских казаков практиковались в широком масштабе вплоть до конца XVIII—начала XIX в. Вполне права Г.А.Леонтьева, считающая, что можно говорить "не только о весьма широком круге служебных обязанностей, но и об интенсивной эксплуатации труда служилых людей "по прибору"[57]. Однако, если, например, для крестьян и посадских подобного рода казенные отработки, несомненно, были государственными повинностями, то для казаков, как "царевых слуг", они составляли все-таки лишь разновидность служебных обязанностей. Казаки находились на государевом жалованье и обязаны были выполнять любые задания властей.

От прямого же государственного обложения ординарными налогами (посошного, а затем подворного) сибирские служилые люди были свободны в течение всего XVII и начала XVIII в. Правда, на них распространялись некоторые экстраординарные сборы общегосударственного масштаба. Служилые люди, пожалуй, чаще других подвергались всякого рода поборам, поскольку с них достаточно легко и удобно было собирать необходимые казне средства — их просто вычитали из окладов, как это, например, делал тобольский воевода П.Годунов, который распорядился взять "в государеву казну десятую деньгу з живота, и с платья, и с ружья, и с конской збруи, и со скота, и со всякого домового заводу, и тое десятую деньгу велел им же засчитать в государево денежное жалованье". Экстраординарных поборов со служилых людей было довольно много — вплоть до сбора средств на подарок "вестнику", приехавшему в город от государя с каким-нибудь радостным известием (например, о рождении у царя сына или дочери). В начале XVIII в. в некоторых городах служилые люди платили "подымные деньги" — по 2 коп. с "дыму"[58].

Ситуация с государственным налогообложением для сибирских служилых людей кардинально изменилась в результате петровской податной реформы. В ходе проведения 1-й подушной переписи (1719—1721 гг.) и ревизии сибирские служилые люди, как и основная масса их коллег в Европейской России, были причислены к разночинцам, записаны в сословие государственных крестьян и положены в подушный оклад. Однако, признав необходимость сохранения в Сибири иррегулярных войск, Сенат в 1725 и 1727 гг. предписал с находящихся на действительной службе сибирских дво-

рян, детей боярских и казаков "подушных денег до указу не брать". С юридической точки зрения казачество, таким образом, было отнесено к неподатным слоям населения. С 1726 г. началась практическая работа по возвращению казаков в неподатное состояние. Однако процесс этот протекал чрезвычайно медленно, и значительная часть сибирских служилых людей оставалась в подушном окладе до конца XVIII в. Во-первых, местные власти не были заинтересованы в сокращении источников пополнения казны. Во-вторых, сохраняли силу прежде изданные законы. Так, разъяснение Сената на докладные пункты сибирского губернатора кн. А.М.Черкасского от 1 сентября 1720 г. предписывало: "Которые из крестьянства и из купечества вышли в служилые люди, тем быть в тех чинах, в которых они написаны, а всякие подати и платежи... имать с них по-прежнему" (это разъяснение было включено в инструкцию сибирскому губернатору 1740 г.). Влияло и то обстоятельство, что часть казачьих детей (в основном дети отставных казаков, а также сыновья, отделившиеся от родителей) при очередной ревизии зачислялась в подушный оклад. Вообще дети, рождавшиеся после отставки их отцов, записывались в тягло в обязательном порядке. Впоследствии их, однако, могли определить на службу. При верстании в казаки в первую очередь, конечно, старались брать не состоящих в подушном окладе. Но из-за нехватки "пришедших в совершенный возраст" казачьих детей, приходилось верстать в службу и тяглецов. Случалось, что власти, заинтересованные в увеличении денежных поступлений с подведомственного населения, облагали податью и служилых казаков. Наконец, в казаки могли поверстать крестьян, мещан, представителей других податных сословий. В подушном окладе состояли не только казаки, но и часть детей боярских и дворян. В тягло при очередной ревизии зачислялись также отставные служилые.

Казаки состояли, как правило, в подушном крестьянском окладе и отчасти — в посадском. В 1724 г. подушная (крестьянская) подать вместе с оброчным платежом составляла 1 руб. 10 коп., а к 1796 г. — уже 4 руб. 02 коп. Если для крестьян повышение размеров подушного обложения в известной мере компенсировалось ростом цен на хлеб — основной продукт крестьянского хозяйства, то у казаков, из которых лишь немногие к концу XVIII в. занимались хлебопашеством, практически единственным источником средств для выплаты податей было денежное жалованье. В 1760-х гг. нерчинские казаки жаловались, что "те подушные деньги платят из получаемого своего окладного жалованья, а по недостатку оного... принуждены бывают доплачивать каждогодно из собственных своих пожитков". Платить подати нередко приходилось не только за себя и своих детей, но и за неимущих или умерших в период между ревизиями родственников. Причем в последнем случае это приходилось порой делать и казакам, лично свободным от подушного обложения.

Положение служилых-подушноплательщиков было настолько тяжелым, что, по признанию самих властей, они "с семействами пропитание снискивают... самым бедственнейшим образом... у многих дети питаются мирским подаянием". Казаки из различных сибирских гарнизонов неоднократно в 1740—60-х гг. просили избавить их от платежа подушных денег. Требования казаков с середины XVIII в. активно стали поддерживать сибирские губернские и военные власти, а разработанный в 1769 г. в Уложенной комиссии "Проект законов о правах войск казачьих" предусматривал, в частности, что "казаки не платят с себя личных податей".

В Западной Сибири процесс освобождения казаков от подушного обложения осуществился в основном в ходе 2-й и 3-й ревизий. Выключение казаков из оклада производилось при проведении ревизий местными властями и ревизорами без напоминаний сверху. К 4-й ревизии (1782 г.) в западносибирских казачьих командах не осталось ни одного служащего, состоящего в подушном окладе.

Меньше повезло восточно-сибирским казакам, освобождение которых от уплаты подати растянулось до конца XVIII в. и потребовало в конечном счете вмешательства правительства. К началу 1780-х гг. в Иркутской губернии состояло в подушном окладе 397 служилых (в том числе 7 детей боярских и 3 сибирских дворянина), 165 отставных (в том числе 11 детей боярских и 2 сибирских дворянина) и 101 присланных на поселение (в том числе 7 детей боярских и 2 сибирских дворянина) казаков — всего 663 чел. В 1780 г. местное губернское правление поставило перед Сенатом вопрос об исключении служилых людей из подушного оклада. Сенат в свою очередь указал Военной коллегии сделать "надлежащее рассмотрение" и представить свое мнение.

Это "надлежащее рассмотрение" затянулось до середины 90-х гг. В 1795 г. иркутский губернатор Л.Нагель, апеллируя к тому, что из-за своей "крайней бедности" казаки не "в силах нести пограничную службу, отчего со временем последняя придет в совершенное бессилие", предложил "всех тех людей, как отставных, так и в службе находящихся, яко нужных для службы по тамошней губернии... при производстве вновь пятой ревизии из оклада выключить". Сенат, учтя, что казаки Иркутской губернии "как действительно служащие, получая малое жалованье, заменяют в содержании особых войск знатные издержки", указом от 28 октября 1796 г. освободил их (вместе с сыновьями) из подушного оклада, "чтоб они и дети их на будущее время принадлежали уже единственно воинской службе"[59].

Кроме подушного оклада сибирское казачество несло и ряд других повинностей в пользу государства. В течение всего XVIII в., в частности, за их счет шло пополнение регулярных частей, расквартированных в Сибири. Они давали для армии рекрут. В регулярные войска брали преимущественно казачьих детей, но иногда и служащих казаков. По данным П.А.Словцова, до 1709 г. из числа сибирских служилых и их родственников было поставлено в армию около 2 тыс. рекрут. Сведения эти скорее всего занижены, так как только в Тюмени в 1704 г. было "прибрано" в армию 1142 чел. Б.Г.Недбай подсчитал, что в ходе наборов 1703 и 1708 гг. взяли в регулярные войска более 4 тыс. казаков и казачьих детей, причем непосредственно "из службы" — свыше 1 тыс. казаков. Из городовых команд старались людей не брать. Из тюменского гарнизона, в частности, призвано было только 12 детей боярских, 15 конных и 37 пеших казаков. Зато сильно поредели ряды казачьих детей — из них взяли в армию 559 чел. По неполным данным переписной книги Тобольска за 1710 г., из 566 учтенных дворов служилых людей в рекруты взяли 67 казачьих детей. Кузнецкие служилые люди в своей челобитной в 1737 г. напомнили, что в 1723 г. из их среды (включая казачьих детей и отставных казаков) было взято в солдаты 300 чел. Посетивший в 1721 г. Томск Д.Г.Мессершмидт обратил внимание на то, что "сейчас многие казачьи дети и неверстанные дети боярские взяты в солдаты". В 1736 г. на укомплектование учреждаемых в Сибири драгунского полка и пехотного батальона предполагалось по "расписанию" Сибирского

приказа взять 1866 сибирских служилых людей (из 8532 чел.). К сентябрю 1738 г. удалось собрать из гарнизонов Западной Сибири 919 чел. С 1760-х гг., когда в городах были созданы особые регулярные городовые команды, штаты их частично пополнялись и за счет казаков. В 1776—78 гг. должны были поставлять рекрут нерчинские казаки[60].

В составленной при подготовке Устава о городовых казаках 1822 г. "Выписке из дел о казаках, в Сибирских губерниях состоящих", между прочим, отмечалось, что проживающие в городах казаки несли "градские повинности". Одной из обременительных была постойная, когда к казакам, имеющим собственные дома, помещали на постой как казаков, так и солдат, не имеющих жилья. Причем от воинского постоя не освобождались даже старшины. В 1763 г. атаман Ф.Анциферов и сотник Л.Верхотуров в Сибирском приказе заявили, что "в домах имеется постой регулярной команды у всех старшин и казаков"[61].

На протяжении XVII—XVIII вв. налогом облагались любые виды предпринимательской деятельности сибирских казаков. Так, с 1655 г. торговцы и ремесленники из числа служилых людей, наряду с представителями неслужилого населения, должны были уплачивать в казну "десятую деньгу" — 10% ("с рубля по гривне") от общей стоимости принадлежавших им товаров и средств труда. В 1708 г. сургутские служилые люди просили освободить их от уплаты "десятой деньги", поскольку у них "пожитков и торгов и промыслов никаких нет". В XVIII в. со своих "промышленных заведений" (мельниц, кожевен, кузниц, лавок, бань, промысловых участков) служилые выплачивали оброк — фиксированную денежную сумму, размер которой составлял от нескольких копеек до 1-2 руб. в год. Причем с течением времени оброк-налог стал трансформироваться в арендную плату. Происходило это потому, что проводившиеся казной периодические "переоброчки" шли обычно с "наддачей", т.е. с повышением суммы оброчных платежей. В результате служилый при очередной "переоброчке" мог потерять свое "предприятие", если оказывался не в состоянии уплатить (на год вперед) увеличившийся оброк. Так, согласно ведомости Нерчинской воеводской канцелярии, на протяжении 1732—1765 гг. лишь 8,3% кузниц и 21,8% мельниц оставались во владении одних и тех же служилых людей; остальные при "переоброчках" перешли к новым держателям. За это же время все торговые лавки, находящиеся в руках местных служилых людей, сменили своих владельцев[62]. Служилые, занимавшиеся торговлей, уплачивали и все положенные таможенные пошлины.

Согласно Уставу 1822 г., станичные казаки обязаны были выполнять по месту жительства натуральные земские повинности, к которым относились подводная гоньба по земским надобностям, прием на постой солдат, содержание в порядке дорог и мостов. Такие же повинности лежали с XVIII в. на сибирских линейных и забайкальских пограничных казаках. Городовые казаки от натуральных земских повинностей были освобождены. Но те из них, кто жил, действительно, в городе и обращался к занятию какими-либо "видами промышленности", обязывались по Уставу 1822 г. участвовать в их отправлении. В 1847 г. это правило было распространено и на городовых казаков, живущих в сельской местности. Отныне казаки, "имея хозяйственное обзаведение и домообзаводство и пользующиеся крестьянскими землями", обязывались нести натуральные повинности наравне с местными крестьянами[63].

Положения о городовых полках и войсках середины XIX в. не внесли принципиальных изменений в набор казачьих повинностей. Все "войсковые жители" освобождались от податей и поставки рекрут, а состоящие на очередной службе и от воинского постоя. По-прежнему казаки, живущие в городах, имели право "пользоваться всеми видами промышленности", отправляя за это "городские повинности". На казаков возлагались "все внутренние земские повинности, с постоянной оседлостью сопряженные", на землях, принадлежащих полку или войску: содержание в исправном состоянии дорог и мостов, перевозка почты, обеспечение "воинских команд, ремонтов и казенных транспортов" жильем, подводами и "вообще доставление средств к их удобнейшему следованию". К внутренним земским войсковым повинностям относились и отработки казаков в полковых и войсковых хозяйственных заведениях.

5. Участие казаков в социально-политических конфликтах

Особенности формирования казачьих общин на востоке России сказывались на характере их взаимоотношений с государственной властью, особенно на начальном этапе истории казачества — в XVI—XVII вв. Впоследствии, по мере "огосударствления" вольного казачества, "оказачивания" служилых людей, унификации казачьих войск различия во взаимоотношениях казачества и государства стирались. Если для вольных казаков Яика контакты с правительством первоначально носили случайный и внешний характер (как показывал в начале XVIII в. станичный атаман Ф.Михайлов, яицкие казаки появились как "люди вольные" и "жили они... немалое время своевольно, ни под чьею державою"), то для служилых людей Сибири взаимодействие с царской администрацией было обязательным, достаточно регулярным и игравшим значимую роль как в организации и управлении "войск", так и в осуществлении ими своих служебных функций.

Согласно казачьим преданиям, царь Михаил Федорович принял Яицкое войско под свое "покровительство" на достаточно льготных условиях. Казакам было предоставлено право служить "по своему обыкновению", т.е. сохраняя традиционные порядки общинного самоуправления и организации службы, а также право принимать в войско "вольных" людей. Контакты с центральной властью ограничивались поставкой с одной стороны воинов, когда это требовалось, а с другой выдачей пороха, свинца, жалованья, присылкой в войско грамот и указов. Впрочем, впервые яицкие казаки сумели послужить Московскому государству не в правление Михаила Федоровича, а в 1591 г., когда яицкая станица приняла участие в походе против "непослушника" царского Шахмала Тарковского.

События Смуты слабо коснулись яицкого казачества. Известно, что некоторые яицкие казаки принимали участие в походах самозванцев в начале XVII в., но это было их частным делом, формой обычного "военного промысла". Войско проигнорировало призыв Лжедмитрия I немедленно двигаться на поддержку "царевича" и предпочло организовать поход против Хивинского ханства. Не оказали яицкие казаки серьезной поддержки и атаману И.Заруцкому, который с Мариной Мнишек (бывшей женой 1-го и 2-го

Лжедмитриев) в 1614 г. бежал от правительственных войск в Астрахань, а затем на Яик, где и был схвачен[64].

Яицкие казаки не отличались особой щепетильностью в выборе объектов для своих воинских "промыслов". Нападениям и грабежу порой подвергались союзники Московского правительства, просто торговые люди. С середины XVII в. заметно старание центральной власти сдержать своеволие казаков, наносившее ущерб дипломатическим планам правительства, подрывавшее каспийскую торговлю. В 1640 г. при устье Яика строится деревянное укрепление — Усть-Яицкое, в котором был размещен гарнизон из стрельцов. С 1647 г. ведется строительство каменной крепости (продолжалось до 1662 г.), которая первоначально называлась "Каменный-Яицкий" или "Усть-Яицкий", а затем получила наименование "Гурьев". Стратегически важное расположение крепости, закрывавшей выход из Яика в Каспий, серьезно обеспокоило казаков. Началась длительная борьба между правительством и казаками за господство над Яицким устьем. В 1649 г. донские и яицкие казаки под предводительством атамана И.Кондырева совершили смелый набег на крепость, погромили укрепления и учужные промыслы. В 1654 г. был совершен новый успешный поход казаков на Гурьев. В 1660 г., незадолго до окончания строительства, крепость и промыслы снова подверглись нападению яицких и донских казаков во главе с атаманом П.Паршиным и есаулом Т.Радиловым. Успеху казаков содействовало то, что стрелецкий голова Иев Суровцев, возглавлявший гарнизон, за взятки распустил свое полутысячное войско. После этого правительство предприняло меры по увеличению численности гарнизона крепости, а также по организации ее надежной охраны.

В 1662 г. казаки вновь пытались овладеть Гурьевым, но на этот раз уже неудачно. Отступая, казаки бежали в море, зазимовали на Кулалинском острове, где от голода и болезней умерло около 500 чел. Оставшиеся в живых пришли в Астрахань с повинной.

Следующий эпизод борьбы за Гурьев связан с событием общероссийского масштаба — восстанием С.Т.Разина. Весной 1667 г. донские казаки во главе с атаманом Разиным покинули Дон. После неудачной осады Царицына разинцы поплыли в низовья Волги. План Разина заключался в том, чтобы спуститься по Волге в Каспийское море, затем выйти к устью Яика, захватить Гурьев и сделать его опорной базой движения. Еще из-под Саратова мятежный атаман отправил посланцев в Гурьев к своим сторонникам с сообщением о своих намерениях. Сведения о взятии Гурьева разинцами очень противоречивы. По версии воевод, Разин проник в город благодаря хитрости — атаман с несколькими казаками якобы переоделись богомольцами, были впущены в Гурьев, а затем открыли ворота крепости своим товарищам. По мнению историка В.Н.Дариенко, появление С.Разина близ Гурьева вызвало брожение в гарнизоне, который принудил голову Яцына сдать крепость без боя. Часть гарнизона примкнула к разинцам, часть была казнена. Правительство направило против Разина большой отряд под командованием воеводы Я.Безобразова из солдат, стрельцов, ногайских и едисанских татар с орудиями, который начал осаду Гурьевской крепости — впрочем, не систематическую — из-за ненадежности астраханских стрельцов. Разин выдерживал осаду до весны 1668 г., пока у повстанцев не кончились запасы продовольствия. В ночь на 23 (по другой версии — 12) марта повстанцы на 24 судах вырвались из окружения и направились к Астрахани, а затем в

знаменитый персидский поход. С Разиным ушла часть яицких казаков, стрельцов гурьевского гарнизона, а также работные люди промышленников Гурьевых.

В крепость был назначен новый стрелецкий голова Б.Сакмашев. Но в июле 1668 г. гарнизон Гурьева поднял восстание. Восставшие расправились с Сакмашевым по казацкому обычаю — "посадили в воду" — и избрали атаманом яицкого казака Г.Рудакова. На смену Сакмашеву из Астрахани спешил с новым гарнизоном стрелецкий голова Б.Болтин. Но за день до его прибытия в Гурьев повстанцы покинули крепость и отправились в устье Яика, а затем вышли в Каспий, очевидно, в надежде соединиться с отрядом Разина. Против повстанцев было отправлено значительное стрелецкое войско во главе с воеводой князем С.Львовым, которому удалось настичь часть беглецов на Кулалинском острове (у полуострова Мангышлак) и разбить их.

Следующая попытка овладеть г. Гурьевым и уничтожить учуги относится к 1677 г. Весной отряд из 300 яицких казаков во главе в атаманом В.Касимовым совершил дерзкий налет на Гурьев и захватил крепость. Уничтожив ненавистные учуги, казаки отправились на о.Камынин (в 16 верстах от устья Яика). Московское правительство отправило против казаков значительные силы. Возле устья Яика казаки наткнулись на стрелецкого голову Н.Мамонина, были разбиты и в жалком состоянии бежали в открытое море (с пробитыми стругами, без воды, с небольшим запасом продовольствия). Казаки пытались высадиться на туркменском побережье, но потерпели новое поражение от местных жителей. Проведя тяжелую зиму на Святом и Жилом островах, весной отряд В.Касимова попытался совершить нападение на Баку, но был разбит. Часть казаков попала в плен, часть ушла в море и затем перешла в мусульманство и поселилась в Шемахе.

В конце XVII в. под влиянием правительственной политики возник конфликт внутри самого яицкого казачества. Дело в том, что в 1695 г. правительство, обратив внимание на постоянный приток беглых на Яик, решило ограничить старинную привилегию вольного казачества на прием пришлых в войско. На Яике была проведена первая перепись, зафиксировавшая 2600 служилых казаков. В том же 1695 г. Петр I указом запретил принимать беглых яицким казакам.

Уже в следующем году в войске начались трения между "домовитыми" (старинными) казаками — более зажиточными и более умеренными, во главе которых стояли фамилии Белоусовых, Семенниковых, Семеновых, Мироновых, Щербаковых, Филимоновых и др., и "бездомовными" ("голытьба", недавно прибывшая из внутренних российских уездов, менее всего склонная к оседлой и мирной жизни, заинтересованная — в силу отсутствия собственного хозяйства — в постоянных военных походах за добычей). В 1696 г. "бездомовным " казакам повезло: они добились избрания новым атаманом отчаянного "промышленника" И.Меншикова. Последний организовал нападение на мирных башкир, которые кочевали в количестве около 1 тыс. человек недалеко от Яицкого городка и собирались вернуться в Уфимский уезд. Удалось бежать лишь 46 башкирам, которые рассказали воеводе в Уфе о своеволии яицких казаков.

Москва, узнав о происшествии, потребовала от яицких казаков освобождения пленных башкирских женщин, детей, выдачи захваченного имущества башкир и виновных в случившемся. Яик или отмалчивался или оправдывался тем, что башкиры побиты за измену: якобы они хотели отко-

чевать в степь к киргизам. Но правительство не успокоилось: была организована блокада Яика, начались приготовления к военной экспедиции против казачества. Исход дела не вполне ясен. Но похоже, что яицкие казаки все же были вынуждены отдать башкирский "ясырь" (пленных и захваченное имущество), а также выдать правительству виновников происшествия, которые были подвергнуты в Москве пыткам и сосланы в Кольский и Пустозерский остроги.

Но весной 1698 г. "голытьба" снова заволновалась. Во главе движения стал казак И.Шамин (Шаменок), который призывал казаков пойти на Каспий и обосноваться на р. Аграхани. "Бездомовные" знали, что там обосновались бежавшие в 1688 г. с Дона казаки-старообрядцы, которые не признавали московского правительства и не выдавали беглых. И.Шаменок в конце мая захватил струги и отправился вниз по Яику (в отряде было около 150 казаков). По дороге к Шаменку присоединились гурьевские работные люди. В ночь на 8 июня казаки приплыли к Гурьеву и внезапно захватили крепость, гарнизон которой составляли симбирские и белоярские стрельцы; воевода А.Бахтеяров был ранен во время штурма. После этого казаки Шаменка изменили планы: раздумали плыть на Аграхань — возможно, у них не было опытных лоцманов, или они узнали, что из Астрахани в Каспийское море выходят сторожевые суда со стрельцами. "Голытьба" повернула в обратную сторону, к Яицкому городку. Тем временем астраханский воевода И.А. Мусин-Пушкин направил против "мятежников" полковника И.Мейера с московскими, астраханскими и красноярскими стрельцами (до 800 чел.). "Домовитые" казаки, в свою очередь, во главе с походным атаманом Ф.Семенниковым двинулись вниз по Яику против Шаменка.

Полковник Мейер настиг отряд И.Шаменка и нанес ему поражение. Предводитель "голытьбы" с немногими товарищами пытался укрыться в степи, но был схвачен "домовитыми" казаками. Между тем, в отсутствие походного атамана Ф.Семенникова в самом Яицком городке началось возмущение казаков, которые не желали подчиняться указу Петра I о выдаче беглых с Яика, мечтали о сохранении "старины" (старинных привилегий). "Голытьба" в городке на круге сменила войскового атамана, представителя "домовитого" казачества, И.Белоусова. Вместо него выбрали своего кандидата — Никона Копеечку. 18 июля 1698 г. Белоусов был убит казаками за поддержку правительственного указа о выдаче из войска беглых. Но после возвращения в город отряда "домовитых" казаков Ф.Семенникова последним снова удалось навести порядок и укрепить свое положение, избрав войсковым атаманом Ф.Семенникова[65].

В Сибири, в отличие от Яика, жизнь служилых людей с самого их появления контролировалась представителями царской администрации. Однако контроль этот в XVII в., как уже говорилось, не имел тотального и безграничного характера. В системе сословно-представительной монархии за казачьими "мирами" сохранялись многие важные права и привилегии, в частности, право челобитья "миров" перед центральной властью на злоупотребления и некомпетентность местных властей и даже право "отказа" (т.е. смещения с должности) коррумпированному представителю царской администрации (порой признаваемое "пост фактум" правительством). Наделение подобными правами служилых миров на Востоке России отвечало интересам государства, поскольку создавалась возможность определенного

контроля за деятельностью местных властей "снизу", в частности, сдерживало аппетиты сибирских казнокрадов.

Факты свидетельствуют, что миры служилых людей Сибири в XVII в. активно пользовались предоставляемыми центральной властью возможностями, нередко втягивались в упорную и длительную борьбу против злоупотреблений воевод, сужения прав служилого элемента, войска. Порой логика подобной борьбы приводила к замене воеводского управления казачьим самоуправлением.

В 1606—1608 гг. имел место конфликт между правительственной администрацией Томска, с одной стороны, служилыми и ясачными — с другой. Мотивом выступления явилась борьба против вымогательств и насилий, присвоения части жалованья служилых и пушнины головами М.Ржевским и С.Бартеневым. Участники протеста организовали мирской сход, перестали повиноваться администрации, изгнали голов из города, добились царского решения о их смене и проведении расследования. "Смуты" и "непослушания" имели также место в Пелыме в 1608—1618 гг. и в Кузнецке в 1620 г. Особенно упорным было сопротивление воеводам в Пелыме. В 1624 г. здесь вновь возник конфликт. Пелымский служилый мир обвинил воеводу И.М.Вельяминова в конфискации земель служилых и крестьян для заведения собственного хозяйства, в попытках наложить на тех и других оброки и отработки в свою пользу, во взятках. Претензии к воеводе были изложены в челобитных, отправленных в Тобольск и Москву. Очевидно, Москва отнеслась с пониманием к жалобе служилых людей, поскольку в 1625 г. в Пелым уже был назначен новый воевода И.П.Вендеревский.

Недовольство кузнецких служилых людей своей воеводской администрацией нашло также выражение в массовых побегах их из крепости в 1625, 1626, 1628 гг.

Острое столкновение между енисейским воеводой А.Л.Ошаниным и служилыми людьми, промышленниками, крестьянами, ясачными произошло в 1626 г. Причинами стали военные распоряжения воеводы, его конкуренция со служилыми людьми в торговле с ясачными, прямой грабеж служилых и ясачных людей. Отправленный воеводой весной 1626 г. против "немирного" тунгусского князца Тасея отряд служилых людей отказался подчиняться воеводскому наказу, изменил маршрут движения, воевал с другими тунгусами. Вернувшись в Енисейск, казаки заявили о неповиновении воеводе, приходили к съезжей избе (воеводской резиденции) "с шумом", воеводу "лаяли и за бороду драли и хотели убить" 9 мая на воеводском дворе произошло настоящее сражение с применением огнестрельного оружия между служилыми людьми и немногочисленными сторонниками воеводы. Казаки захватили острог, блокировали воеводский двор, выставили на дорогах заставы, чтобы не пропускать вестей от воеводы в Тобольск. Сибирский приказ, проведя следствие, сместил А.Л.Ошанина с воеводства, но одновременно засадил в тобольскую тюрьму и группу енисейских казаков вместе с атаманом — виновником конфликта.

В 1633 г. в Томске развернулась борьба между первым и вторым воеводами; служилые люди поддержали второго. Первый воевода князь Н.И.Егупов-Черкасский обвинялся казаками во взятках, требованиях "подарков" ему с жалованья, с новых верстаний в службу. В 1636—1638 гг. имел место конфликт между служилыми и воеводами в Таре. Воеводы обвинялись в нарушении статуса и служебных прерогатив "войска", обременении его

работами (по сооружению общественных и воеводских построек), кабальных операциях с хлебом, в прямом взяточничестве. 6 июня 1636 г. служилые "отказали" воеводам от власти и отправили челобитчиков в Тобольск, а затем в Москву. В Таре после этого было неспокойно, собирались казачьи круги. Но при этом караульная и прочая служба выполнялись казаками своим чередом, без ослушания.

Широкий размах приобрел конфликт между служилым войском и томскими воеводами князем И.И.Ромодановским и А.А.Бунаковым в 1637—1638 гг. В нем участвовало около 700 служилых. К восставшим присоединились крестьяне, посадские и ясачные люди. Казаки протестовали против замены денежного жалованья службой "с пашни", оспаривали порядок выдачи жалованья, обличали воеводские насилия. Правительство пошло на уступки восставшим: временно отменило замену хлебного жалованья земельным окладом, назначило в город новых воевод.

В 1642—1643 гг. в Нарымском остроге, развернулась борьба между воеводой И.Л.Скобельцыным и ссыльным дворянином Л.С.Плещеевым, объединившими вокруг себя значительную группу местных служилых людей. В Москву было отправлено несколько челобитных на воеводу, который обвинялся в присвоении "заповедной" пушнины, привезенной для уплаты ясака, в принуждении казаков и крестьян пахать на воеводу пашню, спекуляции различными товарами, организации игорного притона. Следствие по этому делу велось в 1643—1647 гг. в Тобольске, а затем в Москве. Оно было осложнено многочисленными изветами сторон друг на друга. В конце концов, И.Л.Скобельцын умер после пыток, а Л.С.Плещеев был возвращен в Москву.

Самым крупным городским восстанием в Сибири в середине XVII в. стало Томское (1648—1649 гг.). Мотив протеста был типичным для сибирских конфликтов XVII в.: злоупотребления воеводы своим служебным положением. Благоприятную ситуацию для протеста создали также противоречия между первым воеводой О.И.Щербатым и вторым — И.Н.Бунаковым. После свержения О.Щербатого 12 апреля 1648 г. власть в городе на 16 месяцев перешла в руки мирской организации, к казацким кругам. Второй воевода И.Н.Бунаков также признал власть восставших. Служилые люди арестовали воеводу О.Щербатова и его сторонников, подвергли разгрому их дворы. Были отправлены челобитные на Щербатого в Москву. Восставшие несколько облегчили казачью службу. Но в целом ее продолжали исправно нести. Правительство, в свою очередь, продолжало выплачивать государево жалованье "бунтовщикам", снабжало город ручными пищалями и порохом.

В феврале 1649 г. казаки получили известие из Москвы о готовности правительства пойти на ряд существенных уступок восставшим, но с требованием немедленно освободить и вернуть к власти первого воеводу. Томские служилые люди не поверили в истинность этого царского распоряжения. Лишь к августу 1649 г. И.Н.Бунакову удалось подготовить город к мирной сдаче новым воеводам. Примечательно, что в ходе восстания служилые люди Томска рассылали "грамотки" с призывами о поддержке в Енисейск, Кузнецк, Красноярск, Нарым. "Грамотки" эти вызвали брожение в Кузнецке и Красноярске и выступление служилых Нарыма против местного воеводы А.С.Нарбекова.

К осени 1648 г. обострилась ситуация в Верхотурье. Воевода Б.С.Дворянинов, запретив торговые операции служилых людей в улусах ясачных

людей до завершения сбора ясака, затронул одну из важнейших статей дохода служилых. Кроме того, по распоряжению воеводы начали взыскивать со всего населения города деньги за недобор государевых таможенных пошлин и оброка с мельниц.

Воспользовавшись случаем, служилые и посадские люди предъявили воеводе обвинение в оскорблении царя, запретили ему сноситься с Тобольском и Москвой, забрали городовые ключи и практически посадили Б.С.Дворянинова под домашний арест, который продлился до декабря. Управление в городе было передано подьячему Недовескову. Сибирский приказ посчитал обвинение служилых и посадских людей Верхотурья надуманным, но, тем не менее, снял Б.С.Дворянинова с должности. В 1649 г. были наказаны и активные участники протеста.

В 1650—1660-е гг. население Тюмени — служилые люди в тесном союзе с пашенными крестьянами — предъявив воеводам традиционные обвинения в злоупотреблениях властью, добились смены нескольких глав местной администрации. В этот же период имели место случаи ухода в неподконтрольные правительственной администрации районы соединений служилых людей. В 1655 г. подняли восстание служилые люди Верхоленского острога во главе с атаманом М.Сорокиным. Причиной конфликта стали "насильства" илимского воеводы Б.Оладьина. После неудачной осады Илимска полк М.Сорокина ушел на Амур (в "Дауры"). Ту же форму приобрел протест казаков и крестьян Илимского уезда под началом Н.Черниговского в 1665 г.[66]

В 1690-е гг. по городам Сибири прокатилась новая волна выступлений служилых людей. Причинами обострения отношений между казаками и властью были, во-первых, усиление воеводской власти и, следовательно, воеводских злоупотреблений; во-вторых, сужение прав служилого элемента. Наиболее острым стал конфликт в Красноярске, длившийся с мая 1695 по август 1697 г. Причиной протеста служилых людей явились служебные и личные злоупотребления, вымогательства воеводы А.И.Башковского. Непосредственным же поводом к конфликту явилась задержка в выплате казакам очередного жалованья. Собравшийся в мае 1695 г. на площади перед собором войсковой круг низложил А.И.Башковского, арестовал воеводу, конфисковал его имущество, опечатал приказную избу. Восставшие создали орган местного самоуправления, включавший 8 "судеек" из числа командного состава войска. Первоначально Москва не придала восстанию большого значения, посчитав, что его можно "утишить" сменой воевод. В августе 1695 г. в качестве нового воеводы в Красноярск прибыл брат прежнего М.И.Башковский, который попытался организовать розыск по поводу конфликта. Участники протеста, однако, заблаговременно разъехались по уезду, чтобы в начале ноября осадить "малый город" — острог. М.И.Башковский с пятьюдесятью сторонниками оказался в своеобразной осаде, которая продлилась 10 месяцев.

Восставшие конфисковали имущество очередного воеводы и избрали новый состав управления — из двух "судеек" — сына боярского Т.Еремеева и атамана Д.Тюменцева. В ноябре 1695 — августе 1696 г. вся полнота власти в Красноярске и уезде принадлежала войсковому кругу и выборным "судейкам". Было "отказано" и следующему воеводе С.И.Дурново, который прибыл в город в августе 1696 г. Уже в конце 1696 г. сам С.И.Дурново был вынужден сесть в длительную осаду в остроге.

Тем временем из Москвы для расследования обстоятельств событий прибыл думный дьяк Д.Л.Полянский. Он назначил временно исполнять обязанности воеводы в Красноярске енисейского письменного голову С.С.Лисовского. Но это мало что изменило, в городе реально продолжал править войсковой круг. Лишь в августе 1697 г. красноярцы приняли очередного воеводу П.С.Мусина-Пушкина, уже бывшего у них на воеводской должности ранее и успевшего приобрести популярность в среде казаков.

Красноярское восстание способствовало вспышке во второй половине 1690-х гг. конфликтов в забайкальских острогах — Удинском, Селенгинском, Ильинском, Кабанском, Баргузинском, а также в Иркутске и в Илимске. Власть и здесь переходила в руки казачьих кругов. Правительство проявило определенную гибкость при усмирении служилых людей Восточной Сибири, признав повсеместность воеводских преступлений и организовав грандиозный сыск в Сибири (сыск Д.Полянского 1696—1702 гг.)[67].

XVIII в. во многом изменил положение казачества в социально-политической структуре. Завершение перехода от сословно-представительной к абсолютистской монархии сказалось на характере взаимодействия с государством как бывших вольных казаков, так и служилых людей Сибири. Общим для тех и других являлось усиление регулярного начала, государственного контроля. В 1720-е гг., как уже отмечалось, фактически была ликвидирована политическая автономия Яицкого казачества. Примерно в это же время лишились последнего намека на политическое партнерство взаимоотношения между государством и служилыми мирами Сибири.

Наступление абсолютистского государства на вольности Яицкого казачества было облегчено раздорами в самом войске, борьбой за власть между различными партиями, особенно обострившейся во второй половине 1710-х гг. Борьба эта сопровождалась доносами ("изветами") представителей казачества на своих же атаманов. Важные последствия имел донос казака И.Карташева на войскового атамана Григорья Меркульева и его приверженцев, сделанный в 1717 г. В доносе сообщалось о том, что меркульевцы (сторонники атамана и он сам) скрывают у себя беглых крестьян, в том числе крестьян князя А.Д.Меншикова. Воспользовавшись доносом, правительство начало отправлять на Яик с целью проведения следствия фискалов и сыщиков, которые жили за счет войска, а также брали с казаков многочисленные взятки. В 1718 г. на Яик прибыл поручик Наумов. В следующем году в войско был направлен для продолжения следствия поручик Е.Кротков из Казани, трехмесячное пребывание его на Яике обошлось войску как минимум в 1500 руб. Е.Кротков записал 700 чел. как беглых крестьян, его сменил на Яике поручик Кустов, прибывший с воинской командой (50 солдат). В 1720 г. руководить следствием на Яике было поручено сызранскому коменданту майору Воейкову. Вымогательства и притеснения прежних следователей, однако, настолько возмутили казачество, что они предупредили Воейкова, чтобы он не рисковал приезжать на Яик. Когда в январе 1721 г. Воейков все же попытался это сделать, вооруженные казаки не пропустили его; тогда же из Яицкого городка была изгнана команда поручика Кустова. С 1720 г. казаки отправляли послов в Петербург с просьбой, чтобы дело по доносу Карташева рассматривалось в столице. Казаки исходили из того, что лучше один раз заплатить столичным следователям, чем кормить голодные следственные комиссии.

Между тем 19 февраля 1721 г. на Яик был отправлен указ Петра I о возвращении в прежние места всех беглых и бобылей. Указом 3 марта 1721 г.

казаки, как сообщалось выше, были переданы из ведения Коллегии иностранных дел в Военную коллегию, что понижало статус войска (из равноправного партнера государства, "союзника", оно превращалось в обычное воинское соединение на государевой службе). Закрепить позиции государства на Яике предстояло очередной следственной комиссии по доносу Карташева, которую возглавил полковник Казанского гарнизона и капитан лейб-гвардии Семеновского полка И.Захаров. Официально миссия Захарова изображалась как направленная на благо Яицкого войска. Ему поручалось провести следствие по доносу Карташева и по жалобам на фискалов, которые запятнали себя взяточничеством, притеснениями казаков; переписать казаков, чтобы уточнить размеры выплачиваемого им жалованья; привести к присяге атамана, старшин, казаков; запретить казакам принимать на Яике беглых. В марте 1723 г. Захаров отправился на Яик с двумя ротами регулярных войск (драгуны и пехота). В Яицком городке он сразу начал аресты казаков, не пустивших в прошлом в городок майора Воейкова. Озлобленные действиями Захарова казаки взялись за подготовку вооруженного восстания. Войсковой атаман Г.Меркульев был посвящен в планы заговорщиков; однако он предал последних, выдав их планы полковнику И.Захарову. Главные "зачинщики" — казаки Рукавишников, Чувашенинов, Азовской — были казнены. Вопреки желанию войска, Г.Меркульев был впервые утвержден высочайшей властью в должности войскового атамана[68].

Попытки ввести регулярный строй, нарушение традиции выборности командиров имели следствием серию новых конфликтов в Сибири. В начале XVIII в. казачьим головой в Томск был определен выходец из Бранденбурга А.Линге, который обязывался обучить казаков солдатскому строю. Служилые во главе со своими атаманами отказались подчиняться А.Линге, посадили его под домашний арест, обвинив новоиспеченного казачьего голову "в нападках и обидах". Власти не стали настаивать на продолжении обучения томских казаков регулярному строю, отозвали А.Линге в Москву. В 1705 г. около 500 служилых людей Тары отказались подчиняться указу о бритье бороды и усов и ношении немецкого платья, обсуждали вопрос о посылке челобитчика к царю.

Отказ в 1722 г. служилого гарнизона Тары от присяги на верность стал, пожалуй, последним открытым проявлением протеста сибирских служилых людей. После этого конфликты казаков за Уралом сходят на нет[69].

Не так легко сдавались яицкие казаки. Противостояние войска наступлению государства переросло в 1720—1760-е гг. во внутренний конфликт яицкого казачьего войска, в котором, как уже указывалось, сформировались две партии: 1) атаманская, старшинская, "согласная"; 2) народная, войсковая, "несогласная". Неверно было бы оценивать первую как проправительственную, а вторую как оппозиционную правительству. Среди представителей старшинской партии многие также не желали расставаться с войсковыми "вольностями". К тому же представители обеих партий, обвиняя друг друга в незаконных поступках, продолжали апеллировать к правительству. Активность народной партии в этом плане была не меньшей, чем старшинской. Более того, порой представители именно народной партии ставили на кон некоторые традиционные войсковые вольности (например, невыдача с Яика пришлых), лишь бы добиться смены с должностных постов представителей старшинской партии.

Бюрократизация управления в Яицком казачьем войске, ослабление роли войскового круга способствовали росту независимости должностных лиц войска от простого казачества. Беспорядки в расходовании и распределении войсковых сумм, взяточничество и воровство войсковых денег представителями войсковой элиты стали обычным явлением. Именно эти злоупотребления стали главной причиной конфликтов среди казаков.

В 1730 г. яицкий казак Д.Гузиков обвинил войскового атамана Г.Меркульева в том, что тот принимал и определял в казаки за взятки беглых людей; кроме того, брал взятки при включении казаков в состав станиц, отправляемых в Москву (участие в таких станицах было выгодно, поскольку казакам в Москве давались богатые подарки). Военная коллегия замяла это дело; за прежние заслуги вина Г.Меркульева была опущена.

В ноябре 1737 г. Военная коллегия получила жалобу почти от всего войска на атамана И.Меркульева (сына прежнего атамана) и его сыновей Ивана и Андрея. Военная коллегия поручила провести на Яике следствие майору Алекину. До конца следствия Меркульева полагалось отстранить от атаманской должности, временно ее поручалось исполнять выборному от войска. Казаки выбрали наказным атаманом Андрея Карпова. Но Меркульев, используя свое влияние, убедил начальника Оренбургской экспедиции и Мензелинской Башкирской комиссии В.Н.Татищева арестовать выбранного казаками атамана, а вместо него назначить преданного Меркульеву Прыткова. Это несколько облегчило положение бывшего атамана во время следствия. Тем не менее, майор Алекин признал за И.Меркульевым целый ряд злоупотреблений: удерживал у казаков денежное и хлебное жалованье (12355 руб.), из окладного предназначаемого для войска вина употреблял немалое количество со старшинами на собственные нужды, не давал отчета в расходовании сборных войсковых денег. Инициатора подачи челобитья на Меркульева старшину И.Логинова также обвинили в том, что ряд его претензий к бывшему атаману не может быть доказан.

Именным высочайшим указом 25 августа 1740 г. признавалась вина обеих сторон: Меркульева и Логинова. Меркульев за "обиды", нанесенные войску, лишался атаманства, но за верность и службы отца его освобождался от взыскания удержанных с казаков сумм. Указ повелевал поселить Меркульева и Логинова порознь и именовать их старшинами городков по новому месту жительства. Далее отмечалось, что назначение атамана предоставляется Высочайшей воле (за войском сохранялось право выдвижения трех кандидатов на атаманскую должность из "заслуженных, богобоязливых, верных и в воинском деле искусных людей"). Постановление это, однако, никогда полностью в действие не вводилось, поскольку новая императрица Елизавета Петровна отменила указы предшественников.

В 1750-е гг. конфликт в войске обострился. Войсковой атаман А.Бородин и представители старшины злоупотребляли сбором с казаков денег на покрытие расходов по винному и соляному откупам, не выдавали войску жалованье. Борьбу казаков народной партии против старшинской возглавил казак Сакмарской станицы Иван Логинов (видимо, родственник прежнего войскового старшины И.Логинова). Военная коллегия в ответ на очередные жалобы казаков на войсковую верхушку направила в 1762 г. на Яик "особую комиссию" генерал-майора Брахвельда, затем последовала комиссия генерал-майора И.Потапова. Последний, проведя расследование, убедился в правоте казаков народной партии, о чем и донес в Военную коллегию.

Военная коллегия предписала атамана Бородина и его сторонников снять с занимаемых должностей и взыскать с них 1/3 удержанного у казаков жалованья (3387 руб.). Одновременно подвергались наказанию и наиболее активные представители народной партии. В частности, И.Логинов был приговорен к ссылке в Тобольск. Высочайшим указом 15 декабря 1765 г. поручалось премьер-майору Казанского драгунского полка Новокрещенову объявить войску о решении Военной коллегии провести выборы нового атамана, переписать казаков. Указом также предписывалось заменить привычную казакам систему найма при командировании на службу новой. При этом, отмечалось в указе, начальники командируемых партий могли назначаться по личному усмотрению атамана и старшин без согласия войска. Последнее нововведение вызвало серьезное волнение казаков.

Между тем Новокрещенов, подкупленный старшиной, объявил казакам только ту часть указа, в которой говорилось о провинностях представителей народной партии. Новокрещенов настаивал, чтобы казаки избрали в атаманы дьяка Кретина, креатуру старшинской партии. Казаки начали волноваться, писать новые жалобы в Военную коллегию. Последняя командировала на Яик для их усмирения генерал-майора Черепова. Прибыв в Яицкий городок, Черепов собрал войсковой круг и начал читать данный ему указ о беспрекословном повиновении законам и начальству. Казаки стояли поодаль и не подчинились приказам генерала подойти поближе. Тогда Черепов велел прибывшим с ним драгунам стрелять по толпе. В результате 3 человека было убито и 6 ранено. Оставшиеся в живых обезумели от такой неожиданности, еще не бывавшей дотоле в Яицком войске. Генерал, воспользовавшись растерянностью войска, собрал подписи о повиновении властям и вскоре уехал в Петербург.

Между тем 15 мая 1766 г. указом была подтверждена служба по очереди и предписывалось командировать 500 человек в Кизляр. Представители старшинской партии, сводя счеты с непокорными, командировали на службу в первую очередь сторонников народной партии. Те оказывали сопротивление и слали в Петербург очередные жалобы, обвиняя казачью верхушку в злоупотреблениях властью.

В июле 1767 г. на Яик был отправлен очередной следователь — гвардии капитан Чебышев. Чебышев зачитал казакам сохранявшуюся до того в тайне часть конфирмации Военной коллегии, которая касалась вин старшин, чем произвел благоприятное впечатление на казаков. При посредничестве Чебышева атаманом был выбран Петр Тамбовцев, на кандидатуре которого сошлись враждебные партии. Поручив Тамбовцеву взыскание штрафа с виновных старшин, капитан отправился в Петербург.

Тамбовцеву удалось в Петербурге добиться освобождения и возвращения из ссылки И.Логинова с товарищами; атаман начал взыскивать со старшин штраф. Однако вскоре он понял, что держать старшинскую сторону выгоднее, взыскание штрафа прекратилось.

Тамбовцеву как войсковому атаману приходилось выполнять очень непопулярные в среде казаков требования Военной коллегии об организации очередной службы, что еще больше обостряло конфликт в войске.

Новое возмущение казачества вызвало предписание Военной коллегии о командировании воинов в особый казачий легион ("Московский" или "Потемкинский"), идея формирования которого принадлежала князю Потемкину. В апреле 1770 г. Яицкое казачье войско получило из Военной

коллегии высочайший указ, которым повелевалось отправить 334 казака на службу в "Потемкинский легион", который строился по принципам регулярного подразделения; служащие в нем должны были брить бороды, носить особую форму, иметь регулярный строй. Яицкие казаки как истые старообрядцы считали бритье бород за величайшее бесчестье, а регулярный строй — нарушением прежде дарованных привилегий. Стали распространяться слухи о том, что правительство собирается набрать из казаков гусарские эскадроны. В Петербург от войска была направлена депутация с целью выяснить достоверность слухов, а также просить увольнения от службы в легионе. Председатель Военной коллегии граф З.Г.Чернышев поступил с просителями как с бунтовщиками: велел обрить им бороды и отправить на службу в пехотный полк (правда, казакам удалось бежать на Яик).

Пытаясь выполнить распоряжение Военной коллегии, атаман Тамбовцев и оренбургский генерал-губернатор приступили к арестам и наказаниям непокорных. Как позднее показывали яицкие казаки, в это время несколько человек было замучено пытками до смерти, а около 400 человек длительное время содержались под караулом.

Между тем сотнику Портнову и нескольким казакам удалось в Петербурге подать челобитную на высочайшее имя. В результате, 2 сентября 1770 г. последовал высочайший указ, который повелевал выдать казакам удержанное старшинами жалованье, взыскать полностью штраф с провинившихся представителей старшинской партии. Для окончательного прекращения споров на Яик был командирован гвардии капитан С.Дурново. Командовавшему войсками Оренбургского округа генерал-майору И.К.Давыдову было приказано ускорить командирование яицких казаков в "Потемкинский легион"; теперь требовалось 330 казаков, причем им разрешалось не брить бород.

Но народная партия продолжала подавать просьбы об увольнении от легионной службы. В ответ на эти просьбы Екатерина II указом 7 декабря 1770 г., отпустив казакам прежнюю вину, разрешила не служить в легионе. Милосердие императрицы во многом было обусловлено политическими соображениями. Осенью 1770 г. калмыцкий хан Убаши решил уйти с Волги в Китай. В начале декабря калмыки подошли к Узеням, а к началу января 1771 г. были уже на берегах Урала. Казаки могли пригодиться как воинская сила на Яике, чтобы остановить калмыков и вернуть их на прежние места кочевий.

Однако остановить хана Убаши не удалось. Сыграла свою роль медлительность начальников, в частности оренбургского генерал-губернатора Рейнсдорпа и генерал-майора Давыдова, приказания которых запаздывали и зачастую были противоречивыми, а также ослабленность Яицкого войска длительными внутренними конфликтами.

Когда в начале января 1771 г. калмыки подошли к Яику, казаки оставили форпосты и заперлись по крепостям. Калмыки сожгли опустевшие форпосты, захватили скот и беспрепятственно перешли через реку между Яицким городком и Калмыковской крепостью, двинувшись далее к р.Эмбе. Лишь в начале марта генерал-майор Давыдов командировал в казахские степи отряд полковника фон Бейерна, в который должны были войти и яицкие казаки, для преследования калмыков. Но казаки отказались двинуться в поход, заявив, что в степи нет подножного корма для лошадей. Наверное, гораздо большую роль в этом сыграла борьба между старшинской и народной

партиями по вопросу о кандидатах в походные атаманы и полковники (враждебные партии предлагали свои кандидатуры). Казаки вновь начали требовать выплаты жалованья за предшествующие годы.

В марте 1771 г. возник заговор с целью извести всех старшин и их приверженцев. Однако благодаря перебежчикам из народной партии заговор удалось открыть: вновь начались аресты, допросы, экзекуции.

Тем временем на место генерал-майора Давыдова был назначен генерал-майор фон Траубенберг, который 30 декабря 1771 г. прибыл в Яицкий городок. Траубенберг и отправленный ранее на Яик для проведения расследования капитан Дурново поддерживали старшинскую партию, не приступали в течение нескольких месяцев к взысканию штрафов с виновных старшин. Казаки начали жаловаться в Петербург. 9 января 1772 г. очередная депутация во главе с казаком И.Кирпичниковым вернулась из столицы с письмом от графа И.Г.Орлова к С.Дурново. Кирпичников передал письмо капитану. Последний, прочитав его, ничего не сообщил казакам. Между тем атаман Тамбовцев отправил казаков старшинской партии, чтобы арестовать И.Кирпичникова как бунтовщика. Возле дома Кирпичникова произошла схватка между враждебными группировками. Арестовать Кирпичникова казаки войсковой стороны не позволили. В течение нескольких следующих дней казаки собирались на шумные войсковые круги, отправляли своих делегатов для переговоров к Дурново, требуя выплаты удержанного жалованья, взыскания штрафа с виновных старшин. В конце концов Дурново было заявлено, что если казачьи требования не будут выполнены, то они пойдут с оружием в руках на регулярную команду и будут "бить до смерти". Тем временем Дурново и Траубенберг готовились встретить казаков: возле войсковой канцелярии были расставлены орудия, солдаты приведены в боевую готовность.

13 января огромной толпой (до 3 тыс. человек) казаки двинулись к атаманскому дому и войсковой канцелярии. Хотя некоторые из них были вооружены (дубинами, палками, саблями), очевидно, не было четкого плана действий; оставались еще надежды на мирный исход переговоров. Толпа шла в сопровождении облаченных в ризы священников, с образами и хоругвями. Генерал Траубенберг велел своим артиллеристам стрелять по казакам. Но силы были слишком неравны. Завязалась рукопашная схватка, в которой генерал Таубенберг был изрублен, Дурново тяжело ранен, атаман Тамбовцев растерзан толпой, несколько старшин согласной партии было перебиты, изранены, арестованы; казаки разграбили дома ненавистных представителей старшинской партии. Всего в событиях 13—14 января в Яицком городке погибло 60 человек и было ранено 39. На войсковом правлении казачество избрало народных судей — В.Трифонова, Т.Сенгилевцева, И.Лабзнева (впоследствии последний был заменен Я.Неулыбиным, а затем Н.Каргиным), к которым перешла высшая исполнительная власть в войске.

В марте восставшие яицкие казаки получили указ из Военной коллегии с требованием выдать зачинщиков мятежа; в случае упорства казакам угрожали расправой. Казаки, в свою очередь, отправляли депутации к Екатерине II, великому князю Павлу Петровичу, казанскому митрополиту Вениамину, оренбургскому генерал-губернатору Рейнсдорпу, пытаясь представить свои действия как вынужденные и оборонительные. Для подавления протеста из Москвы был послан генерал-майор Фрейман с гренадерской ротой и артиллерией. 3—4 июня 1772 г. между правительственными войсками и восставшими произошло сражение на р.Ембулатовке (в 60 вер-

стах от Яицкого городка). Казаки не выдержали артиллерийского огня и вынуждены были отступить. 7 июня Фрейман вступил в Яицкий городок и начал аресты главных руководителей восстания. В Оренбурге была учреждена следственная комиссия полковника Неронова. В конце апреля 1773 г. в Оренбурге было получено постановление Военной коллегии по делу о восстании яицких казаков: 16 человек главных зачинщиков были приговорены к наказанию кнутом, вырыванию ноздрей и ссылке на Нерчинские заводы; 38 человек приговаривались к наказанию кнутом и высылке с семьями на поселение в Сибирь; 25 человек были наказаны плетьми и отправлены служить в армейские полки. Помилованные обязывались возместить убытки, которые понесли представители старшинской партии (разграбленное имущество было оценено в 36756 руб.). Была ликвидирована войсковая канцелярия, вместо которой учреждалась комендантская; уничтожались войсковые круги. Вся власть над войском перешла в руки коменданта армейского подполковника И.Д.Симонова. В Яицком городке учреждался постоянный регулярный гарнизон[70]. Резкое сужение прав и привилегий когда-то вольного казачьего войска, изменение структуры управления, ликвидация войскового самоуправления не заставили долго ждать с ответом казачество, которое в том же 1773 г. поднялось на еще более мощное восстание.

Детонатором нового казачьего выступления послужило появление на Яике донского казака Емельяна Пугачева, который присвоил имя покойного императора Петра III. Признанание Пугачева "императором Петром III" придавало движению характер законной борьбы за восстановление на престоле "царя-батюшки Петра Федоровича", коварно лишенного власти Екатериной II и дворянами. Несомненно, самозванчество явилось сильнейшим стимулом протеста[71]. Но движение это имело более глубокие причины. Яицкое казачество выступало против "регуляризации" войска, против бюрократизации управления, пыталось отстоять свои права и привилегии. Именно яицкие казаки составили боевое повстанческое ядро. Принципы организации казачьего войска и местного управления служили образцами для организации повстанческой армии и органов управления на территории, охваченной восстанием. В ходе движения происходило массовое "показаченье" населения; создавались местные органы самоуправления по образцу казачьих: станичные избы во главе с выборными станичными атаманами, сотниками, десятниками.

Завершив приготовления к восстанию, Е.Пугачев со своими соратниками дважды пытался овладеть Яицким городком, в котором засел воинский гарнизон подполковника Симонова. Не имея артиллерии, повстанцы вынуждены были оставить попытки овладеть крепостью и двинулись походом на Оренбург. 4 октября Оренбург был блокирован восставшими, осада продолжалась около полугода. Пугачеву сдались все крепости и форпосты Нижне-Яицкой линии.

Оренбургские казаки преимущественно сохранили верность правительству, приняли участие в обороне Оренбурга от повстанцев. Но и среди них были колеблющиеся, часть переходила на сторону повстанцев по мере захвата Пугачевым крепостей и форпостов Оренбургской линии, имевших слабые укрепления и небольшие гарнизоны. Устояли только крепости Верхне-Озерная, Верхне-Яицкая, Орская. В январе 1774 г. подняли восстание в Челябинске исетские казаки во главе с хорунжим Н.Невзоровым. Правда, казакам не удалось укрепиться в городе; они были вынуждены покинуть

Челябинск, расположиться в непосредственной близости от него. Впоследствии эти казаки присоединились к отряду пугачевского полковника И.Н.Грязнова.

После поражения от правительственных войск 22 марта 1774 г. под крепостью Татищевой Е.Пугачев был вынужден отойти в Зауралье, затем двинуться на заводской Урал, в Прикамье, Поволжье. С Пугачевым пошли 300-400 яицких казаков; прочие остались на Яике и продолжали военные действия против карательных частей. Восстание далеко переросло рамки чисто казачьего движения: оно охватило территорию приблизительно в 600 тыс. кв.км; в восстании также принимали участие приписные, экономические, дворцовые крестьяне, заводские рабочие, башкиры, татары, калмыки, мордва, чуваши, марийцы. Изменение социального состава движения сказалось на его идеологии. Если в первых указах и манифестах "Петра III" содержались чисто казачьи пожалования: рекой с вершин до устья, землей, травами, денежным жалованьем, свинцом, порохом, хлебным провиантом, то в манифестах декабря 1773 г. появились антикрепостнические мотивы, отражавшие интересы крестьян. Наиболее полное выражение крестьянские требования нашли в июльских манифестах Е.Пугачева (28 и 31 июля 1774 г.: полная ликвидация класса помещиков, переход всех крестьян в подданство короны; ликвидация рекрутских наборов и денежных податей).

Завершение русско-турецкой войны 1768—1774 г. позволило правительству мобилизовать против восставших значительные воинские силы. К лету 1774 г. было подавлено движение на Яике. В августе того же года потерпели поражение от правительственных войск главные силы Е.Пугачева в Поволжье. Сам предводитель восстания был схвачен заговорщиками из числа яицких старшин и передан 15 сентября воинским властям. Поражение восстания Пугачева закрепило победу абсолютистского государства над вольной казачьей общиной. Казачьи круги были окончательно отменены; назначение атамана предоставлено исключительно высочайшей воле; у Яицкого войска была отобрана артиллерия; в Яицком городке водворен постоянный регулярный гарнизон. Чтобы искоренить в народе память о восстании Екатерина II указом 15 января 1775 г. распорядилась переименовать Яицкое казачье войско — в Уральское, р.Яик — в р.Урал, Яицкий городок — в Уральск[72]. На протяжении почти четверти столетия на Яике было относительно спокойно. Тем не менее и в первой половине XIX в. уральские казаки вступали в конфликты с центральной властью, оправдывая свою характеристику самого вольнолюбивого из всех восточнороссийских казачьих войск. Правда, эти волнения уже не идут ни в какое сравнение с движениями XVII—XVIII вв.

В 1804 г. уральские казаки вновь встали на защиту своих традиционных вольностей, уже в значительной мере искорененных правительством. Поводом для волнений явилось новое Положение об управлении Уральским войском, вносившее в его жизнь дополнительные элементы регулярности. Казаки, протестуя, все же надеялись, что им удастся одновременно вернуть и утраченное самоуправление. Наибольшее недовольство уральцев вызвала отмена в очередной раз принципа "наемки"; введение однообразной форменной одежды. Униформа ассоциировалась казаками с кавалерийскими регулярными полками.

Был еще один повод, который также возбуждал ропот казачества. Войско вело тяжебный процесс с князем Юсуповым, который замежевал в свои

дачи часть приморского берега (залив Богатый-Култук) и с 1803 г. стал отдавать его на откуп частным лицам, получая ежегодно 50-70 тыс. руб. дохода. Данное обстоятельство подрывало уважение казаков к закону; среди них стали распространяться толки о потворстве административных властей людям знатным и богатым.

Когда в Уральск прибыл управляющий войском генерал-лейтенант Медер, казаки просили его об отмене очередной службы и мундиров. Они же не желали учреждения войсковой канцелярии и градской полиции, введение которых предусматривалось новым Положением. Они не приняли 5 октября 1804 г. участия в открытии новых учреждений, заявив, что "не повинуются начальству и к церемонии не пойдут". Прибывшего в Уральск оренбургского военного губернатора Волконского казаки также просили об уничтожении нового порядка управления и новых учреждений. Последний, "лаская", уверял казаков, "что в тех новостях не заключается перемены в образе самодревнейших их обрядов; а остается все по-прежнему, как за 200 лет пред сим существовало". Казаки истолковали это так, что все-таки новые учреждения будут уничтожены. Однако этого не произошло. Тогда обеспокоенные уральцы отправили в Оренбург 5 просителей. Судьба войска так волновала казаков, что они даже отказались выйти на традиционное осеннее рыболовство.

Тем временем расстроенный упорством казачества князь Волконский отправился в Уральск с двумя батальонами пехоты, полком оренбургских казаков, артиллерией. Уральцы встретили военного губернатора за городом, стоя на коленях и прося принять хлеб-соль. Волконский велел майору Кочкину прогнать "бунтовщиков" в город. В Уральске была учреждена военная следственная комиссия, арестовано до 50 человек. Главных виновников наказали шпицрутенами и отправили на поселение в Сибирь. Тем не менее, в 1806 г. "наемка" была восстановлена[73].

В 1837 г. группа уральских казаков от имени войска обратилась с жалобой к проезжавшему через Уральск наследнику — великому князю Александру Николаевичу. Суть жалобы сводилась к следующему: 1) со времени покойного атамана генерал-майора Бородина войску не выдавали положенного окладного жалованья на хлеб и вино; 2) в противность прежним грамотам и указам войсковым атаманом назначен генерал-майор Покатилов не из казачьего сословия; войсковые чиновники определяются в должности не столько войсковым выбором, сколько произволом атамана; при отправлении службы войско отягощается атаманом излишними денежными сборами; 3) со времени отдачи на откуп соляного сбора выросла цена с десятинной рыбы и икры; 4) доходы от таможенной части и от винной продажи, принадлежавшие когда-то войску, утеряны и поступили в посторонние руки. В жалобе содержались и другие более мелкие претензии по поводу чиновничьих вымогательств, служебных злоупотреблений. Казаки просили сменить атамана представителем войска, выбранным целым обществом, произвести по делу беспристрастное следствие, на время данного следствия отстранить от власти атамана, прокурора и чиновников, замешанных в незаконных действиях, и определить прокурором отставленного по проискам атамана Анадольского. Таким образом, казаки вновь пытались отстаивать войсковые традиции — выборность атамана, право войска на голос, соблюдение элементарной законности. Жалоба косвенным образом была направлена против оренбургского военного губернатора В.А.Перовского, ставленником которо-

го являлся атаман Покатилов. Перовский изобразил происшествие как очень серьезный бунт, ввел в горд войска, учредил военно-судную комиссию. Все жалобы казаков были объявлены ложными извстами. По приговору комиссии казаков, обвиненных в подстрекательстве к бунту, наказали шпицрутенами и сослали на поселение в Сибирь[74].

Незначительные по масштабу волнения происходили в первой половине XIX в. в Оренбургском войске. Два конфликта были связаны с переселениями казачьих семей на новозаводимые линии. Так, в 1805 г. на Оренбургскую линию в 18 крепостей были переселены 1181 чел. из станиц Уйской, Кичигинской, Чебаркульской, Коельской, Челябинской, Миасской, Еткульской, Еманжелинской. Организация подмоги переселенцам была возложена на общества мест выхода. Размеры этой подмоги оказались довольно обременительными для казаков. Последние начали протестовать. По распоряжению князя Волконского зачинщики беспорядков были наказаны шпицрутенами и отданы в солдаты.

В 1820—1826 гг. переводились в Ново-Илецкий район казаки упраздненной Красноуфимской линии в составе 300 домов. Переселение было связано с большими неудобствами; вызвало сопротивление казаков. Они подали просьбу об отмене переселения императору. Император конфирмацией определил оставить их без наказания, если все же казаки прекратят сопротивление и послушно переедут на новые места. Но казаки продолжали волноваться. Между ними даже стали распространяться подложные указы, якобы позволявшие остаться на прежнем месте жительства. Только после наказания четырех распространителей подложной бумаги неповиновение было прекращено.

Еще один конфликт в Оренбургском казачьем войске был связан с введением в 1835 г. общественных магазинов и общественных запашек. Весной 1835 г. станицы 4-го и 5-го кантонов отказались производить общественную запашку. Скорый на расправу В.А.Перовский сразу же распорядился о командировании в бунтовавшие станицы воинских частей. Прибыв на место, военный губернатор убедился, что волнение незначительно и может быть усмирено без применения армии. Тем не менее, по распоряжению губернатора 46 человек для порядка были наказаны шпицрутенами и переселены на Новую линию[75].

Казачий протест шел параллельно с развитием казачества, с изменениями в его организации, обнаруживая при этом региональную и временную вариативность. Заметны довольно четкие различия в характере, масштабе, исторической живучести конфликтов уральских казаков и казачества Сибири. Последнее в XVII в. довольно активно боролось против самоуправства и коррумпированности воевод. Незавершенность в распределении функций и компетенции между воеводской администрацией и служилыми мирами нередко приводила к тому, что казачье недовольство находило выражение в достаточно массовых и острых выступлениях. Поскольку же воеводские злоупотребления наряду с казаками испытывали и другие социальные слои, постольку часто служилые люди Сибири в XVII в. протестовали совместно с посадскими, крестьянами, аборигенами. Государство, заинтересованное в нормальном функционировании аппарата на далекой периферии, не было склонно покрывать злоупотребления своих администраторов; напротив, если оно находило претензии служилых людей и их союзников справедливыми, воевода смещался с поста и заменялся новым. Необходимо отметить, что выступления служилых

людей Сибири в XVII в., несмотря на присущую им остроту, а порой и продолжительность, обычно носили локальный характер (охватывали обычно город или город с округой; походы служилых людей с целью расширения района конфликта имели место редко).

В XVII в. правительство фактически не вмешивалось во внутренние порядки яицкого казачества. Конфликты между казаками и правительством стали возникать в основном с середины XVII в. в связи с попытками государства ограничить казачьи "воинские промыслы" на Каспии (строительство Гурьева; размещение в крепости стрелецкого гарнизона). Конфликты эти приобрели характер военных походов казаков против правительственных войск.

В XVIII в. государство повело наступление против казачьей автономии. В Сибири этот процесс был успешно и почти бескровно завершен в первой трети столетия; дисперсно размещенные городовые команды служилых людей не имели возможности организовать эффективного сопротивления.

Компактные же войсковые организации, которые появились на Востоке России в XVIII—первой половине XIX в. (Оренбургское, Сибирское, Забайкальское), создавались уже государством; последнее же формировало и традиции в организации управления, системе отбывания воинской повинности, землепользовании и т.д.

На Яике борьба между государством и казачеством по поводу традиционных прав и привилегий затянулась на десятилетия, носила острый и масштабный характер, была кровопролитной. Слишком контрастным был переход от вольной казацкой общины к Уральскому казачьему войску. Внутренние ресурсы яицкого казачества были достаточны для того, чтобы отстаивать свои традиционные порядки упорно и долго. Почти полстолетия прошло между указами, подчинявшими яицких казаков Военной коллегии, вводившими назначение войскового атамана высочайшей властью и отменой войсковых кругов на Яике. Отстаивая свои войсковые вольности, яицкие казаки подняли два вооруженных восстания — 1772 и 1773—1775 гг. Причем восстание 1773—1775 гг. переросло местные рамки и приобрело суперлокальный характер. Казачество, обладавшее навыками обращения с оружием, элементами организации и дисциплины, сыграло роль военно-организационного ядра и застрельщика мощного народного движения, потрясшего устои государства. Казачьи руководители восстания проявили достаточную гибкость, чтобы инициировать участие в протесте различных социальных и этнических слоев и адаптировать идеологию движения и к их потребностям.

Роль яицкого казачества в восстании 1773—1775 гг. обнаруживает принципиальное сходство с ролью донских и запорожских казаков в мощных народных движениях конца XVI—начала XVIII вв. Военизированный и маргинальный элемент ("социальные разбойники", гайдуки, деморализованные воинские подразделения) выполнял ту же роль в крестьянских восстаниях в Италии, на Балканах, в Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии, придавая им стратегическую эффективность и тактическую мобильность[76].

Восстание 1773—1775 гг. стало лебединой песней о казачьей воле и демократических порядках на Яике. После этого уральские казаки уже не пытались реставрировать целиком старинный традиционный строй жизни на Яике с политической независимостью, выборными войсковыми атама-

нами, полномочным войсковым кругом. Волнения 1804, 1837 гг. были лишь слабыми по сравнению с восстаниями XVIII столетия оборонительными реакциями казачества против продолжавшегося ущемления государством традиционных прав и привилегий.

ГЛАВА 3

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА

1. Состав и численность

Состав и движение казачьего населения определялись конкретно-исторической обстановкой. Вольные казаки Яика создавали свои первичные организации-станицы исходя из необходимости выжить в суровых условиях порубежья перед лицом постоянной внешней опасности. Первоначально казачьи общины на Яике были предельно однородны в социальном смысле. Атаманы и есаулы длительное время оставались лишь "первыми среди равных", выделяясь из основной массы только незаурядными качествами. Казаки, по справедливому замечанию Н.И.Никитина[1], просто не сохранились бы в экстремальных условиях, если бы их общества еще и изнутри разрывались антагонистическими противоречиями.

Цементирующим ядром казачьих обществ выступали "старые" казаки, из числа которых обычно и избирались атаманы. Последние в своей деятельности опирались не только на зажиточную часть казачества, но и на так называемую "атаманскую станицу" — зародыш личной дружины вождя. Видимо, у большинства "старых" казаков имелись "молодые товарищи", казачьи ученики, или "чуры", обучавшиеся у первых воинскому мастерству и выполнявшие разного рода вспомогательные задания. А.Л.Станиславский выводит этот термин из татарского языка, где он означал сословно неполноправного человека, слугу, крепостного[2]. Однако с большим основанием можно увидеть в "молодых товарищах" своеобразных оруженосцев при "витязях-мужиках, странствующих рыцарях черного народа", как называл казаков А.И.Герцен. Кстати, знаменитый Илейка Муромец, провозглашенный во время Смуты царевичем Петром Федоровичем, начинал свою карьеру с казачьих учеников.

Были в казачьих общинах свои ремесленники, занятые починкой оружия, изготовлением одежды и обуви. Со временем к казакам подселялись "иногородние", которые, не обременяя себя принятием "казачьего звания", предпочитали романтике военных походов наемный труд у зажиточных хозяев.

Первые относительно достоверные сведения о численности населения на территории Яицкого войска правительству удалось собрать лишь в ходе переписи полковника Захарова в конце первой четверти XVIII в. Всего уда-

лось переписать 6126 чел., из них действительно служащих — 3196 чел., отставных казаков — 216, казачьих детей и вообще негодных к службе — 2357, пришлых, живущих в батраках и работниках и их детей — 324[3].

Численность и состав служилого населения Сибири зависели от характера, темпов и направлений колонизационных потоков на восточной "украйне" и во многом определялись как правительственной политикой, так и самой логикой движения "втречь солнцу". Отсюда сложное переплетение здесь двух начал — традиций приборного войска и казачьей вольности.

Верхнюю ступень в служилой иерархии на территории от Урала до Тихого океана занимали сибирские дворяне и дети боярские. Дети боярские появились в Сибири вместе с первыми правительственными отрядами, а сибирские дворяне — в 1684 г., когда соответствующими грамотами великих государей велено было иметь их в Тобольске "особой статьею" в количестве 18 чел. Детей боярских в Сибири насчитывалось в 1625 г. 59, в начале XVIII в. — 652, а в конце первой четверти этого столетия — 807. Дворян к 1720-м годам стало 111 чел.[4] Формально сибирских дворян и детей боярских можно соотнести с городовыми дворянами и детьми боярскими Европейской России, однако на практике положение их существенно разнилось. На сибирскую "служилую аристократию" не распространялись принципы поместного права, далеко не всегда местные дворяне и дети боярские могли передать свой статус по наследству, поэтому считать их служилыми "по отечеству" нельзя. Они занимали промежуточное положение между последними и приборными служилыми людьми. Хотя в Сибири звания дворянина и сына боярского считались весьма почетными, а носители их занимали ключевые места в местном военно-административном аппарате.

Сибирские гарнизоны возглавляли стрелецкие и казачьи головы, которые иногда имели чин сына боярского, иногда обходились и без него, затем шли атаманы, сотники или ротмистры — командиры различных подразделений.

Конные казаки служили "списками". Обычно выделялись казаки "литовского списка", "черкасы", "новокрещены" и русские конные казаки. "Литовский список", или "литва", первоначально комплектовался за счет выходцев (добровольных или военнопленных) из Речи Посполитой (не обязательно поляков или литовцев в этническом смысле). "Черкасы" объединяли оказавшихся в Сибири выходцев из Малороссии; "новокрещены" состояли из представителей коренного населения, поступивших на службу и принявших православие. Впрочем, принципы комплектования жестко не выдерживались, и русский казак мог служить в черкасской сотне, а "новокрещен" в русской конной — все (или очень многое) зависело от наличия вакансий. Неудивительно поэтому, что и казак литовской сотни мог заявить о себе, что родом он "остяк, был ясашной". По мере обрусения зачисленных на службу "иноземцев" деление на "списки" утрачивало прежний смысл и в начале XVIII в. сохранялось лишь как дань традиции. На протяжении XVII в. количество конных казаков неуклонно возрастало (с 473 в 1626—27 гг. до 1052 в 1699 г.) только в городах Тобольского разряда. В 1702 г. во всей Западной Сибири считалось 1409 чел. конной службы[5].

Наиболее многочисленными категориями были служилые пешей службы. Формально они делились на стрельцов и пеших казаков, но в условиях Сибири никакой разницы между ними не было, а различие в названиях (как и у конных казаков) явилось следствием исторической

традиции. В 1626—27 гг. в городах Тобольского разряда было 1211 чел. пешей службы; в 1699 — 2649 (в Западной Сибири в 1702 г. — 3386 чел.[6]).

В состав служилого населения входили также пушкари, затинщики, воротники, казенные кузнецы. В 1702 г. на всю Западную Сибирь их насчитывалось 102 чел. Особой статьей несли службу юртовские служилые татары, или просто служилые татары, которых в начале XVIII в. в Западной Сибири, в городах Тобольске, Тюмени и Томске было 447 чел.

Можно видеть, что состав служилого люда Сибири был не только относительно сложным в организационном плане, но и довольно пестрым в этническом. Основную массу составляли, конечно, великороссы, но нередко встречались представители сопредельных государств и аборигенного населения. К тому же среди военнослужащих сибирских гарнизонов, пусть и в малом числе, встречались выходцы из стран Западной Европы, а томский сын боярский Ф.С.Гречеников заявил при разборе в 1680 г., что его отец родом из Царьграда, выехал к Москве и впоследствии был сослан в Томск при Михаиле Федоровиче[7].

На всей территории Сибири, по данным А.П.Васильева, в 1684—85 гг. было 8166 чел. служилых людей всех категорий. В конце первой четверти XVIII в. И.Кирилов определял их численность в 8728 чел. (без казаков Верх-Иртышских крепостей, где было 777 чел.). Следовательно, численность служилого населения за четыре с лишним десятилетия выросла всего на 6,4%. Однако за этой внешне статичной картиной скрывались весьма динамичные процессы. Значительно (на 23-25%) сокращается количество казаков в Западной Сибири, увеличивается численность военнослужащих в командах Забайкалья (до 1051 чел. в 1724 г.). 750 казаков решением губернатора переводятся из городов Западной Сибири на южные пограничные линии, некоторая их часть зачисляется в состав регулярной армии[8].

В первой четверти XVIII в. служилые люди "старых служб" переживали весьма сложный период в своем развитии. Правительство Петра I, относясь к ним политически настороженно, вынуждено было использовать стрельцов и казаков в качестве вооруженной силы, особенно на первых этапах Северной войны, готовя одновременно почву для ликвидации иррегулярного войска. В соответствии с буквой "Плаката о сборе подушных денег..." от 24 июня 1724 г. сибирские служилые люди обращались в государственных крестьян.

Вскоре, однако, выяснилась преждевременность этой радикальной меры. Незавершенность колонизационных процессов и сопутствующая ей слабая дифференциация военно-административных функций требовали сохранения таких многофункциональных подразделений, какими были служилые команды сибирских городов. Поэтому вскоре после смерти великого преобразователя России, 20 апреля 1725 г., Сенат приказал "прислать обстоятельные ведомости" о состоящих на службе казаках, а "чтоб за дальностью до получения указа в делах и посылках остановки не было", сибирскому губернатору (совместно с переписчиком князем И.С.Солнцевым-Засекиным) поручалось самостоятельно определить, "коликому числу... где быть надлежит". 27 августа 1725 г. губернатор князь В.Долгоруков представил соответствующую ведомость, получившую в дальнейшем известность в качестве "долгоруковских штатов".

В основу штатов была положена реальная численность казаков на 1724 г. с некоторым перераспределением по городам и небольшим (около 4%) сокращением. Общее число служилых людей в сибирских городах дол-

жно было составить 8389 чел. К ним прибавлялись 779 казаков в Верх-Иртышских крепостях. Штаты 1725 г., во-первых, предусматривали ликвидацию деления казаков на "списки", а, во-вторых, вводили известную унификацию званий начальствующего состава — перечислялись должности голов, атаманов, сотников, пятидесятников. Деление казаков на конных и пеших сохранялось лишь для некоторых порубежных городов (Томск, Кузнецк), но на практике, как следует из датируемых 1730-ми гг. документов, оно имело место и в других городах.

Штаты 1725 г. просуществовали недолго. Из-за спешки, с которой они принимались, у высших эшелонов власти так и не нашлось времени для их утверждения. Более существенное значение имело то, что ситуация на южных границах Сибири несмотря на некоторые периоды затишья оставалась весьма напряженной и требовала увеличения числа военнослужащих. В 1735 г. сибирские власти обратились с просьбой об этом в Сенат, рассчитывая на присылку дополнительного контингента из Европейской России. Однако правительство, следуя петровской традиции сокращения нерегулярных формирований и не располагая "лишними" полками, издало 7 сентября 1736 г. предписание — учредить в Сибирской губернии драгунский полк и пехотный батальон "из тамошних дворян, казаков и их детей". В итоге казачьи команды городов Сибири сократились до 6660 чел., в среднем на 20% по сравнению со штатами 1725 г.[9]

Дальнейшую динамику численности и состава казачества восточных регионов страны невозможно понять без учета баланса сил на Дальнем Востоке, в Центральной и Средней Азии и, соответственно, российско-азиатских отношений и внешней политики России в этих регионах. С целью усиления военного присутствия на востоке страны и охраны колонизируемых территорий от набегов "кочевых диких орд" в 30—70-х гг. XVIII в. создается гигантская цепь оборонительных сооружений от Каспийского моря до Забайкалья. В 40-х гг. XVIII в. формируется Яицкая низовая линия со станицами и форпостами по левому берегу р.Яик, где уральские казаки содержали своим коштом гарнизоны по 500 чел. в каждом укрепленном пункте. В 1734 г. по предложению перешедшего в русское подданство хана Абуль-Хайра было решено построить на р.Ори крепость Оренбург — главный опорный пункт русской колонизации, как считал обер-секретарь Сената и руководитель Оренбургской экспедиции И.Кирилов. За десять неполных лет на территории Башкирии было сооружено 28 крепостей и 36 редутов. В 1744 г. образована новая, Оренбургская, губерния.

Для охраны границ, защиты союзных и перешедших в подданство России кочевых родов и последующего хозяйственного освоения территории во второй четверти XVIII в. формируется Оренбургское казачье войско. В Оренбуржье переводятся самарские, алексеевские и уфимские казаки, к создаваемому новому войску причисляются казаки Исетской провинции и в небольшом количестве откомандированные сюда городовые казаки Западной Сибири.

В определенном порядке оренбургским войскам было подчинено Ставропольское калмыцкое войско. Последнее образовалось еще при Петре I, когда владелец Астраханской калмыцкой орды — Таиш вместе со своими подданными принял христианство. Сам император был воспреемником Таиша, отчего тот и был наречен при крещении Петром. В 1737 г., после смерти Таиша, Анна Иоановна пожаловала его жену (тоже Анну) кня-

жеским достоинством и велела построить крепость Ставрополь (близ Волги, выше Самары). Калмыкам были предоставлены определенные льготы, а внутреннее управление возлагалось на учрежденный в 1745 г. войсковой суд "по прежним их обычаям, доколе российские права познают". Тогда же, в 1745 г., Сенат по предложению И.Неплюева разделил их на 8 рот, с обязательным нарядом на службу по 300 чел. ежегодно. В 1760 г. к войску было причислено 1765 душ мужского пола — "вышедшие из киргиз-кайсацкого плена зюнгорские крещеные калмыки и зайсанги", из которых дополнительно было сформировано три роты.

Перечисленные казачьи формирования составили ядро оренбургского казачества, но для огромного неосвоенного края этого было недостаточно. Тогда И.Неплюев в обход законов Российской империи начинает принимать в войско всех желающих, не особенно интересуясь подробностями их биографий. В край хлынула масса беглых помещичьих крестьян. Неплюеву удалось убедить Сенат не возвращать их прежним владельцам, а зачесть за рекрут и, исключив из подушного оклада, объявить казаками. В 1745 г. беглецов набралось 2415 чел., а к началу 50-х гг. XVIII в. в казаки оказались записанными свыше 4000 бывших крестьян. Проект И.Неплюева об организации Оренбургского нерегулярного корпуса предусматривал доведение его численности к 1748 г. до 4493 чел., а штаты 1755 г. увеличивали число казаков до 5877 чел. К 1763 г. мужское население Оренбургского войска вместе с детьми, отставными и неслужащими казаками составило свыше 13000 душ[10].

В 40-х гг. XVIII в. принимаются энергичные меры по укреплению пограничных рубежей на юге Сибири. В 1745 г. сюда направляются два пехотных (Ширванский и Нотебургский) и три конных драгунских (Луцкий, Олонецкий и Вологодский) полка во главе с генерал-майором Х.Х.Киндерманом. Одновременно принимались меры по укреплению казачьих гарнизонов. Сенатским указом от 29 сентября 1744 г. было "велено сибирскому губернатору крайнее старание иметь нерегулярного войска впредь во всех сибирских городах умножить сколько когда возможность допустит из дворянских детей, из детей боярских, из казачьих и из других чинов, неположенных в подушный оклад". В итоге к 1751 г. численность рядовых казаков Западной Сибири достигла 2779 чел., превысив штатное расписание на 278 чел. Это, однако, вовсе не означало увеличения реальной численности городовых команд. Дело в том, что с 1747 г. начинается массовый перевод казаков на пограничные линии, и в 1751 г. из 2779 городовых казаков Западной Сибири на прежних местах остается лишь 1205 чел. (43%). 1307 чел. были отправлены для прохождения службы на Колыванскую и Кузнецкую линии, 267 чел. — в Верх-Иртышские крепости.

Кроме того, с 1745 г. ежегодно командировались на линейную службу сроком на 1 год около 1500 донских и яицких казаков, башкир и мещеряков. В 1763 г. на сибирских пограничных линиях находилось 7578 военнослужащих, в том числе 3437 (45,4% от общего числа) казаков разных наименований: 1217 — городовых, 779 — крепостных, 937 — донских и 504 чел. башкиро-мещерятской команды.

Перевод казаков на линии сопровождался дальнейшими мерами по упорядочиванию структуры команд. 20 июня 1751 г. Сибирский приказ установил штаты начальствующего состава: 1 атаман полагался на 200 казаков, чины сотников и пятидесятников говорят сами за себя, дополнительно

вводились звания полкового писаря и прапорного, допускалось существование десятников, знаменщиков, барабанщиков, урядников и капралов, "ежели будет потребность на казачьих вакансиях". Казачьи команды в итоге приобрели более единообразный вид, сделан был новый шаг по пути их сближения с общепринятой в казачьих войсках структурой.

Аналогичные процессы происходили и в Забайкалье. Осложнение к середине XVIII в. русско-китайских отношений потребовало увеличения вооруженных сил в крае, в том числе иррегулярных. Штатами 1743 г. численность последних была доведена до 945 чел. Постепенно изменялась и организационная структура. До середины XVIII в. каждую команду возглавлял казачий голова (звание атамана сохранялось до 1725 г.) обычно из числа дворян и детей боярских или казачьих сотников, затем вместо него появился "правящий за казачью голову", а в 60-е гг. XVIII в. — главный казачий старшина (для дворян и детей боярских — дворянский старшина). В 70-е гг. XVIII в. ликвидируется десятичная система деления команд, исчезают мелкие разряды служилых людей (пушкари, воротники и др.), чины забайкальских казаков приводятся в соответствие с общеказачьей иерархией (появляются урядники и хорунжие).

В 1772—1775 гг. проводится частичная реорганизация забайкальских команд. Создается "пограничное казачье войско" численностью 855 чел. Штатами 1775 г. в городах закрепляется небольшой, в 200 чел., контингент городовых казаков.

Обеспокоенное нехваткой казаков на пограничных линиях командование составляет проекты реорганизации сибирского казачества. В 1751 г. генерал-майор Х.Х.Киндерман предложил составить из городовых казаков три полка по тысяче человек в каждом для содержания "зенгорской и китайской границ". В 1764 г. генерал-поручик И.И.Шпрингер полагал необходимым создать казачье войско из пяти полков тысячного состава. Около двух тысяч городовых и крепостных казаков уже служили под его началом. Городовые команды могли, по его подсчетам, дать еще 2395 чел. и этого, полагал генерал, пока довольно. Вакантные места постепенно заполнились бы казачьими детьми по достижении указанного возраста. Однако гражданские власти на перевод на линии всех казаков не соглашались. Губернатор Д.И.Чичерин был убежден, "что в рассуждении обширности Сибирской губернии и разселенных жителей из диких народов по городам без казаков никак обойтиться неможно, как оные употребляются в такие службы, в каковые никакие чины способны быть не могут"[11].

60—70-е гг.XVIII в. стали определенным рубежом в истории сибирского казачества. Во-первых, начинается распад служилой корпорации на собственно казачьи команды и отделившихся от них сибирских дворян и детей боярских. Последние либо зачисляются в "статскую службу" (в Западной Сибири), либо сводятся в отдельные команды (в Восточной Сибири). При этом положение дворян и детей боярских на гражданской службе становится весьма неопределенным. Занимая должности, позволяющие им, в принципе, претендовать на чины XIV—IX классов, они, по верному замечанию М.М.Громыко, оставались "вне четкой сетки «Табели о рангах»"[12], за исключением отдельных удачливых представителей, сумевших закрепиться на классных должностях и получить личное, а иногда и потомственное дворянство.

Во-вторых, в 70-е гг. XVIII в. наступает заключительный этап размежевания городовых и линейных казаков. Прежде откомандированные остаются на линиях навсегда, постепенно утрачивая связь со своими командами, а сенатским указом от 9 июня 1777 г. запрещается посылка на линейную службу городовых казаков. Последнее, впрочем, не касалось кратковременных командировок и таможенной службы.

В-третьих, примерно в это же время происходит более четкое организационное оформление казачьих команд на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири. Сенатскими указами 1747, 1760, 1761 гг. было предписано содержать 255 чел. в Охотске, Анадыре и других крепостях этого региона; такое же количество дворян, детей боярских и казаков по указам 1762 и 1763 гг. определялось для службы на Камчатке. В 1760 г. для "отражения выходящих из китайских владений воров" комплектуется тунгусская пятисотенная команда, а в 1764 г. для усиления охраны китайской границы из селенгинских ясачных родов формируются четыре шестисотенных "братских казачьих полка" общей численностью 2393 чел.

В это же время была предпринята попытка усилить команды сибирских казаков за счет пленных польских конфедератов. В 1770 г. 53 чел. из них были определены на службу в команды Тары и Тюмени, но опыт не удался, и в 1775 г. все они, по их желанию, были зачислены в Бахмутский гусарский полк. На сибирских линиях около 1760 г. была расселена часть донских казаков, башкир и мещеряков, а в 1770 — около полутора сотен запорожцев "из партии Железняка и Жвачки, производивших беспорядки в Польше"[13].

Суммирование прямых и косвенных данных о численности сибирских казаков в третьей четверти XVIII в. дает цифру примерно в 11,5 тыс. чел., без учета выписных казаков, которые в сущности казаками не являлись, а были просто крестьяне, посланные по разнарядке на усиление крепостей. В 1751 г. их насчитывалось в Сибири 7700 чел.[14]

За девять десятилетий (с 1684—85 гг. до середины 1770-х гг.) число служащих казаков возросло с 8166 чел. до 11,5 тыс. чел. — на 29%. Нуждаясь в расширении состава вооруженных сил и одновременно не имея в казне денег на содержание дополнительных подразделений, российский абсолютизм по необходимости должен был отступить от своей программы ликвидации иррегулярных формирований и даже пойти на их расширение, вплоть до создания новых войск. Чрезвычайно важным было не только то, что казаки потребляли меньше казенных средств, но и то, что с их помощью решались вопросы не только военной, но и первоначальной хозяйственной колонизации восточных окраин.

Вместе с тем поддержка правительством казаков носила выборочный характер и находилась в прямой зависимости от военно-политических интересов империи. Поощряя развитие казачьих формирований на южных пограничных линиях Сибири, государство в последней четверти XVIII в. не только потеряло всякий интерес, но и вообще, казалось, забыло о существовании городовых казаков Западной Сибири. Их малочисленные команды (в 1809 г. — 809 чел., в 1820 г. — 969 русских казаков на весь регион)[15]. влачили жалкое существование при канцеляриях, а казаки приходили в состояние "самое близкое к крайности", превращаясь в реликтовую социальную группу.

В начале царствования императора Александра I общая численность казачьих войск империи приближалась к 100 тыс., что составило около 23%

всех вооруженных сил (численность армии вместе с гарнизонными батальонами в 1802 г. — 442 тыс. чел.).

Население Уральского войска в начале XIX в. (с Илецкой и Сакмарской станицами) составило 28459 чел. (в том числе 19533 муж. и 8926 жен. пола). Из них 2496 чел. (или 12,8% всех мужчин) находились на службе. Серьезные изменения произошли в составе войска. В 1799 г. Павел I уравнял в правах с армейскими офицеров Уральского войска. Тем самым перед казачьей старшиной открылась перспектива получения потомственного дворянства, равно как перед рядовыми казаками открывалась перспектива сближения с податными слоями империи. До конца, впрочем, дело не дошло, но социальный водораздел пролег между верхами и низами уральского казачества. Годом раньше это произошло в Донском войске. Можно, следовательно, предположить, что на рубеже XVIII—XIX вв. начался новый, заключительный этап интеграции казачества в социально-политическую систему Российской империи. Внешним его выражением и своего рода символом стало появление в рядах императорской гвардии лейб-казаков, при Павле I — отборной уральской сотни, при Николае I (с 1833 г.) — сибирских казаков. Об этом же свидетельствовало и назначение в 1827 г. наследника престола Августейшим атаманом всех казачьих войск.

Оренбургское войско на рубеже XVIII—XIX вв. насчитывало, по одним данным, 21227 чел. муж. пола, по другим — 22327 чел., из которых на службе находилось 9360 старшин и казаков, или 41,2% общего числа мужчин. Ставропольское калмыцкое войско ежегодно наряжало на службу 800 чел. из 2869 душ муж. пола. Кроме того, на охране линий было задействовано 5519 башкир и мещеряков и 1030 чел. несли службу в двух конных тептярских полках. Всего, следовательно, в Оренбургском казачьем войске находилось на службе 16708 чел.

В составе войска существенных изменений не произошло. Казачья старшина, доминируя в его жизни, долгое время не получала равенства в чинах с армейскими офицерами. Соответственно и разрыв между высшими и низшими слоями не ощущался так болезненно. С ростом казачьего населения по крайней мере у некоторой его части появлялась возможность перехода от военной службы к торгово-ремесленным и промышленным занятиям. Режим, напоминавший военные поселения, постепенно смягчался.

Сибирское линейное казачье войско в начале XIX в. насчитывало 6117 чел., и все они безотлучно находились на службе "доколе в силах". Казачья старшина, конечно, играла в его жизни заметную роль, но нельзя не согласиться с Г.Е.Катанаевым, что казачьи офицеры этого войска были "парвями русского офицерства", несущими службу до глубокой старости, уходящие в отставку без права пенсии, население войска предоставляло "какое-то крепостное военное сословие", а казачьи поселения выглядели, по замечанию И.Завалишина, "немецкой колонией в казачьей форме".

Кроме того, в первой четверти XIX в. в трех губерниях Сибири несли службу 3303 чел. городовых и прочих казаков и 2893 чел. в "братских полках" и тунгусской команде. Общая численность сибирских казаков составила 12213 чел. муж. пола[16].

Общую численность Уральского и Оренбургского войск и казаков Сибири в начале XIX в. можно определить в 31517 чел., что составляло около 1/3 состава всех казачьих войск. Если учесть, что на Яике в конце первой четверти XVIII в. было 3196 действительно служащих казаков, Оренбург-

ское войско еще и не начинало формироваться, а в Сибири штатами 1725 г. определялось 8389 городовых и 779 крепостных казаков (всего, следовательно, 12364 чел.), то рост за три четверти XVIII в. составил 2,5 раза.

В первой половине XIX в. роль и значение казачества восточных регионов страны заметно возрастает в связи с активизацией восточной и среднеазиатской политики России и продвижением русской колонизации в глубь казахских степей. Главной задачей пограничных линий в XVIII в. была охрана порубежных территорий от набегов воинственных кочевников. С этой задачей могли отлично справиться как казаки, так и регулярные войска. Поэтому, например, на сибирских линиях во второй половине XVIII в. казаки выступали как вспомогательные формирования и использовались не только для караулов и разъездов, но и для ремонтно-хозяйственных работ в крепостях. В продвижении в глубь Киргизской степи казаки, с их знанием местных обычаев, с установившимися уже до этого торгово-хозяйственными связями, с глубоким пониманием тактики нерегулярного боя, применяемой степняками, и умением противостоять ей могли сыграть большую роль.

Нельзя не учитывать и то, что Россия, прочно втянутая в европейские дела, не имела физической и финансовой возможности содержать дополнительные воинские контингенты на востоке страны. Наоборот, правительство вынуждено было вывести из Сибири и Оренбуржья значительную часть регулярных войск, а с 1812 г. Сибирское линейное казачье войско остается единственной кавалерией в Западной Сибири и главным орудием "для расширения наших владений в глубь киргиз-кайсакских степей и охраны пограничных линий"[17].

Значительное влияние на движение казачьего населения оказывала внутренняя политика Александра I и Николая I. На это время приходится строительство военных поселений, и, естественно, правительство не должно было обратить внимание на категорию населения, ближе всего подходившую к идеалу воина-земледельца. Деятельность Петра Михайловича Капцевича свидетельствует об этом как нельзя лучше.

В начале XIX в. расширяются пределы Уральского войска с образованием в 1810 г. дополнительно трех поселений по р.Илеку; в 1818 г. штатный состав войска увеличивается с 10 до 12 конных полков пятисотенного состава.

Значительные изменения происходят в Оренбургском войске. В 1804 г. полевые войска, располагавшиеся ранее на линии, передвигаются на западные границы, вместо них формируются 4 поселенных батальона. В 1810 г. для защиты соляных копей и солевозного тракта пограничная линия выдвигается на р.Илек. Для ее охраны сюда начинается переселение казаков из внутренних кантонов. Для расширения состава войска к нему в 1826—1827 гг. приписывается свыше 13 тыс. отставных солдат и членов их семей. В 1832 г. начинаются работы по проведению новой линии от крепости Орской к пос. Березовскому на р.Уе. Возникает "новолинейный район", для заселения которого используют поселенные батальоны и казаков. К моменту принятия положения 1840 г. войско имело 42 тыс. душ казачьего сословия.

В соответствии с положением 1840 г., к Оренбургскому войску причислялись собственно оренбургские казаки, кроме живущих во внутренних кантонах (3,5 и части 4-го). Последним предоставлялась свобода выбора: либо переселиться на войсковые линейные земли, оставаясь в составе войска, либо остаться на прежнем месте и быть исключенными из войсковых списков. Офицеры этих кантонов переселялись в принудительном порядке.

В состав войска вошли и четыре поселенных линейных батальона. В "казачье звание" были также обращены белопахотные солдаты и так называемые "малолетки", проживавшие на войсковых землях; отставные солдаты; казенные солевозы и государственные крестьяне, переселившиеся ко времени издания положения в Илецкий район; крестьяне; отставные чиновники; торговцы и прочие, проживающие на казачьих землях (кроме помещичьих крестьян) по их желанию; татары, башкиры, мещеряки, живущие на линиях по их желанию и с разрешения начальства. К казакам было причислено 25 тыс. крестьян и около 10 тыс. отставных солдат[18].

Значительные изменения происходили в составе и численности сибирского линейного казачьего войска. В 1835 г. на его территории проживало 46175 чел. обоего пола, из них 43541 чел. принадлежали к войсковому сословию, 2630 — к другим сословиям. К 1846 г. ситуация принципиально не изменилась. Общее число жителей возросло до 50357 чел. обоего пола в том числе 47779 казаков и 2578 чел. прочих сословий. В общей сложности казачье население за 11 лет увеличилось на 4238 чел. или на 9,7%. Среднегодовой прирост составил, следовательно, 0,9%. Поскольку принудительного зачисления в войско в это время не производилось, добровольные вступления были скорее исключением, чем правилом, а выход из "казачьего звания" был запрещен до 1869 г., то увеличение населения можно целиком отнести на счет естественного прироста.

В следующее десятилетие ситуация изменилась коренным образом. В 1856 г. на войсковых территориях проживало 86151 чел.обоего пола, в том числе 84208 казаков и 1943 чел. неказачьего населения. Число казаков за десятилетие 1847—1856 гг. возросло почти в 1,8 раза, на 36429 чел.; ежегодный средний прирост составил 7,6%. Дело в том, что в этот период происходят массовые принудительные зачисления в состав войска крестьян для усиления военно-поселенческой казачьей колонизации Киргизской степи. В 1847 г. в состав войска были включены 42 деревни с 14000 душ крестьян обоего пола, расположенные по иртышской и горькой линиям. В 1849—1851 гг. в казачье сословие причислили переселенцев из Саратовской, Оренбургской и Харьковской губерний. Их поселили на территории будущего Кокчетавского уезда (в количестве 7500 душ обоего пола). В 1856 г. казаками стали 500 крестьянских семейств, давших согласие на переселение в Заилийский край. Кроме того, увеличивалось количество желающих "добровольно" записаться в состав войска, поскольку по положению 1846 г. проживающие на линии лица неказачьего состояния должны были либо покинуть эту территорию, либо записаться в казаки. В итоге естественный прирост населения за это десятилетие составил 9582 чел., механический — 26847 душ обоего пола.

Правительство по-прежнему смотрело на казаков как на полезный инструмент колонизации восточных окраин. Поэтому, наряду с принудительным причислением в "казачье звание", имело место и принудительное отчисление из него там, где, с точки зрения властей, в казаках не предвиделось никакой надобности. Вскоре после принятия положения 1846 г. была ликвидирована Кузнецкая линия, и 3030 душ мужского пола обратили в крестьян.

В середине XIX в. предпринимаются попытки укрепления формирований городовых казаков. 21 октября 1849 г. выходит новое положение "О Тобольском пешем казачьем батальоне и тобольском конном полку". В сос-

тав первого зачислялись казаки Тобольского городового полка и Пелымской станицы, служащие оседлые чины 1-го сибирского линейного батальона и инвалидные команды Тобольска, Тюмени, Туринска, бессрочно-отпускные чины и отставные солдаты округов этих городов с их детьми, всего 1707 чел. Служилые татары образовали тобольский конный полк.

4 января 1851 г. аналогичное положение издается для Иркутского и Енисейского казачьих конных полков, в состав которых были включены не только городовые и станичные казаки, но и крестьяне казенных поселений, бессрочно-отпускные чины и т.д. К Иркутскому полку приписывалось 1973 души муж. пола, к Енисейскому — 2105 душ.

Точно так же поступило правительство при формировании Забайкальского казачьего войска в 1851 г. В его состав вошли пограничные казаки Иркутской губернии, от Горбичевского караула до Тункинского отделения, Забайкальский городовой казачий полк, станичные казаки Верхнеудинского округа, крестьяне разных ведомств, проживающие на пограничных линиях, тунгусский казачий полк и дислоцированные на линиях подразделения бурятских казачьих полков. Прочие бурятские подразделения сводились в два особых бурятских полка. В общей сложности, по Положению 1851 г., в составе шести полков шестисотенного состава с включением штата управления войском служащих забайкальских казаков должно было быть 4256 чел.[19] О ситуации в казачьих войсках в середине XIX в. свидетельствует таблица.

Численность казаков Урала и Сибири в середине XIX в.

Войска (на начало 1853 г.)	Положено по штату нижних чинов	Состояло по спискам	Состояло на действительной службе	Население муж.пола (к 1855 г.)
Уральское	10809	11314	4776	33044
Оренбургское	10495	25361	4673	90476
Сибирское линейное	11238	11943	11943	39162
Забайкальское	17514	30859	1463	52000
Итого	50056	79477	22855	214682
Всего в казачьих войсках России	148887	201424	79416	371710

* Составлено по данным: Хорошхин П. Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб. 1881; С.48.

По сравнению с началом XIX в. списочный состав казаков в России к середине XIX в. увеличился в 2 раза (со 100 до 200 тыс.). Восточные регионы, судя по приведенным выше данным, опережали общероссийские показатели. Здесь произошло увеличение в 2,5 раза (с 31517 чел. до 79477 чел.). Вместе с тем, если в начале XIX в. списочный состав и количество служащих на действительной службе совпадали, то в середине этого века количество последних значительно сократилось. Во всех казачьих войсках России в 1853г. несли службу 79416 чел., что составило 8% всех вооруженных сил империи (911000 чел.)[20] против 23% в начале XIX в. В восточных регионах страны численность действительно служащих казаков также сократилась — с 31517 до 22855 чел., или на 27,5%. Это не коснулось Сибирско-

го линейного войска, где списочный состав и число реально служащих совпадали.

Этнический состав казачьего населения в первой половине XIX в. не претерпел существенных изменений. Его ядром и численно преобладающей силой были представители великорусского "племени", но сказалось и влияние местного населения. Нуждаясь в дополнительных казачьих формированиях, правительство создавало их, обращая по необходимости в "казачье звание" целые роды и племена. В составе Оренбургского казачьего войска несли службу ставропольские калмыки, башкиры и мещеряки, два тептяробобыльских полка, Забайкальского (с 1851 г.) — два бурятских полка и (с середины XVIII в.) "тунгусская команда". В Тобольске, по Уставу 1822 г., был сформирован из служилых татар особый полк, который с 1849 г. стал Тобольским конным полком.

В 1849 г. в Киргизскую степь из Харьковской губернии переселилось около 5,5 тыс. украинских крестьян. Вскоре их записали в казаки, но они длительное время сохраняли обычаи и традиции украинцев. Среди сибирских казаков встречались представители казахского народа, потомки калмыков, башкир, мордвы. Этнокультурные контакты зачастую приводили к смешанным бракам, поэтому на сибирских линиях были нередки "уклонения от русского типа к монгольскому". Кроме того, почти все казаки Горькой и Иртышской линий употребляли "в разговоре весьма часто киргизский язык" и переняли от них некоторые обычаи[21].

Таким образом, динамика численности и состава казачьего населения восточных окраин России отражала общую картину их колонизации и находилась в тесной зависимости от правительственной политики. Рассматривая казаков как необходимую силу в достижении военно-политических задач и экономическом освоении новых территорий, государство не только способствовало, но и в значительной мере инициировало развитие казачества. Отсюда его значительный рост на пограничных линиях от Каспийского моря до степей Забайкалья, что, впрочем, не мешало исчезновению его отдельных отрядов, например, городовых казаков Западной Сибири[22].

Этнический состав казачьего населения полностью соответствовал пестроте этнической карты России. Вокруг великорусского ядра вращались представители аборигенного населения, включаясь в состав казачества как отдельными формированиями, так и индивидуально, что способствовало закреплению определенных специфических черт в традициях и обычаях, а подчас и в антропологическом типе казаков восточных окраин России.

2. Первоначальное освоение новых земель вольными казаками и служилыми людьми

История казачества с точки зрения колонизации и экономического обустройства новых земель — это процесс постепенного перехода от преимущественно военного "промысла" и "кочевого" образа жизни к "оседлости" и хозяйственному освоению территории. Выбор того или иного вида деятельности определялся совокупностью природно-климатических, социально-экономических и политических условий. Во всяком случае сложившееся в массовом сознании представление о казаках как почти исключительно воинах-земледельцах

нуждается в серьезных поправках на время, место и обстоятельства их деятельности.

Наиболее усердными землепашцами в XVII в. были сибирские служилые люди. Обосновавшись в Сибири, они довольно быстро обнаружили, что ставка на "государево хлебное жалованье" — дело не вполне надежное из-за его недостаточности и нерегулярного подвоза к местам дислокации гарнизонов. Поэтому наиболее инициативные постарались закрепить за собой сельскохозяйственные угодья и стали пахать пашню. В этом интересы служилого люда и центральной власти совпадали. Последняя уже с конца XVI в. рекомендовала "служилых людей в пашню вваживать, чтоб себе пашню пахала и впредь с Руси хлебных пасов посылать меньше"[23].

Пахотные земли служилых людей чаще всего находились в индивидуальном пользовании, а поскотины и сенокосы — в совместном владении как селений, так и отдельных категорий служилых. На плане г. Тобольска С.У.Ремезова (1701 г.) помечены "покосы конных казаков", "покосы детей боярских". Кроме того, казаки могли владеть покосами и в индивидуальном порядке.

В начальный период освоения — до конца XVII в. — широко практиковалась обработка пашни "наездом". Постепенно росло количество обустроенных заимок. Обычно земельные владения служилых людей состояли из одной "деревни" или "отъезжей пашни", с примыкающими к ней угодьями. Вместе с тем случалось, что участки, принадлежащие одному хозяину, оказывались разбросанными на довольно значительном расстоянии друг от друга. Это объяснялось не только природными условиями и свойствами почвы, но и тем, что через несколько лет после получения первого участка служилый земледелец закреплял за собой присмотренные в другом месте "порожжие" (неосвоенные) земли или приобретал дополнительные угодья путем покупки, аренды и т.д.

Наиболее надежной юридической основой владения землей считались "данные", "отводные памяти" или "подписные челобитные". Иногда один документ выдавался воеводской канцелярией сразу нескольким лицам, но это не означало, что земельный участок отводился в коллективное пользование, хотя, если речь шла о родственниках или лицах, вполне доверяющих друг другу, то они могли вести и коллективное хозяйство.

Документы, однако, требовались в XVII в. далеко не всегда. Служилый мог при очередной переписи земель заявить, что полученные им данные "в пожарное время... згорели" или сослаться на право владения "по старине" (что должны были подтвердить его соседи). Если при этом не возникало поземельных споров, то он продолжал пользоваться землей уже на законном основании. В целом, в течение всего XVII в. больших проблем с землеустройством казаков и стрельцов не возникало. Там, где не отыскивалось "порожжих земель", служилые люди покупали, арендовали угодья у коренных жителей (неприкосновенность земельных владений последних гарантировалась законом) или просто пользовались ими "по уговору" или "по упросу".

Размеры сельскохозяйственных угодий, находившихся в пользовании служилых людей, поддаются учету до конца первой четверти XVII в. с большим трудом. Общая площадь пахотных земель у одного хозяина колебалась в пределах от 0,75 до 121 дес. Соответственно и запашка не имела строго определенных размеров, составляя от 0,25 до 15 дес. в поле в Верхотурском, 2,5-3 дес. — в Тобольском, 2-2,5 дес. — в Тюменском, 1-1,5 дес. —

в Туринском и Тарском уездах. В Восточной Сибири, где служилое земледелие стало распространяться со второй половины XVII в., средние нормы отвода в одном поле были такими: 5 дес. — у пеших, 6-8 дес. — у конных казаков и десятников, 10-20 дес. — у пятидесятников, сотников, атаманов, детей боярских и сибирских дворян.

До конца первой четверти XVII в., несмотря на отдельные попытки правительства заменить оклады земельными дачами, наличие запашки у служилого человека не влияло на величину получаемого им хлебного жалованья. Однако после проведения реформы Ю.Я.Сулешова (1623—1625 гг.) за каждую десятину в поле стали вычитать из оклада определенное количество хлеба: в Тобольске — "по две чети без полутора четверика ржи и по две чети без третника овса"; в Тюмени — "з добрые земли по четыре чети ржи, по две чети без четверика овса"; в Таре — "по три чети с четвериком ржи, по чети без полутора четвериков овса"; в Туринске — "по две чети с осминою без получетверика ржи и четь без полуосмины овса". Наиболее льготной была "енисейская мера", распространявшаяся на всю Восточную Сибирь — 1 дес. за 1 четь ржи.

Часть служилых в результате этой реформы вообще лишились земельных участков, некоторым пришлось платить за "сверхнормативные" десятины, "выдельный хлеб" или "десятый сноп", т.е. отдавать в казну 1/10 часть урожая. Впрочем, администрация не располагала возможностями регулярного перемера земель; к тому же за взятки воеводы и их помощники могли закрыть глаза на новые земельные приобретения стрельцов и казаков. Поэтому бывали случаи, когда служилый человек владел солидным участком, не платя с него выдельного хлеба, и одновременно продолжал получать полный хлебный оклад.

Тем не менее установленный Сулешовым порядок оказал заметное влияние на служилое земледелие. Величина запашки стала колебаться в меньшей степени: от 2,4 до 3,4 дес. в поле на одно хозяйство. Общая площадь пахотных земель служилого двора составляла 24-28 дес. в ведомствах Тары и Тобольска, 14-15 дес. в прочих уездах Западной Сибири. Упорядочивалось положение с сенокосными угодьями: в Тобольском и Тарском уездах накашивалось 200-240 копен на хозяйство, в остальных уездах Тобольского разряда — по 70-133 копны. В Забайкалье эти нормы (в конце XVII в.) были выше: доставалось по 200-400 копен рядовым и по 400-600 копен начальствующему составу.

На общем фоне заметно выделялось землевладение служилой верхушки сибирских дворян и детей боярских. Отдельным ее представителям удавалось сколотить довольно крупные "имения". Так, в 1685г. у енисейского сына боярского Д.И.Галкина было пахотной и непахотной земли 226 дес., сенных покосов 13 дес., скотинного выпуску и что под дворовым и огородным строением 11 дес. Правда, из этого количества засевалась лишь 21 дес.

Земельные участки конных казаков, как правило, уступали "дачам" детей боярских, но в среднем были более крупными, чем у служилых пешей службы. Конечно, имели место и исключения. Например, в хозяйстве тюменского сына боярского И.Пилюгина в 1700 г. имелись 2 лошади, 2 коровы, 10 овец. Сам он получал в год 7 руб., не имея ни хлебного оклада, ни пашен, ни покосов. В то же время жалованье его соседа конного казака А.И.Голышева составляло 8 руб. в год; у него было 3 дес. пашни, 20 дес. перелогу и пустоши, покос на 300 копен, 6 лошадей с жеребятами, 6 коров, 10 овец.

В некоторых хозяйствах служилых использовался труд зависимых и наемных людей. Дозорная книга Томского уезда 1703 г. зарегистрировала, например, пашенную заимку в Сосновском остроге сына боярского Степана Круглика, где жили его дворовые работники "Ларион, женат, у него сын Иван 4-х лет, Микифор 3-х лет, Федор полугоду, Максим да Андрей, женаты ж, Афанасий 50 лет, Егор 25 лет, Григорий 23 лет". Взрослые мужчины пахали "на него, Степана, пашни" всего 21 дес.

На протяжении XVII в. число служилых землевладельцев в Сибири в целом имело тенденцию к росту. В 1630 г. из 1241 служилых Тобольского разряда полностью или частично служили с пашни 374 чел. (30%), в 1650 г. из 2595 чел. — 364 (14%). Некоторое сокращение количества "пашенных" стрельцов и казаков надо связывать с реформой Сулешова. Однако время и хозяйственная конъюнктура брали свое, и в 1699 г. из 3724 чел. (того же разряда) пахали землю 1057 (29%). В Томске в 1638 г. из 798 чел. служили с пашни 156 чел., а в 1699 г. из 918 — 367 чел. (40%).

Обобщенные данные по Западной Сибири за 1702 г. показывают, что из 5508 служилых 1417 имели земельные участки (в том числе 1036 чел. служили за полный оклад и 381 — за часть его). Следовательно, 1/4 часть всех служилых людей занималась хлебопашеством. Удельный вес хлебопашцев среди забайкальских казаков оказался в это время гораздо большим — 49,4%.

Наибольшее количество казаков-земледельцев в начале XVIII в. приходилось на Верхотурско-Тобольский земледельческий район — 1049 чел. (28% от общего числа местных служилых). При этом тобольские казаки утратили лидирующие позиции в служилом земледелии — в 1702 г. из 1897 чел. лишь 201 имел земельные наделы. Более развитым оказалось хлебопашество тюменских (из 845 чел. имели пашню 388) и тарских (из 724 чел. 317 были земледельцами) служилых. Весьма усердными хлебопашцами были казаки Верхотурья, Туринска и Пелыма — из 279 чел. 143 (51,25%) имели пашни.

Особые условия сложились в Томско-Кузнецком земледельческом районе, где сложность военно-политической обстановки сдерживала вовлечение плодородных угодий в хозяйственный оборот. Из 934 томских казаков к 1702 г. земельные участки имели 368 (39,4%). В ведомстве Кузнецка в 1705 г. числилось 294 служилых, 96 из них были земледельцами (33%). Довольно рано появились служилые пашни и на Илиме. В 1709 г. из 127 местных казаков 21 служил с пашни. Наиболее активными земледельцами оказались конные казаки. В 1702 г. в Западной Сибири из 1408 чел. пашни имели 645 (46%), тогда как из 3387 пеших казаков земледельцами были 653 (19%). Сибирские дворяне и дети боярские в целом не очень стремились к переводу их на службу с пашни. Из 611 дворян и детей боярских Западной Сибири в начале XVIII в. владели землями 95 чел. (16%)[24].

В этом есть своя логика. Получая достаточно высокие хлебные оклады и не имея возможности для организации в широких масштабах частно-крепостнического хозяйства, служилая верхушка не торопилась (за исключением отдельных, наиболее предприимчивых ее представителей) поменять хлебный гарантированный паек на земельную пустошь. Пешие казаки не всегда, в силу своей экономической недостаточности, могли обработать пашню. Что касается конных казаков, то сравнительно высокое жалованье давало возможность первичного сельскохозяйственного обзаведения, а не-

регулярная выплата хлебных окладов стимулировала переход на службу с пашни.

В исторической литературе достаточно распространенным является мнение о ведущей роли служилого землевладения в ряде уездов Сибири к началу XVIII в. Обычно при этом в состав служилых землепашцев включаются и казачьи дети, что далеко не очевидно[25]. Процесс консолидации сословий, довольно явственно проявившийся к исходу XVII в., постепенно отдалял последних от служилой среды, что завершилось в конце первой четверти XVIII в. их обращением в государственных крестьян. В отличие от служилых главным источником доходов для казачьих детей были земледелие, торги и промыслы. Они занимали промежуточное положение между служилыми людьми и податным населением.

Что касается собственно служилых людей, то на разных этапах колонизации Сибири их роль была различной. Во многих районах именно они выступали пионерами земледельческого освоения, занимали первоначально ведущие позиции в сельскохозяйственном производстве. Однако с увеличением крестьянского населения служилые земледельцы постепенно отходят на второй план. На рубеже XVII—XVIII вв. в Западной Сибири, например, им принадлежало лишь 14% пашни. Хотя в ряде уездов и в начале XVIII в. сохранялось преобладание служилых хлебопашцев[26].

Развитию служилого земледелия мешала и относительная неразвитость сибирского рынка, и загруженность казаков служебными обязанностями, и, наконец, сдерживающие усилия администрации.

Яицкие казаки в рассматриваемое время вообще не занимались земледелием. Специфическим видом промысла для них долгое время оставались походы "за зипунами". Казаки попросту не смогли бы выжить без доходов от продажи караванов, отгона лошадей у соседей-кочевников. В какой-то степени этот вид "промысла" имел вынужденный характер и применялся в качестве ответной меры на торговую блокаду Москвы.

В первой половине XVII в. походы яицких казаков (часто совместно с донцами) не только создавали помехи в дипломатических отношениях России с Персией, но иногда почти полностью прерывали торговые связи на Каспии. В 1639 г. астраханский воевода Ю.А.Сицкий доносил в Москву: "Наперед-де, государь, сего езживали из Кизилбашские земли в твою государеву отчину в Астрахань Шаховы области тезики, кизылбашцы и гилянцы и индейцы, многие торговые люди на своих бусах з большими товарами. А ныне-де... ездити перестали, потому что их по многие годы на море громят воровские казаки"[27].

Казачье хозяйство Яика имело ярко выраженный промысловый характер, причем ведущую роль играло рыболовство. По преданию, зафиксированному в первой половине XIX в., рыбы в Яике было так много, что от ее напора ломался учуг (перегородка из толстых бревен, преграждающая ход рыбы вверх по течению).

Удачная рыбная ловля с помощью неводов, тем более езов, заезок, учугов могла быть лишь результатом коллективных действий, объединенных волей выбранного на этот случай специального атамана. Различали до семи разновидностей рыбной ловли в зависимости от времени года или от ее характера (багренье, весенняя плавня или севрюжное рыболовство, осенняя плавня, ловля неводами, аханами (сеть особого рода), курхайский лов на

взморье, лов крючками и пр.). Наибольший доход приносили весенняя и осенняя плавни.

Известно, что в начале 80-х гг. XVII вв. яицким казакам было разрешено из своего улова в течение года реализовать на рынке в Самаре 4860 белуг, 40299 осетров, 60000 стерлядей, около 5670 пуд. паюсной и зернистой икры, 20000 пучков вязиги, по 30 пуд. клею. Кроме того, большие партии товара закупались приезжими непосредственно на Яике. Звенигородский Саввы-Сторожевский монастырь вывозил в это время в год по 500 белуг, 1000 осетров, 300 пуд. икры. Вскоре монастырю дополнительно было разрешено вывозить яицкой покупки по 100 осетров, 1500 стерлядей, 2000 пуд. вязиги. Известно также, что в Самаре ежегодно сбывалось по 500-600 возов рыбы в обход сборщиков пошлин. Трижды в год уходили в Самару, Сызрань и Алексеевское казачьи станицы с рыбой, а некоторые зажиточные казаки добирались до Саранска и Москвы[28].

Ловлей рыбы активно занималось в XVII в. и сибирское служилое население. Добыча ее проводилась также разнообразными способами (удами, неводами, езами), как правило, казачьими артелями. Со своей добычи рыболовы платили оброк в казну.

Широкое распространение в Сибири, особенно к концу XVII в., получило закрепление рыбных ловель как за отдельными жителями, так и за целыми коллективами. В Верхотурском уезде в 1680 г. рыбные ловли имели 13 из 52 стрельцов "окологородних деревень"; в Туринском уезде в 1700 г. рыболовные угодья были у 8 стрельцов. Подчас езы и озера находились в совместном держании казаков с крестьянами, посадскими и пр.[29]

Однако в хозяйстве сибирских казаков рыболовство никогда не приобретало такого значения, как на Яике. Яицкое войско стремилось закрепить свое монопольное право на рыбопромысловые угодья. На этой почве в конце 80-х гг. XVII в. обострились отношения казаков с калмыцким тайшей Аюкой. Заручившись поддержкой Дона, казаки вытеснили калмыков-рыболовов в низовья Яика. В 1689 г. произошло кровавое столкновение казаков с жителями Самары, которые с разрешения воеводы Полуэктова отправились на лов рыбы выше Яицкого городка. Войсковой атаман Данила Донсков поднял в городке панику, уверив, что самарцы "таскают" рыбу их учуга. Многие казаки в этот день были нетрезвы, так что уговаривать их напасть на ловцов долго не пришлось. Все попытки самарцев объяснить ситуацию ни к чему не привели, из 49 чел. 16 было убито, 9 ранено, остальные тяжело избиты пищалями[30].

В 1696 г. правительство, нуждаясь в яицких казаках, пошло на значительные уступки им в пользовании рыбопромысловыми удьями. Находившиеся возле Гурьева учужные перегородки, не пропускавшие осетровых в верховья Яика, было решено убрать на расстояние по 12 сажен от каждого берега. Это дало возможность казакам построить два дополнительных учуга в районе Яицкого городка и один временный для весенней, летней и осенней путин.

Казаки, однако, продолжали добиваться от правительства юридического признания их права на монопольное владение яицкими угодьями, ссылаясь на то, что р.Яик была пожалована казакам Михаилом Федоровичем еще в 1613 г.; только в 1732 г. Сенат удовлетворил эти притязания[31].

Поскольку так называемые "житейские" обладали большим количеством речных лодок, морских стругов и бус, они имели возможность в известных

пределах влиять на ход сезонных ловель; освобождались они и от сооружения учугов.

Возведение подводной части учугов обыкновенно поручалось неимущим. Казаки, не имевшие собственного хозяйства, выполняли также основные работы по обслуживанию учугов. Правда, к концу XVII в. для этих целей стал шире применяться труд наемных работников, батраков и пленных.

Непосредственно с рыболовством была связана добыча соли, получившая к концу периода значительное развитие. За солью к степным озерам (Грязному и Индерскому) отправлялись караваны в десятки подвод под прикрытием вооруженного отряда (ертаула). Заходя в воду, ломали соль пешнями, а отломленные глыбы выносили на берег, складывали в кучи и, после того, как с них стекала вода, грузили на подводы. Одна поездка занимала обычно больше месяца. В начале XVIII в., по отдельным сведениям, казаки добывали в год около 2000 пуд. соли на продажу и столько же для собственного потребления. Есть основание считать, что на деле добыча оказывалась большей в 2-3 раза, поскольку значительная доля ее утаивалась от властей.

Добычей соли занимались и сибирские служилые люди. Хотя поездки за солью к "Ямыш-озеру" входили в число их служебных обязанностей, нередко они прихватывали некоторое ее количество лично для себя[32].

Начальный этап колонизации Сибири сопровождался своего рода "пушной лихорадкой", и служилые, конечно, не упускали возможности разжиться "мягкой рухлядью" во время ясачного сбора или другими путями. Однако, по мнению П.Н.Павлова, специально изучавшего этот вопрос, в XVII в. даже в восточных уездах большинство служилых не участвовало в промысле и перекупке пушнины[33].

Определенное значение для развития хозяйства имело скотоводство. Рост казачьего населения Яика к концу XVII в., расширение мобилизаций на государеву службу, когда каждый казак должен был снаряжаться "о двуконь", требовали постоянного увеличения конского поголовья. Документы 20-х гг. XVIII в. свидетельствуют о наличии на Яике не только больших табунов лошадей, но и стад крупного рогатого скота. Зажиточные казаки держали лошадей и для себя, и для продажи своим однообщественникам, пользуясь конъюнктурой и поднимая цены при первой возможности. В 1722 г., например, после большого пожара и крупного набега казахов, отогнавших почти все казачьи табуны, Иван Щелкин, Илья Мартынов, Иван Турыборин продавали лошадей по 10 руб. за голову при обычной цене 3-4 руб.[34]

В хозяйствах служилых людей Сибири XVII в. также имелся скот, правда, главным образом "про свой домовой обиход". В 1701 г. тарским казакам принадлежало 1404 лошади, 1461 корова, 932 овцы. На одно хозяйство в среднем приходилось у старшин по 4,5 лошади, 4 коровы, 1,7 овцы; у конных казаков, соответственно, по 2,7, 2,8 и 1,8; у пеших казаков по 1,7, 1,8 и 1,3. Данные по Тюмени и Туринску примерно такие же[35].

В ранних казачьих общинах уже были свои ремесленники, которые обшивали казаков, "стругали" ножны для сабель и т.д. Документы конца XVII в. упоминают на Яике мясников, винников, чеботарей, шапошников. Правда, сами яицкие казаки отдавали предпочтение, кроме рыбной ловли, охоте, бортничеству и пасечному пчеловодству, совершенно не тяготея к ремеслам[36].

В Сибири положение было иным. На ранних этапах служилые люди обращались к ремеслу отчасти и вынужденно, просто потому, что не было в привозе необходимых предметов; в дальнейшем же ремесло стало существенным подспорьем к государеву жалованью. В течение XVII—начала XVIII вв. казаки и стрельцы занимали довольно сильные позиции среди ремесленников сибирских городов. В Тобольске в 1655 г. служилые составляли 55% всех ремесленников города (46 чел. из 83). В Тюмени в середине XVII в. служилые выдавали до 2/3 продукции кожевенного производства. В 1700 г. местным стрельцам, казакам и их родственникам принадлежало 21 кузница из 31; мыловарение на 3/5, котельное дело полностью находилось в руках служилых людей. Из 45 ремесленных специальностей в Тюмени служилые люди были знакомы с 41. В 60—70-х гг. XVII в. именно они строили в Верхотурье наиболее крупные суда[37].

В первой четверти XVIII в. служилые люди Западной Сибири были заняты 46 видами ремесла. Наиболее распространенными оказывались шитье обуви (69 чел.), кожевенный промысел (62 чел.), серебряное и кузнечное дело (по 39 чел.), плотничное (35 чел.) и портняжное (34 чел.) ремесло.

При всем том большинство служилых сибирских городов оставалось в стороне от ремесленной деятельности. В первой четверти XVIII в. в городах Западной Сибири, например, из 3245 чел., состоящих на службе, ремеслом занимались 500 чел. (15,4%)[38].

Промысловый характер хозяйства казаков способствовал широкому вовлечению их в торговлю, особенно с 80-х гг. XVII в., когда российский рынок стал для них более доступен. В первую очередь казаки сбывали продукты своих промыслов: рыбу, балыки, икру, вязигу, бобров, пушнину, кожи, рога, птичий пух, перо, соль. Товары находили сбыт в основном в Астрахани, Самаре, Сызрани. Значительная торговля велась с калмыками, а отдельные виды товаров направлялись (с конца XVII в.) в Хиву и Бухару. У калмыков закупались большие партии лошадей для перегона на Дон. В 1630 г., например, был только за один раз куплен табун в 3000 голов.

В обмен на свои товары казаки закупали в поволжских городах хлеб, свинец, порох, оружие, предметы ремесленного производства, одежду, отдельные виды продовольствия, вино. Длительное время казачья торговля рассматривалась правительством как незаконная, а торговая блокада Яика была одним из методов подчинения Москве. Однако российские торговцы, с одной стороны, умели обходить многочисленные заставы, выправляя проезжие грамоты до Самары, а оттуда тайком пробираясь на Яик; с другой стороны, "житейские" казаки, располагая судами, лошадьми и хорошим оружием, отправлялись в города и села Поволжья, где у них имелась разветвленная сеть знакомых скупщиков, а подчас и родственников, охотно вступавших в долю.

Определенное место в жизни казаков занимала посредническая торговля. Постоянно ездили к калмыкам с российскими товарами казаки Герасим Погадаев, Иван Мордвинцев, Иван Лобиков. Отправлялись также казаки в калмыцкие улусы для меновой торговли лошадьми, оставаясь там по месяцу и больше. Небольшие партии товаров отправлялись в Хиву и Бухару.

Торговля велась и непосредственно на Яике. Зажиточные казаки продавали муку, сено, солому, сечку, железо и железные изделия. Атаман Г.Меркульев постоянно приторговывал вином. Большим спросом пользовались рыболовные снасти и принадлежности. Значительная часть товаров прода-

валась войсковой казне для общевойсковых нужд. Торговали на Яике и представители неказачьего сословия. Из российских городов ежегодно приезжало по нескольку десятков купцов. Постоянно проживали в Яицком городке купцы из астраханских татар, где для них в 1717 г. была даже построена мечеть. Именно с их помощью казаки отправляли товары в Хиву.

Развитие торговли приводило к концентрации богатств в руках сравнительно небольшой группы казаков. В начале XVIII в. в нее входили Г.Меркульев, Г.Погадаев, И.Мордвинкин, И.Лобиков, С.Чернов, И.Карпов, Н.Зевакин, Д.Витошнов и др.[39]

Заметную роль играла торговля и в жизни сибирского служилого люда. По сравнению с неслужилым населением они находились здесь даже в более выгодном положении, поскольку пользовались определенными льготами при уплате пошлин. Совершая служебные поездки, они располагали возможностями для покупки товаров с последующей перепродажей по возвращении. Особенно доходными были столичные командировки, по окончании которых служилые часто не торопились возвращаться "с Руси", "корыстуясь торгами". Иногда они привозили с собой довольно крупные партии товаров. В 1701 г., например, около Енисейска был обыскан обоз из пяти подвод нерчинского сына боярского В.Казанова, в котором обнаружилось только утаенных от таможенного досмотра товаров и денег на сумму 700 руб. Но чаще всего это были, конечно, мелкие партии.

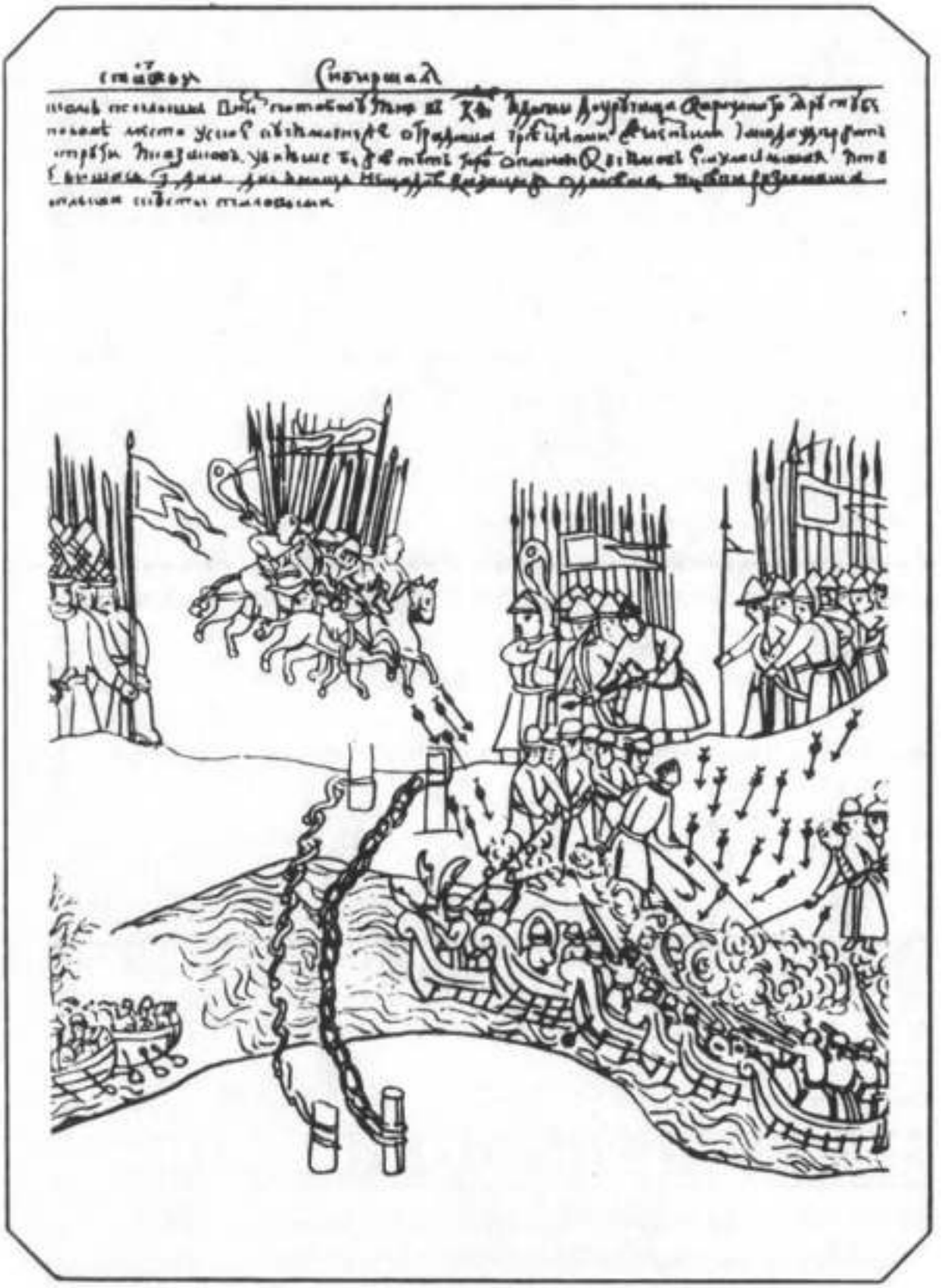
По возможности казаки включались в пограничную торговлю. Они вели меновой торг с калмыками во время поездок за солью к Ямышевскому озеру. Нерчинские служилые люди на рубеже XVII—XVIII вв. были активными участниками русско-китайского торга. Наиболее крупные партии товаров принадлежали служилой верхушке: Ивану Бейтону, нерчинскому сыну боярскому Н.Варламову и томскому сыну боярскому Б.Серединину. Приказчик Варламова вывез из Китая для своего хозяина в 1699—1700 гг. товаров на сумму 2464 руб.

Сильные позиции у служилых людей были в городской торговле. В 1655 г. они составили около 70% всех торговцев в Тобольске (78 из 114 чел.). В Верхотурье в 1701 г. 16 торговцев из 26 были служилыми. Тюменские служилые люди привезли в свой город в 1648—1649 гг. "русских товаров" в 3 раза больше, чем купцы Европейской России и в 10 раз больше тюменских посадских.

Служилые люди были относительно крупными поставщиками хлеба на тобольский рынок. По данным О.Н.Вилкова, их доля во ввозе хлеба росла до конца 60-х гг. XVII в., затем начала падать и вновь возросла в начале XVIII в. К этому времени в их привозе стал преобладать покупной хлеб. В 1703 г. он составил 93,6% (7351 четв.) от всего количества. В других городах положение могло быть иным. В Верхотурье, например, служилые к концу 80-х гг. XVII в. вообще исчезли из числа хлеботорговцев.

Отдельные представители служилого населения сколачивали на торговле значительные капиталы за счет разницы в ценах. В октябре 1701 г. томский сын боярский С.Цыцурин привез из Тобольска 195 четвертей ржи, 765 пудов муки ржаной по тобольской оценке на 102,6 руб., по томской — на 185,85 руб.

Значительной была торговая деятельность тюменского конного казака В.Беднягина, который в 1703 г. привез (вместе с компаньоном) в Тобольск

Казаки Ермака прорываются через засаду Кучума на реке Тобол.— «История Сибирская» Семена Ульяновича Ремезова

Неизвестный художник. Ермак.— Конец XVIII — начало XIX в.

В. И. Семенов. Казак яицкий.
1774 г.— 1985 г.

Фр. Фогель. Уральские казаки, проходившие в августе 1799 года через Аугсбург.— Раскрашенная гравюра начала XIX века по рисунку 1799 года с натуры Т. Вебера

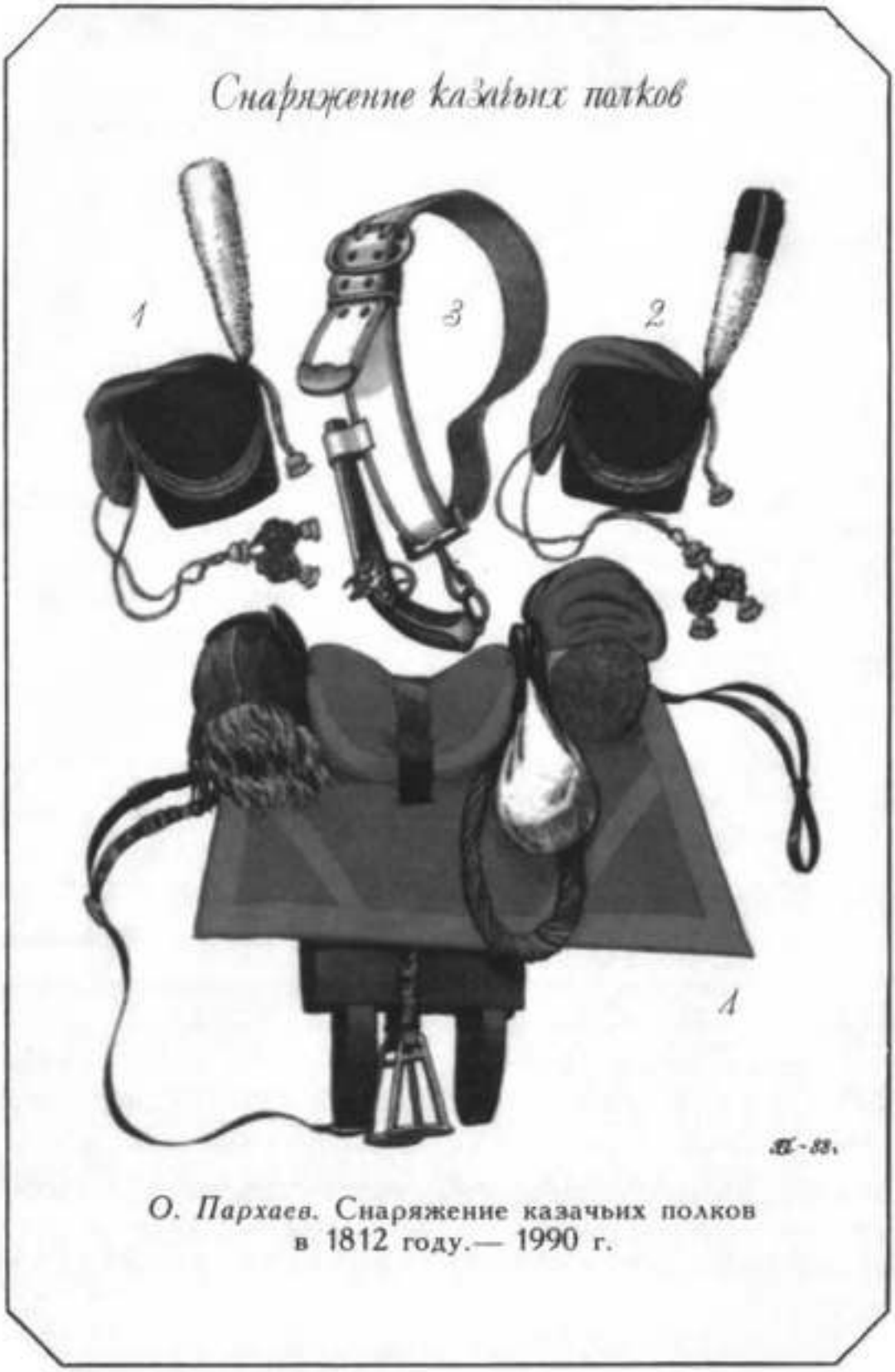
О. Пархаев. Урядник Уральского казачьего войска. 1812 г.— 1989 г.

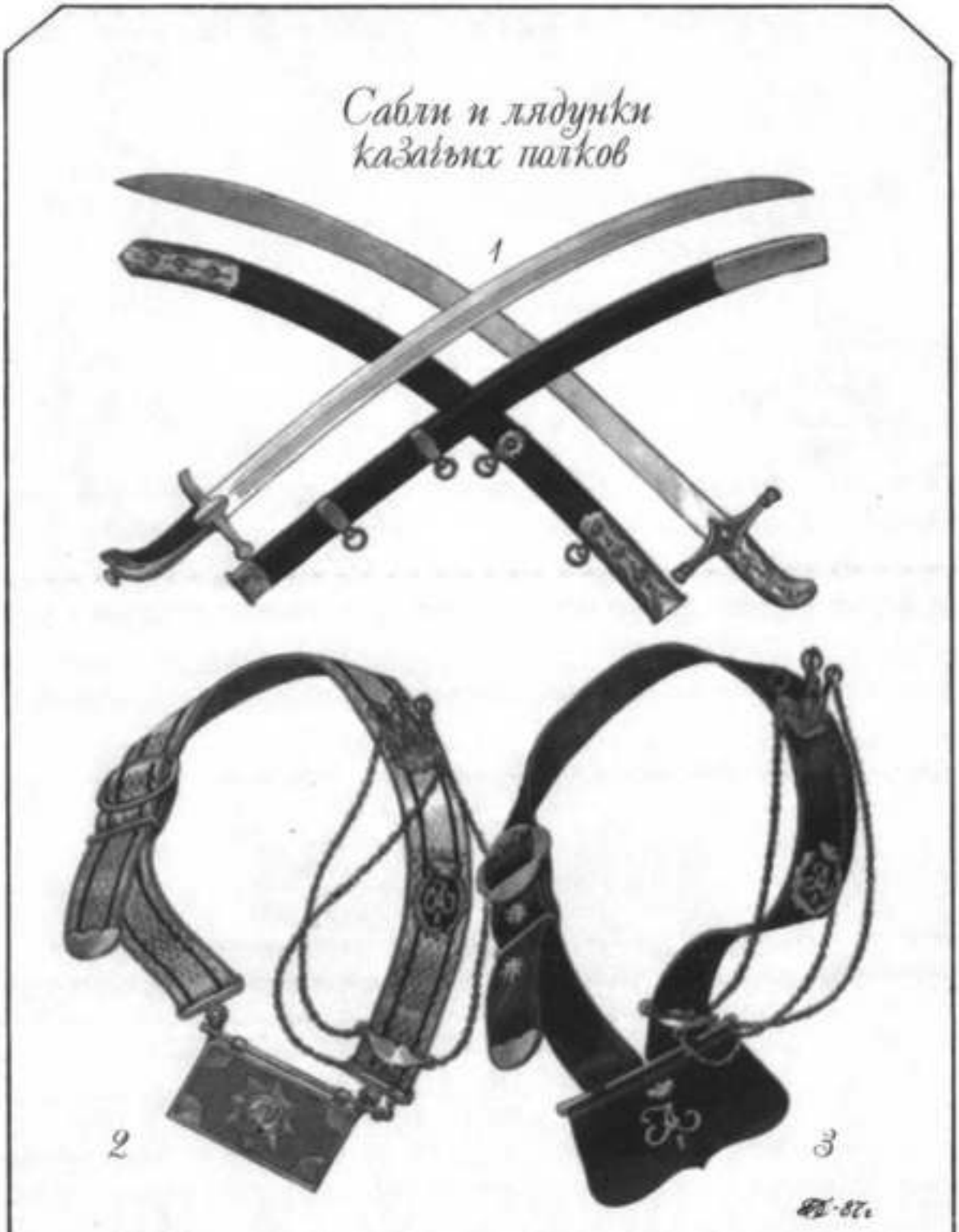
Офицер и казак Уральского казачьего войска. 1801—1806 гг.— Висковатов А. Историческое описание одежды и вооружения российских войск.

Офицер и казак Уральского казачьего войска. 1806—1812 гг.— Висковатов А. Историческое описание одежды и вооружения российских войск

О. Пархаев. Снаряжение казачьих полков в 1812 году.— 1990 г.

О. Пархаев. Сабли и лядунки казачьих полков в 1812 году.— 1990 г.

В. В. Мазуровский. Схватка казаков Платова с французской кавалерией под Миром 9 июля 1812 года.— 1912 г.

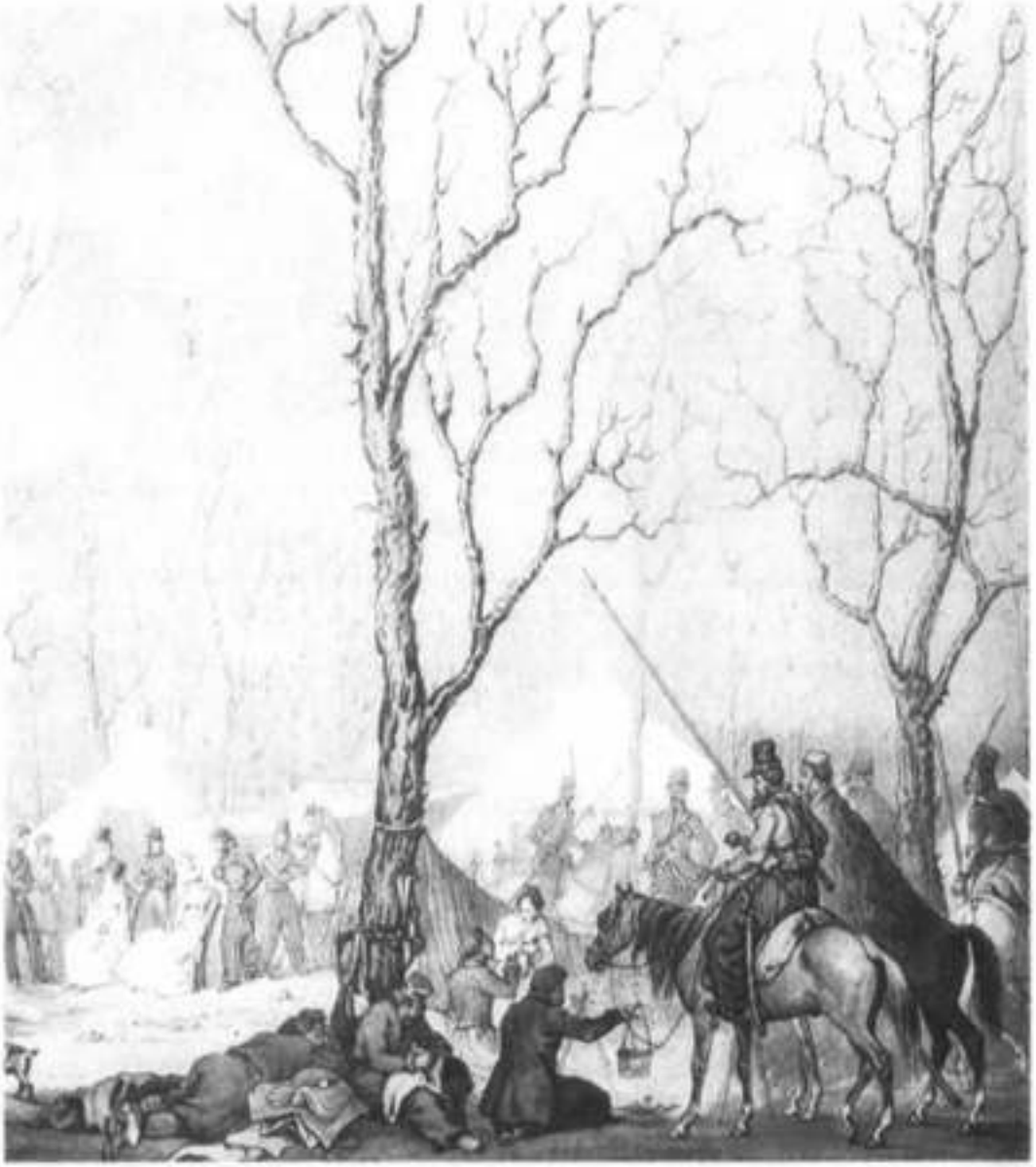
Дж. Булл. Казаки, преследующие Наполеона.— Англ. карикатура. 1813 г.

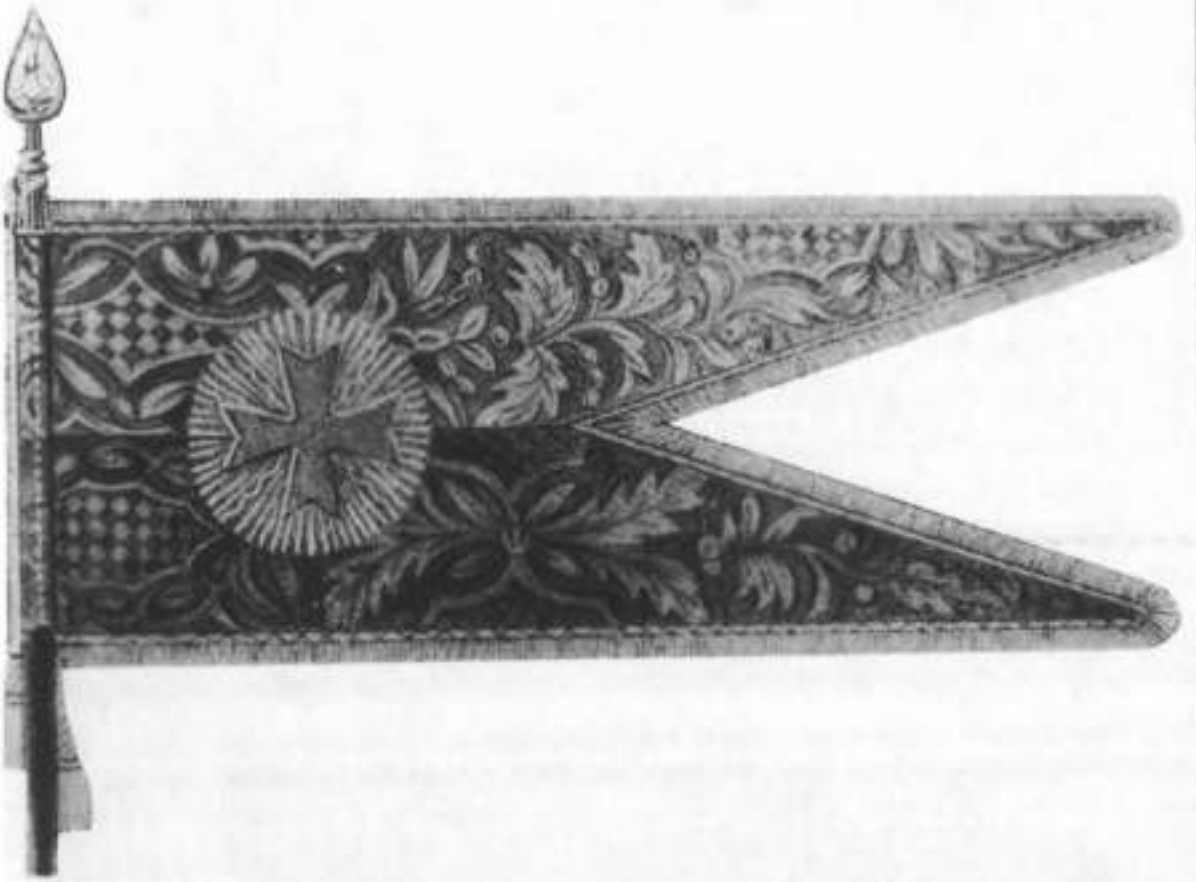
А. О. Орловский. Казак.— 1821 г.

К. Вагнер. Пикет уральских казаков.— Раскрашенная гравюра по рисунку 1812 года. Е. Карнеева

И. П. Жозе. Бивуак казаков на Елисейских полях в Париже 31 марта 1814 года.— Раскрашенная гравюра по оригиналу А. И. Зауервейда. 1810-е гг.

Знамя Сибирского линейного казачьего войска,
пожалованное в 1809 г.

В. Сэй. Атаман М. И. Платов.— Раскрашенная гравюра по оригиналу Т. Филипса. 1814 г.

К. П. Брюллов (?). Портрет генерала Оренбургского казачьего войска В. А. Перовского.— 1830-е гг.

Казак Сибирского линейного казачьего войска. 1808—1812 гг.— Висковатов А. Историческое описание одежды и вооружения российских войск

Обер-офицер Уральского казачьего войска. 1817—1825 гг.— Висковатов А. Историческое описание одежды и вооружения российских войск

Казак и обер-офицер Сибирской линейной казачьей артиллерии. 1816—1825 гг.— Висковатов А. Историческое описание одежды и вооружения российских войск

Казааки Иркутского казачьего полка. 1813—1825 гг.— Висковатовв А. Историческое описание одежды и вооружения российских войск

Казак 1-го Оренбургского казачьего полка. 1835—1838 гг.— Висковатов А. Историческое описание одежды и вооруженія российских войск

Казак и урядник Сибирского линейного казачьего войска. 1829—1838 гг.— Висковатов А. Историческое описание одежды и вооружения российских войск

В. Элма. Казак — истребитель французов.
— Англ. карикатура. 1813 г.

1390 пуд. муки ржаной, 85 пуд. пшеничной, 400 пуд. ржаного солоду, 40 полтей соленого мяса, 15 туш соленой говядины, 28 соленых гусей.

Таможенная книга г. Тары 1702 г. (август-декабрь) зарегистрировала 266 торговцев, из них 118 — служилых. Больше половины последних были связаны с иногородней торговлей.

Весьма представительной была география торговых поездок томских казаков: от Ирбита и Верхотурья, через Тобольск, Енисейск до Иркутска, Якутска и Китая. Активно участвовали в местной и междугородней торговле казаки северо-запада Сибири, ввиду отсутствия там купечества[40].

Следует учитывать, что сильные позиции служилого населения в торгово-промышленных сферах деятельности в значительной мере объяснялись слабостью и малочисленностью посада сибирских городов.

В целом казачество, служилые люди сыграли выдающуюся роль в первоначальном освоении восточных окраин Российского государства. Яицкие казаки занимались обустройством своей территории, практически целиком полагаясь на свои силы; сельскохозяйственная, торгово-ремесленная и промысловая деятельность сибирских служилых людей явилась составной частью колонизации огромной окраины Московского царства. Освоение Сибири стало результатом сложного взаимодействия вольнонародного и правительственного подходов, в котором служилая колонизация выступала как бы олицетворением единства противоположностей. Исполняя распоряжения центральной власти и местной администрации, казаки оказывались проводниками государственной политики, распахивая земли, заводя "торги и промыслы", действовали в едином русле народной колонизации, сохраняя, впрочем, свою специфичность и известную обособленность. Хозяйственно-экономическая деятельность вольных казаков и служилых людей вела к превращению восточных окраин в неотъемлемую часть России.

3. Роль казачества в хозяйственном освоении востока России (XVIII — первая половина XIX в.)

Осложнившиеся служебные обязанности казаков, в особенности долговременные командировки, пограничные наряды, участие в войнах, безусловно, снижали их хозяйственную активность. В лучшем положении оказались уральцы, успешно отстаивавшие принцип "наемки" на службу. Здесь служить шли казаки-добровольцы, как правило, неимущие, разорившиеся; остальные отделывались выплатой наемщикам подможных денег. "Если бы каждый домовитый хозяин, у которого есть богатые стада и иное хозяйство был бы принужден идти служить, — писал В.И.Даль, имевший возможность хорошо изучить порядки в Уральском войске, — то хозяйство его бы расстроилось во время отсутствия его; то же самое, вероятно, случилось бы с именитым купцом и со всяким промышленником..."[41].

Основу хозяйства уральских казаков и в XVIII—первой половине XIX вв. продолжало составлять рыболовство. Заповедная река Урал и к середине XIX в. еще обиловала осетрами, белугой, севрюгой, шипами (из породы осетровых) и прочей рыбой. В начале 1820-х гг., по утверждению очевидцев, нередко попадались осетры в 7, 8 и даже 9 пудов, белуги — в 20, 30, а то и в 40 пудов. Правда, старики жаловались на уменьшение запасов. Занимались промыслом лишь в известные периоды в году; строжайше соб-

людались выработанные "с исстари" правила и приемы рыболовства. Ни один казак не осмеливался в неурочное время спустить в воду невод или крючковую сеть; разрешалось лишь забросить удочку на мелкую рыбу. Когда осетры и белуга укладывались на отдых в ятовях — глубоких речных ямах, называемых в других местах России омутами, запрещалось ее тревожить (переплавляться вплавь через реку на коне, стрелять на берегу из ружья, поить в реке лошадей и пр.). Хрящевая красная рыба ложилась в ямах ярусами, так что, как сообщал П.И.Рычков, "от самого дна до поверхности льда одна на другой стоит". Старики ползали на животах по льду-яснецу, высматривая где и сколько лежит рыбы. Сведения передавались в войсковую канцелярию. Вся эта рыба считалась коллективной собственностью войска.

Главная добыча носила название "плавни". Весенняя плавня (или "севрюжь" — так называли потому, что в это время в основном ловилась севрюга) проводилась после вскрытия Урала, как только рыба заходила с моря в реку. Плавней лов именовался в соответствии с видом используемых сетей — промысел велся плавными сетями. Эти сети на конце, который заметывался с лодки у берега, имели большой поплавок, поддерживающий верхний край сети; кроме того, на сети были и мелкие поплавки. Другой конец сети привязывали к лодке. Растянув сеть поперек реки, весельщик старался грести с таким расчетом, чтобы успеть за сетью, плывущей по течению, и держать ее поперек реки. Идущая против течения рыба попадалась в сеть. Перед началом плавни участники лова собирались к месту, откуда было решено начать лов. Они выстраивались в назначенный день со своими лодками вдоль берега. Выбранный на время плавни атаман подавал сигнал ("удар") — производил пушечный выстрел. Все моментально спускали лодки на воду, заметывали сети.

Осенняя плавня производилась с последних чисел сентября до первых чисел ноября, когда река начинала замерзать. При этом использовались особые мешкообразные сети — "ярыги". Осенью рыба не шла против течения, а залегала в ятовях, и ярыгой ее было вылавливать удобнее. Казаки, собравшиеся на ловлю, по сигналу рыболовного атамана спускали на воду лодки. Возглавляя армаду лодок, атаман вел ее к ятови. На некотором расстоянии от нее он останавливал свое рыболовное войско, отплывал сам в сторону и подавал новый сигнал выстрелом из ружья, после которого все бросались взапуски, чтобы быстрее добраться до ятови и успеть вычерпать как можно больше рыбы до подхода остальных. Как только первая яма опустошалась, атаман вел рыболовов к следующей, где все повторялось. Когда весь участок, отведенный для промысла, был пройден, атаман пушечным выстрелом оповещал о прекращении лова. После этого сутки отдыхали, чтобы затем перейти на новый участок (таких рыболовных участков бывало более 10). С.В.Максимов, который участвовал в одной такой плавне, вспоминал, что к рыбакам "из любопытства" присоединился наказной атаман. В первый день, по завершении лова, к нему явилась депутация из пяти стариков — принести "в презент" крупного живого осетра. Когда атаман принял подарок, один из стариков быстро и умело вскрыл рыбу, вынул икру ("рассыпчатую, как круто сваренная гречневая каша"), которую посолил, перемешал деревянной ложной в деревянной чашке и поднес атаману. По старинному казачьему обычаю, атаман принял стакан водки, поздравил войско с началом лова, пожелал казакам удачи и закусил икрой. "Откуда ни

взялся и кусок пшеничного хлеба на заедку, — пишет Максимов. — На привет атамана старики-депутаты глубоко поклонились в пояс, а вышедшее из будар на песчаный берег войско, у которого все время ушки были на макушке, грохнули «ура», в благодарность за добрые пожелания". Досталось свежей икры и самому Максимову, которому после этого расхотелось даже называть "икрой" продукт, продававшийся "под этим почтенным именем" в Петербурге "у Елисеева и Смурова".

Зимняя ловля — "багренье" — обычно проводилась где-то между 10 декабря и 6 января, когда лед на Урале становился крепким. Заблаговременно получали "печатки" (документ, разрешающий участвовать в багренье), налаживали возки (легкие сани), готовили орудия лова. Основным орудием был багор, состоящий из багровища, деревянной части, сделанной из багорника — тонкой, длинной и гибкой жерди — и железного крюка. Различались багры: "яровой" — с багровищем до 10 м длины, которым ловили рыбу под крутыми берегами; "полуяровой" — с более коротким багровищем; "водышек" — им ловили рыбу под корягами; "подбагренник" — небольшой багор, с помощью которого помогали подтаскивать уже пойманную другим багром рыбину; "абрашка", или "ручник" — небольшой багор на деревянной ручке; "темляк" — багор на бечеве. Обязательно брали с собой также пешню, состоящую из длинного и острого лезвия и короткой деревянной рукоятки ("паховища"), и чекушку — деревянную колотушку в виде булавы для глушения рыбы ударом по голове.

На багренье выезжали все взрослые казаки. Это был не только вид рыболовства, но и торжество, казачий праздник. На наблюдателей большое впечатление производили "баграчеи" (ловцы) в разнообразных костюмах, строгий порядок до начала ловли: казаки выстраивались стройными рядами в ожидании сигнального выстрела из пушки на обоих берегах реки. Звучал сигнал, и баграчеи, опережая один другого, бросались к ближайшей ятови. Над ятовью поднимался лес багровищ, находившихся в непрестанном движении, и через несколько минут на льду уже хватали судорожно ртами воздух осетры, белуги и шипы. "На небольшом пространстве рубежа вся река покрыта толпами казаков: тут кишит кучами тысяч семь и больше, даже десять тысяч народу, — передавал свои впечатления П.И.Небольсин. — Лед гнется под этою массою; в иных местах подламывается, а иных просто грузнет так, что баграчеи работают, стоя на четверть в воде. Иногда около казака товарищи до такой степени искрошат лед пешнями, что ловец, поместившись на небольшой льдине, еле-еле на ней держится, почти со всех сторон окруженный пространною полыньей... случается, что его и совсем свернет со льдины в реку, но казак не теряет присутствия духа..."

В первый день, по обычаю, разбагривали лучшую ятовь недалеко от Уральска. Улов отправлялся "в презент" царю. Обозы, груженные красной рыбой и икрой, тянулись с сторону Петербурга. На следующий день ловили рыбу в новой ятови, повторив по сигналу "бросок" на лед. Так продолжалось в течение пяти дней, после чего заканчивалось, так называемое, малое багренье. Следовал 10-дневный перерыв, во время которого отдыхали, занимались продажей икры и рыбы наехавшим торговцам. Во время большого багренья, длившегося 8-10 дней (в XVIII в., по утверждению П.И.Рычкова, багренье могло растягиваться на целый месяц), шла основная заготовка рыбы. Один рыбак мог выловить до 50 и более осетров; случалось зацепить багром матерую белугу. Чтобы вытащить ее на лед, приходилось обращаться

за помощью к товарищам. При разделке белуг в желудке иногда обнаруживали камень величиной с куриное яйцо; "сказывают, — замечал Рычков, — якобы он весьма способен женам при рождении детей".

Багрили рыбу вниз от Уральска верст на 200; далее не продолжали, поскольку в тех местах производилась осенняя ловля.

Зимой, в сроки, установленные войсковой канцелярией, разрешалось также промышлять неводами, но уже не коллективно, а поодиночке, кто где желает. Невод пропускался подо льдом на шесте. Около середины декабря в море можно было ловить рыбу аханами — особого рода сетями. Каждому казаку отводилось недалеко от Гурьева равное пространство, рассчитанное на определенное число аханов. Ахан прикреплялся подо льдом к морскому дну кольями. Рыба запутывалась в сеть, и промышленник вытаскивал ахан через прорубь за веревку, забирал добычу. Схожим был морской курхайский лов, который до 1846 г. вели только весной, а затем и осенью. Курхайские сети отличались от аханов меньшими размерами. Их также укрепляли в перпендикулярном к поверхности положении, привязывая на концах и в середине к трем шестам, вбитым в морское дно. Морской промысел требовал особого искусства и удали, сноровки, приобретаемой с детских лет. Говорили, что "в аханщики идут о двух головах"; как правило, морским рыболовством занимались лишь гурьевские казаки. Аханы и курхаи появились в войске с 1816 г., и все последующее время жители верхних станиц добивались их запрета. Утверждали, что устанавливаемые в море сети пугают рыбу, и ее меньше стало заходить в реку, что аханщики снимают рыболовные сливки и пр. В море труднее было осуществлять общинный контроль за действиями промышленников. Богатые рыболовы умудрялись выставлять лишнее (сверх определенного) количество сетей, привлекали наемных работников, заводили большие лодки. Тем самым нарушался принцип равных прав казаков на войсковые водные угодья.

Хотя морской лов назывался "сниманием сливок", далеко не все гурьевские казаки готовы были им заниматься. "Двух голов" уралец все же не имел, а потерять в море единственную оказывалось делом недолгим. Если случался верховой ветер, рыбаков уносило на огромных льдинах в открытое море, где они гибли. В.И.Даль, описавший гурьевского казака Маркиана Подгорнова, сообщал, что тот бывал "и в относе на аханном рыболовстве, и таскало его по морю недели по две; а между тем льдина все крошилась да крошилась от волн и бури, и Подгорнов видел день за днем и час за часом мокрую и холодную смерть под собою" Бог хранил казака, он не погиб. Но для многих его товарищей море стало могилой.

Труд рыбака был тяжелым. Тот же Подгорнов, по словам Даля, не боялся ни воды, ни сырости, ни дождя, "потому что сызмала век в мокрой работе по рыболовному промыслу". Урал — "золотое дно" кормил, поил, одевал и обувал его — все приобреталось на деньги, полученные от продажи рыбы, или "зверя", как называл ее Подгорнов. Уральское рыболовство в XVIII—первой половине XIX в. носило ярко выраженный товарный характер. Рыбу солили, сушили, приготовляли из нее икру и клей. Купцы из разных великороссийских городов ("великий наезд" которых во время плавни и багренья на Яик отмечался уже в первой половине XVIII в.) охотно покупали всю эту продукцию; в большом количестве увозилась ими и свежая рыба. Во многих странах знали вкус уральских осетров и уральской икры.

Община следила за тем, чтобы все ее члены получали свою долю дохода от рыболовства. В пользу тех, кто по разным причинам не мог участвовать в коллективной ловле (из-за болезни, занятости по службе и пр.), был установлен специальный денежный сбор с остальных промысловиков. По официальным данным, например, с 1 января по 1 ноября 1837 г. "на расходы по рыболовству и вознаграждение лиц, не участвующих в багринном лове рыбы" потребовалось 19204 руб. 99 коп. Чтобы добиться, по выражению одного из наблюдателей, "равновесия долей прибытка" от рыболовства, поддерживались многочисленные ограничительные правила. Однако богатые казаки находили возможность обходить их. В частности, занятым на морском промысле запрещалось привлекать наемных работников. Богачи же фактически нарушали этот запрет, используя труд бедняков под видом "общего товарищества"; они становились как бы членами одной артели, но получали бедняки не часть добычи, а оговоренную плату[42].

Рыболовством казаки в рассматриваемый период занимались почти повсеместно, но нигде оно не приобрело такого значения, как в Уральском войске. У оренбургских и сибирских казаков эта отрасль хозяйства сохраняла преимущественно потребительский характер. О линейных казаках Ф.Н.Усов сообщал, что рыба у них составляла "главную и любимую пищу"[43]. Местные водоемы обиловали рыбой, а начальство поощряло промысловую деятельность. В 1790 г. начальник пограничных линий распорядился даже организовать в казачьих селениях по Пресногорьковской линии "при сотнических командах" рыболовные артели. С 1801 г. казакам разрешалось выезжать в Киргизскую степь для лова рыбы в озерах и сбора дикорастущего хмеля. 9 марта 1821 г. командующий линейными казаками капитан С.Б.Броневский разослал всем полковым командирам предписание, чтобы они отпускали казаков на промыслы, "увольняя безостановочно", с тем лишь условием, чтобы к лагерному сбору (5 июня) они возвратились обратно. Однако сколько-нибудь заметного развития рыболовство на Иртыше и Алтае так и не получило. Это, в частности, констатировал путешествовавший в здешних местах в 1826 г. ученый-естествоиспытатель К.А.Мейер. В Иртыше, по его словам, ловили преимущественно осетров и стерлядей; в верховьях реки и оз.Нор-Зайсан добывали, главным образом, нельму, тайменя, реже — налима и щуку. Наиболее подходящим временем для ловли осетровых рыб считалась весна. Поскольку осетровые предпочитали держаться на глубине, рыбаки выбирали места, где река у обоих берегов оказывалась мелководна. По обе стороны главного потока забивались высокие сваи; на этих сваях закрепляли поперек реки крепкий канат, к которому привязывали шнуры длиной 2,5-3 фута. К этим шнурам подвешивались большие, крепкие, остро заточенные крючки, к которым с помощью петель привязывали продолговатые деревянные "байбашки". Все это устройство называлось "перетягой". Идущие косяком осетры и стерляди принимали байбашки за рыб, бросались на них и оказывались на крючке. Широко пользовались казаки неводами. Г.Н.Потанин, живший некоторое время в станице Чарышской на Алтае, отметил у местных казаков и такие способы лова рыбы, как лученье: на железной решетке в лодке раскладывали огонь; рыбаки в таких лодках ночью плавали по реке, держа в руке железную острогу. Ею поражали спящих рыб. Практически вся добыча потреблялась казачьими семействами.

Забайкальские казаки также промышляли рыбу преимущественно "про себя". "Захотелось хозяину рыбы, — описывал один из жителей Нерчинска быт местных пограничных казаков, — он закидывает в озеро невод и вытаскивает крупных и жирных карасей". У некоторых групп городового казачества промысловая деятельность имела товарный выход. Так, таможенные книги г. Сургута начала XVIII в. фиксируют нередкие случаи продажи служилыми людьми продуктов рыболовства. Правда, основные промысловые угодья на Обском Севере принадлежали коренным обитателям, а русским разрешалось промышлять лишь "в градских дачах". Но к началу XIX столетия отдельные казаки стали арендовать угодья у хантов и манси и переходить к ведению развитого рыболовческого хозяйства. Очень скоро, правда, лучшие рыболовные места в бассейне Нижней Оби переходят в руки приезжих купцов и предпринимателей — из Тобольска, Тюмени, Туринска и других городов[44].

Вспомогательное значение для казаков Урала и Сибири имела охота. Именно служилые люди в XVIII в. первыми из русских осваивали пушные кладовые Алтая. Относительно широкое развитие получил здесь соболиный промысел. За соболем алтайские казаки ходили в горы, которые называли белками. Главная охота шла на Убинских белках. Отправлялись на промысел артелями. В горах соболевщики имели постоянные избушки. По приходе на промысел занимались подготовительными работами, расставляли на дорожках разные ловушки: черканы, капканы, плашки, кулемы. Ставя кулемы в дремучем бору, охотники, чтобы не потерять дорогу к своему стану, делали затеси на деревьях. Затем оставалось лишь периодически осматривать ловушки.

Добывали также сохатых, маралов, медведей, козулей, диких птиц. Нередко промысловикам угрожала в горах голодная смерть, когда кончалось продовольствие и прочий запас, а продолжительные бураны не позволяли спуститься в долину. Однако на охоту всегда отправлялись с большим желанием. В станице Чарышской казачки рассказывали Г.Н.Потанину, что они "часто видели своих мужей в слезах от радости при наступлении времени соболиного промысла". Старый казак Иванов из той же станицы признавался, что когда приближалось время идти на охоту, "его всегда охватывало нетерпение; хотелось бы птицей перенестись на белки, к звероловной избушке". Он знал все места в лесу, где когда-то ставил ловушки, вспоминал, как, высматривая зверя, исхаживал на лыжах по сто верст в день; "по-прежнему усердно соболевал во сне", хотя задолго до встречи с Потаниным расстался со звероловством, жизнь диктовала необходимость обратиться к более спокойным занятиям. "Ныне из Чарышской станицы, — писал Потанин в середине XIX в., — никто не ходит соболевать; молодое поколение обратилось к более спокойному и надежному земледелию, и скоро тип соболевщика исчезнет в Алтае".

Среди иртышских казаков охотой занимались немногие. К.А.Мейер в своем путевом дневнике отмечал (1826 г.), что оказался в Александровском редуте как раз в то время, когда вблизи редута косули переплывали Иртыш, чтобы все лето пастись в горах. Казаки отправились за добычей и вскоре возвратились с несколькими убитыми и тремя живыми косулями.

Большее место, чем у жителей пограничных селений, занимала охота в хозяйстве городовых казаков, в особенности северных уездов. Так, хотя к началу XVIII в. пушные угодья Нижней Оби оказались сильно истощен-

ными, здесь еще в немалом количестве водились лисицы, песцы, белки, бобры, выдры, горностаи, росомахи и другие звери. В 30-х гг. XVIII столетия в Березовском и Сургутском уездах казаки ходили соболевать, причем сургутские соболи отличались сравнительной "добротой". В западных районах Березовского уезда добывали куниц. По всему нижнему течению Оби охотились на горностаев и белок. Обская белка ценилась китайцами за густой и пышный мех, они предпочитали ее прочим сортам. Лучшими по качеству считались обские черные лисицы. Промышляли местные казаки в большом количестве оленей и лосей, промысловых птиц. В начале XVIII в. ходили на охоту, как правило, небольшими артелями; в дальнейшем коллективно охотились лишь на диких птиц: гусей, уток. На промысел ходили казаки с ружьями, ловушками (пастями, слопцами, черканами и пр.), луками. Некоторые орудия и техника их использования были заимствованы у коренного населения Севера.

Со временем охотничий промысел в Березовском и Сургутском уездах потерял былое значение. В 1825 г. сургутский заседатель сообщал тобольским властям о совершенном "удалении" зверя от города, в связи с чем произошло падение местной звероромышленности. По утверждению исправника Березовского уезда, здесь у жителей города к середине XIX в. в улове хорошего зверя не бывало и "в половину" против прежнего времени из-за истребления пожарами на многие сотни верст леса. К тому же основные охотничьи угодья оставались во владении коренного населения — хантов, манси, ненцев; русским запрещалось даже брать их в аренду.

В Восточной Сибири, более богатой запасами зверя, охота сохраняла свою роль у некоторых групп служилых на всем протяжении рассматриваемого периода. Так, казаки северных острогов и крепостей активно промышляли пушных зверей (в том числе морских), диких оленей, птиц. В Анадырской крепости, в частности, в начале июня многочисленная часть гарнизона, разбившись на партии, вместе с разночинцами, казачьими детьми, ясачными людьми, обитавшими в крепости, отправлялись "для пропитания" на промысловые урочища. Летом 1759 г. на урочище Родионова, например, выехало 70 казаков, 46 солдат, 10 разночинцев, 10 казачьих детей, 3 казачьи вдовы и 7 ясачных (6 юкагиров, 1 коряк). В охоте, таким образом, могли принимать участие и женщины. Эта артель в 146 чел. за охотничий сезон добыла несколько сот оленей. "Занятие же анадырской команды главнейшим образом заключается только в том, чтобы круглый год искать себе пропитание охотою или рыбным промыслом", — писал командир Анадырской крепости Пленисер. Когда летний оленный и рыбный промыслы оказывались неудачными, казаки голодали. Сильнейший голод, в частности, перенесли анадырцы в 1751 г. После упразднения в 1770 г. Анадырска местный гарнизон частично перешел в Гижигинскую крепость, частично в Тигиль на Камчатку и Нижне-Колымск. В Гижиге большую часть года казаки отдавали промыслу. Летом ловили рыбу (в 1776 г. гарнизон крепости заготовил 4980 штук красной рыбы, 11 тыс. штук мальмы, 3 тыс. штук юколы); каждая семья имела на рыбалках-заимках летник — маленькую поварню или юрту. Рыбу гижигинцы обменивали на оленей у коряков-оленеводов. Занимались также казаки пушным промыслом, охотой на морских зверей, добычей линных гусей. Промышлять нерпу и морскую птицу они стали по примеру коряков в XIX в.

Рыбная ловля и охота составляли главное занятие казачьего населения Камчатки. Промышляли зверя также казаки южных округов Восточной Сибири. Били белку, соболя, лесную дичь. Краевед Н.Щукин вспоминал (середина XIX в.) о своей поездке на заимку одного казачьего пятидесятника, находившуюся близ границы с Китаем. Хозяин угостил его прекрасным обедом, в числе поданных блюд были и жареные рябчики. Гость задал вопрос пятидесятнику, как много денег тот тратит в год. Казак удивился: "Да на что мне деньги? Покупаю только одну соль да к празднику штоф водки. У меня все свое!" Выяснилось, что рябчиков, в частности, он сам добывает — ставит на них в лесу силки. Охотится между делом и на белок. "Понадобились деньги на платье, продам сотню белок, а нет ее, — продам быка, лошадь; вот и деньги", — делился он с собеседником.

Многие ходили на медведя. Живший на поселении в Минусинском округе ссыльный декабрист А.П.Беляев, со слов своего "приятеля" казачьего урядника И.С.Серебренникова, рассказал историю, случившуюся однажды с последним. Серебренников был завзятым медвежатником. Как-то, уже возвращаясь домой, примерно в полуверсте от своего села, он наткнулся на огромного медведя. Урядник хотел "хватить" зверя бывшей в руках рогатиной, но тот лапой сломал рогатину, повалил охотника на землю и уже приготовился нанести ему смертельный удар. К счастью, с Серебренниковым была опытная таежная собака, которая и спасла жизнь хозяину. Беляев удивился, заметив, что казак отпустил бороду — прежде он ее не носил. На вопрос его Серебренников отвечал, что, когда лежал под медведем, дал обет в случае благоприятного исхода не брить бороды. Судя по всему, медведь этот (урядник, кстати, убил его из винтовки после того, как собака отвлекала внимание зверя) оказался сороковым на счету Серебренникова. "Сорокового, не знаю почему-то, — сообщает Беляев о минусинских медвежатниках, — уже там боятся как рокового"[45].

Уральские леса и степи в XVIII—первой половине XIX в. были еще богаты зверем и птицей. В "Топографии Оренбургской губернии" П.И.Рычкова, впервые вышедшей в свет в 1762 г., говорится о том, что осенью из Яицкого городка ежегодно по 500 и более охотников уходило "в степные места": били лисиц, волков, корсаков, кабанов. Маркиан Подгорнов, герой очерка Даля "Уральский казак", в молодые годы добыл немалое число кабанов — сначала промышлял "в Гурьевских камышах", а когда там кабан перевелся, начал охотиться на Прорве и в устье Эмбы. Ходил он с винтовкой и на диких гусей, лебедей, уток, сайгаков, корсаков. За лебедями отправлялся в бударке — маленьком долбленом челноке — в открытое море. Существенным подспорьем была охота в хозяйствах оренбургских казаков. Однако ведущую роль здесь играли земледелие и скотоводство.

Почвенно-климатические условия Оренбуржья благоприятствовали развитию хлебопашества. В особенности отличались северо-западные районы с их тучными землями, щедро увлажненными дождями. Здесь труды земледельца вознаграждались в полной мере. Близ самого Оренбурга и линейных крепостей нередкими были засухи, поэтому даже в середине XVIII в. казаки некоторых крепостей вообще не производили посевов. Были и другие причины, сдерживающие распространение хлебопашества. Много времени отнимала военная служба. Сказывалась и постоянная опасность со стороны кочевников, которые особенно охотно нападали на работавших в полях, в удалении от крепости или форпоста. П.И.Рычков писал также о

"нерачении" части казачества к обработке земли. Именно поэтому, по его мнению, жители крепостей Рассыпной, Нижней Озерной, Татищевой, Черноречинской и Переволоцкой высевали (середина XVIII в.) только яровой хлеб ("а рожь, хотя сначала и сеяли, только перестали, рассуждая, якобы там не урожается", — замечал оренбургский краевед, опровергая "рассуждения" казаков ссылкой на то, что вблизи названных крепостей "весьма много таких мест, особенно же около Переволоцкой крепости, по ту и по эту сторону Урала, где земля самая тучная и черная и для всякого хлебопашества... весьма способная").

Более охотно в первой половине XVIII в. оренбургские казаки занимались скотоводством. Многие из них заводили хутора, заимки, где содержались лошади, овцы и другие животные. Редкие хозяйства имели по 3-4 лошади, в большинстве их было по нескольку десятков. В дальнейшем число голов скота непрерывно росло, несмотря на нередкие эпизоотии. Большую роль в этом играло киргизское население. Ежегодно до двух миллионов овец доставляли киргизы на меновые дворы и степные ярмарки. Пригоняли они также на продажу рогатый скот, лошадей , коз. По свидетельству П.С.Палласа, среди доставляемых на обмен в Троицкую крепость попадались "быки превосходной величины и доброты", хотя и "дикие и необузданные", но "крепкие" лошади и пр. Тем казакам, которые вследствие эпизоотии лишались всего скота и не имели средств приобрести его вновь за наличные деньги, приходило на помощь войсковое начальство. В августе 1848 г., например, войсковое правление приняло решение раздать беднякам "за умеренную цену" с рассрочкой на два года лошадей с Оренбургского конного завода.

Земледелие оренбургских казаков со временем также переживает подъем. Особенно стали возрастать посевы и сборы хлебов с 30-х гг. XIX в. Казаки сеяли пшеницу, рожь, овес, гречиху, ячмень, просо, коноплю и лен. К 70-м гг. XIX в. на землях Оренбургского войска засевалось ежегодно до 400 тыс. десятин; валовой сбор зерна составлял до 20 млн пуд. Значительная часть хлеба шла на продажу. Выращивали казаки и огородные культуры: капусту, горох, репу, редьку, картофель, огурцы, морковь, свеклу и лук. Овощи шли главным образом на удовлетворение собственных потребностей. На бахчах выращивали арбузы, дыни, тыквы. В поселках по Р.Илек бахчи давали от 200 до 1000 руб. дохода на семью в год.

В XVIII в. делает первые шаги земледелие в пределах Яицкого казачьего войска. Некоторые современники, основываясь на показаниях самих казаков, отрицали наличие даже зачатков хлебопашества у яицких казаков в первой половине XVIII в. Действительно, в 1720-х гг. посевов у них еще не отмечалось. "Хлеба около того Яицкого города не сеют за тем, что прилегли степи, а больше за частым неприятельским нападением, а кормятся привозным хлебом", — говорится в "Цветущем состоянии Всероссийского государства" И.К.Кирилова, написанном в 1726—1727 гг. Однако, судя по фрагментарным данным, в 30-х гг. столетия земледелие здесь уже существовало. В жалобе казаков на наказного атамана (1740 г.), например, утверждалось, что он отнял у них удобные места между рек Яиком и Чаганом, где "хлебы родились довольные... и было посеяно хлеба быть может не одна тысяча осьмин..." Серьезный и необратимый характер занятие землепашеством приобрело в конце XVIII в., когда, с одной стороны, уральские старшины (Бородины, Акутины, Буренины, Донсковы, Михайловы) стали занимать

удобные для возделывания земли в северной части войсковой территории (по рекам Иртеку, Чагану) под хутора и заселять их купленными дворовыми, а, с другой стороны, к хлебопашеству стали приобщаться под влиянием иргизских староверов казаки, начавшие заселять в 1780—1790-е гг. верховья р.Чаган и речки Чижи.

С начала 30-х гг. XIX в. уральский хлеб пошел на рынок. Выгоды от торговли оказались столь значительными, что заставили казаков обратить на эту отрасль хозяйства самое серьезное внимание. Жители дальних форпостов (Чижинских, Приобщинских) постепенно даже расстаются с багром и сетьми, возложив все свои надежды на сабан, плуг и волов. Поднятая целина принадлежала казаку до тех пор, пока он ею пользовался, если же забрасывал участок, через год он поступал в общину. Землю нельзя было отдавать иногородним. Запрещалось продавать хлеб на корню или вывозить снятый хлеб за границу войсковой земли и там его оставлять на хранение. Если несколько человек претендовали на один и тот же незанятый участок, бросали жребий.

В 1852 г. уральскими казаками было собрано 270284 четверти ржи и пшеницы и 57245 четвертей овса, ячменя, проса и гречихи. Предпринимались усилия по разведению картофеля. Еще в 1814 г. казак Сидор Толкачев привез в Бударинский форпост семена картофеля и произвел посадку. Однако старообрядческая "начетчица" Акимиха, пользуясь своим влиянием на суеверных казаков, добилась того, что огород Толкачева в одну ночь был разорен: семена выкопали и разбросали. "Картофель, — учила Акимиха, — садомское яблоко, исшел так же, как табак, кофий и чай, из жены — блудницы вавилонской". "Нужно было после этого случая еще пройти полстолетия, — заметил казак-краевед Н.Ф.Савичев, — чтобы картофель начали сеять сами казаки, а продавать на базаре — их жены".

По данным Савичева, на хозяйственные занятия уральских казаков оказали заметное влияние персы, в конце XVIII—начале XIX в. бежавшие на Урал из хивинского плена и записавшиеся в войско. Они принесли навыки садоводства, бахчеводства, огородничества, приобретенные в плену, и "передали их вместе с чигирями — поливальными машинами — казакам". Савичев приводит биографию казака строганова, "родом из кызылбаш" (персов), который поднял урожайность на казенном казачьем огороде, до этого находившемся в запустении.

Бахчеводство получило на землях Уральского войска заметное развитие. С.В.Максимов, побывавший в Уральске в начале 1860-х гг., рассказывал, что воз арбузов на местном рынке стоил от 50 коп. до 1 руб.; дынь выращивали не один десяток сортов; самыми вкусными считались тополинские, зеленевские и сарайчиковые. У некоторых казаков имелись к середине XIX в. прекрасные сады. В Гурьеве выращивался отличный виноград. Просьбы об отводе земли под сад подавались в войсковую канцелярию. В марте 1846 г., например, Уральская войсковая канцелярия в рапорте командующему Отдельным Оренбургским корпусом сообщала, что вдова казачьего есаула Пелагея Акутина "желает развести фруктовый сад при хуторе своем" и просит разрешения "на занятие под сад трех десятин войсковой земли". Просьбу казачки удовлетворили; оговаривалось, что, если в течение трех лет сад не будет заложен, участок будет возвращен в общинную собственность. Разводили преимущественно яблони. Основная часть садов находилась по берегам р.Чагана. С помощью чигирей (колеса с черпаками)

производилась поливка деревьев и кустарников. Для защиты от ветров сады обсаживали ветлой. В Сарайчике у одного зажиточного казака было два больших сада, в которых росли яблони, груши, вишни, сливовые деревья (в том числе выращивалась бохарская слива — ади-бухара), виноградные лозы, тут, джида и пр. Все плоды вызревали.

Было предпринято несколько не совсем, правда, удачных опытов разведения на землях Уральского казачьего войска хлопчатника. В частности, в 1838 г. подполковник Назаров, отставной войсковой старшина Бородин и есаул Матвеев предложили "на общем иждивении сделать опыт разведения хлопчатой бумаги около Саранчиновской крепости". Организовалось товарищество, были выписаны семена. О каких-либо результатах деятельности этого товарищества сведений, однако, не сохранилось. Показательно стремление казачества к возможно более эффективному использованию почвенных богатств.

Издавна уральские казаки были удачливыми животноводами. "В лошадях и во всяком скоте (для чего у многих внизу и вверху Яика реки и по впадающим в него речкам имеются у них хуторы) довольный достаток", — писал в середине XVIII в. П.И.Рычков. Помимо прочего, некоторые казаки содержали верблюдов; из верблюжьей шерсти женщины ткали армяки, "добротою" схожие с английскими камлотами. Лошади круглый год находились на подножном корму. Пастухи и табунщики ходили за ними в ведро и в ненастье, в метель и зной, стужу и дождь. За плечом у пастуха и табунщика была винтовка, в руках — копье. Н.Ф.Савичев считал, что казаки использовали опыт разведения и содержания лошадей соседей-"киргиз". Некоторые хозяева имели к 30-м гг. XIX в. огромные конские табуны. Для рогатого скота имелись летние стоянки, называвшиеся "базками". Хозяйками базков были женщины. Ранней весной, когда мужья находились на промысле севрюги, казачки откочевывали со своими коровами в базки, отстоящие от постоянного места жительства на несколько верст. Весну и лето ухаживали они за молочным стадом, жили в полевых мазанках, занимались изготовлением молочных продуктов.

В первой половине XIX в. широкое развитие получило овцеводство. Покупали баранов у киргизов целыми гуртами, потом "нажировывали и нагуливали" их на своих обширных солончаковых пастбищах. Бараны также круглый год довольствовались подножным кормом и почти не знали повальных болезней. Для защиты от степных буранов около кочевок строили загоны, или куры, плетеные курени для отар. В чабаны или отарщики нередко нанимались к казакам киргизы, так называемые "байгуши". Казак, имевший корову, двух лошадей и десяток с лишним овец, избу из воздушного кирпича, считался бедняком. У богачей торговые обороты к середине XIX в. превышали 15-20 тыс. руб. в год.

Для рогатого скота заготавливали сено. На сенокос, как и на рыбную ловлю, выходили казачьей "лавой" Войсковое начальство устанавливало день и час начала сенокошения на лугах (луговое), на обвольках (сухой степи), а также ковыльного сенокошения (обычно с 10 мая). В назначенный срок по сигналу атамана казаки "разом, все вдруг" начинали бить траву. Каждый косил там, где сумел оказаться первым, и старался в первый день до захода солнца обкосить как можно больший участок. Отныне он мог спокойно убирать траву на этом участке — "обвольке", никто другой не должен был покушаться на закошенное место. В первые три дня сенокоса казак не

имел права привлекать наемных работников, затем ему разрешалось нанять в помощь себе косарей из иногородних, а по прошествии десяти дней после начала сенокошения — и рабочих из киргизов. В местах, более отдаленных и менее богатых травами, существовало и обычное сенокошение.

В середине XIX в. на землях Уральского казачьего войска было 76536 лошадей, 15851 вол, 69281 корова, 205971 овец и коз[46].

Хлебопашество и животноводство составляли важную статью хозяйства и сибирских казаков. В первой половине XVIII в. продолжали выращивать хлеб городовые казаки. Из 900 чел. томской команды в 1734 г. имели пашню 535 чел. (59,5%), из 684 тарских казаков в 1736 г. — 337 чел. (около 50%). Полностью перешел на самообеспечение хлебом в 1730-е гг. гарнизон Пелыма, на 3/4 — Верхотурья. В Нарыме в 1740 г. с пашни служили 41% казаков. Из енисейских служилых в 1724 г. 24 чел. имели довольно большое земледельческое хозяйство и не получали хлебного жалованья.

Постепенно, однако, наблюдается сокращение посевов у городовых команд. В Томске к 1742 г. количество казаков-хлебопашцев по сравнению с 1734 г. уменьшилось на 48,6%, в Таре к 1745 г. оставалось 195 чел. служащих с пашни. В тюменской команде в 1741 г. числилось лишь 53 чел., активно занимавшихся земледелием. К 1763 г. из 975 чел. личного состава городовых гарнизонов 152 (15,6%) имели пашни. Причин упадка земледелия у городовых казаков оказывалось несколько. Сказались, в числе прочего, массовые переводы казаков из городов на линии, стремление правительства ограничить недворянское землевладение в Сибири, усиление конкуренции со стороны развивающегося крестьянского хозяйства. В начале XIX в., согласно данным, присланным из самих городовых команд, только 25 казаков в Западной Сибири служили с пашни. Правда, в их распоряжении были еще участки земли, приобретенные по купчим, взятые в аренду, расчищенные из-под леса и пр. По неполным данным, около 12% личного состава городовых команд Западной Сибири к началу XIX в. "упражнялись" в хлебопашестве. Казаки г. Красноярска в это время в лучшем случае содержали огороды.

Несколько иначе развивался процесс в Забайкалье, где в 70—80-х гг. XVIII в. служилые хлебопашцы превосходили по численности земледельцев-крестьян. Основными сельскохозяйственными культурами были озимая и яровая рожь, ячмень. На приусадебных участках выращивали овощи. Урожаи в Забайкалье составляли в среднем 40-60 пуд. зерновых с десятины.

Правительство, с одной стороны, осознавало необходимость служилого земледелия, в особенности в тех районах Сибири, где не успело сложиться полноценное крестьянское пашенное хозяйство. Но, с другой стороны, оно боялось, как бы "по всегдашнему в земледелии упражнению" казаки "не удалялись" от своих служебных обязанностей. Выход был увиден в сознании особого разряда "пахотных казаков", появившихся в 1745—1747 гг. на Иртышской укрепленной линии. Пахотные казаки, не освобождаясь от разъездной службы, обязаны были одновременно обрабатывать и засевать линейную казенную пашню. В 1748 г. казенные посевы ржи, ярицы, ячменя и овса составили 1182 четверти, урожай — 1848 четвертей. Нередко случалось, что казенная пашня оставалась незасеянной. В 1770 г. Сенат отменил ее: центральная власть решила сделать ставку на "собинное" казачье хозяйство. В 1773 г. указом Екатерины II были предоставлены в пользование линейным казакам душевые земельные наделы в 6 дес. Однако поскольку

служилые не торопились с заведением собственного хлебопашества, в 1820 г. на южных укрепленных линиях оно возродилось по приказу корпусного командира Капцевича. При этом начальство решило дать казакам начальные агрономические знания. Для нужд войска было выписано 12 номеров "Земледельческого журнала" — для каждого из 10 полков и двух рот конно-артиллерийской бригады. В 1822 г. Московское общество сельского хозяйства открыло первое в России среднее сельскохозяйственное учебное заведение — Земледельческую школу; практику учащиеся должны были проходить на Бутырском опытном хуторе. В 1820-е гг. на средства Сибирского линейного войска в Земледельческой школе МОСХ получили подготовку два агронома из казаков — П.Щербаков и О.Обухов. По окончания учебы молодые специалисты вернулись в Омск и были назначены учителями сельского хозяйства в училище войска, где с осени 1826 г. был открыт класс по сельскому хозяйству[47].

Видимо, усилия властей в какой-то мере повлияли на отношение линейных казаков к земледелию. Посевы хлебов появляются и в их собственных хозяйствах. В 1824 г. на частных пашнях казаков Сибирского линейного войска было посеяно 8625 четвертей хлеба, в 1836 г. — 11761 четверть, в 1845 г. — 13345. К.А.Мейер на основе собственных наблюдений (1826 г.) описал земледелие в округе Семипалатинской крепости. Поля обрабатывались самое большее три года подряд, а затем забрасывались на отдых на 6-10 лет. Поднятая целина называлась "залогом". В июне или июле залог разрыхляли и тщательно пропалывали, после чего оставляли до весны следующего года. Весной участок еще раз вспахивали и, наконец, засевали. Выращивали по большей части яровые хлеба, главным образом, пшеницу: "аглицкую ярицу", "китайку", "красную колоску", "теремковку" и "калманку". Сеяли также обыкновенный ячмень, яровую рожь и овес, но в гораздо меньшем количестве. Местами выращивали просо и горох. "Аглицкую ярицу" предпочитали другим сортам пшеницы, ибо она давала хороший доход. "Китайку" охотно сеяли потому, что она не так легко осыпалась, как это случалось с другими сортами. Редко встречались поля, засеянные каким-нибудь одним сортом пшеницы, так как во время жатвы осыпалось много зерна, которое весной всходило вместе с посеянным, да кроме того и хозяева высевали смешанное зерно. На плохо расчищенном залоге появлялись сорняки, особенно полынь, которые душили культурные злаки. Посевная длилась до конца мая; на одну десятину высевалось пять пудов "аглицкой ярицы" или семь пудов другой пшеницы.

В начале августа начиналась жатва. Овес и рожь иногда поспевали уже в середине июля. Чем раньше завершался посев, тем увереннее надеялись на хороший урожай. Зерно, которое высевалось в конце мая или в начале июня, если сразу же после посева наступала сушь, уже не вызревало. От засух местное земледелие страдало часто; бывало, что все выгорало. Наоборот, щедрые ливни в июне — первой половине июля оказывались очень благоприятны для посевов.

Хлеб жали серпами, часть обмолачивали сразу же, осенью, часть — по весне. Обмолот производился лошадьми и очень небрежно, четвертая-пятая доля зерна терялась. С десятины залога в хороший год получали 110, 115, а то и 125 пудов пшеницы. Зерно частью шло казахам — в обмен на скот, кожи и т.п.

В некоторых местах после ряда неудачных попыток казаки отказывались заводить земледельческое хозяйство. Например, форпост Семиярск со всех сторон окружала степь, плодородной земли вблизи не было. Местные жители после неоднократных неудачных попыток совершенно забросили хлебопашество и покупали хлеб у окрестных крестьян.

Следует отметить, что многие линейные казаки, отягощенные служебными обязанностями, нанимали для выполнения сельскохозяйственных работ казахов — "джатаков" и "байгушей" на год или на полгода. В 1820 г. в казачьих хозяйствах по Иртышской линии работало по найму 6534 "годовых" и 13068 "полугодовых" казахов-отходников. Эти "наемные киргизы", по свидетельству Мейера, пахали и боронили "плохо и поверхностно"

В целом по Иртышу земледелие у казаков к середине XIX в. еще не получило большого развития. Г.Н.Потанин свидетельствовал, что "многие станицы на Иртыше совсем тогда (в 1850-е гг. — Авт.) не занимались хлебопашеством, и главным их занятием была торговля с киргизами, у которых они скупали для перепродажи скот, шкуры, меха и войлок". Другое дело — казаки Бийской линии, станицы которых располагались в долинах Алтая. Они сумели стать "солидными земледельцами", вообще хорошими сельскими хозяевами[48].

Несколько оживает в первой половине XIX в. и земледелие городовых казаков. В 1851 г. они в Тобольской губернии имели пашни 476 десятин. Та же тенденция наблюдалась и в развитии казачьего городового животноводства. К середине XIX в. за тобольскими городовыми казаками значилось примерно 3000 дес. сенокосов, 1060 лошадей (по сравнению с началом XIX в. рост в 2,8 раза), 1044 головы крупного рогатого скота и 1022 овцы. На Севере у казаков было 257 оленей. Оленеводство в Нижнем Приобье развивается со второй половины XVIII в.

Городовое казачество, сыграв значительную роль в сельскохозяйственной колонизации Сибири в XVII в., почти всюду утрачивает ее в последующее время. Впрочем, академик И.Г.Гмелин, побывавший в 1735, 1739—1741 гг. в г.Красноярске, отметил, что местные казаки живут очень хорошо и, большей частью, весьма зажиточны. Их богатство составляют лошади и крупный рогатый скот. Причем скот этот круглый год пасся в степи. "Так как зимой на полях снег бывает редко, — пишет Гмелин, — и скот выкапывает из земли столько корней и засохшей травы, что не подыхает с голоду. Если же снег на полях, то эти животные умеют, издавна привыкшие к этому, выкопать свою пищу из-под снега"[49].

В большом количестве держали скот забайкальские казаки. Оно было у них основной отраслью хозяйства. Первое место занимало коневодство; казаки снабжали лошадьми конные части армии. С 20-х гг. XIX приобретают широкую известность забайкальские степные лошади, пригодные для артиллерийской службы, и строевые кавалерийские. Товарное значение получило и разведение крупного рогатого скота. Забайкальская область поставляла зимой в Иркутск до 10 тыс. мерзлых туш и столько же — в горные заводы. Туши забитого скота везли также по морозу на санях в Читу. Шкуры рогатого скота шли на обшивку кип чая в Кяхту. В середине XIX в. для Кяхты ежегодно требовалось до 80 тыс. шкур.

В большом количестве разводили также овец русской породы. Имелись в казачьих хозяйствах и верблюды. Малоснежная зима позволяла почти круглый год держать скот на подножном корме. Много его, конечно, гибло в

степи. В зажиточных семьях скот в течение всего года находился на заимках, нередко далеко от дома. На такой заимке побывал один из жителей Нерчинска (первая половина XIX в.), оставивший описание своей поездки. "Летом я приехал на заимку... пограничного казака, известного богача скотом, — рассказывает он. — Заимка стояла подле озера, имеющего в окружности верст 10... Степь направо от заимки покрыта мягкою травою и доставляет хозяину превосходное сено, степь налево пестреет пасущимся скотом. Здесь лошади, там коровы, а в отдалении верблюды. Ржание коней, мычание коров, блеяние овец оглашают воздух смешанными криками. Здесь жеребята бегают по широкому раздолью, а там сотни телят резвятся на огромной площади".

Не уступали забайкальцам некоторые линейные казаки Западной Сибири. Г.Н.Потанин вспоминал, что его дед Илья слыл первым богачом на иртышской линии: у него были огромные табуны лошадей и несметное число баранов. Вдова деда Ильи, бабушка Степанида, поведала внуку немало историй о своем муже. Он, например, садил свою жену в телегу и возил целый день по степи от одного березового колка к другому, чтобы продемонстрировать ей свое богатство: "минуют один колок, выедут на прогалину и увидят косяк лошадей. Бабушка Степанида спрашивает: «Это чей косяк?» — «Наш», — отвечает дед Илья. Едут далее; проедут другой колок, — опять косяк. Опять бабушка спрашивает, чей он, и дед отвечает: «Тоже наш». И так до вечера. По всей степи были рассеяны косяки деда Ильи".

В 1836 г. у казаков Сибирского линейного войска насчитывалось 38722 лошади, 64333 головы рогатого скота, 30414 овец; в 1856 г. соответственно — 71137, 90003 и 103812 голов. При этом скот распределялся между хозяйствами весьма неравномерно: были такие, которые держали по нескольку лошадей и коров; у других насчитывались тысячи голов, имелись конные заводы. Никто не был застрахован от массовых падежей животных. Во второй половине XVIII в., по свидетельству П.С.Палласа, в окрестностях Семипалатинска и Усть-Каменогорска от сибирской язвы гибло несметное число лошадей. Со временем казаки освоили некоторые способы борьбы с эпизоотиями. К.А.Мейеру рассказывали, что больной скот иртышские жители старались возможно надежнее сразу же изолировать от здорового, устанавливались довольно строгие карантины, использовались различные лечебные средства. "В Ямышевой, — передавал со слов казаков-собеседников Мейер, — живет (или, по крайней мере, жил тогда) полковник Трейблут, умеющий готовить такую мазь, секрет которой он никому не открывает, а она, говорят, надежное предохранительное средство"[50].

Если на Иртыше казаки славились большими конскими табунами, то алтайские — пасеками в несколько сот колодок. Первые пчелы появились на Алтае благодаря командиру Иркутского драгунского полка Аршеневскому, который выписал (конец XVIII в.) семь ульев вместе с опытным пчеловодом из Киевской губернии. Правда, Н.Г.Путинцев утверждал, что ульи были выписаны Аршеневским из Оренбурга; приводится им и точная дата — 1786 г. Ульи установили в д.Бобровке, в двадцати семи верстах от Усть-Каменогорска. Дело пошло успешно, и в первой половине XIX в. пчеловодство распространилось по всему Алтаю. Мед и воск стали вывозить на продажу в Европейскую Россию (через Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки). К 1856 г. у казаков Сибирского линейного войска имелось 11980 ульев; меду в этом году было получено 2604 пуда, воску — 272 пуда 36 фунтов. В редуте

Красные Ярки, где К.А.Мейер оказался во время путешествия из Бухтарминска к Нор-Зайсану, отец хозяина дома, в котором ученый остановился, старый казак (он, по собственному признанию, принимал участие в "незадачливых походах Пугачева", а после того бежал в Сибирь, где и живет долгие годы "вполне благополучно") "с радостью" вспоминал то время, когда Аршеневскому пришла в голову мысль ввести в крае пчеловодство. "Имя Аршеневского произносится местными старожилами всегда с любовью и благодарностью", — пишет Мейер[51].

Заметной оставалась в XVIII — первой половине XIX вв. торгово-промышленная деятельность казачества. В 1720 г. служилые люди составляли более 1/4 всех ремесленников Западной Сибири. Среди городовых казаков в это время имелись представители 46 видов ремесел. Хотя правительство в дальнейшем запрещает заниматься "торгами и промыслами" тем, кто не записывался в посад, многие городовые казаки продолжали торговать, заниматься слесарным, кузнечным, токарным, малярным и другими "мастерствами". Так, в указе из Тобольска, полученном в Тюмени в 1764 г., констатировалось, что из сибирских дворян, детей боярских, рядовых казаков "многие ... не записавшись в купечество и поныне торги ... производят и тем купечеству и цеховым чинят немалое помешательство и остановку" С середины XVIII в. особое значение приобретает торговля на южных пограничных линиях. В 1763 г. было дозволено казакам производить торговлю с пограничными народами "меною одних только мелких товаров" Если до выхода указа, в 1763 г., Семипалатинская таможня собрала пошлин на 356 руб. 23,5 коп., то уже в 1764 г. сбор составил 1515 руб. 99,75 коп. Обменный торг (сатовки), по мысли законодателей, должен был строго контролироваться: обмену подлежали лишь "такие вещи, какие обыкновенно на границы здешние вывозят". Речь шла о скоте, продуктах животноводства, "хлебных и харчевых" припасах, ножах, топорах и т.п. Меновая торговля допускалась для "пропитания и содержания" казаков, а не для "распространения" купечества. Местами сатовок определялись крепости Св. Петра, Ямышевская и Семипалатинская; торг полагалось проводить в определенные сроки. На практике казаки не очень придерживались закона, вели активный нелегальный торг с соседними народами. Положение 1808 г. подтверждало право казаков "производить мену с азиатцами", но только через таможни и заставы, с уплатой "узаконенных" пошлин. Линейным казакам было позволено на своей территории торговать беспошлинно. Гражданская администрация ставила, правда, вопрос о том, чтобы запретить казакам вести торговлю в крупных городах, какими стали к середине XIX в. Омск, Семипалатинск и др. Однако войсковое начальство отстояло право на беспошлинную торговлю казаков и в этих городах[52].

В 1820 и 1826 гг. было подтверждено право казаков заниматься торговлей на линии. В 1852 г. войсковое правление обратилось к командиру корпуса генералу Г.Х.Гасфорду с просьбой разрешить организацию в Сибирском линейном войске казачьего торгового общества. Члены общества должны были освобождаться от службы, но взамен вносить в войсковую казну в течение 30 лет по 57 руб. 15 коп. серебром каждый (не получая при этом содержания от казны). В 1853 г. правительство разрешило создать такое общество из 200 чел. В него мог вступить казак, имевший капитал не менее 1500 руб. серебром. Членам общества разрешалось иметь при своих домах лавки, торговать не только по линии, но и ездить с этой целью за границу —

в г.Кульджу и Чугучак (провинция Синьдзян), продавать и покупать везде товары и оптом и в розницу, заключать сделки на поставки для частных лиц и казны, выдавать кредитные обязательства, наравне с купечеством. В 1856 г. в обществе состояло 148 казаков[53].

На территории Сибирского линейного войска в первой половине XIX в. активно развивалась ярмарочная торговля. Первая ярмарка была открыта в 1828 г. в Омске, затем, в 1831 г., в Усть-Каменогорске, в 1849 г. в станице Николаевской. В 1854 г. было разрешено открыть сразу 9 новых ярмарок: в станицах Атбасарской, Пресновской, Черлаковской, Коряковской, Антоньевской, Аягузской, Копальской и две в станице Кокпектинской. К 1859 г. на линии насчитывалось 15 ярмарок, на которых было продано товару на 256078 руб. в год[54].

Линейные казаки не очень активно вовлекались в предпринимательскую деятельность. В 1856 г. на войсковой территории находилось 15 заводов: 7 салотопенных, 4 кожевенных, 1 мыловаренный, 3 кирпичных; годовая их продукция в сумме оценивалась в 42631 руб. Эти предприятия, по словам Ф.Н.Усова, скорее принадлежали "к простым ремесленным заведениям". В числе владельцев "заведений" были сотенные атаманы Осип Румнов, Андрей Румнов, Степан Бадрызлов, младшие урядники Михаил Корнилов, Ефтифей Толчин, Василий Красноусов[55].

Немалое значение имела торговля в хозяйстве казаков сибирского Севера. Березовские и сургутские казаки, например, выступали в роли торговых посредников между коренными жителями Нижней Оби и приезжими купцами. Активно занимались они незаконной торговлей в ясачных волостях. Посредническую торговлю вели и казаки Камчатки, Гижигинска, севера Якутии[56]. Среди забайкальских казаков со временем выделяются крупные торговцы. Еще в 1768 г. была учреждена ярмарка в Верхнеудинске; с 1852 г. действовала ярмарка в г. Чите; в 1727 г. положено начало менового торга в Кяхте. В Кяхте совершались торговые сделки между русскими и китайцами. В 1857 г. учреждаются ярмарки в с.Беклемишевке, у р.Хилок, и в казачьем карауле Усть-Урлукском (в целях развития товарообмена в казачьем войске и "для привлечения жителей к сбыту произведений своего хозяйства"). Крупным торговым пунктом был также Нерчинск[57].

Занимались торговлей яицкие (уральские) и оренбургские казаки. Правда, по утверждению С.В.Максимова, в Уральском войске даже в 60-х гг. XIX в. сильно было предубеждение, что торговля — не казацкое дело, "не аристократический промысел", а продажа водки вообще "промысел гнусный и ремесло зазорное". На землях Оренбургского войска производилась меновая торговля "с киргизцами" и "приезжающими для мены азиатцами", причем в достаточно значительных размерах. В г.Оренбурге издавна пользовалось известностью место около городского рынка, где женщины-казачки сбывали свои изделия. В 1852 г. городская дума решила взимать с этих торговок сбор в городской доход. Оренбургские казаки получали немалые средства также от извозного промысла. В декабре 1833 г., например, войсковая канцелярия ходатайствовала перед военным губернатором об отпуске казаков А.Вагина и С.Агапова "в город Казань для отвозу купеческого товара сроком на два месяца". Такого рода ходатайства не были редкостью.

Со временем увеличивалось на Урале число различных промышленных заведений. Если до 30-х гг. XIX в. на территории Оренбургского войска их насчитывались единицы, то к 1860 г. имелось 499 водяных, 636 ветряных и

3 конных мельницы, принадлежащих почти исключительно казакам. Правда, из 60 кожевенных и 48 салотопенных "заводов" казакам принадлежало менее половины[58].

Таким образом, и в XVIII—первой половине XIX вв. казачество принимало активное участие в хозяйственном освоении Урала и Сибири. В немалой степени благодаря их мирным усилиям восточные регионы стали неотъемлемой частью Российского государства. Экономика различных территориальных групп казачества имела свою специфику, диктуемую ареалом обитания, природными ресурсами, климатическими условиями. В целом хозяйственная деятельность казаков обеспечивала им относительный достаток. "Вообще казаки живут в достатке; бедствуют лишь те, кто слишком ленится или пьянствует"; "уральцы благодаря умной и справедливой системе пользования естественными богатствами своего края — самые зажиточные обитатели в русском царстве"; "в Забайкальской области, на китайской границе, первыми богачами считаются пограничные казаки"; "служилые живут здесь очень хорошо"; "все жили в довольстве", — это оценки непредубежденных людей, непосредственно наблюдавших жизнь казаков, знавших ее отнюдь не поверхностно.

4. Землепользование и землевладение казачества

По мере заселения и освоения в XVI—XVII вв. яицкими казаками территории будущего Уральского войска у них стала формироваться совершенно оригинальная система землепользования. Суть этой системы заключалась в нераздельном общинном пользовании всеми войсковыми угодьями, а ее возникновение объяснялось историческими и географическими обстоятельствами. Первые поселенцы на Яике не могли полностью отдаться хозяйственным заботам — этому препятствовало соседство беспокойных кочевников, с которыми борьба велась с переменным успехом. Самым подходящим и выгодным промыслом яицких казаков стало в условиях XVI—XVII вв. рыболовство, благо, рыбы в реке было много. В силу же особенностей образа жизни рыб было невыгодно делить Яик на равные участки на время промысла; в случае подобного раздела низовые казаки оказались бы в более выгодном положении, по сравнению с жителями верховых станиц. Принцип товарищества и экономического равенства, которым руководствовались первые яицкие общины при распределении военной добычи стал руководящим и при переходе к мирному промыслу. Все казаки получали право участия в рыболовстве. В целях же равномерного распределения улова постепенно, как уже говорилось, были выработаны традиционные правила с точным определением места, времени, орудий лова и ограничением количества наемных работников, которых казак мог привлекать в помощь. Как писал известный исследователь Уральского казачьего войска Н.А.Бородин, "в видах управления и соблюдения справедливости был введен принцип удовлетворения индивидуальных потребностей индивидуальными силами с возможно тщательным устранением влияния капитала"[59].

В последующем, по мере появления и развития скотоводства и земледелия, принципы организации рыбного промысла с определенными корректировками переносились и на эти новые для уральских казаков отрасли хозяйства. Местные земли очень разнились по качеству. Большая их часть

оказалась неудобной не только для хлебопашества, но и для использования под пастбища. Наиболее плодородные земли, лучшие луга располагались в северной части войсковой территории. Наделение станиц земельными дачами поставило бы опять-таки низовых и верховых казаков в неравные условия, поэтому и земельные угодья были оставлены в общинном нераздельном пользовании всего Яицкого казачества.

Юридическим основанием владения Яицким войском землями, по мнению самих казаков, являлась царская грамота, данная казачьим депутатам царем Михаилом Федоровичем в 1613 (1614 — ?) г. — на "владение рекою Яиком, с сущими при ней реки и притоки и со всеми угодьями, от вершин той реки и до устья". Грамота эта исчезла уже к началу XVIII в. Казаки уверяли, что она сгорела во время пожара — эта версия излагалась в донесении станичного атамана Ф.Рукавишникова в Коллегию иностранных дел в 1720 г., в челобитной, поданной депутатами Яицкого войска Екатерине II в 1767 г. Интенсивные поиски грамоты в XVIII—XIX вв. не были успешными. Но содержание целого ряда официальных постановлений по вопросам землепользования указывало на то, что не только казаки, но и правительство верило в реальность пожалования Яицкому войску царской владенной грамоты. Имеются, в частности, в виду указы Сената от 28 октября 1732 г. в Военную, Иностранных дел и Камер-коллегии, казанскому и астраханскому губернатору, повелевающие не допускать башкир и жителей низовых городов к ловле рыбы в Яике и его притоках, где имеют промысел яицкие казаки. Право монопольного владения казаками Яиком и его притоками и прилегающими землями было подтверждено промемориею Военной коллегии 6 марта 1734 г., а также указами той же коллегии в Казанскую и Астраханскую губернские, Уфимскую провинциальную канцелярии, в войсковую канцелярию, наконец, Манифестом о межевании. В промемории Саратовской рыбной конторы от 19 сентября 1748 г. говорилось о запрещении отдавать на откуп рыбные ловли в Узенях как пожалованные Яицкому войску государем Михаилом Федоровичем.

Положение 1803 г. об Уральском войске гласило: "Войску, пребывающему в своих селениях, довольствоваться от тех преимуществ и выгод, которыми они доныне пользовались". Точка зрения центральной власти на эти "преимущества и выгоды" откровенно была обозначена в Высочайше утвержденном мнении Государственного Совета 7 мая 1826 г. (оно появилось в результате рассмотрения вопроса о заливе Каспийского моря Богатом Култуке: "Уральское войско хотя и не представило привилегий на владение водами Богато-Култукскими, изъяснив, что привилегии вообще на земли и воды, им в древние времена данные, истреблены во время бывшего в том крае неустройства и пожаров, — подчеркивалось здесь, — но достаточно и неопровергаемо существование тех привилегий доказано другими документами; на сем основании Государственный Совет положил: Богатый Култук... как доказанную древнюю принадлежность уральских казаков, возвратить от князя Юсупова в первобытное их владение"[60].

Сибирские служилые люди, как уже отмечалось, сразу по водворении на новых землях, стали заводить пашни, закреплять за собой сельскохозяйственные угодья. На первых порах правительство никак не регламентировало служилое земледержание в Сибири, хотя с конца XVI в. всячески стремилось "служилых людей в пашню вваживать, чтоб себе пашню пахали и впредь бы с Руси хлебных запасов посылати меньше". Уже в царском

наказе 1592 г. назначенному пелымским воеводой П.И.Горчакову, между прочим, предписывалось выделить участки для хлебопашества прибывшим на постоянное жительство казакам и стрельцам. Отсутствие в конце XVI—начале XVII вв. официальных фиксированных норм отвода земель служилым людям приводило к тому, что величина участков в служилых хозяйствах очень сильно варьировалась (в первой половине 1620-х гг. в Западной Сибири, например, от 0,75 дес. на двор до 121 дес.)[61].

Ситуация изменилась после реформы тобольского воеводы Ю.Я.Сулешева (1623—1625 гг.), поставившей в значительной мере служилое землевладение под контроль властей. Земельные участки служилым людям стали отводиться, как правило, в размерах, соответствовавших их хлебному окладу. Ко второй половине XVII в. наиболее распространенные наделы (в одном поле) составляли: пахотной земли у пеших казаков — 5-5,5 дес., у конных казаков — 6-10 дес., у начальных людей (пятидесятников, сотников, атаманов, детей боярских и сибирских дворян) — 10-20 дес.; сенокосов у казаков — 10-20 дес., у детей боярских и сибирских дворян — 20-40 дес. В дальнейшем официальные нормы отвода земли уменьшаются. Так, в 1696 г. было предписано "сибирских городов служилым людям за хлебные оклады" отводить: дворянам и детям боярским — по 10 дес. пахотных угодий в одном поле (30 дес. в трех полях) и сенных покосов на 600 копен (примерно по 30 дес.), конным казакам — по 6,5 дес. в поле и покосов на 300 копен, пешим казакам — по 5 дес. пашни и покосов на 200 копен. С 1732 г. по указу Сибирской губернской канцелярии и конному казаку стали отводить надел пахотной земли в 5 дес.[62] На практике, однако, сплошь и рядом допускались отступления от установленных норм.

Земельные угодья отводились служилым людям как в индивидуальное ("собинное"), так и в коллективное ("вповал") держание. Но и в том и в другом случае поиском земель под служебные наделы вплоть до 60-х гг. XVIII в. занимались преимущественно сами казаки.

В Сибири, наряду с официальными отводами, существовало и приобретение земли служилыми вольным захватом. Это было обусловлено особенностями хозяйственного освоение региона, наличием большого резерва свободных земель, сравнительно небольшим населением, практическим отсутствием помещичьего землевладения.

Приобретали угодья (как правило, уже введенные в сельскохозяйственный оборот) и другими способами: по наследству, взятием в аренду, в счет погашения долга, наконец, путем покупки. В любом случае служилый мог оформить свои права на приобретенный участок в местных органах власти, подчас как на служебный надел.

В условиях сибирской таежной и лесостепной зон при широко используемых подсечной и залежно-паровой системах земледелия требовались огромные затраты труда, что вынуждало служилого земледельца привлекать к работе своих родственников, использовать помощь соседей. В ряде районов Сибири сложилось и функционировало "повальное" и "долевое" землевладение (складническое хозяйство).

Служилый человек мог войти в складническое хозяйство тремя путями. Во-первых, не в одиночку, а "со товарищи", подыскав и введя в хозяйственный оборот земельный участок, на который впоследствии можно было получить коллективную отводную грамоту. "Вповал" за службу местная администрация, как отмечалось, могла отвести землю нескольким казакам

и сразу. Во-вторых, казаку нередко предоставляли служебный надел из "залишечных" крестьянских земель — в этом случае надел не выходил из "повального" земледержания, а служилый оказывался в одном коллективе со складниками-крестьянами. В-третьих, казак мог приобрести земельный участок, бывший частью коллективного держания, по закладной, в результате покупки, аренды и т.д.

Часть земли, находящейся на "жребии", "паи" или "доли" распределялась по договоренности между совладельцами. Каждый член "повального" сообщества имел право на свой пай, который он мог передать наследникам, разделить на части, обменять на другой участок, заложить, сдать в наем. Разделу и передаче в индивидуальное пользование отдельным дворохозяевам подлежали пахотные и сенокосные земли. Прочие же угодья (пастбища, водоемы, лес, часть сенокосов) оставались, как правило, в коллективном пользовании.

Преобладало, однако, у служилых людей Сибири вплоть до 1760-х гг. индивидуальное земледержание, что обусловило "распыленность" их земельных владений. Они часто владели "войче" поскотиной и покосами (упоминаются в источниках казачьи и стрелецкие луга), но пашенные угодья служилых, как правило, были сильно разбросаны, располагались чересполосно с наделами крестьян, посадских людей и пр.[63]

В данных, отводных памятях, подписных челобитных, владетельных указах, выдаваемых воеводской администрацией и являвшихся юридическим основанием держания служебного надела, оговаривались виды и размеры угодий, отводимых казаку, их местоположение. В них также указывалось на отсутствие у служилого владельца права отчуждать землю. Предписывалось "оною землю пахотною и подворною, сенными покосами, скоцким выпасом владеть вечно, а на сторону ни под каким видом не поступаться", или "владеть до указу, а на сторону никому не продавать и не заложить, и в крепости не писать, и в монастырь за вклад не отдать". Следует заметить, что Соборное Уложение 1649 г. запрещало отчуждение служилыми людьми по прибору своих земель на всей территории России: "Да и казакам своих казачьих вотчинных земель никому не продавать и не здавать", — говорилось в нем. Запрет этот подтверждался сенатским указом 1763 г.[64]

Земля у служилых находилась в наследственном держании. Указом от 18 ноября 1727 г. Сенат повелел "стараться, дабы вместо жалованья коих мочно свободными землями и другими пристойными угодьями удовольствовать с таким обнадеживанием, что у них и их детей то пожалованное вечно останетца", а 25 сентября 1732 г. Сибирская губернская канцелярия указала, чтоб пахотным землям и сенным покосам, которыми владеют служащие и отставные сибирские дворяне, дети боярские и казаки, "быть за ними вечно". Соответствующие положения повторялись в правительственных распоряжениях и актах местной администрации вплоть до середины XVIII в.[65]

На практике служилые люди достаточно свободно распоряжались своей землей: сдавали ее в аренду, закладывали за долги, продавали, отдавали в монастыри. Особенно уверенно обращались они с теми угодьями, которые доставались им не по официальному отводу, а другими путями. При этом опирались служилые на трудовое право — на представление, что земля Божья и вложенный в нее труд дает безусловное полное право распоряжения ею. "Казаки, — писал А.П.Васильев, — смотрели на землю, как на дело

своих рук, как на свою собственность, приобретенную их кровью, потом и трудом"[66].

Начальство на местном уровне не только зачастую смотрело сквозь пальцы на поземельные сделки служилых людей, но до конца 1760-х гг. официально санкционировало и регистрировало их (исключая с конца XVII в. акты купли-продажи). Воеводскую канцелярию, как правило, заботило лишь то, чтобы с земли продолжала поступать рента или выполнялась служба. Зарегистрированные властями "крепости" (купчие, закладные, поступные) в последующем могли выступать, наряду с данными и отводными, юридическим основанием держания земли. Они, а соответственно и права на землю, переходили по наследству или — в результате сделок — к другим лицам.

В условиях широкого распространения захватного способа приобретения угодий, власти вынуждены были признать за служилыми право "первой заимки" и "давности владения", когда основанием для распоряжения землей служило ее держание "исстари". Например, по данным Тарской переписной книги 1701 г., в 150 случаях (из 577) служилые люди владели землей "исстари", в 136 — по отводу и подписным челобитным, в 46 — по данным, в 82 — по поступным, в 66 — по купчим, в 37 — по закладным. Давность владения при необходимости подтверждалась дозорными и переписными книгами или выписками из них, либо показаниями соседей-старожилов[67].

Реальная практика свободного распоряжения землей нисколько не отрицала того факта, что вся земля за Уралом считалась собственностью государства. Причем собственность эта была не просто номинальной, верховная власть не только декларировала, что в "Московском государстве и в Сибири с земель служилые всякого чина служат Наши, Великого Государя, службы, а крестьяне пашут десятинные пашни и платят оброки, а даром землями никто не владеет" (указ 20 июня 1701 г.), но и на деле осуществляла права собственника. Причем даже зарегистрированные администрацией данные и крепости могли потерять всякую юридическую силу и считаться недействительными, если того требовал казенный интерес. Уже реформа Сулешева стала проявлением власти государства — собственника земли. Важное значение в развитии государственного права в поземельных отношениях имели Соборное уложение 1649 г., повальные описи хозяйств земледельцев в 1680-х гг., на рубеже XVII—XVIII вв. и в 1710 г.

Декларируемый и воплощенный на практике принцип "никому землями даром владеть не велено" обусловил основной характерный признак земледержания на казенных территориях: это было условное держание земли. Если у крестьян и посадских людей условием земдержания выступали обработка государевой "десятинной" пашни или выплата оброка, то у служилых таким условием были несение ими службы с одновременным лишением всего или части хлебного жалованья[68].

При формировании Оренбургского казачьего войска переселенцам, составившим его костяк, отводились земли под пашню, сенокосы, пастбища по частным распоряжениям главных начальников края на основе высочайших повелений о заселении пограничных линий. При этом не определялся строго ни размер надела на душу населения, ни способ владения. Земли обычно отводились на казачьи отряды (общины) в целом. По Оренбургской и Уйской линиям земельные дачи выделялись внутрь линии на 7-25 верст, а по

черте — на 17-35 и более верст. На внутренних линиях отвод осуществлялся во все стороны на 10-20 и более верст.

В 1768 г. оренбургским казакам было разрешено заводить хутора, но без утверждения земли в вечное пользование (ордер кн.Путятина к атаману оренбургских казаков Могутову от 19 августа 1768 г.).

По мере роста населения и успехов земледельческой колонизации на Южном Урале на казачьих землях стали селиться крестьяне. Так образовались целые волости государственных крестьян: Кундравинская, Верхнеувельская, Нижнеувельская. Между казаками и соседями-крестьянами стали возникать поземельные споры, которые порой длились десятилетиями[69].

С середины XVIII в. политика государства в отношении служилого землевладения претерпевает коренное изменение. Связано это было с общим курсом на насаждение уравнительного сословного землепользования. С этой целью во второй половине XVIII в. разворачивается генеральное межевание земель. В соответствии с межевыми инструкциями 1754 и 1766 гг. в Сибири начинается внедрение подушного и подворного землепользования, переделов земли, формирование казенного оброчного фонда, угодий. Сенатским указом от 14 марта 1746 г. запрещается владение землями детям боярским и казакам, "кои не из дворянства и сами в подушном окладе состоят". Инструкция 18 мая 1754 г., с одной стороны, признает право служилых "прежних служб" на земельные наделы, если они продолжают выполнять свои функции, но, с другой, категорически запрещает индивидуальное владение землей лицам, не достигшим обер-офицерских чинов и "не из шляхетства". Более подробно права на землю "прежних служеб служилых людей" разъяснялись в межевой инструкции 25 мая 1766 г. По ней земля должна была отводиться впредь всем землепользователям "не каждому порознь, но вообще всем одной слободы, села или деревни". На каждый двор, "полагая в нем по 4 души", должно было отводиться 60 дес. "на пашню, леса и сенные покосы, также под усадьбу и на выгон". Инструкция разрешала оставлять за служилыми купленные прежде ими "и предками их и данные предкам за их службу из поместья в вотчину земли и с поселенными на них собственными их людьми и крестьянами". Эти земли служилые имели право продать до межевания "только равным себе". Впредь, однако, покупка земли и крестьян запрещалась. Запрещалась и их продажа любым лицам, сдача в наем (аренду) сроком более одного года, отдача за долги, раздел по наследству и передача в приданное. Нормы данной инструкции нашли отражение в разработанном в Уложенной комиссии "Проекте законов о правах войск казачьих" (1769 г.), где говорилось, что казаки "продавать и закладывать те земли ни частно, ни обще никому не могут". Подобным путем правительство хотело ликвидировать индивидуально-подворное землевладение и возможность отчуждения земли среди земледержателей-недворян. В русле этой же политики был издан указ 17 марта 1775 г., запрещавший оформлять данные и крепости на земли.

В 1764 г. был ликвидирован Сибирский приказ. Снабжение казаков, в том числе и провиантом, перешло в руки военных властей. Вслед за этим в конце 60-х — начале 70-х гг. XVIII в. у сибирских казаков, кои "служат с пашни", в обязательном порядке восстанавливается выдача провиантского довольствия. С этого времени казак, желающий сохранить или получить надел пахотной земли, обязан был выплачивать с него оброк. В противном

случае земля отбиралась. Казак-"обротчик" мог удержать за собой надел в 15 дес. пахотных и 15 дес. сенокосных угодий в трех полях.

Новое положение в полном объеме касалось земель пеших казаков. У конных же оброком облагались лишь пахотные земли. Сенные покосы указами конца 60-начала70-х гг. предписывалось давать им "бес платежа оброка" (с сохранением, однако, всех видов довольствия) из расчета 15 дес. на одного конного казака в трех полях[70]. Внесенные властями в поземельные отношения новации привели к тому, что индивидуальные земельные держания служилых людей из "вечного владения" (как провозглашалось в правительственных указах первой половины XVIII в.) превращались в оброчные. Оброк взимался со всего надела, независимо от того, какая его часть находилась в сельскохозяйственной обработке. С казаков, занятых службой и не имевших возможности обработать свои угодья, оброк все равно вычитался из жалованья. После смерти казака платежи требовали с ближних его родственников. Казна неотступно соблюдала свои интересы и требовала долги за давно прошедшие годы.

В то же время практика "переоброчки" сопровождалась повышением размеров оброчных платежей, даже для земельных угодий, бывших некогда наследственными. Казак теперь выступал уже просто как землепользователь, арендующий у государства земельный участок. Причем этот участок при очередной переоброчке мог перейти в пользование другого лица. Показательна в этом плане история земельных держаний забайкальских казаков Поповых, изложенная сотником Е.Поповым в челобитной на имя атамана Забайкальского казачьего полка в 1823 г. Е.Попов сообщал, что в давние времена его прадеду был дан земельный участок "за отличную службу и успехи в вечное и потомственное наследство". Землей этой владели дед, отец и родной брат Е.Попова. При жизни брата "неизвестно почему ведена оная в оброк от 5 до 50 руб. в год в казну платы". В 1782 г. 15 дес. земли "из оброка" имел сам Е.Попов, но в 1788 г. "при публичном торгу возвышены цены на оную до 120 руб. в год". В результате неурожая Е.Попов не смог выплатить оброк и земля перешла к другому лицу.

Вместе с тем часть казачьих земель в последней трети XVIII в. получает статус служебных наделов в чистом виде, т.е. владение землей уже не сопровождалось лишением части жалованья или требованием оброка ("выдела", арендной платы), как было до конца 1760-х гг. Это касалось сенных угодий, безоброчно отводимых конным казакам.

Не успели нормы межевания земель 1766 г. начать воплощаться в жизнь, как правительство пошло на сокращение наделов, полагавшихся сибирским служилым людям. По инструкции 1770 г. предусматривалось выделение на казачий двор в Западной Сибири по 6 дес., "полагая в то... число на усадьбы, выгон, пашню, сенные покосы и пр.". Сенатский указ от 27 марта 1773 г. предписал отвести верхнеиртышским крепостным казакам, их детям и "свойственникам" по 6 дес., "полагая в сем числе усадьбу, выгон, пашню, сенные покосы и лесные угодья". Уменьшение нормы отвода по сравнению с межевой инструкцией 1766 г. Сенат мотивировал тем, что казаки в отличие от прочих земледельцев получают жалованье, "что уменьшенной пропорции" достаточно на их довольствие, а, с другой стороны, эта пропорция "не делает излишества и чрез то, занимая их хлебопашеством, не удаляет от настоящей по их званию службы". Отводимые 6 дес. не облагались оброком, и за казаками сохранялись все виды жалованья.

Указ этот касался казаков только Иртышской линии, но постепенно юридическая практика распространила его и на другие казачьи районы Сибири.

В последней трети XVIII—начале XIX вв. земли стали отводиться не индивидуально, а целиком на все подразделение (городовую команду или пограничную сотню) из расчета (с 1770-х гг.) 6 дес. на каждого казака. Правда, в Восточной Сибири этот новый порядок отвода первоначально затронул лишь сенные покосы и пастбища, которые давали "вповал" только на конных казаков. "Общий отвод" всех угодий у восточносибирских казаков начался лишь в начале XIX в.

Появление нового порядка отвода земельных участков означало зарождение у сибирских казаков корпоративного землевладения.

Поскольку землей стало наделяться целиком все казачье подразделение, то, соответственно, и земельные участки казакам стали отводить компактными массивами, по возможности в одном месте, после чего их делили между казаками по жребию. Распределение земли по душам (жеребьевка) было отдано ведению самой команды. Теперь она через своего командира выступала защитником интересов казаков-земледельцев. Если раньше казак в своих поземельных отношениях сталкивался непосредственно с государством в лице его представителей на местах — восвод, то теперь между казаком и государством стояла казачья команда как корпоративный землевладелец. При этом казачьи наделы вновь перешли в разряд наследственных владений, но уже не индивидуально каждого казака (как это было до конца 1760-х гг.), а казачьей корпорации в лице городовой или пограничной (линейной) команды. За владение землей казаки не были обязаны каким-либо оброком, сохранялись за ними и все виды довольствия, и таким образом уже сама служба выступала условием держания земли[71].

У уральских казаков пользование землей приобрело захватный характер. Всякий желающий мог запахивать сколько угодно земли в любой части войсковой территории. Экстенсивное ведение хозяйства приводило к быстрому истощению земли. Когда целины не стало хватать, обратились к старым залежам, т.е. землям, бывшим под посевом 10 и более лет назад. С течением времени пришлось использовать и менее старые залежи — 8-, 6-, 4-летние.

В целях предотвращения дальнейшего истощения земли войсковое управление в 1843 г. ввело ограничение на число десятин под распашку: 120 — для штаб-офицера, 8 — для обер-офицера, 40 — для рядового казака. Такое количество десятин позволялось распахивать ежегодно в течение трех лет. По истечении указанного срока распаханная земля (360 и 240 десятин у штаб- и обер-офицеров и 120 десятин — у нижних чинов) должна была оставаться в постоянном пользовании у семейства без права распахивать новые участки. Данное постановление, однако, не соблюдалось.

В конце 1850-х — начале 1860-х гг. недостаток годных для пашни земель стал настолько ощутимым, что был создан специальный комитет для разработки правил землепользования из трех чиновников и трех казаков. Согласно мнению комитета, в 1859 г. войсковая территория была разделена на 3 полосы: 1) распаханная в данное время, 2) запасная, 3) вольная. В первой полосе разрешалось распахивать не более 20 дес. — на казака, 30 — на обер-офицера, 40 — на штаб-офицера. Во второй полосе распашка запрещалась в течение 10 лет (она должна была служить пастбищем). В третьей

полосе разрешалось распахивать всем желающим без ограничений. В 1861 г. деление на полосы было отменено. В 1862 г. ввели новые ограничительные правила пользования землей, теперь без указания места. Устанавливалось следующие нормы распашки: 25 дес. — казаку, 10 — малолетку, 35 — обер-офицеру, 15 — штаб-офицеру. Выбор места под сенокосы и пастбища не регулировался[72].

На рубеже XVIII—XIX вв. в связи с переходом Оренбургского войска на кантонную организацию несколько улучшились условия для занятия хозяйственной деятельностью. Наряды на службу должны были осуществляться в соответствии с населенностью кантонов; казаков полагалось высылать для прохождения службы на ближайшие дистанции. Кантонным начальникам вменялась в обязанность опека над хозяйством служащих казаков. Строгие правила землепользования, однако, и в начале XIX в. отсутствовали.

Уже в XVIII в. некоторые станицы оренбургских казаков стали ощущать земельную тесноту. Чтобы обеспечить казаков участками, достаточными для исправного несения службы, Сенат в 1818 г. распорядился по представлению оренбургского военного губернатора Волконского о наделении казаков землей по Оренбургской и Уйской линиям полосой размером внутрь не менее 15 верст, а в прочих местах по 30 дес. на душу населения. Для реализации этого распоряжения в 1828 г. в Оренбурге была учреждена комиссия, которая так и не успела завершить свою деятельность, поскольку к середине 1830-х гг. сенатское распоряжение устарело в связи с изданием высочайшего повеления о местонахождении казачества собственно на линии.

Недостатки поземельного устройства войска волновали оренбургского военного губернатора Эссена. Он подготовил проект, в котором отмечал, что первоначально оренбургские казаки имели достаточное количество земли, высочайше пожалованной указами 1736, 1743, 1744 и последующих годов. Однако впоследствии, по распоряжению казенных палат, часть казачьих земель отошла во владение других сословий, в результате чего многие станицы остались при 15-десятинной пропорции земли на душу. По недостатку "как фундаментальной выгоды и важной собственности, от которой единственно и службу свою войско отправляет, — писал губернатор в своем проекте, — войско приходит в бедное состояние". Для устранения последнего Эссен проектировал возвратить станицам все земли, которыми они владели и на которые у них имеются акты; наделить станицы, утратившие акты, землей в пропорции не менее как по 30 дес. на душу; чиновникам войска выделить по 200 дес. на душу; провести межевание войсковых земель. Совет Военного министерства нашел в проекте ряд неясностей и вернул его автору в конце 1820 г.

В проекте преемника Эссена на посту оренбургского военного губернатора генерал-адъютанта графа Сухтелена (1831 г.) предлагалось в каждой станице отвести офицерам из станичных дач временные участки земли в размере: хорунжему — 60, сотнику — 90, есаулу — 120 дес.

В 1832 г. были высочайше утверждены правила о нарезке Оренбургского казачьего войска 15-верстовой полосой с внутренней стороны по всему протяжению Оренбургской линии. Следующим важным шагом в упорядочении землепользования Оренбургского казачьего войска стало Положение 12 декабря 1840 г., в соответствии с которым за войском была закреплена компактная территория почти в 8 млн дес. Вся территория войска была разделена

на 10 полковых округов с таким расчетом, чтобы на каждую душу приходилось не менее 30 дес. земли. В соответствии с Положением повышался статус землепользования войсковых офицеров. Параграф 61 Положения указывал: "Служащим и отставным чиновникам войска назначаются за заслуги... особые пожизненные участки" (правда, оговаривалось, что "мера сих участков и все дальнейшие по сему предмету правила имеют быть определены особым положением"[73].

Правительственная политика последней трети XVIII в. в отношении казачьего земледержания в Сибири привела к полному упадку земледелия у городовых казаков. У забайкальских же пограничных казаков оно делало только первые шаги. Для линейных казаков отвод положенных по указу 1773 г. земель к началу XIX в. так и не начался. При подготовке проекта Устава о городовых казаках было, в частности, отмечено, что "большая часть русских казаков не имела земель для хлебопашества, а только небольшие участки для сенокошения". Подобная ситуация вызвала озабоченность сибирской и центральной властей.

В 1808 г. в Положении о Сибирском линейном казачьем войске была вновь подтверждена душевая норма надела 6 дес. у линейных казаков. В 1810 г. Госсовет признал, что "казак, наделенный землей в нужном количестве, потребует от казны гораздо меньше", чем безземельный. После этого все проекты реорганизации сибирского казачества исходили из необходимости безотлагательного наделения каждого казака по 6 дес. (а где можно и по 15 дес.) земли, а там, где нет годных к пашне и сенокошению земель, предоставить служилым рыбные ловли и звериные промыслы.

По Уставу 1822 г. каждому служащему городовому казаку полагалось для хлебопашества и скотоводства по 15 дес. Эти земли должны были отводиться из "пустолежащих, а где невозможно, из оброчных казенных". При этом предусматривалось, что земли, "издавна отведенные казакам вместо выдачи провианта натурою" и "земли, расчищенные многолетними трудами самих казаков от лесов и осушенные из болот", остаются во владении казаков, "хотя бы и превышали оные положенную пропорцию". Пожалованные за службу земельные участки также сохранялись за казаками, держатели этих участков имели право и на "участки в землях, вновь отводимых"

Отставные городовые казаки и неслужащие казачьи дети по Уставу вообще не получали никаких земельных наделов. И этот порядок сохранился до середины XIX в. несмотря на неоднократные просьбы полковых атаманов решить положительно эту проблему.

Правила о порядке обеспечения городовых казаков землей по Уставу 1822 г. в 1824 г. были распространены и на станичных казаков, с тем, однако, дополнением, что земельные наделы должны были отводиться у них на каждую душу муж. пола, включая и детей.

У пограничных и линейных казаков сохранились прежние нормы отвода земли: у служащих и казачьих детей — по 6 дес. на каждого, а у забайкальских отставных пограничных казаков — по 15 дес.

В земельный надел казаков должны были входить все виды угодий: пахотные, сенокосные, лесные и выгон для скота. Казачьи наделы по-прежнему не облагались никакими платежами в казну и владение ими не влекло за собой лишения части жалованья. При этом у сибирских казаков официальные нормы земельных наделов не были дифференцированы в зависимости от чина: и рядовые, и офицеры получали одинаковую пропорцию земли на

душу. Правда, в 1830—40-х гг. стали появляться предложения (в частности, генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я.Руперта, сенатора И.Н.Толстого) поставить размер надела в зависимость от чина: у рядовых и урядников — до 15-25 дес., у офицеров — до 30-80 дес.

Все угодья сибирским казакам во второй четверти XIX в. отводились целиком на все подразделение (как правило, сотню) и считались у пограничных и линейных казаков во владении войска, у городовых казаков — в полковом владении. Казаки же выступали в роли совладельцев.

Большая часть пахотных и сенокосных угодий, закрепленных за подразделением, поступала в раздел казакам. Сенокосы делились на паи по 5 дес. каждый. На рядового казака полагался 1 пай, на урядника — 2, на офицера — 3, на атамана — 4. Паи распределялись между казаками по жребию. Жеребьевка проводилась ежегодно, и соответственно каждый год казак мог получить новый участок сенокосов. Сложнее из-за состояния источников было реконструировать систему раздела между казаками пахотных угодий. Но и здесь, вероятно, не обходилось без переделов. По крайней мере, ведомости о посевах отмечают тот факт, что у казаков могли сменяться участки ("дачи"), на которых они занимались хлебопашеством: засевавшие один год на казачьих землях, на следующий год засевали на землях, взятых в аренду, и наоборот. Часть земель и все рыболовные угодья разделу между казаками не подлежали. Они поступали в "экономию" — своего рода "неделимый" фонд отдельного казачьего подразделения.

Станичным казакам, составляющим особые поселения — станицы или же проживающим значительными группами в одном населенном пункте "обще" с государственными, заводскими или "инородческими" крестьянами, земля отводилась также компактными массивами, и целиком на всех ("засевают хлеб и сенокошение имеют на особо отведенных землях"). Те же станичные казаки, которые были рассеяны мелкими группами по крестьянским селениям, получали наделы по узаконенной пропорции в 15 дес. из земельных дач тех крестьянских обществ, на территории которых проживали ("станичные казаки пользуются пахотными и сенокосными землями наравне с крестьянами из отводимых крестьянам дач"). В последнем случае наделы могли отводиться как целиком на всех казаков данного селения, так и индивидуально каждому дворохозяину[74].

Разумеется, при обширности фонда свободных земель переделы практиковались не везде, предпочтение могло отдаваться захватному способу приобретения земли. Последнее было характерно в Сибирском линейном войске, и не только в дореформенный период, но и в пореформенный, вплоть до 1917 г.

В соответствии с межевой инструкцией 1766 г. в Российской империи началось генеральное межевание всех земель, которое должно было закрепить новые принципы поземельной политики правительства. С 1783 г. по всей стране стали создаваться губернские чертежные и вводиться должности губернских и уездных землемеров.

Отсутствие определенных границ территории Уральского казачьего войска порождало постоянные нарушения прав собственности. Воспользовавшись проведением генерального межевания, уральские казаки в 1796 г. просили Военную коллегию обмежевать свои владения. Отправленные Сенатом землемеры Нилов и Добровольский начали в 1801—1802 гг. обмежевание казачьих земель. Межевание сразу же повлекло запутанные поземельные процессы между Уральской войсковой общиной и соседями.

Наиболее крупными были споры с крестьянами дер.Белогорской Бузулукского уезда из-за границы по Общему Сырту (1802—1825 гг.); с князем Юсуповым за Богато-Култукские воды (1803—1826 гг.); с Саратовской казенной палатой за владение Уральской степью (с 1804 г.); с башкирами Саратовской губернии за владение урочищами Пороги, Сакрыл и др. (1810—1826 гг.); с Внутренней Букеевской ордой за Между-Узенский участок с Камыш-Сараскими озерами (1828—1861 гг.). Положительным в этих тяжбах было то, что ими закреплялись права войска на владение рядом спорных территорий, отрицательным — переход некоторых спорных участков в другие руки.

Споры, которые вело Уральское казачье войско с соседями из-за границ, несколько раз прерывали проведение межевания, растянувшегося на всю первую половину столетия. Для более точного определения количества войсковых земель во второй четверти XIX в. создавалось несколько съемочных комиссий (1832, 1840, 1845, 1847 гг.). Неточности, допущенные этими комиссиями при исчислении площади земель, заставили в 1853 г. приступить к подробной хозяйственной съемке, производившейся офицерами корпуса топографов при штабе отдельного Оренбургского корпуса. Хотя межевые работы в первой половине XIX в. в Уральском войске и не были завершены, а многие участки оставались спорными, все же был достигнут некоторый прогресс в упорядочении землепользования; получены примерные данные о войсковой территории — 6566959 дес.[75]

Межевание в Сибири из-за обширности границ, малочисленности землемеров, халатного отношения местной администрации и других причин продвигалась очень медленно. В результате, например, фактическое наделение землей Сибирского линейного казачьего войска по указу 1773 г. началось лишь в 1820-х гг.

В начале XIX в. процесс межевания казачьих земель в России интенсифицируется, что было связано с общим стремлением правительства определить границы каждого войска и дать казакам определенный земельный надел. В 1821 г. для размежевания на западно-сибирских линиях была создана межевая комиссия. Импульс землеустройству казаков Сибири дал Устав 1822 г., который предписывал начать отвод земли, не дожидаясь "подробного всей губернии обмежевания". Результаты межевания казачьих земель по всей Сибири в исторической литературе оцениваются в целом как весьма неудовлетворительные. Наделение казаков землей до "полной пропорции", как и вообще межевание казачьих земель, не было доведено до конца даже к середине XIX в. Нередко земли отводились в значительном отдалении от места жительства или были плохого качества.

Вместе с тем нельзя не отметить и позитивные результаты этой работы. Во-первых, началось общее упорядочение землеустройства сибирского казачества, его земли в массе своей стали приводиться в "известность"; выяснились их площадь и качество, были составлены чертежи и планы. Во-вторых, осуществлялся, пусть и медленно, массовый отвод земли казакам, что способствовало реанимации казачьего земледелия после кризиса последней трети XVIII в. (когда наблюдался процесс обезземеливания сибирских казаков). В-третьих, земельные угодья отводились казачьим подразделениям и закреплялись за ними компактными массивами. Землемерам предписывалось "назначение земель делать в общую округу, а не раздробительными участками". В-четвертых, земля отводилась не индивидуально,

а целиком на все подразделение, что утверждало корпоративность казачьего землевладения.

Новый этап в землеустройстве сибирских казаков начался с изданием Положений середины XIX в. В интересах организации боеспособной и не требующей больших финансовых затрат вооруженной силы правительство пошло на передачу во владение сибирских казачьих войск и городовых полков не только земель, ранее принадлежащих казакам, но и "пустолежащих, свободных казенных земель" и всех казенных оброчных статей, оказавшихся на войсковой или полковой территории, а также земель государственных и заводских крестьян, зачисляемых в казачье сословие. Нормы поземельного довольствия были повышены и дифференцированы по примеру прочих казачьих войск в зависимости от чина. В Сибирском линейном и Забайкальском полагалось штаб-офицеру — 400, обер-офицеру — 200, уряднику или казаку — 30 и "для каждого церковного притча станичных церквей" — 99 дес. "способной к хлебопашеству и скотоводству земли". В Тобольском, Енисейском и Иркутском конных полках полагалось обер-офицеру — 60, казаку — 30 дес., а в Тобольском пешем батальоне и Якутском полку оставлена прежняя норма в 15 дес. При этом землей наделялось все мужское взрослое население, а не только служащие казаки.

Все казачьи земли стали считаться единым войсковым или полковым владением. Войсковые земли делились в Сибирском линейном войске на 9 полковых, а в Забайкальском на 6 полковых и 12 батальонных округов, в городовых полках просто отводились на полк и отмежевывались затем каждой сотне в "надлежащем количестве" по "числу чиновников войскового сословия, казаков и церковных причтов" Сверх того прирезывались про запас пустолежащие земли "на увеличивающееся народонаселение и для войсковых хозяйственных владений": в Сибирском — по 24 тыс. дес. на полк, в Тобольском, Енисейском и Иркутском полках — по 3 тыс. дес. на сотню, в Забайкальском войске эта норма должна была быть определена в ходе межевания. Все земли, отведенные войску или городовому полку, делились на две категории, одни считались про запас, числились в "экономии". Их могли сдавать в аренду всем желающим. Другие поступали в раздел казакам "на общем станичном праве". Но и в последнем случае казакам отводилось в "число назначенной пропорции" лишь 2/3 угодий (пахотных и сенокосных), треть же оставалась в общественном пользовании для выпаса скота, рубки леса и ловли рыбы. В тех местах, где из-за климатических условий хлебопашество было невозможно, казаков наделяли вместо пахотных рыболовными или звероловными угодьями.

Сверх наделов, получаемых "на станичном праве", казакам разрешалось "приобретать посторонния земли". Кроме того, они могли иметь участки, прежде им пожалованные в индивидуальное владение, или купленные, или вовлеченные в сельскохозяйственный оборот собственными трудами, не лишаясь при этом права на служебный надел.

С изданием в середине XIX в. Положений о сибирском казачестве можно говорить об окончательном оформлении корпоративного казачьего землевладения, основные параметры которого можно свести к следующим: 1) земля считалась во владении всего войска (у сибирских линейных и забайкальских) или городового полка, за исключением "благоприобретенных" в индивидуальное держание. Часть ее поступала в "экономический" фонд, часть отдавалась собственно казакам, причем, в последнем случае пашни и

сенокосы делились по жребию на паи между казаками, а прочие угодья находились в их общем пользовании. Казачьи земельные участки периодически подвергались переделам; 2) земельный отвод включал все виды угодий: пахотные, сенокосные, лесные, рыболовные и пастбища; 3) землей наделялись все взрослые лица мужского пола, принадлежащие к войсковому сословию; 4) казачьи наделы не должны были менять свой статус "служебных". Переход войсковой (или полковой) земли во владение лицам неказачьего звания безусловно запрещался; 5) владение и пользование землей не сопровождались вычетами из казачьего жалованья.

Верховным собственником отводимых казакам земель по-прежнему оставалось государство. После издания межевой инструкции 1766 г. все сделки по земле уже безусловно признавались незаконными. Примечательно, что в проекте законов о правах казачьих войск 1769 г. декларировалось: "Оные казаки имеют право пользоваться землями с принадлежащими к ним угодьи, данными им на целые войска, но продавать и закладывать те земли ни частно, ни обще никому не могут". Право распоряжения казаков землей было сужено до минимума. Как арендованные казенно-оброчные статьи, так и безоброчные наделы, отводимые целиком на всю команду, казаки не могли не только продать, отдать за долги, но и передать по наследству или оставить за собой при выходе в отставку. В отношении оброчных земель наследование было возможным лишь при условии платежа оброка наследником. Но последний в этом случае выступал просто новым арендатором. Служебные же наделы (те, которые поступали в индивидуальный раздел) вообще достаточно свободно переходили у казаков из рук в руки в связи с пережеребьевкой, служебными или территориальными перемещениями. Единственной возможностью распоряжаться землей была сдача в аренду. Почти постоянно сдавались в аренду (и не только казакам) земли, находящиеся в общем владении казачьего подразделения, прежде всего сенные покосы и рыболовные угодья.

Устав 1822 г. и Положения середины XIX в. безусловно запрещали как отдельным казакам, так и казачьим подразделениям и всему войску в целом отчуждать данные им земли. Последние предоставлялись лишь в "общественное владение". При этом казна сохраняла за собой право распорядиться казачьими землями по своему усмотрению. В Положениях даже специально оговаривалось, что в случае обнаружения на казачьих землях полезных ископаемых, они сразу же переходят в казну, а казакам отводятся новые участки. Свою власть верховного собственника государство активно использовало в ходе межевания конца XVIII—первой половины XIX вв. Известны факты, когда часть земель, пожалованных прежде казакам, отбиралась и передавалась другому земледельческому обществу или обращалась в казенно-оброчный фонд. Осуществить же куплю-продажу земельного участка, полученного казаком от команды, было невозможно, поскольку казачье начальство вело ежегодный учет угодий.

В целом можно считать, что к середине XIX в. на землях, отведенных казачьим подразделениям (полкам, войскам), сложился такой порядок землевладения, когда верховным собственником земли являлось государство. Войско (или городовой полк) выступало в роли корпоративного землевладельца, а казаки были совладельцами и пользователями. Аналогичный порядок землевладения существовал и в других казачьих войсках (Донском и Черноморском)[76].

Столь жесткие нормы земледержания распространялись на земли, отводимые "вповал" на все казачье подразделение. Но Устав 1822 г. и Положения середины XIX в. разрешали казакам и индивидуальное владение землей, приобретенной другими путями (вовлеченной в сельскохозяйственный оборот собственными трудами, в том числе и вольным захватом, купленной, приобретенной за долги и т.п.). Порядок владения этой землей, не являвшейся служебным наделом, никак не оговаривался в государственных постановлениях, но, скорее всего, вписывался в общую практику земельных отношений, существующую у сибирских хлебопашцев, прежде всего крестьян, и выражавшуюся в праве любого лица на "росчисть", т.е. разработку и полное распоряжение (в течение 40 лет) неокультуренными землями.

Можно заключить, что служилое земледержание в XVII—первой половине XIX вв. обладало теми основными показателями, которые позволяют применить к нему понятие "владение", а именно: право и возможность долгосрочного держания и ограниченные права распоряжения — передача по наследству, сдача в аренду (до 1760-х гг. — индивидуальное владение, после — наследственное владение казачьего подразделения), а также — отсутствие юридического права отчуждения; с конца XVIII в. исчезает и реальная практика отчуждения служебных наделов. В его развитии можно выделить два основных этапа.

Первый этап (XVII — 60-е гг. XVIII в.) характеризуется преимущественно индивидуальным и отчасти коллективным отводом земель служилым людям. Условием владения землей на этом этапе выступала выплата натурального оброка ("выдел" или лишение хлебного оклада). Официально употребляемое выражение "служба с пашни") не меняло существа поземельных отношений между служилым человеком и государством, и надел, отведенный казаку взамен хлебного довольствия, лишь фиктивно являлся служебным. Причем наделы могли потерять и этот фиктивный статус "служебных" при выходе в отставку их владельцев, при переходе их по наследству в руки неслужащих казачьих детей и родственников, а также в случае их отчуждения лицам неслужилого звания.

Отсчет второму этапу можно вести с последней трети XVIII в., когда владение землей, полученной от казны, перестало отягощаться выплатой натуральной (или денежной) ренты и казачьи наделы приобрели в связи с этим уже фактически статус служебных. Служилое землевладение начинает приобретать черты корпоративности. Процесс складывания корпоративного землевладения растянулся на несколько десятилетий, протекал у различных территориальных групп сибирского казачества разными темпами и завершился в середине XIX в. формированием единого фонда земель у Сибирского и Забайкальского войск и у сибирских городовых полков.

5. Войсковые финансы и имущество

Одним из показателей складывания у казачества войсковой организации было наличие войсковой "экономии". В состав последней входили как денежная казна и имущество, так и земли, рыболовные угодья, скот и лошади, находящиеся в общем владении казачьего подразделения и не поступающие в раздел казакам. По показаниям яицких казаков, практика иметь общевойсковой бюджет сложилась в общине очень рано. Он составлялся из сумм от продажи

учужной рыбы, а также специальных сборов, взимавшихся со всех казаков. Атаман Григорий Муркульев утверждал, что "от начала поселения их на Яике обыкновенно сборы бывали с казаков на войсковые нужды". Из записок атамана А.Гречухи, относящихся к последней четверти XVII в., видно, что уже в то время большая часть общественных работ и военных обязанностей в общине, отправлявшихся на основе свободного найма, оплачивалась из общинного бюджета[77].

В Сибирь традиция "войскового кошта" была занесена уже первыми ермаковыми казаками. В XVII в. городовые служилые корпорации — "миры" сохраняли за собой право иметь свою "коробью", или "казну". Она образовывалась в основном за счет поголовного обложения служилым миром своих членов определенным денежным взносом, а частично — за счет военной добычи и конфискации имущества во время бунтов и мятежей. Во время сыска о злоупотреблениях тюменского воеводы И.А.Львова в 1640 г. служилые люди признавались: "А збирали де они в тое пору в своем приказе со всякого человека по алтыну и отдали те деньги своим пятидесятникам... для братцкого расходу".

Деньги из "войсковой коробьи" использовались на общеармейские и государевы нужды. Нехватка государственных средств вынуждала служилых людей нередко на своем коште, в складчину, подниматься в поход для приискания новых землиц и покорения "немирных инородцев". Войсковая казна использовалась и для оплаты расходов, связанных с выполнением государственных повинностей. В 1695 г. енисейские служилые люди, на которых было возложено изготовление судовых снастей, на коллективные средства наняли для этой цели вольных "охотников". Из общей казны выделялись также деньги на посылку мирских челобитчиков[78].

Яицкие казаки и в XVIII в. продолжали собирать деньги на "подмогу" однообщественникам, нанимавшимся на военную службу или на общественные работы. Кроме того, в войсковой бюджет поступали откупные кабацкие, весовые и поведенные деньги (в середине XVIII в. их общая сумма не превышала 400-435 руб.). Средства эти шли на общевойсковые нужды: отправление ко двору "презента", вырубку и сплав леса, прогоны посылавшихся от войска лиц в Оренбург, Астрахань и другие места, содержание и награды приезжавшим из Киргизской орды послам, покупку лошадей для поездки с экстренными поручениями в орду, церковные и канцелярские расходы. Еще одним источником общих доходов были так называемые "домоседные деньги", собиравшиеся с казаков, имевших право участия "в первом и наилучшем промысле багренья"; эти деньги поступали в пользу священников с причтом, канцелярских служащих, войскового толмача, канониров и кузнецов, а также атаманов, старшин, отставных и малолетних. Сумма "домоседных денег" была значительна (например, в 1754 г. — 1312 руб., 1757 г. — 2070 руб., 1760 г. — 4593 руб.).

Одним из старинных сборов, существовавших в Яицком войске в XVIII в., был "печаточный". Происхождение его таково. В XVIII в. служащие по управлению — атаманы, есаулы, старшины, дьяки и т.п. — не могли лично участвовать в рыбной ловле, но имели право нанимать определенное количество рабочих для рыболовства. Оформлялось это право выдачей представителям старшин билетов с печатью (печатками). Лица, имевшие право на получение билетов, однако, предпочитали продавать свое право на использование наемных рабочих отставным и малолетным. Впоследствии вой-

сковая канцелярия разрешила допускать к осеннему рыболовству и багрению всех без исключения отставных казаков и малолетков, взимая за это (за "печатки") определенные суммы.

В 1749 г. Сенат, вследствие отношения Военной коллегии и согласия войска ежегодно вносить в казну 708 руб. 49 коп. акцизного сбора, отдал Яицкому войску на откуп водочную продажу в Яицком городке, чем также увеличил городской доход.

Важным приобретением для Яицкой казачьей общины стало получение в 1752 г. в откупное содержание казенного учуга на Яике за определенную ежегодную плату. После этого казаки сделались полными хозяевами нижнего течения Яика.

До 1758 г. правительство собирало десятину с вывозимой из войска соленой рыбы в пользу государства. В 1758 г. сбор был отдан в откупное содержание войску за ежегодный взнос в казну 2770 руб. и стал также важным источником пополнения войскового бюджета[79].

Сибирские власти с середины XVIII в. предпринимают усилия по заведению на казачьих землях экономических пашен. В 1745 г. командующий сибирскими линиями генерал-майор Х.Х.Киндерман приказал привлечь к земледелию 400 крестьянских казаков по Иртышской и 200 по Колывано-Кузнецкой линиям. Каждый казак обязывался вспахать и засеять по три десятины рожью и по три десятины ярицы. Для проведения полевых работ воины-земледельцы получали по две пары казенных волов и необходимые земледельческие орудия. Через несколько лет, в соответствии с сенатским указом от 14 октября 1755 г., "полковая в хлебопашестве экономия" была заведена в Забайкалье, в Якутском полку, по р.Чикой. Обработкой этих экономических полей (200 дес.) занимались солдаты полка и селенгинские казаки. Полученный урожай шел на продовольствие войск. Хотя в 1770 г. экономические пашни и на линиях, и в Забайкалье были ликвидированы[80], приобретенный опыт использовался впоследствии при создании уже собственно войскового земледелия.

Становление и развертывание войсковых казачьих экономий приходится на конец XVIII—первую половину XIX вв. Правительство инициировало и активно способствовало их формированию. Сам термин "экономия" применительно к войсковому казачьему хозяйству появляется как раз на рубеже столетий.

В конце XVIII в. сформировался собственно войсковой капитал Уральского казачьего войска. Начало ему положило правительство, выделив на основе Высочайшего повеления от 10 января 1797 г. ежегодное пособие войску от казны "взамен пособий на хлеб и гурьевским казакам на жалованье вино и бочки" в размере 1025 руб.

Важной доходной статьей в первой половине XIX в. стал нетчиковый капитал — сбор денег с нетчиков (казаков, не принявших участия в сборе подмоги наряженным на службу). Не вся сумма нетчикового капитала шла в войсковую канцелярию, частично эти деньги расходовались на инвалидов.

Источниками формирования войскового бюджета оставались сбор от продажи печаток на ловлю рыбы отставным казакам или малолеткам, сбор за вывозимую из Уральска соленую рыбу и икру (10% с рубля по цене, существующей на рынке).

В бюджет войска шла выручка от продажи рыбных продуктов, остающихся от "презента" Высочайшему двору, квартирный сбор с жителей. С

развитием торговли быстро росли сборы по торговле: арендная плата за места на базаре, на ярмарках, за право торговли, откупные завесы (все товары должны были взвешиваться на войсковых весах).

Особенностью Уральского казачьего войска было отсутствие станичных капиталов, войсковой капитал являлся собственностью всего войска. Исключение составлял лишь Илецкий станичный капитал, который складывался теми же путями, что и войсковой.

Отличало Уральское казачье войско и практически отсутствие станичного имущества. Войсковым имуществом: землями, водами, всеми войсковыми угодьями — распоряжалось правление войска; доходы от аренды войскового имущества опять же шли в войсковой капитал.

Довольно активно в Уральском войске строились во второй четверти XIX в. хозяйственные заведения: к 1856 г. уже имелось 55 заводов (салотопенных, мыловаренных, кожевенных, свечных, кирпичных; пивоваренных, клеевых) и 114 мельниц[81].

В Оренбургском казачьем войске в XVIII в. не существовало войсковых сумм. Штат 1755 г. предусматривал содержание атамана, есаула, писаря на средства из казны и доходов с Оренбургской губернии. Штат 1803 г. предполагал содержание за счет казны лишь войскового атамана, содержание же войсковой канцелярии (обходившееся в 2550 руб.) относилось на счет войска. В связи с этим был установлен сбор денег со старшин, казаков и их детей. Собственно войсковой капитал начал формироваться лишь с 1835 г.; основой для него послужила сумма, которую стали ежегодно отпускать из государственного казначейства войску для внутреннего благоустройства (по 150 тыс. руб. ассигнациями) в качестве платы за эксплуатацию находившихся на войсковой территории месторождений благородных металлов и минералов.

Положение 12 декабря 1840 г. предусматривало пополнение войскового капитала за счет прибыли от общественных угодий и земель. Этим положением компенсационные выплаты за разработку месторождений благородных металлов и минералов увеличивались до 42837 руб. 14 1/2 коп. серебром в год.

В первой половине XIX в. появились новые источники поступлений средств в войсковой капитал. В 1836 г. в войске было учреждено Общество торговых казаков (в составе 500 чел.), которые освобождались от службы. Члены Общества обязаны были ежегодно вносить в войсковой капитал по 200 руб. ассигнациями. К 1858 г. в Обществе состояло уже до 600 чел. Мера эта способствовала не столько развитию торговли, сколько увеличению войсковых сумм. В Общество поступало много зажиточных казаков, не желающих нести службу.

С 1837 г. станицам и частным коннозаводчикам разрешалось ходатайствовать о выделении им для ухода за табунами лошадей табунщиков из числа служилых казаков. За каждого табунщика полагалась плата в сумме 7 руб. 15 коп. серебром в год. Деньги эти шли в общий восковой капитал.

В первой половине XIX в. предпринимались меры и по развитию войскового хозяйства. 16 февраля 1835 г. было высочайше одобрено ходатайство генерал-адъютанта В.А.Перовского об устройстве в Оренбургском казачьем войске запасных хлебных магазинов и о создании общественной запашки. Каждый казак в возрасте от 17 до 60 лет обязан был отныне высевать по 1 пуду зерна. Урожай сдавали в общественные магазины, пока не составился

хлебный запас по 15 пуд. 20 фунтов на душу населения. Излишки продавали, и четверть вырученных денег шла в хлебный капитал, а остальные на содержание надзирающих за общественной запашкой. В 1859 г. общественная запашка в Оренбургском войске была ликвидирована.

Оренбургское казачество уделяло внимание и селекционной работе. В 1832 г. по решению войскового атамана генерал-майора Энгельгардта был заведен конный завод. В 1851 г. он был по предложению оренбургского военного губернатора генерала-от-инфатерии Обручева преобразован в конный рассадник и случную конюшню (просуществовали до 1859 г.).

Особенно интенсивно хозяйственные заведения в Оренбургском войске создавались в 1840—1850-е гг. Если в 1841 г. в войске было лишь два кирпичных завода, то к 1856 г. имели уже 40 (кожевенных, салотопенных, кирпичных), 373 кузницы, 840 мельниц[82].

В этом же направлении с еще большей интенсивностью действовало командование Сибирского линейного казачьего войска. В 1795 г. начальник сибирских линий генерал Г.Г.Штрандман предписал создать в казачьих поселениях по Пресногорьковской линии рыболовные артели. Деньги, получаемые от продажи улова, поступали в общий артельный доход и расходовались на артельные нужды. Из артельного капитала выдавали ссуды беднейшим казакам. Погашение ссуд производилось путем вычетов из казачьего жалованья или из пая, причитающегося с доходов от рыбодобычи. Указами 1798 и 1802 гг. линейным казакам предоставлялось исключительное право на промысел рыбы по всему течению Иртыша выше Бухтовинской крепости, а также в оз.Зайсан и р.Черный Иртыш. Это право было подтверждено Положением 1808 г. В среднем течении Иртыша, других реках и озерах разрешалось ловить рыбу как казакам, так и крестьянам — с уплатой десятой части улова в пользу войскового капитала. В 1822—1824 гг., например, среднегодовой доход от рыбной ловли составлял 23 тыс. руб. ассигнациями.

С 1815 г. Сибирскому войску передавалось право сбора так называемой "ремонтной пошлины" — платы, взимаемой с кочевников-казахов за пастьбу скота на войсковой территории. До 1854 г. за счет ремонтной пошлины в войсковой капитал ежегодно поступало до 30 тыс. руб. ассигнациями.

Широкомасштабные акции по развитию войсковой экономии предпринял в 1820-х гг. командир Сибирского отдельного корпуса генерал-губернатор Западной Сибири П.М.Капцевич. Поставив перед собой цель "улучшить состояние казаков, не требуя однако же, ничего от казны", он с 1820 г. приказал завести по всем казачьим селениям войсковое хлебопашество. С этой целью на каждый эскадрон отводилось по 144 дес. земли (Капцевич предлагал отводить по 500 дес, но правительство его "поправило"). Для обработки выделенного участка эскадрон обязан был выделять четвертую часть личного состава и столько же казаков, числящихся в резерве. В течение осени 1820 г. эскадроны, "займывая" у крестьян-соседей сохи и бороны, подняли приходившиеся на их долю участки зяби. Всю зиму шло изготовление сох, борон, катков, хомутов, узд и прочего инвентаря и сбруи. Полагалось каждому эскадрону иметь 40 сох, 40 борон, 40 катков, 40 телег с соответствующим количеством рабочих лошадей и сбруи. Наряду с этим, командование закупило в 1821 г. 1540 сошников, 750 борон, 1500 серпов, несколько пудов гвоздей и полосового железа. На счет войсковых сумм приобретались также лошади, зерно на посев.

Под руководством Капцевича был разработал "годовой круг занятий полков фронтовою службою, Е.И.В. казенною и др." Согласно этому документу, с 25 апреля по 1 мая и с 20 июля по 15 октября казаки должны были работать на войсковой пашне и на заготовке для войсковых лошадей сена. Стремясь везде видеть идеальный порядок, даже во внешнем оформлении распаханных участков земли, каждый из которых должен был равняться 25 дес., участки полагалась отделять друг от друга межой в три сажени шириной ("для своза хлеба и проезда осматривающих пашни"). Внутри участка десятины разбивались межой в два аршина шириной и вбиваемыми в землю одинакового размера столбиками.

Весь урожай предназначался в войсковую экономию. При этом правительство продолжало отпускать войску деньги за положение по штатному расписанию провиант и фураж; часть денег раздавалась казакам в качестве платы за обработку войсковой пашни, часть шла в общий доход войска.

Однако экономический эффект от казенной пашни оказался малым. В 1821 г. в пяти правофланговых полках было собрано всего 13408 четвертей хлеба и во всех полках 13370 четвертей овса. Кстати, для продовольствия строевых и резервных казаков и их сыновей только в пяти правофланговых полках и конно-артиллерийской бригаде требовалось 18051 четверть хлеба, а на фураж строевым и резервным лошадям всех 10 полков лишь за один зимний месяц уходило 6808 четвертей овса.

Суммарный сбор зерна за 1821—1826 гг. составил: ржи — 124130 четвертей, овса — 122698 четвертей. Работа на казенной пашне отвлекала казаков от несения службы, что было особенно недопустимо в условиях возрастания напряженности в связи с начавшимся продвижением русских в Среднюю Азию. В 1827 г. Капцевич отменил обязательные посевы овса; каждый эскадрон отныне должен был засевать ежегодно лишь по 48 дес. ржи. Принудительный труд казаков на казенной пашне продолжался до 1836 г.

По распоряжению того же П.М.Капцевича в 1820-х гг. было устроено несколько хозяйственных заведений. Самым крупным предприятием стала суконная фабрика в Омске. Прядильные машины для нее выписали из Москвы. Прочее же оборудование сделали омские мастера по чертежам, присланным из Петербурга, с Александровской мануфактуры. Для валки сукон устроили семь мельниц: по две в Омске и Таре, по одной в Усть-Заостровском редуте, Усть-Каменогорске и Петропавловске. Под фабрику в 1822 г. было выстроено восемь деревянных флигелей на каменных фундаментах. Большинство рабочих составляли ссыльные, для надзора за которыми на фабрике квартировала специальная казачья команда. Работали на суконной мануфактуре и казаки. В 1828 г. на 35 станах здесь было выткано 26240 аршин сукна.

Пожар в ночь с 17 на 18 июля 1839 г., случившийся от попадания в главное здание фабрики молнии, причинил огромные убытки: было уничтожено главное здание, сгорели станы, машины, инструменты, материалы. Правительство согласилось финансировать строительство под мануфактуру новых зданий, приобретение необходимого оборудования. К октябрю 1843 г. выстроили основной двухэтажный корпус; кроме того под производство было занято 13 деревянных флигелей и под жилье для рабочих — пять казарм. План годового выпуска сукна составлял 47700 аршин сукна. В 1851 г. генерал Строев ходатайствовал о разрешении командировать способного офице-

ра на два года для осмотра "усовершенствованных" фабрик с тем, чтобы затем ввести все новшества и на омской мануфактуре.

Если в начальный период казаки на фабрике составляли 39% рабочих, то в 1840—1850-х гг. — лишь 25%. В 1851 г. здесь из казаков трудилось 43 мастеровых, 20 разнорабочих; кроме того было 13 надсмотрщиков-урядников. Казаки выполняли все важнейшие производственные операции. Время от времени их отправляли на другие фабрики для усовершенствования в профессии. Так, в 1833 и 1836 гг. три омских казака проходили "переподготовку" на Павловской фабрике.

Широко применялся труд казаков в различных подсобных хозяйственных заведениях, призванных обслуживать суконную мануфактуру. Казаки работали плотниками, мельниками, столярами, каменщиками, кузнецами, малярами, выжигали уголь, заготовляли дрова и т.д. Их руками были возведены новые фабричные здания в 1839—1843 гг. (только для постройки главного корпуса потребовалось заготовить 1200 тыс. штук кирпича).

Как и другие рабочие, казаки получали жалованье — в первые годы оно выдавалось натурой (по фунту мяса и на 5 копеек вина в день на человека); в дальнейшем стали платить деньгами — от 3 руб. 35 коп. до 6 руб. 58 коп. в месяц (в зависимости от специальности). Подсобные работы входили в число служебных обязанностей казаков и потому не оплачивались.

Чтобы обеспечить суконную фабрику сырьем, губернатор приказал завести в казачьих станицах "экономические" овчарни, передававшиеся на попечение полковых командиров. В 1822 г. было куплено с этой целью 2882 овцы; кроме того "по приглашению" начальства большое число овец бесплатно поставили индивидуальные казачьи хозяйства. Заготовление кормов и уход за войсковыми овцами возлагались на казаков — без всякой дополнительной оплаты за труд. За три года "экономические" овчарни принесли дохода 4,5 тыс. руб. Низкая рентабельность овцеводства заставила генерала Капцевича в 1825 г. распорядиться о распродаже экономических овец казакам. Однако окончательно идея войскового овцеводства не была похоронена.

В 1828 г. генералом И.А.Вельяминовым был организован "войсковой хутор" как опытное хозяйство при войсковом училище, в программу которого входило преподавание "сельского хозяйства и сельской архитектуры". При хуторе возник и овчарный завод, на котором к 1836 г. имелось 74 мериноса и 196 овец-метисов. Через 5 лет количество овец увеличилось до 1725 голов.

Поскольку для нужд суконной фабрики получаемого на хуторе сырья все же не хватало, в начале 1840-х гг. было решено организовать новые овчарные заводы при крепостях Кабаньей, Пресновской и Ямышевской, форпосте Коряковском, редутах Сенжарском, Пяторыжском и Бобровском, а также между редутом Талицким и форпостом Шульбинским и между редутом Уваровским и крепостью Усть-Каменогорской. Строительство овчарен велось хозяйственным способом. К осени 1842 г. на новых заводах числилось 4397 овец, а к 1847 г. — 16,4 тыс. голов. Уходом за овцами занимались постоянно 127 казаков (из резервных), а к заготовке сена ежегодно привлекалось 5,5 тыс. чел. Недовольство казаков, которых работа на заводах отрывала от личных хозяйств, непригодность части получаемого сырья для фабричного производства (командование, постаравшееся развести мериносов не учло того обстоятельства, что мериносовая шерсть не употреблялась на суконной фабрике) привели в середине XIX в. к закрытию овчарен.

В 1823 г. Капцевич завел в линейном казачьем войске конный завод, для чего в Полтавской губернии по его распоряжению закупили двух жеребцов и 10 кобылиц. К 1837 г. на заводе насчитывалось уже 90 голов, которые оценивались в 7,2 тыс. руб. Однако в том же году генерал-губернатор П.Д.Горчаков ходатайствовал перед военным министерством о закрытии войскового завода, поскольку доходов он не давал, а лишь отвлекал казаков "от собственных занятий"; вскоре все лошади были распроданы с аукциона.

В 1841 г. царь продал Сибирскому войску 10 жеребцов, присланных наследнику престола в подарок Кокандским ханом. Николай I велел содержать жеребцов при полковых штабах для улучшения казачьих табунов. Когда же Департамент военных поселений попытался в связи с этим обязать войсковое командование вновь завести в полках конные заводы, он встретил решительный отпор. Генерал Горчаков обосновал свою позицию тем, что покупку лошадей и их содержание "здешнее казачье войско по бедности своей удовлетворить не в состоянии" и организация заводов "не только не принесет пользы, но послужит к невыгоде как по строевой, так и по хозяйственной части казаков".

В погоне за сокращением расходов на содержание войска правительство санкционировало в 1842 г. открытие в Омске кожевенного завода для выделки кож, необходимых на обувь и снаряжение казаков. В следующем году войсковая канцелярия распорядилась от открытии еще трех кожевен. Работали на кожевенных предприятиях казаки, большинство которых получали некоторую доплату к жалованью. В 1849 г. на заводах было изготовлено 7214 кож (на сумму 13403 руб.). Через год один из заводов был закрыт, три остальных действовали вплоть до 1861 г.

Для обеспечения войсковых потребностей периодически пускались в ход в Омске два кирпичных завода. Кирпич продавали и частным лицам. Кроме того, еще в 1821 г. была выстроена лесопильная мельница, также обслуживавшая нужды войска и выполнявшая частные заказы. Находилась мельница в станице Озерной, близ Семипалатинска. Лес добывали в Шульбинском бору; готовый пиломатериал сплавляли по Иртышу до Омска. Обслуживали лесопилку 20 казаков, которым платили жалованье (взамен казачьего оклада) из войсковых сумм. Здесь же, в Озерной, действовала мукомольная мельница, на которой также работали казаки. Самый большой доход от обеих мельниц был получен в 1846 г. — 1000 руб.

Были в Сибирском линейном войске и другие источники для положения "экономических сумм". Так, положенные казакам деньги на покупку фуражного сена поступали целиком в войсковую казну. Сено же казаки должны были заготовлять сами. С 1845 г. войско обязалось содержать по линиям от редута Сибирского до Кузнецка (2400 верст) почтовую гоньбу, получая за это из государственного земского сбора по 32,5 тыс. руб. ассигнациями ежегодно. С 1834 г. войску из казны ежегодно отпускалось на покупку лошадей 6 тыс. руб. серебром, а с 1846 г. — в качестве финансовой помощи "дотоле, пока представится возможность все штабные расходы, на счет войска относимые, удовлетворять вполне собственными его доходами" — по 30 тыс. руб. серебром в год. Если к 1820 г. "экономия" Сибирского войска составляла 158 тыс. руб., то к 1861 г. — 410386 руб.[83]

Менее настойчивыми были сибирские власти в организации хозяйственных заведений при Забайкальском "пограничном казачьем войске", хотя и здесь "экономия" получила достаточное развитие. Уже в 1800 г. казакам

Харацайского отделения дозволено было обменивать китайцам на Кяхте товары, скот и хлеб с тем, чтобы 10% от выручки поступали в войсковую казну. За 1832—1840 гг. последняя получила таким образом 14851 руб. ассигнациями. Однако ввиду того, что с 1836 г. разрешен был свободный обмен товаров на Кяхте всем желающим (а не только купцам и казакам), казачья торговля не выдержала конкуренции и пришла в упадок. В результате к 1842 г. полностью прекратились поступления и в "экономию"

В начале XIX в. казаки Акшинской дистанции по инициативе своего начальника сотника А.И.Разгильдеева начали возделывать общими усилиями "экономические поля", доведя на них посев к 1817 г. до 20 дес. В последующие годы в Цурухайтуевском отделении (кроме Горбичевской дистанции) казаки обязаны были сдавать часть урожая со своих пашен в запасные хлебные магазины. К 1844 г. в 6 таких магазинах хранилось на "экстренный случай" 1500 четв. хлеба. Кроме того, в этом же отделении, богатом пастбищами, содержался в первой половине XIX в. "экономический табун" в 200 лошадей.

В Акшинской дистанции развивалось овцеводство. В 1832 г. там было открыто отделение Компании по улучшению овцеводства в Восточной Сибири. Управляющим Акшинским отделением с 1833 г. стал акшинский сотник А.И.Разгильдеев. Его заботами поголовье мериносовой породы овец было увеличено с 596 в 1832 г. до 3500 в 1840 г. Руно забайкальских мериносов высоко ценилось, и на выставке в Потсдаме было даже удостоено 2-й премии. Однако необходимость везти шерсть на продажу в Европейскую Россию повышала расходы и цены, что снижало конкурентоспособность. К тому же оказалось, что казаки со своими традиционными навыками скотоводства не умеют обращаться с изнеженными мериносами. Массовый падеж овец от голода в зиму 1842 г. привел хозяйство к краху. Оставшийся скот и имущество "отделения мериносового овцеводства" пошли с молотка. А.И.Разгильдеев с 1822 г. организовал поставку акшинскими казаками овечьей шерсти на Иркутскую Тельминскую суконную фабрику. К 1840 г. оборотный капитал от этой продажи составлял до 100 тыс. руб.

В экономический капитал пограничных казаков поступали также штраф (так называемая "яла"), взимаемый с русских и монголов за переход скота через границу (10% от суммы, в которую оценивался скот); "оброчные деньги" за сданные в аренду войсковые земли; деньги, положенные казакам от казны вместо фуражного довольствия; все жалованье казаков-отпускников. Кроме того, с 1832 г. отпускаемые на промыслы казаки обязаны были вносить в экономию плату из расчета по 2 руб. ассигнациями (или 57 1/4 коп. серебром) каждый месяц, а в Горбичевской и Тункинской дистанциях — по 3 руб. (или 85 5/7 коп. серебром). При этом казаки-промысловики на все время своей отлучки лишались жалованья, которое также поступало в "экономию". По подсчетам ревизора И.Т.Толстого, экономические суммы в каждой дистанционной сотне пограничного войска простирались до 10 тыс. руб. и более. Положение 1851 г. закрепило названные выше статьи войсковых доходов, введя и новые: сбор с ярмарок и базаров, расположенных на территории войска; с торгующих казаков; с "иногородних" за право торговли и промысла зверя на войсковых землях (кроме Кяхты)[84].

Сибирские городовые казаки не имели крупных хозяйственных заведений. Пополнение их "экономий" шло в первой половине XIX в. за счет

арендной платы, взимаемой за отданные в оброчное содержание сенокосные, пахотные и рыболовные угодья, принадлежащие казачьей команде. К примеру, Забайкальский городовой казачий полк за 1835—1842 гг. выручил от сдачи в аренду "рыболовных статей" 2541 руб. 32 коп. ассигнациями. Рыбная ловля осуществлялась и силами самих казаков "полковым неводом". Особенно этот вид "экономической деятельности" был развит у иркутских и забайкальских казаков, которые промышляли омуль на Байкале и реках Селенге и Ангаре. В Иркутском полку "общественный" промысел омуля был учрежден в 1813 г. губернатором Трескиным. Правда, на первых порах он приносил больше убытка, чем прибыли: расход на организацию промысла к 1819 г. составил 21458 руб., а доход 19235 руб. ассигнациями. Поэтому в 1819 г. сибирский генерал-губернатор М.М.Сперанский распорядился упразднить его. Однако в 1820-х гг. иркутские казаки вновь занялись добычей рыбы. В Верхнеудинской казачьей команде "полковой невод" существовал с начала XIX в. С 1824 г. в период омулевого нереста (август-сентябрь) в низовьях Селенги для добычи рыбы командировались от Забайкальского полка 30 казаков. Наловленная "экономическим" неводом рыба поступала на продажу, а вырученные деньги — в полковую казну.

Важную статью доходов полковых "экономий" составляли суммы, удержанные по различным поводам из казачьего жалованья. Пополнялась полковая казна и за счет процентов с денег, выданных из "экономии" кому-либо в ссуду, вложенных в государственные ценные бумаги или положенных в Приказ общественного призрения (который в данном случае выполнял роль банка). Некоторое значение имели пожертвования самих казаков и посторонних лиц. Наконец, в ряде мест (например, в Охотско-Камчатском крае) практиковался сбор с казаков части провиантского довольствия, который шел в запасные хлебные магазины. Известно, что в 1830-х гг. экономические суммы в Забайкальском и Енисейских полках составляли в каждом до 10 тыс. руб. серебром, а в Иркутском до 4659 руб. серебром[85].

Заведование "экономиями" находилось в руках казачьего начальства: у городовых казаков — командиров городовых команд, а с 1822 г. — полковых атаманов, у пограничных казаков — командиров отделений (Харацайского и Цурухайтуевского), у линейных казаков — войскового атамана. Непосредственное делопроизводство по "экономии" осуществлял казначей из числа казачьих офицеров и его помощники — писари из урядников. Казначей обязан был ежемесячно составлять "Книги экономических сумм", в которых по дням фиксировался приход и расход войсковых капиталов и имущества. Эти ежемесячные книги сводились в годовые.

С реорганизацией в середине XIX в. заведование "экономиями" у уральских, оренбургских, сибирских линейных и забайкальских казаков перешло к войсковым хозяйственным экспедициям и казначействам. Казачье начальство, однако, не имело в данном случае полных прав. Основные источники доходов и статьи расходов определялись и утверждались не ими, а губернаторами (у линейных казаков одновременно командиром Сибирского корпуса). Положения 1846 и 1851 гг. подчеркивали: "Никакие издержки из войсковых сумм, сверх определенных сметою, без предварительного разрешения высшего начальства, не допускаются. Постоянный надзор за сим возлагается на генерал-губернатора". "Книги экономических сумм" должны

были ежегодно передаваться для отчета и ревизии в губернские казенные палаты.

Средства "экономий" расходовались на заведение и развитие войскового хозяйства; приобретение вооружения, обмундирования, амуниции, лошадей; ссуды нуждающимся или в безвозмездную выдачу (деньгами, продуктами питания) самым беднейшим казакам, казачьим сиротам и вдовам; на содержание войсковых общественных зданий (канцелярий, казарм), казачьих школ и училищ; приобретение необходимых инструментов и т.п. Из "экономических" табунов нуждающимся казакам выделялись строевые лошади. Из "экономии" выплачивалось казакам и жалованье в случае его задержки казной (с последующим возмещением).

Организация и функционирование войсковой "экономии" в первой половине XIX в. ложились дополнительным бременем на плечи основной массы казаков. Вместе с тем рядовые не имели ни права, ни возможности контролировать расход войсковых сумм, а порой даже не знали, "сколько полковой экономической суммы, из чего оная составляется, куда и на что оная употребляется". Это открывало лазейки для махинаций казачьему начальству. Инспектировавшие Сибирское войско в 1834—1836 гг. генерал-майоры Мусин-Пушкин и Гурко вскрыли много разных злоупотреблений[86].

Но войсковые "экономии" заключали в себе и немало положительного. Они в известной мере сокращали государственные издержки на сибирское казачество. Создавалась возможность для оказания помощи беднейшим казакам. Нельзя не обратить внимание и на то, что некоторые войсковые хозяйственные предприятия стали опытным "полигоном" скотоводства и земледелия. В Забайкалье с 1832 по 1842 гг. казаки Акшинской дистанции пытались разводить улучшенную породу овец. На Омском опытном хуторе — втором в России опытном земледельческом хозяйстве — казаками Обуховым и Щербаковым, выпускниками земледельческой школы при Московском обществе сельского хозяйства, испытывались различные сорта зерновых и овощных культур, изучались приемы их возделывания и возможности выращивания в Сибири, проводились почвенные анализы. Начиная с 1830 г. научные отчеты Омского хутора печатались в "Земледельческом журнале" МОСХа. Эти отчеты свидетельствуют, что хутор был связан не только с казачьими хозяйствами, но и с крестьянами, с первыми хлебопашцами из казахов[87].

ГЛАВА 4

КУЛЬТУРА И ОБЫЧАИ КАЗАКОВ

1. Материальный быт

Первые казачьи поселения на Урале обычно строились на островах — для безопасности. Предание, в частности, сообщало, что пришельцы с Дона и "из других великороссийских городов" выбрали себе место, со всех сторон окруженное водой, при урочище, называемом Коловоротное, построили землянки, окружив их рвом. Со временем возникают постоянные казачьи городки. В дальнейшем на землях Яицкого (Уральского) и Оренбургского войск распространяются разные типы казачьих поселений: крепости, остроги, слободы, форпосты, кордоны, станицы, зимовки, хутора, уметы и пр. Первоначально все поселения, в которых жили казаки, были укреплены. П.И.Рычков описал, например, защитные сооружения, которые имел в 1744 г. Яицкий городок: все "жило" окружал плетень в два ряда, причем пространство между рядами было засыпано землей; стену укрепляли деревянные столбы; снаружи плетень был обмазан глиной; вокруг плетня имелся ров. Улицы в городке по большей части оказывались столь узкими, что двум телегам разъехаться не удавалось.

В XVII в. на Яике возникла первая каменная крепость, сооруженная на средства рыбопромышленников Гурьевых (будущий г. Гурьев, одна из казачьих "столиц"). В плане она представляла собой правильный четырехугольник, вписанный в островок в дельте Яика, с общей длиной стен в 400 сажен. Толщина стены у основания достигала полторы сажени, высота — четыре. Крепостные стены завершались зубцами саженной длины и полусаженной толщины. В каждом из четырех углов кремля возвышались круглые каменные башни, имевшие в окружности 24 сажени каждая. Башни несколько меньших размеров, четырехугольные, находились посередине каждой из стен. Расположение башен предусматривало возможность кругового обстрела. Крепость окружал глубокий и широкий ров, укрепленный вдоль трех стен надолбами — столбами из толстых бревен, поставленных друг возле друга в несколько рядов[1].

Обширная сеть укрепленных поселений, в которых жили казаки, возникла в Сибири. Главными из них были города и остроги. Город XVI—начала XVIII вв., особенно крупный, имел обычно рубленые двойные стены с

земляной засыпкой и башнями. Защищался он также надолбами, рвом и валом. Простейшим типом острога в Сибири было зимовье, огражденное тыновой стеной. Примером может служить пограничный Аргунский острог — "деревянной, стоячий, мерою... в длину 6 сажен с полусаженью, поперек 4 сажени с аршином, в высоту две сажени, в стене две избы". Собственно острогом называлась ограда, сооруженная из столбов, врытых в землю вплотную друг к другу и заостренных наверху.

На раннем этапе заселения Сибири остроги имели произвольную форму плана, целиком подчиненную рельефу местности, затем эта форма постепенно приобретает геометрически правильные очертания. Усложнение планировочной структуры острога происходило наряду с увеличением его размеров. В острогах появляются башни.

Роль укрепленных поселений выполняли и слободы. Во второй половине XVII в., например, в Западной Сибири было основано более 50 укрепленных слобод. Укрепления были аналогичны возводимым вокруг городов и острогов. Основание слобод продолжалось до начала XVIII в., когда роль оборонительных укреплений перешла к специальным пограничным линиям.

Линии застраивались в соответствии с фортификационными достижениями XVIII в., и в процессе их создания появились новые типы населенных пунктов. Опорными пунктами линий служили крепости. Как правило, крепости Уральской, Оренбургской и Сибирской линий строились по новым системам, разработанным "на голландский манер" или по методу фортификационного искусства французского инженера Вобана. Они имели геометрически правильные очертания с выдвинутыми по углам бастионами. Внутри стояли рядами казармы, имелся арсенал, плац для учений и пр. На некотором расстоянии от крепости находились полевые укрепления: форпосты (с казармами, конюшнями, амбарами) и редуты (или защиты), огражденные палисадами.

При строительстве крепостей учитывалось в первую очередь их стратегическое положение, поэтому некоторые из них оказывались в местностях, мало удобных для жизни людей. Иногда рядом не было пригодных водоемов. Так, академик И.П.Фальк, в 1771 г. проезжавший по Ишимской линии, заметил, что в крепости Полуденной, которая располагалась у Камышлова соленого озера, зимою собирали на озере лед, запасали его на весь год и хранили в погребах, используя летом талую воду для питья и приготовления пищи.

При оборонительных линиях строили станицы и поселки. В станицах — более крупных поселениях — находился административно-управленческий аппарат, имелись церковь, цейхгауз, казармы для казаков. Каждой станице подчинялось несколько поселков — более мелких населенных пунктов, где обычно размещались лишь дома, в которых жили семьи служащих на линии. В XVIII в. станицы и поселки не отличались от селений крестьян. С начала XIX в. на сибирских линиях проводились мероприятия по стандартизации планировки селений. Военная администрация разрабатывала и рассылала по линиям планы и чертежи станиц и поселков, административных и казенных зданий, жилых домов для офицеров и рядовых казаков. Особенное внимание уделялось правильной линейной планировке населенных пунктов. Поселки застраивались по уличному плану: здания располагались двумя порядками, в центре находились дежурные помещения, склады и т.п. Станицы имели квартальную планировку, при некоторых из них был плац для

учений, а возле него — бараки для казаков и конюшни для лошадей. Размеры казачьих поселений на Алтае в начале XIX в. по сравнению с другими населенными пунктами оказывались крупнее: более 60% их имело свыше 100 дворов. Казачьи поселения 1820-х гг., судя по сохранившимся планам, резко выделялись правильностью форм. Дома стояли у передней грани усадьбы, по единой фасадной линии. Усадебные участки имели четкую прямоугольную форму — узкой стороной выходили на улицу. Порядки домов через 2-4 усадьбы прерывались переулками. При квартальной застройке по каждой стороне квартала располагалось равное число усадеб, а среднюю часть внутри застройки занимали усадебные огороды. Они были невелики, так как земля для огородов и гуменников отводилась еще и за селением.

Центральные улицы застраивались домами офицеров. Генерал Н.Н.Анненков о селениях Сибирского войска писал, что в них "около 1/5 домов более похожи на жилища незначительных помещиков или купцов, чем простолюдинов, около 3/5 имеют вид домов нескудных протолюдинов, остальные 1/5 или 1/4, а в некоторых станицах и 1/3 показывают бедность; кровель в этих домах большею частию нет... надворных строений также мало — дома сии почти во всех станицах построены на задних улицах"[2].

На Бийской линии ситуация заметно отличалась. Г.Н.Потанин, описывая станицу Чарышскую, представляет ее как "большую кучу" маленьких и стареньких домишек, наполовину без крыш, с маленькими дворами. Каждый домик выходил на улицу чистым крыльцом, иногда в виде портика о четырех колонках, иногда в виде длинной будки с четырехугольным отверстием вместо окна. Дворы располагались близко один к другому. Скот держался в пригонах, которые располагались вокруг станицы; хозяйкам приходилось ходить на дойку за полверсты от своей избы. В пригонах были устроены хлевы и стайки[3].

В Забайкалье в XVIII—первой половине XIX вв. казаки также в значительном числе жили в станицах. Характерными для этих мест были временные поселения — заимки. Они представляли собой жилье, куда хозяева-казаки переезжали только на определенное время года, например, пасти скот, не теряя при этом связи со станицей, где находилось основное хозяйство. Жили со скотом на заимке и круглый год. Для заимок выбирали место в лесу, вблизи озер, по берегу реки или на речном острове.

Жилые дома забайкальских казаков различались по внешнему виду, размерам, планировке и внутренней отделке. Большие семьи жили обычно в двух, а в некоторых селениях и трех избах, расположенных на усадьбе, не считая избы на заимке. Большинство семей строили рубленые избы четырехстенки без сеней и с рублеными сенями. В некоторых селениях сени делались плетеными, по недостатку леса. Для удобства большой казачьей семьи в некоторых случаях две избы четырехстенки ставились под углом — одна к другой, с общим крыльцом. Иногда одна изба четырехстенка, другая — пятистенка стояли под углом друг к другу, имели общие сени и назывались "крюком". При этом одна изба располагалась вдоль улицы, а другая — поперек. План избы четырехстенки обычно был один и тот же, с печью, устьем повернутой к фасаду и с запечьем (пространство между печью и боковой стеной). При соединении крюком четырехстенка и пятистенка печь ставилась в четырехстенке и в первой половине пятистенка. Вторая часть пятистенка являлась парадной горницей для летнего пользования и для гос-

тей. Общее крыльцо выходило на передний двор. За второй избой располагался задний двор.

Строили также избы, состоящие из двух половин, соединенные сенями, а также дома с теплым коридором — шестистенки, бытовавшие по всему Забайкалью с XVIII в.

В казачьих поселениях широкое распространение получает дом, состоящий из двух жилых камер, разделенных сенями. Например, на Алтае в первой половине XIX в. они составляли 81,5% от общего числа казачьих домов. Другими планировочными вариантами были однокамерный дом — изба (1,6%), дом на две стопы (12,4%), крестовик (0,5%), крестовая связь (0,5%), многокомнатный дом (3,5%). "Каждый дом состоит из избы и горницы, разделенных сенями, с дверями на улицу и во двор", — писал о станице Чарышской Г.Н.Потанин. На двор здесь приходилось не более пяти квадратных сажен. На таком небольшом пространстве у состоятельных казаков находились еще изба для стряпни, содержания птицы и телят в зимнее время, амбар с сусеками для хлеба и погреб. Половина двора у некоторых хозяев была крытой. Здесь же, в тесном дворике, содержалось множество домашней птицы (кое-где по 50 кур, по два стада гусей) и еще свиньи. Между тем хозяйкам удавалось держать дом в чистоте. Деревянные стены мыли изнутри водой с песком; в помещении имелись скамьи или лавки, полати. Между русской печью и стеной в избе делались дверцы в подполье, называвшееся голбцем. В горнице вместо скамей часто стояла софа, покрытая ковриком; здесь же были шкаф со стеклянными дверцами, заполненный стеклянной и фарфоровой посудой, голландская печь. Передний угол горницы иногда оклеивался шпалерами.

У казаков Сибирского линейного войска средний дом — это одноэтажное, бревенчатое строение, с 2-4 окнами на уличном фасаде, с тесовой крышей. Окна снабжались ставнями, которые закрывались не только по ночам, но и днем в ненастное время. В холодных сенях, которыми разделялись чистая комната и кухня, имелся чуланчик с лестницей на чердак. Вход в дом был через калитку в тесовом дворе. Стены и потолки белили глиной, иногда стены обивали дешевыми обоями, а полы красили. Некрашеные полы хозяйки каждую субботу скоблили и покрывали половиками. На зиму вставляли двойные рамы; сломанные окна не спешили заменять новыми, а подклеивали осколки с помощью бумаги.

В углу, против входа, находились образа, как правило, суздальского письма. В зажиточных домах были лампадки с деревянным маслом; на угловом столике лежала псалтырь. В простенках помещалось 2-3 стола, покрытых белыми скатертями; у стен — несколько стульев; в углу — диван самой простой работы. По стенам развешивались лубочные картины, преимущественно военного содержания.

В чистой комнате непременной частью убранства были семейная кровать, шкафчик-комод с посудой и медным самоваром и обитые белой жестью сундуки с платьем. В повседневном быту ограничивались деревянной и глиняной посудой; для гостей держали фаянсовые тарелки, блюда, вилки и ножи. У богатых казаков в домах имелись большие зеркала, десертные столы, прочая дорогая мебель (столы, стулья, кресла, ковры), посуда из хорошего фарфора и серебра.

В кухне почти половину пространства занимала русская печь, в основном глинобитная. В переднем углу — большой четырехугольный обеденный

стол, в заднем — рукомойник в виде чайника с деревянной лоханью под ним. В углу перед печкой — две полки (поставец) для повседневной посуды; вдоль стен — широкие лавки; под потолком рядом с печью — полати. В кухне обычно было 1-2 окна, в которых вместо стекол вставляли бычьи пузыри.

Двор окружал забор из тонкого круглого леса (заплотником) или плетнем. У зажиточных казаков ворота были тесовыми, у остальных — решетчатыми, из узеньких пластин и полуобтесаных жердей. Кроме переднего двора с разными постройками, имелся и задний с помещением для скота, отгороженный от первого забором с воротами. На зиму задний двор закрывали жердями, хворостом, соломой или сеном для тепла. На переднем дворе стояли 1-2 амбара, сарай или навес для телег, саней, колес, сбруи и т.п., черная изба, где жили новорожденные телята, а также наемные работники.

Постройки все были большей частью бревенчатыми, с тесовыми, берестяными или дерновыми крышами (у самых бедных — вообще без крыш). На заднем дворе иногда находилась баня, но чаще она строилась на берегу реки или озера; топили бани по-черному. У многих линейных казаков недалеко от поселка были пригоны — плетневые дворы с крытыми сараями и избушкой для работников. Огороды при домах были редко, главным образом гряды под огурцы, по большей части — по берегам водоема.

О постройках казаков Челябинского и Троицкого уездов А.Н.Зырянов в середине XIX в. писал: "Утвержденное на четырех столбах и также крытое крыльцо вело в сени, откуда по правую руку расположена кухня или изба, а по левую — чистая отдельная комната — «горница»". Крыша у домов была четырехскатной, "под бересту" (под тес подкладывалась береста).

На севере Западной Сибири казачьи дома тоже, как правило, состояли из избы, сеней и горницы; только "самобеднейшие" имели одну избу. Внутри сооружались "белые" печи[4].

Почти везде главным строительным материалом у казаков оставалось дерево. Выбор породы зависел от местных условий. Например, на всем северном скате Алтая дома строили из сосны, изредка из пихты; в Бухтарминской станице постройки были из сосны и в немалом числе — из тополя; в трех станицах по р. Нарыму, правому притоку Иртыша, на сооружение домов шла лиственница. "Но по Чарышу, — замечал Потанин, — лиственничных изб не строят, потому что дерево это здесь хрупко и имеет загнившую середину в комле". Оренбургские казаки делали дома из сосны, лиственницы и "частью" из березы. Сосновые и лиственничные доски и дранье шли на полы, потолки, крыши; фундамент дома изготовлялся из "дикого камня".

Не только в Челябинском и Троицком, но и в других районах Оренбуржья преобладал дом-связь из двух жилых камер, разделенных холодными сенями. В длину и кухня (изба), и чистая комната (горница) имели от 6 до 8 аршин, в ширину — от 5 до 7 аршин и в высоту от пола до потолка — от 3 1/4 до 4 аршин. Связь покрывалась обычно общей тесовой или "драничной" крышей, иногда — соломенной или дерновой. Крыша поднималась над корпусом здания в виде трехгранной призмы, положенной на одну из сторон. Если крыша была тесовой, то над ней устанавливался дощатый карниз, украшаемый иногда кусочками белой жести. Дома располагались или вдоль улицы, или так, что кухня выходила на улицу, а сени и чистая комната — во двор. В первом случае на улице, перед сенями, устраивалось крыльцо с

навесом. Дом имел обычно от 6 до 7 довольно больших окон, из которых два обязательно выходили на улицу.

С крыльца дверь вела в сени, а оттуда одна дверь — в кухню, другая — в горницу, третья — в чулан. Чулан занимал часть сеней, отделенных дощатой перегородкой; в нем хранились сундуки с разным скарбом, съестные припасы и пр. В углу сеней имелась лестница, которая вела на чердак (подволоку).

В кухне сразу бросалась в глаза большая русская печь из кирпича или битая из глины с белой трубой, в которой со стороны печи находилось отверстие, служащее, помимо прочего, для вентиляции помещения. Над входом от печи до противоположной стены тянулись полати, на расстоянии одного аршина от потолка. Зимой на них спали, а летом складывали теплую одежду. Под полатями, в углу, стояла деревянная кровать, около которой на стене помещалась вешалка для одежды. Вдоль стен стояли широкие лавки. В переднем углу располагалась божница, уставленная иконами. От печи, на высоте полатей, тянулась через всю комнату к передней стене полка для домашнего скарба — грядка. Она делила кухню на две части: куть (под печью) и собственно избу. В кути был вход в подполье, где зимой хранились овощи. Пищу хозяйки готовили на залавке — столе, приделанном к стене, внутри которого имелись полки для повседневных съестных припасов и кухонной посуды. На залавке стоял самовар — к середине XIX в. непременная принадлежность почти каждого казачьего дома. Над залавкой помещался небольшой шкаф для мелкой посуды.

Устройство горницы выглядело иначе. Она предназначалась для отдыха, приема и угощения гостей. Стены ее обычно оклеивали обоями, украшали дешевыми картинами, портретами военачальников. Главное место занимал портрет Государя. Пол чаще всего красли желтой краской, а потолок голубой или светло-синей. Нередко на потолке рисовали фантастические деревья, цветы, птиц.

Налево от входа, в углу около двери, располагалась белая голландская печь с карнизами и украшениями. Напротив стоял шкаф, выкрашенный под орех. В верхней застекленной его части хранилась чайная посуда, в нижней — обеденная. Иногда нижняя часть имела вид комода.

Напротив печи, в углу, стояла незатейливая деревянная кровать. На подоконниках размещались два-три горшка с цветами. Между окнами на стене висело небольшое зеркало, украшенное белым полотенцем. В переднем углу находился стол, покрытый белой скатертью. Между столом и кроватью помещался диван. У стен стояли два-три стула. В углу над столом устраивалась божница с иконами и лампадкой.

Топливом для казачьих домов служили дрова и кизяк (в безлесных зонах). Освещались дома сальными свечами, нередко собственного изготовления.

Двор чаще делился на передний и задний, как и у линейных казаков. Передний иногда вымащивали толстыми досками из лиственницы. В передней части двора помещался дом с тесовыми воротами. С другой стороны ворот находились погреб и один-два амбара. У задней стены горницы стоял сарай для хранения телег, саней, сбруи, сельскохозяйственного инвентаря. Между амбарами и сараем помещался навес для хранения топлива. На заднем дворе, обнесенном забором, располагались помещения для скота и корма. Иногда там же была баня, но чаще, как и на Иртыше, ее строили на

берегу речки. Дома и дворы казаков отличались опрятностью, чистотой и порядком. Впрочем, это была общая картина казачьего быта на Урале и в Сибири. Огороды и в Оренбуржье чаще устраивались около реки, в редких случаях — вблизи домов. Их окружали плетнем или жердями.

Д.К.Зеленин, побывавший у оренбургских казаков в Благословенске, отмечал, что здесь летом казачьи семьи перебирались из дома в землянку, которая располагалась тут же, на дворе. Землянки строили из "воздушного кирпича" (земля с навозом). Пол был земляной. Крыли землянки большей частью соломой. В землянке имелись сени и изба; в избе помещались русская печь, лавки вдоль стен, стол в углу под иконами. Дом же стоял в это время пустой. Старые казачки объяснили гостю, что "им не хочется грязнить избы: летом мухи и все...".

А.С.Пушкин, приезжавший в 1833 г. в Оренбургский край, постарался весьма точно (как убеждает в этом исследование Р.В.Овчинникова «Над "пугачевскими" страницами Пушкина») в "Капитанской дочке" воспроизвести детали быта местных казаков. Так, прибывшего в Белогорскую крепость П.Гринева, героя повести поместили к казаку Семену Кузову, дом которого стоял "на высоком берегу реки, на самом краю крепости". Половина дома была занята семьей хозяина, другую отвели Гриневу. "Она состояла из одной горницы, довольно опрятной, разделенной надвое перегородкой", — рассказывает герой повести. Описывается и дом в Бердской слободе, в котором разместился Пугачев. "Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики, — вспоминал Гринев о своем посещении пугачевского «штаба». — Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу и широкий шесток, уставленный горшками, — все было как в обыкновенной избе". Установлено, что в Берде Пугачев жил в доме казака Карпа Ситникова, а "золотой бумагой" сподвижники атамана обили горницу (вместо обоев) после того, как задержали под Орской крепостью бухарский торговый караван и пригнали его в Бердскую слободу. Среди захваченных товаров оказались меха, чай, хлопчатая бумага, серебро и пр., а также до двух десятков ящиков шумихи — сусального золота, тончайшей пленки золотистого цвета. Кстати, если верить повести, в Белогорской крепости баня была коллективного пользования (тут и капрал Прохоров подрался с Устиньей Негулиной "за шайку горячей воды", и "батюшка" — "Петр III" парился "так жарко, что и Тарас Курочкин не вытерпел, отдал веник Фомке Бикбаеву да насилу холодной водой откачался"). Действительно, по свидетельству Д.К.Зеленина, бани имелись у немногих. "Целый околоток пользуется одною банею, построенною каким-нибудь богатым казаком", — пишет наблюдатель[5].

Для жилища казаков Яицкого (Уральского войска) характерна была необыкновенная простота в устройстве. В основном делали постройки из "воздушного" кирпича или плетневых стен, обмазанных глиной (часто белой). Так строили основной, жилой дом и подсобные помещения: летнюю кухню, базок — плетневый чулан, подклеть и пр. Краевед-казак Н.Ф.Савичев подчеркивал: "Дома на наших форпостах, и без сравнения с избами русских деревень, благовидны, даже мазанки красивы". Он, в частности, оставил описание летней кухни: "Кухня была плетневая, вымазанная глиной с обеих сторон, а внутри — выбеленная. Печь, сбитая из глины и вся выбеленная; над челом, как и должно быть, вмазаны звездообразно осно-

лочки фарфоровой посуды, а в середине — зеркальце. Пол глиняный, смазанный ... За столом, накрытым чистой розовой скатертью с изображением города Ярославля, ели на деревянных тарелках, из деревянного блюдца, деревянными «терженскими» ложками" Во время плавного рыболовства уральские казаки пользовались кибитками — кочевым жилищем, перенятым у казахов. Части кибитки — кошмы (войлоки) и решетины — складной остов кибитки навьючивали на верблюда.

Город Уральск (бывший Яицкий городок) к 30-м гг. XIX в. стал большим городом, в котором было много прекрасных каменных домов. "Вал, окружающий город Уральск с двумя воротами, — писал С.В.Максимов (1860-е гг.), — давно уже рассыпается, и, если развести на нем аллеи деревьев, он мог бы служить местом беззаботной прогулки Киргизы лет пятьдесят уже не грабят вблизи города и лет тридцать не захватывают в плен казаков там, где кипит теперь в 7 верстах от города меновой спокойный торг на особом дворе и производится мена баранов на русские деньги ... Теперь киргиз спокойно, как гость, разъезжает по городу Уральске, забавно восседая на двугорбом верблюде..."[6].

Большое влияние соседние народы оказали на одежду уральских казаков. Короткие, стеганые на вате пестрые халаты, широкие синие шаровары, высокие остроконечные бараньи шапки с малиновым суконным верхом — в таком виде являлись уральцы на свой традиционный круг. С.В.Максимов писал о "страсти" уральских казаков к широким разноцветным бухарским халатам. "Халат дома сделался национальным костюмом; даже маленькие ребятишки одеты в халаты", — заметил он. А В.И.Даль вообще считал, что в "одеянии своем казак вообще всегда перенимает несколько у соседей: черноморцы доселе (1833 г. — Авт.) носят откидные рукава, кавказского линейного казака едва можно отличить от черкеса и кабардинца. Уралец ходит в бухарском стеганом халате и вообще больше носит бумагу, чем сукно". Для него оставалось вопросом: считать ли высокую, черную шапку из овчины, которую носили уральцы (у донцов ее заменял треух), заимствованием у хивинцев или остатком стрелецкой одежды. Н.Ф.Савичев однозначно заключал, что столь распространенные до второй половины XIX в. на Урале бешмет, халат, тулуп, шаровары явно были переняты у соседей — тюркских народов.

Гурьевский казак Маркиан Подгорнов — собирательный образ, и одежда, которую он носил, — типичная для уральцев. На "внешнюю" службу после введения формы полагалось являться в ней; Маркиан и стрижку в этих случаях делал соответствующую. Обычно же он стригся "просто, довольно гладко и ровно", в кружок, подобно другим староверам; носил бороду. Повседневной его одеждой был стеганый полосатый халат, подпоясанный казахской калтой — кожаным ремнем с карманом. По праздникам казак щеголял в черной бархатной куртке ("крутке", как он ее называл). Зимой на нем была высокая черная смушковая шапка, летом — синяя фуражка с голубым околышем и с козырьком. Рубаху он всегда опоясывал плетеным узеньким поясом — считалось, что без опояски ходят одни татары. И ребятишек маленьких жена Подгорнова всегда подпоясывала и била их больно, если кто-либо из них снимал или терял поясок.

Зимней одеждой был также полушубок. Маркиан Подгорнов отправлялся в зимние степные походы, на промысел, обернув "для легкости" ноги портянками, в сапогах, кожаных или холщовых шароварах; если дул резкий

ветер, он, сидя верхом на лошади, прикрывал "ляжку с наветренной стороны полою полушубка".

Высокие сапоги, кожаные фартуки, суровый холст на рыбачьи штаны, "широкие, как Каспийское море", казаки приобретали у приезжего торгового люда.

Женщины-казачки носили традиционное русское платье. Головной убор замужней казачки даже в первой половине XIX в. составляла так называемая сорока, с твердым налобником, с покрышкой малинового или темно-зеленого цвета. Налобником назывался перед сороки; его вышивали жемчугом и драгоценными камнями. Головным убором девушки была поднизь — налобник, унизанный жемчугом; она имела вид ряски, жемчужной или бисерной сетки. Носили сарафаны. Ворот сарафана подходил под самое горло, обшивался позументом, который спускался двумя рядами вниз от душки к подолу. Подол спереди тоже обшивали позументом. Рукава делали из двух разных, отличных от самого сарафана, материй. Верхняя часть их, у плеч, на четверть выходящая из проймы, называлась "выставкой". Рукав шили широкий, пышно ниспадающий на кисть руки, с узенькой обшивкой, и в три ряда украшали позументом в пройме, между выставкой и нижней частью, и по обшивке. Когда в 1837 г. на Урале ожидали приезда наследника престола, будущего Александра II, по станицам отобрали самых бравых казаков, одели их однообразно: в черные нанковые стеганки с голубой подпояской и белые шаровары с лампасами. Их распределили по станицам, через которые должен был проезжать наследник. Предусматривалась демонстрация и женских нарядов. В Уральске, в доме войскового чиновника С.И.Донскова, по свидетельству И.И.Железнова, "нарочно собирали и ... показывали женщин и девиц ... в самых дорогих нарядах ... все были в штофных да левантиновых, да в азарбатных сарафанах, женщины в жемчужных сороках, а девицы — в жемчужных же поднизях, с драгоценными каменьями". Казачки-аристократки, "выстроившись рядушком", приветливо кивали великому князю "своими нарядными головками". Находившегося в свите С.А.Юрьевича несколько покоробило то, что уральские казачки во всем оставались "раскольницами", даже в костюмах: и генеральши, бывшие атаманши, и простые казачки носили один наряд, который различался лишь по стоимости — Юрьевич видел у одной казачки сороку в 40 тыс. руб.

Вообще, по утверждению В.И.Даля, все казачки в Уральском войске, "всех чинов и состояний", одевались "богато и даже роскошно". В письме к Гречу в Петербург от 24 марта 1834 г. Даль сообщал, что когда наказным атаманом был назначен полковник В.О.Покотилов, тот отметил это событие широко. Был, в частности, дан вечер и бал, "на который съехались и уралки в цветных сарафанах своих, в шелковых широких рукавах, в богатых саженых сороках да в девичьих драгоценных поднизьях, не в бронзовых модных цепочках, а в чистом золоте, не в чужих кудрях и не в райских птичках, а в косе своей да в скатных жемчугах". В.И.Даль, ценитель русской старины, искренне восхищался увиденным[7].

В некоторых станицах Оренбуржья и к середине XIX в. у женщин тоже сохранялся "древний костюм": штофный сарафан с традиционным головным убором. Причем носили его преимущественно богатые казачки. Менее зажиточные надевали шелковые и шерстяные сарафаны, по краям отороченные позументом. Головным убором их служил шелковый платок, который замужние женщины подвязывали концами назад, а девушки — под подбо-

родком. Речь, в частности, идет о станицах Павловской, Нижнеувельской, Донецкой, Сакмарской. В других местах костюм казачек в XIX в. претерпел большие изменения. В станицах и поселках, расположенных ближе к городам, к концу рассматриваемого периода покрой женского платья вообще имел большое сходство "с модными костюмами". В селениях, удаленных от городов, некоторые продолжали ходить в традиционных сарафанах. На голове женщины носили чепец — повязку, сшитую преимущественно из атласа или другой шелковой материи; на чепец нашивали кружева. Головным убором девушек служила круглая гребенка; вплетали также в косу яркие ленты.

Обыкновенным домашним костюмом казачек была сорочка с полуоткрытым воротом и с рукавами, доходящими по длине до кисти руки. Рукава до половины длины шили из ситца, а остальная часть (становина) — из холста. Поверх сорочки надевали юбку, иногда ситцевую, но большей частью выбойчатую. В тех станицах, где и в середине XIX в. предпочитали сарафаны, их для повседневной носки шили из ситца. Пожилые женщины "на каждый день" одевали сарафаны-дубасы из холста, окрашенного кубовой или черной краской.

Зимней обувью были валенки, летней — башмаки из толстой кожи; чаще, впрочем, в теплое время года ходили босые. У казаков верхним платьем в будние дни в это время служило казинетовое пальто и кафтан из толстого сукна, приготовляемого самими казаками из овечьей шерсти. Зимой ходили в дубленых шубах.

Сохранилась роспись имущества красноуфимских казаков, возглавляемых атаманом М.Е.Мальцевым, утраченного ими во время сражения 30 января 1774 г. (отряд действовал на стороне Пугачева). Она позволяет судить о том, что составляло одежду казаков во второй половине XVIII в. У атамана Мальцева пропали, в числе прочего, кафтан "кофейного сукна", александрийская рубашка, два белых платка; у сотника В.Аксенова — армяк, две рубашки, двое портов, пимы, чулки, сапоги; у капрала П.Овчинникова — епанча белая, рубашки и портки; у казака Л.Рогожникова — епанча, две рубашки, двое портков, кафтан сермяжный, рукавицы овчинные "с варегами", шапка, штаны суконные, сермяжные онучи; у казака Чигвинцова — епанча "киргизская валеная"; у казака И.Лунегова — такая же епанча, две рубашки, коты новые, рукавицы козлиные черные "с варегами"; у казака М.Смирнова — епанча валеная, две пестрые рубашки, коты; у казака И.Хотенова — шуба баранья новая, епанча, рубашка с портами; у казака И.Мелехина — сапоги немецкие, кушак каламенковый, шапка казачья круглая, рубашка с портами; у казака Андрея Баранникова — кафтан серый, синий суконный кафтан, сапоги, кушак красный, две рубашки белые, одни порты. Уже по приведенной выборке можно заключить, что носили красноуфимские казаки в XVIII в. традиционную русскую одежду[8].

Городовые казаки северных районов многое заимствовали из одежды местных коренных жителей. Так, представители казачьего сословия в Березове и Сургуте при широком употреблении платья, характерного для всех русских (шушунов, овчинных и других шуб, азямов, кафтанов, сарафанов, юбок, сапог, башмаков и пр.) зимой предпочитали носить приспособленную к северным суровым условиям одежду хантов и ненцев: малицу, парку, гусь; на ногах носили пимы и чижы из оленьих шкур (первые делались из оленьих шкур, снимаемых с ног оленя, вторые — из тех, что снимались с туловища).

Устав о сибирских городовых казаках 1822 г. разрешал якутским, туруханским, березовским казакам в виде исключения и на службе быть в платье, "тамошнему климату свойственном, и носить то, которое они съиздавна приобыкли, т.е. в парках и проч.". Капитан Шмалев писал (середина XVIII в.) о гарнизоне Анадырского острога: "По здешнему обращению как солдаты, так и казаки покупают у анадырских обывателей и у ясашных инородцев зимнее платье, без чего ни по которой мере пробыть невозможно, а именно: из оленьих кож — порки вместо шуб в 2 рубля, кухлянки вместо епанчи в 3 руб., штаны в 1 руб., санки с убором с лямки с потяги и с уздами в 1 руб. 50 коп., лыжи 1 рублю, обувь две пары, в том числе одне щеточные, в которых ходят на лыжах ценою 1 руб., чибики с рукавицами в 1 руб. 50 коп., да к тому же летнего платья двои штаны ровдужные в 1 руб. 60 коп., рубашки ровдужные да камлеи в 3 руб., обувь шесть пар ценою каждая по 25 коп.". Казаки здесь обычно носили длиннополые шубы, шапки в виде колпаков на меховой подкладке; одежду, приобретенную у юкагиров и коряков, использовали в дороге и на промысле. В описях имущества анадырских казаков середины XVIII в. постоянно упоминается одежда из сукна, холста, бархата.

На Камчатке в XVIII в. казаки носили парки, кухлянки, камлеи, торбоза, т.е. одежду камчадалов; привозные русские товары вследствие их дороговизны приобретались служилыми людьми в крайне незначительном количестве. В начале XIX в. гижигинские казаки щеголяли в платье, которое мало чем отличалось от традиционной одежды коряков. Они использовали местные формы лодок, вплоть до байдар. Жили гижигинцы в низких срубных избах, крытых древесной корой. В избах стояли русские печи из сырцового кирпича. Каждая семья имела на рыбалках-заимках летник — маленькую поварню или юрту. Не удивительно, что гижигинские казаки не решались даже признавать себя русскими, считая таковыми только приезжих, прибывших из России; про себя же говорили: "Мы не русские, а гижигинцы"[9].

В одежде русских казаков Забайкалья было немало заимствований от местных бурят. Так, старики в забайкальских казачьих селениях все лето ходили в халатах, подпоясанных кушаком; застегивался халат на левом плече, как у бурят. Зимой в теплые дни казаки здесь носили шинели из своедельского катаного серого или черного сукна, а в морозы одевали нагольные "дубленые", "дымленые" овчинные шубы прямого покроя с застежкой, длиной до колен или ниже их, с широкими полами. У ононских, аргунских и нерчинских казаков шубы были бурятского покроя с низким воротником, плисовой оторочкой вокруг подола, груди и обшлагов. Праздничные шубы у зажиточных были не нагольные, а крытые дабой, плисом, тонким сукном; шубы опоясывались кушаком. Женщины носили бурятского покроя козлиные шубы — "ергачи", расшитые на груди цветным шелком.

Праздничной одеждой молодых мужчин казачьих селений Забайкалья служили "куртики" длиной до колен. Шили их из покупного или своедельского сукна. Летние куртики были без подкладки, а осенние — или "стяжные на ветоши", или (в более состоятельных семьях) на подкладке из овечьей или верблюжьей шерсти, простеганной с ситцем или сатином. Куртики застегивались на пуговицы по борту. Повседневные куртики шили из грубого сукна и одевали для работы по хозяйству мужчины и женщины.

В дорогу зимой поверх шубы одевали овчинный тулуп ("ергак") с большим воротником или доху. Тулупы были нагольные из дубленых, дымленых овчин или крытые плотной материей. Доха изготовлялась из "барловых" — осенних шкур домашних и диких коз, сохатых, тарабаганов, волков.

Зимние рабочие штаны шили из черненых остриженных бараньих шкур шерстью внутрь. Пожилые мужчины носили овчинные штаны не только зимой, но и осенью, и весной. Более состоятельные хозяева для зимних штанов выделывали под замшу шкуры лося и изюбря.

В холодное время года на мужчинах были меховые шапки-ушанки или папахи бурятского фасона ("чебак" и малахай). Они имели округлую или цилиндрическую форму. С правой и левой стороны пришивались "уши" с завязками из тесьмы на концах. "Уши" шапки опускались сзади, на затылке или на верху шапки, или вниз — по погоде. Шапки-ушанки изготовляли из беличьих шкурок, лисьих лапок с меховым подкладом. Папахи шили из мерлушки, шкурок козлят, из собачьих и волчьих шкур с подкладом из овчины.

Летом носили катаные серые и черные войлочные шляпы с полями ("колпаки") или соломенные шляпы.

Мужская обувь в Забайкалье была сходна с женской. Существовали ичеги (летняя обувь) и унты (зимняя обувь). Ичеги шили из мягкой юфтевой кожи или из овчины, мехом внутрь; из телячьих и гураньих кож их шили мехом наружу. Унты изготовляли из овчины, телячьих шкур, "гуранины" (дикой козы).

В казачьих селениях Забайкалья почти не ткали своего холста, за исключением некоторых селений, расположенных в удобных долинах и позднее приписанных к казачеству. В таких "поздних" казачьих селениях дольше существовал традиционный народный костюм.

С.И.Крашенинников, замечательный русский ученый и путешественник XVIII в., в 1730-х гг. побывал во многих местах и городах Сибири, в том числе в Томске. Он отметил, что здесь "всякого чину дворяне, дети боярские, конные и пешие казаки" "почти все з бородами и руское платье носят". В середине XIX в. большую традиционность на юге Западной Сибири сохраняла одежда казаков-земледельцев, живших в горных долинах. Эта одежда была проста и изготовлялась из холста (белье, штаны, рубахи), шерсти (армяк), шерсти пополам с посконью (пониток), кожи (чарки). Г.Н.Потанин привел местные названия различных видов одежды. Армяк назывался азямом и лабашаком; шабуром, понитком — шерстяная ткань, имеющая льняную основу и зипун из этой материи; шушуном — ситцевая кофта или пелеринка, короткая, так что едва закрывала гасник (шнур в опушке юбки) у юбки; шугаем — длинная кофта, чуть "не до ляшек"; шугай и юбка вместе звались парочкой; дубасом — платье из кубового холста или выбойки.

Потанин отмечал презрительное отношение иртышских казаков к алтайским за их крестьянский вид в одежде, подобно тому, как низовые казаки Дона с презрением смотрели на мужиковатых верховских казаков. Сами иртышские казаки считали для себя неприличным в чем-то быть похожим на крестьян. Костюм казачек, в частности, был менее декоративен, чем у крестьянок. Они не занимались вышивкой, редко пользовались фартуком, считая его крестьянской принадлежностью. Если фартук все же шили и носили, то делали его без грудки и не вышивали. В пос. Белокаменском Семипалатинского уезда девушки не повязывали головных лент и не носили

бус, считая это опять-таки крестьянской модой. Прииртышские казаки к концу периода широко пользовались одеждой из покупных фабричных тканей: плиса, ситца и пр. В их костюме больше было заимствований от других народов: козловые дымленые или замшевые шаровары, восточного покроя халат и лисья шапка — "бурк". Обычно халаты покупали у казахов готовыми: летние шелковые из китайского, бухарского и тафтяного шелка и зимние — стеганые на вате или суконные. Носили их не только взрослые мужчины, но и мальчики. Халат надевали поверх горничной одежды не только на улицу, но и в доме.

В XIX в. у казаков и крестьян в Семипалатинском ведомстве халат восточной расцветки или с тамбурной вышивкой был свадебной верхней одеждой жениха, а менее нарядный — у поезжан и других гостей на свадьбе.

Г.Н.Потанин сообщает, что вообще одежда в некоторых селениях по Иртышу называлась "лопатью". В округе Семипалатинская худая, изорванная одежда обозначалась словом "гуня", "гунюшка". Шаровары из козловой замши здесь называли "чембарами"; куски холста, пришитые к гачам шаровар (чтобы они не терлись при езде верхом) — "балаками"; остроконечную шапку с ушами — "малахаем"; старые сапоги — "отопками"; передник — "запоном"; узенькие бархатные браслеты — "ногавкой"[10]. Можно в целом заметить, что основу казачьего костюма составляла традиционная русская одежда. В одежде разных групп казачества имелись значительные отличия, порожденные местными природно-климатическими, хозяйственными, этническими условиями, конфессиональными пристрастиями и пр. На одежду казаков большее влияние, чем каких-либо других слоев сельского населения, оказывал город.

На пищу казаков, как и на одежду, заметным было воздействие местных народов. Малочисленность в первые годы расселения на Урале, а затем и в Сибири русских женщин, основных носительниц традиционных навыков кулинарии, а также недостаток хлеба приводили в XVI—XVII вв. казаков к определенному отходу от традиционного питания. Например, енисейские служилые люди в 1626 г. в своей челобитной писали: "Чего на Руси и скотина не есть — в зимнее время, разбив муки на воде, а в летнюю пору, наваря борщу (название травы.— Авт.) на воде, то мы едим". Красноярские казаки также жаловались: "Помирали голодной смертью и души свои осквернили — всякую гадину и медвежатину ели". Позднее наблюдалось восстановление традиционной кулинарии, но укрепились и многие новации. На Яике (Урале) значительное место в питании казаков занимали рыба и продукты ее переработки. Казаки готовили для себя и на продажу рыбу свежую — осетровую и частиковую, свежую икру, соленую рыбу и соленую икру, вязигу (сушеная хорда), балыки. Частиковых рыб распластывали по спине и солили прямо на возах, где они хранились под навесом. Соленая рыба, как и свежая, из Яика ценилась выше астраханской, поскольку была вкуснее. Балыки и икра не уступали астраханским и донским. Для приготовления балыков вырезали хребтовину белуги, осетра, севрюги или белорыбицы, солили солью из Индерского озера с примесью селитры и вешали на открытом воздухе в тенистом месте для вяления. Из лучших частей хребтовины вырезали полоски, затем, разрезав на мелкие кусочки, вялили их, как и балыки. Этот продукт назывался "кавардак". Икру засаливали тремя разными способами. Во-первых, очистив с помощью грохота (крупное решето) от связующих прожилий, ее засаливали так, чтобы не раздавливались

зерна. Такая икра называлась зернистой. При изготовлении другого сорта икру также предварительно очищали от прожилий, но применяли затем иную пропорцию соли в тузлуке (раствор для посола), добавляли душистые специи; хранился продукт в сомовьих пузырях или мешках. Такую икру называли мешочной. Наконец, при третьем способе приготовления икру засаливали вместе с прожильями в крепком рассоле и набивали в бочки. Зерно при этом раздавливалось. Этот сорт икры назывался паюсной; ценилась паюсная икра дешевле зернистой и мешочной.

В пищу шло также мясо добываемых зверей и птиц, продукты садоводства, бахчеводства и огородничества; любили казаки молочные блюда. При этом сырого молока не пили. Известны были каймак ("упаренное до густоты молоко, со сливками и густыми пенками"), топленое молоко, молочный студень. Молочный студень (назывался мешотчатым молоком) представлял собой, по словам С.В.Максимова, "полужидкое вещество", что-то вроде простокваши с комьями свернувшегося творога. "Хотя такое кушанье и годится только для охотника и потребляется привычными людьми, — пишет Максимов, — тем не менее его в тех местах любят и хвалят. Молочный студень, разбавленный водой, считается в летние жары самым лучшим прохладительным напитком".

Строго соблюдались посты — месяцев шесть в году, по словам В.И.Даля, гурьевскому казаку Маркиану Подгорнову приходилось дома хлебать постную кашицу да пустые щи. В поход казак брал с собой кокурки — пшеничные хлебцы, в которые запекались яйца. Употребляли в пищу и разные съедобные растения: солодковый корень, лебеду, земляной хлеб ("замечательный лишай Усть-Урта", "растет, катаясь свободно по земле, по камню, без всякой связи с почвой") и пр. Лишь "конины и верблюжины, — пишет Даль, — Подгорнов не стал бы есть ни за что; скорее, говорит, издохну, а такого греха на душу не возьму".

Пища оренбургских казаков была незатейлива, но питательна, вкусна и разнообразна. Продукты производились в своем хозяйстве. Хлеб предпочитали пшеничный; употреблять ржаной хлеб считалось неприличным, недостойным казака. В праздничные и будничные дни пища оказывалась одинакова, только в праздники она была более разнообразной. В постные дни ели щи из кислой капусты или похлебку из ячменной крупы с добавлением картофеля, лапшу, горошницу и пшенную кашу, уху и жаренный или вареный картофель, пшеничный и гороховый кисель, белокочанную капусту и соленые огурцы, а иногда арбузы и пироги с различной начинкой. Почти вся эта пища приправлялась постным конопляным маслом.

Постная пища бедняка состояла преимущественно из кислых щей и кваса, а иногда еще картофеля и капусты. В праздники бедные и богатые казаки питались практически одинаково.

В скоромные будничные дни обычно угощались мясными щами, жаренным мясом и молоком; в праздник дополнительно приготовлялись яичница, молочная лапша и молочная пшенная каша, жаренная курица и пр. Любимыми блюдами оренбургского казака считались щи из кислой капусты, лапша и пельмени (начинка делалась из мяса, капусты или груздей). К середине XIX в. повсеместно пили чай. К чаю по воскресеньям и праздникам приготовляли горячие шаньги — пшеничные круглые лепешки (их пекли, предварительно обмазав сметаной).

Во время сенокоса, жатвы питались, главным образом, хлебом и кашицей из ячменной крупы (иногда с добавлением картофеля), а также пили квашеное молоко.

Во время приема гостей стол оренбургского казака поражал своим обилием и разнообразием: подавали жареных гусей и уток, различные мясные паштеты, студни и похлебки, сладкие пироги и сдобные "коровашки", другие "сдобульки". Последний бедняк готов был потратить все, чтобы достойно угостить тех, кто приходил к нему на праздник[11].

В пище прииртышских казаков было мало растительных продуктов. Основу их питания составляли молоко и мясо; важное значение и здесь приобрел чай. Казаки-земледельцы Алтая употребляли в пищу много растительных продуктов, мед, также молочные и мясные, последние в меньшей степени, чем на Иртыше. Забайкальские казаки питались сытно и разнообразно: мясо, молоко, рыба, хлебные изделия, дары леса. Так, знакомый казачий пятидесятник угощал Н.Щукина похлебкой с курицей, жареной бараниной, жареным поросенком, жареными рябчиками, блинами, яичницей, кипяченым молоком с густым творогом и пр.; вечером был подан чай в фарфоровых чашках. Любили в Забайкалье черемшу: ее толкли в деревянной чашке, посыпали солью, перемешывали и, добавив затем квасу, хлебали. К праздничному столу хозяйка приготовляла множество пирогов, шанег, булок и калачей, жарила говядину, баранину, поросят. Гостей угощали студнем, блинами, оладьями, пшеничным, гороховым и ягодным киселями. В постные дни преобладали рыбные блюда.

Рыба особенно заметное место занимала в питании казаков северных районов. На Камчатке, например, где "казачье житье" не отличалось "почти от камчадальского" (С.П.Крашенинников), казаки ели вареную и сушеную рыбу, приготовляли с рыбой пироги, блины, оладьи. Некоторые хозяйства, правда уже в XVIII в., держали скот, возделывали огороды. Широко распространились всевозможные блюда из рыбы (везига, поземка, варка и пр.) среди служилых Обского Севера. Пища местных городовых казаков представляла собой пестрое сочетание русских, хантыйских и ненецких кушаний[12].

Можно заключить, что материальная культура казачества Урала и Сибири не представляла собой единого комплекса. Разнообразие природных условий, межэтнических контактов, особенности организации службы — все это сказывалось и на казачьей архитектуре, и на одежде, и на пище казаков. Имели значение и особенности мировоззрения служилого сословия (например, стремление противопоставить себя крестьянам, приверженность "старой вере"). На материальный быт казачества большое влияние оказывала политика властей, стремившихся внести в него известное единообразие.

2. Семья. Праздники и развлечения

На раннем этапе освоения Урала и Сибири среди местных казаков было немало бессемейных одиночек. Н.Ф.Савичев отмечал, что на Яик обычно уходили без женщин. Присланные в 1623 г. в Енисейск 100 новоприборных служилых оказались одинокими, малопригодными для несения службы: "... люди незаводные, живут непрочным строем", — писал о них воевода. Из служебных посылок, особенно в Москву, назад многие из них не возвращались. До второй половины XVII в. сибирские служилые люди по большей части не имели семей. Обза-

вестись семьей мешали и недостаток русских женщин, и трудности службы. В 1656 г. красноярские служилые заявляли, что они "от служб мало домишков своих знали", многие оставались холостяками, а 114 чел. из них даже не имели своих домов, жили по чужим дворам. Особенно незавидным оказывалось положение пеших казаков, которые нередко несли службу в ясачных зимовьях, острожках и в города приезжали на очень ограниченный срок. Конным казакам, посланным из городов на ближние "сторожи" или в эпизодические боевые походы и более или менее постоянно проживавших в уездных центрах, жениться было проще. Показательно, что в 1638 г. в Красноярске из 88 конных казаков 40 имели семьи, а из 194 пеших только 23.

У многих служилых, которые пришли в Сибирь по своей инициативе и добровольно поверстались там в казаки, семьи оставались в Европейской России. Приезжая затем из Сибири в Москву для сдачи в Сибирский приказ мехов, собранных с ясачных людей и с русских промысловиков и торговцев, служилые люди подавали челобитные — просили разрешить им увезти на казенных подводах на новое место жительства жен и детей. Например, енисейскими служилыми людьми за 22 года (1635—1656 гг.) в Сибирский приказ было подано 117 таких челобитных.

Правительство шло навстречу казакам, ссылавшимся на свое "одиночество" в Сибири. При этом за казенный счет перевозили не только жен и детей, но и других родственников. Так, енисейский казак Прокофий Васильев вывез из Яренска (в 1639 г.) жену и брата; его сослуживец М.Григорьев из Холмогор (в 1646 г.) — жену, детей и племянника; казак Михаил Иванов из Устюга — двух племянников, и одного с семьей; енисейский служилый человек Семен Ильин с Ваги — брата с его женой и детьми; красноярский казак Иван Ошаровский с Синеги (Устюжский уезд) — мать, сестру и жену с детьми; мангазейский служилый человек Григорий Харлов из Устюга (в 1642 г.) — тещу, жену и брата; его товарищ по команде Тимофей Дементьев из Москвы — племянника. Иногда служилые люди "собирали" своих родственников по разным городам. Например, енисейский казак Семен Андреев вывез из Соли Вычегодской жену и дочь, а из Ярославля племянника; енисейский же пятидесятник В.Колесников доставил с Камы жену и женатого сына, а из Москвы двух племянников, в том числе одного с семьей.

При этом бывало, что человек долго служил в Сибири, ведя "холостую" жизнь, пока, наконец, не оказывался в Москве. Енисейский казак Данила Тихонов более 25 лет отдал службе до того времени, когда смог отправиться на родину за женой и сыновьями, успевшими уже обзавестись собственными семьями. После 12-13 лет службы в Сибири привезли сюда свои семьи из Европейской России енисейские казаки С.Васильв и В.Бугор, после 17 лет — красноярский казак Т.Александров. Красноярский служилый человек Л.Афанасьев 12 лет отдал службе, но сам в Москву так и не попал. В 1651 г. туда поехал его брат-казак, который и передал в Сибирский приказ челобитную, в результате чего семья Л.Афанасьева из Соли Вычегодской была доставлена в Красноярск. После 20 лет службы в Сибири свиделись со своими семьями енисейские казаки С.Иванов и А.Афанасьев.

Немало одиночек оставалось среди казаков и во второй половине XVII столетия. Так, в 1669 г. в Енисейском уезде из 418 служилых людей семейных было лишь 120 чел. По переписной книге 1671 г. в Красноярском уезде насчитывалось 416 служилых; только у 102 из них были дети

мужского пола. В Якутск в XVII в. большинство служилых приезжало без семей. Лишь некоторым с немалыми трудностями потом удавалось привезти своих жен. На Камчатку даже в первой половине XVIII в. русские женщины не попадали.

Естественно, что многие служилые люди вступали в браки с женщинами из коренного населения. Поскольку венчаться можно было только с православными, а крестить в XVII в. в Сибири разрешалось только пленных ("ясырь"), то закономерным представляется широкое распространение внебрачных связей, в частности в Якутии. Здесь купленных у населения женщин казаки обычно старались представить как своих ясырок. Это давало возможность окрестить сожительницу и вступить с ней в законный церковный союз. На северо-востоке Сибири браки казаков с нерусскими женщинами были заурядным явлением и в XVIII в. "Сего 767 г. мая в последних числах, — сообщал, например, командиру Гижигинской крепости казак Дубинин, — по добровольному моему согласию у итканского пешего коряка Етвилома на падчерице его Вочарку, по крещении Дарьи, Гавриловой дочери, сочетался законным браком в жены, с коей я жил с поименованного мая до июля месяца благополучно, и по уходе моем для промыслу идущей из моря рыбы, называемой кеты... в поварню, где жил как с женою своей, так с вотчимом и матерью ее". Но в июле жена Дубинина и ее родичи бежали. В декабре только казак узнал, что они скрываются на Иткане, после чего обратился по начальству с просьбой вернуть ему жену, чтобы хозяйству "не разориться в конец" и чтобы жена-корячка "не отошла от веры греческой".

Браки с корячками стали обычными благодаря тому, что многие из них к 1760-м гг. были крещены. Местные казаки к тому же свободно владели корякским языком.

На Камчатке большая часть казаков имела жен из местных ясырок. Второе поколение казачьего населения здесь состояло в значительной степени из метисов. "Дети казаков, — писал побывавший здесь в 1740 г. участник Академической экспедиции Г.В.Стеллер, — которые несмотря на происхождение от ительменских матерей больше льнут к отцам-казакам, перещеголяли даже последних, так как, владея туземным языком, имеют ключ ко всем местным тайнам". Из казачьих детей — метисов обычно вербовались толмачи.

И в других районах Сибири казакам случалось вступать в неофициальные и официальные браки с представительницами местных народов. "Ведомо нам учинилось от воевод и от приказных людей, которые прежде сего бывали в Сибири, — говорилось в письме патриарха Филарета сибирскому архиепископу Киприану (1622 г.), — что в сибирских городах многие служилые и жилецкие люди... с татарскими и с остяцкими, и в вогулицкими поганскими жонами смешаются... а иные живут с татарскими некрещеными, как есть с своими жонами". С теми, кто был крещен, венчались в церкви. Надо отметить, что со стороны правительства не чинилось к тому никаких препятствий. В грамоте царя Михаила Федоровича 1645 г. речь шла о том, чтобы в Сибири "крещеных девок и жонок татарских, остяцких и других выдавать замуж за служилых людей, за кого пригоже". А.П.Щапов, конечно, сильно преувеличивал, когда писал, что казаки Западной Сибири "большею частью — отродье татар", но факт наличия в потомках первопоселенцев татарской крови отрицать не приходится.

Примечательно, что знаменитая "Гугниха" — жена легендарного Василия Гугни — донского атамана, одним из первых поселившихся на Яике, была по происхождению татаркой. Ее, по преданию, казаки захватили во время набега на татарский стан и "подарили атаману своему Василию Гугне". Н.Ф.Савичев, указывая на общность антропологического типа уральских казаков с остальными русскими, вместе с тем отмечал в нем черты, характерные не только для тюрко- и монголоязычных, но и для ираноязычных народов, в частности персов. Он, например, приводит образ красавицы-казачки Елизаветы Петровны. "Тип лица ее, — пишет Савичев, — был чисто персидский. Я думаю, что она персиянка и произошла от кизылбашей, бежавших из хивинского плена и поселившихся в войске Уральском в конце прошлого и частию нынешнего (XIX.— Авт.) столетия, принявши христианскую веру. Тип их лица не изгладился и доныне в казаках". Тот факт, что уральские казаки свободно владели казахским языком, не удивляет — казачество повсюду успешно осваивало языки местных народов (и на Урале, и в Западной Сибири, и в Восточной). Однако то, что они прибегали к нему в домашнем быту, в общении друг с другом, есть свидетельство этнического родства с казахами. Тот же Савичев констатировал: "Казаки бывших гурьевской, нижней и средней дистанций все знают киргизский язык, иногда лучше самих киргиз, так что дома между собой говорят по-киргизски"

О браках уральских казаков с калмычками писал и И.И.Железнов. Одно из самых полных и обстоятельных преданий о Пугачеве ("Рассказ монахини") он записал со слов Анисьи Васильевны Невзоровой, по происхождению калмычки. Предок ее, дед или прадед (она хорошо не помнила), калмык волжской орды, принял в свое время христианскую веру и записался в Яицкое войско. Таких калмыков, поселившихся среди русских, оказывалось немало, и они долгое время сохраняли свои обычаи, привычки, язык, что не препятствовало заключению браков между ними и русскими. "Невзоровы-калмыки, — рассказывает Железнов, — ... по зимам, подобно русским, жили в доме, а летом вели жизнь кочевую, в подвижных юртах и занимались исключительно скотоводством. Анисья Васильевна в девицах проводила большую часть времени в степи около стада и табунов, была отличной наездницей и оставила калмыцкие привычки после замужества, когда вошло в семейство чисто русское"[13].

К XVIII в., однако, и на Урале, и в Сибири, кроме некоторых отдаленных ее районов, было достаточно русских женщин: по официальным данным переписи 1710 г. в Сибири количество душ женского пола почти не уступало количеству мужчин. Этот факт положительно сказался на семейном строе у казаков. По сведениям 1702 г., из 488 служилых Березова и Сургута лишь 192 не имели сыновей или родственников мужского пола. К тому же среди этих 192 казаков было, очевидно, немало женатых, но бездетных или глав семей, состоявших из лиц женского пола. Немало служилых из числа указанных 192 состояли в "женатом окладе". Если семейный казак получал иногда жалованье холостяка, то одиночка никак не мог рассчитывать на оклад семейного. В 1701 г., например, поверстан был в казаки на место умершего Василия Нестерова, состоявшего в "женатом окладе", сургутский казачий сын Иван Новосильцев, но с "холостым окладом", потому что еще не успел жениться. В том же году вступил в казачью службу бессемейный житель Сургута Михайло Вергунов — тоже с окладом холостяка.

В г. Туринске в 1701 г. из 63 служилых только 9 были одиночками или главами семей, в которых не было сыновей; из 124 служилых г. Тюмени — 24; из 354 казаков и стрельцов г. Тары (включая отставных) — 81. Резко меняется к концу XVII в. соотношение семейных и бессемейных служилых людей в Енисейском уезде: удельный вес семейных к 1689—1691 гг. вырос до 62,5%. Кстати, Енисейский уезд принадлежал к числу таких сибирских территорий, где метизация русского населения происходила в очень ограниченных размерах. Правительство предпринимало усилия, чтобы в Сибирь и, в частности в Восточную, направить как можно больше "женок и девок" из европейской части страны. Сюда отправляли ссыльных женщин; осуществлялась вербовка "невест"-добровольцев. Известен случай, когда в Енисейск по своей воле сразу приехало из Поморья 39 женщин "на женитьбу енисейским служилым людям и пашенным крестьянам"[14].

Улучшение демографической ситуации создавало более широкие возможности выбора спутницы жизни. Казаки обычно женились в возрасте старше 20 лет. Невеста, как правило, была немногим моложе жениха. Предпочитали брать невест из своей среды, но вообще сословные перегородки не были препятствием к созданию новой семьи — женились на дочерях крестьян, мещан и пр. Большую роль при заключении брака играла взаимная симпатия молодых, а также мнение ближайших родственников. Показателен пример со служилым Осипом Лукиным из Сургута, который в 1748 г. остался вдовцом и года четыре жил один, с малолетними детьми, а потом воспылал нежным чувством к дочери протопопа Якова Кайдалова "девице" Стефаниде. "По добровольному сговору" он "сосватал" Стефаниду, но обвенчать их местные священники отказывались, ссылаясь на то, что жених и невеста находились друг с другом в "духовном сродстве": тетка Стефаниды "воспринимала от святой купели" и саму Стефаниду, и детей Осипа от первой жены. Лукин обратился за помощью к консистории, но и там встретил отказ: по церковным правилам такие браки не допускались. После этого и отец невесты отказал жениху, посоветовав, чтобы он "где инде женился", а дочь его оставил в покое. Однако Осип сдаваться не собирался: он взялся за обработку священнослужителей, родственников и знакомых Кайдалова, мнение которых последний особенно ценил. Лукину удалось уговорить их подписать "свидетельство" о том, что Стефаниду ее тетка от купели не воспринимала. Когда в консистории было получено это свидетельство, подписанное более чем 20 свидетелями ("с невестиной стороны ближними ее свойственниками" и священниками), она разрешила обвенчать молодых. Однако священник Михаил Проводников публично обвинил Лукина в обмане, запретил совершать обряд бракосочетания и отправил рапорт митрополиту в Тобольск, обо всем поставив того в известность. Жених же настаивал на выполнении последнего указа консистории, убеждал протопопа, что нового запрета не последует. Наконец, отец невесты сам решил писать митрополиту. Он сообщал, что желает отдать дочь за Осипа, что и "родительница" его, и жена, и братья, и "сродники" советуют ему сделать это, поскольку жених — "человек доброй и богобоязной, и мне немалой благодетель... за такого доброго человека надо отдать... пятой год вдовствует — худа ничево не слыхать, смирно пребывает". Да и Лукин твердо заявляет, что ни на ком другом жениться не желает, жалуется: "невесты в глаза мало видаю, в немалом де сокрушении пребываю". Однако вместе с тем, по словам протопопа, он имеет "немалую опасность" из-за того, что Осип и Стефанида находятся

в "духовном родстве". В конце концов, сама консистория махнула на эту историю рукой — она вынесла решение, чтобы в Сургуте сами на месте разобрались: воспринимала тетка Стефаниды ее от святой купели или нет, и, если она воспринимала только детей Осипа от первой жены, то жениха и невесту обвенчать.

Казаки южных линий, с которыми тесно общался Г.Н.Потанин, "открыли" ему, что любовь бывает "сглядная и притягная". "Первая, — говорили казаки, — есть любовь взаимная, приносящая счастье; вторая невольная: какая-нибудь женщина дурного поведения привязывает к себе молодца наговорами, и он начинает тосковать, сам не зная о чем". Впрочем, как свидетельствуют факты, желание внушить любовь к себе "волшебством" не было чуждо и сильному полу. В 1779 г., например, в Красноярское духовное правление передали присушное "волшебное письмо", выкраденное посельщиком А.Бутыркиным у местного сына боярского Герасима Иконникова — трудно, правда, сказать, использовал ли служилый Иконников это письмо, когда ухаживал за своей будущей женой. "В ночи при частых звездах, при утренней зоре — Марие, при вечерней зоре — Маремьяне, чтобы рабица раба божья (имя) сном бы не засыпала, едой бы не заедала, питьем бы не запивала; как белая рыба на сухом берегу жить не может, так бы рабица без раба божья быть не могла. Во дне прекрасном — солнце, в ночи — при светлом месяце, в ноче — при частых звездах, при утренней зоре — Марие, при вечерней зоре — Маремьяне. Во имя и сына и святого духа аминь (3 раза.— Авт.).

Во имя и сына и святого духа, аминь. Стану я, раб божий, (имя) и, благословлясь, пойду, перекрестясь, из избы — дверьми, из ворот — воротами в чистое поле, в востошную сторону под красное солнце, под светлой месяц, под частые звезды, под утреннюю зорю — Марию, под вечерную зорю — Маремьяну. Есть в чистом поле в востошной стороне, под красным солнцем, под светлым месяцом, под частыми звездами, под утренной зорей — Марией, под вечерней зорей — Маремьяной, есть свято акиян-море, есть у свята в акияне-море замки и ключи. Я же, раб божий (имя), приду ко святу акияну-морю, возьму замки и ключи, замкну и запру рабицу (имярек) в ретивом сердце свои присушные слова, недоговоры и переговоры, чтобы мои слова были лепки и крепки, недоговоры и переговоры от старца, от ченца, от попа, от бельца, от старова и от малова, от троезубова, от двоезубова, от троеженца, от двоеженца, чернова от черемнова, от бабы белоголовки, от девки простоволоски снесу ключи в сине море, опущу на дно, отдам киту-рыбе навеки. Не тот кит, который в синем море, тот кит, на котором мать сыра земля основана. Когда кита-рыбу изловят, ретивое сердце выбросят, горячую кровь пропустят, тужно рабице (имярек) попортитца от раба божия (имярек). Во имя и сына, и святого духа аминь (3 раза.— Авт.)". Текст "присушки" вполне традиционный: с помощью подобных наговоров "привораживали" девичьи сердца и русские крестьянские парни.

В казачьей свадебной обрядности, свадебных песнях также трудно заметить существенные отличия от классической русской народной свадьбы. Делилась вся "церемония" на три основных этапа: досвадебный, собственно свадебный и послесвадебный. Каждый из них в свою очередь состоял из отдельных законченных частей. Число, последовательность, а иногда и содержание этих частей различались в зависимости от конкретных обстоятельств: территории, времени и формы ("добром" или "убегом") заключения брака. При свадьбе "убегом" (другое название "беглая свадьба") жених подгова-

ривал невесту выйти за него замуж и тайно увозил из родительского дома. Все свадебные торжества проводились у жениха, кроме венчания, церковного обряда, который считался обязательным даже большинством старообрядцев. Хотя были и такие случаи, когда супруги жили, не венчавшись. В июне 1722 г. тобольский митрополит Антоний писал, например, в Синод, что в его епархии много "обретается и таких, которые безбрачно з женами живут и не хотят по церковному чину благословения принимати в церкви, то есть венчатися".

10 июля 1729 г. тюменский конный казак Петр Ефтюгин доносил в воеводскую канцелярию, что "ево родная дочь Стефанида Петрова вышла в замужство тайным обычаем за разночинца Ерасима Афонасьева сына Устинова; да прежде ево женитьбы брат ево, Ерасимов, Федор Устинов же взял в замужство же у бывшего пешего казака Петра Кирьянова тайным же обычаем дочь ево родную Анну..." Надо заметить, что разночинцами назывались потомки сибирских служилых людей, решившие выйти из служилого сословия и заняться исключительно торговлей, земледелием, промыслами. Похищали не только "девок", но и вдов и даже чужих жен. Неверстанные тюменские дети боярские Яков и Петр Маркеевы в феврале 1707 г. били челом воеводе: "В прошлом 1704 году... взят отец наш... в салдаты, а после... мать нашу Офимью подговорил тюменской сын боярской Василий Воинов, а, подговоря мать нашу Офимью, он, Василий, приял у нее статков и животов отца нашего". Речь шла о том, что замужняя "невеста", бежав с избранником из дома отца первого мужа, деда челобитчиков, увезла с собой немалое имущество (в списке значились шуба заячья; еще три "шубки", крытых шелком и китайкой; четыре оловянных блюда, стопа да два стакана; медный таз; чарка серебрянная; костяной лук; седло; кокошник, вышитый жемчугом; серьги жемчужные; 12 пуговиц серебряных; три куска сафьяна и пр.).

Тюменский казачий сын Алексей Барашков в 1733 г. на допросе в воеводской канцелярии показывал, что сын его Петр был женат на казачьей дочери Настасье Вылегжаниной, но потом умер; сноха же "во вдовстве жила года з два", после чего без ведома свекра, "тайным обычаем", "из дому ево, Барашкова, вышла в замужство" за сына казака Ивана Шелковникова.

"Беглые свадьбы", по свидетельству Г.Н.Потанина, были распространены в Сибири и в первой половине XIX в. Если родители отказывались выдать девушку за полюбившегося жениха, он, с ее согласия, с помощью своих родственников "воровал" невесту. При этом, правда, он лишался приданого своей невесты и, когда после венчания отправлялся к ее родителям "мириться", обязывался уплатить им известную сумму; "впрочем, — замечает Потанин, — мировые легко заключаются, и вознаграждение со стороны жениха не бывает велико: несколько ведер пива да новых сапогов для брата невесты достаточно, чтобы успокоить ее семью" Часто родители девушки отказывали жениху с тем намерением, чтобы не давать за ней приданого, так что свадьба лишь по названию была "беглой". Кстати, на Яике (Урале) приданого за дочерьми казаки вообще не давали. "Там девки все безприданницы, — писал В.И.Даль, — и обычай этот, конечно, ведется с тех пор, как их было еще мало, а холостежи казачьей набиралось много"[15].

При выходе девушки замуж "добром" свадьба начиналась со сватовства. В роли сватов могли выступать родители жениха, его крестные отец и мать, другие родственники, просто знакомые. "В прошлых годах, назат тому лет двадцать пять, по любовному сватовству, — вспоминала в 1747 г. жена то-

больского сына боярского Ивана Пушникова Ирина, — вышла я... за оного Пушникова, женившегося первым браком, девицею в замужство"

Вообще девушки-казачки старались "соблюдать" свое девичье целомудрие — женихи предпочитали "нетронутых" невест. Да и родительский надзор за поведением дочерей у казаков был более строгим, чем, например, у крестьян. Попытка со стороны кого-либо "обесчестить" девушку оказывалась для ее отца-казака достаточным поводом, чтобы подать жалобу самому воеводе. Вместе с тем в ряде мест, особенно на раннем этапе, разрешалось добрачное сожительство будущих супругов; последующий отказ одной из сторон оформить брак служил основанием для обвинения "в блудодействе" "Многие купецкие и служивые девиц и вдовиц прельщают на блуд, обещающе пояти в супружество, а потом не поемлют и, обременивши или и чада уже с ними приживши, оставляют и не хотят их пояти, но женятся на иных", — писал о Тобольской епархии в 1722 г. митрополит Антоний. Власть в подобных случаях выступала на стороне обиженных. В сентябре 1720 г., например, дочь тюменского сына боярского Никифора Валковского Устинья подала в воеводскую канцелярию жалобу на пешего казака Ивана Кузнецова: казак обещал на Устинье жениться, почему она с ним и "сошлась", а теперь от своих слов отрекается. По приказу воеводы Кузнецов был посажен под арест и содержался "за караулом" до тех пор, пока не изъявил желания обвенчаться с Устиньей. И казак, и его невеста, добившаяся заветной цели, сначала были биты "за блудодейство" публично, "в торгу", батогами, после чего их обвенчали. В том же 1720 г. просидел несколько месяцев под арестом тюменский сын боярский Евсей Понятовский. Понятовский увел "с пожитками" из родительского дома дочь отставного конного казака Афанасия Дворянского Матрену и жил с ней, как с женой, не венчавшись. Когда же Понятовский захотел избавиться от Матрены, в тому времени "чревастой", ее отец бил челом воеводе. Пришлось вероломному сыну боярскому обещать "по прежнему договору... взять за себя в замужство" беременную невесту; их также венчали. По указу от 28 февраля 1722 г. полагалось венчать подобных соблазнителей с "девицами" и вдовами "с принуждением", даже не добиваясь на то их согласия.

Если же девушка-казачка до брака "гуляла" с другим и потом приносила законному супругу "сураза", участь ее могла оказаться незавидной. В 1714 г. кузнецкий пеший казак Иван Бессонов женился на казачьей дочери Екатерине Калачиковой. Уже после венца обнаружилось, что невеста с "изъяном". "И мать ево, Иванова, Татьяна сестру нашу, а свою сноху морила голодною смертию и била, и мучила, бутто сестра наша за сына ее вышла беременна, — жаловались в Кузнецкой приказной избе Семен и Максим Калачиковы. — ... И сего 1716 году генваря в 8 день мать ево, Иванова, Татьяна приезжала к нам в Калачикову деревню и говорила нам: «Возьмите де вы сестру свою назат.» А сын ее Иван бьет сестру нашу, а свою жену и просит у нее и у нас письма разводного, чтоб с нею не жить". На допросе, правда, Бессонов и его мать заявили, что их Калачиковы "поклепали напрасно": Татьяну они не били и развода от нее не требовали. Однако потом выяснилось, что еще до подачи Калачиковыми челобитной Иван Бессонов и Максим Калачиков приходили в приказную избу и справлялись у подъячего Андрея Кузинского, нельзя ли оформить развод Бессоновых. Екатерина же подтвердила, что муж ее за то, что она родила прижитого до брака младенца,

"всегда бьет и увечит", с нею "з год и больше вместе не ест и на одной постеле... не спит, и во всем мною брезгует" От всего того она "учинилась скорбна и увечна", и сама более с мужем жить не желает, почему и просила отпустить ее в дом родной матери и братьев.

В казачьей среде получили распространение самовольные разводы, причем на женщинах-"разведенках" женились. Первый муж при этом давал второму за определенную плату "отступное письмо". Челябинский казак Иван Васильев сын Баженов женился на крестьянке из Усламинской слободы Марье Михайловой, которая и при сватании и во время венчания говорила, что первый ее муж Сидор Чюркин умер. Супруги лет шесть прожили вместе, когда в феврале 1744 г. Чюркин явился жив-здоров и потребовал от казака отступной платы: 30 руб. денег и лошадь. Комиссар Иткульской крепости, где Баженовы тогда жили, Михаил Полстовалов выслал всех троих "за провожатым" в Исетскую провинциальную канцелярию. Воевода полковник Петр Бахметев, рассмотрев дело, велел Чюркину и Баженову "между собою помириться"; Баженов должен был выдать Чюркину требуемые деньги и лошадь, а Чюркин "за жену себе" Марью не считать и выдать ей "отступное письмо" (чтоб впредь на нее не просить и от Баженова не возвращать").

Чюркин исчез с горизонта супругов. Однако в 1749 г. сама Марья подала донос в духовное заказное правление, где изложила все обстоятельства происшедшего. Она по своей инициативе ушла от Баженова, "понеже", по ее словам, "признала", что живет с казаком "беззаконно" Истинной причиной, судя по всему, послужило дурное обращение казака с женой. Дело оказалось на рассмотрении духовной консистории, которая и повелела вернуть Марью первому, "законному", мужу Сидору Чюркину.

Быть сватом считалось обязанностью почетной. Не случайно в Чарышской станице полагали плохими приметами удариться о дверь ("сватом не быть") или прищемить дверью платье ("в свахах не быть"). Когда "государь" Петр III—Пугачев решил жениться на яицкой казачке Устинье Петровне Кузнецовой, он назначил сватами своего секретаря и думного дьяка повстанческой Военной коллегии Ивана Почиталина и жену атамана Аксинью Толкачеву. По словам Аксиньи, Пугачев "приказал заложить в сани лошадь и велел ей, Аксинье, ехать с Почиталиным и с ее мужем к Кузнецову, и дочь ево еще посмотреть" Причем самозванный "государь" добавил, что видел Устинью недавно на девичнике и она ему приглянулась. Возвратившись от невесты, сваты заявили, что действительно "очень хороша девка". Пугачев снова послал их в дом к Петру Кузнецову, чтобы сказать ему: "Если отдаст он волею дочь свою, так я женюсь, а когда не согласитца, так силою не возьму" Потом и сам поехал к Кузнецовым. "Войско де Яицкое налегло на меня, чтоб я женился, а я приехал к тебе посвататца. А окроме де твоей дочери, лутче я нигде не нашел. Отдашь ли за меня или откажешь?" — обратился он к отцу девушки. Кузнецов согласился, правда, сам он на следствии потом говорил, что не рад был замужеству дочери и, дав вынужденное согласие на брак, "плакал горько о том, что она еще молодехонька и принуждена итти замуж неволею, хотя и за государя". Устинье не нравился жених: во-первых, у него уже имелась "государыня" Екатерина ("Вить и то не водится, чтоб иметь две жены!" — убеждала она), а, во-вторых, он был "человек старой", а она "молодехонька". Другие яицкие казаки также были недовольны женитьбой "государя", в частности потому, что он

имеет жену в Петербурге, "которая здравствует, а закон де запрещает от живой жены жениться".

Таким образом, по понятиям казаков, выходить замуж следовало по достижении "совершенных" лет (Устинье Кузнецовой исполнилось только 17 — возраст, для брака еще неподходящий) и за ровню, притом с согласия родителей и по желанию самой девушки. Сватам, кстати, поручалась на Яике и обязанность "смотрения" невесты: хороша ли она, годна ли в жены.

При успешном сватовстве обычно назначался день рукобитья — сговора. В некоторых местах рукобитье называлось также "зарученьем". Здесь стороны договаривались о свадебных расходах и подарках, и их представители "били по рукам" в удостоверение состоявшегося договора. Отказаться от вступления в брак после сговора — означало, по мнению казаков, поступить "воровски". "Уговор пуще денег", — говорили в станицах по Иртышу около г. Семипалатинска. Тюменская вдова Ксения Фефилова жаловалась воеводе (1727 г.), что отставной служилый Василий Барашков сначала отправил к ней "для любовного сватания" свою бывшую тещу (Барашков также был вдовцом) — жену казачьего сына Ефима Котельникова Марию; получив согласие, "после де того в четвертый день" приходил в дом к брату Ксении, у которого она жила, "о том же сватанье достоверного ради утверждения и совету"; "советный договор" состоялся, и невеста "в уверение" подарила жениху "добрый плат" и запонку серебряную "под золотом", а он "против тех даров, взирая на святые иконы, положил обещание свое с клятвою, обнадеживая ее взять за себя в замужство"; однако отец Василия жениться на ней "воспретил", и "тем де ее, Ксению, сватанием оной Василий обманул".

По свидетельству С.П.Крашенинникова, в 1730-х гг. побывавшего в Сибири, в г. Тобольске "зговоренные девицы по всякой день воют, тех девиц называют они пахабными, которые не воют". Обычай требовал от невесты демонстрации скорби; ее "вытье", причитания и плачи восходили к тем древним временам, когда жили племенами и девушек "умыкали". На деле замужество было желанным для казачьих дочерей событием. "Матушка Парасковея, пошли жениха поскорее", "Бабы каются, девки сряжаются", — эти поговорки Г.Н.Потанин записал в середине XIX в. в станицах на юге Западной Сибири.

Накануне венчания был девичник — публичное прощание девушки с девичеством, "девьей волей" и "красотой". В церковь молодых сопровождал свадебный "поезд", куда входили бояре, тысяцкий, свахи, дружка и пр. На некоторых свадьбах в XVIII в. в роли бояр оказывались мальчики: С.П.Крашенинников видел в Томске, как они, с шелковыми кушаками, повязанными крест на крест, ехали в "поезде" впереди всех.

Из церкви направлялись в дом молодого супруга, где уже все было готово для большого пира. Затем следовали угощения в домах родителей молодухи, родственников и знакомых. Свадьбы праздновались пышно, средств на них не жалели[16].

Молодожены поселялись часто в доме родителей супруга, но, как правило, впоследствии отделялись. Большая часть казаков жила малыми семьями. Например, в Енисейском уезде в 1699 г. насчитывалось 120 служилых семей и только в 11 из них имелись женатые сыновья. В 1720 г. в Мангазейском уезде жило 128 служилых семейств, лишь 7 из них объединяли отцов — взрослых женатых сыновей — внуков. Только 4 служилых семьи из 354,

зарегистрированных в 1701 г. в г.Таре, были трехпоколенными (по мужской линии). Из 124 семей у служилых г. Тюмени (1701 г.) всего 3 были большими, неразделенными. У городовых казаков Березова и в это время безраздельно господствовала семья из двух поколений (отцы — дети).

Такое положение сохраняется и в дальнейшем. Только у казаков-земледельцев и части старообрядцев преобладали большие семьи. Так, об алтайских казаках, главным занятием которых было хлебопашество, Г.Н.Потанин в середине XIX в. писал: "Алтай — закоулок, или, как говорят сами жители, «украйна». Потому домашняя жизнь отличается большею простотой и гостеприимством, чем на равнине; Алтай во всем... идет позади окрестного мира; в нем дольше сохраняются прежние черты, как например, великорусский быт, не допускающий делимости семейства... дети мужеского пола живут вместе с отцами, хотя уже женаты и имеют детей". В казачьей станице Бобровской у Потанина была знакомая семья, состоявшая из 23 человек — все они жили в одном доме.

Впрочем у такой большой семьи только пашня оказывалась общей и обрабатывали ее сообща; остальные "статьи хозяйства" велись раздельно. Например, если в доме жили вместе родители и женатый сын с семьей, у каждой семьи было свое стадо гусей, своя пасека и пр. На деньги, получаемые от пчеловодства, старики покупали себе все то, "в чем не имели пая с сыновьями", например, ситец на рубашки. Если у стариков не оказывалось отдельного источника доходов, и они превращались в "непроизводительных" членов семьи живущего с ними сына, положение их становилось незавидным. В Сосновской станице Потанину рассказали случай, когда сын выгнал беспомощного старика-отца из дома. Не случайно хозяин дома в станице Чарышской, в котором Потанин прожил лето 1856 г., "Петр Маркыч" (рядовой казак Иванов, лет под 70), "несмотря на лета, еще старался сколько-нибудь пожать или покосить, чтоб и его часть была хлеба или сена, чтобы, как он говорил, «все-таки свой хлеб есть»"

Старик Иванов имел жену Пелагею Ивановну и двоих детей — сына и дочь; дочь, выданная давно замуж, жила отдельно, а сын Петр с женой и несколькими детьми — с отцом. Пелагея Ивановна на сноху и ее детей смотрела "без участия"; та, в свою очередь, не любила свекровь, тащила все, что можно, из личного хозяйства стариков и лишь потому не объявляла им открытой войны, что надеялась на кое-какое наследство. И подобные отношения в местной большой казачьей семье были нормой. Очевидно, что оздоровление внутрисемейных отношений требовало раздела больших семей. Впрочем среди больших казачьих семейств оставались прочные семейные коллективы, объединявшиеся вокруг главы — патриарха. Один из жителей Нерчинска описал (первая половина XIX в) быт семьи знакомого забайкальского казака, известного богача. "Хозяин — почтенный старик, начетник духовных и светских книг. У него пять или шесть сыновей, флаговых гвардейцев, женатых и семейных. Старик в доме лицо священное; воля и слово его закон для всех. Во время обеда за столом соблюдается местничество: впереди сидит отец с матерью, подле него старший сын, затем второй, третий и так далее. Подле матери сидит старшая невестка, подле нее вторая и т.д. Все тихо и безмолвно. Дети отвечают лишь на вопросы отца или матери. В конце обеда подают горшок с кирпичным чаем; каждый наливает себе в китайскую деревянную чашку. После обеда молятся Богу, благодарят отца и мать за хлеб за соль и расходятся по работам. Кухнею занимается

каждая невестка понедельно", — картина не очень типичная для казачьей семьи. Все же, как правило, атмосфера в семьях была не столь душной. Тем более, если иметь в виду господствующую у казаков малую семью.

Муж был главой семьи, но значительную часть времени проводил на службе (в том числе в дальних и длительных откомандированиях), на промысле, на пастбищах и пр. Так что на практике дом, семья — это была сфера, где командовал женский пол. На Яике (Урале) всех женщин звали "родительницами". Родительницы вели домашнее хозяйство, занимались шитьем, вязанием, воспитывали детей (в том числе обучали их грамоте), замаливали на досуге вольные и невольные грехи своих мужей, сыновей, братьев и отцов. Женщины выступали в роли главных радетелей и блюстителей "древнего благочестия"; они "отчитывали" вернувшихся из похода с бритыми лицами казаков, сами служили по старопечатным книгам. "В Уральске, — рассказывает С.В.Максимов, — я видел покойников, которых сопровождали одни лишь женщины". Жена Маркиана Подгорнова выставляла ему, как поганому, щец "на особицу", в черепке, когда муж приходил из похода — до тех пор, пока он не примет очистительную молитву. Он безропотно сносил это и вообще питался тем, что подавала жена. Первый песельник в походе Маркиан и мысли не допускал, чтобы в доме запеть; в "царстве" своей родительницы он не плясал, не скоморошничал никогда, не курил трубки, хотя вне дома трубка и табак были ему хорошо знакомы.

Полностью передоверив дом своим женам, уральские казаки вместе с тем требовали от них "покорливости", верности; нагайка главы семейства, хотя и со шлепком на конце, но все-таки, по свидетельству Максимова, "больно бьет" и "зашалившую жену, и непокорного сына" Яицкие мужчины оправдывали разрыв "Петра III" — Пугачева с его женой Екатериной, которая "супротив него была непокорлива такая"

Жизнь, полная трудностей, опасностей, порой превращала казака в сурового семьянина. П.М.Иванов, проживший с женой полвека, признавался Потанину: "Ты не смотри, какой я теперь смирный, я был зверем. Доставалось от меня этой цыпушке". "Цыпушка" Пелагея Ивановна, которую муж "любил за ее верность, обиходливость и безоружность", сама говорила: "Не такая бы я еще была, если б не была столько бита". "Эти слова, — замечает Потанин, — я очень часто слыша от старушек в Алтае". Однажды, например, Иванов похвастался одному заезжему гостю, что его жена варит лучшее в станице пиво. Когда же он пригласил гостя в дом и оказалось, что пива в запасе совсем мало, казак вызвал жену через заднюю дверь во двор и жестоко высек ее за "непорядок". То он бранился, что жена плохо следит за ребенком, обвинял ее в недостаточной привязанности к сыну, то, наоборот, упрекал, что она слишком много с ним возится. Немало у казака было любовных приключений на стороне. Работал он сам азартно и того же требовал от Пелагеи Ивановны. Старушка рассказывала, что "не знала замужем, как бабы выходят в воскресенье на крыльце сидеть": муж отпускал ее с пашни только в сумерки; "на улице хороводы водят, а она, воротясь с поля, бежит за зыбкой с ребенком на край станицы, где она нанимала одну старушку нянчить его; потом нужно было угомонить его или доить наперед коров, держа его у себя на коленях". Утром, до зари, она снова относила ребенка старушке и уходила с мужем в поле. Сам хозяин не знал устали; обедали всухомятку и иногда, если светила луна, работали и ночью.

С годами казак утихомирился, и осталась одна любовь и признательность к спутнице в жизни. Теперь уже она командовала и верховодила в доме. Когда, например, старик говорил, что не пустит ее нынче в гости к зятю, Пелагея Ивановна отшучивалась: "Не мели понапрасну. Ведь уж отошла твоя-то лафа, теперь я стала старше".

На Иртыше, где главным занятием казаков была торговля с казахами, земледелие особого развития не получило, а домашние стада находились под наблюдением наемных работников, женщины-казачки оказывались более свободными, раскрепощенными. Показательно, что именно в иртышских станицах пользовалась популярностью пословица: "Жена мужа бьет — не на худо учит". Здесь же Потанин слышал песни, вроде: "Мне родные-то наказывали: не женись, не женись, молодец. Не женись, друг Егорушка! Если женишься, спокаешься, с молодой женой намаешься".

Трудно переносились постоянные отлучки мужей. Они могли стать причиной супружеской измены и даже развода. Так, служилый г. Березова Илья Сверчков, командированный в Тобольск, получил донос о "непотребных" поступках своей жены и возбудил дело о расторжении брака с ней. Жена оренбургского казака Настасья Корнева, не сумевшая сберечь чести своей и мужа, была представлена войсковой канцелярией (1837 г.) к ссылке в Сибирь на поселение, поскольку и муж, и казачье общество держать ее у себя отказывались. В 1840 г. встал вопрос об отправке на поселение за аморальное поведение другой оренбургской казачки — Шапталовой.

Бывало, что муж или жена закрывали глаза на неверность супругов, прощали их. Та же Пелагея Ивановна Иванова из Чарышской станицы должна была, скрепя сердце, наблюдать за "шалостями" на стороне своего мужа. В 1776 г. березовец Иванов писал в духовную консисторию о жене, что "хотя она и прелюбодействовала и мною за то наказывана была, но жил с нею в совете и ныне... моя жена чревата и притом обещается хранить ко мне впредь верность, да имею свой дом, который по отсылке ее запустеет и разорится"; он просил жену "от сожития" с ним не разлучать. Прасковья Мещерякова, узнав, что ее муж — березовский казак — "прижил" с другой женщиной ребенка, заявила, что "муж де ее в сожитии с нею обходится порядочно, и естьли впредь верность к ней будет иметь, от супружества с ним разлучиться не желает".

Длительное воздержание могло вести к разным расстройствам. Маркиану Подгорнову, месяцами пропадавшему на промысле, приходилось терпеть разное и однажды даже встретиться с "шутовкой" (русалкой), которая предстала перед истомившимся мужиком во всей красе: нагая, с распущенными волосами. Дело было в устье Урала, в глуши, верстах в 15 от Гурьева, лунной ночью, в камышовой заросли, близ проломанной кабаном тропы. "Сколько припомню, — рассказывал Маркиан, — она была моложава и одной рукой ак будто манила к себе" Сотворив крест и произнеся молитву, казак опрометью бросился к лодке, схватил весло, и скоро бударка уже несла его к дому.

На Иртыше Потанину рассказывали много историй о сожительстве женщин с медведями, чертями и пр. В станице Шульбинской жила, например, казачка Полынцева, муж которой по службе дительное время находился в Семипалатинске, появляясь дома лишь по праздникам. В конце концов, в Семипалатинске он и умер, и был там похоронен. "Казачка стала тосковать по муже и по привычке накануне первого же праздника села за воротами,

будто ожидая мужа, — записывал со слов "очевидцев" Потанин. — И в самом деле, муж едет из города; в радости она забывает, что муж ее умер, принимает мнимого мужа, ужинает с ним и проводит ночь. На утро преступление ясно представилось ей, и она решилась удерживаться от него во второй раз; но в сумерки трезвость мысли стала покидать ее, постепенно она утрачивала отчетливое понимание, что с ней делается и, наконец, впала в непреодолимое желание видеть своего мужа, и муж являлся каждую ночь. В такой борьбе проходила ее жизнь, пока она не забеременела. Заметив это, одна старуха сказала ей: «Что ты это, мерзавка, делаешь?» Старуха думала, что она распутничает, но та рассказала старухе свою историю. Старуха дала что-то ей пить, и та осталась до смерти беременною, а то родила бы чертенка" Случившееся надо связывать с психическим заболеванием вдовы-казачки, начавшимся, возможно, еще при жизни мужа, с которым ей довелось в последний год столь редко видеться и делиться ласками.

Как бы там ни было, ревность не относилась казаками к числу хороших качеств человека. В преданиях о "Петре III" — Пугачеве, записанных на Урале в середине XIX в., Екатерина II осуждалась за то, что выгнала из-за ревности мужа из царских палат. Петр якобы трое суток пировал у любовницы, и Екатерина трижды отправляла к нему послов. Снедаемая ревностью и раздосадованная отказом супруга явиться на зов, она, когда он все-таки прибыл, не пустила его во дворец и объявила низложенным. "...Она, царица-то, открыла в палате окно, высунулась оттуда, засмеялась да крикнула ему взад-то: «Что, взял?»" Действия Петра, поднявшего народ против вероломной ревнивой жены, оценивались положительно.

Надо сказать, что и собственных жен уральские казаки особенно в этом отношении не стесняли — наблюдатели отмечали известную половую свободу казачек. В.И.Даль шутливо намекал на нее, когда писал, что "родительницы" шьют себе сарафаны "с отборной девятой пуговицей" — "девятой пуговицей" в уральском казачьем говоре метонимически называли определенную часть женского тела [17].

Об отношении казаков к своим женам, детям, родителям можно судить по сохранившимся письмам. 23 сентября 1774 г. яицкий казак С.И.Акутин писал отцу в Яицкий городок: "Милостивой государь мой, батюшка Иван Кирилович! Желаю вам от всевышнего господа лет много здраствовать купно с чесною супругой, а моей милостивой матушкой, Еленой Семеновной, приношу свое рабское почтение и требою вашего родительского благословения... При сем сведетельствою своем братцем, невестушком и любезной своей сожительнице по нижайшому поклону". Жена у Акутина — "любезная сожительница", отец — "государь-батюшка" "Премилосердному моему государю батюшку Ефрему Ильичу желаю здравствовать на многа лета нерушимо, государоне матушке моей Евдокие Матфиевне желаю здраствовать на многа лета нерушимо, и посылаю вам, государем моим, нижайшей поклон и прошу у вас сын ваш, Алексий, отеческое великое благословение. Другу моему, Дарье Ильинишне, посылаю другу моему нижайшей поклон и детонькам моим посылаю заошное отеческое благословение и всем моим домашним нижайшей поклон", — обращался к родным в январе того же 1774 г. красноуфимский казак А.Е.Инфалов. И "друга" своего — жену, и родителей он также почтительно именует по имени-отчеству.

Родительское благословение, в представлении казаков — непременное условие успеха в делах, в жизни. Родителей уважали и слушались. Были,

конечно, и исключения. На Иртыше, вблизи Семипалатинска, Потанин даже записал от казаков пословицу: "Что мне отец, когда сам молодец". Однако общественное мнение осуждало таких "молодцов". Стремление женатого сына отделиться от отца, иметь собственный дом отнюдь не было проявлением "войны" поколений. Жили раздельно, но, как правило, дружно. Старики пользовались громадным авторитетом. "Старого учить — только портить", — утверждала пословица.

Детей в семьях рано начинали приучать к труду. Сыновья уральских казаков с 10 лет пасли конские табуны, ездили с отцом на рыбалку. На Алтае в казачьих семьях на сенокос и пашню брали уже таких мальчиков, которых утром можно было поднять с постели лишь с помощью какой-нибудь уловки: например, клали ребенку в головах два печеных яйца и говорили: "Вставай, Петя, курочка в головах тебе два яичка снесла". 10-летние казачьи сыновья занимались ловлей сусликов и колонков, лучили в реке рыбу. Внучка алтайского знакомого Потанина — П.М.Иванова Дарка в 10 лет оставалась одна дома на хозяйстве: носила воду из колодца, кормила домашнюю птицу, доила коров, смотрела за своими маленькими братьями. Очень рано матери принимались обучать девочек разным женским рукоделиям. Заботились и о религиозно-нравственном воспитании детей. Очень важную роль в казачьей педагогике имел личный пример старших — отца, матери, деда, бабки, дяди и т.д.[18]

Молодежь у казаков Урала и Сибири имела широкие возможности для общения. С наступлением осенних темных вечеров начинались посиденки, или вечерки, куда девушки являлись с рукодельем. Сборным местом обычно становился дом какой-нибудь бездетной старухи, бедной вдовы (ей платили деньгами или натурой). На посиденки у оренбургских казаков являлись и парни — повеселиться. Особенное веселье царило на вечерках во время святок: песни, пляски, игры, смех, крик. Около Семипалатинска в станицах популярными на вечерках были, например, игры "Венчик", "Вьюн", "Подушечка" и пр. Допустим, девушки рассаживались на стульях и начинали петь:

"Уж ты, венчик мой, веночек,
В саду розовый василечек,
Куда мне тебя положити?
Положу я тебя на головку,
Что на душечку красну девицу..."

Несколько парней тем временем ходили по комнате. При словах: "Положу я тебя на головку", они клали на головы избранниц платки, свитые в виде венков. Девушки вставали. Теперь ходили по помещению парами, взявшись за руки, под пение тех, кто продолжал сидеть:

"Что не кум со кумою покумился,
Середи кружка подарился.
Еще я твой кум,
Еще ты моя кума.
Где мы сойдемся,
Тут обоймемся,
Поцелуемся
Да разойдемся".

При конце песни пары кружились и потом целовались. Примерно то же самое происходило, когда исполнялась песня "Вьюн", только теперь парни

сидели на стульях, а девушки ходили по комнате. Финал игр был один — обмен поцелуями.

Летом водили хороводы, устраивали игры на свежем воздухе. Из праздников особенно весело отмечалась казаками масленица. На масленицу уральские казаки рядились в вывороченные наизнанку шубы и в войлочные маски, которые назывались "харюшками" Центральным событием масленичных увеселений почти всюду было взятие снежного городка, или игра в города. В феврале 1734 г. эту традиционную военизированную игру наблюдал в с.Торгушине, в 5 верстах от Красноярска, академик И.Г.Гмелин. "Вечером служивые устроили праздничную борьбу, — пишет он. — На поле построили две стены из снега, связанные сверху поперечиной также из снега. Это строение должно было представлять собой крепость, вокруг которой стояли служивые с очень длинными палками, а другие служивые верхом должны были эту крепость взять. Невозможно описать, в какой суматохе все это происходило. Крепость никогда не атаковывало более двух-трех всадников, а чаще всего лишь один. Бешеным галопом мчался всадник к крепости, но его встречали ударами, сбивали с лошади и крепко отделывали. Всадники пришли в ярость от того, что не могли взять крепость, и хотели пустить в ход против ее защитников стрелы, но воевода не разрешил это сделать, и крепость осталась в руках ее первых владельцев" Эта игра у красноярцев дожила до конца XIX в. и была запечатлена кистью гениального В.И.Сурикова.

Массовым народным игрищем было взятие снежного городка у уральских казаков. Н.Ф.Савичев оставил подробное его описание, относящееся к 40—50-м гг. XIX в. Здесь среди осаждающих снежную крепость находились "ряженые" — турецкие паши, арабы, вымазанные сажей, "и разные рыцари небывалых орденов". Все это воинство возглавлял "генерал", сопровождаемый "знаменщиками с развевающимися платками на пиках" и "пестрой шалью, представляющей штандарт". "Генерал" был в эполетах, искусно сплетенных из соломы, в звездах и орденах из фольги, в ленте из розовой бумаги (в которую обычно завертывали чай); старая аудиторская шляпа с плюмажем собственного изготовления покрывала голову "генераля", ехавшего на лошади "со всей важностию полководца и с обнаженной шашкой". Кстати, многие годы, как сообщает Савичев, роль "генерала" исполнял в Уральске казак Матвей Бакалдин.

Девушки и молодые женщины-казачки развлекались на масленицу качанием на "скакелях" (качелях). Эти "скакели" состояли из крепкой доски, положенной серединой на довольно высокую подставку, до уровня которой и даже выше поочередно взлетали качающиеся. Прусский шпион И.Л.Вагнер, отбывавший в конце 50-х — начале 60-х гг. XVIII в. ссылку на севере Приенисейского края, отметил в дневнике, как он веселился, наблюдая за "красивейшими созданиями" (в г.Енисейске), качающимися на такой доске.

На Урале существовал обычай сооружать во время масленицы импровизированный "корабль". На нескольких санях устраивались подмостки, в центре которых возвышалась мачта, притянутая со всех сторон канатами к краям подмостков. На подмостках находились разнообразные "маски" и музыканты, которые пели, играли, угощались водкой. На верху мачты, на надетом на нее колесе, стояла фигура, замаскированная женщиной, одетой в старинный костюм. Фигура размахивала широкими рукавами в такт музы-

ке. Она олицетворяла собой госпожу Масленицу. Импровизированный "корабль" сопровождала огромная толпа пеших и конных зрителей.

Фигурировали на масленичном празднестве и рыбацкие челны. "Две харюшки (маскированные), — пишет Савичев, — едут в старых челнах, привязанных к хвостам лошадей, на которых из всей упряжи только узда и возжи. Раскидывают они сеть «ярыгу», представляя плавное рыболовство; в сеть бросается горбатый паяц, барахтается, кричит и жалуется, представляя из себя осетра, что ему не дают покоя в Урале и все ловят". Таким образом, в сценарий праздника вошли сюжеты, отражающие главный промысел уральских казаков.

Кстати, интересно, что и в станице Чарышской и других на Алтае во время масленицы также "разъезжала" лодка, влекомая лошадьми, "с гребцами, стрельцами и другими комедиянтами"; сопровождало лодку едва ли не все население станицы.

У уральских казаков был и еще один масленичный обычай. На дровнях, в которые впрягали быка, восседали две "харюшки" — старик со старухой, изображающих "любезную чету": "мадам Масленицу" и ее мужа. Мимикой и жестами они должны были показывать, что живут друг с другом в ладу. На том же быке, в седле, лицом к чете сидела вторая старуха, представляющая лихую свекровь, цель которой — поссорить соседей-"супругов".

Распространенным на масленицу развлечением было катание на лошадях. Вообще, как писал автор исторического очерка об оренбургских казаках Ф.М.Стариков, масленица оказывалась самым "разгульным" зимним праздником; она справлялась повсеместно и в праздничном веселье участвовали все — "без различия пола и возраста"[19].

Из других зимних развлечений казаков можно назвать катание на собаках, отмеченное в том числе на Урале; причем, по свидетельству Н.Ф.Савичева, это "удовольствие" играло здесь "немаловажную роль". Уральские девушки ходили также гулять и веселиться "на синцик в сельковой субенке" — синчиком назывался первоосенний лед, до пороши, по которому так ловко было скользить в нарядных башмачках, "выставлять вперед ножку, кричать, шуметь и хохотать".

На пасху "девицы"-казачки развлекались катанием яиц. "Шагах в 20 от играющих, — писал уральский краевед Савичев, расставлены несколько раскрашенных яиц, фронтом, расстоянием на 2 четверти одно от другого. В них катают войлочным мячом, который имеет форму миниатюрного жернова, только без отверстия в середине". Яйцо считалось выигранным той девушкой, которой удавалось задеть его мячом. В Чарышской станице на Алтае казачки, одетые в лучшее платье, взбирались на ближайшие, только что зазеленевшие горы и там гуляли. Катали яйца и качались на качелях в пасхальные дни дочери оренбургских казаков. Парни играли в лапту, в чушки, в свайку; подростки — в бабки ("козны"), чиж, жгуты и проч. Г.Н.Потанин рассказывал, с каким удовольствием и он, и его товарищи по Омскому кадетскому корпусу вспоминали годы, проведенные "в играх в бабки, в мячик на улицах казачьих станиц или в клюшки на льду реки".

Отмечали также храмовые и другие праздники. "Встречали" весну. У уральских казаков к середине XIX в. обряд встречи весны превратился в

детскую игру: ребятишки, подбрасывая вверх "жаворонки" (испеченные из муки), нараспев кричали:

"Жавороночки, прилетите,
Красно лето принесите,
Зиму студену унесите".

Пожилые женщины и старухи собирались нередко около домов посидеть на завалинке или крыльце и потолковать "о том, о сем". Уральские казаки любили в свободное время посостязаться в остроумии. Состязались двое, а вокруг собиралась толпа — "посмотреть на перекоры противников, как на спектакль" Собравшиеся криком и смехом выражали одобрение тому, кто брал верх в искусстве побеждать остротами. Если один из участников состязания начинал сердиться, он считался проигравшим, его забрасывали насмешками, вынуждая уйти с арены.

Ходили и ездили в гости, "хлебосольствовали". С удовольствием слушали на досуге рассказы бывалых людей, сказки. Грамотные люди читали книги. Вообще отдыхали казаки активно и разнообразно.

Заметно отличался быт офицерской верхушки, казачьей интеллигенции. В их среду проникают балы, клубные вечера, кружки, салоны, дамские собрания и пр. В.И.Даль, например, описал прием, устроенные в честь вновь назначенного атамана Уральского войска В.О.Покотилова. До этого, кстати, Покотиловым был дан вечер и бал. Дорогого гостя встречали на крыльце дома, отведенного под прием. Внутри и снаружи дом был щедро освещен. На балконе установили громадный щит "с изображением вензеловых имен: Государя Императора, Государыни Императрицы и Венценосного Атамана всех казачьих войск".

Празднество открыто было "польским" (в "Толковом словаре" Даль раскрывает, что польский — это "пляска и музыка к ней, кою обычно открывается бал"); в голове танцующих шел сам атаман "с одною из туземок". "Пляска" шла всю ночь. Многие молодые войсковые чиновники, по наблюдению Даля (1834 г.), танцевали охотно и хорошо. Во время ужина большая часть мужчин стояла. Неожиданно на щите "осветилось имя атамана с лестною надписью". Заздравная братина (большой сосуд) пошла по рукам: пили за здоровье царя и царицы, и атамана цесаревича и "всего пресветлейшего дома, всех вместе и каждого порознь; и долго жить им и царствовать, коли проживут Они с эстолько, как уральцы им в одну эту ночь насулили!" — замечал Даль. Дошла очередь и до оренбургского военного губернатора, и, наконц, до наказного атамана. "Тогда, — продолжал рассказывать Даль, — принесено было атаману условленное поздравление всеми наличными чиновниками, потом избранными почетными казаками от имени целого войска, потом учениками войскового училища, а, наконец, — учитесь братцы, как встречать и принимать атаманов своих у уральцев — пятеро милых, богато убранных девиц высшего казачьего сословия вышли, шумный, радостный говор умолк, мирная, почтительная тишина воцари-лась. Девицы подошли к атаману, поклонились ему по обычаю своему низенько, сказывали ему долго жить, братьями, женихами и отцами праведно и ласково управлять, суд и правду рядить, — и поднесли ему, не серебра, не золота, а поднесли цветов живых самородных. Все наличные подняли ура прямо по-казацки: окна задребезжали и двери сами порастворились!"[20].

3. Грамотность. Участие в научном изучении Урала и Сибири

В формировании вольного яицкого казачества, как известно, приняли участие выходцы из разных слоев населения, в том числе бывшие стрельцы, посадские люди, подъячие, обедневшие дворяне. Не удивительно, что уже на раннем этапе среди яицких казаков были грамотные люди. "Грамотники" находились и в составе дружины Ермака, отправившейся в 1581 г. на покорение Сибири. Историк В.И.Сергеев даже предположил, что в войске Ермака имелась своя канцелярия, "полковые писари". То, что некоторое делопроизводство ермаковцами велось, признает и Р.Г.Скрынников, который считает возможным говорить об "архиве Ермака"[21]. Во всяком случае известно, что после победы над Кучумом Ермак отправил в Москву донесение: "Писали Ермак с товарищи благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии самодержцу, что... царьство Сибирское взяша..." Наконец, в 1622 г. уцелевшие соратники Ермака по просьбе архиепископа Киприана написали для него "списки": "како они прийдоша в Сибирь и где у них с погаными агаряны были бои и кои из них именем атаманов и казаков побиша"[22].

От XVII в. дошла масса всякого рода донесений, челобитных, отписок, сказок, статейных списков, доезжих записей, писанных простыми казаками без посредства писарей или подъячих; в качестве приложений к документам даются чертежи, маршруты, карты. Можно назвать немало конкретных фамилий служилых людей, владевших грамотой. Так, с 1644 г. служил в казаках в Красноярске Василий Еремеев, а в 1650 г. его взяли подьячим в местную съезжую избу. Оказалось, что прежде, до того, как оказался в Сибири, Василий был подьячим Посольского приказа в Москве. Другой красноярец — десятник, а затем атаман конных казаков Иван Злобин тоже человек грамотный, увлекавшийся, помимо прочего, медициной (в амбаре у него хранились сушеные травы и снадобья) и мудрой индийской игрой — шахматами. В роду Злобиных первым сибиряком стал дед Ивана Дементий Андронов Злобин, отец которого, родом сын боярский из Стародуба-Северского, погиб под Кромами, в бою между правительственными войсками и отрядами Лжедмитрия I. После смерти отца Дементий из своей вотчины "сошел на вольный Дон", позже сражался под знаменами Дмитрия Пожарского. Видимо, за участие в казачьем бунте 1613 г., когда казаки ворвались в Кремль и бояр "лаяли", был сослан в Сибирь и прослужив некоторое время в казаках в Тобольске в 1626 г. вызвался добровольцем на службу в Красный Яр. Так что Ивану Злобину грамота досталась "по наследству" через отца от деда.

Грамотен был Яков Остафьевич Тухачевский, сын мелкого смоленского феодала, участник многих событий Смутого времени; в 20-х гг. XVII в. он уже служил в Тобольске в чине сына боярского, а впоследствии стал воеводой в Мангазее. Кстати, не только сам Яков, но и его первая жена Матрена, погибшая вместе с детьми при осаде Смоленска поляками (в Сибири Тухачевский снова женился и имел 5 детей) хорошо владела пером. Сохранилось ее письмо мужу из осажденного Смоленска.

Тобольский сын боярский Кондратий Хворов любил коротать долгие зимние вечера за книгой — в его библиотеке, в частности, имелись жития

святых Варлаама Хутынского, Алексея Божьего человека, Николы Мирликийского и Хождение Трифона Коробейникова [23].

Обучение грамоте велось первоначально, видимо, главным образом в семейном кругу. Об этом говорят конкретные биографии служилых "грамотников" Со временем возрастает роль частных учителей из числа подьячих, церковнослужителей, ссыльных и пр. В начале XVIII в. в Тобольске была открыта светская начальная общеобразовательная школа, в которую принимались и дети служилых людей. В апреле 1701 г. тобольский воевода М.Я.Черкасский получил предписание "великого государя" взять из Томска распопа (лишенного за какой-то проступок священнического сана) Григория Дровнина "для учения грамоте" тобольских "детей поповских и дьяконских и иных охочих людей". Вместе с Григорием по настоянию воеводы в сибирскую столицу был доставлен его брат Василий, "чтоб он, Василий, ему, Григорью, во учении учеников чинил вспоможение". Вблизи Троицкой церкви, на воеводском дворе, выстроили для училища дом. "И велели мы, холопи твои, — говорилось в послании воеводы Черкасского и дьяков А.Парфенова и И.Обрютина на имя великого государя, — собрать у тобольских дворян и детей боярских и иных чинов детей их, и тех собранных людей ему, Григорью, и брату сво для учения отдали и учить велели".

После приезда в Тобольск нового митрополита Филофея по его настоянию первое школьное здание было перенесено на митрополичий двор, так как оно предназначалось для архиерейской школы, а для училища Дровниных Черкасский приказал выстроить новое здание и произвести в него дополнительный набор учащихся из детей тобольских служилых и "всяких чинов людей". В апреле 1702 г. в этом училище насчитывалось уже 96 учеников.

Первоначально в школе обучали славянской грамоте и латыни, а с 3 мая 1702 г. ввели также арифметику, затем геометрию, фортификацию и артиллерийское дело; для преподавания математических и военных предметов был приглашен пленный швед Антон Деловал. Учителям платили жалованье (деньгами и хлебом); ученики, которых к августу 1702 г. насчитывалось 120 чел., получали по 1,5 коп. "кормовых" в день.

В дальнейшем, видимо, на базе этой школы была создана Тобольская цифирная школа (с 1732 г. переведена в разряд гарнизонных школ). После 1732 г. гарнизонные школы вскоре открыли в Томске и Якутске, а во второй половине XVIII в. — в Иркутске, Селенгинске и ряде других мест Сибири. В Тобольской гарнизонной школе обучались дети служилых людей из Тары, Туринска, Тюмени, Верхотурья, Пелыма, Сургута, Березова, Кетска и, конечно, Тобольска. Служилые люди Верхоленска, Идинска, Илимска и Балаганска посылали своих детей в Иркутскую школу, а Красноярска и Кузнецка — в Тобольскую и Томскую гарнизонные школы.

С сибирских пограничных линий первоначально дети казаков и солдат ехали на учебу в гарнизонные школы Тобольска и Томска. В середине XVIII в. школы типа гарнизонных создаются в крепостях Иртышской линии. Так, не позже 1758 г. начала действовать школа в Петропавловской крепости. В 1765 г. по ходатайству главного командира Сибирского корпуса генерал-поручика И.И.Шпрингера Военная коллегия разрешила открыть гарнизонные школы в Омской, Ямышевской, Бийской и Петропавловской (до этого местная школа действовала неофициально и обучали в ней лишь солдатских детей) крепостях. По штату в этих школах должно было обу-

чаться 450 учащихся (150 — в Омской и по 100 в остальных крепостях) из детей солдат и казаков. К 1767 г. в школах насчитывалось:

	Детей казаков	Детей драгун и солдат
Омская	75	71
Ямышевская	30	69
Бийская	40	60
Петропавловская	31	27
Итого	176	227

Обучали в гарнизонных школах военному делу, элементарной грамоте и различным ремеслам. Так, в Омской главной гарнизонной школе учили "воинскому артикулу", "солдатской экзерциции", чтению, письму, часослову, псалтырю, арифметике и геометрии, а "нерадивых" и "непонятливых" переводили в полки для обучения слесарной, столярной, сапожной и другим специальностям. Сын кузнецкого казака Н.Казаков, просивший в 1763 г. о поверстании его в казачью службу на место умершего отца, писал, что с 1 июля 1758 г. он учился в Тобольской гарнизонной школе "псалтири и писал письменный склад, а 761 году генваря с 19 числа находитца в предейной науке" (учится прясть).

В качестве преподавателей в гарнизонных школах использовались офицеры местных гарнизонов, воспитанники геодезических школ, грамотные люди из ссыльных (например, в Омской школе преподавали одно время колодники И.Лукьянов и Птицын, в Ямышевской П.Истомин). Деньги на обмундирование и довольствие казачьих детей отпускались из казны. Выпускники школ назначались в основном на низшие командные, канцелярские и хозяйственные должности. Число обучающихся в гарнизонных школах постоянно было довольно значительным. В Иркутской школе в 1799 г. училось около 150 чел., в Тобольской — 600 чел. Школы Омской, Ямышевской, Бийской и Петропавловской крепостей практически постоянно имели штатное количество учеников. Правда, в 1777 г. вновь назначенный командиром Сибирского корпуса генерал-майор Скалон приказал "всех казачьих детей из школ исключить да и впредь во оные не определять", полагая, что необходимое количество учащихся школы могут набрать из солдатских детей. В результате 292 детей линейных казаков были исключены из гарнизонных школ[24].

Деятельность гарнизонных школ во многом содействовала распространению грамотности в казачьей среде — в том числе на западно-сибирских линиях. Известно, что в 1761 г. сотники и атаманы у линейных казаков все были грамотными, а среди капралов и пятидесятников они составляли более 60% (47 чел. из 78). За 1793 г. имеются сведения и о рядовых казаках. Согласно полному именному и формулярному списку старшин и казаков Сибирского войска за 1793 г., в этом году на действительной службе состояло 37 атаманов, сотников и старшин офицерского ранга и 2745 чел. в ранге пятидесятников, капралов, десятников и рядовых. Из 37 офицеров 36 были грамотными, в том числе некоторые "с познаниями" в арифметике, геометрии, тригонометрии и топографии. Из остального состава грамотными оказались 405 чел. (15%).

Для сравнения можно сказать, что в Уральском войске, где школ не существовало, сам войсковой атаман Донсков русской грамоты совсем не знал и мог только с большим трудом крупными буквами начертать свою фамилию. Из 7 войсковых старшин неграмотным был один, из 6 старшин не знали грамоты двое, а из 36 сотников неграмотными названы 12[25].

Развитие школьного дела в Сибири позитивно сказалось на грамотности городовых казаков. Например, среди казачьей старшины Березова и Сургута в 1762 г. не было ни одного человека, не умевшего читать и писать. Многочисленные подписи под документами рядовых служилых свидетельствуют о широком распространении элементарной грамотности и в их среде. В начале XIX в. у березовских казаков существовала уже гарнизонная школа; обязанности учителя обычно выполнял наиболее грамотный казак. В 1803 г., например, учил грамоте казачьих детей березовский капрал Матвей Фролов.

Из числа городовых казаков Красноярска в 1794 г. более 10% были грамотными. Каждый второй из местной команды в свое время выполнял обязанности счетчика, вахтера, совершал казенные закупки продовольствия и разных припасов, что предполагало наличие у них элементов письменности и устного счета. Примерно такая же картина наблюдалась в других городах.

Для российского правительства остро стоял вопрос о подготовке в Сибири переводчиков, знающих языки местного населения и соседних народов. 11 июня 1696 г. царской грамотой предписывалось тобольскому воеводе А.Ф.Нарышкину отобрать несколько молодых казаков, "которые б писать умели", и "выучить" их "у иноземцов калмыцкой грамоте, чтоб они и калмыцкому языку научены были". В конце XVII в. в Тобольске числилось на жалованье 8 толмачей (вогульский, калмыцкий, два остяцких, четыре татарских) и 2 "переводчика писем" (с монгольского и калмыцкого).

В начале 1760-х гг. в Тобольске открыли школу татарского языка. При этом инициатор открытия губернатор Ф.И.Соймонов ссылался на пример Астрахани, где существовала "Азиатская школа" на 12 учеников.

Из детей местных служилых Соймонов отобрал 6 мальчиков (одного казачьего сына и 5 — из тобольских дворян и детей боярских), которые достаточно хорошо умели читать и писать, и отдал их в обучение переводчику калмыцкого языка Девятияровскому и бухарскому старшине М.Алимову.

В 1789 г. в Омске на базе гарнизонной школы открыли "Азиатское училище" для подготовки переводчиков и толмачей. Первоначально штат его состоял из 25 учеников, двух учителей и офицера местного гарнизона для присмотра за учениками. Учеников набирали из детей казаков, солдат и чиновников-магометан, служивших в пограничных штатах. В 1790 г. в училище обучалось 18 русских (12 казачьих детей и 6 солдатских) и 7 татар и казахов. В училище этом, кроме русской грамоты и основ математики, преподавались языки татарский, турецкий, арабский и персидский. Со временем в нем было открыто отделение для подготовки съемщиков и топографов, комплектовавшееся исключительно детьми казаков.

В 1810 г. по приказу генерал-лейтенанта Глазенапа во всех 10 отделениях линейного войска открываются полковые школы. При Глазенапе же в 1813 г. в Омске было учреждено училище Сибирского казачьего войска с семилетним сроком обучения для подготовки офицерского состава погра-

ничных войск. Училище имело программу средней общеобразовательной школы, в точных науках эта программа превосходила гимназический курс. В 1817 г. в училище обучалось около 300 чел. В 1828 г. к нему на правах особого отделения присоединили "Азиатскую школу".

Важное значение имело открытие в 1815 г. по распоряжению войскового атамана Броневского станичных школ во всех селениях Сибирского войска. Детей казаков обязывали посещать школы в обязательном порядке с 7 лет. К 1825 г. насчитывалось 117 станичных школ, в которых обучалось 2638 учеников. Уже к 1812 г. в числе рядовых линейных казаков имелось 745 грамотных (из 43 офицеров грамотными были 42, многие из них знали алгебру, геометрию и умели чертить планы). В послужных списках линейных казачьих офицеров первых десятилетий XIX в. встречаются отметки: "черчению ситуации пером, черчению и иллюминованию артиллерийских и фортификационных планов, искусствам рисования рашкулем и кистью знает"; "российской грамоте читать и писать умеют, по-киргизски говорят"; "знает науку сельского хозяйства и гражданскую архитектуру"[26].

Уже в первой половине XVIII в. в Сибири возникают навигацкие школы, в которых также учились дети казаков. В июне 1735 г. по представлению В.Беринга Сенат решает послать на Камчатку жившего в ссылке в Якутске Ф.Гейденрейха для обучения детей камчатских казаков навигацкому искусству. Однако из-за болезни Гейденрейх должен был остаться в Якутске, где стал преподавать знающим русскую грамоту казачьим детям арифметику. В школу Гейденрейха в 1739 г. было собрано 110 детей в возрасте от 6 до 15 лет, из которых затем отобрали 25 чел. для обучения "навигацким наукам".

Однако вскоре большинство учеников покинуло школу. В 1741 г. у Гейденрейха обучалось только 17 сыновей якутских казаков. В октябре этого года он обращается в Иркутскую провинциальную канцелярию с просьбой заставить якутского воеводу отдать ему в науку "из здешних якуцких казачьих детей, елико к таким наукам находятся достойными", но от учебы отлынивают под разными предлогами.

В 1744 г. для Якутской навигацкой школы были присланы учебники арифметики и логарифмические таблицы. Но ситуация не улучшилась, вскоре школа закрылась. В 1762 г. якутский воевода Ф.Чередов писал сибирскому губернатору Ф.И.Соймонову, что в Якутске "дворянских, детей боярских и казачьих детей, не приспевших в возраст, есть немалое число, а отдавать их в науку некому". Он просил открыть вновь в городе навигацкую школу на 50 чел.

На должность учителя рекомендовался геодезист Ф.Чемесов, в помощь которому воевода предлагал назначить кого-либо из специалистов, живущих в стольном граде Сибири. Реакция последовала положительная: в 1766 г. в Якутскую навигацкую школу было принято 40 учеников; школа существовала до 1792 г.

В 1740 г. начала действовать навигацкая школа в Охотске. В ней также, наряду с детьми крестьян и ясачных жителей, учились дети казаков. В 1756 г. школа была обеспечена необходимыми пособиями и преподавателями специальных мореходных дисциплин; она просуществовала с некоторыми перерывами до 1870 г. В 40-х гг. XVIII в. возникла геодезическая школа в Иркутске, преобразованная в 1754 г. в школу "навигации и геодезии" Учили здесь арифметике, черчению, геометрии, геодезии, архитек-

туре, судостроению и мореходству. В 1756 г. в программу было включено дополнительно преподавание иностранных языков, в том числе японского. Учителями японского языка стали якутский казак В.Ляпунов и четверо казачьих детей. Дело в том, что еще в 1747 г. в Якутск из Большерецка прибыли четыре крещеных японца, из числа тех, которых русские мореходы подобрали у Курильских островов после того, как их корабль потерпел крушение. Они и обучили Ляпунова и казачьих детей японскому языку. Позднее в Иркутской школе работали и сами японцы.

С 1755 по 1765 гг. функционировала навигацкая школа в Нерчинске (потом ее присоединили к Иркутской). В Западной Сибири геодезические школы были в Тобольске (возникла в первой половине XVIII в.) и Томске (с 1758 г). И в той, и в другой учились в числе прочих сыновья казаков, сибирских дворян, детей боярских. В частности в Кузнецком уезде переписали детей служилых школьного возраста — 128 чел. В феврале 1759 г. их направили в Томскую геодезическую школу. Но поскольку "школьные светлицы" пока не были готовы к приему учащихся, руководство школы по просьбам отцов и за их "подписками" отпустило многих обратно домой, "для обучения собственным коштом российской грамоте читать и писать, а некоторые и арифметике", на срок до 1 января 1760 г. Однако к указанному сроку большинство отпущенных в Томск не прибыло, пришлось обращаться за содействием к Кузнецкой воеводской канцелярии. Казаки вообще неохотно отдавали сыновей в школы, особенно если это было связано с отъездом из дома, предпочитая держать их при себе "до возраста", а затем определяли в казачью службу[27].

В 80-х гг. XVIII в. в России стали создаваться главные и малые народные училища; первые были четырехклассными, вторые — двухклассными. На территории Сибири в 1789—1793 гг. открылись 3 главных и 9 малых училищ. Содержание их возлагались на городские общества. В 1792 г. в Красноярском малом народном училище училось 40 детей солдат и казаков (всего был 91 ученик), в Кузнецком — четверо детей солдат и казаков и двое — детей боярских. В 1799 г. в Тюменском, Нарымском, Туринском, Томском, Енисейском и Тарском малых народных училищах было 33 учащихся из детей солдат и казаков. В первой четверти XIX в. число училищ значительно выросло, а два из них — Иркутское и Тобольское были преобразованы в гимназии.

Власти всячески подталкивали служилых людей к тому, чтобы они учили своих сыновей в школах. В 1744 г., например, в Томске получили предписание сибирского губернатора "о понуждении всех дворян и детей боярских в обучении детей своих арифметике и другим наукам". Детей до 15 лет, если они нигде не обучались и не обучаются, предписывалось высылать в Тобольск. 12 марта 1747 г. Сенат распорядился, чтобы "в Сибирской губернии дворян и детей боярских, не умеющих грамоте, к делам, а особливо ни к каким сборам не определять и к повышению чинов... в Сибирской приказ аттестатов не присылать". В 1761 г. в Кузнецке проживало 11 неверстанных детей боярских и дворян, в возрасте от 15 до 27 лет. 8 из них оказались грамотными, и их было велено прислать в Тобольск для определения на службу, а неграмотных — поверстать в Кузнецке в рядовые казаки. Одновременно губернская канцелярия распорядилась перевести в рядовые казаки уже служащих неграмотных кузнецких детей боярских Ивана Гвинтовкина и Василия Шестакова. Безусловно, подобная политика стимулировала инте-

рес к обучению детей грамоте. Прослойка умеющих читать и писать казаков существенно увеличилась. В именных списках неверстанных детей, представленных в 1760—1763 гг. в Сибирскую губернскую канцелярию из Тобольска, Енисейска, Томска и других городов на предмет замещения должностей дворян и детей боярских, против каждой фамилии помечено: "грамоте умеет". Из 15 казаков, направленных в 1769 г. на службу из Тары в Омск, двое (19-летние К.Бессонов и А.Харламов) были грамотными. В 1761 г. енисейская провинциальная канцелярия представила на занятие "должностей" дворян и детей боярских 8 "грамоте и писать умеющих" казаков[28].

Ситуация с грамотностью в Уральском и Оренбургском войсках и в первой половине XIX в. оставалась более удручающей, чем в Сибири. В Уральском до 20-х гг. столетия действовало единственное училище, в котором обучалось постоянно 10-15 чел. У оренбургских казаков первые школы появились в 1819 г. — учреждалось 18 школ в станицах Миасской, Еткульской, Еманжелинской, Чебаркульской, Коельской, Уйской, Бакалинской, Елдицкой, Табынской, Татищевой, Самарской, Алексеевской, Красносамарской, Борской, Тоцкой, Сорочинской, Ольшанской и при Оренбургском казачьем полку, в станице Оренбургской. К этим 18 школам в 1831 г. прибавились новые, открытые в станицах Никольской, Кочердыкской и Бурannой. К 1838 г. школ стало 30. В них обучалось 913 учеников чтению, письму, арифметике и закону Божию.

Учителями назначались (станичным обществом) войсковые урядники или рядовые казаки; в редких случаях ими становились вольнонаемные, только после проверки их войсковым начальством в знании дела и нравственности. В обязанность учителя входило обучение гимнастике, строю, фехтованию саблями и пиками. К 1848 г. школы были уже во всех станицах.

Многие учителя из казаков стремились как можно быстрее освободиться от преподавательской должности. Зарплаты они не получали, работа в школе зачитывалась за действительную службу. Только в Оренбургской станице учителю было установлено жалованье в 57 руб. 14 1/4 коп. серебром в год. 7 марта 1847 г. войсковое правление ходатайствовало перед оренбургским военным губернатором об установлении жалованья учителям других станичных школ, поскольку существующий порядок "служит совершенным препятствием к улучшению училищ", "составляет главное затруднение в приискании хороших учителей". В следующем году последовало указание о назначении станичным учителям жалованья в размере 28 руб. 58 коп. серебром в год "с отнесением издержки на этот предмет на общий капитал всего войска"[29].

Важное значение имело учреждение в 1824 г. в Оренбурге Неплюевского военного училища. Деньги пожертвовали внук бывшего губернатора И.И.Неплюева и оренбургское дворянство. Специальным Положением были определены предметы обучения: Закон Божий, Магометанский закон, русский, французский, немецкий, арабский, персидский и татарский языки, математические науки, естественная история, физика, история, география, рисование, черчение, военные науки. Кроме того, воспитанников обучали гимнастике, танцам, фехтованию, верховой езде.

В 1830 г. жизнь воспитанников была подчинена "Уставу для военно-учебных заведений второго класса". Четкий распорядок дня, продолжительные прогулки на свежем воздухе, физические упражнения, регулярное

хорошее питание — все это положительно сказывалось на внешнем виде воспитанников, их успехах в учебе. В 1836 г. из 32 учащихся старших классов 12 были отмечены как отличившиеся успехами в науках и примерной нравственностью. Преподаватели были, как правило, люди опытные и знающие, не по одному десятку лет преподававшие в различных учебных заведениях.

В июле 1844 г. получило высочайшее одобрение предложение о преобразовании Неплюевского училища в кадетский корпус. Устанавливался набор в 200 воспитанников. На содержание корпуса казна выделяла 22.800 руб., из них 35% — на библиотеку. К 1855 г. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус располагал несколькими каменными зданиями, летним лагерем, баней, библиотекой[30].

Развитие школьного образования в Уральском войске было связано с деятельностью атамана А.А.Столыпина (1816—1858). Он, в частности, занялся преобразованием Уральского войскового училища. Были приглашены новые молодые учителя — офицеры-неплюевцы. Г.Н.Потанин писал об одном из них — Темникове, что при встрече он "удивил своими знаниями по зоологии, как будто он слушал университетский курс". Столыпин отвел преподавателям мастерскую, где изготовлялись учебные пособия, например, рельефные карты из папье-маше. Мастерская находилась в нижнем этаже атаманского дома, и Столыпин иногда заглядывал туда, сам принимал участие в работе.

Для пополнения текущей периодикой училищной библиотеки атаман инициировал создание библиотечного общества. При библиотеке была устроена читальня с мягкими диванами и креслами. Члены библиотечного общества собирались здесь раз в неделю, вслух читали новые литературные произведения.

"В каждом поселке Столыпин завел школу, — пишет Потанин, — в каждой из них преподавание было поручено офицерам. Была напечатана книжечка для детского чтения в этих школах..."[31].

Однако многие школы стояли пустыми — казаки не хотели отдавать в них детей. "В Уральске сказано, что детей насильно в школу брать не велено, а мы сами не желаем отдавать", — заявляли приверженцы старой веры офицерам-учителям. Уральские "родительницы" сами обучали детей по старопечатным книгам, успешно противодействуя школам, насаждаемым сверху. Причем учили преимущественно девочек. "Мужское поколение вообще безграмотно", — сделал вывод С.В.Максимов (60-е гг. XIX в)., основательно изучивший жизнь уральцев[32].

К 70-м гг. XIX в. в Оренбургском войске действовало 143, в Уральском — всего 41 казачьи школы[33].

Во второй четверти XIX в. несколько снизился процент грамотности в Сибирском казачьем войске. С 1825 г. войсковым командованием было отменено обязательное обучение, и станичные школы начинают закрываться. Вместе с тем были и позитивные перемены. Если до 1822 г. в Омском казачьем училище велась подготовка урядников, то затем оно стало выпускать офицеров. В 1826 г. это учебное заведение получило название Училища Сибирского линейного казачьего войска для детей казаков, а в 1846 г. его преобразуют в Сибирский кадетский корпус, куда принимали теперь и сыновей офицеров Отдельного сибирского корпуса, и дворян, служащих или служивших чиновниками в Сибири. Для реорганизации училища был прислан

из Петербурга И.В.Ждан-Пушкин с правом обращаться по этому делу прямо к Я.И.Ростовцеву — начальнику учебных заведений. Один из самых талантливых выпускников корпуса Г.Н.Потанин высоко оценивал личность и деятельность Ждан-Пушкина — молодого артиллерийского капитана, служившего в свое время на Кавказе: "Ждан-Пушкин был разносторонне образованный человек; он знал французский, немецкий и английский языки, был отлично знаком с историей европейской литературы, особенно английской, и с историей вообще. Случалось, что иной предмет останется без преподавателя, Ждан-Пушкин брал преподавание на себя. Так, он по временам читал нам алгебру, всеобщую историю и артиллерию, и каждый предмет он читал лучше учителя. Но, главным образом, его благородный и открытый характер оставлял след в умах его питомцев; кадеты старались подражать ему".

Учившийся в корпусе позднее Потанина Г.Е.Катанаев также писал о "широком образовании" Ждан-Пушкина, его "замечательной выдержке".

Инспектор классов Ждан-Пушкин руководил всей учебной частью. Он постарался сформировать достойный преподавательский коллектив. Геометрию преподавал Я.И.Кучковский, работавший еще в войсковом казачьем училище. Его уроки, по словам Потанина, поражали своим "изящно-ясным изложением". Хорошие знатоки своих предметов занимали также кафедры алгебры и тригонометрии. "Русский язык, история русской литературы, география, всеобщая история, закон Божий, — пишет Потанин, — все эти предметы преподавались учителями, лучше которых и желать не надо". В частности, географию преподавал Е.И.Старков, родом казак, еще учеником поразивший своими географическими познаниями знаменитого ученого Гумбольта, посетившего Омское казачье училище в 1828 г. Учитель русской словесности Н.Ф.Костылецкий, выпускник Казанского университета, знакомил своих воспитанников с лучшими произведениями отечественной литературы — сочинениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др. Пушкин был его кумиром; на всю жизнь запомнилась Костылецкому случайная встреча с этим "национальным гением" на одной из казанских улиц (Пушкин проезжал через Казань на пути в Оренбург).

Преподавать всеобщую историю был приглашен Г.В.Гонсевский, тоже выпускник Казанского университета; по программе курс полагалось заканчивать на 1815 г., но Гонсевский доводил его до 1835 г., останавливаясь и на событиях новейшей истории. С законом Божьим знакомил кадетов священник А.И.Сулоцкий, окончивший Петербургскую духовную академию, искренне и глубоко верующий человек, историк-краевед; многие годы он жил в Тобольске, где в круг его ближайших знакомых входили поэт П.П.Ершов, автор "Конька-горбунка", известный знаток прошлого Сибири П.А.Словцов, краевед, член Русского географического общества Н.А.Абрамов, ссыльные декабристы. В.П.Лободовский, приятель Н.Г.Чернышевского, репетировал с кадетами "Ревизора", а рядом присланный из Петербурга инженер-майор В.В.Мусселиус педантично наставлял молодых сибиряков в премудростях полевой фортификации. В одном классе читали вслух арабские стихи, а в другом преподносили основы сельского хозяйства. Кадетов обучали также архитектуре и верховой езде, танцам и артиллерийскому делу и пр.

Первым директором корпуса был генерал Шрамм; впоследствии его сменил А.М.Павловский. Все кадеты делились на "роту", состоявшую из детей офицеров и чиновников, и "эскадрон", в который помещали детей

казачьих офицеров. В структуре корпуса была подчеркнута сословная принадлежность, но о ней иногда забывали в общих затеях; здесь выпускали рукописные юмористические журналы, ставили спектакли и устраивали литературно-музыкальные вечера. Сибирский кадетский корпус, по словам историка М.М.Громыко, "представлял собой небольшой своеобразный очаг культуры в административном и военном Омске, на границе леса и степи, в непосредственной близости от южных кочевий". Живший в Омске, а затем в Семипалатинске в ссылке Ф.М.Достоевский хорошо знал ситуацию в корпусе (он поддерживал отношения с А.И.Сулоцким, И.В.Ждан-Пушкиным и др.). "Сибирский кадетский корпус, — писал он, — одно из первоклассных заведений в России". Отсюда выходили не просто офицеры-профессионалы, но многосторонне образованные люди, патриоты. "Ждан-Пушкин хотел, чтобы любовь к родине являлась руководящей идеей в будущей нашей жизни, — вспоминал один из первых выпускников корпуса Г.Н.Потанин, — и любовь к России, действительно, стала религией нашего сердца"[34].

Выпускники Омского кадетского корпуса внесли большой вклад в научное изучение Сибири. Вообще трудно переоценить роль казачества в научном обследовании восточных регионов страны. Именно служилые люди в XVII в. собирали сведения о путях сообщения в новых землях, пушных богатствах, месторождениях полезных ископаемых, численности и занятиях коренного населения, быте и обычаях соседних народов. К середине XVII столетия казаки-землепроходцы знали буквально все реки Урала и Сибири и их главные притоки. У берегов Сибири они рано стали осваивать морские пути, с 30-х гг. XVII в. совершали плавания в самой восточной части Ледовитого океана — от устья Лены. В 1648 г. казак С.И.Дежнев и его спутники, обогнув Чукотку, первыми из европейцев прошли через пролив, отделяющий Азию от Америки. Тем самым была установлена раздельность двух материков — азиатского и американского. Однако заслугу казаков русская наука сумела оценить только через 250 лет: в 1898 г. самый восточный мыс Азии получил название мыса Дежнева.

Енисейский служилый человек И.Ю.Москвитин и его товарищи коротким плаванием из устья р.Ульи к р.Охоте в 1639 г. положили начало русскому тихоокеанскому мореходству, а в следующем году, соорудив два восьмисаженных коча, москвитинцы совершили плавание до района устья Амура и островов Сахалинского залива, населенных оседлыми нивхами. Значительно расширил представления русских о Тихом океане один из первооткрывателей Колымы — служилый М.В.Стадухин, который в 1651 г. прошел по суше с Анадыря на Пенжину, плыл в течение двух навигаций по северной части Охотского моря до Тауйской губы, а затем в 1657 г. до р.Охоты. Одним из первых Стадухин узнал от местных жителей и о существовании полуострова Камчатки. Благодаря казакам уже в середине XVII в. в Москве знали, что с востока Сибирь всюду омывается "морем-акианом"[35].

Во время плаваний в Ледовитом и Тихом океанах служилые люди по очертаниям берегов запоминали пройденные морские пути, следили за направлением ветров, дрейфом льдов, морскими течениями. Они умели пользоваться компасом ("маткой") и определять общие контуры малых и больших полуостровов. С.И.Дежнев, например, в своей отписке довольно точно определил местоположение Чукотского полуострова ("Большого каменного носа") от Анадыря: "а лежит тот Нос промеж сивер на полуношь-

ник", т.е. между направлениями на север и северо-восток. Дежнев относил начало Чукотского полуострова с южной стороны к заливу Креста (район горы Матачингай): "Нос поворотит круто к Онандыре реке под лето", что соответствует представлениям современных географов. Так впервые были получены достоверные сведения о крайней северо-восточной части Азии.

В XVII в. анадырские казаки первыми проведали о существовании Аляски, хотя они еще не знали, что Аляска является частью Америки; казаки называли ее "островом зубатых" (эскимосов), или "Большой землей"[36].

В "сказках" землепроходцев, их "отписках", "распросных речах" накапливался географический, этнографический, историко-экономический и другой материал о Северной Азии.

Ценные сведения были собраны казаками в XVII в. и о странах, находившихся к югу от Сибири. Активнейшее участие сибирские служилые люди принимали в русских посольствах в южные страны. Так, томский казак Иван Петлин, первым совершивший в 1618 г. путешествие в Китай, представил в Москву статейный список, в котором подробно описал путь своего следования, приложив "чертеж и роспись про китайскую область". Тарский атаман Василий Тюменцев в 1616 г. посетил Северо-Западную Монголию; другой тарский атаман Гроза Иванов с сыном боярским Дмитрием Черкасовым в 1624—1626 гг. дважды посетили и описали знаменитое "Ямыш-озеро" и верховья Иртыша, привезя, кстати, оттуда отличнейший алебастр. Дети боярские Гречанин и Стариков с томскими казаками неоднократно, начиная с 1633 г., проникали в качестве русских посланцев в Северо-Западную Монголию; они обстоятельно описали все виденное и слышанное во время поездок. Сын боярский Федор Байков с тарскими казаками в 1654 г. совершил поездку по Иртышу к озеру Нор-Зайсану и далее по Монголии во внутренний Китай, отправив затем в Москву подробный отчет об этой поездке. Снаряжались русские посольства и "в Киргизы", в Туркестан, другие места. Побывавшие, например, в 1694 г. в Туркестане в составе посольства казаки Федор Скибин и Матвей Трошин оставили интересное описание своего странствия через степь к Туркестану и оттуда через Бухару и Хиву на Яик, Волгу и, наконец, обратно в Тобольск.

Подобные путешествия зачастую были связаны с немалыми опасностями. Так, в апреле 1694 г. отправился в составе посольства в "Казачью Орду" к Тевки-хану для переговоров тобольский казак Федор Скибин. Подле Саруся-реки у Ахтубы-камня на служилых напало "воровски" 60 чел. Казаки, которых было всего двое, не дрогнули, приняли бой, успешно сдерживали натиск, потом отошли, обороняясь, сели в осаду. Ночью им удалось бежать, однако утром они наткнулись на калмыков, обманом увезших их к себе в улус. Казаки были проданы в рабство местному князьку. Случайно в этом улусе оказался мурза Кильдейко, который сам когда-то пять лет отсидел в плену у русских, а потому из чувства сострадания освободил Скибина и его товарища. Вместе с мурзой казаки отправились к Тевки-хану, выполнили свою миссию, но опять оказались фактически на положении пленников. Улучив момент, когда ханские стражи ослабили надзор, Федор, выдав себя за ногайца, ушел в Бухару, а затем в Хиву. Здесь ему посчастливилось встретить донского казака И.Яковлева, который снабдил Федора едой, дал ему с собой образ Николы-угодника и указал путь на Русь, в Уфу, через земли Аюк-хана. В 1697 г. Скибин в Тобольской приказной избе рассказывал о своих нелегких странствиях[37].

Однако наиболее подробный и содержательный материал был собран в XVII в. служилыми людьми о внутренних районах Урала и Сибири: населении, фауне, флоре, полезных ископаемых и т.д. Среди казаков-землепроходцев были так называемые "травники", которые занимались поиском и сбором растений "для лекарственных составов и водок"

Русские землепроходцы свои открытия стремились запечатлеть на географических чертежах, которых в XVII в. были созданы сотни. В большинстве своем, к сожалению, они впоследствии погибли. Можно отметить составленный в 1655 г. по указанию Дежнева первый чертеж Анадырской "землицы". Спутники Стадухина сделали первый чертеж Охотского моря. Среди составителей чертежей XVII в. были замечательные мастера своего дела. Таким оказался, в частности, служилый Курбат Иванов, первооткрыватель Байкала, составивший первые чертежи верхней Лены, озера Байкала, Охотского побережья и некоторых других районов Восточной Сибири. Выдающимся чертежником-картографом был тобольский сын боярский С.У.Ремезов. Страсть к рисунку он унаследовал от отца — Ульяна Моисеевича, который в 1647 г. поверстался в службу в казаки литовского списка, а через три года оказался в войсковых подьячих. Он, по словам сына Семена, был "хитер о делах", выполнял важные поручения. Например, Ульян Ремезов ездил в степь к Аблаю-тайше с государевым жалованьем, сукнами и панцырем Ермака, потребованный Аблаем за свое подчинение России. Современники называли старшего Ремезова "известным волшебником"; в его доме хранились сушеные травы, книги, рисунки, карты.

Сын Ульяна Семен стал первым сибирским ученым-географом, химиком, градостроителем, историком. Составлением карт Ремезов начал заниматься с 1668 г., а его чертежи 1698—1701 гг. стали вершиной достижения картографической науки XVII в. 10 января 1696 г. в Москве было решено послать "во все сибирские города" грамоты и "велеть сибирским городам и с уезды ... написать чертежи на холстине... А в Тобольску велеть сделать доброму и искусному мастеру чертежи всей Сибири" В Тобольске чертежные работы возложили именно на С.У.Ремезова. Для составления своего чертежа Сибири тобольский сын боярский объездил многие районы, собирал подготовительный материал, присматривался на местности. Им был составлен настенный чертеж части Сибири и два общих чертежа всей Сибири, один — на белой китайке, другой — на лощеной бязи. Результатом картографической деятельности Ремезова явился также уникальный атлас сибирских рек — "хорографская чертежная книга". Наконец, вместе с сыновьями Семен Ульянович подготовил книгу чертежей всех сибирских городов ("Чертежную книгу").

С.У.Ремезов написал также несколько этнографических сочинений и составил первую этнографическую карту Сибири. Им велось проектирование и строительство уникальных сооружений Тобольского кремля. В историографии Сибири выдающееся место занимает "История Сибирская" (Ремезовская летопись) — сочинение Ремезова, котрое содержит уникальные сведения о походе Ермака и обстоятельствах "сибирского взятия" В основу труда легли собранные автором разнообразные письменные и устные источники [38].

В изучении истории Урала и Сибири активное участие принимали многие служилые люди. В частности, события, связанные с походом Ермака,

нашли отражение в казачьих "устных летописях"; один из вариантов "устной летописи" дошел до нас в краткой Кунгурской повести, вошедшей в состав ремезовской "Истории Сибирской" [39]. Некоторые казаки оставили письменные исторические сочинения. Так, березовский казак Поленов был автором "записки" о бывших в г.Березове воеводах — с 1593 по 1736 г.[40] Красноярский казачий сотник С.И.Обжерин с июля 1785 г. по август 1787 г. находился "у описания рода и сочинения истории иноверцев"[41]. Яицкий войсковой атаман Иван Акутин вел рукописный журнал, где помещалось немало интересных исторических сведений о Яицком войске. Копию этого журнала впоследствии получил историк А.Левшин, опубликовавший в 1823 г. труд "Историческое и статистическое обозрение уральских казаков". Для Левшина акутинский журнал стал одним из важнейших источников[42]. Традиции казачьей историографии в Уральском войске в первой половине XIX в. продолжил И.И.Железнов (1824—1863), сын казачьего урядника. В 1837—1841 гг. Железнов учился в Уральском войсковом училище, затем служил. "Хоша я и чиновник, но в душе я крепко люблю старину... с любовью, со слезами умиления вспоминаю о тех казаках, которые в старые годы за старину стояли...", — признавался он старику-казаку И.Н.Чакрыгину[43]. В 1853—1862 гг. Железнов был адъютантом при полковом командире Московского сводного казачьего полка, сблизился с так называемой "молодой редакцией" журнала "Москвитянин". В 1854—1855 гг. в этом журнале был напечатан его очерк "Башкирцы" и появилось начало большой исторической повести "Уральская старина. Василий Струняшев" — о жизни уральских казаков во второй половине XVIII в. Окончание повести поместил журнал "Отечественные записки". Истории казачества Железнов касался и в других своих работах. Его интересовала Пугачевщина и участие в ней яицких казаков, прошлое казачьей общины, появление казаков на Яике и пр.[44]

В XVIII — первой половине XIX в. уральские и сибирские казаки принимали деятельное участие в работе многочисленных научных экспедиций: двух Камчатских, экспедиций под руководством академиков П.С.Палласа, И.И.Лепехина, И.П.Фалька, профессора К.Ф.Ледебура и др.[45] Продолжались поездки в составе посольств в среднеазиатские ханства, государства Дальнего Востока[46]. В казахской степи казаки вели топографические съемки. Занимались они картографическими работами и на Северо-Востоке Сибири, на Алтае, в Приамурье[47]. Как писал Г.Е.Катанаев, начальство с успехом пользовалось "услугами и знаниями казаков... в сношениях с киргизскими ордами, в разведках о том, что делается в степи и за границею, в исследованиях топографических, естественно-исторических и проч. Один голый перечень имен и главнейших командировок казаков с сказанными целями может уже дать понятие о той видной роли участия, какая выпала на долю... казаков в обширной области землеизследования вообще и изучения Азиятской России в частности"[48].

Впрочем, как можно было заметить, дело не сводилось к приказу начальства. Очень часто инициатива участия в научном изучении восточных земель исходила от самих казаков. В этом находили свое выражение и тяга к познанию нового, неизведанного, и желание послужить отечеству, родной земле, родному войску.

4. Общественно-политические взгляды казачества*

Казаки наследовали представления тех групп населения, которые были источником комплектования казачества и продолжали вливаться в его состав на протяжении XVII— первой половины XIX веков. Общественно-политическое сознание казачества формировалось под воздействием его экономического положения, образа жизни, социально-политического статуса, политики государства в отношении военно-служилого населения. Естественно, мировоззрение казаков испытывало сильнейшее влияние со стороны господствовавшей в обществе официальной идеологии. При этом социально-политические представления не были простым пассивным результатом действия внешних факторов. Напротив, мировоззрение активно влияло на позиции самого казачества, их образ действий, на отношения с государством и его администрацией. Общественно-политическое сознание казачества включало представления о государстве, институте царской власти и ее конкретных носителях; взаимоотношениях между государем и казачеством; гражданских и профессиональных правах и обязанностях самих казаков.

Ядро вольных казачьих общин Европейской России, военно-служилого населения Сибири составили выходцы из различных слоев Московского государства: служилых людей, крестьян, посадских и т.д., которые разделяли господствовавшую в обществе монархическую идеологию. Именно эту идеологию и унаследовали первые казачьи сообщества. Да и трудно было бы ожидать, чтобы малочисленные казачьи общины XVI — XVII вв., разбросанные по периферии государства, поглощенные повседневными заботами о выживании в иноэтническом, зачастую враждебном окружении, оказались бы в состоянии самостоятельно разработать идеологию, противостоявшую духовной атмосфере общества. Прочность монархических представлений определялась историческими корнями. Значение государственной власти в глазах русского народа укрепляло то, что именно под руководством московских князей и царей велась и была успешно завершена длительная и жестокая борьба с татарским игом, именно они собрали Русь в единое целое. Как справедливо отмечали авторы "Столетия Военного министерства", "в казаки уходили не бунтовщики против царской власти и не политические враги Московской Руси, а люди, не могшие примириться только с некоторыми формами быта русской жизни того времени, особенно стеснявшими личность". К таким формам быта, вызывавшим народную неприязнь, относились крепостное право, произвол бояр и воевод, гонения против раскола[49].

Показательно осуждение политического режима Швеции периода Северной войны, недостаточно абсолютистского с точки зрения казаков, высказанное в одном из преданий уральцев, кстати, наиболее вольнолюбивых представителей восточнороссийского казачества. Казаки рассказывали, что положение шведов под Полтавой в 1709 г. было более выгодным в сравнении с положением русских. Тем не менее, шведский король пожелал решить судьбу сражения схваткой богатырей ("поединщиков"). Казаки объясняли

* Исследование осуществлено при содействии Международного научного фонда (№ 716000/564)

это следующим образом: "Король шведский, изволишь ли знать, изверился у своих енаралов (генералов — И.П.) и думчих сенаторов. Когда он собирался под Полтаву, они не хотели давать ему ни армии, ни пушек, ни казны. Такой, вишь, обычай в неверных землях: там, говорят, цари то служат зауряд (т.е., исполняют обязанности — И.П.), словно офицеры в башкирском войске. Поди, да и пойми их там: народ дикий, несуразный ...". Королю,— повествовало далее предание,— все-же удалось убедить сенаторов выделить ему армию, но с условием не вступать в сражение с Петром I, а решить его исход поединком силачей. Таким образом, шведский государь, по мысли казаков, был существенно ограничен в своих действиях, не был самодержцем, что расценивалось уральцами как нонсенс[50].

Монархизм казачества, конечно, не исключал более или менее длительного параллельного (независимого) существования государства и "вольных" казачьих сообществ, случаев расхождения казачьих интересов с интересами государства, даже открытых столкновений между казаками и правительственными войсками. Но в конце концов прерванная на время связь между государством и казаками восстанавливалась. Монархизм казаков, как и вообще народный монархизм, не был простой репликацией с официальной идеологии, но обладал существенной спецификой.

Казачьему монархизму был присущ оттенок патернализма. Государь в документальных обращениях и в фольклоре (песнях, преданиях, легендах) казаков — высший земной покровитель и благодетель, отец всех подданных, всех православных, олицетворение мощи и суверенитета государства. Об этом красноречиво свидетельствуют следующие эпитеты: "Батюшка", "Наш отец", "отец общий", "великий царь", "державнейший царь". Казачество всячески подчеркивало благочестие монарха, его вероисповедную идентичность: "православный", "благочестивый", "благоверный", "праведный", "белый царь". Более того, в казачьем сознании царь равнялся богу: "Ты, батюшка, земной Бог". Имена бога и царя постоянно сопрягались в фольклорных текстах; качества, которыми наделялись тот и другой, зачастую были синонимичными: обладание волей, милосердием и т.д.[51]

Политические и культурно-семиотические предпосылки сакрализации монарха в России исследованы В.М.Живовым и Б.А.Успенским. Они складывались из нескольких тенденций. Во-первых, это перенесение на московского царя функций византийского василевса с последующей византинизацией русской государственной и церковной жизни. Во-вторых, это усвоение царем функций главы церкви начиная с царствования Петра I. В-третьих, это прочтение новых барочных текстов носителями традиционного культурного языка[52].

По мнению казаков, государю присущи качества, которые не свойственны обычным людям. Как известно, среди уральских казаков до начала XX в. было распространено убеждение о тождестве Петра III и Е.И.Пугачева или, наоборот, о том, что это были разные люди, но действовавшие совместно[53]. Уральцы хранили немало преданий о "Петре Федоровиче", которого считали истинным царем. В записанном И.И.Железновым рассказе 100-летней уральской казачки Анисьи Васильевны Невзоровой (старицы Августы) сам "Петр III" сообщает своим "сенаторам" об одном из характерных царских свойств: "Теперича возьмите в толк вот еще что: ведь цари-то, не как простые люди, цари не связаны никаким законом, цари сами закон ... Кто им смеет указывать?" Итак, царь стоит выше закона, потому что он сам творит

законы; царю никто не смеет указывать. В силу этого царь может поступать волюнтаристски ("может проявить и свою моду"). Петр I, по мнению уральских казаков, "проявил моду", женившись на "иностранной": "до него цари наши брали себе в супруги из расейских боярышень". "Моду проявил" и "Петр III" — Пугачев, женившийся на простой казачке У.П.Кузнецовой — "потому волен был".

Царская воля ограничена лишь словом, данным самим царем. Старый уральский казак И.М.Бакиров рассказывал об этой особенности царской власти И.И.Железнову: "Сам знаешь наши уставы: коль скоро кто из владык земных откажется от царства и даст в том на себя запись, тот век-повеки должен оставаться без царства, по той самой причине, что царское слово свято свято, во веки веков нерушимо, не нами узаконено".

Казачество полагалось на справедливость государя, связывало с его именем осуществление своих сокровенных надежд: "Ах ты свет наш, надежа", "наш надежда православный царь", "милостивейший", "милосердный государь". В середине XVII в. томские служилые люди обращались к государю с мольбой о защите их от злоупотреблений местной воеводской администрации: "Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайловичь всея Русии! Пожалуй нас ... возри, государь, помазанник божий, своим праведным милосердием, вели, государь, нас, холопей и сирот своих, от ево, князь Осиповы и Михайловы, изгони и насильства оборонить". Вообще события Томского восстания 1648—1649 гг. породили многие сотни листов самых различных челобитных, которые неизменно заканчивались традиционной формулой: "Царь, государь, смилуйся, пожалуй!"

"Милосердый великий государь, царь и великий князь всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, пожалуй нас, холопей своих бедных и разореных ...",— такими словами завершали свою челобитную на царское имя красноярские служилые люди (1702 г.). Представления о защитнике народных интересов казаки распространяли не только на царя, но и на прочих членов царской семьи. Так, в 1837 г. Уральское казачье войско обращалось к наследнику престола великому князю Александру Николаевичу со следующими словами: "Вашему Императорскому Высочеству Александре Николаевичу Всещедрому и благому защитителю ... Можем ли мы, несчастные и вернейшие рабы Вашего Высочества, прибегнуть под Высочайший покров Ваш и просить от Вас защиты и милости ..."[54].

Фольклорные отношения государя и казаков — это патриархальные отношения "батюшки" и его "детей". Монарх печется о своих "детушках". Последние ценят "отеческую" заботу: "Спасибо те, батюшка, ты нас поил-кормил, // Ты поил-кормил нас, батюшка, берег-жаловал"; "Царь нас кормит, одевает, // Честь и лесть ему служить, // Он за храбрость награждает // Крестом славным на груди"; "И прислал он всем спасибо // И медаль дал всем войскам, // На край светы мы итти готовы // За такую милость к нам".

Царь всегда готов непосредственно, по-отечески, пообщаться с казаками, понять их нужды, ободрить и помочь. В песне, посвященной взятию Азова в 1696 г., царь отмечает отличившегося казака: "За то его царь много жаловал: // Целовал его в его буйную голову". Щедра царская награда: "Уж ты, душечка, молодой казак, чем мне тебя жаловать: // Генералом тебя, душа молодой казак, или // Золотой казной". За героические подвиги во время Северной войны Петр I отпускает яицких казаков отдохнуть домой и произносит при этом следующие проникновенные слова: "Пускай отдохнут

на родной сторонке; поживут в домах, в семействе, поисправят свое хозяйство и все такое; чай, с войны-то и они, бедняжки, поиздержались, поистратились, а я, говорит, не хочу, чтобы казаки мои голодали и без нужды нужду терпели ..." (уральское предание "Рыжечка").

Фольклорные монархи XIX в. тоже пользуются случаем, чтобы поприветствовать, похвалить казаков. В 1824 г. Оренбург посетил император Александр I. Это событие отразилось в казачьих песнях: "Вот приехал Белый Царь // Православный Государь". Монарх в песне тепло обращается к казакам: "Здорово, мои дети, // Оренбургцы, молодцы!" Нередки встречи с государем казаков, которые проходят службу в Петербурге: "Царь по фронту проходил, // Похвальбой нас наградил; Похвальбой нас наградил, // По домам всех распустил"; "Справа с флангу Царь идет. // Царь по фронту проходил, // Похвальбой нас наградил // «Да спасибо, мои дети, // Да спасибо, молодцы!»" В песне о русско-турецкой войне 1828—1829 гг. "наш батюшка белый царь" — Николай I "погуливает" с "армеюшкой" и ведет с казаками отеческие беседы: "Хорошо ли, братцы-ребята, // На сраженьях вам стоять, // На сраженьях, на войне, // Да все на правом крыле, // Все на правом крыле // На камышевой горькой траве?"; "Вы не плачьте-ка, ребята, // Не тужите, молодцы: // Славной осени дождемся // Во Россию жить пойдем".

Государь тяжело переживает жертвы, которые несут казаки — особенно вследствие бездарных действий военачальников. Николай I в песне об осаде Браилова даже "журит-бранит" своего брата, "брателку, родимого", великого князя Михаила Павловича, руководившего осадой крепости и повинного в значительных потерях при ее взятии: "Ты зачем, почто, брателка, сюда зашел? // Ты сюда зашел, не в свою землю; // Не один ты зашел, завел силу-армию, // А еще ты завел лейб-гусарский полк ..."

В системе патриархальных отношений между монархом и казаками естественно выглядит верность и покорность последних своему "батюшке" "Несчастными и вернейшими", "всеподданнейшими", "нижайшими" "рабами", "холопами","сиротами", "верными государевыми слугами" именуют себя казаки в своих обращениях к монарху[55]. "Мы не из интереса служим, — заявляет Петру I фольклорный персонаж яицкий атаман "Прохор Митрич", — мы, как есть рабы твои верные, готовы за тебя кровь проливать до последней капельки ...". "Для батюшки-царя мы готовы отдать последнюю рубаху с плеч," — признавался И.И.Железнову уральский казак И.Н.Чакрыгин. Ему вторил другой уралец А.Д.Барсуков: "Ведь мы слуги царские. Если когда-б батюшке-царю угодно было спросить всех нас, мы бы все сели на конь и пошли, куда прикажут служить и кровь свою за отечество проливать: это долг наш, наша обязанность, за то и нарицаемся казаками". Сервилизм, использование принятых в XVII — XIX вв. канцелярских штампов, таким образом, не исчерпывает самооценки казаков. Они сознают высокую государственную значимость своих служебных обязанностей, которые и исполняют в силу данной монарху присяги и традиции (деяния отцов и дедов). Томские служилые люди в челобитной 1649 г., подчеркивая свое верноподданичество, вспоминали не только собственные служебные подвиги, но и служебную ревность и беззаветную преданность престолу предков. Яицкое казачье войско в челобитной 1772 г. обещалось служить государю до последней капли крови, как "отцы наши и деды, не щадя живота своего, верно и беспорочно служили"[56].

Документальные источники подтверждают, что казаки относились к своим воинским обязанностям с большим "радением", проявляя всяческую инициативу, используя свой жизненный опыт[57]. В фольклоре казаки с готовностью принимают "Царя Белого приказ" и служат также не за долг, а за совесть ("Царь послал нас в степь Зиацку // Заводить крепость Уральску"; "Но ведь нам совсем не ново // Царю белому служить!"; "Служба нам не надоела; // За царя служить пришли"). Неоднократно в фольклорных текстах именно казаки выполняют самые трудные поручения, которые решают исход сражения и даже войны. В предании "Три Ивана", повествующем о седой древности ("стары годы"), яицкие казаки-"поединщики", Иван Пыжало, Иван Шатала, Иван Клад, выходят на бой с "лютым Индрик-зверем" (никто из князей и бояр не решился на поединок) на Куликовом поле, побеждают его и решают таким образом исход войны с тремя неверными царями: "салтаном турским, царем казанским, ханом крымским".Яицкий казак "Рыжечка" одерживает верх над шведским "поединщиком" под Полтавой.

Цари высоко ценят боевые качества казаков и порой лично обращаются к ним с просьбой выполнить какое-либо невероятно сложное поручение. В уральском сказании о Ермаке царь просит казачьего атамана взять Казань и Астрахань "на мое царское имя, да без рати". Ермак соглашается выполнить царскую просьбу: "Не учиться стать. Не впервой такия дела обрабатывать. Оба града ... в три часа с половиною возьму; и рати с тебя не спрошу: свою найду" Ермак действительно в сказании берет и Казань, и Астрахань лишь с двумя своими вестовыми. В песне, посвященной русско-шведской войне 1788—1790 гг., "батюшка Павел Петрович" долго обсуждает с "думчивыми сенаторами", кого послать за "шведским языкой" (пленным — И.П.); в конце концов выбор останавливается на донском казаке графе Денисове (по другой версии — на казаке Павле Петрове) — "Кроме его неким нам достать шведскаго языку".

Особенное значение, которое придавали казаки своим служебным функциям, способствовало длительному сохранению в народной памяти сведений о былых воинских и колонизационных подвигах, поэтизации этих сведений в многочисленных песнях и преданиях. При этом память хранила свидетельства не только о казачьих победах, но и о тяжелых поражениях и испытаниях, о гибели в боях с неверными "молодцов"-казаков; о бедствиях, сопряженных с внезапными и опустошительными набегами кочевников. Популярными среди казаков восточных регионов России были сказания о воинских подвигах "завоевателя" Сибири атамана Ермака Тимофеевича. Уже с конца XYI в. в уралосибирской служилой среде при непосредственном участии оставшихся в живых сподвижников Ермака шел активный процесс формирования сказаний, исторических песен, "устных летописей", посвященных героическим событиям покорения сибирского "царства" хана Кучума. В этих произведениях утверждалась демократическая версия "сибирского взятья" — решающая роль и инициатива в присоединении Сибири отводилась народу в лице Ермака и его казаков. Народная концепция присоединения Зауралья к Российскому государству нашла отражение в памятниках местной письменности: в Кунгурской летописи, в произведениях тобольского сына боярского С.У.Ремезова.

Песня о Ермаке сохраняла популярность среди исетских казаков, потомков дружинников Ермака, даже во второй половине XIX в. Правда, в этой песне уже не описывался в деталях сам сибирский поход казаков,

основное внимание уделялось проблеме выбора направления экспедиции. Ермак лично обращается к своим "другам": "Ой вы гой еси, братцы атаманы-молодцы, // Эй вы давайте лодочки коломенки, // Забивайте вы кочеты еловые, // Накладывайте бабаички сосновые, // Мы пойдемте, братцы, вверх по Волге по реке, // Перейдемте мы, братцы, горы крутыя, доберемся мы до царства бусурманского, // Завоюем мы царство Сибирское"

Казачья историческая песня "Во Сибирской украине, во Даурской стороне" отразила реальные исторические события 1655 г., когда 10-тысячное маньчжурско-монгольское войско бойдоского князца Тагудая вторглось в Восточное Забайкалье и напало на Комарский острог. Служилый гарнизон последнего уступал по численности противнику примерно в 20 раз. Тем не менее, казаки решили обороняться, отбили несколько атак войска Тагудая, выдержали жестокую осаду (13 марта— 4 апреля 1655 г.). В фольклорном тексте воспевается стойкость и мужество защитников Комарского острога, которые преподали Тагудаю под стенами крепости поучительный урок. Убегая после неудачной осады, бойдоский князец "сам заклинается": "А не дай, боже, напредки бывать!"

Солидное место военно-колонизационная тематика занимала и в фольклоре казачества Урала. Народная память запечатлела свидетельства о не очень удачных походах уральских казаков на Хиву (походы атаманов Нечая и Шамая в начале XVII в.; князя Бековича-Черкасского в 1717 г.; Хивинская экспедиция В.А.Перовского 1839—1840 г.). Нередкий персонаж песен уральских и оренбургских казаков — "злы киргизушки", которые намерсваются совершить нападение на казачьи поселения или уже делят полон после успешного набега: "Как за батюшкой, за Яикушком // Огонек горит, огонь маленький, // А дымок-то идет, дымок тоненький. // Как вокруг-то огня злы киргизушки. // И делят-то они (все) русский плен...". В преданиях и песнях запечатлелись кровопролитные сражения яицких казаков с кочевниками "за Утвинскими горами" в начале XVIII в.: "За Утвинскими горами // Как распахана была там пашенка, // Пашня яровая. // Как не плугом она была спахана // И не сохою— // Как распахана была пашенка // Казачьими копьями" Набеги степняков киргиз-кайсаков, бухарцев, хивинцев на казачьи линии были частым явлением и в первой половине XIX в. Особенно неспокойной сохранялась ситуация в степном пограничье в 1830—1840-е гг., во время восстания под руководством султана Кенесары Касымова. В это время киргиз-кайсаками был уничтожен ряд поселений между Орском и Троицком(1837 г.), подвергся разорению Екатерининский форпост. Эта тяжелая пора отразилась в ряде песен — о набеге кочевников на форпост, о неудачном походе за линию отряда полковника Дуниковского, о гибели командира казачьей партии И.Ф.Рогожникова[58].

Итак, казаки "верно и беспорочно" служат государю и гордятся своей главной обязанностью. Но все же порой казаки-"дети" совершают ошибки. И "батюшка" или "матушка" иногда прощают их. Иван Грозный отпускает вину казачьему атаману Ермаку, пограбившему царские караваны, но загладившему свой проступок взятием Сибири, а также "Казани и Астрахани" для "белого царя". "Милосердая государыня" Екатерина II прощает яицких казаков, отказавшихся нести службу "лиционну" — служить в "Потемкинском легионе", в песне "По славной было по низовой линии" Через два года Екатерина в очередной раз прощает неугомонных яицких казаков,

убивших во время восстания 1772 г. генерала Траубенберга: "государыня простила, жить по-старому пустила"

Казачьему, как и вообще народному монархизму была присуща черта, которая существенно отличала его от официальной идеологии. Это отделение царя от сановников, бюрократии ("бояр и чиновников"), даже противопоставление их, и своеобразная идеализация монарха (полное отождествление собственных интересов с его интересами). Традиционно указанная особенность народного монархизма в советской литературе именовалась наивным монархизмом, хотя в действительности наивность подобного монархизма относительная; он имеет вполне реальные основания в определенной автономности самодержавия, способного и порой вынужденного действовать в интересах всего общества, а не только его верхних слоев. По народным представлениям между монархом и социальными низами имелось средостение — "злые бояре и воеводы", которые блокировали благие царские намерения, разрушали прямые и обратные связи между государем и народом. В контексте подобных представлений "норма государственных отношений есть зло, выражение злой воли "боярr", а идеализированное вмешательство царя — эксцесс, приносящий торжество добру"[59].

Известный писатель В.Г.Короленко в путевых очерках "У казаков" воспроизводит следующий разговор на "политическую тему":

— Да ведь верховная власть это и есть государь, — замечает писатель.

— Государь император — особо. А верховная власть — высшее начальство ... Нет ... Знаем мы ... Учены, — таково мнение казака.

Писатель в связи с этим резюмирует: "Таково это степное верноподданство. Оно решительно отделяет царя от реальной власти, идеализирует его, но вместе превращает в отвлеченность. И затем противится реальной власти во имя этой мифической силы ...". Наблюдение В.Г.Короленко действительно имеет основания.

Зло, которое царит повсеместно, по мнению казаков, осуществляется помимо высочайшей воли. Мысль о том, что царские воеводы своими незаконными действиями, противоречащими государевым указам, узурпируют на далекой окраине царские права; что воеводское самоуправство, насилия, вымогательства недопустимы и гибельны для государственных интересов, проходит лейтмотивом через большинство волений сибирских служилых людей XVII в. Участники Яицкого восстания 1772 г. считали виновными во всем "господ генералитет, штаб- и обер-офицеров", а также атамана Тамбовцева и старшин, которые "несносным разорением" довели казаков до такой нищеты, что те уже оказались не в состоянии исполнять императорскую службу.

В казачьем фольклоре монарх зачастую оказывается окруженным бездарными, невежественными, корыстолюбивыми "боярами", "сенаторами", "генералами". Порой эти царские "помощники" действуют "не по государственному", вопреки воле царя — и государь об этом не всегда ведает. Иван Грозный в конфиденциальной беседе с Ермаком жалуется на своих "глупых воевод", которые растеряли всю царскую рать. Вразрез с волей государя действует на Дону "разыщик" (следователь — И.П.) князь Долгоруков — виновник, по мнению казаков, восстания К.А.Булавина ("Как приехали к нам на тихий Дон все рассыльщики, // Во рассыльщиках были два боярина, // Без указа-то они государева нас разоряют, // Оттого-то наш славный

тихий Дон возмутился"; "Ты разыщика прислал к нам Долгорукова, // Без указа осударева он нас разорять нас стал ..."; государевым указам противопоставляются незаконные указы князя Долгорукова — "скорописные все фальшивые", в указах тех записаны "слова облыжныя"). В одной из песен уральских казаков "генералушки" отнимают у казаков волю неудачным приказом: "А генералушки приказ отдали, // От казаченек волю отняли; // «Вы не смейте де за Урал ходить, // басурман громить»". В результате "генеральского" приказа казаки оказались беззащитными перед степным натиском. Причем казаки были уверены, что "надежа православный царь" о том не ведает. Среди оренбургских казаков была распространена песня о том, как князь Иловайский (Каменцев) "во бильярд катал" и "пропил-прогулял весь наш славный тихий Дон" "Пропивши, промотавши", неверный царский слуга садится писать "фальшивые" указы: "Старых стариков во Кубань-реку бросать, // А девушек на фабричный двор брать, // А молодых ребят во солдаты брить".

В песнях о волнениях уральских казаков 1804 г. "батюшке, православному царю" противопоставляется злой "воеводушка", "допросчик" "Волконский-князь", действительно подавлявший казачий протест. Казак — "разудаленький добрый молодец" — не желает отвечать на вопросы "допросчика": "Не тебе, собаке, меня, молодца, спрашивать, // А не мне-то было тебе ответ держать!" Казак готов держать ответ лишь перед "белым царем". "Добрый молодец" предельно ясно формулирует обвинения "допросчику": "Разорил ты прежде войско Донское, // А другое войско Оренбургское, // Приехал ты к нам разорять в город, // Потревожил наших стариков старых". Уральские предания о Хивинской экспедиции 1839—1840 гг. обвиняли ее организатора оренбургского генерал-губернатора "царского слугу" В.А.Перовского в неимоверном тщеславии и злоупотреблении своим служебным положением, за что пришлось расплачиваться уральцам. Казаки были уверены, что одной из причин похода на Хиву было желание Перовского прославиться, заслужить двойную фамилию (как Суворов-Рымникский, Дибич-Забалканский, Паскевич-Эриванский) и титул генералиссимуса ("генералмуса"). Уральцы понимали, что заслужить двойную фамилию — дело не простое: "с позволения сказать, не мутовку облизать: для этого нужно сделать такую отлику, которую не всякий сделает, которая бы всем кидалась в глаза". В качестве второй причины организации похода казаки называли стремление генерал-губернатора пристроить в дело свободный казачий полк. Дело в том, что после волнений 1837 г. казакам в наказание было велено сформировать вне очереди 4 полка для внешней службы. Уральцы выполнили требование, хотя и не считали его справедливым (согласно преданиям, в волнениях участвовала небольшая группа казаков; Перовский, наложив на Уральское войско столь строгое наказание, превысил свои полномочия). Трем полкам удалось найти место службы, а 4-й оставался на Урале и беспокоил В.А.Перовского. Казаки по этому поводу говорили: "Меж нами будь сказано, если б в Питере до тонкости знали в ту пору об наших обстоятельствах, то-бы Перовскому никоим манером нельзя было отвертеться от строгаго выговора за то ..., что стребовать — стребовал с нас четыре полка, а работы им всем нет, — вот за что: Как бы там Василий Алексеевич ни был возвеличен и превознесен, однако за такие порядки царь не стал бы гладить его по голове, а безпременно сделал бы ему строгий выговор, да не один-на-один, а при собранье всего енеральства и сенаторства"

Итак, знакомая ситуация — царский администратор самоуправствует, а государь ничего об этом не знает.

Атмосфера административно-правового произвола порождала надежду на идеализированное вмешательство царя, которое могло осуществляться в различных формах: "милостивого указа" за личной подписью государя; содействия личных (и самое главное — верных, справедливых) царских слуг; непосредственное участие монарха в разрешении конфликта.

"Милостивые царские указы" занимали почетное место в народной политической культуре, нередко использовались для оправдания протеста его участниками. При этом в качестве "милостивых указов" могли выступать реальные указы подвергнутые изысканной интерпретации; подложные указы; пожелания казаков, приписанные ими царской воле (последнее могло осуществляться вполне искренне, настолько велика была среди казачества вера в царя, в его неподдельную заботу о народном благе). Отношение казаков к "милостивому указу" сродни крестьянскому (достаточно вспомнить многочисленные слухи о "золотой грамоте", указе с "золотой строчкой", которые циркулировали в русской деревне XVIII—начала XX вв.)[60].

В ходе Томского восстания 1648—1649 гг. сибирские служилые люди, свергнув воеводу О.Щербатого, ожидали подтвердительного "милостивого" царского указа, который должен был санкционировать действия мятежников. Восставшие не поверили в истинность царской грамоты, полученной 15 февраля 1649 г. в Томске. Грамота предписывала немедленно вернуть к власти 1-го воеводу и освободить его арестованных сторонников. В среде восставших возникла легенда о том, как по царскому повелению была написана правильная грамота, которую "у печати" подменили нечестные московские чиновники[61].

Целая легенда о царской "владенной грамоте" на р. Яик сформировалась среди яицких казаков. В предании "Три Ивана" легендарный царь жалует казаков за их героические подвиги рекой Яик, "с вершин до устьев, с рыбными ловлями, сенными покосами и лесными порубами". Ко времени Петра I, — сообщает другое уральское предание "Рыжечка", — "владена" утерялась. Поэтому очередной герой-казак просит царя подтвердить прежние права и привилегии. Петр I жалует казаков "владеной", в которой не только подтверждает прежние права, но и дополняет их важным для казаков правом свободно исповедовать старую веру и носить бороду ("Для кого нет, а для яицких казаков есть! Секлетарь, пиши во владеной, что я жалую яицких казаков крестом и бородою на веки вечные, чтоб им насчет креста и бороды быть невредимыми"). Когда в 1874 г. в Уральском войске было введено новое Положение, существенно изменявшее порядок службы, среди казаков начались массовые волнения. Протест подогревался толками о "владенной" грамоте на р. Яик, которая якобы не сгорела, "а что она была спасена во время пожара дьяконом Архангело-Михайловского собора, где будто она хранилась; что этот дьякон, умирая, передал ее другому, обязав под клятвою не казать никому, кроме самого Государя, и притом непосредственно; что «владенная» эта хранится в особом чугунном футлярея, зарытом в землю и т.п." Казаки надеялись, что если "владенная" попадет государю, то все новации незаконные, по их мнению, будут отменены. Мечты казаков на сей раз, однако, не сбылись; волнения были подавлены, а виновные — более 2 тыс. чел. с семьями отправлены на поселение в Туркестанский край.

В 1719 г. яицкие челобитчики — Ф.Рукавишников, Т.Новиков, М.Коловертинцев — волновали казачество заявлением о том, что царь из своих уст приказал им опять принимать людей "всяких чинов, кто чей и откуда бы ни был" Разглашение это в действительности противоречило правительственному курсу на ужесточение сыска беглых в пределах всего государства. В 1771 г. яицкие казаки отказались выполнять предписание Военной коллегии о выступлении в поход против калмыков, бежавших с Волги в Китай. При этом казаки оправдывались ссылками на копию с именного указа 7 декабря 1770 г. В оригинале указа содержалось прощение казаков за прежние их "дерзновения" и освобождение от обязанности служить в "Потемкинском легионе" ("увольняем их вовсе от легионной команды, куда их и впредь не наряжать"). В копии с указа оригинальный текст подвергся фальсификации ("увольняем их вовсе от легионной команды, никуда их и впредь не наряжать"), дававшей казакам моральный повод вообще отказаться от несения службы государству.

Восставшие в 1772 г. яицкие казаки оправдывали свой протест ссылками на якобы существовавший старинный царский указ, который обеспечивал право казаков на самоуправление и повелевал, "чтоб никогда в их Яицком городке не только генералов, но и шляпы салдатской не было" Кроме того, среди уральцев ходили слухи о мифическом указе императрицы, "якобы уже третий год вооруженною рукою поступать им велено. Таким образом, сами участники восстания 1772 г. склонны были рассматривать свой протест как выполнение высочайшей воли.

В 1859 г. в Оренбургском и Уральском казачьих войсках распространялась молва о "милостивом" царском указе на имя управлявшего Астраханской губернией, в котором декларировалась отмена преследований староверов, освобождение осужденных старообрядцев, свобода в исполнении обрядов. Слухи способствовали брожению среди казаков, стимулировали переход приверженцев официального православия и единоверцев в старообрядчество[62].

Определенные надежды казаки возлагали на верных царских слуг. В 1721 г. Яицкое войско, жалуясь на взяточничество и произвол царских следователей, просило государя "послать для подлинного розыску к ним на Яик от своея пресветлыя державы из правоверных и праводушных рабов своих, кроме Казанских офицеров, розыскать". В челобитной Яицкого войска от 15 января 1772 г. содержалась просьба вывести войско из ведения Военной коллегии, которая напрасно притесняет казаков, и отдать их "под дирекцию одной персоны, их сиятельствам графам Григорью Григорьевичу или Ивану Григорьевичам Орловым и во всем оставить на прежнем основании так, как и напредь сего предки наши состояли, в силу имянного блаженныя и вечныя славы достойныя памяти государя императора Петра Великого указа, под дирекциею господина генерал-фельдмаршала и кавалера графа Бориса Петровича Шереметева, а не от Военной коллегии" Казачьи станицы, посещавшие Петербург, знали братьев Орловых, относились к ним с симпатией и связывали с их именами надежды на справедливое решение наболевших вопросов.

Критические социальные ситуации культивировали в народе надежды на прибытие справедливых царских агентов. Так, в 1840-е годы имели место волнения, вызванные переводом в соответствие с Положением 12 декабря 1840 г. в состав Оренбургского казачьего войска крестьян Челябинского, Троицкого, Оренбургского уездов. Новообращенные "казаки" не пожелали

мириться с изменением своего образа жизни и даже решились на открытый протест. Расширению конфликта способствовали слухи, "что господин сенатор Пещуров и Его Императорского Величества флигель-адьютант прибыли в Оренбург будто бы с указом объявить им, что они не поступают в казаки".

В 1765 г. в качестве самозванного "сенатского фурьера М.Ресцова" выступил исетский казак Ф.И.Каменщиков-Слудников, который использовал ожидания прибытия царского ревизора для организации волнений среди приписных крестьян Масленского острога и Барневской слободы[63].

Народное сознание не исключало возможность и непосредственного участия монарха в разрешении конфликта на месте. Встречи с царем-"избавителем" в качестве отдельных мотивов включались в сюжетную схему социально-утопической легенды о возвращающихся "избавителях". Циркуляция легенды в народной среде создавала благоприятную почву для появления и успешных действий царственных самозванцев. Случай "Петра III" — Е.И.Пугачева наиболее показателен. Уральские казаки до начала XX в. сохраняли уверенность в том, что в 1773—1774 гг. их войско действительно посетил император "Петр III". Еще до восстания Пугачева, в 1765 г., среди исетских казаков распространялись слухи о тайных ночных приездах с ревизорскими целями в Троицкую крепость императора "Петра III" совместно с бывшим оренбургским губернатором Д.В.Волковым. Во время восстания 1773—1775 гг. слухи о том, что Пугачев и есть действительно Петр III, распространяли в Сибири сосланные яицкие казаки: старшина И.Логинов с детьми и рядовые казаки.

Надежда на то, что "Петр III" не был казнен в 1775 г., сохранялась среди части казаков (не только яицких) и после подавления восстания. Так, в 1776 г. обнаружилось "разглашение" челябинского казака Герасима Завьялова, который рассказывал, что самозванец Пугачев был лишь посланником от "государя Петра III", а сам "Петр Федорович" "находился у Теплаго моря, да и ныне при нем войска двенатцать тысяч донских казаков, да двенатцать тысяч ис калмыков и других людей, с которыми пошел ныне к Петербургу, а вскоре и ко Оренбургу будет или пришлет от себя кого другаго, с которым известием якоб недавно приехал к ним курьер ..."[64].

На фоне глубокой лояльности казачества по отношению к монарху все же обнаруживаются определенные отступления от верноподданических чувств. Это исконные казачьи обычаи, "обыкновения", которые казаки бережно хранили, посягательство на которые вызывало их неодобрительный ропот и даже упреки в адрес монарха. Традиционализм был особенно прочен среди старообрядцев. Наверное поэтому особенно упорно отстаивали "обыкновение" яицкие казаки, большинство которых исповедовало старую веру. Обычно за неприязнью к нововведениям скрывалось стремление сохранить прежнюю политическую автономию с широким казачьим самоуправлением, правами и привилегиями. В "стары годы" — эпоху казачьих вольностей — Яицкое войско жило по поговорке: "живите, братцы, пока Москва не узнала". Нововведения и преобразования, которые начала внедрять Военная коллегия, вели к постепенному ограничению казачьего самоуправления и вызывали постоянное сопротивление уральцев. Они встречали в штыки любую новацию, которая вносила коррективы в старинные права и привилегии войска: "Не можно сего принять, понеже войско Яицкое поселилось на Яике из вольных людей". "Не можно сему быть, понеже войску Яицкому даровано от царя Михаила Федоровича право служить казачью службу по своему

обыкновению, а в прочем ни в чем невредиму стоять" "Не бывало сего при наших дедах и отцах, не бывать и у нас!" "Терпеть сего не можем, понеже дело новое, необычайное".

Крайне неприязненно отнеслись яицкие казаки к попытке Петра I ввести у них брадобритие. В предании "Рыжечка" имеется вставка, посвященная истории борьбы казаков с царем за право сохранить "бородушки". В этой истории Петр изображается без всякой симпатии. Чтобы "переконовалить Расею на немецкий шкиль (стиль)", император прибегает и к насилию, и к хитрости. С гордостью рассказывали уральцы в XIX в. о стойкости своих предков, сумевших отстоять богом данное человеку украшение: "Уперлись одни казаки: ни страх их не устрашил, ни меда их не ослепила. Что хошь делай: хошь ножем режь, хошь на огне жги, уперлись и с отечеством (бородой.— И.П.) не разстаются!".

Тема борьбы за старинные "вольности" — не последняя в казачьем фольклоре. Ради "воли" И.Некрасов с казаками покидает Дон и бросает напоследок "наследнику", который пытается остановить казаков: "Извини меня, царь, и не жаловай; // Без чинов я проживу с волей вольною, // С войском донским, с крылом правым, // Во туретчине дадут волю вольную, // Хорошо заживем, припеваючи". Довольно дерзко звучит укор И.Некрасова государыне в другой песне, посвященной уходу казаков: " Не спасибо тебе, наша матушка Катеринушка, // Не умела ты, наша матушка, владеть крылом правым, // Крылом правым, наша матушка, войском донским, // Войском донским, государыня, все некрасовским".

В 1717 г. среди части яицких казаков, недовольных стеснениями традиционных прав, распространялся призыв: "Мы-де найдем и другую воду" То есть уральцы также были готовы ради сохранения "воли" покинуть свои территории и обосноваться на еще свободных землях. Традиционалистские мотивы были сильны в протесте яицких казаков в 1769—1770 гг. Свое нежелание служить в "Потемкинском легионе" уральцы обосновывали, в частности, тем, что "еще с начала бытия нашего таких нарядов, как ныне чинится, не бывало". Казаки желали служить "по прежнему казацкому обыкновению, а не по штату". Дополнительный повод к неповиновению был создан выдачей в конце 1760-х гг. в качестве жалованья вместо обычных пороха и свинца "зарядов" (патронов). Дело в том, что казаки традиционно пользовались винтовками и турками, к которым патронный заряд не годился. Среди уральцев велись разговоры о том, что их хотят уравнять с солдатами, уничтожить их отеческие обряды. Беспокойство казаков вызывал и тот факт, что их прежний войсковой атаман был впервые за историю войска произведен в армейские подполковники, а войску были даны два больших полковых знамени. Суммируя все нововведения, казаки приходили к заключению, что "пожалованные им от государя императора Петра Первого привилегии, оставляющие их на прежних обрядах и обычаях, нарушаются".

До конца отстаивали свои старинные обычаи уральские казаки в 1-й половине XIX в. (песни о волнениях 1804, 1837 гг.), не останавливаясь перед ослушанием государю. Казаки-ходоки оказывают неповиновение царю Александру I: "Ох ты гой еси наш батюшка, // Православный царь Александр Павлович! // Не приказывай ты нам обрить бороды, // Прикажи ты нам рубить головы". Те же интонации звучат в обращении казаков к великому князю-наследнику (отражение событий 1837 г.): "Ты заставь, заставь,

царь-наследничек, // Нас жить по-старому, // Ты покинь, покинь, царь-наследничек, // Нас на быстрой реке". Неприязнь к нововведениям ярко проявилась в ходе волнений 1808—1809 гг. в Лейб-Уральской сотне, проходившей службу в Петербурге. Протест казаков вызвала попытка заменить традиционные малиновые зипуны на малиновые мундиры. Для образца в новую униформу обрядили несколько человек и вывели их перед сотней. Из строя раздались возгласы: "В этой одежде хорошо только ходить в заходку, а воину она не мила". Когда начальство попыталось арестовать 3-4 человек, открыто выразивших свое мнение по поводу новой униформы, сотня их не отдала: "Их брать, так и нас брать: мы все собча". Реакция казаков на нововведение была квалифицирована как бунт. Сотню вместо отпуска на родину отослали на театр военных действий (в это время шла русско-шведская война) в Финляндию, где она загладила свою вину воинской доблестью.

Даже в середине XIX в. уральские казаки признавались, что они готовы отдать все государю, "лишь бы только не воротили нас на солдатский шкиль, да не нудили насчет креста и бороды".

Собственно антимонархические высказывания располагаются в достаточно широком диапазоне от довольно безобидной брани в адрес монарха, произнесенной сгоряча, нередко в пьяном виде, до вполне осознанных антимонархических концепций, имевших хождение преимущественно в радикальных толках старообрядчества (антимонархическая антихристология). Пример первого типа "антимонархизма" являет эпизод с атаманом Сорочинской крепости Оренбургского казачьего войска Алексеем Долгановым, который в 1752 г. в словесной перепалке заявил, "что де заочи (заочно. — И.П.) и государя бранят". Вскоре атаман опомнился, признался, что он был пьян и произнес оскорбительные для чести монарха слова без всякого умысла, но лишь по собственной простоте: "в разуме держал сказать по просторечию, что заочи и князей и бояр бранят, токмо, как тогда был пьян, то вместо того оною речью незапно по единой своей простоты промолвился" Отделался Долганов довольно легко; по определению канцелярии Тайных розыскных дел его присудили лишь к штрафу в 20 руб.[65]

Гораздо больший интерес представляет сознательный антимонархизм радикального старообрядчества, связанный с эсхатологическими представлениями о "неистовых царских родах", о царской династии как воплощении антихриста. В конце XVII—начале XVIII вв. возникает антимонархическая по своему характеру легенда о Петре I — "подменном" царе, которая имела хождение и среди военно-служилого населения восточных регионов России. Идеи легенды нашли отклик у участников Тарского бунта 1722 г. Среди восставших служилых людей ходили слухи о смерти и подмене царя, о наступлении последних времен, когда воцарился антихрист. Служилый гарнизон Тары отказался выполнять требование указа 5 февраля 1722 г. о присяге еще не названному наследнику. Участники протеста были убеждены, что невиданная присяга безымянному наследнику в действительности есть присяга антихристу, имя которого даже нельзя произнести. В 1854 г. имел место антимонархический протест в Усть-Уйской станице Оренбургского казачьего войска, связанный с традиционным учением о царе-антихристе. 6 казаков отказались служить земному царю в связи с уклонением последнего от истинного православия, за что были жестоко наказаны[66]. Необходимо все же иметь в виду, что радикальные старообрядцы составляли незначительную часть казачества, с одной стороны. С другой же стороны,

даже крайние антимонархические концепции могли уживаться с социально-утопическими легендами о добрых царях-"избавителях", о монарших "милостивых указах". Антимонархизм староверов был направлен скорее против конкретных государей, а не против монархической идеи как таковой.

В целом же идеалом государственного устройства казачества являлось самодержавие. Преобладающим фоном политического сознания была лояльность к монарху, которая конкретизировалась сакрализацией государя, царственным патернализмом в отношении к казачеству, отождествлением службы государю и службы отечеству. Государь в известной мере идеализировался казаками, что порой приводило к идеологическому оправданию выступлений как против низших инстанций государственного аппарата, так и против правящего монарха (если он объявлялся "неистинным"). При этом казаки считали, что сами они действуют в соответствии с повелениями "настоящего", справедливого государя.

Казачеству была присуща гордость за собственный статус, осознание высокой государственной значимости выполняемых ими служебных функций. Высоко ценились традиции и обычаи в самоуправлении, организации воинской службы, быту. Посягательства правительства на эти старинные казачьи традиции обычно вызывали недовольство и сопротивление казаков. Наибольшую строптивость и упрямство в отстаивании старого образа жизни проявили уральские казаки; оренбуржцы и сибиряки в этом плане отличались большей покладистостью.

5. Казачество и церковь

Как свидетельствует Строгановская летопись, отряд Ермака, отправившийся на покорение Сибири, перед началом похода присутствовал на молебне в соборной церкви. У Ермака имелась специальная походная часовня со значительным количеством образов (по оценкам историков, в ней могло быть от 10 до 20-30 иконок), многие из которых еще долгое время находились в Сибири, особо почитались там, в качестве дорогого подарка преподносились высокопоставленным лицам, и оказали немалое воздействие на последующее развитие сибирского иконописания. Были при отряде три священника и один беглый монах, отправлявшие службу во время похода. В походе поддерживались и дисциплинарные меры, обычно налагаемые в то время церковью за некоторые проступки: например, за блудодеяния и другие грехи "преступников сего при всех людях мыли и на три дня в железа сажали". Перед началом наиболее важных сражений казаки молились и в сражениях призывали Бога на помощь. Однако сам походный образ жизни приводил к нерегулярному исполнению обрядов, к различным отступлениям от церковных правил, что позволило Г.Миллеру сделать вывод о том, что казаки Ермака "безбожным образом несколько лет житие свое провождали"

По мере проникновения русских на восток, основания там постоянных поселений, закладывались и культовые строения — церкви, часовни. Так, летописные материалы сохранили сведения о строительстве часовни во имя святого Николая во время похода Ермака. В конце XVI—первой трети XVII вв. были построены церкви в Тюмени, Тобольске, Пелыме, Мангазее, Березове, Обдорске, Сургуте, Томске, Нарыме, Кузнецке, Енисейске, Братском остроге на Енисее и др.[67]

Сооружение первой деревянной церкви в Яицком войске — в Яицком городке, по преданию, произошло между 1614 и 1620 гг. Это событие связывается с походом яицких казаков под Москву, во время которого в результате контактов с населением центральной России в них всколыхнулись христианские чувства, и кроме того, положение яицкого войска стало более стабильным благодаря оказанным казаками услугам царю. К 1685 г. в Яицком городке было две церкви, к началу XVIII в. — три. Во всем Яицком казачьем войске в начале XVIII в. имелось 7 церквей. Количество священнослужителей также было невелико; церкви обычно имели по одному священнику, которому помогали несколько причетников. Строительство или перенос церкви воспринимался казачеством как факт большого религиозного значения. Так, перенос церкви из Яицкого городка в Кирсановскую станицу породил легенду об особом благословении этого события чудесным "явлением" казакам митрополита московского Алексея в облике убеленного сединами старца, плывущего по реке и после благословения исчезнувшего в облаке. Эта легенда бытовала среди яицкого казачества, сохраняясь народной памятью на протяжении более чем двух веков[68].

Походы казачьих отрядов в Восточную Сибирь, которые как правило организовывались при непосредственном участии государственных структур, имели в своем составе представителей духовенства, командируемых от сибирских епархиальных властей.

По мере продвижения русских на восток шло строительство не только церквей, но и монастырей, становившихся центрами распространения христианства во вновь осваиваемых районах. Часто инициатива основания монастырей исходила непосредственно от казаков. Так, в 1662 г. служилый Якутского острога Иван Афанасьев просил у тобольского архиепископа благословения на строительство в остроге монастыря. В следующем году служилые люди острога избрали его в "черные священники и строители монастыря", и он был уже официально отправлен воеводой острога к архиепископу. В том же году основали Якутский Спасский монастырь. Подобным же образом возникли Иркутский Вознесенский монастырь, Братская Спасская пустынь на Ангаре. Казаки не только выступили инициаторами их строительства, но и жертвовали немалые вклады в монастыри. Известны случаи, когда служилые постригались в монашество, сами возглавляли монастыри, становились крупными церковными деятелями. Так, Дмитрий Иванович Мокринский, тобольчанин, выслужившийся до звания сибирского дворянина, в зрелом возрасте постригся в монахи, а в 1644 г. основал Далматовский Успенский монастырь в пустынных тогда землях на берегу уральской реки Исеть. Эти земли принадлежали тюменскому татарину Илигею, не смирившемуся с непрошенным старцем и неоднократно нападавшему на кельи монахов, но Д.И.Мокринский (в старчестве Далмат) отстраивал вновь кельи после татарских погромов. Он удачно выбрал место для будущего монастыря-крепости, отразившего не одно нападение. Впоследствии Далматов монастырь возглавил сын Далмата Исаак, а в возникший по соседству женский монастырь постриглась его дочь.

Постригся в монахи и участник камчатского восстания 1711 г. Игнатий Козыревский. В новом своем качестве он много сделал для строительства в Якутии церквей и монастырей, не жалея для этого и собственного имущества. Игнатий занимался также миссионерской деятельностью среди корен-

ных жителей Якутии. С его именем связано основание Покровского монастыря и Успенской пустыни[69].

Летописи и казачьи предания донесли до нас живые отголоски осознания казачеством своих походов как своеобразной борьбы христиан с неверными. Вероятно, не только тем, что летописание о походах Ермака складывалось под непосредственным воздействием сибирской церкви, но и тем, что при создании летописей использовались воспоминания казаков-участников похода, можно объяснить включение в Строгановскую летопись "единодушных" слов, воодушевивших казаков на сражение под городком Атик-Мурзой с превосходящими силами противников: "Воспомянем, братие, обещание свое, како мы честным людем, пред Богом, обеты и слово свое даша, и уверившеся крестным целованием елико всемогущий Бог наш помощи подаст, а отнюдь не побежати, хотя до единого всеми умрети, а вспять возвратитися не можем, срама ради и преступления ради слова своего, еже с клятвою обещахомся. Аще нам всемогий в Троицы славимый Бог поможет, то и по смерти нашей память наша не оскудеет в тех странах, и слава наша вечна будет". Победы казаков осмысливались и как победы христианского Бога над языческими идолами, особой популярностью пользовался библейский сюжет о борьбе христиан с агарянами[70].

Впоследствии церковные власти Сибири достаточно активно пользовались услугами казачества при осуществлении миссионерских экспедиций к язычникам Севера. Практически все эти экспедиции имели в своем составе хотя бы несколько служилых, которые должны были обеспечивать безопасность миссионеров и помогать им (оповещать язычников о предстоящих сборах в том или ином месте, выполнять роль гребцов, проводников и пр.).

Закрепление русских на вновь осваиваемых территориях Урала и Сибири отражалось в складывании церковной организации региона. Казачество Яика, значительная часть которого пришла с Волги, испрашивало разрешения на строительство церквей, поставление в сан священников от казанского архиерея, от него же получало и церковную утварь. Впрочем, яицкие казаки сохраняли достаточно большую автономию от казанских епархиальных властей. Вопросы епархиальной принадлежности Яицкого казачества, по-видимому, мало интересовали центральные церковные органы. Известно, что в 1736 г. Синод выяснял, к какой епархии приписано войско у случайно "прилучившихся" в Санкт-Петербурге яицкого атамана и казаков, поскольку не имел по этому поводу каких-либо письменных актов в собственном архиве.

Яицкие казаки, как и донские, выбирали священнослужителей из числа самих казаков, распоряжались церковными деньгами, обычно отсылаемыми в других местах епархиальным властям (например, венечными сборами). Попытка казанского архиепископа Луки Конашевича в 1754 г. ввести в Яицком войске общепринятый церковный порядок натолкнулась на последовательное сопротивление казачества. До 1754 г. церкви Яицкого войска подлежали непосредственному управлению протопопа соборной церкви, власть которого равнялась власти духовного заказчика, а в некоторых вопросах и превосходила ее. Заказчика в России всегда назначали епархиальные архиереи. В Яицком же войске его выбирали казаки, отсылая избранных на посвящение к казанскому архиепископу. В своей повседневной деятельности уральский протопоп чаще взаимодействовал с войсковой канцелярией и казацкой старшиной, чем с казанским архиереем. Лука Конашевич наме-

рен был ликвидировать церковную автономию Яика: ввести духовное правление, самому назначать протопопа и всех священников, провести перепись казачества и на основе ее наладить ежегодный церковный контроль за посещением прихожанами исповеди и причащения.

Известие об этом всполошило казаков. Собрали круг, отправили в Казань делегацию в составе есаула Уфимцева и казака Севрюгина. Собрали в дар архиерею 400 руб. Казаки просили сохранить прежние порядки, считая их составной частью дарованных Яицкому войску привилегий. Но казанский архиепископ был непреклонен.

Тогда яицкий атаман И.Меркурьев обратился к оренбургскому губернатору И.Неплюеву с просьбой поддержать казаков в этом конфликте, "дабы тем не придать большее смятение и не учинить конфузии". Единственная уступка, на которую соглашался яицкий атаман — это после смерти здравствовавшего попа принять нового протопопа, назначенного из Казани. Неплюев принял сторону казаков, посоветовав Луке ограничиться постепенным введением обычного порядка назначения священников в яицких церквах: по мере естественной убыли священнослужителей на освободившиеся места назначать самому, а некоторых из попов отзывать под обоснованными предлогами из войска.

Казанский митрополит все же прислал нового протопопа, но яицкая старшина отказалась принять его и отправила очередное посольство в Казань. Переговоры и на этот раз не увенчались успехом, и яицкие казаки обратились с новым ходатайством к оренбургскому губернатору и Военной Коллегии, а в 1755 г. отправили в Санкт-Петербург в Военную Коллегию целую депутацию. Военная Коллегия поддержала казаков перед Синодом, мотивируя свою позицию тем, что такие же привилегии в церковном отношении имеет Войско Донское. Синод указом от 12 сентября 1755 г. предписал казанскому архиепископу не нарушать сложившихся в церковной жизни Яика традиций.

За участие, однако, в Пугачевском бунте верховная власть временно лишила яицких казаков права на церковную автономию; их подчинили Оренбургскому духовному правлению; позднее эта автономия была восстановлена.

Активно противостояли яицкие казаки попыткам передачи части церквей войска в состав соседней Оренбургской епархии: борьба за Саксарскую церковь, например, с переменным успехом шла с 1746 по 1869 гг. (в 1746 г. церковь передали Оренбургскому духовному правлению, но к 1760 г. казаки добились ее возвращения; после разгрома пугачевцев церковь передали уже Оренбургской епархии, и только к 1784 г. удалось ее вернуть под власть яицкого протопопа; в 1869 г. она окончательно была передана епархиальному правлению). Следует отметить, что в 1817 г. Уральская войсковая канцелярия сама ходатайствовала о перечислении яицких церквей к Оренбургской епархии, поскольку земли войска входили в состав Оренбургской губернии. К Оренбургу в церковно-административном плане отошел и г.Гурьев, до этого входивший в Астраханскую епархию. В 1859 г., когда Оренбургская епархия была поделена на две самостоятельные — Оренбургскую и Уфимскую, Уральское казачье войско осталось в составе Оренбургской[71].

Сибирское казачество первоначально находилось в ведении Великопермской и Вологодской епархии. В 1620 г. была образована самостоятельная Сибирская и Тобольская епархия. В 1727 г. ее восточную часть выделили в

особую Иркутскую епархию. Первый сибирский митрополит Киприан, желая укрепить авторитет новорожденной Сибирской епархии в местной казачьей и крестьянской среде, решил признать Ермака христианским героем, увековечить память погибших казаков. Он велел внести имена Ермака и его павших в боях с татарами сподвижников в соборный Синодик и "кликати им в тобольской церкви «Софеи Премудрости Божия» в неделю православия вечную память". В 1636 г. явилась на свет Есиповская летопись, сочиненная тобольским архиепископским дьяком Саввой Есиповым, в которой Ермак и его дружина представлялись исполнителями предначертаний Бога, носителями христианского просвещения сибирских народов.

При организации Оренбургской экспедиции по именной инструкции, данной ее руководителю Ивану Кириллову, предписывалось оказывать ему содействие во всем не только штатским и военным службам, но и церковным. Копии инструкции были разосланы всем членам Синода, а также епископам близлежащих епархий — Вятской, Астраханской, Тобольской. Одновременно с заложением г. Оренбурга 31 августа 1735 г. в нем была основана и деревянная церковь Св.Апостола Андрея Первозванного, а несколько позднее, но в том же году еще одна — соборная церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Посвященный в Санкт-Петербурге по представлению И.Кириллова в сан протопопа соборной церкви Антипа Мартианов, уже обративший до этого в христианство несколько сибирских магометан, стал первым протопопом Оренбургской экспедиции. Изначально его власть над церквами, возводимыми в оренбургских крепостях, была достаточно велика, он состоял в непосредственной переписке с Синодом, его распоряжения были обязательными для местного приходского духовенства.

В 1739 г. А.Мартианов был вызван в Москву, а на его место назначен Алексей Киселев. В том же году Синод запретил оренбургскому протопопу самому сноситься с ним, предписав по всем вопросам обращаться к казанскому архиерею. Таким образом подтверждалась подчиненность церквей Оренбуржья казанскому духовному начальству. В составе Казанской епархии они оставались до 1799 г., когда была образована Оренбургская епархия. При ее последующем разделении в 1859 г. церкви Оренбургского казачьего войска остались за Оренбургом.

Во время походов казачьи полки находились в ведении того епархиального архиерея, на территории которого в данное время располагались. В начале XIX в. при Синоде была введена должность обер-священника, обязанного заниматься церковными делами всех военных частей, в том числе и казачьих полков.

Казачьи приходы были обширными. В церквях не хватало служителей. Один священник приходился на несколько станиц и форпостов. Яицкие казаки вынуждены были зачастую вызывать его для отправления службы верст за 80 (данные по второй половине XVIII в.). Аналогичная ситуация отмечалась в крепостях Сибирской линии: например, приход церкви Семипалатинской церкви в 1799 г. простирался на 200 верст. В Восточной Сибири расстояния были еще более впечатляющими. Так, на Камчатке (в 1766 г.) одна церковь приходилась на 80—1240 верст (в среднем на 390 верст, на 8 селений). Как писали прихожане, "чрез то многие больные без исповеди и святого причастия, а младенцы без крещения умирают, а в отлучность его (священника) Господские праздничные и высокожертвенные дни остаются без службы...".

Казаки предпринимали усилия по увеличению на новых территориях числа церквей, а также часовен, но их инициатива наталкивалась на сдерживающую политику властей. Часовни было запрещено строить в 1707 г., и этот указ впоследствии неоднократно подтверждался. В 1722 г. вводилось положение, согласно которому для открытия нового прихода требовалось, чтобы в нем было не менее 100 дворов. На практике это правило, правда, никогда в полном объеме не соблюдалось. Вообще, когда речь заходила о сооружении церквей и часовен в казачьих селениях, церковные и светские власти шли на определенные уступки, учитывая слабую заселенность многих казачьих земель, а также особые заслуги их перед Отечеством. В одном из документов, допускающем известное послабление в рассматриваемой сфере Яицкому войску, Синод, например, объяснял, что пошел на это поскольку "о яицких казаках Синоду небезызвестно есть, что они от великороссийского народа некакую в волности за их особливые службы имеют отмену, а к тому ж, российского народа людем, которых окрест их они, яицкие казаки, жителство имеют, яко украинных, от татар и протчих орд жители к защите от нечаянных их с степей набегов и весма суть небезполезные".

Церкви в казачьих селениях содержались за счет прихожан. В XVI—первой половине XVIII вв. вопрос о размерах жалованья клиру определялся соглашением прихода с причтом. С 1765 г. вводилась фиксированная плата за исполнение церковных треб. По ходатайству главнокомандующего Сибирской линии генерал-поручика Шпрингера в 1768 г. священно- и церковнослужителям в крепостях было определено жалованье от Коллегии экономии. Однако, поскольку церковные штаты при этом устанавливались сверху и жестко лимитировались, прихожанам приходилось брать на себя содержание сверхштатных служителей. В некоторых случаях расходы по содержанию дополнительного причта возмещал Синод, иногда — уездные казначейства.

Отдаленные крепости Оренбуржья и Восточной Сибири, куда добровольцы из духовенства отправлялись неохотно, властям приходилось обеспечивать клириками в принудительном порядке — посылали сюда совершивших должностные проступки священнослужителей из других регионов[72].

С ходатайством о постройке новых церквей и часовень, о назначении дополнительного церковного причта, его материальном обеспечении обращались к церковным властям обычно атаманы и выборные от казачества (в Яицком войске) или комендантs крепостей (Сибирь). Для Яицкого войска была вообще характерна большая автономность во взаимоотношениях с церковными властями: известно, что в 1688 г. вопрос об отсылке к казанскому епископу двух священников (по его требованию) рассматривался на казачьем кругу, который постановил отказать ему в этом (позднее вопрос был пересмотрен, но опять же на казачьем кругу). В 1716 г., когда яицкий священник Иев Клементьев затеял спор с другим священником, пригрозив, что подаст жалобу "о духовных делах" в войске архиерею в Казань, круг принял решение выпороть Иева Клементьева. Только заступничество "старинных казаков" спасло священника от порки, но впредь ему приказали держать язык за зубами и "не хвалиться Казанью". Круг вмешивался и в споры относительно использования церковных средств[73].

На положении церкви в казачьих землях сказалось широкое распространение в среде урало-сибирского казачества старообрядчества. Значительный приток раскольников в Яицкое войско начался после подавления в конце XVII в. стрелецких бунтов. Многие стрельцы, придерживающиеся "старой веры", бежали на Яик и зачислялись здесь в казаки. Действовало старинное правило о невыдаче беглецов властям. Старообрядчество нашло в Яицком войске хорошую питательную почву; число его приверженцев быстро росло. Показательно, что первые известные нам священники у яицких казаков — Петр и Адриан были староверами: первого пригласили из Казани, второго — из Пошехонья.

В 1688 г. казанский митрополит приказал выдать всех раскольников с Яика, в том числе священников Петра и Адриана. Одновременно митрополичьей грамотой запрещалось казакам самостоятельно приискивать себе священнослужителей. Казачий круг во главе с атаманом Яковом Васильевым отказался подчиниться приказу. Митрополит оповестил о том патриарха. Последний решил прибегнуть в борьбе с яицкими "вольнодумцами" к помощи донских казаков. На Дону раскол тоже получил широкое распространение, но в меньшей, однако, степени, чем на Яике. К тому же донская старшина исповедовала православие. Поэтому церковным властям удалось организовать крупномасштабные операции против старообрядцев в самом Войске Донском, а затем двинуть донцов на Яик. Осенью 1688 г. донская старшина под нажимом патриарха снарядила специальную станицу под начальством Фомы Алексеева и Василия Лаврентьева, чтобы "навести порядок" в Яицком войске.

Донцы прибыли с грамотами от патриарха и Донского войска. Яицкие казаки сразу заявили, что не считают себя раскольниками и в верность этого целовали в церкви крест. О своей приверженности православию они сообщили патриарху. Ждали ответа из Москвы. Церковное начальство ограничило свои требования — войску предписывалось выдать лишь священников, отказавшихся присягнуть в своей непринадлежности к расколу. На этот раз казачий круг решил пожертвовать Петром и Адрианом. Кстати, Петр еще раньше бежал с Яика (возможно, он скрывался в одном из казачьих городков), а Адриан был арестован донцами сразу после отказа целовать крест в верности православной церкви. В сопровождении донцов и нескольких яицких казаков Адриан был доставлен в Казань, а оттуда в Москву.

И в последующие годы среди служителей церкви на Яике оказывались старообрядцы. В 1716 г., например, когда казанскому митрополиту стало известно об одном из них — Денисе Осипове, он приказал немедленно выслать его в Казань. Однако Осипов таинственным для митрополита образом "пропал". Позднее, в 1719 г., от одного из яицких жителей — И.Карташева стало известно, что Осипов скрывается среди казаков. В доносе Карташева сообщалось, что яицкие казаки "отпали христианские веры и к церквам не ходят, и священников к себе в домы не пущают", а ходят на исповедь к старцам и погребают умерших не у церквей, а в пустынях, где живут раскольники, бежавшие с Волги, из Керженца. Однако начавшееся расследование оказалось безрезультатным: на допросах и сами казаки, и служители местных церквей говорили о несостоятельности слов Карташева.

Дальнейшие события подтвердили, что раскол завоевал на Яике прочные позиции. В 1753 г. присланными воинскими командами было арестовано 144 яицких раскольника (в том числе немало женщин). Их пешком погнали

в Оренбург. Часть арестантов погибла в дороге, других доставили в губернский центр. 9 человек, решивших принять мученичество за свою веру, уморили себя голодом в тюрьме.

Через год на Яике было схвачено еще около 250 раскольников, среди них — два священника, отказавшихся совершать церковные службы по исправленным при патриархе Никоне книгам. В 1756 г. по приказу властей с Яика доставили в Оренбург 165 новых арестантов-старообрядцев. В ходе следствия было установлено, что в укрывательстве приверженцев "старой веры" повинны как рядовые казаки, так и войсковая старшина. Указ 1765 г., обязывающий казачьих командиров бороться с расколом, практически не выполнялся. П.С.Паллас, ученый и путешественник, оказавшийся на Яике несколькими годами позднее, отмечал, что в церковь "казаки редко ходят, потому что они... староверцы, по большей части молятся дома". Предпринимавшиеся властями меры принуждения не приносили успеха[74].

Раскол получил заметное распространение и среди сибирского казачества. Характерным в этом отношении оказался жизненный путь одного из служилых, ставшего видным зауральским расколоучителем — Якова Лепихина. Лепихин явился основателем Красноярской слободы (Верхотурский уезд), был атаманом красноярских беломестных казаков. Во второй половине 1670-х гг. жители слободы активно участвовали в старообрядческих выступлениях, и атаману Лепихину приходилось заниматься их подавлением. Еще в 1678 г. он отправляет нескольких захваченных красноярских раскольников к следствию в Верхотурье, в 1679 г. занимается поисками казака-старообрядца А.Палханова, а в 1680 г. неожиданно исчезает. Отныне в официальных документах он сам именуется не иначе, как "еретиком и раскольником". Бывший атаман оказался в рядах беспоповцев — наиболее радикального течения старообрядчества. Впоследствии он проявил себя как один из наиболее деятельных расколоучителей: вел активную полемику по религиозным вопросам, совершал религиозные требы, организовывал самосожжения единоверцев (в 1687 г. — на р.Юрмыче, близ Киргинской слободы Тобольского уезда, в 1688 г. — в дер.Другановой Тюменского уезда). Есть факты, свидетельствующие о причастности Лепихина к акту отказа от присяги царям Ивану и Петру Алексеевичам ы 1682 г., имевшему место в Утяцкой слободе Тобольского уезда и стоившему жизни более 400 чел. В конце концов бывший атаман принял постриг в Далматовском Успенском монастыре, настоятелей которого неоднократно обвиняли в приверженности расколу.

В 1722 г. в г.Таре произошло выступление казачьего гарнизона (поддержанное и сельской округой) под старообрядческими лозунгами. Этому событию предшествовала активная деятельность старообрядческих скитов, в числе обитателей которых оказывалось немало выходцев из казачества. Так, известно, что активную роль в событиях 1722 г. играла Сергиевская пустынь, находившаяся близ Тары, где укрывалось несколько сот беглых раскольников. Основателем пустыни стал старец Сергий — сын устюжского стрельца, руководитель одного из поповских согласий в сибирском расколе. Казачий сын Андрей Яковлевич Стрешников, за участие в тарских событиях посаженный на кол, в 1720—1721 гг. организовал даже особый "детский скит" в другом центре старообрядчества — Аремзянском скиту (в 30 верстах от Тобольска).

Начало тарскому выступлению положило получение в городе текста присяги престолонаследнику, имя которого в указе названо не было. Согласно этому указу, престолонаследника мог назначить себе сам государь, а население страны обязывалось принести присягу верности еще не назначенному и не названному наследнику. Подобная ситуация была весьма созвучна популярным среди старообрядцев представлениям о приближении царства антихриста, само имя которого вымолвить невозможно. Стали распространяться слухи, что этот указ требует принесения присяги самому антихристу. Сергий четко высказался за отказ от присяги, а в его скиту позднее было составлено "подметное письмо", активно распространявшееся среди тарских жителей, в котором доказывалась богопротивность акта, на котором настаивал указ.

Почти две недели — с 18 по 30 мая 1722 г. — "подметное письмо" активно читали и обсуждали в доме казачьего полковника Ивана Немчинова. Там же читались и отрывки из Апокалипсиса, сочинений отцов церкви. Активное участие в этих обсуждениях принимали казаки Василий Исетский и Иван Подуша. Вспомнили при этом и отказ гарнизона и населения Тары в 1705 г. выполнить указ о запрещении носить усы и бороду и обязательности ношения немецкого платья. Тогда, в 1705 г., из Тары от имени казачьего сотника Власа Нефедьева, пятидесятника Андрея Сумина, еще около 500 служилых и "разных чинов" тарских жителей было заявлено о том, что они пошлют об этом челобитную в Москву. Дальше Тобольска, правда, тарские посланцы отправиться не рискнули, а сибирский губернатор князь М.А.Черкасский на их заявления особого внимания не обратил. Указ об усах и бородах в Таре, однако, так и не был исполнен, и теперь, в 1722 г. тарчане вспомнили об этом как о своей победе.

30 мая "противное письмо", под которым стояло 288 подписей (в том числе Немчинова и других казаков) было передано тарскому коменданту Глебовскому. Через две недели в Тару из Тобольска прибыл карательный отряд из 600 солдат и служилых татар под командованием полковника Ивана Батасова. Батасов действовал осторожно. В Тару каратели вступили беспрепятственно. Выходы из города ими были блокированы (хотя достаточно много "ослушников" разбежалось из Тары еще до прибытия отряда). В первые дни никого из руководителей протеста не арестовывали. Но, предчувствуя расправу, полковник Немчинов с семидесятью казаками заперся в собственном доме. 25 июня он отправил к Батасову казака Ивана Подушу, который сообщил решение собравшихся не выходить из дома, а при попытке схватить их — устроить взрыв, покончить самоубийством. На следующий день Батасов все-таки отправил к дому Немчинова отряд солдат. Начались переговоры. 49 из 70 товарищей Немчинова изъявили желание выйти из дома и тут же были арестованы. Оставшиеся казаки, как и обещали, подорвали дом (в нем находился большой запас пороха), но были вытащены солдатами из огня. Пятеро из них, в том числе Немчинов, вскоре скончались, хотя их еще успели допросить. Остальных после их выздоровления и допросов "с пристрастием" казнили. В городе были произведены массовые аресты, в том числе арестовали И.Подушу и В.Исетского. Подуша и на допросах повторял, что присягу приносить отказывается. 60 второстепенных участников протеста, схваченных в первые дни, вскоре были освобождены, а более активных участников ждали пытки, кнут, казнь, порка и

принудительное обращение в православие. Расследование по делу розыска беглых "тарских противников" продолжалось вплоть до 1735 г.

Только внезапность захвата Сергиевской пустыни предотвратила самосожжение собравшихся в ней старообрядцев. В ходе операции было захвачено 170 человек. Самого Сергия четвертовали. В Ялуторовской слободе в том же 1722 г. организовал "гарь" старец Ефрем, двоюродный брат тюменского сына боярского Игнатия Корнилова. В 1739 г. произошло самосожжение раскольников в дер. Новая Шадрина, инициатором которого стал пушкарь Дементий Бурмагин. В 1750 г. среди вдохновителей "гари" в дер.Увельской Челябинского заказа оказался беглый челябинский казак Никита Журавлев. В 1722 г. горели "за веру" казаки на р.Пышме, в 1753 г. — на р.Анбе. В 1750 г. по приказанию тобольского архиерея в Челябинской крепости было арестовано 17 казаков-раскольников, всех их отправили в Тобольск для "увещевания". 12 челябинцев вскоре вернулись назад, а оставшихся наиболее стойких продолжали склонять к православию. Напуганные перспективой насильственного обращения, многие из оставшихся в Челябинске казаков-раскольников "побросались в воду и потонули". Оставшийся в живых Сидор Казанцов в том же году объявил о бывшем ему 11 января "видении": "по захождении солнца, в пятом часу нощи, было на небеси великое огненное на долгое время паление, отчего во объявленном городе (Челябинске) и на земли была светлость весьма страшная, наподобие огня и все жители и он думали, что от того земля загорится и будет представление света" Пока жители Челябинской крепости терялись в догадках о смысле знамения, казак Казанцов отправился к Соли Камской на богомолье, и местные священники сообщили ему, что и в их краях было схожее видение: "небо вдруг стало быть яко огненное, и в том огневидном небеси имелась благословляющая двуперстным креста сложением рука так, как снег, бела, и из той де руки был на небеси и на земли великий палящий огнь и продолжался на тысячу на триста верст" Они же растолковали смысл знамения: креститься надо двоеперстно, только тем спастись можно. Казанцов вызвался отправиться в Санкт-Петербург к императрице, дабы она, узнав о знамениях, приказала казакам Челябинска креститься двоеперстно, церкви строить и иметь иконы "по старине", и службы вести по старопечатным книгам.

В Синоде Казанцова стали активно "увещевать"; взяли в оборот и его десятилетнего сына. В ходе следствия выяснилось, что Сидор и его семья исправно посещали церковь, но крестились двоеперстно. Что касается принятия причастия от православного священника, то на словах он с этим соглашался. Сын же его откровенно признал, что родители его в церкви не исповедывались и не причащались. Убедить императрицу прислушаться к его совету Сидору так и не довелось.

В 1765 г. группа челябинских казаков обратилась к Екатерине II с челобитной, обвиняя челябинского духовного заказчика П.Флоровского в том, что он, вопреки закону, препятствует их записи в раскольники (с обязательством платить в государственную казну двойной подушный сбор). Казаки писали, что П.Флоровский бил их собственноручно плетьми и "поленами", сажал в "скотские" избы, вымогал взятки. Дело было передано на рассмотрение сибирскому митрополиту, который всячески затягивал расследование, так что казаки сочли за лучшее отказаться от претензий к заказчику.

При участии казаков организовывались побеги некоторых расколоучителей из епархиальных застенков. Так, в 1736 г. бегству раскольничьего старца Ефрема способствовали тюменский казак Петр Зубарев, казачий атаман Федор Корнилов, спрятавший его потом в своем доме. Челябинские казаки-старообрядцы в 1740-е гг. даже создали деревню на 72 двора на р.Увелке с многочисленными тайниками, в которых скрывались беглые раскольники.

Конечно, далеко не все сибирские казаки были старообрядцами. Служилых активно использовали и как полицейско-карательную силу, направленную против тех же старообрядцев, в том числе и казаков. Отряды казаков бросали на предотвращение гарей и на поимку беглых раскольников. Один из крупных розысков старообрядцев был начат в 1749 г. по доносу челябинского казака Ивана Варзина.

В ходе следствия было установлено, в частности, наличие контактов сибирского старообрядчества с Яицким казачьим войском. Так, один из раскольнических священников Семен Ключарев исповедовал многих яицких старшин с семьями, исправлял у них различные требы, состоял в достаточно регулярной переписке с ними. Среди его сторонников было также немало рядовых яицких казаков. Сам С.Ключарев в 1747 г. долго гостил на Яике, где его гостеприимно встречала местная старшина. После ареста Семена его сын скрывался на Яике. Яицкие казаки знали о соперничестве между различными толками старообрядчества Сибири, активно участвовали в развернувшихся спорах[75].

Обострение социальных противоречий на Яике, вылившееся в восстание под предводительством Е.Пугачева, не обошлось без влияния старообрядчества. Направленный на подавление казачьих выступлений П.Потемкин недаром утверждал, что в тот период раскол на Яике находился "в высшем градусе" и требовал "особливого внимания, яко корень всего зла". Во время бунта 1772 г. впереди повстанцев шел "раскольничий старец" М.Васильев. Само восстание Пугачева началось под знаменами, на которых нашит был старообрядческий крест, а в ходе его к повстанцам примкнули и 6 священников-раскольников Яицкого городка[76].

Не утратил своих позиций в среде казачества раскол и в первой половине XIX в. Наименее радикальные течения в расколе в 1800 г. были официально узаконены по всей России в виде единоверия. По данным официальной статистики, в 1859 г. в Уральском казачьем войске 59% казаков принадлежало к единоверию и 27% — к старообрядчеству, тогда как в Оренбургском казачьем войске, например, соответствующие показатели составляли 0,7% и 2,4%.

В Уральском войске единоверие было легализировано даже раньше, чем вообще по России: в 1795 г. казаки получили подтверждение права избрания священников, которым позволялось отправлять церковное служение по старопечатным книгам и обрядам; официально закреплялась, таким образом, бытовавшая на Яике практика.

Переход из православия в единоверие или из единоверия в старообрядчество и в середине XIX в. был связан с большими трудностями; по каждому такому факту проводилось специальное расследование. Тем не менее "уклонения" в раскол или единоверие были достаточно частыми: переходили целыми семьями, по нескольку десятков казаков сразу. В 1860 г., например, перешли в раскол урядник и несколько казаков Челябинской станицы; в

следующем году стали раскольниками уже 119 казаков этой станицы и двух соседних — Кременкульской и Петровской. Правительственное "разъяснение" 1858 г. о том, что раскольники могут свободно совершать свои богослужения и исправлять духовные требы (при условии "несовращения" ими в раскол православных) было воспринято народным сознанием как "милостивый указ" о полной свободе вероисповедания. В Оренбургском и Уральском казачьих войсках в связи с этим получают хождение подложные указы соответствующего содержания. Епископ оренбургский настаивал на самых крутых мерах в отношении составителей указов, тогда как оренбургский генерал-губернатор и наказной яицкий атаман считали, что предпочтение следует отдать все-таки мерам убеждения.

По-прежнему преследовались наиболее радикальные течения в расколе. Показательно в этом отношении дело об отказе от посещения церкви и исповеди казаков Усть-Уйской станицы Оренбургского казачьего войска. Факт этот получил широкую огласку, и станичный атаман вынужден был провести с "отлучниками" в присутствии судьи "воспитательную беседу" "Увещевать" казаков атаману не удалось, и он, чтобы приглушить толки и страсти, посоветовал им откупиться от священников взяткой. Однако раскольники сознательно желали претерпеть мучения за веру. Следующим шагом стал отказ пятерых из них от несения казачьей службы, поскольку царь де "не внял истины от предания святых апостолов и принял трехперстное сложение креста и брадобритие". Характерно, что и после этого станичный атаман пытался обойтись "домашними мерами" — окриком и оплеухами. Однако атаман соседней станицы, оказавшийся в курсе дела, убедил его не рисковать, поскольку дальнейшее сокрытие случившегося грозило серьезными неприятностями. Дело было передано на рассмотрение военного суда.

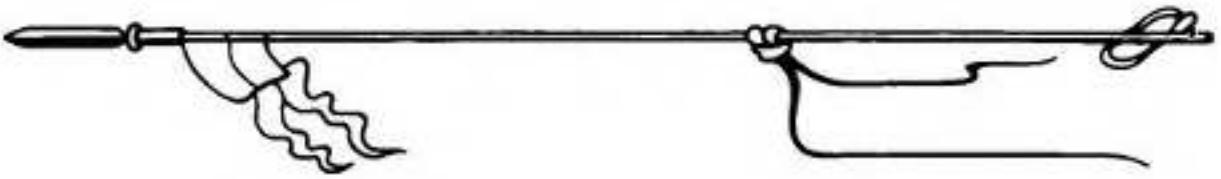
Стойкость староверов вызвала сочувствие к ним со стороны других казаков станицы: когда подследственных увозили в Троицк, провожать их вышли почти все одностаничники. Последовали "увещевания" раскольников, военный суд и приговор: каждого подвергнуть наказанию шпицрутенами, трижды проведя через строй солдат в тысячу человек, после чего их ждала 12-летняя ссылка. Двое приговоренных скончались, получив лишь две пятых полагающихся ударов. Остальных после трехмесячного лечения отправили на каторгу по этапу. По дороге один из них — Евдоким Кокушкин — уморил себя голодом в знак протеста, причем ему пришлось тайно в течение 24 дней "не приняти телесной пиши". Оставшиеся в живых Владимир Трегубов и Алексей Яковлев сумели бежать с каторги, основать тайный скит. Однако вскоре они были пойманы и снова прошли всю цепочку: следствие, суд, каторга. И снова Трегубов и Яковлев бежали — сначала на Урал, потом на Алтай, основав здесь новый скит. История повторялась — беглецов опять судили; удлинился еще более срок отбывания ими каторжных работ. Трегубову удалось, однако, совершить третий побег[77].

В повседневной жизни христианские обряды сопровождали все важные события жизни казачества. Многие исследователи отмечали, например, религиозность яицких казаков, особенно казачек. Так, А.И.Левшин в 1823 г. писал: "Женщины уральские вообще богомольнее и суевернее мужчин, и если б оне не старались о поддержании всех старинных обрядов, то казаки, привозя с собою из походов другой образ мыслей, уже отстали бы от многих существующих между ними предрассудков" (под предрассудками Левшин подразумевал приверженность к старообрядчеству). Хорошее знание

уральскими казачками церковной службы и грамоты, строгое соблюдение ими свято-отеческих преданий отмечали В.И.Даль и К.К.Абаза. Казакам была присуща вера в действенность женской молитвы: считалось, что "родительницы" (так называлось все женское население) в случае нарушения дедовских обычаев мужьями и родственниками могут замолить "грех". Что же касается мужчин, то нарушение ими религиозных правил во время походов оценивалось как дело обыденное и простительное[78].

Вообще на бытовом уровне для казачества были характерны те же формы и степень проявления религиозности, что и для других социальных групп.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История казачества неразрывно связана с действием географического фактора. Россия — огромная евразийская держава. Территориальная экспансия, политическое и хозяйственное освоение новых земель — неотъемлемая составляющая ее пути. Авторитетный русский историк В.О.Ключевский писал об этом: "Переселения, колонизация страны были основным фактором нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты. Периоды нашей истории — этапы, последовательно пройденные нашим народом в занятии и разработке доставшейся ему страны". Действительно, история России представляет собой постепенное движение русско-славянского племени из юго-западного угла Восточно-Европейской равнины по направлению на север и восток. Это движение не прекратилось до тех пор, пока поток русской колонизации не достиг естественных пределов: на севере берегов Ледовитого океана и на востоке берегов Тихого океана.

В авангарде колонизационного движения шли казаки. Именно они в первой половине XVI в. начали освоение берегов Яика. Башкирия была присоединена к Российской державе с помощью волжских, камских, самарских, уфимских, исетских казаков, из которых впоследствии было сформировано Оренбургское казачье войско. С легкой руки атамана Ермака Тимофеевича сибирские казаки, постепенно продвигаясь, расширили пределы России до берегов Тихого океана и "до стен недвижного Китая", осуществили в течение XVII в., по меткому выражению А.Н.Радищева, "приобретение Сибири". В середине XVII в. уральские и оренбургские казаки, основав ряд опорных пунктов в казахской степи и захватив кокандскую крепость Ак-Мечеть, создали основу для широкого продвижения и присоединения к России во второй половине XIX в. Средней Азии.

Пространственное расширение Российского государства нельзя трактовать лишь как следствие экспансионистских устремлений российского правительства или имманентно присущей русскому народу агрессивности и тяги к бродяжничеству. В известном смысле оно явилось естественным продолжением борьбы против воинственных азиатских орд, в течение долгих

веков представлявших для русского народа вечную угрозу и постоянный источник опасности. С IV—V вв. через так называемые "ворота народов" (открытое пространство между Уральскими горами и Каспийским морем) почти непрерывным потоком вливались в южнорусские степи волны номадических азиатских народов, которые подвергли русские земли опустошительным нашествиям и истощали силы русского народа в тяжелой изнурительной борьбе. Можно привести слова того же В.О.Ключевского: "борьба со степным кочевником ... длившаяся с VII почти до конца XVII в., — самое тяжелое историческое воспоминание русского народа ... это такое обстоятельство, которое может покрыть не один европейский недочет в русской исторической жизни". Казачество веками стояло "живой изгородью" на рубежах Российского государства, первым принимало на себя удары враждебных России кочевников, прикрывая от их набегов русское и аборигенное население.

Именно в порубежной зоне, преимущественно на границе оседлого и кочевого населения, вдоль наиболее конфликтогенной "оси" мировой истории формировалась полоса казачьих поселений, служивших длительное время надежным буфером в непростых взаимоотношениях народов. Говорят, что казачество — исключительно русское явление. В известном смысле это так. В XVII—XIX вв. основная протяженность раздела между "лесом" и "степью" оказалась заключенной в границы огромного, захватившего Европу и Азию, Российского государства. Но можно вспомнить поселенные формирования граничар на военной границе Австрийской империи с Османской Турцией (эти части формировались преимущественно из сербов, хорватов, словенцев, греков, албанцев). Не стоит забывать и о южнославянских и валашских "казаках" — гайдуках, боровшихся с турецкими оккупантами за свою свободу. Попытки создания казачьих частей по образцу российских имели место в Иране и Японии. Все эти факты лишь подтверждают общую закономерность возникновения специфических военно-поселенных формирований на территориях, взрывоопасных в военно-политическом отношении.

Осваивая новые территории, казаки нередко сталкивались с суровыми природно-климатическими условиями, терпели нужду и голод. Особо необходимо отметить большую амплитуду экологических колебаний, которую приходилось преодолевать российской колонизации. По мере продвижения на север, восток, юг казаки пересекали различные климатические, ландшафтные, этнополитические зоны. Все это способствовало формированию у них таких качеств, как выносливость и неприхотливость в быту; воинственность и в то же время способность налаживать мирные контакты; высокая адаптивность к микролокальным природно-климатическим, этнодемографическим, хозяйственно-экономическим, военно-политическим условиям.

Жизнь в постоянной опасности превращала казаков в воинов от природы, храбрых, инициативных, организованных. Казаки оказались в состоянии противопоставить свое воинское искусство не только кочевникам, но и регулярным армиям Европы. Активное участие во внешних войнах России принимало казачество Урала: войны с Речью Посполитой (1632—1634, 1654—1667 гг.), со Швецией (1656—1659, 1700—1721, 1788—1790, 1808—1809 гг.), Итальянский и Швейцарский походы А.В.Суворова (1799 г.), русско-прусско-французская война 1806—1807 гг., Отечественная война и заграничные походы русской армии 1812—1814 гг., русско-турецкие войны

(1806—1812, 1828—1829 гг.), Крымская война (1853—1856 гг.). С похвалой о казаках и их атаманах отзывались выдающиеся русские полководцы: А.В.Суворов, П.А.Румянцев-Задунайский, М.И.Кутузов, П.И.Багратион. Высоко ценили воинское мастерство казачества враги, с которыми казакам приходилось бороться в составе российских войск. Так, лестную оценку казакам дал один из величайших полководцев Наполеон: "Дайте мне казаков, и я завоюю с ними весь мир". А наполеоновский генерал Моран утверждал, что казаки "сделали для спасения России больше, чем вся ее армия".

Но казаки были не только умелыми воинами. Активное участие принимали они и в хозяйственном освоении новых территорий. Вообще, с точки зрения колонизации и экономического обустройства новых земель, история казачества — это процесс постепенного перехода от преимущественно военного "промысла" и "кочевого" образа жизни к "оседлости" и хозяйственному освоению территории. В немалой степени благодаря усилиям казаков восточные регионы России стали органической частью государства, связанной с метрополией не только военно-политическими, но и тесными экономико-хозяйственными узами. При этом экономика различных казачьих территорий имела свою специфику, которая определялась совокупностью природно-климатических, социально-экономических, этнополитических условий. Так, если в Яицком (Уральском) казачьем войске традиционно было высоко развито рыболовство, то на землях оренбургских и сибирских казаков гораздо большее значение имело хлебопашество. В целом экономика казачьих войск являлась одним из важнейших факторов успешного развития народного хозяйства России; порой она давала всей стране примеры передовых и эффективных методов хозяйствования.

Не всегда простыми были взаимоотношения государства с казачьими сообществами, в частности, с "вольными" казачьими общинами XVI—XVII вв. В "вольные" казаки уходили в первую очередь недовольные господствовавшими на Руси порядками: крепостничеством, административным произволом, гонениями на старообрядчество. Тем не менее, казаки всегда осознавали свою корневую связь с Россией, а саму борьбу с "басурманами" трактовали как борьбу христианского мира, который олицетворялся в первую очередь Россией, с неверными. Модернизация страны, начатая Петром I, сопровождалась регуляризацией казачества, что неизбежно приводило к ликвидации старинных казачьих прав и привилегий, свертыванию казачьего самоуправления. Все это вызывало сопротивление казаков, порой перераставшее местные рамки и колебавшее сами устои государства (например, восстание 1773—1775 гг.). На конец XVIII — первую половину XIX в. приходится заключительный этап интеграции казачества в государственную систему. Казачество получило "почти совершенно регулярное устройство"; тем не менее, определенный элемент иррегулярности — сопряжение службы с хозяйственными занятиями (земледелием, скотоводством, торгово-промышленной деятельностью), в устройстве казачества сохранялся. К середине XIX в. на востоке России оформились следующие войсковые организации: Уральское, Оренбургское, Сибирское, Забайкальское казачьи войска. Нормативные акты XIX в. рассматривали казачество как особое сословие. Однако единство казачеству сообщали не только юридические предписания правительства, но и то обстоятельство, что казаки являлись своеобразной духовной общностью, субэтническим образованием российского народа со своими особенностями хозяйственно-бытового уклада, культурными и мировоззренческими традициями.

Основу казачьей культуры составляло христианское мировоззрение (мы не имеем в виду такие специфические казачьи формирования, как, например, Башкиро-Мещерякское или Братско-иррегулярное войско). Однако разнообразие природно-климатических условий, межэтнических контактов, особенностей организации службы способствовали региональной и локальной вариации различных компонентов культуры казачества восточных регионов России.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. V. С. 230-231.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2. С. 72.
3. *Татищев В.Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 338.
4. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1989. Т. V. С. 304.
5. *Овчинникова Б.Б.* Бродники — доказацкая вольница //Казачество в истории России. Краснодар, 1993. С. 7-10.
6. ПСРЛ. Т. 25. С. 386.
7. *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 135; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 8.
8. *Волобуев П.В.* Предисловие //Казачество в истории России. С. 5.
9. *Катанаев Г.Е.* Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. Вып. 1. С. 7.
10. Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 276.
11. *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 403; РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 37 об.-38; *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 33.
12. *Бескровный Л.Г.* Русская армия... С. 33.
13. Сибирские летописи. С. 312-366.
14. *Горюшкин Л.М., Миненко Н.А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX вв.). Новосибирск, 1984. С. 18-20; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1; М.; Л., 1941. Т. 2; *Фишер И.Э.* Сибирская история. СПб., 1774.
15. *Новлянская М.Г.* Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследо-

ванию Сибири. М.; Л., 1970; *Греков В.И.* Очерки по истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960; *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. СПб., 1755; С.П.Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. Л., 1966; Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1823. Т. V.; СПб., 1824. Т. VI; *Паллас П.С.* Путешествие по разным местам (провинциям) Российского государства. СПб., 1786—1788. Ч. 2-3; *Рычков П.И.* История Оренбургская (1730—1750). Оренбург, 1896; *Он же.* Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч. I-II.

16. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1991. Кн. 2. С. 345-354.
17. *Горюшкин Л.М., Миненко Н.А.* Историография Сибири... С. 21-26.
18. *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889; *Он же.* Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645 гг.). Харьков, 1893; *Он же.* К истории Сибири. Сургут, Нарым, Кетск до 1645 г. Харьков, 1893.
19. *Оглоблин Н.Н.* Заговор томской "литвы" в 1634 г. Киев, 1894; *Он же.* Бунт и побег на Амур "воровского" полка М.Сорокина //Русская старина. 1896. № 1; *Он же.* Томский бунт 1637—1638 гг. //Исторический вестник. 1901. № 7; *Он же.* Красноярский бунт 1695—1696 гг. //Журн. Мин-ва народ. просвещ. 1901. № 5.
20. *Абрамов Н.А.* О сибирских дворянах и детях боярских //Этнографический сборник. Изд. РГО. СПб., 1862. Вып.5; *Головачев П.М.* Сибирь в Екатерининской комиссии. Этюд по истории Сибири XVIII в. М., 1889.
21. *Потанин Г.Н.* Современный Яик //Очерки. 1863. № 18-20; *Он же.* Община-область //Журнал для всех. 1901. № 4; *Он же.* Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении //Этнографический сборник. Изд. РГО. СПб., 1864. Вып. VI; *Он же.* Заметки о Сибирском казачьем войске //Военный сборник. 1861. № 5.
22. *Семенов-Тян-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань. М., 1947. С. 81-82.
23. *Усов Ф.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879.
24. *Золотов П.* Материалы для истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1878.
25. *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891.
26. *Катанаев Г.Е.* Западно-сибирское служилое казачество...; *Он же.* Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях //Записки Зап.-Сиб. отдела РГО. Омск, 1892. Кн. XIV. Вып.2; *Он же.* Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке //Записки Зап.-Сиб. отдела РГО. Омск, 1893. Кн. XV. Вып.2.

27. *Авдеев П.И.* Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург, 1904; *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско. Уральск, 1891. Т. 1; *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890; *Он же.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891; *Он же.* Откуда взялись казаки; Исторический очерк. Оренбург, 1881; *Он же.* Исторический очерк присоединения к России Оренбургского края и участия в этом местного казачества. Оренбург, 1891.
28. *Щербанов Н.М.* Фольклорные и этнографические интересы И.И.Железнова //Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978. Вып.VIII. С. 15-38.
29. *Короленко В.Г.* У казаков //Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. 6. С. 154.
30. *Савичев Н.Ф.* Жизнь Иоасафа Игнатьевича Железнова //Уральские войсковые ведомости. 1870. № 27; *Бородин Н.А.* И.И.Железнов, писатель-казак. СПб., 1901.
31. Столетие Военного министерства. 1802—1902. СПб., 1902. Т. XI. Ч. 1-4.
32. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968-1969. Т. 1-5; История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989; История Урала в период капитализма. М., 1990.
33. *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1955—1959. Т. 3. Ч. 1-2; Т. 4; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956; *Он же.* Вопросы аграрной истории России. М., 1974; *Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в. //Труды Томского гос. ун-та. 1950. Т. 112; *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. 1; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII—начала XVIII вв. Енисейский край. М., 1964; *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII вв. М., 1972; *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967; *Леонтьева Г.А.* Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII—первой четверти XVIII вв.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1972; *Курилов В.Н.* Участие служилых людей в становлении г.Тюмени как торгово-промышленного центра //Города Сибири. Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974; *Люцидарская А.А.* К вопросу о роли служилого населения в развитии г.Томска во второй половине XVII в. //Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972. Ч. 2; *Емельянов Н.Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1980—1982. Ч. 1-2.
34. *Берг Л.С.* Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л., 1946; *Лебедев Д.М.* География в России XVII в. М.; Л., 1949; *Визе В.Ю.*

Русские полярные мореходы из торговых, промышленных и служилых людей XVII—XIX вв. М.; Л., 1948; *Скалон В.Н.* Русские землепроходцы-исследователи Сибири XVII в. М., 1952; *Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956; *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. М., 1950; *Самойлов В.А.* Семен Дежнев и его время. М., 1945.

35. *Алексеенко Н.В.* Сельскохозяйственная колонизация Рудного Алтая в XVIII в. //Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1964 г. Кишинев, 1966; *Он же.* К вопросу о торговых связях сибирских крестьян и казаков с казахами в XVIII—первой половине XIX в. //Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966.
36. *Громыко М.М.* К характеристике сибирского дворянства XVIII в. //Русское население Поморья и Сибири. М., 1973.
37. *Рознер И.Г.* Яик перед бурей. М., 1966; *Андрущенко А.И.* Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969; *Дариенко В.Н.* Классовая борьба на Яике в XVII—начале XVIII в. М., 1966.
38. *Кушева Е.Н.* Яицкое казачество //Очерки истории СССР. XVII в. М., 1955; *Дариенко В.Н.* Община на Яике в XVII—первой четверти XVIII вв. //Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып. VI.
39. *Щербанов Н.М.* Фольклорные и этнографические интересы...; *Он же.* Фольклорно-этнографическая тематика в "Уральских войсковых ведомостях" //Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1982. Вып.IX.
40. *Мамонов В.Ф., Форстман Г.В.* Гроза двенадцатого года //Казаки Урала в Отечественной войне 1812 года. Челябинск, 1991; *Мамонов В.Ф., Кобзов В.С.* Пограничная линия. Челябинск, 1992; История казачества Урала. Оренбург; Челябинск, 1992; Казачество Оренбургского края XVI—XX веков. Программа и материалы региональной научной конференции. Оренбург, 1992; Казаки Урала и Сибири в XVII—XX вв. Екатеринбург, 1993; Казачество на государевой службе. Материалы к научной конференции. Екатеринбург, 1993.
41. *Топчий А.Т.* Политические реформы и миграция казачьего населения //Казачество на государевой службе... С. 56-59; История казачества Урала... С. 143-149.
42. В работах по истории Сибири они относятся к последней, в работах уральских историков — к Уралу.
43. *Герасимова Э.И.* Уральск. Исторический очерк (1613—1917 гг.). Алма-Ата, 1969; *Григорьев В.К.* Противостояние. Алма-Ата, 1989.
44. Казаки России (Прошлое, настоящее, будущее). М., 1992. С. 23.

45. *Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII—начале XX века. Алма-Ата, 1971. С. 237-238.
46. *Бескровный Л.Г.* Русская армия... С. 33-34.
47. История казачества Урала... С. 75.

Глава 1

1. РГАДА. Ф. 79. Кн. 2. Л. 404 об.; Ф. 127. Оп. 1. Кн. 9. Л. 157-157 об.; Кн. 10 (2). Л. 120, 141-142, 147-148 об.; Кн. 10 (3). Л. 247; *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 114-149.
2. *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 10; *Гераклитов А.А.* История Саратовского края в XVII—XVIII вв. Саратов; М., 1923. С. 190-191, 244.
3. РГАДА. Ф. 380. Кн. 380. Л. 500 об.; *Новосельский А.А.* Из истории донской торговли в XVII в.//Исторические записки. 1948. Т. 26. С. 28-30.
4. РГАДА. Ф. 79. Кн. 2. Л. 404 об.; Ф. 119. Оп. 1. Д. 1 (1636 г.). Л. 31; Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10 (2). Л. 120, 141-142, 147-148 об.; Ф. 210. Оп. 1. Кн. 8. Л. 8; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1933. Вып.3. Ч. 1. С. 288.
5. *Карпов А.Б.* Уральцы. Ч. 1. Яицкое войско. Уральск, 1911.
6. Там же. С. 127-128; *Рычков П.И.* Топография Оренбуржья. СПб., 1762. Ч. 2. С. 60-93; АИ. Т. III. № 42.
7. *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 182-183, 276-278; Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 292, 349; *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 278, 295; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968; Т. 2. С. 32-34, 42-43; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. (Енисейский край). М., 1964. С. 17-18; РГАДА. Ф. 214. Кн. 8. Л. 45 об.; Кн. 3. Л. 340-341.
8. *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 17-23.
9. Якутия в XVII в. (Очерки). Якутск, 1953. С. 13-26, 26-38, 291.
10. Там же. С. 45; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Л.; М., 1952. С. 50-53.
11. Якутия в XVII в. ... С. 49-53; *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. Л., 1980. Ч. 1. С. 116-122; *Белов М.И.* Подвиг Семена Дежнева. М., 1973. С. 17; *Оглоблин Н.* Семен Дежнев (1638—1671). Новые данные и пересмотр старых //Журн. Мин-ва народ. просвещения. 1890. № 12.
12. *Бахрушин С.В.* Казаки на Амуре. Л., 1925. С. 34; *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. С. 106-115; *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 23-28, 127-203; *Мясников В.С.* Империя Цин и Русское государство в XVII в. М., 1980. С. 164-257; *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье в системе

русско-китайских отношений. XVII—середина XIX вв. М., 1983. С. 33-57.

13. ЧОИДР. 1891. Кн. 3. С. 1-18; *Оглоблин Н.Н.* К биографии Вл.Атласова. М., 1894; *Ефимов А.В.* Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 137-139.
14. *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 72-136.
15. *Гераклитов А.А.* История Саратовского края... С. 190-191, 244.
16. *Дариенко В.Н.* Община на Яике в XVII—первой четверти XVIII в.//Ежегодник по аграрной истории. Вологда, 1976. Вып.VI. С. 48-49, 53.
17. *Максимов С.В.* Плавня. Очерк уральской казачьей общины //По русской земле. М., 1989. С. 165.
18. Там же.
19. История казачества Урала. Оренбург; Челябинск, 1992. С. 25-26.
20. Там же. С. 48-49.
21. РГАДА. Ф. 214. Кн. 931. Л. 7 об., 31, 38; Стб.340. Л. 53, 59, 430; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 53. I-II; Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1864. Т. 2. № 262. I-IV.
22. РГАДА. Ф. 214. Стб.891. Л. 132-134.
23. Большинство их затем прибыло в Албазин (См.: *Леонтьева Г.А.* Волнения служилых людей в Восточной Сибири. М., 1973. С. 94, 104-105).
24. РГАДА. Ф. 214. Кн. 931; Кн. 1169. Л. 34, 46 об., 133 об.; *Оглоблин Н.Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа. М., 1895. Ч. 1. С. 123, 135-136; *Леонтьева Г.А.* Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVIII — первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 9.
25. РИБ. СПб., 1884. Т. 8. № 11. Стб.568; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири. М., 1956. С. 136, 364.
26. Подробнее о жалованье см.: *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 103-115.
27. *Александров В.А., Чистякова Е.В.* К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка (вторая половина XVII в.) //Вопросы истории. 1959. № 2. С. 136; ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 3. С. 161, 511; РГАДА. Ф. 214. Стб.645. Л. 59-60; Стб.340. Л. 57, 76.
28. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 620; *Александров В.А.* Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в.//Исторические записки. 1957. Т. 59. С. 308; *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 359; *Леонтьева Г.А.* Волнения служилых людей... С. 98-100; *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX вв. Новосибирск, 1975. С. 230.
29. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 351.

30. *Чулошников А.* Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв.//Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Т. 12. С. 3-64; *Он же.* Восстание 1755 г. в Башкирии. М.; Л., 1940.; *Устюгов Н.В.* Башкирское восстание 1735—1739 гг. М.; Л., 1950; *Лебедев В.И.* Башкирское восстание 1705—1711 гг.//Исторические записки. 1937. Т. 1. С. 80-102; *Акманов И.Г.* Башкирское восстание 1704—1711 гг. //Из истории Башкирии (Дореволюционный период). Уфа, 1968; *Он же.* Башкирские восстания в XVIII в. Уфа, 1987.
31. Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1989. Т. 3. С. 481-483; *Авдеев П.И.* Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург, 1904. С. 5-40; *Стариков Ф.М.* Откуда взялись казаки (Исторический очерк). Оренбург, 1881. С. 99-203; *Он же.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890. С. 1-89; *Он же.* Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891. С. 1-80; *Севастьянов С.Н.* История учреждения Оренбургского казачьего войска по начертаниям войсковой печати (По материалам войскового архива) //Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1899. Вып.5. С. 92-97.
32. *Витевский В.* Яицкое войско и проект Неплюева об его преобразовании //Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 5-33; *Он же.* Яицкое войско до появления Пугачева //Русский архив. 1879. Кн. 2. С. 377-386.
33. *Катанаев Г.Е.* Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. СПб., 1908. С. 20; *Усов Ф.Н.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 10, 18; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 539. Л. 15 об.; РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 21 об.
34. РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 317. Л. 4-29; Д. 937. Л. 14-70; *Катанаев Г.Е.* Краткий исторический обзор... С. 23-26; Сборник РИО. СПб., 1882. Т. 36. С. VI, 235-244; *Ивонин А.Р.* Численность и состав городовых казаков Западной Сибири в XVIII—первой четверти XIX вв.//Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 120.
35. *Бантыш-Каменский Н.* Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1793 г. Казань. 1882. С. 156-157, 352-363; Историческая записка о китайской границе, составленная советником Троицко-Савского пограничного правления Сычевским в 1846 г. //ЧОИДР. 1875. Кн. 2. Отд.2. С. 20-23; *Буссе Ф.Ф.* Забайкальское инородческое войско. М., 1897. С. 59-64; АВПР. Ф. 130. Оп. 130/3. Д. 5. Л. 8-11; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 254. Л. 68-70.
36. РГВИА. Ф. 13. Оп. 2/110. Д. 151. Ч. 2. Л. 214-220 об., 227-228, 241-242.
37. *Катанаев Г.Е.* Краткий исторический обзор... С. 31.
38. *Зуев А.С.* Эволюция чиновной иерархии у русских казаков Забайкалья

(XVIII—первая половина XIX века) //Проблемы истории Сибири: общее и особенное. Новосибирск, 1990. С. 52-53.

39. *Авдеев П.И.* Историческая записка... С. 41-43; *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк... С. 67-69.

40. *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк... С. 69-71.

41. *Бородин Н.* Уральское казачье войско. Уральск, 1891. Т. 1. С. 10; *Белый А.И.* О реформировании Оренбургского и Уральского казачьих войск в начале XIX в.//Казачество в истории России. Краснодар, 1993. С. 78-79; ПСЗ-I. Т. XXV. № 18927.

42. *Авдеев П.И.* Историческая записка... С. 54-55.

43. ПСЗ-I. Т. 30. № 23239.

44. ПСЗ-II. Т. 15. № 14041; Т. 26, Отд.I. № 25039, 25324; Положение о Сибирском линейном казачьем войске. СПб., 1847.

45. *Катанаев Г.Е.* Краткий исторический обзор... С. 42.

46. Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747—1897). СПб., 1897. С. 36-37.

47. ПСЗ-I. Т. 37. № 29131.

48. *Пушкин А.С.* История Пугачева //Полн.собр.соч. В 10 т. М., 1965. Т. 8. С. 281-285.

49. *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. М., 1965. С. 9.

50. *Ивонин А.Р.* Численность и состав... С. 120.

51. *Миллер Г.Ф.* История Сибири... Т. 1. Прилож. № 49; Т. 2. Прилож. № 187, 223; *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 76; *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. 1. С. 140; *Белов М.И.* Подвиг Семена Дежнева...

52. РГАДА. Ф. 214. Кн. 511. Л. 4 об., 9-9 об., 40-40 об.; Якутия в XVII веке. Якутск, 1953. С. 317, 323; *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII—середине XIX вв. М., 1978. С. 75.

53. Якутия в XVII веке. ... С. 324.

54. РГАДА. Ф. 214. Стб.76. Л. 195-198, 200-203; Стб.186. Л. 117, 125-126, 163; Стб.977. Л. 17-24, 30-33, 44-46, 48; Кн. 27. Л. 66; Кн. 131. Л. 162 об.; Кн. 228. Л. 33-37 об.; Кн. 511. Л. 78; Кн. 591. Л. 275 об.; ДАИ. Спб., 1862. Т. 3. № 105. С. 375; РИБ. Т. 8. № 11. Стб.583; *Леонтьева Г.А.* Волнения служилых людей в Восточной Сибири в 80-х годах XVII в.//Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 95; Якутия в XVII веке... С. 316; *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке... С. 59.

55. *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 277-278; Ч. 2. С. 197-198, 202, 277-278; *Александров В.А.* Русское население Сибири... С. 42-46, 54; История Сибири... Т. 2. С. 44-46; РГАДА. Ф. 214. Кн. 342. Л. 79-83; Кн. 1044. Л. 25-63, 30-58.

56. ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. С. 187; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2.

С. 221; *Александров В.А.* Русское население Сибири... С. 50-58; История Сибири... Т. 2. С. 39-41.

57. *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937. С. 37; Якутия в XVII веке... С. 84; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 6; *Александров В.А.* Русское население Сибири... С. 47, 50-57.

58. РГАДА. Ф. 214. Стб.84. Л. 710-713; Кн. 1354. Л. 250, 277, 365 об., 370, 372, 376, 386, 389 об., 393 об.; ДАИ. Т. 11. № 100; *Александров В.А.* Русское население Сибири... С. 56; *Катанаев Г.Е.* Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Средней Азии и Сибири. СПб., 1908. С. 37; *Богоявленский С.К.* Вооружение русских войск в XVI—XVII вв.//Исторические записки. 1938. Т. 4. С. 272; *Марголин С.Л.* Вооружение стрелецкого войска //Труды Гос. исторического музея. 1948. Вып.2. С. 98; *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китае (1692—1695). М., 1967. С. 154.

59. *Васильев А.П.* Забайкальские казаки. Чита, 1916. Т. 1. Прилож. С. 34.

60. *Александров В.А.* Русское население Сибири... С. 45, 50; *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. С. 52; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 203-205; *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров... С. 77, 111; Якутия в XVII веке. С. 52-54, 63-64; *Васильев А.П.* Забайкальские казаки. Т. 1. Прилож. С. 39; *Худяков Ю.С.* Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. С. 119, 161-162; Русский стиль. Боевые искусства. М., 1992; *Лукашев М.Н.* И были схватки боевые... М., 1990. С. 92-98; *Терешонок А., Адашкевич Ю.* Рукопашный бой в русском стиле //Москва. 1992. № 11-12. С. 183-186.

61. *Катанаев Г.Е.* Западно-сибирское служилое казачество... С. 58.

62. *Зуев А.С.* Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII—первой половине XIX вв. Новосибирск, 1989. С. 11-12.

63. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 286. Л. 126-127.

64. ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129. Л. 297, 307, 318, 328 об.; Д. 209. Л. 328 об.

65. Столетие военного министерства. М., 1902. Т. XI. Главное управление казачьих войск. Ч. 1. С. 75, 78, 86; ПСЗ-I.Т. XXVII. № 20786; *Пушкин А.С.* История Пугачева. С. 158-159, 295.

66. ПСЗ-I. Т. XX. № 14622.

67. Столетие Военного министерства. 1802—1902. Воинская повинность казачьих войск. СПб., 1907. С. 253; Казачьи войска. Краткая хроника. /Сост. В.Х.Казин. М., 1992. С. 226-227, 259; *Авдеев П.И.* Историческая записка ... С. 133-134; *Стариков Ф.М.* Откуда взялись казаки... С. 223-224.

68. Казачьи войска ... С. 227; *Авдеев П.И.* Историческая записка ... С. 134-135.

69. *G. Simoleit.* Die Donkosaken und ihr Land. Konigsberg, 1930. S.1;

C. von Plotho. Der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 und 1814. 3 Theile. Berlin, 1817. Vol.1. S.24,31,41.

70. *A.Haxthausen.* Die Kriegsmacht Ruslands in ihrer historischen, statistischen, entnographischen und politischen Beziehung. Berlin, 1852. S.178.

71. *Юдин М.Л.* Оренбуржцы в войнах 1812—1814 годов. Ташкент, 1912; *Лобов Н.Г.* Краткая историческая записка об участии Оренбургских казаков в Отечественной войне 1812—1814 гг. с Наполеоном. Оренбург, 1912; *Мамонов В.Ф., Форстман Г.В.* Гроза двенадцатого года (Казаки Урала в Отечественной войне 1812 года). Челябинск, 1991.

72. *Авдеев П.И.* Историческая записка С. 138-140; Казачьи войска С. 227-229.

73. *Усов Ф.* Статистическое описание... С. 97-98; *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891. С. 101-102, 158, 187, 193.

74. Столетие Военного министерства ... С. 345-346, 351-352; Казачьи войска ... С. 228-229, 266; *Авдеев П.И.* Историческая записка... С. 140-160; *Бларамберг И.* Воспоминания. М., 1978. С. 220-247, 268, 270-279, 285-287, 299-322; *Мамонов В.Ф., Кобзов В.С.* Пограничная линия. Челябинск, 1992.

75. ПСЗ-II. Т. XV. Отд.1. № 14041; Т. XXVI. Отд.1. № 25039.

76. *Хорошхин М.* Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881. С. 48; Усов Ф. Статистическое описание... С. 96-97.

77. *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь... С. 221; *Резун Д.Я.* Русские в Среднем Причулымье XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1984. С. 90; *Быкония Г.Ф.* Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII—начале XIX вв. Красноярск, 1985. С. 169; ПСЗ-I. Т. X. № 7780; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 481. Ч. III. Л. 215.

78. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 327-328; История Сибири. Т. 2. С. 128; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия ... С. 405; ПСЗ-I. Т. III. № 1594, 1670; РГАДА. Ф. 214. Кн. 272. Л. 161 об.; Кн. 1222. Л. 8 об.-24 об., 29 об.-30; Кн. 1354. Л. 61; ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 151. Л. 236.

79. *Копылов А.Н.* К вопросу о принципе ясачного обложения и порядка сборов ясака в Сибири (по материалам Томского уезда первой трети XVIII в.) //Известия СО АН СССР. 1969. № 1. Серия обществ.наук. С. 59-67; *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь... С. 237-254; *Емельянов Н.Ф.* Ясак и национальная политика царизма в феодальную эпоху //История, археология и этнография Сибири. Томск, 1979. С. 150-169; ПСЗ-I. Т. III. № 1594. Т. XXIV. № 19967; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 8. Д. 6942. Л. 113, 114-115 об.; 305-305 об.; Ф. 276. Оп. 1. Д. 2293. Л. 5-6;

Ф. 517. Оп. 1. Д. 806. Л. 154 об.

80. *Троицкий С.М.* Сибирская администрация в середине XVIII в.//Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973. С. 310; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 4. Л. 161-177; РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 521. Л. 6-19 об.; ТФ ГАТО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 159. Л. 2-429.

81. *Побережников И.В.* Новые материалы по истории классовой борьбы в Западной Сибири XVIII в. (Дело о Бердском "скопе") //Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 64-74; *Преображенский А.А.* Классовая борьба уральских крестьян и мастеровых людей в начале XVIII в.//Исторические записки. 1958. Т. 58. С. 246-272; *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень... С. 65; *Небольсин П.* Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 149-150; Томские губернские ведомости, 1890. № 6. С. 6; РГИА. Ф. 1150. Т. 1. 1810 г. Д. 32. Л. 35; Ф. 1152. Т. 1. 1812 г. Д. 76. Л. 20; Ф. 1264. Оп. 1. Д. 539. Л. 100, 104 об.-105 об.; РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 528. Л. 81, 121; Ф. 831. Оп. 1. Д. 17. Л. 37; ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 120. Л. 516; ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 541. Д. 7. Л. 350.

82. *Глинка В.М.* Русский военный костюм XVIII—начала XX века. Л., 1988. С. 36-38.

83. ПСЗ-1. Т. 26. № 19983.

84. *Авдеев П.И.* Историческая записка... С. 46-47.

85. *Висковатов А.* Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. СПб., 1899; Т. 18.

86. ПСЗ-1. Т. 30. № 23239.

87. *Висковатов А.* Историческое описание... С. 31-33; *Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 1. С. 209.

88. *Денисова М.М., Портнов М.А.* Русское оружие XI—XIX в. М., 1982.

Глава 2

1. Российское законодательство X—XX веков. М., 1985. Т. III. Акты Земских соборов. С. 437; Соборное уложение 1649. С. 83-257; *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 178; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956. С. 380.
2. *Никитин Н.И.* Служилые люди... С. 69.
3. *Емельянов Н.Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981. С. 140; *Ивонин А.Р.* Городовое казачество Западной Сибири XVIII—первой четверти XIX вв.: Дис... канд.ист.наук. Новосибирск, 1987. С. 154-155; *Никитин Н.И.* Служилые люди... С. 80-81.
4. *Ивонин А.Р.* Социально-экономическое положение сибирских дворян и

детей боярских конца XVII—XVIII вв.//Материалы Всесоюзной научной студенческой конференции. История. Новосибирск, 1973. С. 22-24; *Никитин Н.И.* Служилые люди... С. 196-197; *Анисимов Е.В.* Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719—1728. Л., 1982. С. 156-180; ПСЗ-I. Т. VII. № 4533; ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 541. Д. 75. Л. 2-4, .; Архив ЛОИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 528. Л. 68-68 об.; ПСЗ-I. Т. XXIII. № 17524.

5. *Громыко М.М.* К характеристике сибирского дворянства //Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 359; *Быконя Г.Ф.* Русское население Восточной Сибири в XVIII—начале XIX вв. Красноярск, 1985. С. 263, 267.
6. *Емельянов Н.Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1982. Ч. II. С. 72; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 316; *Леонтьева Г.А.* Пашня служилых людей в Сибири в XVII — начале XVIII вв.//Земледельческое и промышленное освоение Сибири XVII—начала XX вв. Новосибирск, 1985. С. 18.
7. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107: Кн. 54. Л. 50-55, 65-67, 169-175, 416-418.
8. Там же. Л. 66-67.
9. *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия... С. 380; РГАДА. Ф. 214. Кн. 1317; *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX вв. Новосибирск, 1975. С. 88-90; *Никитин Н.И.* Служилые люди... С. 157-162.
10. ПСЗ-I. Т. X. № 7438; Т. XII № 9267; Т. XXX. № 23038; РГАДА. Ф. 214. Кн. 1641. Л. 415-422; ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2050. Л. 227-230; Ф. 154. Оп. 8. Д. 85. Л. 278 об.
11. *Громыко М.М.* К характеристике... С. 350-369. ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2368. Л. 2.
12. *Головачев П.М.* Сибирь в Екатерининской комиссии. М., 1889. С. 15, 49, 53, 54; *Громыко М.М.* К характеристике... С. 357; ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 541. Д. 75. Л. 1-1 об.; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 536. Л. 3; Д. 539. Л. 140 об.
13. Столетие военного министерства. СПб., 1902. Т. XI. Ч. 1. С. 120.
14. ПСЗ-II. Т. XV. Отд.1. № 14041; Право на 30-десятинный надел сибирские линейные казаки получили только в 1846 г. До этого они довольствовались 6 десятинами по указу 1773 г. (ПСЗ-I. Т. XIX. № 13967). Право на занятие ремеслами, торговлей и промыслами обычно было сопряжено либо с необходимостью записи в одну из гильдий и внесением всех повинностей (Положение об Оренбургском войске 1840 г.), либо с оправданием городских повинностей (Устав о сибирских городовых казаках 1822 г.).
15. *Краснов Н.* Народонаселение и территория казаков Европейской и Азиат-

ской России //Военный сборник. 1878. Т. 120. № 4. С. 262; *Петров В.И.* Социально-экономическое положение сибирского казачества в XVIII—первой половине XIX вв.: Дис...канд. ист.наук. М., 1963. С. 135.

16. *Петров В.И.* Социально-экономическое положение... С. 124; ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.

17. ПСЗ-II. Т. XV. Отд.1. № 14041; *Усов Ф.* Статистическое описание... С. 249.

18. *Миненко Н.А.* Задачи изучения истории казачества восточных регионов России на современном этапе //Казаки Урала и Сибири в XVII—XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 10.

19. *Никитин Н.И.* О формационной природе ранних казачьих сообществ (К постановке вопроса) //Феодализм в России. М., 1987. С. 240.

20. Об этом, в частности, писал С.М.Соловьев, проводя параллели между казачьей организацией и дружинами князей-варягов Древней Руси. (*Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России. М., 1990. С. 246-247.)

21. *Заседателева Л.Б.* Терские казаки. М., 1974. С. 229; *Никитин Н.И.* О формационной природе... С. 241.

22. "... история России, подобно истории других государств начинается богатырским или героическим периодом..." (*С.М.Соловьев.* Чтения и рассказы... С. 208). Образование боевых дружин с выборными вождями ведет, по мысли С.М.Соловьева, к образованию государства. Российские казаки не смогли в силу ряда причин создать собственного государства, поэтому "героический период" у вольного казачества оказался незавершенным, а впоследствии деформированным под воздействием абсолютистского государства.

23. *Никитин Н.И.* Служилые люди... С. 43; ПСЗ-I. Т. III. № 1594, 1670; РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1229. Л. 3 об.-7; Д. 1772. Л. 1-5.

24. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в.//История СССР. 1986. № 1. С. 54.

25. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. III. С. 315; *Никитин Н.И.* Служилые люди... С. 26-27.

26. *Покровский Н.Н.* Начальные челобитные Томского восстания 1648—1649 гг./Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 85.

27. *Покровский Н.Н.* Томск в 1848—1849 гг. Новосибирск, 1988.

28. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2180. Л. 1-1 об.

29. Там же. Д. 1436. Л. 3-14. Д. 1438. Л. 4.

30. *Оглоблин Н.Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). М., 1898. Ч. II. (Дополнения к Ч. I). С. 130.

31. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 730. Л. 1 об.-2 об.; *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев. Новоси-

бирск, 1974. С. 49-50, 62.

32. ПСЗ-I. Т. VI. № 3694, 3750; Столетие военного министерства... С. 84-86, 88; *Хорошхин М.* Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания. СПб., 1881. С. 37; ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 541. Д. 7. Л. 445-445 об.

33. *Аполлова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI — первой половине XIX вв. М., 1976. С. 130; *Емельянов Н.Ф.* Численность и функции городовых казаков Сибири //Хозяйственное освоение Сибири. История. Историография. Источники. Томск, 1991. Вып.1. С. 7-8; РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Кн. 187. Л. 594 об.; ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 541. Д. 7. Л. 445-445 об.

34. *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891, С. 44.

35. РГАДА. Ф. 248. Оп. 4. Д. 163. Л. 1-380; Оп. 6. Д. 236. Л. 1-1111 об.; Ф. 517. Оп. 1. Д. 83. Л. 1-74 об.

36. Собрание РИО. СПб., 1911. Т. 134. С. 291.

37. ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 541. Д. 34. Л. 254.

38. *Пушкин А.С.* История Пугачева //Полн.собр.соч. В 10 т. М., 1965. Т. 8. С. 286.

39. Столетие военного министерства... С. 87; ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1911. Л. 8; Памятники сибирской истории XVIII в. СПб., 1882. Т. 1. С. 195.

40. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1772. Л. 1; ЛОААН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 150. Л. 15; ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 541. Д. 7. Л. 445-446 об.

41. Столетие военного министерства... С. 119-120; ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20786, 21025, 21101; Т. XXX. № 23239; Т. XXXVIII. № 28131, 29131; *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень... С. 91; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 539. Л. 112, 149 об.

42. *Хорошхин М.* Казачьи войска... С. 41; ПСЗ-II. Т. XV. Отд.1. № 14041.

43. *Усов Ф.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 126.

44. *Карпов А.Б.* Уральцы. Ч. 1. Яицкое войско. Уральск, 1911. С. 240-242, 247-248.

45. Там же. С. 311-312.

46. Там же. С. 322-324; РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св.30. Д. 10. Л. 21-22, 77-79 об.

47. *Никитин Н.И.* Служилые люди... С. 103-141; *Он же.* К вопросу о социальной природе приборного войска //История СССР. 1990. № 2. С. 54-55; *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII—XVII вв. Изд.2. Иркутск, 1941. С. 346; *Сафронов Ф.Г.* Русские на Северо-Востоке Азии в XVII — середине XIX вв. М., 1978. С. 72-79.

48. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/1-7. Св.30. Д. 10. Л. 18 об.; *Рычков П.И.* Топог-

рафия Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 296-297; Яицкое войско и проект Неплюева об его преобразовании //Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 19-21; *Витевский В.* Яицкое войско до появления Пугачева //Русский архив. 1879. Кн. 1. С. 425; Кн. 2. С. 379, 386; Столетие Военного министерства. 1802—1902. Воинская повинность казачьих войск. СПб., 1907. С. 245-250.

49. *Плотников.* Краткая записка о первоначальном происхождении и дальнейшем развитии капиталов Оренбургского казачьего войска //Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1903. Вып.1. С. 91-93; *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890. С. 60-63, 72; *Авдеев П.И.* Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург, 1904. С. 33-38, 177-178.

50. *Сафронов Ф.Г.* Русские на Северо-Востоке... С. 79-81; *Ивонин А.Р.* Городовое казачество Западной Сибири XVIII—первой четверти XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. С. 14-15; *Зуев А.С.* Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII—первой половине XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. С. 13-14.

51. *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень... С. 14-15, 28-33, 53-56, 75; *Катанаев Г.Е.* Краткий исторический обзор службы сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 год. СПб., 1908. С. 23-26; РГВИА. Ф. 13. Оп. 2/110, Д. 151. Ч. 2. Л. 218-219 об., 229-230, 233 об., 237 об.

52. *Плотников.* Краткая записка... С. 89-104; *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк... С. 72, 86, 88, 89; *Авдеев П.И.* Историческая записка... С. 44-95, 179-180; Столетие Военного министерства... С. 255, 338-339, 344-345, 349.

53. *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь... С. 224-225; *Ивонин А.Р.* Городовое казачество... С. 15; *Сафронов Ф.Г.* Русские на Северо-Востоке... С. 81.

54. Положение о Сибирском линейном казачьем войске. СПб., 1847; ПСЗ-I. Т. 30. № 23239; ПСЗ-II. Т. 21. № 20671; Т. 26. № 25039.

55. *Бородин Н.* Уральское казачье войско. Уральск, 1891. Т. 1. С. 725-833.

56. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1903. Вып.III. С. 24-25, 34, 37, 42-43, 48, 56, 62, 64, 93, 98; *Авдеев П.И.* Историческая записка... С. 13, 18-20, 28, 34, 40, 57, 59, 72.

57. *Леонтьева Г.А.* Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. (По материалам Иркутского и Нерчинского уездов): Дис... канд. ист. наук. М., 1972. С. 105.

58. *Никитин Н.И.* Служилые люди... С. 131-132; *Миненко Н.А.* Северо-За-

падная Сибирь... С. 282.

59. ПСЗ-I. Т. VII. № 4533; Т. IX. № 6380; Т.XXIII. № 17524; Иркутск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. С. 37-85; Тобольск. Материалы для истории города XVII—XVIII столетий. М., 1883. С. 98-144; Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск, Селенгинск, Якутск. М., 1886. С. 23-41, 54-78, 117-127; *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь... С. 41-42; РГАДА. Ф. 214. Оп. 4. Д. 187. Л. 329 об., 333 об.; Ф. 248. Оп. 4. Кн. 180. Л. 375 об.; Ф. 350. Оп. 2. Ч. 2. Д. 3069, 3072; РГВИА. Ф. 13. Оп. 2/110. Д. 151. Ч. 2. Л. 225-226, 249-251 об., 262-266; Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 520. Л. 2-12; ТФ ГАТО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 142. Л. 74; Сб.РИО. СПб., 1882. Т. 36. С. 238.

60. *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 1. С. 180-181; *Недбай Ю.Г.* Участие казаков Западной Сибири в формировании русской армии (первая четверть XVIII века) //Казачество на государевой службе. Екатеринбург, 1993. С. 25; *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Иркутск, 1957. Т. 2. С. 592-597; *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. Berlin, 1961. T.1. S.106; РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Кн. 474. Л. 16; Кн. 1317; Ф. 248. Оп. 8. Кн. 500; Ф. 517. Оп. 1. Д. 83. Л. 5; РГВИА. Ф. 13. Оп. 2/110. Д. 151. Ч. 2. Л. 249.

61. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 539. Л. 26 об.; ЦГА Бурятии. Ф. 88. Оп. 1. Д. 192. Л. 271 об.; Д. 752. Л. 25 об.; Ф. 90. Оп. 1. Д. 116. Л. 1-47, 66 об.; ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.

62. *Никитин Н.И.* Служилые люди... С. 176; РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1433. Л. 1 об.; Ф. 263. Оп. 1. Ч. 2. Д. 807. Л. 2-63 об.

63. ЦГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 3090. Л. 19; Устав о сибирских городовых казаках. С. 19,25; ЦГА Бурятии. Ф. 88. Оп. 1. Д. 304. Л. 22 об.

64. *Карпов А.Б.* Уральцы... С. 89-125; *Рябинин А.* Материалы для географии и статистики России. Ч. 1. Уральское казачье войско. СПб., 1866. С. 12-13; *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л. : ЛГУ, 1985. С. 237-238.

65. *Карпов А.Б.* Уральцы... С. 235-299, 381-395; *Рябинин А.* Материалы для географии... С. 23-26; Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. М., 1954. Т. 1. С. 87, 95-99, 121-125, 129-131, 137, 139, 142-143; 1962. Т. 3. С. 125-126, 143; АИ. СПб., 1842. Т. IV. С. 384-385, 388, 415; РГАДА. Ф. 159. Д. 488. Л. 2-3; ЛОИИ. Ф. 178. Оп. 1. Д. 3730. Л. 1-13.

66. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 171-290; *Покровский Н.Н.* Томск. 1648—1649 гг.; История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 138-152; *Зольникова Н.Д.* "Нарымское дело" 1642—1647 гг.//Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 211-233.

67. *Александров В.А.* Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в.//Исторические записки. 1957. Т. 59. С. 271-307; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество... С. 290-329; *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1959. Т. 4. С. 170-192.
68. *Карпов А.Б.* Уральцы... С. 490-846; *Витевский В.* Яицкое войско до появления Пугачева //Русский архив. 1879. Кн. 1. С. 401-437.
69. *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест... С. 34-66; *Ивонин А.Р.* Самоуправление казачьих городовых команд Западной Сибири XVIII—первой четверти XIX вв.//Казаки Урала и Сибири в XVII—XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 88-92.
70. *Витевский В.* Яицкое войско... С. 438-443; Т. 3. С. 377-402, 435-458; *Анучин Д.* Происшествия на Яике в 1772 году //Современник. 1862. Т. XCII. № 3-4. С. 565-606; Волнения на Яике перед Пугачевским бунтом //Памятники новой русской истории. СПб., 1872. Т. II. С. 250-294; *Рознер И.Г.* Яик перед бурей. М., 1966. С. 97-161; *Мавродин В.В.* Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961. Т. 1. С. 508-516.
71. О самозванчестве см.: *Сивков К.В.* Самозванчество в России в последней трети XVIII в.//Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 88-135; *Троицкий С.М.* Самозванцы в России XVII—XVIII веков //Вопросы истории. 1969. № 3. С. 134-146; *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 3-236; *Мыльников А.С.* Искушение чудом: "Русский принц", его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991; Дело о самозванце Ф.И. Камещикове-Слудникове. Екатеринбург, 1992; *Longworth Ph.* The Pretender phenomenon in Eighteenth Century Russia //Past and Present. 1975. № 66. P.61-83.
72. *Дубровин Н.Ф.* Пугачев и его сообщники. Эпизод царствования Екатерины II. СПб., 1884. Т. 1-3; *Авдеев П.И.* Историческая записка... С. 129-133; *Середа Н.* Пугачевский бунт по запискам современника и очевидца //Вестник Европы. 1870. № 6. С. 615-644; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1966, 1970. Т 2-3; *Рознер И.Г.* Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Львов, 1966; *Андрущенко А.И.* Крестьянская война 1773—1775 гг. На Яике, вПриуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969; *Raeff M.* Pugachev's Rebellion //Preconditions of Revolution in Early Modern Europe. Baltimore, 1970. P.161-202; *Avrich P.* Russian Rebels. 1600—1800. N.Y., 1972. P.180-254.
73. ГАОрО. Ф. 6. Оп. 11, Д. 11-а. Л. 1-11 об.; *Рябинин А.* Материалы для географии... С. 65-70.
74. *Рябинин А.* Материалы для географии.. С. 76-81.
75. *Авдеев П.И.* Историческая записка... С. 50-53, 61-63; *Стариков Ф.М.*

Откуда взялись казаки (Исторический очерк). Оренбург, 1881. С. 175; *Он же.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890. С. 72-74.

76. *Пронштейн А.П., Мининков Н.А.* Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков и донское казачество. Ростов-н-Д: Ростовский ун-т, 1983; *Назаров В.Д.* О некоторых особенностях Крестьянской войны начала XVII в России //Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 114-125; *Павленко Н.И.* К вопросу о роли донского казачества в крестьянских войнах //Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 62-75; *Гордон А.В.* Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989. С. 179-184; *Hobsbawm E.J.* Social banditry //Rural protest: peasant movements and social change. 1974. P.142-157.

Глава 3

1. *Никитин Н.И.* О формационной природе ранних казачьих сообществ (К постановке вопроса) //Феодализм в России. М., 1987. С. 241.
2. *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 9.
3. Столетие военного министерства. Главное управление казачьих войск. М., 1902. Т. XI. Ч. 1. С. 72.
4. РГАДА. Ф. 214. Стб.970. Л. 29; Кн. 30; Кн. 46. Л. 1-40; Кн. 110; Кн. 248. Л. 1-62; Кн. 408. Л. 1-41; Кн. 1354. Л. 1-126 об.; Ф. 199. Оп. 2. Портф.501. Ч. 1. Л. 11-32; ТФ ГАТО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 142. Л. 48-74.
5. *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 29, 40, 42-46; *Ивонин А.Р.* Численность и состав городовых казаков Западной сибири XVIII — первой четверти XIX вв. //Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 130.
6. *Никитин Н.И.* Служилые люди... С. 32,34; *Ивонин А.Р.* Численность и состав... С. 130; РГАДА. Ф. 214. Кн. 1354. Л. 1-126 об.
7. РГАДА. Ф. 214. Стб.970. Л. 29.
8. *Васильев А.П.* Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1916. Т. 1. Приложения. С. 28-29; *Кирилов И.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 403; *Ивонин А.Р.* Численность и состав... С. 117; *Зуев А.С.* Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII—первой половине XIX вв.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1989. С. 9; Из Тюмени, например, было призвано 12 детей боярских, 15 конных, 37 пеших казаков (РГАДА. Ф. 214. Кн. 474. Л. 16.).
9. ПСЗ-1. Т. VII. № 4533. С. 318; Т. IX. № 7261. С. 156; *Кирилов И.* Цветущее состояние... С. 403; ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3169. Л. 76-83 об., 120 об.; Д. 3170. Л. 32; Ф. 341. Оп. 142. Л. 46.

10. *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII—XVIII вв. М., 1988. С. 55, 57, 60; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Портф. 481. Ч. IV. Л. 37; ПСЗ-I. Т. XXVII. № 21025. С. 968-969. № 20786. С. 641; Т. XV. № 10894.
11. *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень событий из истории сибирского казачьего войска. Со времени водворения западно-сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск, 1891. С. 21, 48, 56; ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 16. Л. 1-5; Д. 17. Л. 1-4 об.; *Ивонин А.Р.* Численность и состав... С. 119; ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 541. Д. 7. Л. 25; *Зуев А.С.* Русское казачество... С. 9, 10; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 536. Л. 6.; А.С.Зуев дает сведения о 800 чел. (см.: *Зуев А.С.* Русское казачество... С. 10); *Золотов П.* Материалы по истории Сибирского казачьего войска //Ахмолинские областные ведомости. 1878. № 11. С. 9; РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 521. Л. 47-50 об.; Д. 937. Л. 13.
12. *Громыко М.М.* К характеристике сибирского дворянства XVIII в.//Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 359.
13. *Катанаев Г.Е.* Исторический очерк службы сибирского казачьего войска //Военный сборник. 1903. № 7-8. Одним из внешних показателей размежевания является исчезновение с этого времени из официальной документации термина "служилые люди" и закрепление других терминов "городовые казаки", "линейные казаки". В Забайкалье шел аналогичный процесс с небольшим опозданием. (См.: *Зуев А.С.* Эволюция чиновной иерархии у русских казаков Забайкалья (XVIII—первая половина XIX века) //Проблемы истории Сибири: общее и особенное. Новосибирск, 1990. С. 52); ПСЗ-I. Т. XX. № 14622. С. 352-353; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 536. Л. 5 об.-6; ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 379. Л. 20; ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 541. Д. 7. Л. 363 об; *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень... С. 61-62; *Усов Ф.* Статистическое описание сибирского казачьего войска. СПб, 1879. С. 15.
14. Указанная цифра получена в результате сложения следующих величин: 1996 казаков, служивших под началом И.И.Шпрингера из числа городовых и крепостных, 2395 городовых казаков Сибири (по подсчетам И.И.Шпрингера), 1055 забайкальских казаков (сер. 70-х гг. XVIII в.), 255 охотских, 255 камчатских, 500 чел. тунгусской команды, 2393 чел. в бурятских казачьих полках, 1,5 тыс. донских казаков и башкиро-мещерятских служилых и примерно 1000 чел. сибирских татар и прочих национальных формирований. Итого — 11349 чел.; *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень... С. 29.
15. *Ивонин А.Р.* Численность и состав... С. 134; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 536. Л. 44.
16. Столетие военного министерства... С. 89, 121, 126, 128-129, 322; *Хорошхин М.* Казачьи войска. Опыт военно-статистического описания.

СПб, 1881. С. 41; ПСЗ-I. Т. XXVII. № 20786. С. 642; ПСЗ-II. Т. XV. Отд.1. № 14041. С. 802; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 536. Л. 6; Д. 538. Л. 6, 44; *Катанаев Г.Е.* Офицерство и рядовое казачество наше (К вопросу о землеустройстве в сибирском казачьем войске). Омск, 1918; *Леденев Н.* История Семиреченского казачьего войска. СПб, 1909. С. 15; *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. М., 1862. Кн. 1. С. 189.

17. *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень... С. 98.

18. *Хорошхин М.* Казачьи войска... С. 44, 45; Столетие военного министерства... С. 239; ПСЗ-II. Т. XV. Отд.1. № 14041. С. 799-800.

19. *Усов Ф.* Статистическое описание... С. 17, 73-74; *Краснов Н.* Народонаселение и территория казаков Европейской и Азиатской России //Военный сборник. 1878. № 4. С. 263; ПСЗ-II. Т. XXVI. Отд.1. № 24796. С. 8-21, 186; Отд.2. С. 4-5.

20. *Хорошхин М.* Казачьи войска... С. 48.

21. *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии... С. 150-182; *Усов Ф.* Статистическое описание... С. 68.

22. Положением 1861 г. городовые казаки были причислены к Сибирскому казачьему войску, а в 1868 г. они были "обращены" в гражданское состояние (*Хорошхин М.* Казачьи войска... С. 51), за исключением команд Березова, Нарыма и Сургута, упраздненных в 1881 году (ПСЗ-III. Т. 1. № 184. С. 89-90).

23. *Никитин Н.И.* Служилые люди ... С. 141.

24. Там же. С. 148-149, 151-152, 157, 165; *Зуев А.С.* Складывание корпоративного землевладения у русских казаков Забайкалья (вторая половина XVII — первая половина XIX вв.) //Казаки Урала и Сибири в XVII—XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 80; *Он же.* Русское казачество С. 15; *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М., 1956. С. 364; *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Иркутск, 1949. Т. 1. С. 489; *Леонтьева Г.А.* Пашня служилых людей Сибири в XVII—начале XVIII в. //Земледельческое и промысловое освоение Сибири XVII—начала XX вв. Новосибирск, 1985. С. 3-18; *Бояршинова З.Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII в. //Труды ТГУ. Томск, 1950. Т. 112. Серия историко-филологическая. С. 186-187; РГАДА. Ф. 214. Кн. 942. Л. 2 об.; Кн. 1354. Л. 5-126; Кн. 1426. Л. 159 об.

25. *Бояршинова З.Я.* О формировании сословия государственных крестьян в Сибири (XVIII— первая половина XIX вв.) //Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 1. С. 44-55; *Емельянов Н.Ф.* Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху (Состав, занятия, повинности). Томск, 1980. С. 140; *Леонтьева Г.А.* Пашня служилых людей ... С. 11.

26. *Ивонин А.Р.* Городовое казачество Западной Сибири XVIII—первой четверти XIX вв.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. С. 15.

Кроме того земли, в том числе и пахотные, имелись у служилых татар Тобольска, Тюмени, Томска, но они находились в нераздельном владении с неслужилыми родичами; *Евсеев Е.Н.* Тара в свои первые два столетия //Сибирские города XVII—нач. XX века. Новосибирск, 1981. С. 98.

27. Русско-индийские отношения в XVII в. М., 1958. С. 41.
28. *Пушкин А.С.* История Пугачева //Полн. собр. соч. М., 1965. Т. VIII. С. 287-292; РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Д. 10. Л. 298-299 об.; Акты исторические. Т. V. № 107. С. 170-172.
29. *Никитин Н.И.* Служилые люди ... С. 177.
30. РГАДА. Ф. 111. Донские дела. Д. 21, (1689 г.). Л. 62-65, 67.
31. *Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Уральск, 1911. Т. 1. Яицкое войско (1550—1724). С. 370; РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Кн. 53. Л. 134. Сенату, кстати, так и не удалось документально подтвердить факт пожалования.
32. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Д. 10. Л. 18 об.; *Никитин Н.И.* Служилые люди С. 172. На чертеже земли Тарского города С.У.Ремезова имеется надпись: "От Ямышева озера служилые люди, нагрузя дощаники солью, и пловут вниз реки Иртыша к Тарскому городу в две недели и болши От Тарского города вверх по Иртышу реке служилые люди на дощаниках для соли до Ямыша озера доходят в четыре недели" (Чертежная книга Сибири ... Карта № 5).
33. *Павлов П.Н.* Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40—70-е годы XVII в. //Сибирь периода феодализма. Новосибирск, 1965. Вып.2. Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. С. 37-38.
34. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Д. 10. Л. 482; Кн. 33. Л. 248-252; Кн. 54. Л. 141-147.
35. *Никитин Н.И.* Военнослужилые люди Западной Сибири XVII в. (Из истории классово-сословного строя позднефеодальной России): Дис... канд. ист. наук. М., 1977. Приложения. С. 239; *Миненко Н.А.* Городская семья ... С. 188-191.
36. *Станиславский А.А.* Восстание 1614—1615 гг. и поход атамана Баловня //Вопросы истории. 1878. № 5. С. 121; *Никитин Н.И.* О формационной природе ... С. 239; РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Кн. 33. Л. 123-124, 140, 247-250, 253-255; Кн. 54. Л. 235-236; Ф. 20. Оп. 1. Д. 17. Л. 3; Д. 24. Ч. 2. Л. 1-3.
37. *Никитин Н.И.* Служилые люди С. 181; *Куршлов В.Н.* Участие служилых людей в становлении г. Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в. //Города Сибири. Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974, С. 84;

Люцидарская А.А. К вопросу о развитии сибирского судостроительного промысла в XVII в. //Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978. С. 59.

38. *Никитин Н.И.* Служилые люди С. 181; РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Д. 634. Л. 801-1056.

39. РГАДА. Ф. 210. Стб.57. Л. 425, 434-435; РГВИА. Ф. 2. Оп. 1. Ч. 5. Св.195. Д. 734. Л. 411-420, 443; Ф. 13. Оп. 1/107. Д. 10. Л. 18, 298-299 об.; Кн. 54. Л. 13-17, 251-252, 322, 410-413; Кн. 33. Л. 248-255; Ф. 159. Оп. 1. Д. 488. Л. 1-2.

40. *Никитин Н.И.* Служилые люди С. 176, 178, 180; *Леонтьева Г.А.* Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII— первой четверти XVIII вв. (По материалам Иркутского и Нерчинского уездов): Дис. канд. ист. наук. М., 1972. С. 319-320, 342; *Чулков М.Д.* Историческое описание российской коммерции ... М., 1786. Т. 3. Кн. 1. О сибирских торгах. С. 436; *Курилов В.Н.* Участие служилых людей ... С. 79; *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI— начала XVIII вв. Новосибирск, 1992. С. 264; РГАДА. Ф. 214. Кн. 1273. Л. 167 об.-169 об.; Кн. 1368. Л. 43-44; Кн. 1339. Л. 301-400; Кн. 1273. Л. 8 об.-220 об.; *Миненко Н.А.* Городовые казаки Обского Севера в XVIII в. //Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 336-348.

41. Письма В.И.Даля из Оренбурга к Гречу //Родина. 1992. № 4. С. 104.

42. ГАОрО. Ф. 6. Оп. 15. Д. 281. Л. 1-1 об.; Оп. 11. Д. 564. Л. 161; Письма В.И.Даля из Оренбурга к Гречу... С. 104; *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии //Оренбургские степи в трудах П.И.Рычкова, Э.А.Эверсмана, С.С.Неуструева. М., 1949. С. 64, 97-98, 136-137; *Емельченко И.Р.* Расшифровка этнографических заметок по Уралу в путевом дневнике В.А.Жуковского //Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1974. Вып.VI. С. 46-51; *Максимов С.В.* По русской земле. М., 1989. С. 129-156; *Небольсин П.И.* Уральцы. СПб., 1855. С. 83-84; *Даль В.И.* Уральский казак //Наши, списанные с натуры русскими. СПб., 1841. Вып.14. С. 157-177.

43. *Усов Ф.Н.* Статистическое описание ... С. 226.

44. *Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А.* Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993. С.268-271, 344; *Щукин Н.* Быт крестьянина Восточной Сибири //Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 139; *Потанин Г.Н.* Полгода в Алтае //Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 162-163; *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII—первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 51-60; *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень... С. 75, 84.

45. *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. Красноярск, 1990. С. 230-231; *Гурвич И.С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. С. 124-129, 130-131, 204; *Потанин Г.Н.* Воспоминания //Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. С. 72-73; *Он же.* Полгода в Алтае... С. 154-155; *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь... С. 50-60.

46. *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. С. 53-55, 86-93, 136-137, 139-142; *Эверсманн Э.А.* Естественная история Оренбургского края //Оренбургские степи... С. 243; *Паллас П.С.* Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 128-130, 142-143, 370-372, 379-383, 398-400; Письма В.И.Даля к Гречу... С. 103-104; *Даль В.И.* Уральский казак... С. 165, 167-168, 171-172; *Максимов С.В.* По русской земле... С. 129, 151-159; Фольклорно-этнографическая тематика в "Уральских войсковых ведомостях" //Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1982. Вып.IX. С. 50, 53, 57-58; История казачества Урала. Оренбург; Челябинск, 1992. С. 120-125; *Зобов Ю.С.* Оренбургское казачество и освоение края, его движение к рыночным отношениям во второй трети XIX в.//Казачество в истории России. Краснодар, 1993. С. 89-91; ГАОрО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 1014. Л. 6 об.-7; Д. 1097. Л. 1-1 об.; Д. 1120. Л. 1-1 об.; Оп. 15. Д. 674/1. Л. 3-3 об.; *Кирилов И.К.* Цветущее состояние... С. 227.

47. РГАДА. Ф. 199. Портф.481. Ч. 3. Л. 3, 76 об.-77, 113 об., 226 об.; Ч. 4. Л. 121-121 об.; Ф. 517. Оп. 1. Д. 25. Л. 40; Ф. 633. Оп. 2. Д. 24. Л. 13-14 об.; РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Д. 517. Л. 5-16; ТФ ГАТО. Ф. 329. Оп. 541. Д. 7. Л. 240-250, 378, 379, 391; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 538. Л. 2; ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 417. Л. 12 об.-18; Ф. 1265. Оп. 1. Д. 71. Л. 60-60 об.; История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма. М., 1991. С. 116; *Аполлова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI—первой половине XIX в. М., 1976. С. 143-168; *Белоножко Ю.А.* Сельскохозяйственная литература в дореформенной Сибири и МОСХ //Развитие книжной культуры Сибири XIX — начала XX вв. Новосибирск, 1982. С. 42-45.

48. *Усов Ф.Н.* Статистическое описание... С. 180; *Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А.* Путешествие по Алтайским горам... С. 282-284, 334.

49. *Потанин Г.А.* Воспоминания... С. 71; Город у Красного Яра. Документы и материалы по истории Красноярска XVII—XVIII вв. Красноярск, 1981. С. 136.

50. *Лебедева А.А.* К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX—начало XX вв.) //Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 142-143; *Потанин Г.Н.* Воспоминания... С. 23-24; *Усов Ф.Н.* Статистическое опи-

сание... С. 214-217; *Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А.* Путешествие по Алтайским горам... С. 281-282.

51. *Потанин Г.Н.* Воспоминания... С. 71; *Усов Ф.Н.* Статистическое описание... С. 235-239; *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень... С. 69; *Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А.* Путешествие по Алтайским горам... С. 236.

52. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Ч. 1. Д. 634. Л. 801-1056; Ф. 276. Оп. 1. Д. 536. Л. 21-22; Д. 529. Л. 2, 4; ПСЗ 1. Т. XIII. № 10042; ГАТО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3759. Л. 39-39 об.; РГВИА. Ф. 13. Оп. 2/110. Д. 98. Л. 1; ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 138. Л. 4; Ф. 366. Оп. 1. Д. 92. Л. 3 об. - 4.

53. ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 132. Л. 68, 69, 71, 103, 124, 196, 197.

54. ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 141. Л. 2, 35, 38; *Усов Ф.* Справочная книжка. Тюмень, 1873. С. 121-122.

55. *Усов Ф.Н.* Статистическое описание... С. 241-246; ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 138. Л. 19 об.-25 об.

56. *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь... С. 61-78; *Гурвич И.С.* Этническая история... С. 117-131, 192-205.

57. *Лебедева А.А.* Русские Притоболья и Забайкалья. М., 1992. С,116-120.

58. *Максимов С.В.* По русской земле... С. 133; ГАОрО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 272. Л. 3; Оп. 12. Д. 525. Л. 1-2; Д. 581. Л. 1; *Зобов Ю.С.* Оренбургское казачество... С. 89-91.

59. *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско. Уральск, 1891. Т. 1. С. 268.

60. *Рябинин А.* Материалы для географии и статистики России. Уральское казачье войско. СПб., 1866. Ч. 1. С. 15-17; *Витевский В.А.* Яицкое войско до появления Пугачева //Русский архив. 1879. Кн. 1. С. 414-417.

61. *Никитин Н.И.* Служилые люди... С. 141, 147-148; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 46; *Емельянов Н.Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1982. Ч. 2. С. 71.

62. ПСЗ-1. Т. IV. № 1822; *Леонтьева Г.А.* Хозяйственные занятия служилых людей Восточной Сибири в XVII—первой четверти XVIII вв.//Аграрный строй в феодальной России XV—начала XVIII вв. М., 1986. С. 178; *Она же.* Пашня служилых ... С. 12-13; *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня... С. 488; *Копылов А.Н.* Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965. С. 203; ГАЧО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 36. Л. 6 об.; Д. 139. Л. 358 об.

63. *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. М., 1964. С. 176-179, 185-189, 197-198; *Бояршинова З.Я.* К вопросу о коллективном землевладении в сибирской деревне XVII — начала XVIII вв. //Вопросы истории Сибири. Томск, 1974. Вып.8; *Никитин Н.И.* Служилые люди... С. 47, 142-143; *Власова И.В.* Традиции крестьянского землепользования в Поморье и Западной Сибири в XVII—XVIII вв. М., 1984. С. 106-108, 110,112.

64. Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987. С. 79; *Якушкин В.* Очерки по истории русской поземельной политики в XVIII и XIX вв. Вып.1. XVIII век. М., 1890. С. 111.
65. ПСЗ-I. Т. IX. № 6380; РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 501. Д. 1. Л. 36 об., 38 об.; ГАЧО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 37. Л. 6; Д. 104. Л. 3 об.
66. *Васильев А.П.* Забайкальские казаки... С. 206.
67. *Никитин Н.И.* Служилые люди... С. 144; *Курилов В.Н.* Участие служилых людей в становлении г.Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в.//Города Сибири. Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 82.
68. Крестьянство Сибири... С. 136; *Александров В.А.* Русское население... С. 196; *Он же.* Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) //Вопросы истории. 1973. № 8. С. 52; *Миненко Н.А.* Развитие феодальных отношений и генезис капитализма в Сибири (конец XVI—первая половина XIX вв.). Новосибирск, 1988. С. 9; *Зуев А.С.* Некоторые методологические аспекты изучения землевладения в Сибири //Методологические проблемы изучения истории Сибири. Новосибирск, 1988. С. 95.
69. *Авдеев П.И.* Историческая записка об Оренбургском казачьем войске. Оренбург, 1904. С. 18, 19, 103-104; *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890. С. 57-59; Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1903. Вып.3. С. 3, 5, 23, 60-62.
70. Крестьянство Сибири... С. 249-250; *Шерстобоев В.Н.* Илимская пашня. Т. 2. Иркутск, 1957. С. 169, 171, 181, 587; ПСЗ-I. Т. XII. № 9276; Т.XIV. № 10237; Т.XVII. № 12659; Сб. РИО. СПб., 1882. Т. 36. С. 239, 240; РГВИА. Ф. 13. Оп. 2/110. Д. 151. Ч. 2. Л. 245-247 об., 331 об., 360-367; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 539. Л. 12, 26 об.; ЦГА Бурятии. Ф. 88. Оп. 1. Д. 84. Л. 2 об.; Д. 50. Л. 8425; Д. 163. Л. 273 об.; *Башарин Г.П.* История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII—середина XIX вв.). М., 1956. С. 101-102.
71. ЦГА Бурятии. Ф. 88. Оп. 1. Д. 84. Л. 2 об.; Д. 163. Л. 60-61; Д. 193. Л. 46 об.; Ф. 89. Оп. 1. Д. 18. Л. 26 об., 30 об.; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 539. Л. 12 об.; История Сибири. Т. 2. С. 219-220; ПСЗ-I. Т. XIX. № 13967.
72. *Левшин А.* Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823. С. 53-56; *Рябинин А.* Материалы... С. 70-72, 104, 216-259; *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско... С. 477-479; *Максимов С.В.* По русской земле... С. 156-160.
73. *Авдеев П.И.* Историческая записка... С. 65-67, 72, 85-86, 104; *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк... С. 85-88; *Машин М.Д.* Из истории родного края. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 1976.

С. 102-105.

74. РГИА. Ф. 1150. Оп. 1. 1810 г. Д. 32. Л. 23 об.-24, 76 об.; Ф. 1152. Оп. 1. 1812 г. Д. 76. Л. 49 об., 659-674, 688; Ф. 1264. Оп. 1. Д. 254. Л. 14, 20; Д. 257. Л. 77 об.; Д. 539. Л. 52, 73 об., 76 об.; Д. 541. Л. 12-12 об.; РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 3089. Л. 95; Д. 3090. Л. 135-136; ГАИО. Ф. 161. Оп. 5. Д. 35. Л. 79-141 об.; ПСЗ-I. Т. XXX. № 23239; Устав о сибирских городовых казаках. С. 19; ЦГА Бурятии. Ф. 89. Оп. 1. Д. 13. Л. 351; Ф. 180. Оп. 1. Д. 2060. Л. 5 об.; ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 124. Л. 94 об.-97 об.

75. *Рябинин А.* Материалы... С. 71-72,101-102, 105-110, 117-119.

76. *Хорошхин М.* Казачьи войска... С. 71; *Васильев А.П.* Забайкальские казаки... Т. 2. С. 250; *Разумов Н.И.* Забайкалье. СПб., 1899. С. 66; *Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири. СПб., 1872. Т. 2. С. 293; *Гагемейстер Ю.А.* Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Т. 2. С. 83; *Остафьев В.А.* Землевладение и земледелие Сибирского казачьего войска//Труды Имп. ВЭО. СПб., 1897. № 4. С. 35; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 539. Л. 141; Д. 571. Л. 2, 3 об., 5 об.; РГВИА. Ф. 4. Оп. 5. Д. 34. Л. 16; ГАИО. Ф. 161. Оп. 5. Д. 182; ГАЧО. Ф. 52. Оп. 3. Д. 28, 50, 94; Ф. 99. Оп. 5. Д. 1; Ф. 231. Оп. 1. Д. 54; ПСЗ-II. Т. XXVI. № 25039,24796, 25039; Положение о Сибирском линейном казачье войске. СПб., 1847. С. 29, 86-87; Устав о сибирских городовых казаках. С. 19; Дон и Степное Предкавказье. XVIII—первая половина XIX вв. Ростов-на-Дону, 1977. С. 8, 19, 26, 35, 56.

77. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Кн. 31. Ч. 2. Л. 197-198 Кн. 33. Л. 98-104.

78. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С.76-77, 92-93; Якутия в XVII в. Якутск, 1953. С. 32-33, 49-50, 353-360.

79. *Витевский В.* Яицкое войско и проект Неплюева об его преобразовании //Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 26-27; *Он же.* Яицкое войско до появления Пугачева //Русский архив. 1879. Кн. 2. С. 382-383; *Бородин Н.* Уральское казачье войско... С. 5, 814; *Рябинин А.* Материалы ... С. 38-39.

80. РГАДА. Ф. 263. Оп. 1. Ч. 3. Д. 3454. Л. 121; Ф. 24. Оп. 1. Д. 49. Л. 21 об.-22; Ф. 1092. Оп. 1. Д. 25. Л. 258-259; *Остафьев В.А.* Землевладение и земледелие Сибирского казачьего войска //Труды Вольного экономического общества. СПб., 1897. Т. 2. № 4. С. 55.

81. *Левшин А.* Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823. С. 83-84; *Бородин Н.* Уральское казачье войско... С. 725-934; ГАОрО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 82. Л. 93-94.

82. *Авдеев П.И.* Исторические записки об Оренбургском казачьем войске. Оренбург, 1904. С. 59-64, 72-73, 87, 90-93, 108, 116.

83. *Усов Ф.* Статистическое описание... С. 47-48, 102-103, 180; ГАОО. Ф. 67. Оп. 1. Д. 6. Л. 12,40 Д. 7. Л. 60, 88, 91, 93, 98, 142-144, 146; Д. 8. Л. 245;

Д. 10. Л. 460, 466, 474, 497; Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 3,4; Ф. 6. Оп. 1. Д. 17. Л. 3; Д. 43. Л. 1. Д. 44. Л. 36, 39, 98, 110, 174-175; Д. 56. Л. 6; Д. 96. Л. 7-40; Ф. 366. Оп. 1. Д. 124. Л. 111; Д. 237. Л. 19; РГВИА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 165. Л. 68, 71; Оп. 9. Д. 15. Л. 35; Оп. 17. Д. 488. Л. 33, 37; Оп. 6. Д. 34. Л. 40; *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень... С. 115, 117, 121, 124, 127, 128-129, 180; Положение о Сибирском линейном казачьем войске. СПб., 1847. С. 78-80.

84. РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 3090. Л. 20-21, 25, 29 об.-33; Д. 3091. Л. 43-47 об.; Д. 3281. Л. 1 об.; Ф. 1281. Оп. 4. Д. 69. Л. 102. *Васильев А.П.* Забайкальские казаки... С. 225; Приложение. С. 11,17; *Львов Л.* Общее обозрение Забайкальского края //Русский вестник. 1842. № 9-10. С. 78-81; ПСЗ-II. Т. 26. № 25039.

85. ЦГА Бурятии. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 269-270 об.; Д. 25. Л. 69-70; Д. 30; Д. 542. Л. 16 об.; Д. 498. Л. 30-31 об.; ГАЧО. Ф. 52. Оп. 5. Д. 28. Л. 69-70; *Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности графа М.М.Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. СПб., 1872. Т. 1. С. 30, 211, 214; РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 571. Л. 4 об., 6, 7; РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Д. 3090. Л. 21-25.

86. *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень... С. 149-150, 154.

87. *Юрасова М.К.* Очерки истории города. Омск, 1972. С. 36-37.

Глава 4

1. Акты исторические. Т. IV. С. 134-136, 384-385, 388; *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии //Оренбургские степи в трудах П.И.Рычкова, Э.А.Эверсманна, С.С.Неуструева. М., 1949. С. 129, 132-133.
2. *Овчинников Н.Г.* Войсковое Сибирского казачьего войска показательное поле. Омск, 1915; *Усов Ф.Н.* Материалы о Сибирском казачьем войске. СПб., 1897; *Липинская В.А.* Русское население Алтайского края. Народные традиции в материальной культуре (XVIII—XX вв.). М., 1987. С. 24-26; *Щербанов Н.М.* Фольклорно-этнографическая тематика в "Уральских войсковых ведомостях" //Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1982. Вып.IX. С. 50.
3. *Потанин Г.Н.* Полгода в Алтае //Русское слово. 1859. № 9. С. 98-99.
4. Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Ч. 2. Забайкалье. Новосибирск, 1975. С. 24; *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX вв. Новосибирск, 1975. С. 105; *Усов Ф.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 264-269; *Лебедева А.А.* К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX — начало XX в.) //Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. С. 168-171. АГО. Разряд 26. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-2.

5. *Зеленин Д.* У оренбургских казаков //Этнографическое обозрение. 1906. Вып. 37. С. 12-13; *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890. С. 123-132; *Пушкин А.С.* История Пугачева. Уфа, 1978. С. 184, 219, 237; *Овчинников Р.В.* Над "пугачевскими" страницами Пушкина. М., 1981. С. 39-41.
6. *Максимов С.В.* По русской земле. М., 1989. С. 169; Письма В.И.Даля из Оренбурга к Гречу //Родина. 1992. № 4. С. 103; *Щербанов Н.М.* Фольклорно-этнографическая тематика ... С. 50, 59.
7. Письма В.И.Даля С. 103-105; *Он же.* Уральский казак //Наши, списанные с натуры русскими. СПб., 1841. Вып.14. С. 159, 173; *Железнов И.И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков //Полн. собр. соч. СПб., 1910. Т. 1. С. 324-325, 327; Дорожные письма С.А.Юрьевича во время путешествия по России наследника цесаревича Александра Николаевича в 1837 году //Русский архив. 1887. Кн. 5. С. 51; *Михайлов М.* Уральские очерки. (Из путевых заметок 1856—1857 гг.) //Морской сборник. 1859. Т. 33. № 9. С. 10.
8. *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк ... С. 137-141; Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., 1975. С. 222-226.
9. *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь ... С. 105-106; *Гурвич И.С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. С. 125, 127, 129, 204-206.
10. С.П.Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л., 1966. С. 55; Этнография русского крестьянства Сибири. XVII—середина XIX в. М., 1981. С. 173-176; *Лебедева А.А.* Этнографические материалы о русском населении Южного Алтая (XIX — начало XX вв.) //Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII—начала XX в. М., 1979. С. 226-235; *Потанин Г.Н.* Заметки о Сибирском казачьем войске //Военный сборник. 1861. № 5. С. 3-32; *Он же.* Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении //Этнографический сборник. Изд. РГО, 1864. Вып.VI. С. 28-29.
11. *Оглоблин Н.Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.). М., 1897. Ч. 3. С. 119-120; РГАДА. Ф. 214. Стб.12. Л. 107, 504; *Даль В.И.* Уральский казак... С. 169-172; *Максимов С.В.* По русской земле... С. 134, 144-145, 162; *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк ... С. 134-135.
12. *Лебедева А.А.* Этнографические материалы С. 226-227; *Щукин Н.С.* Быт крестьянина Восточной Сибири //Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 135-138; *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь ... С. 106; *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. М.;Л., 1949. С. 505.

13. *Железнов И.И.* Уральцы. Т. 3. С. 141; *Щербанов Н.М.* Фольклорно-этнографическая тематика... С. 53, 58; *Рычков П.И.* Топография... С. 127-129; *Щапов А.П.* Историко-этнографическая организация русского народонаселения //Русское слово. 1865. № 2. С. 81-92; *Стеллер Г.В.* Из Камчатки в Америку. Л., 1928. С. 20; *Гурвич И.С.* Этническая история... С. 128; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII вв. М., 1964. С. 119-129.
14. *Александров В.А.* Русское население... С. 120, 129-132; *Миненко Н.А.* Городская семья Западной Сибири на рубеже XVII—XVIII вв. //История городов Сибири досоветского периода (XVII—начало XX вв.). Новосибирск, 1977. С. 176-179; РГАДА. Ф. 214. Кн. 1297. Л. 10-29; Кн. 1302. Л. 48-66.
15. ТФ ГАТюО. Ф. 156. 1752 г. Д. 29. Л. 1-36 об.; *Потанин Г.Н.* Юго-западная часть Томской губернии... С. 141; *Он же.* Полгода в Алтае //Русское слово. 1859. № 12. С. 291-292; Город у Красного Яра. Документы и материалы по истории Красноярска XVII—XVIII вв. Красноярск, 1981. С. 216-217; ГАТюО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2426. Л. 9; Д. 2438. Л. 1-2; Д. 4425. Л. 43; *Даль В.И.* Уральский казак... С. 175.
16. ТФ ГАТюО. Ф. 156. 1747 г. Д. 13. Л. 1; 1750 г. Д. 122. Л. 1-19; РГИА. Ф. 796. Оп. 3. Д. 917. Л. 1-7; ГАТюО. Ф. 47. Д. 4424. Л. 9-10; РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Д. 4. Л. 5-8; Протоколы показаний Пугачева на допросах в Яицком городке и в Москве //Вопросы истории. 1966. № 4. С. 118-119; Красный архив. 1935. № 69-70. С. 205; Пугачевщина. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 198-199; *Потанин Г.Н.* Юго-западная часть Томской губернии. С. 55, 139; С.П.Крашенинников в Сибири. С. 54; *Зобнин Ф.* Свадебные обряды и обычаи среди казачьего населения Усть-Каменогорского уезда //Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г. Семипалатинск, 1901. С. 2-24.
17. *Александров В.А.* Русское население... С. 130, 139; *Миненко Н.А.* Городская семья... С. 178-179; *Она же.* Северо-Западная Сибирь... С. 115-116; *Потанин Г.Н.* Полгода в Алтае. С. 245-255; *Он же.* Юго-западная часть Томской губернии... С. 143-144; *Даль В.И.* Уральский казак... С. 160, 165-166; *Максимов С.В.* По русской земле. С. 170; РГАДА. Ф. 214. Кн. 1297. Л. 10-29; Кн. 1302. Л. 48-66; ТФ ГАТюО. Ф. 156. 1775 г. Д. 104. Л. 1 об., 7-7 об.; 1789 г. Д. 155. Л. 1-79; ГАОрО. Ф. 6. Оп. 15. Д. 639. Л. 11-11 об.; Д. 721. Л. 1-18; *Железнов И.И.* Уральцы. Т. 3. С. 160-162.
18. Документы ставки Е.И.Пугачева, повстанческих властей и учреждений. М., 1975. С. 80, 212; *Потанин Г.Н.* Юго-западная часть Томской губернии... С. 56; *Он же.* Полгода в Алтае. С. 114-115, 248.
19. *Стариков Ф.М.* Краткий исторический очерк... С. 147-148; *Потанин Г.Н.* Юго-западная часть Томской губернии... С. 62-66; *Он же.* Полгода в Алтае. С. 259.; Город у Красного Яра. С. 102-103, 140; *Щер-*

банов Н.М. Фольклорно-этнографическая тематика... С. 53-54.
20. *Щербанов Н.М.* Фольклорно-этнографическая тематика... С. 55, 59; Письма В.И.Даля... С. 105; *Потанин Г.Н.* Воспоминания //Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 42, 80-82, 142-145; *Железнов И.И.* Уральцы. Т. 1. С. 282.
21. *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 59; *Сергеев В.И.* У истоков сибирского летописания //Вопросы истории. 1970. № 12. С. 45-60.
22. Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 281-282; *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 17.
23. *Резун Д.Я.* Родословия сибирских фамилий. Новосибирск, 1993. С. 66, 79-81, 189-195, 212-214.
24. *Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII—начала XIX вв. Новосибирск, 1974. С. 50-66; *Путинцев Н.Г.* Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891. С. 61; *Шевченко С.В.* Правительственная политика в отношении детей сибирских казаков во второй половине XVIII—начале XIX вв. //Казачество на государевой службе. Екатеринбург, 1993. С. 39-41.
25. *Катанаев Г.Е.* Западно-сибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. Вып.1. С. 10-12.
26. РГАДА. Ф. 415. Оп. 2. Д. 217; Ф. 214. Кн. 1621. Л. 283-357 об.; ТФ ГАТюО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 42. Л. 55-73 об.; Ф. 156. 1804 г. Д. 28. Л. 5 об.-6 об.; Ф. 329. Оп. 541. Д. 142. Л. 44; *Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П.* Красноярск в дореволюционном прошлом. XVII—XIX века. Красноярск, 1990. С. 62; *Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни... С. 66-67; *Катанаев Г.Е.* Западно-сибирское служилое казачество... С. 12-13; *Юрасова М.К.* Омск. Очерки истории города. Новосибирск, 1965. С. 32.
27. *Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни... С. 68-75; РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 661. Л. 6-50; *Гольденберг Л.А.* Федор Иванович Соймонов. М., 1966. С. 136, 240.
28. РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 41. Л. 303 об.-344 об.; Д. 124. Л. 124 об.; *Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни... С. 88-96, 107-109.
29. ГАОрО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 564. Л. 161; Д. 412. Л. 16-17; Д. 1352. Л. 1-2, 50; История казачества Урала... С. 174-176.
30. *Шилов Д.Н.* Воспитание и образование в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе в эпоху Николая I //Иван Иванович Неплюев и Южно-Уральский край. Материалы научной конференции. Челябинск, 1993. С. 90-92.
31. *Потанин Г.Н.* Воспоминания... С. 141-144.

32. *Максимов С.В.* По русской земле... С. 161-170.
33. История казачества Урала... С. 175.
34. *Потанин Г.Н.* Воспоминания... С. 37-50; *Громыко М.М.* Сибирские знакомые и друзья Ф.М.Достоевского. 1850—1854 гг. Новосибирск, 1985. С. 5-15; *Достоевский Ф.М.* Письма. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 223; ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 358.
35. История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 153-154.
36. ДАИ. СПб., 1851. Т. IV. С. 26; Вестник Ленинградского гос. ун-та, 1962. № 6. Серия геолог. и географ. Вып. 1. С. 149.
37. *Катанаев Г.Е.* Западно-сибирское служилое казачество... С. 15-16; ДАИ. СПб., 1867. Т. X. С. 375-385; *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. С. 156; Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 48.
38. *Гольденберг Л.А.* Семен Ульянович Ремезов. Сибирский картограф и географ. М., 1965; История Сибири. Т. 2. С. 160-161; Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882; *Дергачева-Скоп Е.И.* С.У.Ремезов — сибирский просветитель XVII века //Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 95-106; *Алексеев В.Н.* Читательские интересы тобольского "сына боярского" второй половины XVII в. (К постановке проблемы) //Русская книга в дореволюционной Сибири. Распространение и бытование. Новосибирск, 1986. С. 69-80.
39. *Дергачева-Скоп Е.И.* Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 93-151.
40. РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 3. Л. 125а-125а об., 169.
41. *Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П.* Красноярск... С. 62.
42. *Пушкин А.С.* История Пугачева... С. 106; *Левшин А.* Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823.
43. *Железнов И.И.* Поединщики //Утро. М., 1859. С. 398-399; *Савичев Н.Ф.* Жизнь Иоасафа Игнатьевича Железнова //Уральские войсковые ведомости. 1870. № 22.
44. *Железнов И.И.* Уральцы... Т. 1-3; *Щербанов Н.М.* Фольклорные и этнографические интересы И.И.Железнова //Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1978. Вып. VIII. С. 15-38.
45. История Сибири. Т. 2. С. 343-353, 488-490; *Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П.* Красноярск... С. 91-92; *Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А.* Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск, 1993; Записки путешествия академика Фалька //Полн. собр. ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. VI; *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч. I-III.

46. *Катанаев Г.Е.* Западно-сибирское служилое казачество... С. 16.
47. Там же. С. 17; *Бларамберг И.* Воспоминания. М., 1978.
48. *Катанаев Г.Е.* Западно-сибирское служилое казачество... С. 14.
49. Столетие Военного министерства. 1802—1902. Воинская повинность казачьих войск. СПб., 1907. С. 7-14.
50. *Железнов И.И.* Уральцы. Очерки быта уральских казаков. СПб., 1910. Т. 3. С. 22-23.
51. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 232-233; *Витевский В.* Яицкое войско до появления Пугачева //Русский архив. 1879. Кн. 1. С. 414-415; Исторические песни XVIII века. Л., 1971. С. 73, 86-87, 89, 104-105, 120, 150, 155, 228, 244, 257; Исторические песни XIX в. Л., 1973. С. 31, 38-41, 86-88, 123, 128; Древние российские стихотворения собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958. С. 217; *Мякутин А.И.* Песни оренбургских казаков. Оренбург, 1904. Т. 1: Песни исторические. С. 11, 65, 105, 121, 148, 165, 203, 240-242, 254, 257; *Он же.* Песни оренбургских казаков. СПб., 1910. Т. 4.: Песни обрядовые. Духовные стихи. Апокрифы. Заговоры. Очерк обрядов. С. 305; *Железнов И.И.* Уральцы ... С. 30, 272; Фольклор казаков Сибири. Улан-Удэ, 1969. С. 23, 25, 26, 27, 28; *Элиасов Л.Е.* Фольклор Восточной Сибири. Улан-Удэ, 1973. Ч. 3. С. 110.
52. *Живов В.М., Успенский Б.А.* Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России //Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 47-153.
53. *Чистов К.В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967. С. 186-196; *Пушкин А.С.* История Пугачева. Замечания о бунте //Собр. соч. В 6 т. М., 1969. Т. 6. С. 130; Пушкин в воспоминаниях современников. Л., 1950. С. 459; *Железнов И.И.* Уральцы ... С. 133-222; *Рябинин А.* Материалы для географии и статистики России. Ч. 1. Уральское казачье войско. СПб., 1866. С. 383-384; *Бларамберг И.* Воспоминания. М., 1978. С. 269; *Короленко В.Г.* У казаков. Из летней поездки на Урал //Собр. соч. В 6 т. Т. 5. М., 1971; *Он же.* Пугачевская легенда на Урале //Там же. С. 494-495.
54. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество С. 233; *Покровский Н.Н.* Начальные челобитные Томского восстания 1648—1649 гг. //Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 70; *Зольникова Н.Д.* Челобитная красноярских служилых людей 1702 г. //Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 261; *Железнов И.И.* Уральцы... Т. 1. С. 363-364.
55. *Зольникова Н.Д.* Челобитная красноярских ... С. 258; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество ... С. 232; *Железнов И.И.* Уральцы...

С. 364; *Витевский В.* Яицкое войско ... С. 403, 414-416, 432; Т. 3. С. 446; *Анучин Д.* Происшествие на Яике в 1772 году //Современник. 1862; Т. XCII. № 3-4. С. 601; Волнения на Яике перед Пугачевским бунтом //Памятники новой русской истории. СПб., 1872. Т. II. С. 288.

56. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество С. 232-233; *Анучин Д.* Происшествие на Яике ... С. 604.

57. *Бродников А.А.* Документальные источники о взглядах служилых людей восточной Сибири XVII в. на свои права и обязанности //Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 134-147.

58. *Миненко Н.А.* Культура русских крестьян Зауралья. XVIII—первая половина XIX в. М., 1991. С. 19-23; *Преображенский А.А.* У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России //Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 377; Древние российские стихотворения ... С. 217-220, 623-624; *Стариков Ф.М.* Откуда взялись казаки. Оренбург, 1881. С. 151, 156-159; Исторические песни XIX века ... С. 197-201; *Железнов И.И.* Уральцы ... Т. 3. С. 70-75, 82-123.

59. *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* К семиотической типологии русской культуры XVIII в. //Материалы научной конференции (1973). Художественная культура XVIII в. М., 1974. С. 271.

60. *Покровский Н.Н.* Обзор сведений судебно-следственных источников о политических взглядах сибирских крестьян конца XVII—середины XIX вв. //Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 74-77; *Рахматуллин М.А.* Крестьянское движение в великорусских губерниях в 1826—1857 гг. М., 1990. С. 122-166; *Побережников И.В.* Слухи как фактор крестьянского движения в Западной Сибири XVIII—первой половины XIX вв. //Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVII—первой половине XIX века. Новосибирск, 1990. С. 51-56.

61. *Покровский Н.Н.* Томск. 1648—1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. С. 230-275; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество ... С. 232, 257.

62. *Витевский В.* Яицкое войско Т. 1. С. 410, 414-417; Т. 3. С. 392, 399-400, 447; *Железнов И.И.* Уральцы ... С. 30; *Рознер И.Г.* Яик перед бурей. М., 1966. С. 122; *Мавродин В.В.* Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961. Т. 1. С. 514; *Побережников И.В.* Подложные указы и протест казаков-староверов Южного Урала в середине XIX в. //Казаки Урала и Сибири в XVII— XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 109-116.

63. *Витевский В.* Яицкое войско ... Т. 1. С. 417; *Анучин Д.* Происшествие на

Яике С. 596, 604; Волнения на Яике С. 288; Дело о самозванце Ф.И.Каменщикове-Слудникове. Екатеринбург, 1992; ГАОрО. Ф. 6. Оп. 11. Д. 748. Л. 1-1 об.

64. *Чистов К.В.* Русские народные ... С. 24-236; Дело о самозванце ... С. 12; *Андрущенко А.И.* Крестьянская война 1773—1775 гг. На Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С. 209-214; ГАОрО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 158. Л. 3-3 об.

65. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1553.

66. Покровский Н.Н. Обзор сведений С. 51, 56-59; *Он же.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 34-66; *Он же.* Биография оренбургского казака. Статья 1 //Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 103-130; *Он же.* Биография оренбургского казака. Статья 2 //Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 135-163.

67. Строгановская летопись. Гл.XI, XV. //Отечественные записки. 1848 г. Т. 60-61. С. 173; *Велижанина Н.Г.* У истоков сибирской иконописи //Культурно-бытовые процессы у русских Сибири. XVII — начало XX в. Новосибирск, 1985. С. 153-166; Есиповская летопись. Гл.XIII //Отечественные записки. 1848 г. Т. 60-61. С. 175, 196, 250; Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 201-2-2.

68. *Карпов А.Б.* Уральцы. Исторический очерк. Уральск, 1911. Т. 1. Яицкое войско (1550—1724). С. 125-131, 341, 347.

69. *Шорохов Л.П.* Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII—XVIII веках (развитие феодальных отношений и их особенности). Красноярск, 1983. С. 25-26; *Плотников Г.С.* Описание мужского Далматовского Успенского общежительного третьеклассного монастыря и бывшаго приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург, 1906. С. 93; Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сборник архивных материалов. Л., 1935. С. 16; РГИА. Ф. 796, Оп. 5. Д. 103; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. 4. С. 103-105.

70. Строгановская летопись. Гл.XVII, XXVI, XXXIII //Отечественные записки... С. 191, 211-213, 223-225.

71. *Огрызко И.И.* Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941. С. 26, 30, 33-41, 51-52; *Он же.* Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII—начало XX в.). Л., 1973. С. 180; Колониальная политика... С. 8-16; РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 88. Л. 1-2 об.; *Карпов А.Б.* Уральцы... С. 348, 491-492; *Чернавский Н.* Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Вып. 1 //Труды Орен-

бургской ученой архивной комиссии. Вып.7. Оренбург, 1900. С. 156-174, 204-205, 225.

72. Азиатская Россия... С. 203, 205; *Покровский И.М.* Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы. Т. 2. Казань, 1913. С. 207-215, 218-312, 445-446; Ремезовская летопись. Гл.XXXV//Отечественные записки... С. 234; РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 63. Л. 1-11; *Чернавский Н.* Оренбургская епархия... С. 155,225; Колониальная политика... С. 149; РГИА. Ф. 796. Оп. 17. Д. 84. Л. 6-6 об.; Оп. 82. Д. 616. Л. 1-8; Описание документов и дел... Т. 3. С. 632-634; Т. 14. С. 222-226.

73. *Карпов А.Б.* Уральцы. Ч. 1... С. 350-351, 357, 491-492.

74. Там же. С. 348-357, 493, 520, 528-529; *Рознер И.Г.* Яик перед бурей... С. 105-106.

75. *Шашков А.Т.* Яков Борисов сын Лепихин (из истории уральского старообрядчества конца XVII в.) //Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С. 46-52; *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест ... С. 34-66, 98, 120, 170-194, 232, 249-250; Описание документов и дел... С. 60-65; РГИА. Ф. 796. Оп. 32. Д. 24.

76. *Рознер И.Г.* Яик перед бурей... С. 106-107.

77. *Побережников И.В.* Подложные указы С. 109-116; *Чернавский Н.* Оренбургская епархия... С. 171; *Покровский Н.Н.* Биография оренбургского казака. Статья 1... С. 103-130; Статья 2... С. 135-163.

78. *Левшин А.И.* Историческое и статистическое обозрение Уральских казаков. СПб., 1823. С. 75-76; *Абаза К.К.* Казаки. Донцы, Уральцы, Кубанцы, Терцы. СПб., 1890. С. 192; *Даль В.И.* Бикей и Мауляна. Челябинск, 1985. С. 48, 62-65; *Железнов И.И.* Уральцы. Т. 1. С. 15-16, 73, 79, 96, 90-93; Т. 2. С. 8-23, 35-37; Т. 3. С. 280-390.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР	Архив внешней политики России.
АИ	Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией. СПб., 1841—1842. Т. 1-5.
ВЭО	Вольное Экономическое общество.
ГААК	Государственный архив Алтайского края.
ГАИО	Государственный архив Иркутской области.
ГАОО	Государственный архив Омской области.
ГАОрО	Государственный архив Оренбургской области.
ГАТО	Государственный архив Тюменской области.
ГАЧО	Государственный архив Читинской области.
ДАИ	Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической Комиссией. Спб., 1846—1875. Т. 1-12.
ЛГУ	Ленинградский государственный университет.
ЛОААН	Ленинградское отделение Архива Академии наук.
ЛОИИ	Ленинградское отделение Института истории РАН.
ПСЗ	Полное Собрание Законов Российской Империи (1-е собрание — с 1649 до 1825 г.; 2-е — с 1825 до 1881 г.; 3-е — с 1881 г. до конца Империи).
РГАДА	Российский государственный архив древних актов.
РГВИА	Российский государственный военно-исторический архив.
РГИА	Российский государственный исторический архив.
РГО	Русское Географическое общество.
РИБ	Русская историческая библиотека.
РИО	Русское историческое общество.
ТГУ	Томский государственный университет.
ТФ ГАТО	Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области.
ЦГА Бурятии	Центральный Государственный архив Бурятии.
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Введение 11

Глава 1. Образование и военно-административные функции казачества 22

1. Вольные казачьи общины на Яике. Служилые люди на Урале и в Сибири (конец XVI — начало XVIII в.) 22

2. Военная организация казачества в XVII — начале XVIII в. 39

3. Формирование казачьих войск в XVIII — первой половине XIX в. 46

4. Военные и административные функции казачества 56

5. Обмундирование и вооружение казачьих войск 80

Глава 2. Казачество и государство 86

1. Сословно-правовой статус казачества 86

2. Казачье самоуправление и система управления войсками 94

3. Государственное обеспечение 107

4. Налоги и повинности 117

5. Участие казаков в социально-политических конфликтах 122

Глава 3. Социально-экономическое положение казачества 141

1. Состав и численность 141

2. Первоначальное освоение новых земель вольными казаками и служилыми людьми 152

3. Роль казачества в хозяйственном освоении востока России (XVIII — первая половина XIX в.) 161

4. Землепользование и землевладение казачества 178

5. Войсковые финансы и имущество 192
Глава 4. Культура и обычаи казаков 203
1. Материальный быт 203
2. Семья. Праздники и развлечения 217
3. Грамотность. Участие в научном изучении Урала и Сибири 235
4. Общественно-политические взгляды казачества 248
5. Казачество и церковь 261
Заключение 274
Примечания 278
Список сокращений 313

TABLE OF CONTENTS

Foreword 5

Introduction 11

Chapter 1. Formation of the Cossacks, their military and administrative functions 22

1. Free Cossack communities on the Yaik. Service men in the Urals and in Siberia (the late 16th — early 18th centuries) 22

2. Military organization of the Cossacks in the 17th — early 18th centuries 39

3. Formation of the Cossack army in the 18th — first half of the 19th century 46

4. Military and administrative functions of the Cossacks 56

5. Cossack army outfit and arms 80

Chapter 2. The Cossacks and the State 86

1. The social and legal status of the Cossacks 86

2. Cossack self-government and the system of army control 94

3. State maintenance 107

4. Taxes and duties 117

5. The Cossacks participation in social and political conflicts 122

Chapter 3. Social-economic position of the Cossacks 141

1. Structure and number 141

2. The initial colonization of new territories by free Cossacksand service men 152

3. The role of the Cossacks in the economical development of the Russia's East (the 18th — first half of the 19th century) 161

4. The Cossacks land tenure and land ownership 178

5. Army's finances and property 192
Chapter 4. Cossack culture and customs 203
1. Mode of everyday life 203
2. Family. Holidays and entertainments 217
3. Literacy. Participation in scientific study of the Urals and Siberia 235
4. Social and political views of the Cossacks 248
5. The Cossacks and the church 261
Conclusion 274
Notes 278
Abbreviations 313

Научное издание

История казачества Азиатской России

Т.1. XVI — первая половина XIX века

History of the Cossacks of the Asian Russia

Vol.1. 16th — the first half of 19th century

Рекомендовано к изданию
Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН
и НИСО УрО РАН

ЛР № 020764 от 29.03.1993 г.

Редактор *В. С. Аллаярова*

Художник *А. Б. Берестецкий*

Технический редактор *Н. Р. Рабинович*

Компьютерный набор и верстка *М. Л. Пелевина, В. Г. Железкин*

Корректор *М. Ю. Нечаева*

НИСО УрО РАН № 76(95). Подписано в печать 04.07.95.
Формат 70×90$^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 25. Тираж 1000 экз. Заказ № 150.

НИСО УрО РАН, 620219, Екатеринбург, ул. Первомайская, 91.

Отпечатано с оригинал-макетов на ИПП «Уральский рабочий».
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.